

МІНІСТЕРСТВО ОХОРОНИ ЗДОРОВ'Я УКРАЇНИ
ХАРКІВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ МЕДИЧНИЙ УНІВЕРСИТЕТ

ІСТОРІЯ В ІСТОРІЯХ

**ХАРКІВСЬКА ВИЩА МЕДИЧНА ШКОЛА
У СПОГАДАХ, ДОКУМЕНТАХ
І ФОТОГРАФІЯХ**

За загальною редакцією В.М. Лісового та Ж.М. Перцевої

Харків
ХНМУ
2015

УДК 61:378(091)(477.54)

ББК 51.1(4УКР)

I-90

Редакційна колегія: В.М. Лісовий (гол. ред.)
В.А. Капустник (заст. гол. ред.)
І.В. Лєтїк (відп. секр.)
В.В. М'ясоєдов
Ж.М. Перцева (голова автор. колективу)
І.В. Киричок
О.В. Семененко

Дизайн: В.С. Ск!п

Затверджено вченою радою ХНМУ
(Протокол №5 від 20 травня 2015 р.)

I-90 **Історія** в історіях : харків. вища мед. шк. у спогадах, документах і фотографіях / редкол. : В.М. Лісовий (гол. ред.), В.А. Капустник (заст. гол. ред.), І.В. Лєтїк (відп. секр.) [та ін.]; за заг. ред. В.М. Лісового та Ж.М. Перцевої. – Харків : ХНМУ, 2015. – 552 с. : фото.

Ця книга містить спогади професорів, викладачів і вихованців про харківську вищу медичну школу різних років її існування як факультету Харківського університету, Харківських державних медичних академії, інституту та університету, а також документи, що свідчать про їх діяльність, і фотографії, які ілюструють написане. Події, що знайшли своє відображення у розповідях, висвітлюють весь 210-річний шлях розвитку вищої медичної школи Харкова.

Розрахована на викладачів і студентів ВНЗ, істориків медицини, краєзнавців, а також усіх, хто цікавиться історією вищої освіти.

УДК 61:378(091)(477.54)

ББК 51.1(4УКР)

ДО ЧИТАЧА

Пам'ять про минуле — це не просто властивість людської свідомості, не тільки здібність зберігати сліди минулого. Вона відіграє велику роль у житті людства, у його поступовому русі вперед. Про пам'ять, спомини є багато чудових висловів видатних людей всесвіту. О. Герцен, наприклад, стверджував, що «минуле не минуло, воно увійшло до сучасності». Г. Климов закликав: «У майбутньому — пам'ятай про минуле!». Конфуцій ніби підсумовує все висловом «Вивчай минуле, якщо хочеш передбачити майбутнє». Висновком з усього наведеного можна вважати слова Ф.Бекона «Пам'ять — це історія».

Саме історії присвячена книга, яку ми пропонуємо читачеві, історії Харківської вищої медичної школи — Харківського національного медичного університету. 210 років тому в січні 1805 р. почав свою просвітницьку діяльність Імператорський Харківський університет. Серед його чотирьох факультетів особливе й незмінно важке місце займав медичний. На великому історичному шляху, що тоді відкрився перед ним, факультет пережив багато важливих перетворень, які привели його до сучасного статусу — Харківський національний медичний університет. На початку ХХ ст., у 1920 році, медичний факультет ліквідованого Харківського університету було реформовано разом з Жіночим медичним інститутом Харківського медичного товариства у Харківську державну медичну академію, яка в 1921 р. рішенням нового уряду була перейменована на інститут. У 1994 р. він був реорганізований в університет, якому восени 2007 року було надано статус національного.

У всі періоди свого існування — від факультету до університету — харківські медики гідно представляли медицину як науку, успішно лікували харків'ян, дбали про покращання санітарних і соціальних умов життя населення міста. Викладачі й студенти працювали з повною віддачею сил, з високим почуттям відповідальності за справу, яку робили, з метою залишити після себе людей щасливішими, ніж були самі.

Історії Харківської вищої медичної школи присвячено декілька книг. Вони створювалися в основному відповідно до традицій звітів і, висвітлюючи історію вузу в загальних рисах, залишалися досить офіційними й сухими. У новій книзі ми зібрали живу пам'ять людей, що в різні роки працювали й навчалися в медичному університеті, з їх неповторними рисами, особливостями, перевагами й вадами. Ми з вами не були співучасниками тих подій. Тому не варто оцінювати їх мірками сьогоденного часу. На щастя чи на жаль, нам неможливо до кінця зрозуміти особливості конкретних ситуацій і морально-психологічних умов тих часів. Але завдяки розповідям сучасників ми можемо прийняти їх почуття та емоції і не тільки відчувати подих часу, в якому вони жили, але й побачити себе учасниками подій, про які йдеться. Спомини доповнюються рядками документів — наказів, заповітів, газетних і журнальних публікацій, а також фотографіями. Разом вони створюють панораму більш ніж 200-річного сучасного життя університету в реаліях свого часу.

Сподіваємося, що книга буде цікава широкому колу читачів. Адже вона потрібна не тільки тим, кого вже немає з нами. Ця книга потрібна нам, хто живе зараз і творить свою історію, зв'язуючи її з минулим. Ця книга потрібна і наступникам, як інформаційний місток до майбутнього.

ВІД УКЛАДАЧІВ

Маючи перед собою за мету представити читачеві історію Харківської вищої медичної школи «вустами спогадів та пам'яті», укладачі використовували матеріали, які були опубліковані свого часу в окремих виданнях, науковій періодиці, часописах, газетах, що зараз вже стали рідкістю, яка мало доступна сучасникам, але становить значний інтерес для історії вищої школи. Це, зокрема, журнали «Профилактическая медицина», «Врачебное дело», «Український медичний архів», «Фронт науки и техники», «Медичний журнал», «Новая хірургія», газети «Соціалістична Харківщина», «Красное знамя», «За радянського лікаря» та інші. Вони доповнені інститутськими наказами, матеріалами архіву ХНМУ, деякими іншими документами. Працюючи над збіркою, укладачі користувалися також книгою «Медицинский факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования. 1805–1905 гг.» за редакцією професорів Д.І. Багалія та І.П. Скворцова, особливо її біографічною частиною. Гідне місце знайшли в книзі рукописи викладачів і вихованців, зібрані у фондах музею історії ХНМУ, а також ті, що написані в останній час саме для цього збірника і надіслані з різних міст, у тому числі з Тернополя, Чикаго, Полтави, Києва, Донецька, Сан-Франциско, Белгорода, Харкова, Ленінграда, Тбілісі.

Значна частина зібраних спогадів присвячена життю та діяльності окремих людей, широко відомих у свій час медичній спільноті, які зробили вагомий внесок у розвиток вітчизняної медицини. Зважаючи на те, що історію ми вивчаємо не лише за подіями, але й за життям видатних особистостей, вважали за потрібне розповідь про них зробити доступною для широких читацьких кіл, адже ці люди своїм життям заслужили пам'ять нащадків.

Спогади написані українською та російською мовами, тексти більшості з них залишені в авторській редакції.

Під час підготовки збірника багато уваги приділено складанню іменного, а також авторського покажчика, до якого внесені відомості про авторів та вказані джерела засобів масової інформації, звідки взяті окремі статті. Підготовлено також список скорочень. Тексти збірника ілюстровані значною кількістю фотографій, більшість з яких взято з фондів музею історії ХНМУ.

Велику допомогу в ході підготовки збірника авторський колектив отримав від співробітників Наукової бібліотеки університету під керівництвом директора І.В. Киричок.

«Історія в історіях» — це данина любові й поваги багатьох людей до своєї alma mater, вона присвячена 210-й річниці Харківської вищої медичної школи.

Ж.М. Перцева
Директор музею історії ХНМУ,
заслужений працівник університету

СПИСОК СКОРОЧЕНЬ

АМН	Академия медицинских наук
АН УРСР	Академія наук Української Радянської Соціалістичної Республіки
АССР	Автономная Советская Социалистическая Республика
БАМ	Байкало-Амурская магистраль
БЧК	Большой Чуйский канал
ВАКК	Всесоюзная аттестационно-квалификационная комиссия
ВАСХНИЛ	Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина
ВЛКСМ	Всесоюзный Ленинский Коммунистический союз молодежи
ВОЗ	Всемирная организация здравоохранения
ВООЗ	Всесвітня організація охорони здоров'я
ВУЦВК	Всеукраїнський Центральний Виконавчий Комітет
ГДР	Германская Демократическая Республика
Главпродком	Главный продовольственный комитет
Главпрофобр	Главное управление профессионального образования
Горздрав	Городской отдел здравоохранения
ГП	Государственное предприятие
ГСО	Готов к санитарной обороне СССР (спортивная норма)
ГТО	Готов к труду и обороне СССР (спортивная норма)
ГУ	Государственный университет
ГУУЗ	Главное управление учебных заведений
ДЕК	Державна екзаменаційна комісія
ДНК	дезоксирибонуклеиновая кислота
ДРЕС	Державна районна електростанція
ДСНК	Дом советской науки и культуры
ДСО	Добровольное спортивное общество
ИПКиК НАН Украины	Институт проблем криобиологии и криомедицины Национальной академии наук Украины

ИЭМ	Институт экспериментальной медицины
КВН	Клуб веселых и находчивых
КГБ	Комитет государственной безопасности
Кираптеко-управление	Киргизское аптечное управление
КНР	Китайская Народная Республика
Комнезам	Комитет незаможных селян
КП(б)У	Коммунистическая партия большевиков Украины
КПИ	Кабульский политехнический институт
КПСС	Коммунистическая партия Советского Союза
КПРС	Комуністична партія Радянського Союзу
КСН	Клуб содружества наук
КСМ	Коммунистический союз молодежи
КУБУЧ	Комитет по улучшению быта учащихся
ЛОР	оториноларингология
ЛПМИ	Ленинградский педиатрический медицинский институт
МВД	Министерство внутренних дел
МГУ	Московский государственный университет
Медсантруд	Профсоюз медицинских работников
МЗ	Министерство здравоохранения
ММИ	Московский медицинский институт
МОЗ	Міністерство охорони здоров'я
МОН	Міністерство освіти й науки
НАМН	Национальная академия медицинских наук
НАН	Национальная академия наук
Наркомат	Народный комиссариат
Нарком	народный комиссар
Наркомздрав	Народный комиссариат здравоохранения
Наркомпищепром	Народный комиссариат пищевой промышленности
Наркомпрос	Народный комиссариат просвещения

НДІ	Науково-дослідний інститут
НДР	Німецька Демократична Республіка
НИИ	Научно-исследовательский институт
НКОС	Народний комісаріат освіти
ОНМИ	Отдел научно-медицинской информации
ОХМАТДЕТ	Охрана материнства и детства
ПВБ	пропедевтика внутренних болезней
ПВХО	противовоздушная и химическая оборона
ПНР	Польская Народная Республика
ПЭП	полевой эвакуационный пункт
РА	реакция агглютинации
Рабфак	рабочий факультет
РНК	рибонуклеиновая кислота
РОБОС	Профспілка робітників освіти
РП	реакция преципитации
РСК	реакция связывания комплемента
РСФСР	Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СМ СССР	Совет Министров СССР
СНГ	Союз Независимых Государств
СНО	Студенческое научное общество
СНТ	Студентське наукове товариство
Совнарком	Совет Народных Комиссаров
СРСР	Союз Радянських Соціалістичних Республік
ССО	студенческий строительный отряд
СЭС	санитарно-эпидемиологическая станция
УВД	Управление внутренних дел
УИУВ	Украинский институт усовершенствования врачей
УКРПУР	Политуправление войск Украины в Крыму (20-е годы XX в.)
УЛК	учебно-лабораторный корпус

УРСР	Українська Радянська Соціалістична Республіка
УФТИ	Украинский физико-технический институт
ФОП	факультет общественных профессий
ФПК	факультет повышения квалификации
ФС-1	фотостимулятор
ХАИ	Харьковский авиационный институт
ХВИ	Харьковский ветеринарный институт
ХГНМБ	Харьковская государственная научно-медицинская библиотека
ХГУ	Харьковский государственный университет
ХДМІ	Харківський державний медичний інститут
ХИМЭСХ	Харьковский институт механизации и электрификации сельского хозяйства
ХИНО	Харьковский институт народного образования
ХИРЭ	Харьковский институт радиоэлектроники
ХЕТІ	Харківський електротехнічний інститут
ХМИ	Харьковский медицинский институт
ХМО	Харьковское медицинское общество
ХНЖД	Харьково-Николаевская железная дорога
ХНМО	Харьковское научное медицинское общество
ХНМУ	Харьковский национальный медицинский университет
ХОКЛ	Харьковская областная клиническая больница
ХТЗ	Харьковский тракторный завод
ЦВШ	Центральная высшая школа (милиции)
ЦК ВЛКСМ	Центральный Комитет Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ЦК КП(б)У	Центральный Комітет Комуністичної партії більшовиків України
ЦК КПСС	Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза
ЦК ЛКСМУ	Центральный Комітет Ленінської Комуністичної Спілки молоді України
ЦНИЛ	Центральная научно-исследовательская лаборатория

ЦОЛИУВ	Центральный ордена Ленина институт усовершенствования врачей
ЦПД	цитопатологическое действие
ЧП	чрезвычайное происшествие
Чрезсыптиф	Чрезвычайная сыпнотифозная комиссия
ЭВМ	электронно-вычислительная машина

Г.А. БЕРДИЧЕВСКИЙ

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ПРОШЛОГО ХАРЬКОВСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ШКОЛЫ

Когда хочешь перенестись памятью более чем на полстолетия назад и представить картины тогдашнего преподавания на медицинском факультете Харьковского университета, перед глазами возникают образы, фигуры, иногда скорей силуэты, тени профессоров, преподавателей. Четкость обрисовки их связана с запасом надежных воспоминаний. Я думаю, что мой краткий очерк может служить материалом из хроники нашего медицинского образования.

Гимназию с ее педагогами печального образа мы покидали без сожаления. Лишь немногие из учителей оставили о себе теплую память. Над гимназией витала всюду проникавшая угрюмая фигура чеховского человека в футляре, которая задавала тон. Что-то нам даст университет, каковы ученые люди, призванные обучать нас медицине? Было что-то волнующее в этом ожидании встречи с профессорами. Ведь это уже были не уроки, а лекции, творчество людей науки, совершенно новой для слушателей, только вчера оставивших среднюю школу, где, между прочим, в программе не было даже намека на предметы естествознания, кроме физики. Гимназистам полагалось переводить с греческого философские трактаты Платона, но не нужно было знать, сколько легких у человека, и природу вообще полагалось познавать только с ее эстетической стороны.

Первый курс и отчасти второй были заняты зоологией, ботаникой, минералогией, физикой, химией, анатомией. Физику преподавал Пильчиков приблизительно в пределах гимназического курса. Говорили, что он хороший специалист, но читал он монотонно, и весь его уныло скучающий вид решительно напоминал нам кое-кого из гимназических педагогов.

Интересно читал неорганическую химию Осипов — живо, с подъемом проводил на лекциях некоторые опыты, часто сопровождавшиеся каким-нибудь звуковым или световым эффектом. Его практические занятия по аналитической химии были поставлены хорошо, с целесообразной требовательностью.

Очень нравился студенческой молодежи профессор ботаники Рейнгард. Программа его курса была не очень объемна. Читал Рейнгард живо и очень доходчиво, чувствовались в его лекциях и глубокое знание предмета, и любовь к своей науке. Внушительная стариковская фигура, умное, доброе лицо с большой седеющей бородой очень соответствовали тому типу профессора, какой сложился в нашем представлении.

Охотно посещались лекции минералогии профессора Брио, преподающего свою интересную науку красноречиво, с увлечением, но иног-

да отмечавшего, что студентам-медикам она почти не нужна, и в связи с этим более чем снисходительно принимавшего от них зачеты, о стиле коих можно судить по ходившему у нас анекдоту: «Студент выходит после экзамена, недовольный отметкой:

– Поставил тройку, а я на два вопроса ответил, только на один не знал, что сказать.

– Какие вопросы?

– Первый — «Ваша фамилия?». Второй — «Вы на стипендию экзаменуетесь?». Третий — «Что такое минералогия?».

Переход к медицинским дисциплинам влил в наши занятия живую струю, заставил почувствовать настоящий интерес. Анатомию мы слушали у профессора М.А. Попова, не отличавшегося красноречием, но лекции свои излагавшего старательно и ясно, с демонстрацией препаратов, рисунков. Хорошо поставлены были его практические занятия на трупах. Первые дни работы в анатомическом театре трупная атмосфера и своеобразно колоритный, трагический жанр распластанных и изрезанных человеческих тел рождали у многих упадочное, элегическое настроение, доходившее у иных до бегства на другие факультеты. У остальных первое впечатление быстро уступало место деловому увлечению. Вкус к анатомической препаровке хорошо воспитывался молодыми прозекторами и самим Поповым, рыхлую, приземистую фигуру которого можно было видеть среди работающих у столов студенческих групп. Из помощников Попова надо вспомнить доцента А. Белоусова, читавшего частный курс анатомии нервной системы, а несколько позже возглавившего самостоятельную кафедру. Способный, остроумный, грубоватый, он был прямой противоположностью вицмундирно безличному Попову. Оба они как-то были вызваны в 1894 г. в Ливадию для бальзамирования трупа умершего от алкогольного нефрита царя Александра III, где между анатомами состоялся примечательный разговор:

– Ну что, Митрофан Алексеевич, скоро будем труп потрошить?

– Что вы, бог с вами, Алексей Константинович, разве можно так выражаться об останках в бозе почившего монарха?!

Хорошо преподавал гистологию Кульчицкий — выдающийся ученый в своей области. Его руководство по гистологии и микроскопической технике на медицинских факультетах имело статус наиболее распространенного учебника. Внешне преподаватель был сух в обращении, несмотря на елейный, иногда пискливый голос. Как и в Попове, в нем сквозила какая-то отчужденность от молодежи, угадывавшей в ней казенные души. Позже, в разгул черносотенной реакции, Кульчицкий хорошо понял дух времени, вырос на патриотическом усердии и был назначен попечителем Харьковского учебного округа.

Тусклы и бесцветны были лекции по общей патологии у Костюрина, хотя он прошел хорошую школу в Петербургской военно-медицинской академии у Пашутина. Нужно было очень постараться, чтобы сделать скучной увлекательную область патофизиологических процессов.

Костюрин обладал такой способностью в полной мере. И лишь хорошие русские руководства Пашутина и затем прекрасно изданный учебник Подвысоцкого помогли студентам сколько-нибудь освоить эту важную дисциплину медицинского образования.

Совсем иначе дело обстояло с физиологической химией. Братья Данилевские, Александр и Василий, были гордостью нашего медицинского факультета и всего Харьковского университета. Василий Яковлевич, снискавший славу как один из виднейших русских физиологов и европейское имя, был тогда в расцвете сил. Изданное под его редакцией и с его дополнениями руководство по физиологии Ландуа неизменно и прочно оснащало учебу ряда поколений русских врачей. Читал лекции Василий Яковлевич очень умело и отчетливо, вводя нас в проблемы динамики жизненных процессов, хотя и несколько суховато. Коренастый брюнет невысокого роста, официально сдержанный в обращении со студентами, у себя дома с ними он был приветливым хозяином.

Лекции по физиологической химии очень живо и ярко читал Александр Яковлевич Данилевский, хорошо у него проходили и практические занятия. В памяти сохранилась небольшая, подвижная фигура, седая голова, глаза с блеском увлечения, звонкий молодой голос, повествующий внимательным слушателям о химических реакциях в организме. Студенчество было совершенно неожиданно разочаровано и обижено, когда всеми почитаемый профессор и большой ученый через несколько лет получил назначение на должность начальника Петербургской военно-медицинской академии, где проявил себя очень старательным проводником казенно-полицейского режима, сдававшим в солдаты участников студенческих беспорядков.

Большим и авторитетным знатоком патологической анатомии был Владимир Платонович Крылов, которого окружала своеобразная популярность, обычно характеризующая его как чудака. Трудно было определить суть его чудачества. Большого количества научных работ у него не было. В пору безвременья это считалось обычным явлением. Им были переведены и изданы два отличных руководства по патологической анатомии — Орта и Риндфлейша. Ежегодно он издавал за собственный счет толстый сборник обязательных выпускных работ студентов. Каждый должен был провести патологоанатомическое вскрытие с гистологическим исследованием всех органов. Вскрытия, проводившиеся Крыловым, были содержательны, отличались острым критическим анализом, восходя от трафаретного описания к творческому синтезу, к стройной концепции о конституциональных типах. Студенты говорили, что Крылов по большому пальцу кисти еще до вскрытия определяет, какая будет форма и величина сердца у трупа. Ошибки прижизненного диагноза Крылов выявлял с особым удовольствием, можно сказать, смаковал их. И подчас олимпийское величие наших терапевтов, попадавших к нему на зубок, крепко страдало.

Курс топографической анатомии и оперативной хирургии у профессора Дудукалова анатомических знаний добавил нам очень немного, мало

дал и по оперативной методике и технике. Практические занятия были поставлены слабо, хотя руководили ими прозекторы. Трупов было мало, операции на животных не проводились. Не помогали и лекции самого Дудукалова, несмотря на их сложность и несколько актерскую выразительность самого лектора, облик которого чем-то напоминал сценический тип благородного отца.

Общую хирургию читал профессор Подрез — по тогдашнему масштабу довольно активный хирург с уклоном к урологии, по которой им был издан учебник. В свое время он предложил оригинальный по своей простоте и смелости идеи метод наложения желудочно-кишечного соустья с помощью двух перекрещивающихся тугих, крепких швов вместо пуговки Мэрфи. Правда, метод этот не вошел в употребление как небезопасный и не обеспечивающий образования отверстия между желудком и кишкой.

Терапевтическая и хирургическая факультетские клиники помещались в старом здании университета — на Университетской горке. Скучно меблированные комнаты весьма скромного вида, без масляных панелей, своей внешностью напоминали скорее квартиры средней руки, кое-как приспособленные под больничное учреждение. Такой же серый и неказистый вид имела акушерско-гинекологическая клиника Толочинова и глазная — Гиршмана, помещавшиеся в бывших частных домах в разных частях города. Не об этом ли неприглядном виде клиник да и вообще тогдашних университетских зданий говорит старый профессор у Чехова («Скучная история»), проведший первый год своего студенчества в Харькове?

Клинику внутренних болезней вел профессор Оболенский. Массивная, импозантная фигура, медлительная речь с интонациями важности изречаемого не могли не привлекать внимания. Он был неплохой клиницист, лекции его с разбором больных были содержательны, хотя не блистали оригинальностью и тонкостью диагностического анализа. Особенно охотно мы участвовали в вечерних обходах палат вместе с ординаторами, старательно и неплохо знакомившими нас с больными. На клинику тогда полагалось не много ординаторов: два штатных и один ассистент, число коек более 50, студентов на нашем курсе — 150. Нередко хорошо помогали и сверхштатные бесплатные ординаторы. Моя благодарная память хранит многих из этих клинически авторитетных врачей, усердно обучавших нас у постели больного (у Оболенского — Яловой, Ножников, Финкельштейн).

На V курсе госпитальную клинику внутренних болезней в Александровской (теперь 1-й Советской больницы) нам читал только что назначенный профессор Опенховский, имевший уже тогда видное литературное имя. Живой, темпераментный лектор, он давал слушателям хороший анализ клинических симптомов. Его разбор больных воспитывал самостоятельную мысль будущего врача.

Хирургию на IV курсе мы проходили у знаменитого не только на юге России профессора Грубе. Красивое лицо старого ученого в серебристой

шевелюре, твердая, уверенная и вместе с тем благородная осанка, речь с небольшим акцентом, пересыпанная остроумными шутками, — все это не позволяло верить, что ему уже 70 лет. Оперировал он нечасто, но работал очень изящно и быстро, подчас шутливо подгоняя своих ассистентов на гемостазе. А ассистенты у него были хорошие (Фабрикант, Кравченко, Гаврилко, Гарнье, Ястребов). При мне он заболел, заразившись от больного какой-то септической формой, осложнившейся пневмонией. Наш курс организовал около него дежурства, и после выздоровления Грубе отблагодарил нас замечательной лекцией о значении ухода за больным.

Госпитальную хирургию вел в Александровской больнице профессор Зарубин. Во время болезни Грубе он оперировал и в факультетской клинике. Помню, он предоставил нашему курсовому старосте студенту Шатилову (в будущем крупнейшему клиницисту-терапевту) вскрыть околопочечный абсцесс у больного, привезенного из Бердянска с невыясненным диагнозом, который, к моей большой гордости, был установлен мной и подтвержден Фабрикантом. Зарубина очень уважали за его личные достоинства, доступность и доброту.

Гинекологию и акушерство мы проходили у профессора Толочинова, считавшегося большим авторитетом в своей области. Активный хирург, несколько суровый по внешности, он был очень требователен к студентам и к ординаторам. Его практические занятия давали неплохую подготовку тем, кто аккуратно посещал клинику.

Художественно читал лекции по нервным болезням и психиатрии профессор П.И. Ковалевский. Типы психопатологических уклонений он рисовал пластически выразительно, умело и убедительно останавливаясь на роли внушения и психотерапии. Помню приведенный им пример. Больному назначены капли — Ациа и Нае (липовая вода), по 10 капель на прием: «Ни капли больше!». Больной быстро поправился.

Подвигом жизни стала работа профессора Л.Л. Гиришмана, с именем которого связано рождение в Харьковском университете кафедры глазных болезней, выделение ее из хирургии. Есть люди и имена, остающиеся в памяти не одного поколения. В чем был подвиг этого человека, замечательного глазного врача? Гиришман хорошо читал лекции, но не это было главным в его работе. Ведь студенты, по правде сказать, не очень дружно посещали эти лекции, в которых не было да и не могло быть много увлекательного. Я помню Гиришмана в операционном зале. Это была обыкновенная просторная комната, в которой на трех стульях против окон сидели трое больных. Гиришман не то в коротеньком сюртучке, не то в пиджаке, слегка помывши руки, поочередно подходит к каждому из троих — и в предельно короткий промежуток времени у всех удалены катаракты.

И все же дело даже не в этой мастерской работе, не в ней секрет его исключительного обаяния. В глазах у этого хилого на вид человека точно светилось неподдельно сочувствие к чужому страданию. Перефразирую известный стих Пушкина — это был «гений чистой доброты». Свыше миллиона посетителей прошло через руки Гиришмана, и не сосчитать

объема теплого участия и заботы, унесенных больными из его клиники и из его кабинета. И не просто словами был адрес от студентов в день его 35-летнего юбилея, составленный Александром Кондратьевичем Ганом, впоследствии видным харьковским невропатологом, рано умершим от сыпного тифа. Текст этого адреса не раз приводился в печати, это было обращение молодежи к подлинному учителю жизни, наставнику, давшему студентам понятие рабочего врачебного долга. Народная демонстрация вечером в день юбилея была необычайно красноречивым для того времени подтверждением популярности Гиршмана.

В ту пору не было условий для формирования хороших профессорских кадров. Не всякому талантливому ученому и преподавателю была доступна кафедра в высшей школе, чаще всего отбор профессуры происходил по соображениям, очень далеким от интересов науки и учебного дела. И все же священные годы учебы, годы начального созревания врачебного мышления и призвания теплой и прочной памятью связывали бывшего студента с его alma mater, с ее преподавательским коллективом.

Н.З. УМИКОВ

МОЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ И ВРАЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В ХАРЬКОВЕ

В 1886—1893 г.

В студенческие годы я проживал в одной комнате с моими двумя товарищами — Гониевым и Заргарьянцем, студентами медицинского факультета. Благодаря им я также перешел с математического факультета на медицинский. Мне очень нравились занятия по анатомии.

На I курсе нам читали лекции по физике профессор Шишков, по минералогии — профессор Брио, по ботанике и неорганической химии — знаменитый профессор Бекетов, который через год был переведен в Санкт-Петербург, по анатомии — профессор Попов, по гистологии — профессор Кульчицкий. Когда профессор Бекетов впервые выступил на лекции, этот маленький старик в первый момент произвел на нас нелестное для него впечатление, но когда же начал читать лекцию, то как бы вырос на наших глазах. Конец лекции сопровождался аплодисментами. И с тех самых пор все его лекции мы посещали очень аккуратно.

Анатомию мы слушали в старом здании университета в центре города. Новый же анатомический театр был выстроен только в 1888 году в конце Сумской, за Ветеринарной улицей (привожу старые названия улиц, так как не знаю, как они теперь называются). Некоторые студенты после первой же лекции по анатомии, после увиденных трупов сбежали с медицинского факультета на другие. Для практических занятий по анатомии четверем студентам давали для препарирования и изучения какую-либо часть тела — ногу, руку, голову или какой-либо внутренний орган. Таким образом мы изучали все тело. Анатомию мы проходили по старому учебнику Гиртля и по атласу Гейцмана. Практические занятия по анатомии вел с нами Белоусов — ассистент профессора Попова, который впоследствии был назначен профессором по анатомии вместо ушедшего Вагнера. Часть студентов слушала лекции Попова, часть — Вагнера. Профессор Вагнер был чрезвычайно воспитанным и добрым человеком. Все без исключения студенты были о нем самого лучшего мнения, очень его любили и уважали. Он был носителем самых старых традиций. Несмотря на то, что он читал лекции по анатомии чуть ли не в течение тридцати лет, а может быть, и больше, он плохо владел русским языком, оставаясь тем не менее при чтении лекции чрезвычайно остроумным.

Лекции по минералогии, ботанике, органической и неорганической химии мы слушали вместе с естественниками. Вообще студенты охотно и аккуратно посещали все лекции. Профессор Шишков, например, читал нам лекции после обеда с трех часов дня. Мы забирались на последние скамейки в аудитории, порой ложились на них, с шумом вскакивали, когда производились опыты. Шишков же часто читал лекции все время стоя, опираясь на стол, не обращая внимание на студентов, которых было очень много.

Большим торжеством в университетской жизни являлся годичный университетский акт, происходящий ежегодно 17 января в день основания университета. Аналогичный акт также ежегодно происходил в Московском университете, только 12 января каждого года, в Татьянин день. В этот день в актовом зале Харьковского университета, который находился в старом здании в центре города, собирались вся профессура вуза, высшие чины губернии и города, митрополит с духовенством, студенты. Торжественную часть открывал ректор университета и произносил длинную речь. Затем зачитывался годичный акт, в конце которого студентов, отличившихся научными работами, под звуки студенческого оркестра и хора награждали золотыми и серебряными медалями. Ректор поодиночке вызывал награжденного студента, а митрополит выдавал медаль.

Между прочим, 17 января 1891 года я тоже был награжден золотой медалью за работу «Физиология белкового запаса в животном организме». Работа эта напечатана в сборнике трудов по физиологической химии и называется так: «Физиология белкового запаса в животном организме» студента Н.З. Умикова. Работа удостоена золотой медали». Означенную работу я произвел под руководством моего любимого профессора Алек-

сандра Яковлевича Данилевского. На медали были слова «Преуспевающему». За время учебы я получил две золотые медали: одну по окончании восьмого класса 1-й классической гимназии, а другую — на V курсе медицинского факультета. Судьба этой медали была следующая. Как бедный студент, я часто закладывал ее в банке, затем через некоторое время выкупал ее. Такая операция проводилась неоднократно, и в банке уже знали, что я являлся закладывать или выкупать медаль. В дальнейшем я ее продал за 150 рублей, из коих я купил себе на память за 60 рублей золотую печку для часов.

Харьковский университет был старейшим, основанным одновременно с Московским, Петербургским, Киевским, Казанским и Юрьевским (Дерптским) университетами. Других тогда больше не было. Из Казанского принимались студенты только Харьковским, Киевским и в дальнейшем — Одесским университетом. В Харьковском университете были медицинский, естественный, юридический, математический и филологический факультеты.

В то время наш университет славился своими выдающимися профессорами. Это братья Александр Яковлевич Данилевский (физиологическая химия) и Василий Яковлевич Данилевский (физиология). Александр Яковлевич Данилевский в 1893 году был переведен в Ленинград в Военно-медицинскую академию профессором физиологической химии. Немало и других славных имен оставила история университета. Это профессора Гиришман, известный по всей России как выдающийся специалист по глазным болезням, Грубе (хирургия), Лашкевич и Оболенский (терапевты), Бекетов, переведенный вскоре в Петербург (неорганическая химия), Крылов (выдающийся патологоанатом), Анреп (судебный медик, также переведенный в Петербург). Вся эта масса профессоров составляла славу медицинского факультета.

Занятия всех факультетов происходили в старом здании университета в центре города, где читались все лекции. Только в 1887 году был выстроен новый большой корпус для многих предметов медицинского факультета — физиологии, физиологической химии, фармации, фармакологии, гигиены, судебной медицины и др. Что же касается клиник, то они были разбросаны по всему городу. Кроме университета, действовал ветеринарный институт, находящийся на Сумской улице. В 1887 году был открыт еще технологический институт. Других каких-либо учебных заведений не было, кроме акушерских курсов, которые находились при гинекологической клинике. В 1887 году впервые была основана Харьковская городская публичная библиотека, которая помещалась в двух комнатах. Туда я заходил брать на дом книги по беллетристике.

Когда в 1894 году я навсегда оставил Харьков и переехал в Петербург на службу в Военно-медицинскую академию к профессору А.Я. Данилевскому, я в буквальном смысле этого слова плакал, расставаясь со своими любимыми знакомыми и друзьями. Но желание продолжать свои научные исследования у А.Я. Данилевского и жажда полнее узнавать новое

по физиологической химии влекли меня в Петербург. Это желание учиться и работать вознаградилось тем, что в Военно-медицинской академии я написал свою докторскую диссертацию «К биологии фосфора в животном организме», над которой трудился в течение трех лет. Работа позволила мне впервые в науке определить значение лецитина в процессах питания организма. Кроме того, благодаря моим знаниям физиологической химии я открыл химическую реакцию женского молока, носящую в настоящее время мое имя «реакция Умикова». Мой труд переведен на все европейские языки, помещен во многих учебниках по педиатрии и биологии. По этой «реакции Умикова» защищены три диссертации в Италии на итальянском языке и переведены на японский язык. Статья также помещена в Большой Медицинской Энциклопедии в отделе о молоке.

На II курсе в 1887 году мы слушали лекции уже в новом корпусе университета. Лекции читали профессора Попов (анатомия), Кульчицкий (гистология), В.Я. Данилевский (физиология), А.Я. Данилевский (физиологическая химия), Осипов (органическая химия) и др.

С начала 1888 года я, один из всех студентов, начал работать у профессора А.Я. Данилевского, продолжая свои занятия по физиологической химии без перерыва до окончания университета. Это стало причиной того, что я остался в Харькове до окончания курса, тогда как мои товарищи Заргарьянц и Гониев после II курса перешли на III курс Московского университета. Мне очень повезло, иначе я не выполнил бы всех тех научных трудов, над которыми работал у моего любимого учителя и после него. Кроме того, я не изучил бы физиологическую химию так детально. А.Я. Данилевский учил меня познавать характер всевозможных белковых веществ, их отделение друг от друга, работать с количественными весовыми данными различных видов белковых веществ и дериватов. Вначале он поручал мне кое-какие мелкие исследования, но в дальнейшем, убедившись в моем желании учиться у него, доверил работу по специальной теме «Физиология белкового запаса в животном организме», которая, как я отмечал выше, удостоена медицинским факультетом золотой медали. Кроме того, по поручению профессора и совместно с ним я исследовал фосфорные белковые вещества мозговой ткани. Результаты опубликованы А.Я. Данилевским в сборнике трудов по физиологической химии, где он упоминает о моем сотрудничестве с ним по этой теме. Я все свободное время проводил в его лаборатории, проводил количественное определение белковых веществ всех тканей и органов опытного убитого животного, используя исследования над белыми мышами, голубями, морскими свинками, кошками, черепахами и собаками. Характер исследований был таков, что с началом исследования я почти целую неделю не выходил из лаборатории, проводя определения, иначе результаты были бы неточными из-за быстрой изменчивости молекулы белкового вещества. Часто бывало и так, что профессор в свое отсутствие во время чтения лекций или по другим делам оставлял меня для выполнения плановых исследований. Так я работал у него в течение III, IV и V курсов, вплоть до окон-

чания медицинского факультета. Я никогда не забуду образ этого выдающегося ученого, этого доброго и чудесного человека, его отеческое отношение ко мне. Он сам не щадил себя, работал в лаборатории целый день и по вечерам и своим примером заражал меня, стараясь научить вести научно-исследовательскую работу. Я заверяю, что именно его урокам и примеру я обязан дальнейшими успехами.

Сильное влияние имел на меня также великий русский химик Менделеев, часто гостивший у Бекетова, когда приезжал в Харьков на заседание Химического общества, председателем которого был. Я всегда посещал эти заседания, где Менделеев делал доклады, приводившие присутствующих в восторг.

Летом 1888 г. я все лето оставался в Харькове для продолжения с разрешения А.Я. Данилевского научных работ в лаборатории. В это время в моем распоряжении находилось много подопытных животных: лягушек, белых мышей, черепах, морских свинок и собак. Их нельзя было поручить одному сторожу, требовалось постоянное наблюдение за ними.

На III, IV и V курсах мы слушали лекции профессоров Крылова (патологическая анатомия), Костюрина (общая патология), Залесского (фармакология), Ломиковского (пропедевтика), Шилтова (частная патология и терапевтика), Гиришмана (терапевтическая и госпитальная клиника), Толочинова (акушерство и гинекология), Субботина (хирургия и хирургическая госпитальная клиника), Ковалевского (нервные и душевные болезни), Скворцова (гигиена), Попова (кожные и венерические болезни), Анрепа (судебная медицина), Пономарева (детские болезни), клиники детских болезней еще не было, я окончил медицинский факультет, не увидев ни одного больного ребенка. Вот все те предметы, которые изучались на медицинском факультете. Тогда только начала развиваться бактериология, которой занимался профессор Высокович, но по этому предмету лекции не читались.

По окончании всех пяти курсов для получения врачебного диплома необходимо было сдавать экзамены по всем предметам всех трех последних курсов, включая еще анатомию, гистологию, физиологию и физиологическую химию.

Профессор-физиолог В.Я. Данилевский, как и его брат, был знатоком своего дела, хорошим оратором и лектором и пользовался большой любовью всех без исключения студентов. Своими лекциями он привлекал не только их, но и многих врачей. Он впервые разработал много основных вопросов по физиологии, часто читал темы вне курса, и в таких случаях трудно было попасть в аудиторию из-за большого количества слушателей.

Профессор Крылов был чрезвычайно работоспособным и опытным патологоанатомом с большой эрудицией. Он почти ежедневно занимался вскрытием трупов, очень подробно при этом разбирая полученные данные, впервые указал на значение конституции при вскрытии трупа, придавая вопросу происхождения данного заболевания большое

этиологическое значение. Много времени он тратил на занятия со студентами, подробно описывая гистологическую картину того или иного заболевания.

Профессор Гиршман, с которым я был хорошо знаком и принят в его семье довольно часто благодаря А.Я. Данилевскому, был удивительно гуманный и простой человек, известный по всей России как большой знаток своего дела. Его ученики, врачи по глазным болезням, также как специалисты имели большой авторитет. Между прочим, Гиршман являлся бессеребренником, к нему имели доступ все без исключения больные с патологиями глаз, независимо от занимаемого состояния и положения. Казалось, что швейцар профессора зарабатывал больше чем он сам, так как пропускал к доктору больных. В то время в Харькове ни один врач не мог иметь практику по глазным болезням, так как все без исключения больные имели доступ к Гиршману. Бывало так, что у него собирались гости, а он продолжал принимать больных.

Профессор Ковалевский, учивший нас лечению нервных и душевных болезней, был чрезвычайно красноречивым лектором и знатоком своего дела. С ним также я был хорошо знаком лично, и он желал, чтобы я был его ассистентом, но как химик я избрал ассистентство по гигиене, тем более, что гигиеническая и физиолого-химическая лаборатория находились рядом, я имел доступ к работе в этих двух лабораториях одновременно, что постоянно и делал. В Ленинграде у профессора А.Я. Данилевского все свое время я посвящал физиологической химии.

13 мая 1891 года начались выпускные экзамены, которые я сдал в начале июня 1891 года. 1 ноября 1891 года в 12 часов дня я получил университетский диплом со степенями лекаря и уездного врача, а в 7 часов вечера того же дня был оставлен в университете при кафедре гигиены в должности штатного ассистента. До получения врачебного диплома по существовавшему тогда обычаю я подписал клятву, подобную клятве времен Гиппократы, определяющую мои обязанности и поведение во время врачебной деятельности.

Сразу же я начал готовиться к докторским экзаменам, одновременно продолжая в свободное время у А.Я. Данилевского мои исследования по теме «Фосфористые белковые вещества головного мозга», причем именно я проводил все химические исследования, что отметил А.Я. Данилевский, когда работа была напечатана.

В конце мая 1892 года я вернулся в Тбилиси и примерно через 10 дней по моему добровольному желанию тогдашним губернатором князем Шарвашидзе был назначен холерным врачом в Кахетии, Сигнахском и Телавском уездах.

Вернувшись обратно в Харьков в сентябре 1892 года я приступил к исполнению своих служебных обязанностей в качестве ассистента при кафедре гигиены, занимался у А.Я. Данилевского и готовился к докторским экзаменам. Благодаря работе у него, я быстро усвоил методы гигиенического исследования, и вскоре по поруче-

нию И.П. Скворцова самостоятельно вел все практические занятия по гигиене со студентами 4-го курса. Кроме того, до марта 1893 года я сдал все свои экзамены на степень доктора медицинских наук, а диссертацию защищал в Военно-медицинской академии в 1894 году, куда меня перевел профессор А.Я. Данилевский вскоре после его переезда в Петербург на должность профессора физиологической химии в связи с уходом Бородина. Потом он был назначен начальником Военно-медицинской академии вместо профессора Пашутина, также очень известного патологоанатома.

Все экзамены на звание доктора медицинских наук я сдал очень быстро и хорошо. Вскоре в Харьковском университете я получил удостоверение об окончании всех экзаменов на звание степени доктора медицинских наук.

Я хочу еще раз упомянуть, что уезжая из Харькова, где провел восемь самых счастливых лет моей юности, где у меня была масса друзей и знакомых как среди врачей и профессоров, так и среди людей других профессий, я в буквальном смысле этого слова прощался с городом со слезами. Но жажда дальнейшей работы в Петербурге у любимого профессора А.Я. Данилевского оказалась сильнее. Память об этом чудном человеке и дивном учителе навсегда останется в моей душе.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ МЕДИЦИНСКОГО ФАКУЛЬТЕТА С СОВЕТОМ ИМПЕРАТОРСКОГО ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Совет университета — медицинскому факультету

Совет университета, утвердив избранную факультетом тему для написания в 1851/52 академическом году студентами сочинений с целью получения медалей, имеет честь уведомить о сем медицинский факультет.

Член Совета проф. (подпись), 7 июня 1851 г.

Ректор Университета — медицинскому факультету

Вновь покорно прошу медицинский факультет озаботиться приисканием преподавателя патологической анатомии и о последующем уведомить Совет.

Ректор университета (подпись), 1 августа 1851 г.

Профессор Ванцетти — декану медицинского факультета

Честь имею при сем представить программу по предметам оператив-

ной хирургии и офтальмологии на первое полугодие 1851/52 академического года.

Проф. Ванцетти, 8 августа 1851 г.

Правление университета — медицинскому факультету

В 1852 году имеют окончить курс медицинских наук 10-ть казенно-коштных студентов, для которых, на основании предписания г. министра народного просвещения от 14 июля 1839 года №7795 нужно приобрести медицинские книги, суммою для каждого до 54 руб. сереб. По чему Правление университета имеет честь покорнейше просить медицинский факультет назначить к выписке медицинские книги для сказанных студентов: при этом Правление уведомляет медицинский факультет, что из назначенных в 1850 медицинских книг, значащихся в прилагаемом списке, для студентов окончивших уже в сем году курс, не оказалось в продаже одного сочинения Cours de Pathologu interne Andral public par A Latour ценою 8 р. 25 коп. сереб. Вместо которого Правление просит назначить другое.

Секретарь Правления (подпись), 23 августа 1851 г.

Ректор университета — медицинскому факультету

Рассмотрев дополнительную программу преподавания частной патологии и терапии и одобрив оную, я имею честь уведомить о сем медицинский факультет на представление от 29 ноября за №119.

Ректор университета (подпись), 2 декабря 1851 г.

(Орфография сохранена)

А.А. МАРТЬЯНОВ

**ФРАГМЕНТЫ ДНЕВНИКА
СТУДЕНТА МЕДИЦИНСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА ХАРЬКОВСКОГО
ИМПЕРАТОРСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
(1890–1895 гг.)**

12 августа 1890 г. Вчера целый день ходил по городу с отцом, искали в разных магазинах готового платья и у портных форменный студенческий мундир, но не нашли и купили только студенческую фуражку. Ее, как святыню, я положил на самом видном месте в своей комнате. Кто ни войдет, первым делом посмотрит на фуражку, подумает: «Да здесь, вишь, какие люди живут — ученые». И у меня по лицу пробегает блаженная улыбка. А мундир заказали у портного на Университетской улице, сукно купили у Федорова (4 руб. аршин). К 16-му будет готов, тогда надену мундир и пойду шеголять по городу, сбоку шпагу прицеплю, фуражку набекрень, концы ее пригну. Что за чучело тогда из меня выйдет?! Вот бы посмотреть, как хочется...

24 августа 1890 г. (Речь идет о посещении университета по организационным вопросам).

...От казначея с квитанциями отправился к субинспектору, у которого получил билет для входа в университет и свидетельство на жительство. Наконец оставалось пройти еще одно чистилище, и тогда — прямо в рай. Чистилище это — кабинет инспектора студентов. К инспектору являться надо в перчатках, со шпагой. Он принял меня немного сурово, заметил, что форма не совсем соблюдена — нет галстука, спросил, из какой я гимназии, дал несколько советов относительно занятий в университете и указаний, как вести себя при встречах с университетским начальством, подписал мне бумаги и отпустил с миром. Теперь я полный студент Харьковского императорского университета. 31 августа будет молебен в здании университетской церкви, после него — представление попечителю Харьковского учебного округа, и потом наступит желанное время — настоящее учение.

26 августа 1890 г. Слава богу, скоро, скоро начнется новое ученье, более серьезное, чем гимназическое, более интересное, невиданное, новое и по самой сущности интересное. Хочу приложить все старания к изучению

преподаваемых наук, но дело дальше покажет само, как это все обставится, хотя сами предположения довольно утешительны...

3 сентября 1890 г. Лекций в университете еще не было, не было собственно медицинских лекций... Ходим мы, слоняемся по университетским коридорам, оббиваем новые ковры и, что хуже для нас, сапоги. Сегодня видим, что будет то же самое, будем ожидать профессоров, которых нет в Харькове, и надумали хорошую штуку — ходить на лекции других факультетов. Были сегодня в аудитории №5, слушали лекцию известного профессора истории — Бузескула...

6 сентября 1890 г. ...Занятия в университете уже начались почти у всех профессоров и на всех семинарах. Только Вагнер по анатомии да Пильчиков по химии еще не начинали своих лекций... Каждый день приходится идти в здание университета отмечать карандашом крестик в книге «Неделя медицинского факультета», а затем твоя добрая воля — идти на лекции, идти гулять по городу или возвратиться домой и опять скучать от ничегонеделья...

13 сентября 1890 г. ...Сегодня слушал лекции по анатомии профессора Вагнера. Профессору нашему уже шестой десяток хватило. Он сорок лет читает лекции по анатомии: то в Дерптском университете, то в Харьковском. В последнем, говорят, уже 20-й год числится профессором. А вот пробыть двадцать лет в России — не шутка, можно и самому выучиться нашему языку и говорить на нем превосходно не только нашему немцу, работавшему несколько лет в высшем учебном заведении. Несмотря на все это, Вагнер плохо говорит по-русски. Некоторые на его лекции просто не могут удержаться от смеха.

В первом семестре два профессора анатомии — Вагнер и Попов. А всего нас, медиков — 100 человек. 20 слушают Вагнера, 80 — Попова. У Попова слушателей в четыре раза больше, это тоже не шутка. Не знаю, кому будет лучше: нам или поповцам. У нас образовались 2 секты: вагнеровцы и поповцы. Последних пока называют беспоповщиной, потому что их профессор еще не начинал своих лекций. Положим, у нас профессор хуже читает лекции, что касается только формы выражения, зато нас меньше, нам удобнее будет на практических занятиях, и в преподавании анатомии самое важное — практические занятия. Да, наш профессор, говорят, более аккуратный при их проведении, при анатомировании трупов, чем Попов, ведь аккуратность — чисто немецкая черта. Русский ум по природе считается неуклюжим, неловким.

Еще одно замечу о сегодняшней лекции. На первой же лекции Вагнер показал нам несколько препаратов: человека, умершего 10 лет назад и с тех пор пролежавшего в спирте, и еще несколько подобных вещей. Хотя и в спирте они лежали, а все испускают небольшой немного неприятный душок. Что-то будет, когда в анатомическом театре придется

своим органом обоняния отведывать всевозможные степени подобных запахов. А придется. И сам профессор упоминал сегодня нам об этих запахах и просил нас быть бодрыми. «Да не смутит вас то, — сказал он, — что испытываете вы на первых порах. Только преодолеть сначала все эти запахи и другое, а там уж легко будет».

18 сентября 1890 г. ...Теперь читают нам лекции. И по правилу должно на дому пробежать то, что прочитано в аудитории, а я этого не делаю. Руководств по физике, ботанике и зоологии у меня нет, учить не по чему, поэтому и занят теперь этими науками меньше. По химии у меня два учебника: Кольбе и Рихтера, второй рекомендован профессором как отличное пособие для домашних занятий. Но мне кажется, что и понятней, и подробней разъяснено все, что касается химических явлений и законов, в учебнике Кольбе, да он и по объему в полтора раза больше первого. Относительно химии и говорить много не могу и не хочу: как-нибудь изучу...

Сегодня ходил по букинистам, спрашивал, нет ли учебника анатомии Гиркиля и анатомического атласа. В одной лавочке оказался атлас Генле, его цена — 3 рубля, но не подходит. Он новенький, продается нашим профессором, переводчиком его, за 4 рубля 50 коп. Но у меня существует предубеждение. Хотя и хвалят его наши профессора как лучшее руководство, но ведь этот атлас немецкого ученого переведен нашими же профессорами, и они как бы свой перевод хвалят, а в этих случаях вера в беспристрастность, а следовательно и достоинство руководства, уменьшается. При этом же мои товарищи все почему-то считают несравненно лучшим для начинающих студентов атлас Гетумана с руководством описательной анатомии Гиркиля. Я еще не сделал окончательно свой выбор. Пройдет еще неделя — и тогда уж непременно придется покупать руководство и атлас. Ведь начнутся практические занятия по анатомии.

Раньше предоставляло необыкновенно много истории чтение литературных произведений. Теперь этого делать не могу. До тех пор, пока не освоюсь достаточно в университете, не буду ничего читать.

21 сентября 1890 г. ...Пособий никаких не приобрел, хотя и хлопотал много. Деньги на несколько пособий есть. Лекции идут правильно. Сегодня должны были быть девять лекций, но было шесть, и то славно. Да еще как устроено в пятницу. В 9 часов начинается лекция Добротворского по богословию, кончается в 10 и начинается лекция по анатомии на Сумской улице. Мы должны две версты бежать и не опоздать. В 12 часов кончаются занятия на Сумской, начинаются лекции на Университетской. Должны снова бежать на Университетскую, а тут дождь припустил. Мы — на конку. И хорошо, что конка в то время ехала, а то просто караул кричи: новый мундир — на дождь...

4 октября 1890 г. Начну сегодня с самого себя и своих собственных занятий. Домашние задания состоят исключительно в чтении или

зубрежке того, что профессора успели нам начитать. Прежде всего я должен заметить, что занятия мои идут крайне плохо, неправильно, непоследовательно по всем предметам, исключая анатомию и отчасти химию, то есть тех предметов, по которым у меня есть книги и пособия — анатомия Генле и химия Ридера и Кобле. Впрочем, многие из них мне не принадлежат, одни взяты в библиотеке, другие — на время у товарищей, так что по анатомии и химии занятия мои идут приблизительно правильно, но по другим предметам я ровно ничего не делаю, потому что книг нет — ни литографированных, ни писанных. И рад бы, кажется, хоть что-нибудь прочесть по ботанике, да нет руководства хоть самого кратенького, о котором я уже не говорю. Вчера мы в первый раз сдавали наши кости-позвонки и ребра с грудиной. Это дебют молодых медиков. Теперь выданы кости и верхних конечностей. Ну и возни же нам будет с костями пальцев, просто невозможно. Хорошо хоть профессор не особо строг, не докапывается до мелочей, ему только описывая в общих чертах каждую косточку, за каждым ответом следует непременно: «Ну, хорошо»...

8 октября 1890 г. Сегодня я сдал профессору Вагнеру кости верхних конечностей и получил другие, которые не представляют уже таких затруднений для изучения, как первые... Сдадим, даст бог, еще эти кости и получим для изучения кости черепа, на них придется употребить очень приличное количество времени. Много, я вам скажу, отнимает времени изучение анатомии, а кажется она самой легкой из всех наук, преподаваемых в университете.

Но будет, я думаю, об этих костях. Перейдем к другим наукам. Между ними первое место занимает химия, как больше всего относящаяся к наукам чисто медицинским. Впрочем, ботаника стоит на высоком месте, как и химия. Преподавание этих предметов в университете поставлено, по-моему, очень плохо. Положим — ботаника. Придет, например, довольно известный в нашем университете профессор Рейнгард, начитает нам добрых три листа. На одном листе встретится иной раз десятка два различных ботанических терминов, извольте-ка их все запоминать, пусть замечательная память — и та ничего не сделает, станет в тупик. Практические занятия по ботанике существуют. Но что же это за практические занятия! До этого времени только один час их и был. Ничего полезного из лекций я не вынес. Представьте, 100 или 150 человек толпятся у одного микроскопа, да тут такую толкотню способны поднять, что прямо дай Бог ноги унести из университета. Я так и делаю...

21 декабря 1890 г. Первые экзамены мои в университете — экзамены по зоологии и ботанике. Раньше у меня сложилось какое-то превратное представление об университетских испытаниях. Мне казалось — это такое чудовище, смотреть на него страшно, а уж самому испытать, пройти это чистилище прямо невозможно. Теперь, после того как самому мне пришлось сдавать экзамены, все прежние представления рухнули. Оказалось,

это не так страшно, как представляло мое воображение. Пословица русская «Не так страшен черт, как его малюют» очень верна. Описать разве всю экзаменационную процедуру?

В последних числах ноября объявили, что экзамены будут в декабре — 10, 12, 13, 15 и 19, каждый может являться когда удобно. С первого декабря я сел за зоологию, чтобы за 10 дней получше ее подзубрить. Готовился по профессорским запискам Степанова. Рисунков в этих записках нет, так что теорию знал, а показать на атласе рисунки не смог бы. 10 декабря явился в залу заседаний держать зоологию, но в этот день профессор Брандт не мог проэкзаменовать всех желающих, так что мне пришлось экзаменоваться 11 декабря. Экзамен начался в 11.00. Накануне профессор проэкзаменовал 25 человек, одиннадцатого начал с 26-го. Кто получил «5», кто «4», кто «3», кому велел прийти повторно, а кого на весну откладывать. Все это я видел и слышал, и эти впечатления так настроили меня, что, право, хуже я не чувствовал себя никогда... Душа была непокойна, голова горела... Но подошедши к столу, я уже пришел в себя. Профессор попросил меня сесть на стул и взять билет. Я выбрал 13 — общая характеристика *Anthropoda*. Начал говорить быстро, с толком. На все вопросы отвечал очень удачно. Профессор раскрыл атлас. «Какие, — спрашивает, — пауки относятся к паразитам?». Я ответил. «А покажите мне их вот среди этих рисунков». Я ткнул пальцем наугад в одну фигуру — к счастью, угадал. А показать *Demodex Folliculorum* наугад не смог, уже ошибся. На какую фигуру я ни показывал, все — не то. Эта игра продолжалась минут пять. Профессор начертил тройку. Я попросил его переспросить меня во второй раз, он согласился, и я спокойно отправился домой. На следующий день мы с сокурсником Гальпериным опять отправились экзаменоваться.

— Да помилуйте, господа, — возмутился профессор, — разве так можно! Только что вышли с экзамена и опять на экзамен? Постыдитесь!

— Так позвольте нам явиться 19 декабря!

— Сделайте одолжение!

...Но переэкзаменовываться пришлось 20 декабря... В этот раз я взял билет №1.

— Что такое биогенезетический закон? Расскажите подробнее, — попросил Брандт.

Я впервые слышу об этом законе, но все-таки что-то начал говорить о нем — о протоплазме, затем о дарвиновской теории борьбы за существование и т. д.

— Как же, говорит, мне вам поставить «5», если вы этого не знаете, того не знаете, нужно приходиться все приготовившим, а не на авось.

Ну, думаю, попался. Начал он меня еще что-то спрашивать, но на все вопросы ответил вполне удовлетворительно. Он мне хоть с натяжкой, но исправил «3» на «5». Вот таковы экзамены в университете...

9–10 января 1891 г. С Новым годом, любезный читатель, извините, что до сих пор не успел поздравить. Он действительно новый в моей жизни.

При поступлении в университет меня пугали зловонием анатомического театра, резанием трупов, и я действительно немного робел на первых порах. Мне говорили, что я не потяну медицинских занятий. Оказалось, это пустяки. Медицинские занятия не только не имеют ничего отвращающего, напротив, резание трупов — это своего рода медицинское наслаждение... Многие, прочитав это, удивятся, подумают, что я употребляю фразы, не имеющие смысла. Спорить с тем, кто сам не испытал анатомических занятий, конечно, нельзя, а человек, мало-мальски знакомый с делом, о котором мы теперь говорим, подтвердит мои слова, иначе и быть не может. Наступает второе полугодие моего пребывания в университете, приближается время майских экзаменов.

17 января 1892 г. Сегодня в университете акт. Вечером концерт и танцевальный вечер. Я не пошел в актовый зал и не пойду на бал. Какой мороз стоит на дворе — 22 градуса! Учебные заведения закрыты.

1 февраля 1892 г. Позавчера требовали повесткой посетить инспектора за куртку! Я на работы по химии ходил не в мундире, что запрещено правилами!..

3 марта 1892 г. Сегодня сдал экзамен по фармакологии на «5»... В мае предстоят 4 серьезных экзамена: физиология, гистология, органическая химия и фармация...

30 мая 1892 г. На экзаменах 2-го курса были такие казусы: 11-го выдержал экзамен по органической химии, получил «5», 18-го по физиологии не выдержал, 23-го по гистологии и по фармации получил «5» и «5», 27-го попросил В.Я. Данилевского поставить мне «2» и отложить экзамен до августа. По физиологии около 100 человек экзамена не держали...

24 июня 1892 г. Пригорюнился я. Стал нелюдим, все кажется ничтожно, все пустяки, причины всего постичь не могу, но и не особенно горюю, зная, что люди раньше меня стремились к этой же цели, но не достигли ее. О будущем печалюсь мало. Но это будущее непривлекательно. В Саратове — холера, у меня странный кашель, а в августе, как бельмо в глазу, физиология.

28 июля 1892 г. Холера уже охватила всю Россию. Вчера в городской больнице Харькова было 53 заболевших. В Баку из 100 000 народу 75 тысяч разбежалось. Докторов мало. Мои товарищи служат на железных дорогах... Студенты двух последних курсов начнут занятия 1 ноября... Строится больница для учащихся. Благотворительность работает: повсюду на станциях — кипяченая вода, в Нижнем Новгороде — вода с вином. Часто бывают экстренные заседания Медицинского общества. Баня Кобытина для очистки совести закрыта, так как были случаи заболевания и смерти в ней. Балашов подавал заявление убраться больницу, подписан-

ное многими. Губернатор ответил, что если продолжат это требовать, в 24 часа будут высланы...

29 июня 1892 г. ...Физиологию прохожу маленькими шажками, думая, что успею всю пройти до сентября, но обстоятельства покажут, рассчитаюсь ли я или ошибусь.

6 сентября 1892 г. Хотя надоело писать, а также читать о физиологии, но она заставляет каждую минуту вспомнить о ней и поминать недобрым словом вместе с В.Я. Данилевским. Приближение экзамена неприятно действует на нервы, выходящие из задних корешков спинного мозга в виде рефлекторно-двигательных волокон, в результате чего — постоянная дрожь и подергивание челюстных мускулов, так что третья ветвь пятой пары ненормально раздражается и по различным проводным путям доходит до центра ругательств по адресу профессора, а центр этот лежит в левой стороне лобной доли большого мозга. Видите — своего рода нервный центр, о котором Ландау не упоминает ни одним словом: вероятно, этот нервный центр открыт всеми слушателями В.Я. Данилевского, не державшими экзамена...

7 сентября 1892 г. ...А у меня снова физиология отравляет жизнь, ибо я не смог из сего предмета еще выучить хоть четверть так, чтобы на каждый вопрос давать осмысленный ответ. Кое о чем могу говорить, но для Данилевского этого недостаточно.

10 сентября 1892 г. Сегодня я усиленно занимался физиологией до обеда: прочитал 100 стр... Не знаю, выдержу ли я переэкзаменовку: прочитывая второй раз, я хоть помню, что читал такое-то место когда-то, но многие частности остаются забытыми совершенно...

11 сентября 1892 г. ...На душе у меня что-то нехорошо, беспокойно. Я люблю покой и всегда смущен, когда отнят он у меня. Причина такого состояния — физиология...

12 сентября 1892 г. До обеда прочитал около 100 страниц по физиологии, теперь читаю третью книгу, в которой трактуется нервная система. Вопросы эти очень занимательны, но одна мысль о приближении экзамена парализует всякий интерес к физиологическим вопросам. Практическая деятельность живительней действует на нервную систему вообще и на состояние духа, чем бесполезное зубрение по книгам, в особенности, если не имеешь реального представления, о чем читаешь: встречающиеся названия и формулы, реакции органических веществ производят такое же впечатление, как описание каких-нибудь чудовищ неизвестной страны. Все описания не оставляют в уме никакого следа, а только расстраивают состояние духа...

17 сентября 1892 г. 21 и 25 сентября передержка по физиологии. Сегодня дочитал второй раз 1080 страниц и 21-го думаю дерзнуть...

21 сентября 1892 г. Сегодня начались занятия во всех учебных заведениях. В университете были переэкзаменовки тем, кто получил по одному из предметов медицинского факультета двойку. Я был в числе этих. Начался экзамен по физиологии в 9 часов. 1-й выдержал, за ним пятеро были погнаны, затем все отказались экзаменоваться, прося назначить новый срок. Профессор назначил 23 сентября. Обратились к декану, тот назначил 28-е число...

27 сентября 1892 г. Завтра — экзамен. Когда вспомню о нем, сердце бьется сильнее, а завтра остановится — и обморок. Если единицу поставит, так горько будет! Одно утешение — нас много! Физиология мне всю голову разбила, и черт знает, что там будет... Чем же я буду заниматься этой зимой, кроме медицины? Это очень интересно. Во-первых, я дал себе слово купить скрипку и в свободные часы пицать. Во-вторых, французский язык не может пройти без результата. Невозможно остановиться, не достигнув цели. Это не в моем характере. Таким образом, на очереди французский язык. Но это очень легкий предмет. В-третьих, как мне быть с немецким языком? В прошлом году я начал заниматься им понемногу и ничего не успел. Думаю продолжить. В-четвертых, польский язык — нужно будет научиться читать и писать.

29 сентября 1892 г. ...Ожидая своей очереди, я волновался и быстро ходил по коридору. Новости экзаменовавшихся были разнообразны: некоторые толковали о том, что легко спрашивал, другие о том, что спрашивал невозможно... Как вошел я, Данилевский спросил фамилию. Я сказал — Мартьянов. Вы — сибиряк? Никак нет. Достался вопрос: иннервация слюнных желез. Пищевод, иннервация жевательных мышц, цветоощущение, иррадиация, контраст. Иррадиации я не знал. Мой ответ был неудовлетворительным. Я взял другой вопрос: молоко, пот и многое другое. Председателем был Попов. Я не знал про молоко. Данилевский сказал:

– Можно на второй год оставаться.

Я ответил:

– Не хотелось бы.

Он сказал:

– Все-таки таких вопросов терпеть не могу.

Я стоял как истукан. Вошел помощник субинспектора Турин и куда-то увел Данилевского. Попов сказал:

– Ну довольно, идите, удовлетворительно.

Я вышел, от сердца как сорок пудов свалилось... Поздравьте: с сегодняшнего дня я — студент III курса медицинского факультета.

3 октября 1892 г. ...Оказывается, мне в этом году придется ходить в военный госпиталь, и домашние уже задумываются об ограждении себя от тифа, холеры, дизентерии, которые могут быть занесены из больницы в наш дом. Хотят мне отвести отдельную комнату.

Говорят, что на второй год на втором курсе осталось около 40 человек. Внушительно...

6 октября 1892 г. Был в университете, слушал новых профессоров — Богданова, Ломиковского, Залесского, Крылова. Все читают не дюже, но особенно отличился Крылов: после двух его лекций голова кругом идет, нужно какое-то напряженное, тяжелое внимание, чтобы понять его речь. Залесский читает оригинально: станет, ни на кого не смотрит — и начинает говорить 350 слов в одну минуту! Богданов и Ломиковский читают отчетливо. Крылов и Залесский либеральничают. Снова было послано по аудитории портмоне с запиской, приглашавшей пожертвовать что-нибудь в пользу одного товарища, который не может внести деньги за учение...

7 октября 1892 г. Сегодня узнал, что освобожден от платы за обучение...

Слушал профессора Подреза, который читал вступительную лекцию и дал краткий очерк истории хирургии от Адама до второго пришествия. Вступительная лекция профессора Оршанского очень толковая, за нее ему аплодировали. О пособиях еще ничего не известно. Завтра в первый раз будут лекции в военном госпитале, что по Сумской дороге, это далеко. Из занятий моих отличу Циглера «Патологическая анатомия». Какие же дорогие книги на этом курсе — ужас!..

8 октября 1892 г. Сегодня в первый раз был в клинике, или в военном госпитале, как студент III курса, слушал лекции Подреза по хирургии и Богданова по частной патологии и терапии. Это событие надолго останется в памяти у каждого из моих товарищей. Профессор Подрез прочитал у постели больного, который был без сознания, о его болезни. Диагноз поставлен: *Oxitis externa et trachoma*. Не знаю, как в точности объяснить эти слова, но дело касалось болезни мозга, развившейся от воспаления барабанной перепонки. Болезнь характеризуется опухолью какой-то части мозга, точно не указанной профессором. Больной чувствует головную боль, об этом говорит в минутные возвращения в сознание... Наружными дотрагиваниями можно было определить места, особенно чувствительные к боли. Их было два — одно в височной, а другое в затылочной части.

Прочитав краткий очерк, профессор попросил нас пройти в оперативный кабинет. Туда же принесли этого больного. Начали хлороформировать. Больной стал кричать сильнее. Значит, хлороформ на нервную систему действовал раздражающе. У профессора некоторое беспокойство вызвала остановка дыхания, и он попросил провести искусственное

дыхание. Когда начал резать m. Temporalis linisten (?), больной закричал, стал плакать... Это сильно подействовало на многих студентов, с двумя сделалось дурно, мне тоже не по душе была эта сцена. Некоторые просили захлороформировать больше, но профессор сказал, что это при слабой организации больного может подействовать смертельно. Сделали трепанационное отверстие в черепе — не нашли опухоли, сделали другое — без результата. Третье, четвертое и пятое отверстия не открыли опухоли. Профессор велел зашить раны и таким образом для больного надежда на выздоровление была потеряна. До операции профессор сказал, что болезнь солдата Кондакова не подает надежды на благоприятный исход, и слишком рискованная операция была последней попыткой возврата к жизни. Результат операции еще неизвестен. Если пациент умрет, Крылов покажет нам причину и место болезненных процессов. Это очень интересная проверка диагноза, но, к сожалению, жизнь больного прекращается.

Итак, первый опыт проведен, теперь жизнь моя потечет в госпитале. Советуют заняться физиологической химией, ибо она поможет использовать у постели больного полученные знания. Сестры милосердия оставили высокое впечатление: бескорыстная самоотверженная деятельность — пример и урок для ума и сердца.

9 октября 1892 г. Сегодня был в университете, спрашивал у секретаря о пособии, он сказал, что не назначено. Был у инспектора по тому же вопросу. Он сказал, что послано ходатайство об этом, но куда — не знает. В конце месяца вопрос разрешится. Наши отличились. Шатилов спросил у Крылова об учебнике. Крылов просил слушать лекции и учебника не назначил. Шатилов ответил, что лекции быстро забываются. Крылов сказал:

- В таком случае читайте литературу по патологической анатомии. Шатилов ответил:
- Нужно иметь голову Крылова, чтобы вместить массу патологических сведений.

Крылов рассердился и ушел, сказав, что подобные кабацкие рассуждения о голове ни к чему не ведут, и на этом закончил разговор...

13 октября 1892 г. ...Залесский предложил аудитории написать рецепт. Студент написал горькое вещество. Залесский просил прибавить что-нибудь уничтожающее вкус. Студент сказал:

- Oleum rosatum.
- Сдохнете, — ответил Залесский.

По аудитории хохот.

Сегодня Шатилов писал рецепт: «Стрихнин принимать 4 раза в день!!!». Однако, не-дурные будут у нас доктора! Залесский только сказал:

- Больной благодарить будет.

14 октября 1892 г. Слушал лекции Подреза, Крылова, Залесского. Крылов раскритиковал всех ученых, написавших учебники по патологи-

ческой анатомии. Но это была не критика, а плоское ругательство, без доказательства. Хорошие стороны нашел лишь в тех книжонках, которые сам перевел — Клебса, Цингера, Риндерлейта и др. Разругал Коха. Писать ученые книги людям незнающим — значит издеваться над наукой, — так он выражался о многих ученых.

15 октября 1892 г. Сегодня был в военном госпитале на операции, которую проводил Подрез. Оперировали мальчика, у которого на ягодицах была язва, как диагностировал Подрез, туберкулезного происхождения. Сначала особой ложечкой соскоблили рану, затем прижгли. Кричевский просил кого-то из студентов хлороформировать. Подрез заметил:

– Когда Вы будете доктором, тогда будете приказывать. Теперь прошу этого не делать.

Студенты занимались хлороформированием в первый раз...

25 октября 1892 г. ...Вчера Крылов на вскрытии задержал нас очень долго. Много показывал очень интересных вещей, а именно случай болезни, перед которой патологическая анатомия бессильна, ибо можно предполагать cholera, Thyphus, diphterytis, чуму, сибирскую язву и еще что-то. Бактериология характера болезни не выяснила.

27 октября 1892 г. Скоро издается студенческий сборник, стоит прочитать.

В университете был на двух лекциях. Очень комично происходит написание рецептов мелом на доске. Залесский просит кого-нибудь выйти написать рецепт. Все молчат. Залесский с иронией полукричит:

– В «Харьковских ведомостях» печатать не буду.

По аудитории смех, но никто не выходит. Залесский говорит:

– Если подобное еще раз случится, я брошу читать курс рецептуры.

Кто-то вышел и все умолкло...

29 октября 1892 г. Сегодня присутствовал на двух операциях. Первая — у старого солдата развился туберкулезный процесс височной кости, откалывали пораженную ткань, вторая — пересадка здоровой кости на язву, которая подверглась туберкулезному воздействию. Обе операции проводил Подрез, кажется удачно. Солдат Кондаков, которому просверлили череп и тыкали в мозг, умер: вскрытие показало, что опухоль была в мозжечке, ниже того места, где было отверстие. Богданов сегодня показывал двух больных: корь и истерия.

Читаю по-прежнему все свободное время в университете и дома...

8 ноября 1892 г. Вчера был студенческий вечер — концерт и бал. На концерте я сидел с интересом, на балу было скучно. В концерте принимали участие студенческий хор — надо отдать ему справедливость: хуже нельзя. Артисты театра драмы и оперного наводили скуку, только одна

Тамарова произвела на меня впечатление... После концерта по студенческой традиции подняли ректора и потащили его в столовую залу. Ректор произнес коротенькую речь, в которой от всей души благодарил студентов за маленькую трепку. Затем вперед выступил Шатилов и попросил слова. Получив его, он просил ректора похлопотать о том, чтобы деньги от концерта были отданы студенческим депутатам, которые разделили бы эти деньги с большей справедливостью, чем теперь делает это университетское начальство. Ректор сказал, что не в его правах это делать и просил отложить решение вопроса до более удобного случая, а на балу — больше веселиться, для чего собственно он и затеян. Кончилось тем, что ректора опять подхватили под руки и понесли его к выходу в раздевальню. Под крики «Браво! Ура!», взмахи фуражек и платков и благодарные поклоны со стороны ректора его проводили — и начались танцы...

13 ноября 1892 г. ...Кажется, я начинаю привыкать к операциям, к крикам и плачу больных. Целый день провел в госпитале. Думаю писать о медицине. На этих днях постараюсь выработать план. Сейчас пойду на лекции. Хочется выписать «Реальную энциклопедию медицинских наук», но пусто в кармане. Цена ей 75 рублей с рассрочкой на 3 года.

15 ноября 1892 г. Сегодня вечером нужно бы сходить в оперный или драматический театр. Моя мечта — драма, ибо оперу, сказать по совести, и понимаю мало, и не нравится оперное пение. Теперь гастроли Сары Бернар, билеты все, вероятно, раскуплены: она дает всего четыре спектакля...

Вчера я впервые выслушивал больного. Читал на этих днях немного. Историю медицины писать еще не принимался, знакомлюсь с монографиями медиков.

18 ноября 1892 г. В понедельник я получил для курации одного сумасшедшего — Маркияна Петровича Духинова. Никогда не забуду моей беседы с ним в кабинете Оршанского. Я несколько оробел, когда остался с ним наедине и когда он начал мне говорить, что государь невидимый сидит в его шкафу и что артистка Тамарова проводит электризацию...

Лекции на этой неделе посещаю неаккуратно, но только до завтрашнего дня, завтра же возьму смелость отсидеть 6 часов. Домашними же работами доволен как никогда. Неужели влияние физиологических историй сказывается? С этой лишь стороны я благодарен Данилевскому...

21 ноября 1892 г. Вчера был в суде: разбиралось дело трех прислуг психиатрического отделения Сабуровой дачи, якобы задушивших душевнобольную m-me Адамсон во время усмирения ее припадков. Дело настолько громкое, что о нем узнал чуть ли не весь Харьков, поэтому около суда толпился народ. Студентов в суде была масса. Дело настолько интересное и настолько серьезное, что разбиралось 5 дней, многие

студенты в суде были все 5 дней, приходя рано утром и уходя поздно вечером. По запутанности оно представляло интерес для юристов, при участии в нем психиатров Ковалевского, Оршанского и Платонова, патологоанатома Крылова и судебного медика Беллина оно имело прелесть для медиков и, наконец, по раскрывшейся в суде большинству неизвестной картины Сабуровой дачи, оно было интересно для всех. Прокурор обвинял Грубе...

В университете все идет своим чередом: одна записка, пущенная по рукам по аудитории, приглашала собраться завтра на панихиду в Мироносицкой церкви по умершим от холеры студентам и профессору Дитятину... Купил молоток и плессиметр — буду стучать...

28 ноября 1892 г. В университете присутствовал при опыте профессора Костюрина: переливание крови от одной собаки к другой. Опыт удался: одна собака сдохла, другая осталась жива... На днях собирались служить панихиду в Мироносицкой церкви по умершим от холеры студентам, но полиция запретила. Следствием этого были неприятности...

19 декабря 1892 г. Молчание мое объясняется ленью и временным умственным застоєм: лень взяться за дневник, и не знаю, что писать. Появилась большая неустойчивость: сначала увлекся лекциями и демонстрациями Оршанского, раз пять походил, даже в воскресные дни, и остыл. Паралитик мой, во всех отношениях любопытный субъект, меня тоже не интересует. Хотел было писать его историю, бросил на пятой странице. Записи всех моих сомнений в научных вопросах — бросил на седьмой странице. Хотел писать драму — на четвертой странице оставил. Купил флейту и руководство к ней — через день отнес в ломбард, ибо инструмент хоть и о 10 клапанах и не поломанный, но черт его знает, почему не играет. На скрипке взял уже 4 урока — и теперь пишу гамму соль-мажор и до-мажор. Боюсь за свою терпеливость, хоть бы не надорвалась... Занятия закончились 10 декабря, контроли были только у Крылова, мне он поставил +. Кажется, да и все говорят, что это высший уровень...

12 января 1893 г. Сегодня Татьянин день. В Москве сейчас идут студенческие попойки. Нам объявлен вечер 17 января...

17 января 1893 г. Сегодня замечательный день: в университете акт и получают золотые медали. Моя надежда в будущем году написать такое сочинение, чтобы профессора ахнули.

В игре на скрипке заметны успехи.

2 февраля 1893 г. Иду в театр. Играют «Короля Лира». В главной роли — Чарский.

Со вчерашнего дня для городской управы переписываю ремесленников по улицам Конторской, Дмитриевской, Жандармской, Гончаровке,

Новоселовке, Холодной горе, Усовской. Утомившись, не пошел на практические работы к Дудукалову. Я совершенно забыл о существовании этого курса и боюсь, что Дудукалов будет иметь ко мне претензии.

Читаю много, взялся за Достоевского...

13 февраля 1893 г. Неделю провел удивительно скверно, много ходил без толку. Россию окружает холера, идет от периферии к центру, и возможно, Харьков с его прекрасными жителями снова увидит эту гостью — повсюду поднимется гвалт, могут начаться мордобития. Впрочем, это можно сказать с уверенностью, ибо мордобитие и Россия — это такие же вещи, как мозг и его функция мышления, как тело и форма. Одно без другого немислимо. Вчера, кстати, вели спор о высоких материях и ничего не вывели. Начали с того, что есть истина, а так как сам Христос не ответил Пилату на этот вопрос, мы сочли дерзостью касаться сей области и замолчали.

19 октября 1893 г. Это лето я провел хорошо и так собою доволен, как никогда — все время в движении. Я служил на ХНЖД, сопровождал рабочие поезда от Люботина до Ворожбы. Поступил на службу 13 августа и служил до 15 октября. Заработал 260 руб.

Из книг купил две замечательные — Пушкина, Лермонтова — полное собрание, «Частную патологию» Юринского, «Хирургию патологическую общую» Ляндеутера, «Глазные болезни» Ходина, «Диагностику» Клемпера. Читаю теперь все понемногу, больше всего Пушкина.

22 октября 1893 г. На лекции сего дня опоздал, а там Оболенский демонстрировал моего больного — у него водянка... Был на приеме больных у Грубе... К хирургии чувствую непреодолимую ненависть и ужас за такие болезни, которые она лечит, и радуюсь за ее успех.

26 октября 1893 г. Был в клинике у больного, написал обычное *idem*. На лекциях не был.

Вчера на лекциях тоже не был, но был два раза в клинике. Для меня на обходе больных веселее, чем на лекциях, которые все скучны за исключением лекций Ковалевского. Не включаю в этот реестр разбор больных у Оболенского и Грубе. Грубе мне нравился бы, если бы не мучительное состояние, которое выносишь от него постоянно. На приеме Грубе я дал слово не бывать: случай с мальчиком решил это...

1 ноября 1893 г. Вчера был на антропологических занятиях в гигиенической лаборатории Скворцова, определял размеры черепа, лица, моего собственного скелета... Теперь нужно идти на операцию Грубе, оттуда — к Толочинovu на теорию, а там, кажется, к Дудукалову. Ковалевского проспал, что меня взбесило. Но спать так хотелось, что не встал с постели.

Скрипку свою забыл, лежит одна-одинешенька.

2 ноября 1893 г. Сегодня на лекциях был только у Оболенского. Там демонстрировали моего больного, потому что он сегодня выписывается из клиники. Я удостоился получить выговор за небрежное ведение записей, за упущения в исследовании некоторых органов. Больного вели вдвоем, и записи должен был вести другой студент, который на это занятие не явился, поэтому мне и пришлось, к ужасному огорчению моему, все выслушать сегодня и получить «посредственно»...

4 января 1894 г. Записываю только потому, что хочется начертать 1894. С каждым днем приближаемся к границе вечности. С 14 декабря 1893 г. я и Павловский стали кураторами больной — Прасковьи Карташевой, 21 года, московской курсистки. Определили диагноз — *phthisis pulmonum* каждая в последней степени... Выписал журнал «Практическая медицина».

11 апреля 1894 г. ...Грубе порезал палец на операции *herma umbilicalis* (?) у одного ребенка, заболел сам серьезно и теперь выздоровел отчасти. Мои некоторые товарищи дежурили у него ночью и днем на дому. 3 апреля готовилась его встреча в хирургической клинике, но он не явился по болезни. Сын его пригласил моих товарищей пожаловать человек 50 в его дом на Сумской. Я там не был. В память этого события все получили от Грубе по портрету. Самому ему поднесли роскошный альбом, адрес, иконы, цветы и многое другое...

Я с удовольствием читаю историю и даже изучал бы ее, если бы другие занятия не отвлекали моего внимания. Теперь я читаю Карамзина. Первыми страницами первого тома его «Истории государства Российского», а именно предисловием, я был поражен: никогда мне не приходилось читать настолько ясного, живого, торжественного и глубокого изложения исторической науки. Право, я не знал до сего времени, что значил Карамзин. Предисловие его начинается словами: «История, в некотором смысле есть священная книга народов, главная и необходимая, зеркало их бытия и деятельности...».

7 сентября 1894 г. Сегодня был впервые на лекциях в Александровской больнице. Слушал Кузнецова — читает не ахти как. В августе и занимался, и не занимался. Больше ловил рыбу в Удах около Куряжа... Господи Боже! Отчего это так нельзя прожить весь год? Ум хочет заниматься, воля — в оппозиции...

5 октября 1895 г. Сегодня в 10.30 закончил у Грубе и Гиршмана всю серию экзаменов. На душе бы должно быть весело, но страшное утомление даже не дает веселиться. Господа! Как же надоели экзамены! После Гиршмана пошли в собор — приложились и поклонились Св. Николаю-Чудотворцу... Итак, 23 экзамена в Лете. Туда им и дорога!

25 октября 1895 г. Сегодня у меня праздничное настроение: я в первый раз обошел самостоятельно женскую палату — 9 человек. Очень рад. Самостоятельность — это моя мечта. Я нуждаюсь в помощи, но я ее прошу, когда нуждаюсь, тогда и давайте ее, без моей же просьбы ради бога — увольте, не забегайте с помощью. Это мое желание: не водите меня на помочах, где я могу сам ходить, поддерживайте там, где я падаю. Вам награда — моя благодарность...

28 октября 1895 г. Иду на зачет к Крылову. Что-то обещает мне будущее? Крылов поставил мне «1», сказал:

– Плоховато, Мартьянов!

Я раскланялся и удалился. Всем поставлено по «1» с разными значками.

30 октября 1895 г. Новое то, что Крылов вместо единиц ставит двойки со значками. Одному сказал: «Столяр лучше вас ответит», другому: «Ох, тошно, рвать буду», третьему: «Да, болтать Вы умеете», четвертому: «Крылов никому вредить не намерен».

О.В. АПТЕКМАН

**ЗАПИСКИ
СЕМИДЕСЯТНИКА.
СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ**

Alma mater

В июне 1869 года я окончил гимназию. Свободный человек. Свободен, как птица. Чувствую легкость во всем теле, словно меня надули воздухом. Первым делом сбрасываю с себя гимназическую форму — этот символ ненавистой опеки и зависимости. Облачаюсь в штатское платье. В голове бодро зазвучало: «Студент! Студент! Студент!». Не могу усидеть на месте. Бегу на бульвар. Там — кучки окончивших гимназию товарищей. Все оживлены. Сияют. Все, почти все — будущие студенты. Наши недавние золотые мечты готовы осуществиться. На нас уже повеяло студенческим духом. Ведь в последних классах гимназии становилось тесно. Молодая жизнь рвалась на простор, в «храм науки» — в университет. Ведь и мы, юнцы, были тоже захвачены тем настроением, которое на-

ложило такую яркую, характерную печать на 60-е годы XIX века. Sturm и Drang!

Нашими учителями были «властители дум» эпохи — Чернышевский, Добролюбов, Писарев. Они звали нас к будущему, к тем «высоким вершинам, откуда раньше можно узреть зарю нового дня». Звали к борьбе, к «отваге гражданской», к «деятельности широкой и самобытной». То было «слово свежее и гордое», «волшебные слова, вызывающие образ будущего». Это пленяло, зачаровывало нас... Все мы считали себя Базаровыми, Лопуховыми, Кирсановыми. В качестве таковых мы решительно отрицали старину, рутину, авторитет, насилие и опеку над личностью.

Свободное развитие личности, свободное самоопределение ее как самоцель было у нас тогда на первом плане. Наша юная бодрая мысль стремилась к свободе личности и видела ближайшую цель жизни. С этими порывами, с этими думами мы шли в университет, где окрепнет и оформится наша мысль, утвердится наша личность, определится наш путь. Сколько уверенности, бодрости, веселого задора! Большинство из нас — бедняки, но нам — море по колено. «В университет! В университет!». Я избрал Харьковский, поступив на медицинский факультет.

Первый день лекций

Как врезался этот день в мою память! До мельчайших подробностей. Вот он встает перед мною, полный жизни и красок. Первая лекция — лекция по химии профессора Н.Н. Бекетова. Аудитория битком набита народом, все — юнцы. Торопливой походкой входит человек средних лет и становится у доски. Некрасивое, но в высокой степени оригинальное, подвижное лицо, en face — одно, в профиль — другое. Говорит скороговоркой, брызжет слюной, движения порывистые. Наскоком пишет химическую формулу, быстро стирает ее, выбрасывая таким образом формулы на доску десятками. Перед нами белым по черному мелькают формулы, формулы, формулы. Кажется, что сама голова лектора — ящик, наполненный одними формулами, которые толпятся, движутся в его голове не как мертвые символы, а как живые, неугомонные подвижные существа. Живыми, одухотворенными они выбрасываются оттуда и, как мотыльки, летят на доску, садятся на нее, липнут к ней своими трепещущими крылышками. Что ни формула — то живое, яркое, индивидуальное существо. Я не могу оторваться от лектора, ловлю каждое его слово, каждый звук, впиваюсь глазами в записи, ошупываю, цепляюсь за них. Все для меня — ново, привлекательно, глубоко захватывающе. Глядя со стороны, можно было подумать, что лектор плохо справляется со своим делом, путает, сбивается, а сбиваясь, теряет логическую нить суждений, то забегая вперед, то также стремительно отскакивая назад — в беспорядке, смущении... Но это только казалось. Лекция вышла удивительно цельной и построенной строго научно.

Когда Бекетов закончил лекцию, на всех лицах — я это хорошо помню — застыло выражение восторга — восторга пред величием научного

познания, одухотворенного такой горячей страстью, такой глубоко проникновенной эмоцией. Шумно поднялась возбужденная молодежь и рассыпалась по коридорам, оглашая их своды молодыми, звонкими, сильными, жизнерадостными голосами.

Вторая лекция — физиология человека. Читает И.П. Щелков. Прямая противоположность Бекетову. Бекетов — весь в движении, *simper in motu* говорит, «упорствуя, волнуясь и спеша». Научная мысль не кристаллизуется у него сразу, не отливается одним ударом в определенную форму, а мерцает, постепенно разгораясь в яркий огонек. Щелков же спокоен, уравновешен, юпитерски невозмутим. Держится прямо, как струна, и мысль его течет ровно, плавно, отливаясь в слова, предложения и вполне законченные суждения. Вся его лекция — ясное, логическое, в высокой степени точное научное построение. Ни одного слова, ни одного знака препинания, ни одной черточки нельзя выбросить из лекции. Все так и просится в печать, готово. И так же его опыты: ни одного лишнего движения, порыва. Удивительная во всем экономия сил. Удивительная во всем определенность, ясность, точность.

То, о чем я раньше только мечтал, что предвкушал лишь в моих мыслях, теперь осуществилось: всеми чувствами своими, всем существом я воспринимал теперь прелесть научного познания, чистое, высокое наслаждение знанием. Посмотрел вокруг себя — молодые, бодрые, чистые, проникновенные глаза. То наука светится в них, то — отражение сияния истины.

Я ушел с лекции радостный, счастливый, каким никогда еще не был. Я радовался, что избрал медицинский факультет. Медицина — только отрасль естествознания. Какие еще великие тайны природы раскроются предо мною! Само собою, я не ограничивался посещением лекций. Толкаясь в коридорах, знакомясь с товарищами, просматривая объявления о продаже книг, я не раз наталкивался на имя «Дарвин». Кто это? Обратился прямо к одному естественнику высших курсов. Я слышал как-то, с каким обаянием он произносил это имя:

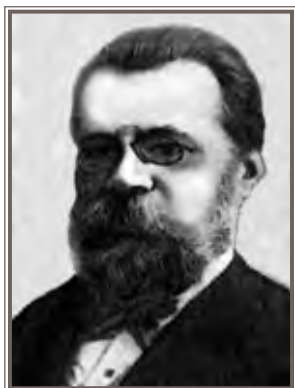
— Дарвин? О, это величайший мировой гений! Не знаете? Прочтите его «Происхождение видов»! Непременно прочтите, и не раз, а читайте и читайте! Это — величайший памятник человеческого гения! — А «величайший памятник человеческого гения» красовался между тем на окне оживальни с этикеткой: «Цена 3 руб.» Купил. Начал читать. Читал, читал. Как советовал студент-естественник. Не в состоянии ни рассказать, ни описать, ни передать какими бы ни было словами, что пережил я тогда. Не выходил из дома, не посещал лекции, не будучи в состоянии оторваться от книги. Моя духовная жизнь отныне получила мощный толчок в строго определенном направлении. И от этого направления я уже не уклонялся. За Дарвином последовали Тиндаль, Фарадей, Гексли и Гельмгольц.

Великая биологическая концепция Дарвина расширилась в космическую: все — движение. Теплота, свет, электричество, магнетизм, звук, химические процессы — лишь разнообразные формы движения веще-

ства — вечного, неизменного. Первый семестр, точнее первые два я исключительно отдавался курсовым, медицинским занятиям, дополняя их чтением строгого естественнонаучного содержания. «Оптика» Гельмгольца и «Душа человека и животных» Вундта были последними книгами, прочитанными в конце первого года студенчества. Таким образом, литература и история, которые я полюбил еще в гимназии, были оттеснены на задний план.

От общественных дел я тогда стоял далеко. Не потому, что я сознательно отстранялся от них: так само собою вышло.

В.П. БУЗЕСКУЛ

**ИЗ ИСТОРИИ
ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ 70-х ГОДОВ
ПРОШЛОГО ВЕКА**

Многим известно, что Дмитрий Иванович Багалей — питомец Киевского университета, ученик В.Б. Антоновича но, вероятно, немногие знают, что он, будучи на первом курсе и вынужденный на время покинуть Киев, в весеннем семестре 1877 года состоял студентом Харьковского университета.

Тогда, пятьдесят лет назад, я, студент-первокурсник, впервые с ним встретился. Вместе, помнится, подходили мы экзаменоваться у А.А. Поттебни и у профессора философии Ф.А. Зеленогорского... По окончании экзаменов с первого курса на второй Дмитрий Иванович возвратился в Киев. В феврале 1883 года он был избран доцентом русской истории в Харьковском университете, и с тех пор его имя стало неразрывным с университетом и с общественной жизнью города Харькова.

Здесь я хотел бы поделиться своими воспоминаниями о Харьковском университете того времени, когда мы были студентами, и когда Дмитрий Иванович вступил в среду харьковских профессоров.

Своим внешним видом Харьковский университет того времени далеко не походил на храм науки. За исключением акушерской клиники, имевшей наемное помещение в другой части города, весь он, со своими остальными клиниками, кабинетами, аудиториями, библиотекой, канцеляриями, ютился в старых невзрачных зданиях, на небольшом

пространстве, по обе стороны Университетской улицы, между двумя площадями — бывшей Соборной и Павловской. Прежде всего бросалась в глаза чрезвычайная теснота в нем.

Один знатный путешественник, проездом через Харьков осматривавший университет через несколько лет после его основания, высказывал предположение, что «университет помещен в генерал-губернаторском доме на время, потому что он не довольно для сей цели обширен». И действительно, университет находился во «временном помещении». Но это так называемое временное помещение надолго превратилось для него в постоянное.

В.А. Жуковский, увидевший Харьковский университет в 1837 г., в своем дневнике делает такую грустную запись о своем впечатлении: «В университете — бедность и теснота». Бедность и теснота — были хроническим недугом нашего университета. В его распоряжении «не находилось ни одного угла, за счет которого он мог бы расширить хотя бы и одну аудиторию». Лучшее помещение было занято квартирой попечителя учебного округа. Долго, и до самого 1906 года тщетно, хлопотал университет о предоставлении ему для его нужд этого помещения. Один из попечителей, генерал Максимовский, в начале 80-х годов в ответ на такие хлопоты предлагал совету перенести музей изящных искусств частью в актовъ зал, а большей частью в сараи и на чердак, на что совет, конечно, не согласился.

Но теснота и это сосредоточение университета в одном месте имели и свою хорошую сторону. Чтение всех лекций, кроме клинических, происходило в одном и том же старом корпусе, где были расположены аудитории. В коридоре теснились студенты всех факультетов, в профессорской сходились представители разнообразных специальностей. Как между студентами разных факультетов, так и между профессорами было больше общения, нежели впоследствии, а слушателям легче и удобнее было посещать также лекции других факультетов.

Из тесных аудиторий и клиник Харьковского университета нередко выходили хорошие специалисты и крупные ученые. В виде примера можно назвать имена Остроградского, Н.И. Костомарова, И.И. Мечникова, В.В. Зеленского, Максима Ковалевского. Из среды же студентов Харьковского университета вышли такие его профессора, как В.А. Стеклов на физико-математическом факультете, впоследствии академик и вице-президент Академии наук СССР, профессор международного права Д.И. Каченовский на юридическом, имевший связи с крупными представителями ученого и политического мира Западной Европы, являвшийся в университете главою либерального западничества, непримиримый враг милитаризма, И.И. Срезневский и А.А. Потебня на нашем, Л.Л. Гиришман — на медицинском факультете. О двух последних именах едва ли надо распространяться: они еще памятны современному поколению.

НОВЫЕ «ПРАВИЛА ДЛЯ СТУДЕНТОВ»

26 октября 1879 г. министр народного просвещения граф Д.А. Толстой утвердил новые «Правила для студентов Императорских российских университетов: Московского, Харьковского, Новороссийского, Казанского и Св. Владимира». Вот некоторые параграфы этих правил:

§2. Студенты не составляют особой корпорации, и поэтому им строжайше воспрещаются какие бы то ни было коллективные действия, как то: подача адресов, жалоб и прошений, посылка депутатий, вывешивание объявлений от имени студентов вообще и т. д.

§3. Студентам воспрещаются сборища и сходки с целью обсуждения каких-либо дел сообща, а равно и произнесение где бы то ни было публичных речей.

§5. Не дозволяется студентам устройство концертов, спектаклей, чтений и других публичных собраний.

§6. Вне здания университета студенты подлежат полицейским установлениям на общем основании, так же, как учащиеся, состоят в особом ведении чинов университетской инспекции и вообще университетского начальства и обязаны им беспрекословным повиновением так же, как и в зданиях университета.

§9. Студенты и вне зданий университета обязаны вести себя скромно, пристойно и вежливо; при посещении же чинами университетской инспекции их квартир они должны относиться к означенным чинам с уважением как к непосредственному своему начальству.

§10. Студенты обязаны быть как в университете, так и вне его в приличной одежде общепринятого в образованном обществе покроя, не допуская себе ношения знаков каких-либо товариществ или обществ, или национальностей, и вообще должны строго соблюдать правила наружного благоприличия, верхнюю одежду, галоши, шляпы или фуражки должны оставлять при входе в университет в указанном месте.

§11. Студентам запрещается курить табак на крыльцах при входах в университет, в коридорах, в комнатах университетской прислуги и вообще в каких бы то ни было помещениях или во дворах университета, кроме особых курительных комнат. В анатомическом театре может быть дозволяемо курение заведующим оных с согласия инспектора.

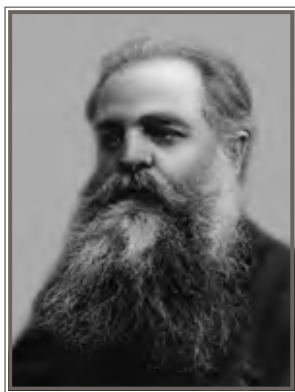
§12. Учащиеся обязаны вести себя в здании университета прилично, ничем не нарушая тишины и порядка: при входе в аудиторию инспектора (проректора) или начальствующего лица обязаны вставать перед ними, при встрече с этими лицами в коридорах и зданиях университета давать им свободный проход и вообще оказывать знаки уважения, общепринятые в отношениях младших к старшим. Эти знаки уважения студенты обязаны оказывать своим начальникам и преподавателям и вне стен университета. Студенты отвечают на экзамене стоя и приглашаются сидеть, когда дают письменные ответы.

§14. На лекциях не допускаются ни под какими предложениями выражения одобрения или порицания преподавания или преподавателей.

§18. Студентам предоставляется право заниматься преподаванием в частных домах не иначе как по особому разрешительному свидетельству за подписью инспектора (проректора). Такое свидетельство выдается только студентам, признаваемым начальством университета вполне благонадежными в нравственном отношении, при отсутствии со стороны полиции отзывов о неблагонадежности.

§20. Взыскания, коим могут подвергнуть себя виновные в нарушении установленных для студентов правил, суть следующие: а) выговор от инспектора (проректора) со внесением в штрафную книгу или без оно; б) арест не более 7 дней; в) объявление (с подпискою) виновному от ректора в присутствии Правления, что он в случае нового проступка будет немедленно удален из университета; г) увольнение из университета на год, но с правом немедленно поступить в другой университет или другое высшее учебное заведение; е) исключение из университета навсегда, с тем, что исключенный в течение трех лет не принимается в другие учебные заведения, а после трех — не иначе как под ответственность начальства того заведения и с разрешения главного управления, которому оно подчинено. Сверх того, стипендиаты и все пользующиеся льготами относительно платы за слушание лекций или пособиями могут быть лишены стипендии, льгот и пособий, смотря по вине, или вполне, или отчасти, навсегда или только на время.

А.В. РЕПРЕВ

ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА УНИВЕРСИТЕТСКОГО ВРАЧА

Больше молчать не могу.
Л. Толстой

Октябрь. Свинцовое небо роняет обильно на землю снежинки, земля бледнеет, белеет.

Холодно. Неожиданно рано холодно. Иду в амбулаторию для студентов. Спешу. Сегодня, вероятно, там много. Прошлый год бывало в это время

по 60 человек. Октябрь — всегда тяжелый месяц для студентов с неустойчивым здоровьем. Нынешний год, наверное, будет еще тяжелее. Приспособляться к так рано завернувшему холоду нелегко.

Особливо тяжело теперь тем, у кого неважные легкие. С такими мыслями прошел я в приемную. Ожидающих много.

Служительский голос раздается по адресу ожидающих:

– Пожалуйте, чья очередь?

Входит брюнет с бледным лицом, лихорадочно горящими глазами, с предательским румянцем на впалых щеках. Не успел переступить порог, как закашлял. Ему больно кашлять. Он старается удерживаться. Добрые, глубокие глаза его смотрят на вас, в них и страх, и жажда жизни...

Наконец откашлялся. Привычным жестом из бокового кармана появляется склянка с крышккой, а в ней мокрота с кровью.

– Садитесь. Как чувствуете себя?

– Доктор, я совсем поправился в деревне, прибыл в весе, перестал лихорадить, кашлял мало, да вот холодно, мне много бегать по урокам приходится, пальто у меня нет, должно быть, простудился. Очень знобит, опять, видите, в мокроте кровь, силы изменяют. Пропишите мне какого-нибудь лекарства, чтобы я не так скоро уставал...

– В деревне вы не лекарствами поправились. Вы должны меньше работать, лучше питаться. Зачем вы приехали опять в Харьков? Ведь прошлую весну мы с вами решили уехать отсюда на год. Ваша болезнь, вы знаете, очень серьезная.

– Нельзя, доктор. Жить надо, надо учиться, работать. У меня есть братишка, он в гимназии во втором классе, и для него надо заработать. На днях отцу должен был послать 5 рублей. Как же мне меньше работать, нельзя! Кабы мог, вот пальто бы купил, тогда не простудился бы. Мне бы только как-нибудь пробиться до окончания курса, а там я поправлюсь... Можно мне получить лекарство в университетской аптеке?

Врачу приходится писать рецепт, зная, будучи уверенным, что рецептом тут не поможешь. 20 рублей в месяц — и жизнь была бы спасена, жизнь человека, умеющего трудиться, жизнь глубоко честного, так ясно и просто сознающего, что такое нравственный долг, готового последнюю каплю крови нести для ближнего.

Поймите! 20 рублей в месяц — и остается в живых золотое сердце, кристальной чистоты душа, остается в живых человек труда и долга. Поймите, матери-гражданки! Надо спасти жизнь, надо спасти человека! Откажитесь раз пойти в театр, откажитесь только от одной какой-нибудь шпильки в современную шляпку — и составятся сотни, тысячи рублей для продолжения жизни человека. Поймите — жизни!

Матери! Нет выше материнской любви. А тут, чтобы жизнь спасти, именно нужна материнская любовь. Ведь гибнет сын, дорогой сын! Гибнет в непосильной борьбе с нуждой и болезнью. Скорее идите на помощь! Иначе будет поздно! Пойдут ли? Как страстно, как всей душой хочется, чтобы пошли на помощь!

Отданная читателю страничка из дневника университетского врача не больше, чем одна черточка из жизни многих, очень многих... Приемная университетского врача могла бы целые годы, как летописец, повествовать о кровавых драмах.

Я рассказал одну из тысячи, и этому юноше, не в пример прочим, помогли еще. Ему правлением университета весной было дано 50 рублей, и на них он в деревне стал было поправляться. А теперь? Теперь без пальто, бегая по урокам, обедая не каждый день («Дорого, доктор, не хватает грошей, чтобы купить в столовой на месяц обедов, мы с братом через день...»), живя в конуре, именуемой студенческой квартирой, будет сгорать вопреки жажде жизни. И сгорит. Мало того, ему отравят остатки дней его. Из университета исключат того, кто из-за жажды знаний не пожалел и жизни.

Приписка в дневник за то же число: «Боюсь, боюсь, что не сумел сказать, что надо... Буду еще пытаться вылить в слово то, что видал, что слышал, молчать больше не могу...».

В тот же октябрьский день (все, что я пишу, может быть проверено; проверено может быть и то, что вторая страничка относится к одному и тому же дню) в амбулаторию для студентов вошел, опустив голову, как-то согнувшись, с безучастным выражением лица, белокурый юноша высокого роста и недюжинного сложения. Он чувствует себя неловко: первый раз в приемной; не знает, где сесть, как держать себя. Он только полтора месяца как студент.

Не поднимая глаз, проговорил он тоном извиняющегося, конфузующего человека, словно пришедшего по пустякам:

– У меня было кровохарканье, я потерял порядочно крови, могу я просить какого-нибудь лекарства из университетской аптеки?

– Это ваше право. Конечно, вам надо лечиться. Будьте добры рассказать, живы ли ваши родители, как их здоровье, не болели ли они грудными болезнями, не было ли у братьев, сестер того же, что случилось с вами?

– Мои родители и все их дети здоровы, в роду у нас чахоточных нет.

– Судя по вашему анамнезу и сложению, вероятно, были какие-нибудь еще причины, вызвавшие потерю крови?

Тут юноша вскинул на меня свой как бы безучастный взор, помолчал с минуту, а затем я увидел: слезинки закапали на поношенную тужурку... Юноша боролся со своей слабостью и старался смахнуть с глаз непослушные слезы. Он ждал участия, хотел, как человек, от ближнего помощи. Глухо, словно из-за стены долетали до меня отрывочные фразы:

– Не мог достать уроков, квартиры у меня нет, ночи провожу на вокзале. Там и случилось кровотечение, больше двух стаканов, хорошенько я не помню, все эти дни у меня кружится голова.

Опять вскинул на меня юноша печальный свой взор и как будто хотел сказать: «Не смей смеяться, ведь мне же страшно тяжело!».

– Может быть, кровотечение было оттого, что я горячего не ел, у меня нет денег.

Господа! Мне больно, трудно писать. Горько и до слез жалко было слушать невольно исповедь юноши, гордого в своей нужде и несчастье, но войдите в его положение! Что должен был чувствовать он? Нет квартиры... Ничего, добуду урок, там кончу курс, буду зарабатывать деньги, будет и у меня хорошая квартира. Не ел несколько дней... Ничего. Пойду к товарищу, напьюсь чаю. А там найду же себе работу... и поем... ничего... Работа будет! Вот только бы голова не кружилась! Хлынула кровь из горла. Но и тут он ведь голодный, холодный, без сна ночи проводит на вокзале. Двое суток проходит прежде, чем решается он идти... к врачу за помощью. А разве помощь врача тут нужна? Нет, здесь нужна главным образом помощь граждан! Этот гибнущий брат и сын ваш хочет учиться, хочет работать. Ведь он сторицею отдаст вам за человеческую вашу помощь ему теперь, когда у него нет ни угла, ни куска хлеба... Ведь 8 лет в гимназии его готовили только в университет. И там в эти 8 лет из-за него недоедали, за работой недосыпали ночей... Кончил гимназию — университет! Еще 4 года труда... Впереди как идеал — интеллектуальный труд на пользу той же голодной и холодной родины. Только бы сил хватило кончить, только бы перебиться как-нибудь в годы учения. В русских университетах больше половины студентов не из «стана ликующих», большинство из них «omnia mea mesum porto»... Бедность есть фон жизни русского студенчества. И если наука не удел только богатых и людей со средствами, то помогите же, граждане, нести тяготу младшему брату! Подчас непосильно бремя его: учиться и доставать себе кусок хлеба! Многим из них нужно пальто, теплый угол и тарелка горячего супа. Самый скромный, самый бедный, но самолюбивый, не протянет к вам руку. Ищите такого и умейте помочь, иначе истечет он кровью прежде, чем увидите его нужду, его горе.

А его нужда, его горе — ваше горе, граждане! Не моего слабого голоса послушайте, послушайте голоса сердца вашего — и помощь будет дана. Мог бы еще и еще развертывать странички из дневника своего университетский врач, но если судьба ему судила своим безыскусным, но от души идущим словом сказать хоть сотую долю того, что сказать должно, то нужда и бедность будет уменьшена.

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЯ МЕДИЦИНСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ИМПЕРАТОРСКОГО ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

от 28 октября 1913 г., ст. 5

Слушали: Г. декан доводит до сведения факультета об экстренном ходатайстве проф. Троицкого — выхлопотать сверхштатному ассистенту при кафедре детских болезней приват-доценту Баранникову субсидию в 1000 руб. из министерских сумм и предлагает проф. Троицкому высказаться по этому делу.

Проф. Троицкий аттестовал приват-доцента Баранникова, как неутомимого научного работника, безупречно исполняющего свои многосложные обязанности, как человека, отдавшего 26 лет своей жизни университету и оказавшегося в настоящее время в самом ужасном положении — без средств и с подорванным здоровьем, которое он погубил, беззаветно служа университету, где он трижды заразился при исполнении своих служебных обязанностей, переносив тяжелые заболевания, которые в последнее время дали себя знать с особой силой: процесс в легких обострился и нужна немедленная помощь.

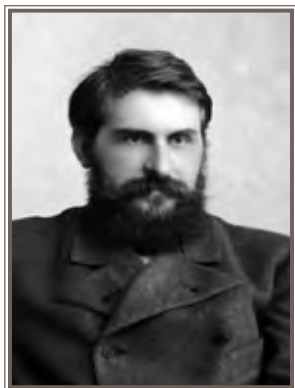
Проф. Репрев: Я знаю д-ра Баранникова ближе других. Все, что предлагается — мало. Да, положение ужасное — отдать всю жизнь университету и ничего не получить от него. Грешно было бы не дать 1000 р. из специальных средств. Какая масса денег тратится непроизводительно, а здесь нужда вопиющая, средства должны быть изысканы, нужно хлопотать in corpore. Нельзя же оставить умирать беспомощным энтузиаста, труженика науки.

Проф. Поляков предлагает попутно возбудить ходатайство о возведении д-ра Баранникова в звание сверхштатного профессора.

Это предложение, встреченное сочувственно, поддерживается всеми, а также и проф. Троицким, при кафедре которого работает д-р Баранников.

Проф. Мельников-Разведенков считает д-ра Баранникова своим научным противником, против которого ему нередко приходилось выступать, и тем не менее он отдает ему должное как человеку не от мира сего, неутомимому труженику, до самозабвения преданному науке, удивительно простому, кроткому и незлобивому, а потому всякие меры к облегчению тяжелого положения д-ра Баранникова от души приветствует.

М. ФАБРИКАНТ

**ВИЛЬГЕЛЬМ ФЕДОРОВИЧ
ГРУБЕ
(1827–1897 гг.)**

Прошло 30 лет со дня кончины В.Ф. Грубе — срок, достаточный для того, чтобы были забыты личные характеристики, как положительные, так и отрицательные, по отношению к этому поистине выдающемуся, замечательному человеку, что признавали при жизни даже враги его, и чтобы дать ему объективную, с исторической точки зрения, оценку.

С 23 августа 1859 г. по день кончины — 28 апреля 1897 г., в течение почти сорока лет деятельность В.Ф. Грубе неразрывно была связана с Харьковом, куда он явился молодым человеком 32 лет, будучи единогласно избран на кафедру оперативной и клинической хирургии с офтальмологией, и занял место своего предшественника профессора Ванцетти, зрелого хирурга, пользовавшегося большой славой. Один факт, что молодой хирург не остался в тени Ванцетти и уже через год был единогласно избран советом университета в ординарные профессора, красноречиво говорит в его пользу. О нем скоро заговорили, его слава росла, росло и уважение его сотоварищей по факультету. Медицинский факультет поручил ему, хирургу, заведование в течение года терапевтической (в 1872 г.) и полгода — акушерской клиникой (в 1862 г.). Это показывает, что удельный вес его среди сотоварищей по факультету стоял настолько высоко и в широту его образования верили так сильно, что ему доверили такую кафедру общей медицинской дисциплины, как внутренние болезни, и такой специальной, как акушерство. Его имя заняло почетное место среди той плеяды профессоров, которые составили гордость и славу Харьковского университета.

Студенты, только поступавшие в университет и не имевшие, конечно, никакого представления о медицине, считали своим долгом хоть посмотреть на знаменитого Грубе, взглянуть, как он оперирует, и уяснить себе, почему так восторженно о нем отзываются старшие товарищи с IV курса, счастливы, уже приобщившиеся к медицине и даже курирующие больных в клинике. Однако таких любопытствующих вначале ждало разочарование.

Ход в клинику вел через двор, не отличавшийся, кстати сказать, даже примитивной эстетической внешностью. Парадного хода с улицы не было. При входе в клинику находилась небольшая полутемная раздевальная, дальше — две небольших комнаты для амбуланса, битком набитые больными. В одной из этих комнат шел прием и разбор больных со студентами, в другой одновременно проводились мелкие операции, удаление зубов и перевязки. Из второй комнаты узкий темный коридор вел в операционную — обыкновенную большую комнату. Посреди комнаты, против единственного большого, как его называли тогда, венецианского окна стоял большой деревянный операционный стол и два белых стула: один — для профессора, другой — для больного. Площадь эта окаймлена амфитеатром поднимающихся ступами скамеек с общим проходом для всех (профессор, ассистенты, студенты, больные). Полную картину можно представить, если напомнить, со слов В.Ф. Грубе, что под клинику был приспособлен полицейский участок. Жутко, тихо, шепотом переговариваются студенты, деловито бегают ординаторы. Все затихло: профессор идет! Кураторы-студенты докладывают о больном. Полные умного, безобидного юмора реплики профессора сразу оживляют аудиторию.

Начинается лекция. Свободно льется правильная русская речь, со своеобразными германизмами, полная остроумных метафор и сравнений, жадно слушают старшие студенты, ничего не понимают придавленные неказистой внешностью юнцы, забежавшие из любопытства, но одно для последних понятно: с речью профессора все оживило — раздаются взрывы хохота слушателей, смеется и веселее глядит сам больной, светлее стало в операционной — все оживилось, волшебное преобразилось. Больной ложится на стол, его тут же наркотизируют (отдельной комнаты для наркоза нельзя выкроить). Бесперывно льется речь профессора. Больной заснул. Все готово, два ассистента насторожились, готовые «коршунами», как выражался В.Ф. Грубе, броситься на кровоточащие сосуды. Красивым жестом, естественным, не театральным, наносятся разрезы за разрезами с указанием топографии операционного поля. Студенты старших курсов застыли в своем внимании, любопытствующие юнцы ошеломлены. Забыто окружающее, в памяти остается величественный образ художника, волшебника, так уверенно иссекающего ножом больное и создающего из бесформенной массы красивые черты. Где-то далеко в глубине сокровенно назревает мысль сделаться во что бы то ни стало хирургом, и если уже не таким художником, как Грубе, то все-таки хирургом. Вот как рождались бесчисленные ученики Грубе.

В.Ф. Грубе родился в бедной семье 30 мая 1827 г. в селе Нейгут Курляндской губернии, Учился он дома, в школе, а в 11 лет, поступил в рижскую гимназию, по окончании ее — казеннокоштным воспитанником в Дерптский университет. Два года был на богословском факультете, затем перешел по собственному влечению на медицинский, в 1844 г. окончил его. В 1850 г., защитив диссертацию, получил звание доктора меди-

цины «De tumoribus quibusdam benignis in nasi superficie obviis cumque deformantibus», а через год был удостоен звания и доктора хирургии, защитив диссертацию «De hernia ischiadica». Два года Грубе прослужил ординатором Дерптской хирургической и офтальмологической клиники профессора Каруса и заменившего его профессора Адельмана. Затем он как казенный стипендиат поступил врачом во флот и плавал в течение двух лет вокруг света на фрегате «Камчатка». Пользуясь каждой остановкой, он посещал лаборатории и клиники ближайших научных центров Европы. По возвращении в Кронштадт получил должность штатного ординатора морского госпиталя, а через полгода стал помощником главврача и заведующего хирургическим отделением на 1200 кроватей.

Тут ему впервые пришлось столкнуться с преподавательской деятельностью, обучая флотских врачей оперативной хирургии. Со свойственной ему энергией он взялся за преподавание, натолкнувшее его на мысль всецело посвятить себя академической деятельности. Крымская кампания отвлекла его внимание от этой идеи, потребовав усиленной деятельности. Одно время он был назначен главным хирургом Кронштадта, Ревеля и Свеаборга, но мысль об академической деятельности его не оставляла. Поэтому, когда в 1858 г. Харьковский университет объявил конкурс на кафедре оперативной и клинической хирургии с офтальмологией, Грубе представил на конкурс свою работу «Об удалении кусков костей из всего объема последних» и был избран на эту кафедру единогласно. Среди многочисленных конкурентов его был и талантливый хирург Ю.К. Шимановский, имевший больше научных трудов, чем В.Ф. Грубе, но предпочтением советом было отдано последнему за то, что он самостоятельно к тому времени сделал около 10 000 крупных операций.

Как директор хирургической факультетской клиники, он энергично взялся за ее устройство, невзирая на отпущенные скудные средства, всячески улучшал ее в пределах возможности, приспособляя к новым требованиям развития хирургии — к анти- и асептике. Посещая многократно заграничные и российские съезды, Грубе, всегда зорко следивший за текущей литературой на четырех языках (русском, немецком, французском и английском), выступал на них с докладами и в прениях. Обладая тонким аналитическим чутьем, он критически схватывал все существенное и переносил его в свою клинику. Даже на старости, когда заслуженные лавры обычно сдерживают порывы хирурга, направляя его деятельность в консервативное русло, он с юношеским пылом, но со старческим благоразумием вводил в клинику новые методы.

Как клиницист и преподаватель, Грубе клал в основу наблюдение и логическое мышление, клеймя фельдшеризмом всякую попытку провести в жизнь сентенцию «раскроем и увидим». «Ошибайтесь, — говаривал он, — но стройте ваш диагноз на основе логических посылок. Пусть микроскоп, лаборатория и другие методы будут вашими контролерами, но не помощниками». Он учил, что нужно наблюдать и мыслить самостоятельно, не увлекаться господствующими теориями и в случае неудачи

не сваливать вину на существующий метод, а искать причину в себе самом, «в своих деяниях». Эти принципы он начал проводить в жизнь еще в раннюю пору своей деятельности. В актовой речи, произнесенной в 1864 году, он сказал: «Клинический преподаватель должен с собой принести прилежание и постоянную деятельность, чтобы тем возбудить подражание. Он должен заниматься своим предметом с любовью к самой науке и тщательно заботиться о развитии в своих слушателях ясное знание и исполнение».

Из многих случаев ясности его клинического мышления приведу один. Опухоль в области правого подреберья. Мы, молодые, поставили диагноз на основании тогдашних новейших методов исследования — новообразование почки. Он привел нам ряд логических посылок, на основании которых сделал вывод, что опухоль эта — часть печени, отшнурованная привычными стягиваниями корсета. Лапаротомия показала, что прав был он, а не мы. И так было не раз. Преподавание он вел с любовью, и заветной мечтой его было умереть в аудитории.

Он сам любил хирургию и умел вызывать интерес у других. Где только можно было проявить широкий размах хирурга, туда спешил В.Ф. Грубе. В 1870 г. во время Франко-прусской войны он работает под Седаном вместе с профессором Бергманом в английском отделении Красного Креста, при осаде Меца — в армии принца Фридриха-Карла, близко знакомится с устройством резервных лазаретов, оборудованием транспорта раненых и ухода за ними. В Русско-турецкую войну он едет на Кавказ, потом за Дунай, принимая живое участие в боях под Плевной, заведая лазаретом 31-й пехотной дивизии, а затем — перевязочным пунктом в Радышове. После этого он переходит в 60-й временный госпиталь в Систове.

Как профессор, он умел оттенять ореол, которым это звание было окружено. Он не любил в людях «grand-seigneur'ства», как он выражался, и сам его не проявлял, но в нем было что-то такое, что удерживало кого следует в почтительном отдалении. Это особенно проявлялось по отношению к царским властям, и удачной шуткой ему всегда удавалось поддержать свой профессорский престиж. Так, например, когда он был награжден Александром III высоким орденом Белого орла, то по этикету он должен был лично благодарить царя. Желая, очевидно, избежать церемониала, он к первым же словам благодарности прибавил:

– Птица настолько важная, что я теряюсь, как и чем я ее кормить буду. Эта шутка сразу изменила направление церемониала.

Иллюстрацией того, насколько было велико его обаяние, служит следующий факт. Он оперировал настоятеля монастыря в Святых горах. Тот неоднократно приглашал своего исцелителя в гости, обещая устроить ему рыбную ловлю, а до последней Грубе был большой охотник. Наконец после настойчивых приглашений Грубе согласился. Обрадованный приездом профессора, настоятель устроил ему торжественную встречу с колокольным звоном, каким обыкновенно по церемониалу встречали архиереев. За торжественный прием лютеранина Грубе, чем усугублялась

вина настоятеля, тот получил соответственное внушение от харьковского архиепископа.

Как общественный деятель, В.Ф. Грубе проявил себя активным работником — где активным участником, а где инициатором и вдохновителем. Он основал Харьковское медицинское общество и с 1863 по 1890 г. был его активным председателем, а затем — почетным председателем до конца жизни. Чтобы показать, какую роль сыграл Грубе в жизни общества, позволю себе привести дословную выписку профессора Б.Г. Пржевальского из «Очерков 50-летней деятельности Харьковского медицинского общества с 1861 по 1911 г.»: «Во всей деятельности первых двух периодов невольно останавливает на себе внимание исключительное по энергии и не менее выдающееся в идейном отношении участие в хирургической деятельности его основателя — В.Ф. Грубе. В его научных докладах, скрывавших, с точки зрения казуистики, обыкновенно ценные сокровища, всегда сверкала сила мысли, опирающейся на опыт практика, природную пронизательность и ту совершенно особенную свежесть внимания, которая уже по самой своей природе чужда всякой рутине. Само собой понятно, как вообще благотворно отразились эти редкие качества представителя хирургии в Медицинском обществе на окружавших его сотрудниках и молодых работниках».

Грубе нес обязанности товарища председателя местного отдела Общества Красного Креста, а фактически он был его вдохновителем и активным работником.

Как о хирурге, с точки зрения техники, можно сказать, что «он был уже одним из последних могижан, которые довели девиз «Cito, tuto» до виртуозности, а «jucunde» им дала общая анестезия. Слава Грубе как хирурга была известна не только в пределах России, но и в лучших центрах Европы. Такие великие люди, как Lister, Billroth, Bergmann, Volkman, Virchow, Charcot и другие, присоединились к почетному хору поздравлений, принесенных Грубе по поводу 35-летнего юбилея его ученой деятельности.

Под своей внешней суровой оболочкой он таил качества великой души, стойчески переносил всякие невзгоды жизни, а их выпало на его долю немало. Личные переживания он никогда не выносил на арену своей деятельности. Никакое личное, семейное горе не отвлекало его от своих прямых обязанностей. Мы, ординаторы, узнали, что он утром получил весть о смерти своей дочери, матери троих детей, а в этот день были назначены операции. Он нам сказал: «Почему же больные должны страдать?». И оперировал. Черствость, скажут. Нет, это великий стоицизм и самообладание! Так стойчески он и умирал. Накануне своей кончины попросил дежурившего у него ученика пощупать пульс и сказать свое мнение. Когда он получил утешительный ответ, то, уже задыхаясь, рассказал соответствующий анекдот и добавил: «Я вас учил обманом утешать других, не обманывайте же меня. Я уже как паровоз, у которого на семафоре закрыли пар, тихо по инерции подхожу к дебаркадеру». В юмористической шутиливой форме он преподносил глубокие философские жизненные

сентенции. Желая утешить одного из своих учеников, который болезненно реагировал на несправедливые нарекания того или другого больного, он ему сказал: «Не нужно радоваться, когда больные вас хвалят, и не нужно печалиться, если они вас бранят, ибо в жизни вас будут незаслуженно хвалить и незаслуженно бранить».

Каковы же заслуги Грубе как ученого? Мерилом обычно служит количество печатных трудов. У него было их 37, 20 сообщений, сделанных в Харьковском медицинском обществе, около 200 рефератов в немецких журналах. Когда к концу его жизни уже наступили первые симптомы начавшегося литературного потопа, он горевал, что он и его ученики написали мало, но он по своей скромности не видел, что оставил нечто большее, чем литературное наследство. Он, всесторонне основательно образованный, знаток не только медицинской, но и вообще русской и европейской литературы, живым словом приковывал к себе внимание своих слушателей, был для них живой книгой. Он создал не только кадры учеников, которые впоследствии сделались учителями, но и огромные кадры таких, которые из аудитории уносили заветную мечту сделаться хирургами, сделались ими и, разъехавшись по отдаленным глухим углам, вносили туда свет и жизнь, оперируя и спасая больных. «Читайте много, но переваривайте прочитанное, — говаривал он, — ибо ученые с нагроможденными фактами, не прошедшими через горнило их собственного сознания, похожи на животных, навьюченных книгами».

Велика заслуга его как великого учителя, из живой открытой книги которого черпали знания многие поколения прошлого и будущего. Себя В.Ф. Грубе недооценивал и всегда скорбел, что мало сделал. К нему вполне применим эпитафия, который по отношению к себе применил великий John Hunter: «I know, y am but a pigmy in Knowledge, yet y feel as a giant, when compared with these men (Я знаю, что я только пигмей в науке, однако чувствую себя гигантом в сравнении с этими людьми)». Да, это был гигант!

ИНТЕРЕСНО И ПОУЧИТЕЛЬНО...

...Дочь бывшего заслуженного профессора Харьковского университета Вильгельма Федоровича Грубе принесла в дар хирургической факультетской клинике, согласно желанию покойного отца ее, библиотеку последнего, заключающуюся в 1217 томах периодических изданий и около 3000 томов книг по разным отраслям медицины. Приблизительная стоимость библиотеки исчисляется в 6000 рублей.

*Из Отчета о состоянии и деятельности
Императорского Харьковского университета
за 1898 г.*

...12 марта 1901 г. на факультете было прочитано духовное завещание покойного профессора А.Г. Подреза, по которому он завещал Харьковскому университету дом и дворовое место на Пушкинской ул. г. Харькова с тем, чтобы в этом доме была открыта специальная клиника мочеполовых органов. Если же почему-либо таковую открыть будет нельзя, то имение продать, а деньги передать на улучшение госпитальной хирургической клиники.

*Из книги «Медицинский факультет
Харьковского университета за первые
сто лет его существования»*

...Среди многочисленных препаратов, которыми обогатился музей патологической анатомии в 1907 году, был ценный препарат, завещанный покойным профессором В.П. Крыловым. «Согласно воле усопшего, органы из его тела консервированы in situ в особом громадном хрустальном сосуде, и таким образом осуществлено желание покойного служить для поучения студентов после смерти».

*Из Отчета о состоянии и деятельности
Императорского Харьковского университета за 1907 г.*

А.Ф. КОНИ

ИЗ ХАРЬКОВСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ

В Харькове существовал обычай заменять новогодние визиты раутом в дворянском собрании, где все обменивались приветствиями, а молодежь танцевала. Первого января 1869 г. я отправился на такой раут, но, выходя из дому, получил письмо, в котором меня извещали, что в тюремном замке сокамерниками убит арестант, а начальство скрьюло это происшествие. Убитого отпели как умершего естественной смертью, хотя многие видели боевые знаки на лице у лежавшего в гробу, и, чтобы опустить концы в воду, труп отправили в анатомический театр, откуда его возьмут, конечно, в препаровочную, и всякий след преступления потеряется.

Письмо было анонимное, но на порядках харьковского тюремного замка давно лежала тень подозрений. Поэтому, встретив на рауте прокурора судебной палаты Писарева, я показал ему это письмо — и мы решили, что я проведу дознание, немедленно отправившись в анатомический театр для разыскания трупа. На рауте был и профессор патологической анатомии, милый, глубоко ученый и оригинальный друг мой Душан Федорович Лямбль. Я просил его отправиться со мною, он выразил большую готовность, и мы, как были на рауте, во фраках и белых галстуках поехали в университет, где не без труда разыскали полупьяного сторожа. Этот своеобразный Вергилий повел нас по кругам анатомического ада. Миновав несколько комнат, мы вступили в амфитеатр, перед пустыми скамьями которого стоял стол с мраморной доской, и на нем сидела обнаженная молодая женщина. Молодое и красивое тело ее было немного подернуто зеленью разложения, оконеченные руки и ноги слегка согнуты в коленях и локтях, а лицо... лица было не видно, ибо головная кожа была подрезана от одного уха до другого через шею ниже затылка и, вывернутая наизнанку, зияя мясом и мелкими сосудами, была надвинута на лоб и на лицо. Густые белокурые волосы спускались из-под нее и совершенно закрывали это лицо и верхнюю часть груди. В таком виде она была приготовлена накануне для анатома-патологического исследования, которое должно было произойти 2 января.

Трудно передать то ощущение сострадания и вместе отвращения, которое вызывала своим видом эта ужасная фигура... Миновав ее, мы вошли в длинный коридор с небольшими и тусклыми окнами, находившимися, если не изменяет память, на уровне выше роста человека. Я несколько раз оглядывался назад, и каждый раз мой взгляд встречал все ту же фигуру, сидевшую на столе прямо против дверей. Издали казалось, что это сидит голый бородатый человек, нахлобучивший на себя красную шапку. В конце коридора несколько ступенек вели в освещенную одним окном кладовую, где хранились трупы, присланные из полиции и больниц для вскрытия и для студенческих работ. Это были бездомные, останки которых не приняли любящие руки, были опившиеся или замерзшие, подобранные на улицах и в уезде. За праздники их накопилось много, и они лежали на низких и широких нарах друг на друге, голые, позеленевшие, покрытые трупными пятнами, с застывшими гримасами на лицах или со скорбными складками синих губ, по большей части с открытыми глазами, бессмысленно глядящими мертвым взором. На большом пальце правой ноги каждого из них на веревочке был привязан номер по реестру, в котором значилось, и откуда прислан. Лямбль послал за реестром, и мы стали курить и ходить по коридору, где было весьма холодно.

В обоих концах коридора нас постоянно встречало одно и то же зрелище: то сидящая женщина, то груда мертвых тел. Наконец сторож принес реестр и стал отыскивать ноги трупа, присланного из тюрьмы. Так как некоторые из этих трупов лежали головами в противоположных направлениях, то их пришлось переворачивать, чтобы отыскать номера ног, об-

ращенных к стене, и сторож, должно быть, еще по дороге выпивший, ворча себе под нос, для сокращения своей работы, влез на эти трупы и стал их разбирать, как дрова, вытаскивая один из-под другого. Искомый нами номер оказался на ноге мертвеца, лежавшего в самом низу, головой к стене. Сторож стал тянуть его за ноги, причем лежавшие сверху стали поворачиваться. Вот показались тело и руки, задевавшие других мертвецов и в них упиравшиеся, вот грудь и плечи, но где же голова?! Оказалось, что голова отрезана умелой рукой и исчезла вместе со своими «боевыми знаками». Сторож припомнил, что голова отрезана и унесена прозектором для каких-то специальных надобностей. Посланный тотчас же к прозектору, жившему тут же на дворе, сторож, продолжая ворчать, пошел ленивой походкой, предвзвешенно прислонив безголовый труп к его товарищам по несчастью.

Мы снова стали ходить по коридору и курить. Между тем короткий зимний день начал сменяться надвигающимися сумерками. Сторож не возвращался. Наконец Лямбль потерял терпение и, сказав мне: «Я пойду за головою сам», — быстро удалился, так что я не успел задать вопроса о том, не пойти ли с ним и мне. Но сторож мог вернуться без него, пройдя с какого-нибудь другого хода и, не найдя никого, исчезнуть уже на целый день.

подавляя в себе ощущение невольной робости, я стал ходить по коридору, а сумерки все сгущались. Вскоре уже трудно стало различать все подробности в подвале и большой зале, и по мере приближения к ним из густой полутьмы выступали только белое тело сидящей женщины и зеленое грузное тело человека без головы. Из залы слышалось таинственное и зловещее молчание. Из подвала проникал насыщенный тяжким запахом разложения воздух, приносивший иногда похожие на вздохи звуки, издаваемые газами во внутренностях потревоженных трупов. Наконец стемнело совершенно. Я остановился посреди коридора, сторожимый с двух сторон мертвыми свидетелями моего тяжелого одиночества. Вспоминая, что менее чем за два часа перед этим я был в светлой и праздничной зале, видел веселую и нарядную толпу, говорил с изящными, полными жизни и веселья женщинами, я начинал думать, что все мне приснилось, или наоборот то, что меня окружает, — какой-то тяжкий кошмар, который сейчас рассеется, и грудь, в которую начинал ползать неотвратимый ужас, вздохнет облегченно.

Не могу дать себе отчета, сколько времени провел я в этом состоянии. Но вот в зале показался слабый свет, и затем в конце коридора послышались шаги, и появился Лямбль с мешком в руках, а за ним сторож с фонарем. В мешке была голова с ярко-красными пятнами на лице. Лямбль приладил ее к шее стоявшего трупа, убедившись, что она на своем месте, снова снял ее и, внимательно рассматривая, сказал мне:

– В письме написан вздор: это не кровоподтеки от побоев, это воспалительное состояние кожи, даже несомненно — следы местного воспаления. Я пришлю вам завтра письменный об этом отзыв.

Взяв с собою голову, он удалился.

Мне пришлось и в другой раз посетить харьковский анатомический театр, отыскивая Лямбля для получения его совета относительно экспертизы по вопросу о психозе беременной женщины, обвинявшейся в Валках в покушении на жизнь мужа. Я нашел его перед памятным мне мраморным столом, окруженным группой студентов. Лямбль делал вскрытие трупа в подтверждение поставленного диагноза и производил его с изумительным искусством, точностью и знанием, которые разворачивались под каждым движением его скальпеля. Весь отдавшись разрешению патологического вопроса, оживленный и уверенный в себе, жадно посасывая маленький окуроч сигары, каким-то чудом не обжигавший ему нос, он казался настоящим жрецом науки на исключительном ей служении...

Упомянув о Лямбле и вызвав перед собою его симпатичный и оригинальный образ, я не могу удержаться, чтобы не сказать о нем несколько слов. Ученик знаменитого Гиртля, подвижный, энергичный, с прекрасными, полными жизни, умными карими глазами на сухощавом лице под нависшим хохлом седеющих волос, Лямбль производил впечатление выдающегося человека и был таковым в действительности. Хозяин в своей части, он не был узким специалистом, а отзывался на всевозможные духовные запросы человеческой природы. Любитель и знаток европейской литературы, тонкий ценитель искусства, он мог с полным правом сказать о себе «*nihil humanum me alientum puto*» (ничто человеческое мне не чуждо). Он в подробности изучал и знал Данте, а своими объяснениями и замечаниями внушал мне любовь и интерес к художественной деятельности Гогарта. Как практический врач он подсмеивался над узкой специализацией, столь развившейся в последнее время, и в понимании картины и значения болезни давал ход собственной творческой мысли, а не следовал рабски за тем, что ему скажет последнее слово заграничных книжек, в особенности разные химические и другие исследования. Он лечил не теоретически понимаемую болезнь, а каждого больного, индивидуализируя свои приемы и указания и отводя широкое место психологическому наблюдению. Его называли оригиналом и чудаком, но чудака этот мог записать себе в актив немало блестящих исцелений там, где был серьезный и определенный недуг, и там, где нужно было лишь поднять душевный строй человека, не привязывая к нему непременно определенного медицинского ярлыка с неизбежной, предустановленной процедурой лечения и режима.

Судебная реформа в первые годы своего существования требовала от судебных деятелей большого напряжения сил. Любовь к новому благородному делу, явившемуся на смену застарелого неправосудия и бесправия, у многих из этих деятелей превышала их физические силы, и по временам некоторые из них «надрывались». Надорвался в 1868 году и я. Появились чрезвычайная слабость, упадок сил, малокровие и после более или менее продолжительного напряжения голоса — частые горловые кровотечения. Выдающиеся врачи Харькова признали мое положение

весьма серьезным, но в определении лечения разошлись, хотя, по-видимому, некоторые подозревали скоротечную чахотку. Один посылал меня в Соден, другой в Зальцбрун, третий — в горы, четвертый, наконец, в Железноводск. Я не знал, что делать, тем более что и самое путешествие за границу представлялось для меня затруднительным в материальном отношении.

Заслышав о моем нездоровье, ко мне пришел Лямбль.

– Надо ехать за границу, — сказал он с чешским акцентом, пощипывая любимым жестом свою эспаньолку.

– Но куда, куда?

– А куда глаза глядят, то есть в Европу... Вам нужны новые впечатления и отдых, но отдых деятельный и поучительный. Поезжайте сначала в Прагу, там встретите хороших людей, я дам вам письма. А оттуда — в Мюнхен, где зайдете в старую Пинакотеку, потом прокатитесь по Рейну, во Фландрию, посмотрите Рубенса и Мемлинга в Брюгге, а затем — в Париж, где вам, может быть, удастся послушать Тардье...

– Но что же мне пить, какие воды?

– А пить необходимо, необходимо пить, но не воды, а пиво. Вы так и делайте — поезжайте от одного пива к другому пиву, а приедете во Францию — пейте красное вино. А главное — не думайте о своей болезни. Она называется молодость, слабая сила при большом труде и нервность. Вы в сущности — один сплошной нерв. Новые впечатления и пиво! Вот и все...

Мне было тогда 23 года. И теперь, дожив, несмотря на многие испытания, до 67 лет, я с благодарным чувством вспоминаю этот совет «чудака», которому с успехом в свое время последовал.

Лямбль действительно был оригинален во всем. После своего венчания он пригласил нас, своих шаферов, из церкви в свою квартиру, богатую книжками и скудную мебелью, переделся в обычный рабочий костюм и, попросив нас посидеть с новобрачною, ушел присутствовать при какой-то интересной в медицинском отношении консультации, продолжавшейся до поздней ночи.

С особым блеском сказывались его знания и способности в тех случаях, когда по приглашению суда или сторон он являлся экспертом в уголовных делах. Лучших по обстоятельности, рельефности и художественной удобопонятности экспертиз по самым затруднительным вопросам мне и потом, во время моей долгой судебной деятельности не приходилось слышать. Это были целые лекции, глубоко и научно продуманные по содержанию, популярны по форме.

К сожалению, в конце 60-х годов XIX века между профессорами харьковского медицинского факультета существовала значительная рознь. Если одна из сторон в процессе ввиду предстоящего состязания на суде вызывала Лямбля, то другая — непременно одного из его недоброжелателей. И в научный спор нередко вносился элемент личных обостренных отношений. Надо было видеть, как умело и с достоинством истинного

знания отражал Лямбль направленные на него удары, сколько тонкой иронии и остроумия бывало в его ответах на недоумения суда или стон! Не только лиц прокурорского надзора, обыкновенно довольно беззаботных по части судебно-медицинских сведений, но и своих товарищей по профессии он побивал легко и неотразимо. Надо заметить, что особой глубиной и всесторонностью отличались психиатрические экспертизы этого профессора патологической анатомии. В них он являлся настоящим служителем науки, который понимает задачи истинного правосудия с теплотою доброго и с широтой просвещенного человека. По поводу одной из них в Варшаве в начале 80-х годов по делу об убийстве врача Курциуша он писал мне своим своеобразным слогом: «Я завидую дару прокурора, набросавшего на черном фоне небосклона великолепную логическую радугу, которой все восхищались, забывая, что под нею на сырой холодной земле лежит смятое существо, побитое градом роковых событий. Оно едва дышит, и между ним и этой радугой нет никакой связи. Прокурор стер в порошок всю мою трудом добытую экспертизу с лица земли, успокаивая меня тем, что вся эта моя отвратительная истина — «асимметрия черепа, неравенство зрачков, наследственность» и прочие гадости — все на втором плане. Да! На втором, на третьем, если угодно, на последнем плане, но на этом же плане и сам подсудимый, и понимать его надо с этого плана, а не с заоблачной высоты этических соображений...».

Мы расстались в 1870 году, чтобы видеться затем лишь урывками. Он переехал в Варшаву, я оставил Харьков. Чуждый всякой рутины, ставивший впереди всего исключительно интересы дела, он, судя по некоторым местам его писем, переживал подчас трудные дни. Чех по рождению, он горячо любил Россию и желал ей истинного величия и сопричастности культурным задачам Запада. Действительность, окружавшая его, шла нередко вразрез с этими его желаниями... «В наших сферах, — писал он мне в сентябре 1880 года, — все то же водотолчение. Попечитель выходит из себя потому, что студенты ходят в студенческих шапках без студенческих мундиров, а ректор страдает бессонницей потому, что попечитель принимает студенческие шапки к сердцу. Между тем, как вопрос о шапках тревожит умы, возбуждает кровь и грызет печень, другие дела себе гуляют. Одна клиника, например, остается без преподавателя, а другой преподаватель остается без клиники. Вы знаете, Анатолий Федорович, как иногда бывает стыдно за человека, но поверьте, что еще стыднее иногда быть профессором университета в России».

«Здесь тоже веет каким-то ветерком, пахнувшим богатыми надеждами, — писал он в начале 1881 года. — Газета «Врач» напечатала докладную записку медицинского факультета о нуждах клиник, статья была принята с глубоким сочувствием со стороны зрячих и со скрежетом зубовым со стороны бездушных представителей злополучной бюрократии».

В следующем году по поводу несчастий, обрушившихся, как из рога изобилия, на одного нашего общего близкого знакомого, он прислал мне строки, отлично характеризующие склад его собственной души, всегда,

впрочем, ясный для тех, кто знал его ближе. «Я вполне понимаю удручающее горе нашего друга, — писал он, — но мне кажется, что если несчастье вообще облагораживает хорошую душу, то не может не быть, чтобы тяжелые страдания его чуткого сердца не придали бы еще больше цены тому твердому закалу характера, которым он столько к себе привлекает. Пусть идет он именно этой дорогой горестей, которая называется *per aspera ad astra* (через тернии к звездам). Придет время, и он будет благодарить провидение за то, что оно дало ему пострадать и вытерпеть жгучие душевные мучения...

...Он скончался в Варшаве 13 февраля 1895 г.

ФАКУЛЬТЕТСКОЕ ОБЕЩАНИЕ

Принимая с глубокою признательностью даруемая мне наукою права врача и постигая всю важность обязанностей, возлагаемых на меня сим званием, я даю обещание в течение всей жизни ничем не омрачать чести сословия, в которое ныне вступаю. Обещаю во всякое время помогать, по лучшему моему разумению, прибегающим к моему пособию страждущим, свято хранить вверяемые мне семейные тайны и не употреблять во зло оказываемого мне доверия. Обещаю продолжать изучать врачебную науку и способствовать всеми силами ея процветанию, сообщая ученому свету все, что я открою. Обещаю не заниматься приготовлением и продажей тайных средств. Обещаю быть справедливым к своим сотоварищам-врачам и не оскорблять их личности, однако же, если бы того потребовала польза больного, говорить правду прямо и без лицепрятия. В важных случаях обещаю прибегать к советам врачей, более меня сведущих и опытных. Когда же сам буду призван в совещание, буду по совести отдавать справедливость их заслугам и стараниям.

А.Д. НЮРЕНБЕРГ

К ВОСПОМИНАНИЯМ О «ДЕДУШКЕ КРЫЛОВЕ» (начало 1900-х годов)

Счастливая судьба дала мне возможность встречаться с Владимиром Платоновичем Крыловым в самой разнообразной обстановке и при разных условиях: то в качестве студента университета, участника студенческих организаций, то в качестве его слушателя и работавшего в его лаборатории, то, наконец, в качестве ординатора профессора Опенховского, который пользовался особым расположением покойного.

Должен оговориться с самого начала, что я чужд намерения привести систематически рассказ обо всем пережитом мной около Крылова. Для человеческого гения, как и для всего вечного, нет меры и веса. Нельзя будничными фактами определить самобытную мощь крыловского духа. Оригинальность мысли, не всегда доступная поверхностному наблюдателю фактов, дает основание ошибочному суждению. Разные мнения о профессоре Крылове подчас касались наиболее выпуклых черт его личности — теплоты и сердечности к людям, прогрессивности взглядов вообще, и инстинкта общественности в частности, строгой последовательности и принципиальности в отношениях к окружающим. Сохраняя эпизодически характер изложения, я попытаюсь рассказать о двух встречах с В.П. Крыловым, разделенных приблизительно десятилетним промежутком времени от девяностых до девяностых годов.

Первый случай касается так называемой Ветровской истории. Все русские университеты облетела весть, что курсистка Ветрова покончила жизнь в заключении самосожжением, облившись керосином. По слухам, причиной самоубийства было изнасилование заключенной тюремным сторожем. Студенческие волнения, или так называемые беспорядки, имели место во всех университетах и приняли в Харькове обычную форму сходки в университете с последующей уличной демонстрацией. Демонстрантов, собравшихся в Николаевском сквере, тотчас же окружил отряд казаков и при первых звуках зауспокойного пения загнал нагайками в близлежащий полицейский двор. Протомили демонстрантов до вечера, приезжало университетское и общегражданское начальство, допрашивали, переписывали поименно, угрожали, увещевали и по группам, согласно инспекторским и полицейским указаниям, отпускали на свободу.

В 11-м часу вечера была отпущена последняя группа демонстрантов, признанных зачинщиками и организаторами беспорядков. Унылые, голодные, молчаливые, шли они вверх по Сумской. Все было сказано, посильное сделано, а на душе — тоска, сознание несправия, чувство бессилия... Шли вместе, не хотелось расходиться, как будто общность настроения и чувства неразрывно спаяла группу человек около десяти. Добрели по Сумской до ресторана Циммермана... Кто-то нарушил молчание: «Зайдем поесть, может, дедушку встретим». Зашли... Встретили... Профессор Крылов сидел за кружкой пива в обществе нескольких врачей.

Узнав от одного из нас, чем объединены вошедшие, Крылов перешел к нам. Долго он молча слушал наши рассказы, безучастно отнесся к нашим сетованиям по адресу профессоров и университетского начальства за их инертное отношение к факту возмутительного насилия. На вопрос, обращенный к нему, Крылов только сказал:

– Дурак всегда дурак — и с нагайкою дурак, и под нагайкой дурак.

Эта реплика послужила вызовом. Последняя вспышка угасавшей энергии утомленных переживаниями дня людей сказалась в экзальтированных буйных возгласах о том, что все студенчество, как один человек, восстанет без колебаний и страха и отомстит за участь Ветровой, и да будет

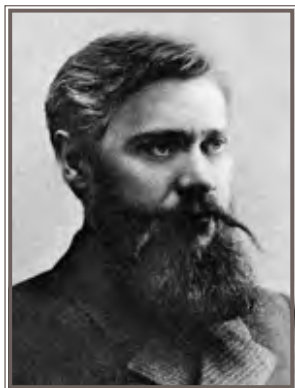
стыдно профессорам!.. Тогда заговорил Крылов. Говорил тихо, долго, с грустью и протестом в тоне:

– Нет студенчества. Единство — выдумка, самообман. Нет сознательного студента, нет способности к последовательному, логическому мышлению, нет сознания долга, а чувство — вопрос момента: сегодня оно объединяет тех, кого разделит завтра. Студенты — разношерстная толпа людей различного воспитания, разных интересов... Пусть каждый принесет к осени по рублю, и будет сумма, достаточная для увековечения памяти Ветровой путем учреждения в университете стипендии ее имени. Я берусь добиться осуществления этого памятника. Тогда в студенчество поверю я, вы, общество, но вы этого не сможете сделать.

Предложение встретило полное сочувствие. Крылову в его предсказании неудачи никто не верил в тот момент, а осенью... не собралось и 10 рублей, рассчитывали же на тысячи.

Первая половина настоящей книги посвящена деятельности профессора В.П. Крылова. В воспоминаниях второй половины — место поступкам дедушки Крылова, характерным мелочам. Среди других обвинений Крылова часто приходилось слышать о его национализме, узости кабинетного ученого, чуждого интереса к общественным движениям. Сказанное о его деятельности, сухие перечни содеянного достаточно обрисовывают широту, полноту и глубину Крылова как труженика науки и гражданина с искренней и беззаветной любовью к делу, строгой требовательностью к себе, безграничной добросовестностью в отношении к сказанному слову, взятому на себя делу. Таков же был Крылов и в мелочах повседневной жизни. Националистом он был в лучшем значении слова, в своей любви к среде, из которой произошел, в которой жил и работал. Национализм дал содержание его идеалистическим мечтам и одушевлял его в работе на пользу родной культуры, русской науки. Но национализма в смысле неприязни к чужому, человеконенавистничества в Крылове не было. Немцу воздавалось должное, как и русскому, и требования к последнему предъявлялись большие. В научной работе, в своем академическом и гражданском служении он не знал «эллина и иудея». Несостоятельно и суждение об оппортунизме Крылова. Он не довольствовался существующим в отечестве положением вещей, но, не увлекаясь внешней красотой протеста, требовал сознательности, искренности и последовательности от интеллигентных носителей идеалов гражданственности и законности.

Этими чертами личности и большим умом заслужил покойный профессор эпитет «дедушка». Любовь, возникшая из родственного чувства к старому, подчас ворчливому, но всегда справедливому профессору, вера в его поддержку всего честного и правого, благодарность ему за многие годы бескорыстного труда на пользу культуры, науки, за многолетнее служение человеку — вот что делало товарищей, учеников, пациентов, членов общества внуками Крылова. В словах «дедушка Крылов» — и нежность любви, и сознание его духовного старшинства над массой...

П.И. ШАТИЛОВ

ОТРЫВКИ ИЗ
ВОСПОМИНАНИЙ

о В.П. КРЫЛОВЕ

(середина 1890-х годов)

Среди студентов складывались легенды о профессоре Крылове, его необычной учености, глубине мысли, остроумии, прямоте и о невероятной грубости. Лица, входившие с ним в более или менее близкое соприкосновение, говорили о нем то с восторгом, граничившим чуть не с обожанием, то с ненавистью и отвращением. Середины не было. Его или любили, или ненавидели, но никто никогда не смотрел на него сверху вниз. Эта величественная фигура могла вызывать только сильные, хотя и самые противоположные ощущения. Натура его была чрезвычайно сложна, соткана из противоречий. В нем уживались такие крайности, которые могут встречаться только у русского человека, вечно ищущего, вечно куда-то стремящегося, ни в чем и ни в ком не находящего удовлетворения. Он искал общества близких людей, и в то же время они же были предметом его насмешек, порой и издевательства. Грубость его доходила временами до непозволительных пределов. Надо заметить, что она грубость в обращении с людьми была обычной, но в то же время часто неумело набрасывавшимся покровом его «сентиментальности».

Да, воистину Крылов был «сентиментален». Как это ни странно, но чем больше обнаруживалась, особенно на людях, эта черта его характера, тем большею грубостью, резкостью, доходившею до цинизма и бранью по адресу всех и вся пытался он прикрыть эту свою «слабость», это «вислогубие» и «слюняйство». Крылов, несомненно, имел мягкое любящее сердце, был человеком необыкновенно отзывчивым и податливым на впечатления, любил музыку. Он любил людей, любил особенно молодежь, но скрывал все это под покровом грубой черствой внешности. Чуткая молодежь, слышавшая от него так много «забористых комплиментов» по своему адресу, льнула к нему и любила его. И кому же из профессоров могло прощаться то, что прощалось Крылову! Сколько раз собирались его «проучивать» наиболее задорные и самолюбивые юные обыватели университета, но, отправляясь «ругаться с Крыловым», делались его друзьями, поклонниками, совершенно не восприимчивыми к его «комплиментам».

Вот рассказ одного из его искренних поклонников...

«Когда к Крылову обратились два студента с просьбой разрешить им работать у него по патологической анатомии, он ответил им такой грубостью, повторить которую, особенно в печати, невозможно. Студенты удалились ни с чем, но решили однако скандала не поднимать — «не стоит связываться с сумасшедшим». Я узнал об этой истории, и, возмущенный до глубины души, на другой же день отправился в медицинский корпус прямо в лабораторию к Крылову. Настроение у меня было очень приподнятое, и вереницы самых дерзких фраз роились в моей голове. С решимостью на лице широкой походкой, размахивая руками, шел я на бой. Еще издали в лаборатории я увидел Крылова на пороге его кабинета и направился прямо к нему. Крылов, по-видимому, сообразил, в чем дело, и на расстоянии 5–6 шагов круто повернулся ко мне спиной, согнулся и медленной журавлиной походкой на носках, высоко поднимая ноги, отступил вглубь своего кабинета. Как бы я ни был подготовлен к такому своеобразному маневру, однако я усмотрел в нем желание меня оскорбить. Это придало еще большей решимости «разделаться» его. Идя за ним, я думал: «Посмотрим, чем эта комедия кончится!» Наконец Крылов остановился посередине кабинета. Быстро сбросив на пол папиросу и затоптав ее, он опустил руки по швам и, вытянувшись в струнку, повернулся ко мне. С притворным ужасом и почтением на лице он спросил меня:

– Что прикажете?

Резко, грубо, отчеканивая каждое слово, я проговорил:

– Господин профессор, позвольте мне заниматься у вас в лаборатории патологической анатомией и гистологией!

Все еще вытягиваясь во фронт, Крылов по-солдатски ответил, что препятствий к этому не имеется. Заподозрив тогда какой-то подвох, я продолжил:

– В таком случае позвольте мне узнать, где именно мне можно расположиться в лаборатории для своих занятий?

– Об этом вы можете навести справки у прозектора патологической анатомии Владимира Константиновича Высоковича.

Я был очень смущен таким оборотом дела. Никогда я и не думал работать по патологической анатомии. Все мои надежды на скандал разлетелись прахом. Получив разрешение, я почувствовал, что попал в нелепое положение, так как с необычайной решимостью ломился в открытую дверь. Вид Крылова, его солдатские ответы, его поза, хотя и показывали мне, что он надменно издевается, подчеркивая аффектированной любезностью и подобострастием мою грубость и невежливость, но придраться было не к чему, и я, сконфуженный, но все еще резким и повышенным тоном должен был еще и поблагодарить господина профессора за разрешение. А Крылов все стоял в прежней позе, руки по швам и раскланивался, говоря:

– Рад стараться!..

Несолоно похлебав, повернул я свои оглобли назад и уже с другим видом направился к выходу из кабинета. Но, только что я повернулся, как вдруг за моей спиной Крылов, как говорится, покотился со смеху и начал свое

характерное «Хи-хи-хи». Окончательно выбитый из колеи, я продолжал свое поспешное отступление и даже не мог реагировать и тогда, когда услышал, как среди хихиканья Крылов еще и сплюнул. Получив неожиданно разрешение на специальные работы по патологической анатомии и не желая уронить себя в глазах Крылова, я вынужден был целых два семестра самым усердным образом посещать его лабораторию и чуть было не выбрал этот предмет своей специальностью. Мои отношения к Крылову напоминали тип гектической лихорадки, от лютой ненависти я переходил чуть не к обожанию и обратно. Крылов играл со мною точно кошка с мышкой, но у него было столько такта, что я никогда не мог подойти к нему с выражением моих симпатий или антипатий. И только увидев во мне вполне укрощенного «буцефала», он начал относиться ко мне проще, развяснял макроскопические и микроскопические препараты и давал кое-какие поручения по лаборатории. Я же с тех пор в свою очередь установил раз навсегда определенные отношения к этому крупному человеку, «не совсем парламентарные» выражения которого по моему адресу меня уже не трогали, ибо под этой грубой формой я видел того Крылова, которого я уважал и любил».

Вскрытия Крылова представляли громадный интерес, врачи и профессора не всегда с легким сердцем отправляли в мертвецкую, ибо Крылов не щадил никого и временами отпускал такие словечки, которые долго циркулировали среди врачей и студентов. Однажды, например, был поставлен клинический диагноз «недостаточность митрального клапана и сужение устья аорты». Вскрыв сердце, Крылов обращается к ближайшему студенту и спрашивает по обыкновению:

– Что видно? Есть недостаточность?

Студент отвечает:

– Нет!

– Врешь — есть! А сужение есть?

– Сужения тоже нет.

– Врешь — есть, есть и недостаточность и сужение, но только чего? Недостаточность научных познаний и сужение умственного горизонта.

Насколько ценились Крыловские вскрытия, показывает случай, переданный нам одним из очевидцев его.

«Крылов вскрывал умершего после операции, сделанной профессором Грубе. Грубе сам явился на вскрытие. Крылов, не различавший ни пола, ни звания, ни состояния, начал отпускать остроты по адресу хирургов. Грубе, сам отличавшийся остроумием, принял вызов. Два достойных соперника скрестили шпаги — и начался бой титанов. Искрометное, меткое, изящное, с французским пошибом остроумие Грубе налетало на крыловское — тяжеловесное, забористое, банальное, чисто русское. Студенты с интересом, затаив дыхание, следили за поединком. Наконец Грубе напомнил о вскрытии — и тогда Крылов приступил к работе, которая продолжалась несколько часов подряд, причем добрая половина времени ушла на наружный осмотр. Крылов

представил такой полный и всесторонний разбор случая, что умиленный Грубе в конце вскрытия подошел, искренне начал благодарить его:

– Нигде, никогда, ни в России, ни за границей я не слышал такого патолого-анатомического разбора, никогда за такой короткий промежуток времени я не приобретал такого количества знаний. Спасибо Вам, Владимир Платонович!

Крылов, видимо был тронут, но боязнь обнаружить «слабость» и тут заставила его неожиданно для всех отмотить в ответ такую пулю, что Грубе, безнадежно махнув рукой, заметил только, что Владимир Платонович не исправим, и вышел из секционной».

А.К. БЕЛОУСОВ

ПИСЬМЕННОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ В ПОЛЬЗУ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ЖЕНЩИН

Совет Харьковского университета по вопросу о свободном доступе женщин в университет, взяв во внимание заграничные университеты и Высшие женские курсы в Гельсингфорсе, признал, что женщины нисколько не менее и даже во многих случаях более мужчин способны совершенно правильно усваивать высшие знания.

Итоги преподавания на Высших женских курсах показали, что женщины не только способны по своим умственным качествам изучать высшие науки, но еще и в высшей степени нравственно относятся к своим учебным и этическим обязанностям. Успехи женщин получаются выдающимися в большинстве случаев, в частности случай, наблюдающийся в Харькове на зубо-врачебных курсах. Из докладов преподавателей, к числу которых принадлежали и доклады профессоров Осипова и Белоусова, выяснилось, что даже сверх программы женщины с жадностью захватывают знания, и они всегда обладали несомненно большими знаниями, чем мужчины. Ввиду таких фактов и невозможности что бы то ни было возразить против разрешения женщинам, имеющим установленный диплом, равный мужским, дающим право на поступление в студенты университета, совет университета ходатайствует о разрешении женщинам поступать в университет на любые факультеты без ограничений.

Несомненно, на таких факультетах, где не требуется много пособий, как, например, на медицинском, и речи не может быть с принципиальной

точки зрения о недопущении. Что же касается медицины, то надо взять во внимание такой факт: женщины-врачи более чем необходимы. Следует не упускать времени также разрешить, причем несомненно, что и существующих пособий пока хватит для получения женщинам таких же знаний, как и мужчинам. Указание на недостаток пособий в этом отношении не выдерживает критики потому уже, что в настоящее время число поступивших на I курс студентов не составляет даже половины количества слушателей прежних лет. Весьма естественно думать, что существующих пособий хватит и на женщин. В крайнем же случае возможно ограничить число поступления женщин сообразно количеству заявлений.

Необходимо также допустить женщин, желающих сдавать экзамен на провизора, к слушанию лекций вместе с фармацевтами в университете. Настоящий порядок, при котором от женщин требуют на экзамене на провизора одинаковых с мужчинами знаний, а между тем отказывают женщине в праве слушать лекции и заниматься в университете, является просто анахронизмом. Женщин несомненно следует допустить к слушанию лекций и к занятиям в университете вообще наравне с фармацевтами-мужчинами.

С логической точки зрения было бы непонятным недопущение женщин в Харьковский университет ввиду того факта, что в Гельсинках женщины допущены в университет по высочайшей воле, и точно так же теперь наши женщины имеют то же право само собою. Что же касается до нередко приводимых оснований, что будто бы сближение студентов со слушательницами на лекциях и практических занятиях может привести к безнравственным отношениям, то мы полагаем, что такое основание приводится лицами, никогда не видавшими на деле, как без всякого нарушения этики идут у студентов занятия в заграничных университетах при совместном слушании лекций и во время практики. Это возражение должно быть совершенно игнорируемо как обидное для целой половины рода человеческого. Поэтому мы в окончательном резюме предложили бы ходатайствовать о беспрепятственном и скорейшем допущении женщин, имеющих установленные дипломы, равные мужским, к слушанию лекций и к занятиям вообще на всех факультетах Харьковского университета с предоставлением им всех тех прав, какими пользуются мужчины.

ОФИЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

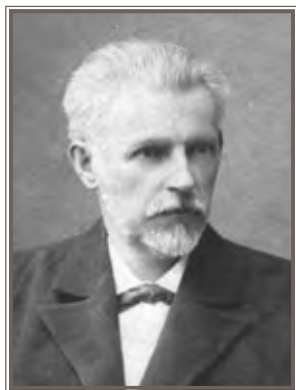
(12 ноября 1914 г.)

«Государь Император 11-го сего ноября Высочайше повелеть изволил призвать на действительную службу 18 ноября сего года всех студентов медицинских факультетов Императорских университетов, получивших зачетные свидетельства об окончании курса, в качестве зауряд-врачей 1-го разряда, предоставив главному военно-санитарному инспектору распределить их между действующими армиями и внутренними округа-

ми сообразно потребности. Согласно этому повелению не будут подлежать призыву только освобожденные от отбывания воинской повинности по неспособности, иностранные подданные и лица, родившиеся в местностях, на которые устав о воинской повинности не распространяется».

В Киевском университете первый ускоренный выпуск зауряд-врачей 1-го разряда состоялся 15 ноября 1914 г. Часть из них сразу отправилась на фронт, остальные зачислялись в резерв и работали в Киевском военном госпитале и на Киевском тыловом эвакуационном пункте. Из этого резерва черпались кадры для дальнейшей отправки на фронт.

В последующие военные годы зауряд-врачами выпускалась и часть студентов сразу же после окончания IV курса. Они становились зауряд-врачами 11-й категории. Для получения диплома им предстояло сдать государственные экзамены.

Н.Ф. СУМЦОВ

**К 25-ЛЕТНЕМУ
ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА
В.Я. ДАНИЛЕВСКОГО**

В газетах на днях промелькнуло известие, что в начале декабря (1899 г.) исполняется 25 лет служебной и научной деятельности проф. В.Я. Данилевского. Число не отмечено. Было бы желательно привести его в известность.

Имя Василия Яковлевича Данилевского давно уже пользуется широкой почетной известностью и в Харькове, и далеко за его пределами как имя выдающегося ученого, превосходного лектора, профессора и высокопозелозного общественного деятеля. Оценка научных трудов В.Я. Данилевского не входит в мои задачи и стоит вне моей научной компетенции. Мы считаем своим нравственным долгом выразить Василию Яковлевичу нашу признательность за его долголетнюю деятельность в интересах народного образования.

Гуманитарная и просветительская деятельность Данилевского развивалась у всех на глазах, о ней можно судить с цифрами в руках по ежегодным отчетам Харьковского общества грамотности. Но ее интенсивность и плодотворность известны лишь немногим сотрудникам, которым приходилось работать с Василием Яковлевичем. Они могут единогласно

подтвердить, с какой любовью и настойчивостью Данилевский ведет избранное им общественное дело и как много проявляет он своей инициативы и личного труда при первых наиболее трудных опытах организации и постановки нового дела.

В первый раз на общественном поприще я встретился с В.Я. Данилевским лет 10 назад, и с тех пор мы многократно сходились, иногда расходились, что лишь помогало мне наблюдать его в различных положениях и несколько не уменьшило признания за ним крупных общественных заслуг.

Первоначально мы встретились в правлении харьковской общественной библиотеки, когда профессор энергично устраивал третье отделение. Оставив общественную библиотеку, он еще более энергично принялся за устройство на Москалевке первой народной библиотеки и читальни. Было положено много труда, заботливости и настойчивой доброжелательности. Прошло несколько лет, и в ведение Данилевского поступило чрезвычайно симпатичное, но и чрезвычайно трудное дело — устройство сельских библиотек. Он был избран председателем вновь учрежденного комитета сельских библиотек, и ему пришлось руководить всей первоначальной организацией, вырабатывать правила, изыскивать средства, подбирать сотрудников, входить в переписку с многими учреждениями и лицами. Это огромный тяжелый труд, но Данилевский справлялся с ним, проявляя редкую настойчивость и преданность делу: просил, ходатайствовал, переписывался, создал целый кружок заинтересованных и опытных сотрудников и сотрудниц. Он отказался от председательства после того, как в Харьковской губернии благодаря заботливости комитета возникло уже несколько десятков сельских библиотек, когда к содействию было привлечено земство, и сама идея таких учреждений получила полное и общее признание.

При очевидном росте и расширении научной и служебной деятельности, что выражается и в выходе новых исследований, и в ежегодных командировках председателей медицинских экзаменационных комиссий, Василий Яковлевич, оставив комитет сельских библиотек, принял на себя новый большой труд с гораздо более труднодостижимыми результатами — разработку вопросов о народном театре. В.Я. Данилевский взял на себя программную часть, принялся за соби́рание материалов, за их обсуждение, обработку, популяризацию достигнутых результатов. В печати уже появилось несколько программ и обширная журнальная статья общего содержания.

Все труды непоказные, труды в пользу таких общественных слоев, которые не умеют выражать своей признательности и не могут даже оценить заботы о них, труды, подчас сопряженные с горестью непредвиденных и непреодолимых препятствий. Тем больше благодарности Василию Яковлевичу Данилевскому со стороны тех, кто понимает и может понимать значение и пользу его светлой общественной деятельности.

Д.М. НАТАНСОН

Л.Л. ГИРШМАН
(из личных воспоминаний)

Первая встреча с профессором Л.Л. Гиршманом произошла во время моего студенчества. Что-то случилось с глазами, и я не без смущения направился на прием к знаменитому профессору. Слышал я, конечно, много о его доступности и доброте, но все же сомневался, что сразу попаду на прием. Вид ожидальной комнаты еще больше поддерживал во мне это сомнение. Очень большая комната, без всякой мебели, кроме деревянных скамей со спинками вдоль стен, была до отказа набита больными, среди которых много крестьян. Это первое впечатление от такой необычной, такой своеобразной ожидальной у прославленного врача мне кажется самым характерным, что потом всегда связывается с представлением о личности и деятельности Л.Л. Гиршмана. Никто лучше самого профессора с присущей ему чрезвычайной скромностью не высказал замечательной истины о нем: «Признаю своей заслугой только то, что приучил наш народ лечиться у врачей».

Приучил он этому и далеких сибиряков, и туркмен, и персов из Средней Азии, и горцев Крыма и Кавказа. С разных краев необъятной России тянулись они за исцелением в глазную Мекку к профессору Гиршману. Уже много позже, находясь близко к Леонарду Леопольдовичу в качестве ординатора его клиники, а потом и его ассистента, я понял причины этой исключительной популярности. Они разнообразны. Главное — это, конечно, обаяние личности профессора, под которое подпадал всякий обращавшийся к нему. Гиршман обладал блестящим умом и колоссальной памятью, в его речи блестками сверкал юмор, поднимавший настроение самых обездоленных, приходивших к нему за помощью и советом, и эти качества сочетались с необычайной добротой, сквозившей во всех его поступках. Бескорыстие профессора доказывалось тем, что он часто сам оказывал материальную помощь бедняку. Ассистентам хорошо были знакомы многочисленные письма, получаемые во время приема. Письмо тут же вскрывалось профессором и с вложением денег передавалось подателю. Среди больных проходил целый ряд лиц с различными просьбами:

то пристроить детей в учебное заведение, то похлопотать о месте, то об освобождении арестованных и т. п. Всех он внимательно выслушивал и все получали помощь и совет.

Природа наградила Л.Л. Гиршмана редким сочетанием различных качеств. Человек светлой, чисто детской и нежной души, вместе с тем резко и твердо боровшийся против всякой несправедливости, он, конечно, не был в большой чести у власть имущих. Стоило ему только подать протест по поводу несправедливого увольнения студентов, как он вынужден был оставить клинику, несмотря на свои исключительные заслуги как создателя клиники и большой плеяды учеников, рассеянных по всей России. Уход Л.Л. Гиршмана был торжеством реакционной группы факультета, с шипением и завистью осуждавшей его деятельность.

В удивительных свойствах его характера лежала одна причина необыкновенной популярности, другая заключалась в том, что он был необычайно талантливый диагност, в совершенстве владеющий глазным зеркалом, и замечательный хирург, проводивший с несравненным мастерством оптические операции. Они поражали быстротой, точностью и легкостью. Извлечения катаракты делались одинаково правой и левой рукой больным, сидящим на простых стульях, да и большинство операций делались сидящим больным. Леонард Леопольдович говорил при этом, что больным незачем причинять лишние волнения, укладывая их на операционный стол.

Он не был тем специалистом, который видел только глаз. Вся его школа заключалась в постоянном поиске связи глазного заболевания с общим состоянием, в изучении больного, но не заболевания как нозологической единицы. Нельзя не вспомнить о методах, которые представляют другую особенность Л.Л. Гиршмана. Обладая огромной наблюдательностью, он обращал внимание на все особенности исследуемого больного, походку, рост, строение лица и т. п. Эти признаки комбинировались с данными специального исследования, при котором отмечались мельчайшие особенности. Профессор не любил быстрых «диагнозов». Он изображал описательно всю картину, не укладывая каждый случай в рамки определенного названия, которое можно найти в руководствах. Только путем сопоставления подробной клинической картины с изменениями со стороны других систем и органов делалось заключение о характере заболевания.

При назначении лечения Гиршман искал чрезвычайно индивидуальный подход, и трудно бывало ответить на вопрос, что назначается при таких-то заболеваниях. Со своей обычной мягкой улыбкой говорил при этом: «А это смотря по больному». Во всяком случае, сложных рецептных формул он не любил. Огромный опыт и знания рождали ту необычайную интуицию, которая нередко поражала. Хинин им был введен в глазную практику задолго до работ школы Morgenrot и Lewy, научно обосновавших бактерицидные и хемотропные свойства хинина и его производных. Эта интуиция особенно сказывалась в лечении трахомы, поэтому так

разнообразно проводилось лечение многочисленных трахомных больных, при этом профессор часто повторял выражение: «Поменьше травмы и больше терпения». И действительно, не признавая операционных методов лечения трахомы, он достигал поразительных результатов в самых запущенных случаях.

В одном из отделов офтальмологии — оптическом — Л.Л. Гиришман достигал изумительного искусства. В Харьков приезжали из различных университетских городов для назначения стекол, и уезжали от него избавленными от многолетних тягостных последствий несоответственно скорректированных аномалий рефракции. Здесь сказывалось преимущество субъективного метода, который Гиришман применял. Большой исследовался в сложных случаях повторно, иногда несколько раз, и как говорил Леонард Леопольдович, «удавалось выжать от него еще и еще одну строчку таблицы». Ученики Гиришмана знали, сколько терпения он вкладывал в точное и тщательное определение рефракции в обычных для больного условиях, не подвергая его действию средств, парализующих аккомодацию. В сложных случаях, трудно поддающихся коррекции, очень часто проявлялся опять-таки опыт профессора при назначении стекол, на первый взгляд, как будто не соответствовавших теоретическим расчетам. В самых, казалось бы, неблагоприятных случаях он умел и заставлял своих учеников добиться еще и еще хотя бы ничтожной прибавки зрения, при этом им указывая на огромный выигрыш для больного, обладающего очень низким зрением, так как именно в этих случаях самая малая прибавка делала пациента счастливым. Вспоминая необыкновенную простоту методов исследования Гиришмана, мы понимаем, что именно благодаря этому было возможно принятая то колоссальное количество больных, которые проходили через его руки. По проведенным мною подсчетам, количество больных, принятых Леонардом Леопольдовичем за годы его деятельности, достигает почти миллиона. Одна эта цифра говорит о размерах его труда для облегчения положения больных.

В частной жизни Гиришман был необычайно интересным собеседником. Ему приходилось встречаться с людьми, выдающимися в различных областях знания, литературы и искусства. Со многими из них он находилась в дружеских отношениях в течение ряда лет.

Л.Л. Гиришман работал до последних дней своей жизни. Только тяжелый недуг прекратил эту работу, 3 января 1921 г. ушел навсегда друг народа. В траурном объявлении Наркомздрав Украины сообщил о смерти великого врача, друга рабочих и крестьян. Это звание принадлежит Гиришману по праву, ибо он больше всего был врачом рабочих и крестьян, и он как никто «научил народ лечиться у врачей».

Н.Ф. МЕЛЬНИКОВ-РАЗВЕДЕНКОВ

П.И. ШАТИЛОВ
(1869–1921)

Чем-то былинным веяло от кряжистой, нескладно скроенной, но крепко сшитой фигуры профессора терапевтических клиник Харьковского университета П.И. Шатилова. Характерное типичное русское лицо с крупными чертами славянина, с бородой лопатой, с густой шапкой русых волос расплывалось в добродушной широкой улыбке. И весь-то он был широкий, крепкий, тяжелый, с походкой вразвалку.

Студенты, учащиеся были его слабостью. За них он готов был идти в огонь и в воду, возлюбив с юности храм науки — университет, он так с ним сжился и слился, что их трудно было разделить. Курс неизменно выбирал его старостой, студенты на своих вечерах — ответственным распорядителем. Спокойный, ровный, весельчак, анекдотчик, он выходил из себя до потери сознания, когда грубо задевались интересы учащихся. Тогда не знал он удержу и платил за это жестоко. Любил студентов безумно, но это не мешало ему резать им в глаза правду-матку, из-за чего случались иногда недоразумения.

Как лектор и преподаватель, он был самобытен и неподражаем. Громкий, звучный, раскатистый бас, заразительный задушевный смех и чисто русский шатиловский юмор без конца притягивали к нему людей. Энциклопедическое научно-медицинское образование, хорошая школа, всесторонняя эрудиция, педагогические способности делали его выдающимся преподавателем на кафедре врачебной диагностики с пропедевтической клиникой. Эта кафедра была для него коронной. Он был талантливым, неутомимым, увлекающимся. Манера учить схемами, живыми сравнениями была своеобразна, делая его незаменимым именно на этой кафедре. Здесь он жил, вкладывал свою душу — и аудитория его ценила. Меньшим успехом он пользовался в факультетской терапевтической клинике, которой страстно домогался, но для которой у него не было достаточно данных. И студенты, и врачи, и факультет указывали ему на это несоответствие, но он ничего не замечал и шел напролом...

И чем только не занимался он в Харькове и за границей: и патологической анатомией самобытного доморощенного профессора В.П. Крылова, и клиникой талантливого европейца Ф.М. Опенховского, и теорией иммунитета великого П. Эрлиха. На все набрасывался страстно, весь отдавался вопросу, изучая его до глубины, доходил до корней, бросал и принимался без отдыха за новое.

У врачей он пользовался большой популярностью. Его любили как доступного, отзывчивого товарища и прекрасного человека, честного, доброго, благожелательного, корректного, коллегияльного. Никогда он не был ни карьеристом, ни эгоистом, напротив, всегда оставался бескорыстным, готовым отдать ближнему свою рубашку, поделиться с ним последней своей копеечкой. Но главное, что к нему влекло и привязывало, — это его душа, чистая и детски наивная. Он отличался исключительной гуманностью и врожденной склонностью к общественной деятельности, любил родину, любил человека, и пользовался редким расположением представителей всех народностей, был в этом отношении он рыцарем без страха и упрека, не боялся сильных мира сего, обнаруживал перед ними мужество, был защитником слабых и обездоленных. Его стихия — благотворительная и общественная деятельность. Он был воплощением альтруизма, а его эгоизм был низведен почти на нет. Поэтому его личные дела были запущены и находились в некотором беспорядке. Всего себя он отдал на служение страждущему человечеству, и показателем является признание за ним этой особенности представителем ячейки Харьковской медицинской академии товарища Г. На общественном поприще он был заметной величиной, не раз подвергался опале и нес незаслуженную кару. Некоторые его выступления в совете университета и в факультете стоили ему насильственной ссылки из Харькова за границу. Когда правда, истина и справедливость безжалостно попирались, он не мог молчать и говорил смело и решительно. Так, за несколько в сущности безобидных слов, брошенных им в совете в лицо бывшего тогда всесильным профессора, ставшего потом министром, он понес жестокое наказание.

Вся его жизнь прошла в увлечениях, в борьбе, и в этом отношении ее можно назвать красивой. Смерть его была также своеобразна. Он погиб на славном посту врача, заразившись сыпным тифом в следственной тюрьме, куда был вызван к заключенному и не отказался. И это так похоже на П.И. Шатилова, привыкшего жертвовать собой ради ближнего, тем более заключенного. По первому зову спешил в очаг заразы, в тюрьму, он, выдающийся профессор, обремененный делами в академии и вне ее, занимавший первое место в Харькове в научном и общественном отношении, имевший свою семью. Он помнил только о своем долге врача и спешил его выполнить, как делал это всю жизнь.

По иронии судьбы, он был председателем комиссии по борьбе с сыпным тифом и от него же погиб тогда, когда эпидемия затихала. Роковая случайность унесла в могилу такого нужного врача и человека. Смерть соответствовала жизни, соответствовала евангельскому «Больше сия любви

никтоже имат, да кто душу свою положит за други свои». Всю свою жизнь П.И. Шатилов был «труждающимся и обремененным» и лишь в могиле он обрел «упокоение». Он умирал поздним вечером, когда мрак опустился на землю, в самый канун 1 мая по старому стилю, в день праздника весны, когда зацветали вишневые сады. Он чувствовал, что пришел конец, и спокойно отдавал распоряжения: ни цветов, ни речей... Тщеславием, честолюбием он не был одержим. И смерть его, бессмысленная сама по себе, является в то же время славной для погибшего на посту и, пожалуй, завидной для некоторых, оставшихся в живых.

Кого и что потеряли мы со смертью П.И. Шатилова? Мы потеряли не только ученого профессора, редкого человека и товарища, гуманного врача, друга учащейся молодежи и больных. 13 мая 1921 г. Россия потеряла гораздо больше. Мы лишились в этот бесконечно печальный день ответственного редактора единственного на всю Советскую Россию научного медицинского журнала — харьковского «Врачебного дела». И на этом событии следует подробнее остановиться ввиду его важности и исключительности.

До революции П.И. Шатилов оставался в Харькове в тени, был погружен в повседневные заботы: читал лекции студентам, жил их переживаниями, писал ученые работы сам и заставлял делать это других, принимал участие в местной общественной жизни, устраивал не совсем удачно юбилеи другим, сам приближался к своему 25-му юбилею, бывал бельмом в недремлющем оке начальства и страдал за это тихо, добродушно, с обычным для него юмором. Но за пределами Харькова редко кто знал, что он написал 31 ученый труд, заведовал двумя, а иногда даже четырьмя терапевтическими клиниками в университете и в Женском медицинском институте, превращался в говорильную машину, в граммофон, читая лекции десятками и сотнями. На факультете он не играл заметной роли, был там скорее в загоне, лучше к нему относился совет университета, где все-таки выше члена финансовой комиссии он, кажется, не восходил, оставаясь все время в его низах.

Революционная волна вынесла на своем гребне П.И. Шатилова в конце 1919 года, с приходом в Харьков советской власти, когда «литературным комнатам» Харьковского медицинского общества суждено было сделать колыбелью единственного в России медицинского журнала. Наступил исторический для врачебного дела 1920 год, и вместе с ним настала зловещая тишина: все медицинские журналы закрылись, научная жизнь, казалось, прекратилась...

И вот раздался благовест научно-медицинского «Колокола» — харьковского «Врачебного дела», где главным звонарем, исторически ответственным, оказался дотоле малозаметный П.И. Шатилов, который напряг все свои недюжинные силы, впрягся могучим плечом в редакторскую лямку и стал раскачивать «тяжелый язык» отныне всероссийского литературного «Врачебного дела». П.И. Шатилов нашел в этот знаменательный год сам себя, он вырос со сказочной быстротой до размеров всероссийского

масштаба. Мощным научным журнальным звоном он призывал рассеянных революционной бурей врачей к единению в научной работе, к спасению от научного невежества и отчаяния. Каждый новый номер заветной тетради «Врачебного дела» томительно ждал всероссийский врачебный мир, и каждый раз П.И. Шатилов снова зажигал в научно-медицинском маяке огонь, на свет которого взирала с упованием и надеждой вся врачебная Россия. Временами казалось, что буря задует этот огонь, что затеявшийся среди гигантских волн взбаламученного житейского моря литературный челн исчезнет навсегда. Но выходил новый номер — и снова надежда на научную жизнь воскресала в омертвевавшем врачебном мире. И этим спасеньем Россия обязана П.И. Шатилову. В критическую минуту он стал у руля «Врачебного дела» и сумел воодушевить и влить мужество в сердца сотрудников этого отныне исторически славного журнала, значение которого теперь для русского врача неопределимо. Этот утлый челн вырос на наших глазах за один 1920-й год до размеров литературного «дредноута», и все это благодаря «могучей кучке» сотрудников редакции, во главе которой стоял П.И. Шатилов, обессмертивший себя научно-литературным подвигом, создавший себе «памятник нерукотворный» в сердцах русских врачей. Нельзя без волнения читать трогательно горестные строки осиротевшей редакции в посмертном номере «Врачебного дела», где описывается роль и значение для редакции отошедшего в вечность ее главы. Они пропитаны слезами и рыданиями.

14 мая 1921 г. по новому стилю, в день праздника весны по старому стилю, в столице Слободской Украины хоронили не одного только «батьку» от научно-медицинской литературы на Украине, но в то же время и литературного «вождя» всей России на протяжении «от финских хладных вод до пламенной Колхиды», вождя, сумевшего объединить всех русских врачей в одном могучем и пламенном порыве не прекращать научной работы, а продолжать ее во что бы то ни стало и при всех условиях. К этому шатиловское «Врачебное дело» призывало неумолчно. Внезапная, преждевременная, безжалостная смерть оторвала от редакции П.И. Шатилова и с ним отколола от колокола большой кусок, сделала в нем крупную брешь, нанесла тяжелую рану. Но бессмертный колокол остался целым и продолжает, к нашему великому счастью, звучать, и он зовет помянуть добрым словом прежде всего погибшего на своем посту ответственного редактора. Редакция спешит устроить литературные поминки, справить литературную тризну по своему «батьке». И несется по Слободской Украине торжественно жалобный перезвон осиротевшего шатиловского колокола. Ему начинают отвечать и вторят позже отлитые, пока еще малые колокола, одиночные, затерявшиеся в необъятных пространствах России. Одним из них является младший по возрасту брат харьковского «Врачебного дела» — «Кубанский научно-медицинский вестник», отлитый на одном с ним заводе. Стонет и он по всему Черноморью, оплакивая тяжелую семейную потерю. И льется печальный перезвон по всей России.

13-го мая 1921 г. в 9 ч. 10 мин. вечера пострадали не только Харьков и не только Украина, а и вся чувствующая и думающая врачебная Россия понесла крупную и тяжелую потерю, потеряла своего «Тараса Бульбу». Но, подобно ему, умиравший П.И. Шатилов завещал своим сотрудникам продолжать борьбу с заклятыми врагами — заразными болезнями. Наш священный долг исполнить волю усопшего, продолжая научную работу во что бы то ни стало. Пусть его колокол звонит, звонит без конца и пусть зовет к прогрессу, к свету науки.

Пока семья научно-медицинских литературных колоколов немногочисленна, и звон их еще слабый. И все-таки они звучат и призывают к тому же, к чему звал при жизни ответственный звонарь П.И. Шатилов. Тихо и грустно раздаются их печальный перезвон. «Вечная память» несет-ся со всех сторон. И пусть скажут «аминь» все верящие в духовную силу русского народа и в возрождение русской медицинской науки. А уж как покойный любил Россию, русского человека со всеми его слабостями, любил от всей души! 13 мая 1921 г. в г. Харькове перестало биться золотое сердце, опустелись могучие руки, угас светлый ум, Россия потеряла выдающегося человека и работника.

Н.Ф. МЕЛЬНИКОВ-РАЗВЕДЕНКОВ

КАК ЖИЛ, УЧИЛ И УМИРАЛ Л.В. ОРЛОВ (эскиз)

24 апреля 1923 года в городе Харькове скончался профессор Харьковского медицинского института Леонид Владимирович Орлов. Лишь только стало известно о его смерти в Краснодаре, тогда же среди группы профессоров и преподавателей Кубанского государственного медицинского института возникла мысль об издании сборника научных работ в память этого крупного русского ученого, выдающегося клинициста-хирурга, редкого педагога, блестящего лектора, беспристрастного академического деятеля, исключительно по своим высоким моральным качествам человека, немало потрудившегося на пользу больных, учащейся молодежи, врачей, медицинской науки, медицинского факультета и Харьковского университета. Но осуществить возникшую мысль в непродолжительном времени не представилось возможным по материальным обстоятельствам, и только теперь, через три года со дня смерти профессора Орлова, выпуская настоящий сборник, мы выполняем свой долг перед покойным учителем и другом. Профессор умер, дело его осталось, и память о нем сохранится на долгие годы.

Профессор А.И. Струнников

На общем сером фоне нашей медицинской жизни Леонид Владимирович Орлов был выдающейся, крупной, самобытной и оригинальной фигурой, которую современный ему врачебный Харьков не скоро еще забудет. Тамбовец по происхождению, москвич по университетскому образованию, петербуржец по научному стажу, Л.В. Орлов приехал в Харьков в середине 90-х годов вполне сложившимся ученым и оставался в нем на кафедре около 30 лет до своей кончины, последовавшей на 68-м г. жизни.

Явился Леонид Владимирович в Харьков, имея от роду неполных 40 лет, в расцвете физических и духовных сил, после серьезной подготовки по основным дисциплинам в Военно-медицинской академии и в Еленинском институте усовершенствования врачей, блиставших в 80-х и 90-х годах прошлого столетия крупными европейскими именами. В Харькове он сначала поставил на должную высоту кафедру хирургической патологии и при ней особенно культивировал бактериологию, что было в те времена новостью. Эта университетская кафедра была пробным камнем: на ней он познал себя как лектора, ученого и преподавателя, она же выковала из него клинического хирурга. Через несколько лет он получил после В.Ф. Грубе факультетскую клинику, которую занимал более 10 лет, и по окончании срока университетской службы перешел на такую же хирургическую клинику в Женский медицинский институт, где оставался до конца жизни.

Это был высокоодаренный, своеобразный, оригинальный человек, в душе эстет и художник, прямой, честный, подчас крутой и решительный, привыкший подчинять, но не подчиняться, любивший борьбу и всю жизнь боровшийся и отстаивавший свои взгляды и принципы. Он держал себя гордо, не всегда доступно и отличался непреклонной волей. Как ученый, Орлов не любил писать и не оставил поэтому крупных печатных трудов. Все время он собирал при помощи ассистентов интересные истории болезни, и у него накопился большой клинический архив, который его ученики все собирались обработать. Немного также вышло от него и диссертаций, всего 2–3. Сам он не особенно любил заниматься с диссертантами и охотно отпускал своих сотрудников писать работы в других лабораториях, преимущественно по патологической морфологии, которой всегда живо интересовался (Е.К. Истомин, Г.А. Валяшко, М. Шевандин). Но зато как преподаватель он был замечательный, владел даром слова, покорял и очаровывал аудиторию. Его клинические разборы больных, его дооперационные диагнозы считались классическими, и в этом отношении соперников у него было мало. И не одной только клинической хирургии учил он студентов и врачей. Нет, он был для них еще учителем жизни, врачебной этики, морали, гражданского и врачебного долга. Когда случались недоразумения в клинике, профессор Орлов оставался со студентами с глаза на глаз, удалял из аудитории ассистентов — и тогда часами лилась его вдохновенная, захватывающая молодежь речь, после которой слушатели расходились потрясенные и умиротворенные. К таким приемам может прибегать только тот, кто уверен в своей силе и правоте.

Из сказанного следует, что Орлов владел не только словом, но и аудиторией и умел найти дорогу к сердцу слушателей. Он был художник слова и покорял аудиторию. В его природе была врожденная художественная «закладка». В университете он был бесподобным факультетским и советским деятелем и до известной степени напоминал того сказочного богатыря, который искал случая побороться с кем-нибудь. У него не хватало терпения выслушивать деловую вермишель, в заседаниях и он проводил это время в соседнем свободном кабинете ректора, откуда появлялся в зал к моменту, когда скрещивались клинки факультетских и советских корифеев того времени. Между медиками ему принадлежала пальма первенства, и лучшие вдохновенные, красивые и полные глубокого смысла и содержания речи принадлежали ему. Здесь та же манера, что и в аудитории — начинать тихо и усиливать голос постепенно. После первых слов его воцарялась тишина в коллегии Совета, насчитывавшей до 70 членов четырех факультетов. Перед ней выступал не узкий специалист-хирург, а широкообразованный, пламенный гражданин и патриот, любивший беззаветно свое родное, что не мешало ему клеймить и бичевать все семь наших национальных грехов. Правда, голая и неприкрашенная, выпирала из его речей, била и сковывала его слушателей. Бичующие, полные сарказма речи и слова Орлова создавали во время медицинских конкурсов атмосферу бани, от которой кое-кому делалось жарко, но они очищали в то же время факультет от грязи, смывая ее.

Профессор был героем многих медицинских конкурсов на свободные кафедры, редко терпел поражения и часто выходил победителем. Благодаря ему харьковский медицинский факультет обновился и в него наряду с местными был привлечен из других университетских городов ряд преподавателей, содействовавших научной известности факультета. В этом ему принадлежит большая заслуга перед Украиной.

Выдавался он также и во время диспутов при защите докторских диссертаций. Отличаясь эрудицией, он не жалел денег на журналы и книги и всегда был в курсе науки. В то же время у него было хорошо развитое критическое чутье, находчивость, железная логика. Это был несравненный диалектик, необыкновенный полемист, владевший в совершенстве искусством нападать и еще больше — защищаться. Он старался держать инициативу в руках и быстро ориентировался. Орловские «хватка» и «бросок» были известны многим, испытавшим их на себе. Леонид Владимирович являлся незаменимым оппонентом на диссертациях, всегда находил, что сказать, и сказанное им отличалось весом, имело значение, приходилось к стати, было умно, научно, интересно.

Он знал, что говорил, и не попадал в двусмысленное рискованное положение. И нельзя было не признавать его авторитета и не считаться с его объективностью и справедливостью в оценке. Оппонентом он никогда не назывался сам, но и не отказывался от участия в диспутах, имевших иногда отдаленное отношение к его специальности — хирургии. По иронии судьбы, он был рецензентом и оппонентом и на докторской дис-

сертации М.Т. Костенко на тему о той самой гипернефроне, от которой ему суждено было впоследствии самому погибнуть. Профессор Орлов отличался, как уже упоминалось, независимым характером, не знавшим компромиссов, и с такими людьми не всегда живется легко, да и им самим приходится трудно среди обывательского ничтожества, мелочей и житейской грязи. Он всегда шел во главе независимых факультетских фракций, отстаивавших известные научные принципы, а не систему протекций, кумовства, чем грешили факультеты того времени. В силу этого он взял на себя обязанности декана в самое трудное после 1905 г. время и этим выручил факультет, но когда он увидел, что ему не по пути с его большинством, то сразу и решительно порвал с ним так, что с тех пор не показывался ни разу на его заседаниях, сохранив одну только формальную связь. Да, крутого нрава был он, но заслужил, несмотря на это, глубокое уважение и почтение к себе со стороны окружавших его, именно благодаря упомянутой прямооте и честности, которые делали его язык «несдержанным» по отношению к любителям интриги.

Как человек Орлов был на редкость искренний, правдивый, неподкупный, порядочный. У таких людей бывает больше врагов, чем друзей, но зато последние отличаются преданностью. Он любил все красивое, изящное, художественное — музыку, живопись, скульптуру. Располагая недурным медицинским заработком и будучи скромным в личных потребностях и бездетным, профессор всегда занимал обширную квартиру, превращаемую им в художественную выставку, благодаря прекрасно подобранной, с редким вкусом, коллекции гравюр, картин и скульптуры. Произведения искусства составляли его семью, были его безмолвными друзьями. Этому содействовало то, что он не увлеклся общественной и предпочитал замкнутый образ жизни. Об его увлечении предметами искусства, среди которых он жил, ходили в городе легенды. Передавали, будто он иногда даже впадал в художественный экстаз перед своими любимцами и в состоянии самозабвения даже снимал почтительно перед ними шляпу, безмолвно склоняя голову. Некоторых из них он почти боготворил, и надо было видеть его возмущение, если даже случайно относились, по его мнению, к ним непочтительно. Так, рассказывали, что во время смертельной болезни его навестил один из близких к нему по факультету профессоров, которого угораздило за отсутствием вешалки, накинуть небрежно свою шляпу на подвернувшуюся под руку головку одной из скульптур, окружавших постель больного. Орлов долго не мог успокоиться, взволнованный и оскорбленный такой профанацией и, кажется, до конца дней своих не мог простить такое, хотя и непреднамеренное, кощунство.

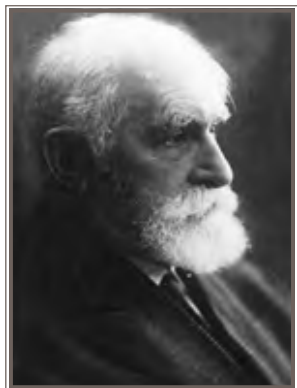
Также Леонид Владимирович отличался и незаурядными техническими способностями, любил следить за техникой и старался насаждать ее выдающиеся достижения. У него в квартире был принадлежавший ему ценный рентгеновский кабинет, которым он лично манипулировал тогда, когда далеко не все больничные учреждения в Харькове были

ими снабжены. Он был поклонником и автомобильного дела, изучил его за границей, где заказал собственную модель и лично управлял машиной. Харьковские старожилы помнят его характерную голову, склоненную над рулем, когда он степенно и осторожно, тихим ходом продвигался по оживленным многолюдным улицам города. Но за городом по Сумскому шоссе он любил на просторе предельную скорость своей машины и там он весь отдавался движению и мчался быстро без шляпы, с развевающимися по ветру белоснежными волосами. И казалось, что такое быстрое движение соответствует его вечно подвижному, непокойному и в старости характеру. Каждое лето он отправлялся на отдых за границу, исколесил Европу вдоль и поперек. Заграничные клиники он посещал в молодости и сумел благодаря своему организаторскому таланту и выдающимся хозяйственным и административным способностям создать в своей клинике такую обстановку и такой порядок, что приезжавшие иностранные хирурги признавали клинику образцовой даже для Европы. Между прочим его интересовала Англия, но из-за стихийной боязни моря он должен был отказаться от поездки туда. Наши же курорты он посещал неохотно и скучал, когда мировая война 1914 г. надолго прервала сделавшиеся для него привычными экскурсии за границу. Он весьма ценил аккуратность, работоспособность, честность, но в конце лета его тянуло неудержимо к своему делу в родную Россию, недостатки которой он страстно бичевал, но которую любил и служению которой посвятил свою долгую, полную труда и достижений жизнь.

Умирал Орлов, как и жил, — сознательно и мужественно. Сам себе поставив роковой диагноз «гипернефромы», он отправился безмолвно к двум лучшим нашим хирургам: С.П. Федорову (Ленинград) и А.В. Мартынову (Москва). Их он спрашивал, что могла бы дать, по их мнению, операция, а после их ответов он глубоко задумался и признал операцию в своем случае бесцельной. В предсмертном бреде он все стремился в аудиторию к студентам прочитать им последнюю, по его словам, лекцию о хирургическом лечении сифилиса, мысль о которой не давала ему покоя, может быть, потому, что он всю жизнь свою особенно интересовался этим вопросом.

Все распоряжения до мельчайших подробностей Л.В. Орлов отдавал перед своей смертью спокойно, обстоятельно, хозяйственно, как привык делать в клинике, с полным самообладанием сильного волей и разумом человека. Он умирал, как гордый лебедь, с последним лебединым криком. И жил, и учил, и умер он — красиво.

М.Б. ФАБРИКАНТ

**ИЗ ПРОШЛОГО
ХАРЬКОВСКОГО
МЕДИЦИНСКОГО
ИНСТИТУТА**

Мы, поступившие в университет в 1884 г., подчинялись старому уставу в отношении учебы, экзаменов, формы. Но уже чувствовались перемены, которые вводил в жизнь новый устав 1884 г.

Появились педели во главе с инспектурой, зорко следившие за каждым словом и шагом студентов. Сразу почувствовалось расстояние между студентами и руководством университета — ректором и деканами: последние взяли генеральский тон и начали проявлять диктаторское отношение к студенчеству. Студенческие кружки, касса взаимопомощи и др. студенческие организации ушли в подполье.

Когда мы вступали в университет, старые студенты советовали нам обязательно побывать в клиниках Грубе, Гиршмана, Лашкевича, Лазаревича, побывать на вскрытиях Крылова, послушать его язвительную критику клиницистов, диагнозы которых на вскрытиях очень редко оправдывались. Кафедрой анатомии тогда заведовал профессор Вагнер, о котором студенты говорили с любовью. Новичкам особенно рекомендовалось забежать в операционную Грубе, благо доступ туда был свободный. Клиника Грубе помещалась против университетского здания, где теперь находится фундаментальная библиотека. Ход в нее был со двора, в центре которого красовалась помойная яма.

Операционная комната — с высоким потолком, в которую упираются идущие ступенями полукругом простые скамьи, плотно усеянные студентами в собственной верхней одежде. Посредине — деревянный стол с поднимающейся для изголовья доской, под столом простое ведро, в которое стекали со стола кровь, раствор карболки. На доске лежит простыня, а на ней больная с опухолью молочной железы.

В операционной царит гробовая тишина, прерываемая иногда общим смехом, вызываемым остроумием великого хирурга Грубе, дающего объяснение по поводу предстоящей операции. Мы, юнцы, ютились на самых высоких скамьях и, мало понимая в операции, с колоссальным вниманием наблюдали величественную фигуру профессора, одетого в белую куртку

и подпоясанного у талии простыней в виде фартука. Профессор, несколько акцентируя на немецкий лад, читает лекцию, пересыпая ее шутками и метафорами. Около него в чесучовых пиджаках, но без простынь, с белыми завязками вокруг шеи и манжет, чтобы не запачкать их во время операции, суетятся двое ассистентов. Мы видим, как быстро отлетела молочная железа, сильно брызжет кровь и ассистенты ловко останавливают ее зажимами. Прошло несколько минут. Окровавленную больную с висячими пинцетами отправляют в соседнюю комнату, где ей перевязывают сосуды и зашивают рану. Тем временем в операционную вкатывают другой стол с новым больным. Студенты сдают его профессору. Затем та же пара ассистентов готовит больного к следующей операции. Таким образом за два клинических часа продельвается три-четыре больших операций со сдачей студентами больных профессору.

Когда несколько лет спустя я стал ассистентом профессора Грубе, то мог уже критически оценить его великое мастерство, соединенное с умением собирать данные, блестяще их группировать, проводить клинический анализ и делать соответствующие логические выводы, ведущие почти всегда к точному и верному диагнозу. Грубе принадлежал к старой школе, не имевшей счастья пользоваться благами анестезии и наркоза. Он оперировал с невероятной, недоступной для нас и ненужной теперь быстротой. При этом все его красивые движения были точно рассчитаны, чтобы по возможности укоротить время переносимых больными мук во время операции.

Много лет спустя я присутствовал на операции экзартикуляции бедра у профессора Микулича в Бреславле, тоже великого хирурга и блестящего оператора. Операция длилась около часа. Когда она закончилась, он мне сказал:

– Ваш учитель Грубе делает, вероятно, эту операцию 15–20 минут.

Я ответил ему:

– Боюсь, вы мне не поверите, но он вылущивал бедро тремя ударами ножа, причем ассистенту нужно было зорко следить, чтобы он не отхватил ему пальцы.

– Да, — сказал Микулич, — это великий, непревзойденный мастер, каких не будет.

Хочу отметить еще одну ценную черту характера Грубе. С введением устава 1884 года появилась плеяда новых назначенных профессоров, державшихся стойко поговорки «На чьем возу сидишь, того и песни пой». Грубе в годы реакции, наоборот, держался очень независимо, сохранял всегда чувство собственного достоинства, сталкиваясь с высшими властями.

Приехал в Харьков министр народного просвещения граф Делянов, посетил хирургическую клинику без предупреждения и попал как раз во время операции. Когда швейцар испуганно доложил Грубе о приезде министра, тот ему сказал:

– Попроси подождать, я занят.

Через некоторое время Грубе сказал одному из ассистентов:

– Пойдите и займите его до моего прихода.

Закончив операцию, которую мог легко передать ассистенту, он только тогда пошел показывать министру клинику.

Попечитель округа по уставу 1884 г. имел большую власть над университетом и довольно часто давал это чувствовать, унижая достоинство профессоров. Как-то раз без предупреждения он вошел в операционную Грубе. Грубе, видимо, нарочно приступил к операции больного, когда последний не вполне был усыплен. Больной стал кричать.

– Чего вы кричите? — сказал Грубе. — Вы думаете, что вас услышит поставой городской? Мы не боимся даже университетских властей, тем более не боимся поставой городского.

После этой реплики попечитель быстро исчез и больше никогда не появлялся.

Много энергии и труда затратил Грубе, чтобы вывести клинику из затхлого, развалившегося помещения, которое когда-то было отведено под полицейский участок. Только к концу своей жизни ему удалось добиться постройки клиники на 40 коек.

Когда сравниваешь безразличное, бюрократическое отношение власти того времени с заботливостью и щедростью, с которой советская власть отпускает огромные средства на любые научные изыскания, то глубоко осознаешь, какие величайшие неисчерпаемые перспективы для науки открыла социалистическая революция. Удивляюсь, как Харьковский университет, предоставляя в прошлом своим ученым невозможные условия для работы, мог создать таких крупных деятелей науки, как Данилевские, Ценковский, Н.Н. Бекетов, Белоусов, Крылов, Лашкевич, Лазаревич, Толочинов, Бокариус, Шатилов и других. С чувством глубокого удовлетворения сознаешь, какие возможности предоставляет партия и правительство каждому, кто проявляет желание работать, на научном поприще, каким трогательным вниманием окружает каждого, сделавшего что-либо для наук.

Не могу не поделиться примером как раз обратного отношения даже к великим людям того времени. Я работал в 1890 г. в клинике Бильрота. В свободное от клинических занятий время я проходил курс по смежным с хирургией дисциплинам, в том числе и по топографической анатомии, у Делароза. Когда последний узнал, что я из Харькова, то с удивлением спросил, почему я приехал изучать анатомию в Вену, когда в Харькове есть знаменитый анатом Белоусов, получивший золотую медаль на выставке анатомических препаратов в Брюсселе. К стыду своему, я этого не знал. Да разве один Белоусов был примером пренебрежительного отношения к своим высокоталантливым людям со стороны полицейско-бюрократической власти? Пирогова ведь тоже признали в России только тогда, когда о нем громко заговорил Запад.

Вспоминается, как с введением в жизнь устава 1884 г. родился особенный тип студенчества «белоподкладочник». Эти студенты, носившие

мундиры на белой подкладке, всегда выложенные, с претензией на изыщество, с пренебрежением взирали на остальных студентов. Они всячески сторонились студентов «плебейского» происхождения, замыкаясь в отдельной касте. Занимались они очень мало. Большая часть их времени уходила на попойки и прожигание отцовских капиталов.

Жизнь неимущих студентов была очень горькая и тяжелая, в особенности угнетали квартирные условия. Харьков как торговый центр жил годовыми ярмарками, а их было пять. Во время ярмарок квартирным хозяйкам было выгодно сдавать комнаты, в которых ютились студенты, приезжающим мелким торговцам, и на ярмарочное время студенты просто изгонялись. Советский студент обеспечен питанием, общежитиями, культурно-бытовым обслуживанием, основной массе тогдашнего студенчества такие блага даже не снились.

Взаимоотношения, существовавшие между студентами и профессорами, были таковы, что первые очень часто всячески их сторонились. Были, конечно, исключения — например, профессора А.Я. Данилевский, Ценковский, Гиришман к студентам относились особенно хорошо. Но вообще студенты с величайшей робостью подходили с вопросами к своим учителям. Многих из них мы просто панически боялись.

Нельзя даже сравнивать кошмарное прошлое нашей университетской жизни с радостной советской действительностью.

А.И. ГЕЙМАНОВИЧ

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Харьковская университетская психоневрология начала свою историю в конце семидесятых годов XIX века. Общего патолога Кремянского обременили нагрузкой: он должен был читать психиатрию. В начале восьмидесятых годов в Харьковском университете воцарилась оформленная психоневрологическая наука. Строителем этой дисциплины был профессор Ковалевский, энергично делавший свое дело. Он заложил прочные пласты психоневрологии на украинской почве.

В то время наступала политическая реакция. Новая дисциплина, от которой можно было ожидать много прогрессивного, гуманного, нашла

в харьковской академической среде среди кафедральных психоневрологов мало вольнодумцев. Ковалевский вписал свое имя в историю наступившей реакции. После отъезда Ковалевского в Варшаву его заменил Я.А. Анфимов. Работы кафедры нервных и душевных болезней долго проходили без клиники, которую заменяла амбулатория на углу Харитоненковского переулочка и теперешней ул. Тринклера. На харьковской почве появились экстраординарный профессор И.Г. Оршанский, много писавший о психиатрии, Б.С. Грейденберг — главный врач Сабуровой дачи и приват-доцент университета А.О. Попов. Б.С. Грейденберг посвящал свои лекции истории психологических и психиатрических школ. В то время на нашем небольшом IV курсе среди 60 студентов выделилась группа человек в шесть, уделявшая особое внимание психоневрологии. Но работать в Харькове было скучно, не было нервной клиники, встряска 1904–1906 гг. заставила забыть на время о научных перспективах.

1905 год расплескал стоячее болото российского государства. Я в числе многих других оказался в Москве, и, когда несколько затихли политические бури, ушел в психоневрологию. Около двухсот врачей — таков был актив психоневрологической Москвы девятисотых годов. С 1908 г. с дипломом врача я работал в первой клинике Рота и психиатрических Сербского и Бернштейна. Вернувшись в 1911 г. в Харьков, сразу окунулся в новую жизнь. Психоневрология приняла совсем иные формы. В годы, последовавшие за первой революцией, на старой харьковской Сабурке началось небывалое оживление. После войны сюда устремилась группа москвичей — С.Н. Давиденков, Т.И. Юдин, Т.А. Гейер, В.М. Гаккебуш, С.И. Зандер, Н.А. Ершов, многие из них только что сняли военную форму. Они привезли с собой в Харьков передовые методы клиник Девичьего поля, лозунги современной психиатрии, борьбу с рутинной психиатрического дела.

На Сабуровой даче работали видные хирурги Ф.Ю. Розе и Е.К. Истомин, весьма компетентные терапевты и представители других областей клинической медицины. Большую работу вели здесь Н.Ф. Мельников-Разведенков (я организовал у него первый неврогистологический пункт), по бактериологии, серологии, гематологии — М.И. Рабинович. Да и настроения при расцветающей психоневрологической науке царили тут совсем иные: мы объединяли наиболее прогрессивные элементы Харьковского медицинского общества (В.М. Гаккебуш стал секретарем его правления, я — секретарем журнала).

Еще один новый очаг психоневрологической мысли возник в Харькове на исходе 1911 г. — кафедра нервных и душевных болезней Женского медицинского института (один из ингредиентов нынешних кафедр), организованная С.Н. Давиденковым, вскоре получившая на базе Александровской больницы первую по времени в городе нервную клинику, в которой я был помощником директора и руководителем неврогистологической лаборатории. Молодежь, сгруппировавшаяся вокруг новой кафедры, главным образом женская, с энтузиазмом строила новое дело,

много писала, много докладывала. Вместе с сабуровскими психоневрологами я сосредоточил свое внимание вокруг Общества невропатологов и психиатров. Появились новые темы, сложные задачи неврологического мышления о тонусе, о защитных рефлексах.

Накануне Первой мировой войны была закончена постройка новой нервной клиники университета. Она стояла на самом краю клинического городка, выделяясь красивой архитектурой среди однообразных корпусов клинического типа и упираясь своим свободным флангом в окружающие пустыри и овраги. Сейчас они превращены в прекрасный асфальтированный город гигантских зданий нового типа. Начавшаяся мировая война развеяла молодых психоневрологов по разным фронтам, помешала обновлению университетской психоневрологии: новую нервную клинику захватили под госпиталь для раненых и вернули по прямому назначению лишь после окончания Гражданской войны. Неврология, психиатрия, хирургия — все эти отрасли в первую очередь пошли на службу войны. Военный материал сосредоточился на Сабуровой даче и в целой сети госпиталей. На Сабуровой даче я поставил изучение психозов войны и написал монографию «О душевных болезнях военного времени» (1915 г.). Нам пришлось заняться и организационными вопросами, связанными с военной психиатрией, но особенно большую работу мы развивали на неврологическом фронте.

Империалистическая война протекала так, как она вообще протекает в буржуазном окружении. Были рецидивы шовинизма. Интеллигенты с чеховским обликом посылали проклятия на головы немецких варваров и рассказывали друг другу о былинном подвиге великого князя, который в начале войны собственноручно зарубил начальника станции, не умевшего обращаться со своим оружием — железнодорожным жезлом. Ручейки пораженческой агитации просачивались в рабочие районы. Вести о Циммервальде находили созвучие и в среде интеллигенции. На Сабуровой даче стало легче поддерживать антивоенные настроения. Подспела забастовка сабуровских санитаров. Но там же, на Сабурке, выросла и большая черносотенная опасность. Незадолго до войны церковь при этой больнице сделалась штабом «Союза русского народа», откуда священник Слуцкий повел погромную агитацию, которую февральский переворот 1917 г. застал в разгаре. В наступившей сумятице сабуровские зубатовцы пытались свести счеты с наиболее радикальными элементами. И лишь благодаря вмешательству революционной организации удалось предупредить выступления черносотенцев. Дело кончилось изгнанием священника Слуцкого. Сабуровский пролетариат затем показал себя подлинно революционным. Из его недр вышло много партизан и красногвардейцев.

С приходом на рубеже 1917–1918 гг. большевиков мы со своими старыми товарищами по общественно-политической работе Н.В. Томашевским и прозектором Харьковского университета В.В. Бобиным собирали медицинскую секцию Совета рабочих депутатов. В калейдоскопическом

вихре событий я не оставлял научной работы. В годы разрухи история выдвинула новую проблему — инфекции. Я обработал большие материалы по неврологии «испанского гриппа» (1919 г.). Осенью 1919 г. я познакомился с контрразведкой. Наступал закат денкинищины. Мы готовились к встрече советской власти. С ее приходом я стал ответственным секретарем первого санитарного ревкома — «Чрезсыптитфа», на смену которому пришел Наркомздрав. В Наркомздраве я стал ведать нервно-психиатрической секцией, принимал участие в организации печатного органа наркомата, организовал в Наркомздраве издание сборника работ по венерологии и психиатрии.

В августе 1920 г. народный комиссар здравоохранения М.Г. Гуревич утвердил мой проект о создании Центрального украинского психоневрологического института, который начинался с 4 отделов в начале и вырос до 20 отделов к концу первого пятилетия работы. На рубеже 1923–1924 гг. при Харьковском медицинском институте была создана научно-исследовательская кафедра психоневрологии. Психоневрологический институт стал базой секции экспериментальной психоневрологии.

Крупнейший в мире медицинский журнал «Journal of American Medical Association» (1930 г.), приводя работу «продукта русской революции» Украинского психоневрологического института, писал, что в советской стране в некоторых отраслях научная работа идет интенсивнее, чем где-либо. В 1932 г. институт вошел в новую Психоневрологическую академию. Оглянувшись назад, я подсчитал, что за время существования института и связанной с ним научно-исследовательской кафедры Медицинского института было сделано около 850 научных исследований.

В.Я. ДАНИЛЕВСКИЙ

ПРАЗДНИК НАШЕЙ СТРАНЫ

Кафедру физиологии на медицинском факультете Харьковского университета я занял в 1887 г. В 1909 г. вследствие политических разногласий с реакционным большинством факультета я выбыл из состава факультета и начал читать лекции в Женском медицинском институте, который был

учрежден Харьковским медицинским обществом, после Февральской революции снова начал работать на медицинском факультете, а после Октября Женский медицинский институт вообще слился с медицинским факультетом.

Как много лиц, событий!.. Можно только выбрать случайные, наиболее памятные эпизоды из массы воспоминаний о пройденном пути. Вспоминается тяжелое время, начиная с половины восьмидесятых годов, когда на факультете господствовало реакционное большинство, усердно проводившее тенденции и правила университетского устава 1884 г. Ретрограды и реакционеры проявляли себя во всем. Большинство медицинского факультета, его реакционные профессора, к которым присоединились некоторые профессора и других факультетов, провалили врача Ф. Германа, обнаружив редкое, пристрастное и несправедливое отношение к нему. Другие профессора объясняли это только антисемитизмом. На экзаменах случаи антисемитизма проявлялись очень часто, и не только в отношении к студентам, но и врачам — на выпускных экзаменах, на защитах диссертаций.

Вспоминается бурный 1905 год. Медицинский факультет забастовал против общеуниверситетского совета, который в своем большинстве был настроен прогрессивно. Во главе прогрессивного большинства совета стояли тогда математик В.А. Стеклов, юрист Н.А. Гредескул и другие. Реакционные профессора медицинского факультета перестали ходить на заседания совета, оправдывая это резкими разногласиями, как они выражались, «в общем настроении». Студенты медицинского факультета были настроены прогрессивно. Лишь незначительная группа придерживалась воззрений Союза русского народа, Русского собрания, вообще узконационалистических, ретроградных, контрреволюционных воззрений. Всем известны события 1905 г., когда студенчество, в том числе медики, боролись на баррикадах Харькова.

Отношения между профессорами и студенчеством на разных этапах складывались по-разному. В восьмидесятых годах они были довольно дружественными, близкими — на почве традиций либерально-прогрессивного устава 1863 г., который смел николаевщину в университетских коридорах. Устав 1884 г. вызвал явственное охлаждение и разобщение и между профессорами, и между ними и учащейся молодежью. Большинство студенчества было настроено прогрессивно. Между тем очень большое количество профессоров строго придерживалось нового устава и преданно проводило его в жизнь. Разобщение особенно резко сказалось во время студенческих волнений, которые после введения нового устава стали частым явлением в университетской и факультетской жизни. Надо прямо сказать, что многие профессора не скрывали своих воззрений в пользу репрессивных мер против революционного студенчества, в пользу усиления инспекторского надзора. Но была группа профессоров, все время стоявшая на стороне студенчества и очень хорошо относившаяся к молодежи. Лучшие прогрессивные профессора Харьковского меди-

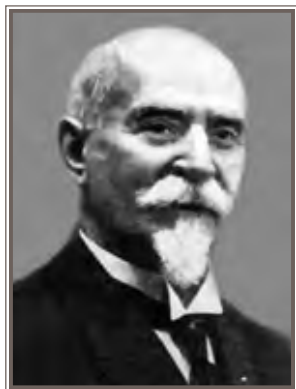
цинского факультета принимали большое участие в общественной жизни, активно работали в таких обществах и организациях Харькова, как Общество грамотности, Общественная библиотека, Общество взаимопомощи трудящихся женщин.

Несколько слов о нашей научной работе. В девяностых годах научная работа в лаборатории кафедры физиологии шла успешно, работало много врачей. Но после 1898–1899 г. начались репрессии начальства против моей лаборатории. Это была закулисная борьба против прогрессивной профессуры. Многие даже перестали работать в этой лаборатории из боязни, что их будут преследовать. А в 1909 г. я оставил кафедру.

Когда я в 1917 г. снова пришел на кафедру, лаборатория была дезорганизована. Помню, с каким трудом разворачивали мы работу. Но огромное желание работать дало возможность восстановить кафедру, создать новые кадры работников.

Сейчас, перечисляя в памяти учеников, я вспоминаю многих и многих крупных ученых, закончивших факультет после Октября, получивших после Октября профессорские звания и развернувших научную работу: Кудрявцев, И.Н. Журавлев, работающий в Томске; ленинградский фармаколог Я.И. Периханянц, М.М. Денисенко, занимающий кафедру физиологии в Архангельске, харьковские профессора клиницист В.М. Коган-Ясный, физиолог Е.К. Приходькова. С большой энергией учились они после Октября и стали крупными величинами.

Юбилей Харьковского медицинского института — праздник всей нашей страны, любовно относящейся к подготовке новых кадров.

И.В. КУДИНЦЕВ

ТОГДА И ТЕПЕРЬ

125-летний юбилей Харьковского медицинского института — несомненно, праздник советской медицинской науки и медицинского образования. С большим удовлетворением узнают трудящиеся нашей страны историю ХМИ. Она покажет им тернистый путь науки, как победивший

пролетариат, перестраивая мир, в интересах этой перестройки овладевает наукой, поднимает на высшие ступени медицину, охрану здоровья, организует подготовку квалифицированных медицинских кадров.

С 1884 г. я работаю в Харьковском медицинском институте, где был оставлен ассистентом хирургической пропедевтической клиники, а спустя год стал ординатором хирургической госпитальной клиники у профессора Подреза. Я хорошо знаю весь путь, пройденный сначала медицинским факультетом, а потом медицинским институтом, весь путь хирургии в ХМИ.

Первый период работы в области хирургии в Харькове — от основания факультета до 1830 г. На факультете была только одна кафедра хирургии, работали хорошие хирурги: Шумлянский, Бутковский. Второй период — по 1860 г., когда были уже 2 кафедры хирургии — так называемые умозрительная и операционная. Лучшими хирургами тут были Струве, Наранович и Ванцетти. Третий период — от 60-х до 80-х годов, когда работал выдающийся хирург Грубе. В этот период на факультете были уже три хирургические кафедры — теоретическая, хирургическая факультетская клиника и хирургическая госпитальная клиника.

Многое для меня связано с воспоминаниями о профессоре Грубе, а также Подрезе — выдающемся хирурге и урологе, ученом Венской школы Бильрота и Дитля, погибшем в расцвете своих сил в случайной катастрофе. Он оставил большое литературное наследство — многочисленные статьи и два больших тома (800 с лишним страниц) учебника хирургических болезней мочевых и половых органов. Свой дом на Пушкинской улице, где сейчас находится Второй медицинский техникум, он завещал медицинскому факультету с обязательством открыть в нем урологическую клинику. Профессор Подрез был большой клиницист, блестящий хирург. Он первый в Харькове удалил селезенку, первый удалил почку, первый делал резекцию желудка.

Профессор Грубе — образованнейший и искуснейший хирург. Своими лекциями и еще более блестящими художественными операциями он не в одном студенте зародил любовь к хирургии, стремление к совершенствованию в этой области.

С 80-х годов на факультете уже были 4 кафедры — оперативная, хирургической патологии, факультетская и госпитальная клиники. В начале этого столетия число кафедр оставалось таким же. Занимали их преимущественно приезжавшие из Москвы и Ленинграда профессора, работавшие в Харькове очень недолго (Мартынов, Делицын), но некоторые осели в Харькове навсегда (Орлов, Соколов). Однако к концу первого десятилетия все кафедры были заняты профессорами, воспитанными самим Харьковским университетом — Пржевальским, Пенским, Воскресенским, Тринклером. Все они были учениками Грубе. Любимейшим его воспитанником и сподвижником был выдающийся хирург, профессор Николай Петрович Тринклер.

Сейчас особенно ясно видишь достижения советской хирургии. Мы начинали с одной кафедры, а к Октябрьской революции были уже четыре.

В настоящее же время в ХМИ хирургия представлена семью кафедрами и двумя доцентурами.

Я хочу подчеркнуть огромную роль студенчества в строительстве Медицинского института и в прогрессивном движении профессуры. Студенчество после Октябрьской революции резко заявило о своих правах. Отсюда — выборы представителей в совет, борьба против реакционной профессуры. А слияние с Женским медицинским институтом, против которого выступали многие профессора, было победой революции в университете.

Хочется вспомнить замечательные годы после Гражданской войны, когда стены Медицинского института ломались от наплыва желающих получить высшее медицинское образование, когда приходили люди, не имевшие достаточного среднего образования, преимущественно причастные к медицине во время войны. Институт прибегал к разнообразным методам, чтобы помочь им: семинары, групповые занятия, младшие преподаватели — все это было мобилизовано в помощь новым студентам, из которых потом вышли сотни врачей-хирургов.

Когда я теперь прохожу по зданиям медицинского института и его клиник, я вспоминаю муки, которые приходилось претерпевать профессорам Подрезу, Опенховскому, Соколову и другим, чтобы получить хоть какую-нибудь возможность работать. Сохранились рапорты Соколова о том, что у него нет аудитории, что лекции ему приходится читать в тесных, переполненных общих палатах и только для части слушателей. Подрез как-то выразился: «В хирургической клинике — мой тяжелый крест». В те времена и город не особенно охотно шел навстречу медицинской науке. Учрежденная в 1860 г. госпитальная клиника едва смогла открыться в 1880 г., а после своего открытия не пользовалась никаким вниманием.

А сейчас какую огромную помощь получают ХМИ и каждое его учреждение от партийных и советских организаций! Клиники хорошо оборудованы, увеличено количество коек, работают несравненно больше ассистентов, преподавателей, вширь и вглубь развивается научная деятельность. У нас теперь совершенно новая наука — помолодевшая, не раболепствующая перед Европой, ставящая перед собой задачи исключительного значения и разрешающая их. То, о чем мы могли лишь мечтать, либо претворено в жизнь, либо осуществляется. Может ли быть лучший подарок к празднику 125-летия медицинской науки на Украине?

В.П. ВОРОБЬЕВ

КАФЕДРА НОРМАЛЬНОЙ АНАТОМИИ ХМИ

Тридцать лет моей работы сначала при медицинском факультете старого Харьковского университета, а в последнее время при Харьковском медицинском институте обнимают приблизительно четвертую часть жизни одного из старейших медицинских центров нашей страны. Вспоминаются давно ушедшие дни и первые лекции по анатомии моего учителя А.К. Белоусова, пробудившие во мне да и почти у всех первокурсников столь глубокий интерес, что я четко и определенно решил серьезно заняться изучением строения человека. Незабываемы дни, когда приходилось слушать мастерское изложение увлеченного учителя, постепенно входить в понимание закономерностей, лежащих в основе сложения человеческих форм, почти ощущать разворачивающуюся на глазах эволюцию органов.

С нетерпением я ждал следующих лекций, так как каждая из них была одновременно введением в понимание причин структуры, функций и основ патологического процесса. Случай, когда надо было помочь учителю продемонстрировать препараты на лекции по судебной медицине юристам, сблизил меня с ним и помог получить место препаратора при кафедре. Это и было началом моей специализации в анатомии. Под непосредственным руководством талантливого анатома, которого помнят как одного из блестящих профессоров Харьковского медицинского факультета, прошли первые годы моей работы. День начинался утренней лекцией, полдень проходил в приготовлении препаратов, в поисках литературы по интересовавшим учителя и меня вопросам, вечер уходил на подготовку препаратов к следующему дню. В более поздние годы все время посвящалось работе со студентами. Вечером я беседовал с учителем во время вечерних прогулок или у него дома.

А.К. Белоусов происходил из мелкопоместных дворян, хорошо знал среду, в которой вырос, и ясно сознавал всю никчемность и пошлость ее бытия. Он ненавидел всех, кто пытался копировать барство, жизнь высших классов, быт чиновничества, рутину, и в своих лекциях всегда би-

чевал уозость, косность, никогда не стеснялся приводить, излагая историю развития морфологических и физиологических дисциплин, примеры изуверства Руничей и Магницких и в образной форме разоблачал царский режим. 1905 – 1906 годы были для А.К. Белоусова временем больших испытаний. Я помню случай при взрыве бомбы на Костомаровской улице, помню трупы пристава и жандармов, привезенные в городской трупный покой. Вспоминается и другой случай, когда на первом банкете общественных деятелей в Харькове на ходившем по рукам листе для записи присутствующих А.К. Белоусов написал, чтобы его не спутали с кем-нибудь другим: «Ординарный профессор кафедры нормальной анатомии, действительный статский советник и кавалер Алексей Константинович Белоусов». Отмечу здесь же, что часть профессоров, присутствовавших на банкете, увидев приближение подписного листа, удрала с банкета, а часть, узнав, что жандармы начали следствие, заполучила лист в последующие дни и вычеркнула свои фамилии.

Со смертью А.К. Белоусова в 1907 г. закончился первый период моей университетской жизни. Поручение, в тот период очень редкое, читать обязательный курс, когда я еще не был приват-доцентом, близко столкнуло меня с администрацией университета и факультета. Память воскрешает ряд лиц. Историк в свое время отметит их удельный вес в жизни старого университета. Он расскажет, как царский режим калечил талантливых людей, превращая ученого-исследователя в верноподданного чиновника министерства внутренних дел.

В 1910 г. министр народного просвещения прервал умышленно затянутый протекавший после смерти А.К. Белоусова конкурс на замещение заведующего кафедрой нормальной анатомии бумагой, в которой сообщалось, что министерство поручает чтение лекций по нормальной анатомии доктору медицины Воробьеву впредь до утверждения профессором доктора медицины А.Г. Зоммера. Факультет и совет никак не реагировали на незаконное нарушение принадлежавшего факультету и совету права свободного выбора профессоров. И вот кафедра анатомии была поручена А.Г. Зоммеру — однокласснику известного Вюрцбургского гистолога профессора Ф. Штера. Окончив Дерптский медицинский факультет, кандидат министра заурядный врач А.Г. Зоммер чуть более пятнадцати лет занимал должность тюремного врача в г. Таганроге. Уйдя в отставку и оставив Таганрог, Зоммер, к этому времени уже материально обеспеченный человек, отправился в Германию, получил при профессоре Ф. Штере место сверхштатного ассистента и работал три года по гистологии. Заняв кафедру нормальной анатомии, А.Г. Зоммер выучил почти наизусть объяснения к рисункам атласа Шпальтегольца и благополучно начал читать лекции по анатомии человека. Помощниками его состояли Воробьев и тогда еще молодой доктор А.Н. Натиев, ныне профессор Тифлисского университета. Вспоминается много курьезов. Профессор Зоммер совершенно не умел вести занятия, не имел опыта в препарировании трупов и не разбирался в тканях. Делая разрез ножом с таким выражением опаски,

с каким неопытный человек вынимает саблю из ножен, он тотчас же заглядывал в разрезанное поле и затем напористо делал следующий разрез. Требуя по существу знания одной лишь анатомической номенклатуры, А.Г. Зоммер при этом фактически уничтожил право студентов ставить вопросы «Каким путем и в силу каких причин?». На кафедре культивировалась педантичность, доведенная до степени культа, была задушена живая мысль. На лекциях профессор неоднократно вспоминал своего друга, жандармского полковника из Таганрога, а в жизни во время студенческих забастовок не раз призывал в здание анатомического театра полицию. После Февральской революции 1917 г. он вынужден был, как назначенный, оставить кафедру.

Первые годы после Октябрьской революции были в отношении кафедры нормальной анатомии временем больших исканий. Памятны страстные споры, дискуссии о путях правильной постановки педагогического процесса, о связи исследовательской работы с педагогической. Памятен новый студент, несколько неуклюжий, гортань которого царапали латинские термины, рука неумело держала тонкую ручку скальпеля и нежные бранши пинцета. Но памятны и азарт, и жажда знания, которые столь характерны для первых наборов университетской молодежи в первые годы советской власти. И споры, и дискуссии, и ряд поставленных опытов, освещение материала на лекциях, изучение его на семинарах и на практических занятиях, опыты с бесконтрольной работой студента и ряд других исканий быстро привели к положительным результатам.

В дореволюционное время целым курсом в составе 250–300 человек руководили два помощника. В настоящее время каждая группа из 25 человек имеет отдельного преподавателя. С годами были расширены помещения кафедры. Кафедра получила новый инвентарь. К четырнадцатой годовщине Октября при кафедре был открыт новый музей, она получила специальные средства на научную работу, к кафедре прикомандирован ряд аспирантов, а успешная работа помощников дала возможность пяти из них получить самостоятельные кафедры. Нищая в прошлом, кафедра теперь обладает всем для полного развития педагогической и научной работы.

Период трудностей пройден. Реорганизованные кафедры вышли уже на большую исследовательскую дорогу, где сталкиваются интересы сопредельных и нередко далеких дисциплин. Соединенная работа коллектива ставит новые, еще более глубокие, еще более захватывающие проблемы. Прогресс кафедр нормальной анатомии за последнее десятилетие в исследовательской и педагогической работе не сравним ни с одним периодом печального дореволюционного прошлого. Однако достигнутое — только первые шаги по ступеням лестницы, ведущей в будущее.

М.Я. КАЛЬФ-КАЛИФ

**О ПОСТАНОВКЕ
МЕДИЦИНСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ
В ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ
КЛИНИКЕ ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
И О НАУЧНОМ УРОВНЕ
ВНУТРЕННЕЙ МЕДИЦИНЫ
40–50-х гг. XIX ст.**

Сохранившиеся в архиве факультетской терапевтической клиники Харьковского медицинского института студенческие истории болезни за 1844/1845 и 1857/1858 гг. представляют собой ценный материал, разработка которого может дать представление не только о методике преподавания клиники внутренних болезней, но и об уровне медицинских знаний этой эпохи. Речь идет о времени, когда микробиологии и рентгенологии еще не существовало, физикальная диагностика только нарождалась, а термометрия не практиковалась, поэтому изучение указанных материалов представляет большой интерес.

Истории болезни написаны студентами V курса и, как правило, на латинском языке, только некоторые — по-французски или по-немецки. В историях можно видеть сделанные рукою профессора исправления ошибок в латинской речи. Все они построены по одному плану и состоят из следующих частей: анамнеза, объективного исследования (*Status praesens*), диагноза, этиологии, прогноза, лечения и дневника (*observations quotidiene*), описания секционных данных. По такому (обычно очень подробному) документу нетрудно составить представление о состоянии внутренней медицины той эпохи и о требованиях, предъявлявшихся к студентам последнего курса. В течение академического года студент курировал двух больных — по одному в осеннем и весеннем семестре. Проверенная и апробированная преподавателем история болезни давала право на получение зачета.

Состав больных по роду заболеваний довольно пестрый. Кроме больных, составляющих обычный контингент терапевтических клиник, здесь можно встретить больных сифилисом, орхитом, метритом, дисменореей,

истерией, чесоткой и т. д., не говоря о брюшном тифе, который, как известно, не так уж давно стал достоянием инфекционных отделений. Социальное положение больных довольно разнообразно: мы находим здесь крепостных (*servi*), простолюдинов (*ex plebe*), торговцев (*mercatores*), студентов университета, изредка дворян (*nobiles*), лиц без определенных занятий, домашних хозяек и т. п.

Извлечения из нескольких историй болезней, приведенных ниже, мы подвергли анализу.

1. Случай гастрической лихорадки (март 1845 г.). Речь идет о студенте 21 года, заболевшем незадолго до поступления в клинику в результате будто бы переизнания и пробывшем в клинике месяц. Основные жалобы: позноблнвнне, легкнй жар (температура не нзмержлсь), головннй боль, отсутствие аппетита, тошноты, болезненность в эпнгалстральной облнстн. Дннгноз — гастрнческнй лихорадкн. Дннгноз брюшного тнфа был отвергнут вследствне «преоблданнн гастрнческого статусн над нервным». Особый ннтерес представлнет то обстоятельство, что в нсторнн болнзнн высказано утвержднне о возможности перехода гастрнческой лихорадкн в брюшную тнф. Анализ нсторнн болнзнн позволнет предположнть, что описанная снтуация, потребовавшая месячного леченнн, — не что нное, как легкнй случнй брюшного тнфа нлн паратнфа.

2. Случай брюшного тнфа (октябрь 1857 г.). Крепостной 18 лет. Кроме мастерского описаннн тяжелейшего тнфозного статусн, необходимо отметить хорошо проведенную днфференцнальную дннгностику с мнннгнтном, острым туберкулезом нлн туберкулезным мнннгнтном. Отождествленне острым туберкулезом с туберкулезным мнннгнтмом объясняется, внднмо, тем, что млннарный туберкулез нередко, как известно, сопровождается преумощественной млннарнзацией мозговых оболочек. Последннй может преоблданть в клннческой картнне, вследствне чего в таких случнйх болнзнь нногда дннгностируется как мнннгнт, а общнй млннарнзация не распознается.

Днфференцнрование начннается с нсклнченнн катаральной лихорадкн, под которой, вероятно, следует поннмать заболевание, широко нменуемое грппом. Исклнченне лихорадкн основывается на том, что она, в отличне от тнфа, не дает резко выраженных и рано наступающих мозговых снмптомов. Правнльность прнжнзненного дннгноза подтврждена секцней. Что же касается этнологнн, то непосредственная прнчина брюшного тнфа усматрнвается в «нзмненнн и разлнженнн кровн, патологнческн влннющей на нервную систему». Трудно было бы предъявлять большие требованнн к меднцнне добактериологнческой эпохн.

3. Исторнй желтухн, происшедшей вследствне воспаленнн печенн (декабрь 1844 г.). Сельскнй портной 20 лет. Основные снмптомы: желтуха кожных покровов, конъюнктив и склер, мочн шафранного цвета, общее состоянне почтн не нарушено. Дннгноз «желтуха» не считается трудным и устанавливается на основаннн осмотра. Что же касается этнологнн за-

болевания, то в числе предрасполагающих причин указаны холерический темперамент, недоброкачественная пища, особенно соленая рыба, сырое и холодное помещение и сидячий образ жизни. Ближайшая причина болезни — прохождение желчных пигментов в лимфу и кровь при их отсутствии в кишечнике.

Прогноз. Желтуха не является опасной болезнью и даже излечивается силами природы, однако в затяжных случаях длительное угнетение функции печени способно вызвать «обструкцию и дезорганизацию брюшных органов, что может привести к гектической лихорадке». Сказанное является следствием смешения с гепатитом различных нозологических единиц, протекающих с таким бросающимся в глаза симптомом, как желтуха. Так как больной выписался через 11 дней в хорошем состоянии, то надо полагать, что описан легкий случай болезни Боткина.

Лечение желтухи, как пишет автор, должно быть построено соответственно двум принципам: 1) восстановление функции печени; 2) направление тока желчи по нормальному руслу. Если наряду с желтухой имеются указания на гепатит, то назначаются «антифлогистические» средства. Из специфических средств, действующих на печень, разрешающе указываются ревень, алоэ, свежевыжатые соки трав и минеральные воды (карлсбад и др.). Если в основе болезни лежит спазм вследствие раздражения холепоэтических органов, то рекомендуются антиспастические средства. Больной получал вначале отвар из *rad. graminis. tartarus depuratus*, а позже — ревень и *kali*.

4. Случай острого ревматизма. Крепостная девушка 17 лет (декабрь 1844 г. — январь 1845 г.). Интерес представляют рассуждения о прогнозе при остром ревматизме. Исходя из взглядов Буйо (Buillaud, 1836), автор подчеркивает, что ревматический процесс может захватить эндокард и перикард одновременно с поражением суставов, но вместе с тем считает недоказанным, что поражение сердца представляет метастаз ревматизма. Любопытно, что на работу Сокольского «Учение о грудных болезнях» (1838) нет ссылок, что, видимо, является отражением столь характерного для того времени преклонения перед западной наукой.

При дифференциальной диагностике автор считает необходимым исключить неревматический артрит, в клинической картине которого несколько односторонне придает решающее значение отложениям в суставах мочевой кислоты (ссылка на патолога Андраля) в противоположность простудным моментам, якобы играющим основную роль в возникновении острого ревматизма. Ангине, которая у больной предшествовала развитию ревматизма, не уделено внимания. Лечение состояло в применении противовоспалительных средств, к которым отнесены каломель, алтея, калийная селитра и др. Местно назначались втирания серой ртутной мази, горчичники, жидкая камфорная мазь и др. Понятно, что салицилаты, которые вошли в клиническую практику позже, не применялись. После шестинедельной госпитализации больная выписалась в удовлетворительном состоянии.

5. История брюшной водянки от закупорки (ex obstructione) брюшных внутренностей после перемежающейся лихорадки. Больной 24 лет, сапожник, скрофулезного вида и «лимфатического темперамента». С четырехлетнего возраста до 14 лет страдал перемежающейся лихорадкой; в течение последних двух месяцев случились три приступа лихорадки трехдневного типа. С месяц назад произошло увеличение живота, чему предшествовала небольшая отечность ног. Объективно: бледность, одутловатость лица, легкая желтушность склер, отек нижних конечностей и половых органов, асцит, печень и селезенка увеличены.

Диагноз: больной страдает брюшной водянкой вследствие «болезненного скопления сыворотки в брюшной полости» в результате «обструкции брюшных внутренностей после упорнейшей перемежающейся лихорадки». Ввиду значительных органических изменений брюшных органов прогноз в этом случае ставится сомнительный, несмотря на значительное объективное и субъективное улучшение под влиянием сернокислого хирина. Патогенез страдания представлен в истории болезни в следующем виде: переполнение кровью брюшных внутренностей, особенно печени и селезенки, в течение длительной перемежающейся лихорадки влечет за собой уплотнение брыжейки, вследствие чего происходит нарушение функции названных органов; последнее приводит к замедлению всасывания и в итоге — к брюшной водянке. Отдельные выражения и термины, принятые в те годы, неясны: что надо понимать под «обструкцией» или под «инфарктом брюшных органов», и почему последний может быть устранен слабительными?

Проанализировав ряд историй болезни, можно отметить нередкое пользование симптоматическими диагнозами (объясняемое, естественно, недостатком знаний), как-то: желтуха, брюшная водянка, гипертрофия сердца и т. п. Иногда диагноз ставился на основании ложных представлений, так, например, длительная мастурбация в анамнезе служила поводом к диагнозу спинной сухотки, не подкреплённого другими данными.

6. История гипертрофии сердца с гидрперикардием и гидротораксом (Historia hypertrophae cordis cum hydropericardio et hydrothorace). Преподаватель 33 лет, родом из Чехии. В клинике с 14 ноября по 2 декабря 1844 г. Больной — гипохондрик, страдал запорами и постоянно применял разные слабительные. Каждый месяц он находил у себя новую болезнь и всегда изыскивал соответствующую диету. Побывав в Моравии, он увлекся методом Присница — «Лечение всех болезней холодной водой». Выпивал огромное количество холодной воды, чем, по мнению куратора, бессознательно способствовал развитию порока сердца. Три месяца назад стал ощущать боль в левом боку. Болезнь была принята за воспаление селезенки, назначены пиявки и нарывной пластырь. После трехнедельного периода удовлетворительного самочувствия снова стал ощущать боль в левом боку, кроме того, появились сердцебиение и одышка. В течение ближайших недель названные расстройства начали усиливаться, и к кон-

цу месяца появились отеки стоп. Так как лечение результата не давало, больной лег в клинику.

Объективное исследование (status praesens). Больной очень слаб, все время сохраняет вынужденное сидячее положение. Дыхание частое, поверхностное, прерывается коротким сухим кашлем. Кожа сухая и холодная. Ноги до таза резко отечны. Глубокий вдох вызывает боль и «сопротивление» в области сердца. При простукивании грудной клетки определяется притупление соответственно нижним долям легких, дыхание здесь прослушивается с трудом. Пульс малого наполнения, учащен, ритмичен. Толчок сердца ощущается неясно. Тоны сердца прослушиваются во всей области сердца. При исследовании живота прощупывается увеличенная болезненная печень. Моча выделяется скудно. Больной постоянно испытывает мучительную жажду. Стул — с помощью слабительных. Больной крайне угнетен, жалуется на стеснение в груди и ощущение тяжести в области сердца.

Диагноз. Распознавание гипертрофии сердца основывается на особых симптомах, которые не могут быть объяснены ни анатомией, ни физиологией, но будто бы имеют решающее значение для диагноза. Эти симптомы проявляются в «ощущении ползания мурашек в предсердной области, распространяющегося до мякоти левой кисти, значительной подавленности больного, усилении сердцебиения и ощущении тяжести и давления в области сердца». Но так как в чистом виде гипертрофия сердца встречается очень редко, и водянка на ее почве не развивается так быстро, как у данного больного, то автор истории болезни делает вывод: кроме гипертрофии сердца, в плевральных полостях имеется скопление серозной жидкости. В пользу этого предположения говорит ощущаемая больным флюктуация в грудной клетке. Таким образом, диагноз формулируется как «гипертрофия сердца и гидроторакс». Не исключается возможность гидроперикардума, так как эти две болезни (гидроторакс и гидроперикардум) почти всегда протекают одновременно. Кроме того, ссылаясь на притупление перкуторного звука на протяжении почти всей левой половины грудной клетки и на ощущения натяжения и разрыва, испытываемом больным в груди при положении на правом боку, автор делает вывод о сращении левого легкого и перикарда с реберной плеврой и, быть может, с диафрагмой. Таковы были диагностические соображения, высказанные при жизни больного. Больной погиб при тяжелейших терминальных явлениях.

Чтобы дать читателю более точное представление о стиле истории болезни и об отношении к страдающему человеку, приводим дословно выдержку из истории болезни: «Все показывает, что больной находится на последнем издыхании. Вечером я нашел его чрезвычайно изменившимся. Отечность лица почти совершенно исчезла, лицо сделалось гипократическим. Затруднения дыхания были так велики, что у присутствующих появлялись слезы. Никаких лекарств он уже не принимает и отказывается от пищи. Находится в состоянии величайшей подавленности.

В таком положении я оставил больного, а когда пришел на следующий день, то он был уже мертв. Умер он очень тихо. Перед самой смертью дыхание его становилось все реже и короче. Несколькими часами раньше он метался и очень громко стонал.

Из цитаты видно, что в данном случае история болезни не является только сухим официальным документом, заключающим в себе лишь регистрацию болезненного состояния пациента. Здесь она в немногих теплых словах отражает переживания врача и окружающих, несмотря на то, что, как известно, смерть в больничном учреждении является привычным происшествием. Секция прижизненный диагноз подтвердила. Приведен подробный протокол вскрытия, но отсутствует принятый в наше время анатомический диагноз.

Большой интерес представляют разделы истории болезни, посвященные этиологии и патогенезу заболевания. Увеличение печени в описанном случае автор считает первопричиной разыгравшейся драмы, предполагая, что хронические запоры повлекли за собой нарушение функции печени, а «при ненормальности печени сердце должно также нарушить свои функции, ибо эти два органа находятся между собою в теснейшей связи; отсюда уже первая причина для пороков сердца». Здесь явно смешаны следствие (застойная печень) и причина (недостаточность сердца). Более того, высказывается предположение, что натужные движения, к которым прибегал больной для опорожнения кишечника, оказали большое влияние на расширение сердца. Что же касается перикардита, то причина его возникновения усматривается в больших приемах холодной воды при чрезмерно разогретом теле во время сильного летнего зноя. Гипертрофия сердца развилась вслед за перикардитом вследствие накопления эксудата («выделения сыворотки») в сердечной сорочке и связанного с этим нарушения функции сердца.

Другой причиной гипертрофии сердца следует считать поступление в кровяное русло чрезмерного количества жидкости. Так как сердце должно было проталкивать большое количество крови, то оно работало с большей силой и тем самым больше стимулировалось к гипертрофии. Гидроторакс в последние дни образовался вследствие расстройства «циркуляции крови через сердце и печень», а также в результате того, что вслед за поражением одной серозной оболочки может наступить поражение других, ей родственных (*m-ae cognatae*). Мысль, разумеется, правильная, если вспомнить о получившем уже давно право гражданства диагнозе «полисерозит».

Вместе с тем ясно, что четкого представления о различии механизмов накопления воспалительного эксудата и застойной водянки в серозных полостях в то время еще не было. Причину воспалительного процесса в легких автор видит в той же холодной воде, поглощавшейся в огромном количестве при разогретом теле. Не приходится останавливаться на странно звучащем диагнозе «гипертрофия сердца»: он становится понятным, если вспомнить, что учения о гипертонической болезни в те

времена еще не существовало, а инструментальная регистрация артериального давления, впервые осуществленная Фирордтом (1855), вошла в клиническую практику значительно позже.

Понятие о твердом пульсе было знакомо очень давно. В разбираемой истории болезни при характеристике пульса также сказано, что он *durus*. Трудно сказать, что послужило причиной гипертрофии сердца, тем более, что на аутопсии в почках не было обнаружено особых изменений. Гипертрофия левого желудочка, как известно, не может быть объяснена ни экссудативным, ни слипчивым перикардитом. Более понятны расширение и гипертрофия правого желудочка, которые, вероятно, следует отнести за счет гипертонии малого круга в результате адгезивного плеврита и коллапса левого легкого, а также гепатизации двух третей правого легкого.

Лечение заключалось в назначении наперстянки, каломеля и т. д.

Разобранные выше истории болезней знакомят с уровнем знаний в клинике внутренних болезней на медицинском факультете Харьковского университета в первой половине XIX века. Надо отдать должное энергии и способностям врачей той эпохи, вынужденных распознавать и лечить болезни, не располагая анализами даже самой скромной лаборатории, не говоря уже о прочих вспомогательных диагностических методах. Что же касается постановки образования в терапевтической клинике, то ее следует считать хорошей. Разбор историй болезней показал, что студенты последнего курса умели клинически мыслить, обстоятельно и толково излагать свои наблюдения, диагностические и терапевтические соображения и располагали достаточным знанием литературы.

В.В. БОБІН

ЗА МАНДАТОМ ЧАСУ

Професор Віктор Володимирович Бобін вчився у Харківському університеті на медичному факультеті з 1908 року. У 1910 році за активну революційну діяльність його виключили з університету й вислали у Полтавську область під нагляд поліції. Потім йому вдалося виїхати в Париж і продовжувати там освіту. У Парижі В.В. Бобін багато разів бачив Воло-

димира Ілліча Леніна і слухав його виступи. Після Великої Жовтневої соціалістичної революції він працює асистентом у академіка В.П. Воробйова до 1922 р. і бере активну участь в організації охорони здоров'я на Україні. Тепер професор В.В. Бобін — завідувач кафедри нормальної анатомії Кримського медінституту. У 1964–1965 рр. він був головою ДЕК в ХМІ на лікувальному факультеті. Сьогодні ми друкуємо його спогади про участь у революційному студентському русі в Харкові.

У період революційних виступів у 1905–1906 рр. страйки робітників харківських заводів і фабрик, службовців зразу знайшли відгук серед студентів учбових закладів міста. Навколо університету і на прилеглих вулицях були побудовані барикади, які охоронялися озброєними робітниками й студентами. Мітинги й збори проходили по всьому місту. У дворі університету, біля будинку медичного товариства, в Технологічному інституті також проходили мітинги. Після збройних сутичок з'явилися перші жертви. Поранених приносили до лікарні в амбулаторію медичного товариства, де безперервно чергували лікарі, очолювані доктором Володимиром Павловичем Бобіним. Володимир Петрович Воробйов також прийшов перев'язувати поранених робітників і студентів. У цей час у лабораторіях хімічних кафедр університету й технологічного інституту виготовлялися ручні гранати.

Будучи гімназистом старших класів, я також допомагав батькові перев'язувати поранених в амбулаторії Харківського медичного товариства по вул. Пушкінській, 14. Квартира В.П. Бобіна перетворилася на філіал амбулаторії, де виготовляли перев'язочні засоби. Після перших етапів революції 1905 року почалися репресії. Деяким викладачам і студентам університету вдалося заховати зброю і гранати (наприклад, у підвалах анатомічного корпусу по вул. Сумській, 41). Брав участь у цій справі і В.П. Воробйов.

Я вступив на медичний факультет Харківського університету в 1908 році. У цей час тут була організована революційна група. У перший період вона збиралася легально як «гурток для вивчення соціальних питань», а потім перейшла на нелегальне становище. У підпільній організації, а потім шляхом відкритих виступів студенти прагнули повернути завойовані демократичні порядки: право на сходки, обрання студентських старост, рад факультетів і університету, звільнення реакційної професури. Студентська революційна організація підтримувала лозунги більшовиків. До неї входили студенти багатьох факультетів університету та інших інститутів. Серед учасників її були Г.Л. Ейнгорн, А.Л. Ейнгорн, П.А. Контрольський, В.І. Межлаук, І.І. Межлаук, А.С. Федоровський, Б.М. Волошин, М.В. Колесников, А.С. Ломтатидзе, Я.М. Гіммельфарб, В.М. Коган-Ясний, П.Я. Кутоманов і автор цієї статті. Студентська організація була тісно пов'язана з підпільною більшовицькою організацією й виконувала низку її завдань. У 1910 році вела підготовку до Всеросійського страйку університетів. Для координації дій із студентами з інших міст революційна група послала

студента Ейнгорна і мене в Москву і Петербург. У Москві ми зустрілися з головою Московської партійної організації. Було вирішено почати страйк після одержання в Харкові телеграми на ім'я артиста Бороздіна «Зіна приїжджає 21-го січня». Після одержання телеграми почався страйк, припинилися заняття в університеті й жіночому медичному інституті. На жаль, дальша діяльність студентської організації через донос провокатора припинилася (після Великої Жовтневої соціалістичної революції в архівах царської охоранки було знайдено ім'я провокатора).

Членів нашої організації було заарештовано. А.С. Ломтатидзе відправили на три роки до Вологодської губернії у заслання. Мене вислали на Полтавщину під нагляд поліції. Репресовано інших учасників студентського руху. З великим трудом вдалося мені одержати дозвіл виїхати за кордон. У Парижі, де я вчився на медичному факультеті університету, мені пощастило декілька разів бачити Володимира Ілліча Леніна, слухати його виступи. До цього часу у мене зберігається запис виступу В. І. Леніна на одному із зборів.

З ДЕКРЕТУ РАДИ НАРОДНИХ КОМІСАРІВ УКРАЇНИ (02.03.1919 р.)

Двері вищої школи відчинені для всіх бажаючих дістати вищу освіту.
Відповідно до цього:

1. При вступі до вищої школи забороняється вимагати дипломи.
2. Забороняється вимагати будь-які посвідчення, крім посвідчення особовості й віку.
3. До всіх вищих шкіл приймаються особи без різниці статі, що досягли 18 років віку...

*З книги Аронов Г.Ю., Пелешук А.П.
Легенди і бувальщина київської медицини*

РЕЗОЛЮЦІЯ ФАКУЛЬТЕТСКОЙ СХОДКИ СТУДЕНТОВ МЕДИКОВ 29/IV-1920 г.

С 1905 года ни один курс на медицинском факультете не проходил нормально в том смысле, чтобы студенты приступали к каждому последующему циклу наук удовлетворительно усвоив предыдущий, и это обстоятельство являлось главным тормозом в подготовке молодых врачей.

Мировая война, обусловленные ею ускоренные выпуски, последующая Гражданская война и связанное с ней разрушение всей учебной жизни — положение дела еще более ухудшили.

Между тем, никогда еще страна не нуждалась так в контингенте врачей, настолько солидно подготовленных научно и практически, чтобы по окончании курса в возможно кратчайший срок быть в состоянии приступить к предстоящей им важной и ответственной деятельности врача.

Сознавая, что Наркомпрос Советской Республики именно в этих видах вынес решение предоставить студентам-медикам совершать и оканчивать свой курс без препятствий и нормально (собез), Факультетская студенческая сходка от 29 сего апреля постановила:

1. За основу нормального течения занятий принять переход ко всякому кругу последующих наук только после удовлетворительного усвоения цикла предыдущих подготовительных.

2. Ради скорейшего и наиболее безболезненного перехода к новому порядку и особенно ввиду предстоящего государственного контроля в школе ходатайствовать о назначении двухмесячного междусеместра-зачетной сессии для покрытия учебных недоимок.

3. В целях наилучшей и наискорейшей подготовки практических врачей, в которых именно и нуждается теперь страна, обратить внимание преподавательского персонала на то, чтобы преподавание велось преимущественно практическое и при том на всех курсах вполне согласованное, т. е. чтобы все подготовительные предметы сообщали по возможности те знания, которые потребуются от студента в клинике для диагноза, прогноза в клинической лаборатории, от врача у постели больного, в жизни.

П.И. БАРАННИК

ВОСПОМИНАНИЯ

Выходец из семьи бедных неграмотных крестьян на Кубани (1895 г.), рано начал батрачить на поденных полевых работах. В 16 лет отец отдал его в ученики к мастеру по ремонту сельскохозяйственных машин. Стремясь к знаниям, Петр Иванович использовал любую возможность для са-

мообразования. Будучи призванным в царскую армию, он проявил себя в учебе и его включили в состав учеников военно-фельдшерской школы, которую он окончил фельдшером. Принял активное участие в революционных событиях 1917–1919 гг. К концу этого периода он занимал должность фельдшера в медсанчасти Высших командных курсов XI армии.

...Зимой, с декабря 1918 по январь-февраль 1919 года, отступали из Пятигорска все штабные учреждения армии, в том числе и высшие командные курсы с медсанчастью. Отступление шло на Кизляр и далее на Астрахань. И здесь-то наступил самый трудный период в моей жизни — я заболел сыпным тифом. В Харьковском военном госпитале я все-таки пришел в себя и затем начал служить здесь же в должности фельдшера. В госпитале нас было несколько, мы организовались в небольшую группу и получили разрешение руководства госпиталя заниматься во внеурочное время в подвальном помещении, приглашая учителей на частных началах. Для нас это было тогда единственной возможностью получить среднее образование, поскольку в то время рабфаков в стране еще не было.

Экзамены по программе средней школы мы успешно сдали экстерном. В марте 1920 года партийной организацией госпиталя я был принят в ряды коммунистической партии, а несколько позднее зачислен в состав студентов медицинского факультета Харьковского университета. К сожалению, начало учебы пришлось отложить на два года. В середине 1920 года Харьковское военно-санитарное управление направило меня в распоряжение военного штаба XII Красной Армии, который дислоцировался в Киеве. Здесь вначале я получил назначение в Киевский эвакуационный пункт на должность политрука, но вскоре меня перевели на должность комиссара постоянной врачебной комиссии, а несколько позднее направили в 25-ю Чапаевскую дивизию в качестве военного комиссара медсанчасти 73-й бригады. После разгрома армии Врангеля я вновь заболел тифом, на этот раз брюшным. Лечился в дивизионном госпитале (г. Кременчуг). В 1922 году после выздоровления был демобилизован из рядов Красной Армии и направлен на учебу в Харьковский университет.

К этому времени медицинский факультет университета был преобразован в самостоятельное высшее учебное заведение — Харьковскую медицинскую академию, переименованную позже в Харьковский медицинский институт. Студентам из бедных семей предложили завербоваться на попечение железной дороги: железная дорога выдавала завербованным студентам стипендию с условием, что после учебы все они поступят в ее распоряжение. У меня не было никаких средств для существования, поэтому я безоговорочно принял предложение железнодорожников. Но через несколько месяцев советское правительство установило для студентов государственные стипендии, а железная дорога перестала платить, и я перешел на государственную. Стипендия была небольшой, ее не хватало на жизнь. Мне приходилось подрабатывать дежурствами у частных больных.

На 1-м курсе меня назначили комиссаром части особого назначения. В то время такие военизированные подразделения формировались преимущественно из числа студентов. На 2-м курсе меня включили в состав КУБУЧа — Комитета по улучшению быта учащихся города Харькова. Комитет ввел меня в состав правления и поручил ведать делами по изысканию средств для содержания организаций, оказывающих помощь студентам пролетарского происхождения, в которых советское правительство и коммунистическая партия видели в будущем свою, советскую интеллигенцию. Для этого Харьковская городская власть выделила одно из лучших зданий города с великолепным садом под наш клуб, куда часто приезжали видные представители партии и правительства Украины — Петровский, Квиридж, Киркиж, Затонский, Скрипник, Чубарь и многие другие. Здесь они выступали с докладами и лекциями, рассказывали о себе, об успехах советского строительства. По приглашению к нам часто приезжали политические деятели, писатели, артисты из Москвы. В частности, у нас в гостях были Ворошилов, Буденный, Ярославский, Зощенко, Сейфуллина.

В то время многие студенты вынуждены были учиться и работать. В связи с этим руководство института организовало вечерние группы, для которых практические занятия проводились с 15 до 21 часа, а лекции читались в утреннее время — с 7 до 9 часов. Я вынужден был работать в течение всего срока обучения в институте, поэтому все время учился в составе вечерних групп. Во втором полугодии 1926/1927 учебного года из числа студентов выпускного курса была организована группа (20 человек) с санитарным уклоном специализации. Я вошел в ее состав. При этом настолько увлекся лабораторной работой, что заведующий кафедрой гигиены профессор Зильберг предложил мне после окончания учебы пойти к нему на кафедру прозектором (без жалованья) с последующим переходом в аспирантуру. Предложение было для меня заманчивым, но неприемлемым: у меня уже была семья, поэтому я не мог существовать без заработка.

В 1927 году Наркомздрав Украины отобрал из числа выпускников Харьковского мединститута четыре человека для подготовки из них организаторов советского здравоохранения. В число избранных вошел и я. Однако в июне 1927 года я был назначен директором курорта «Березовские минеральные воды» и только в ноябре, когда закончился летний курортный сезон, начал стажироваться в Наркомздраве, а в январе 1928 года уже уехал на постоянную работу в Уманский округ, где был назначен на должность санитарного врача округа, затем стал главным врачом рабочей поликлиники и с 1929 года — главным окружным эпидемиологом. С первых дней врачебной деятельности я вновь увлекся лабораторными исследованиями: после окончания рабочего дня уходил работать бесплатно в окружной лаборатории. По совету и под руководством заведующего пастеровским отделом П.И. Мелашенко провел экспериментальные исследования на животных в целях изучения влияния антирабических прививок на функцию мочевого пузыря. Результаты исследования опубли-

ковал в научном журнале. Подготовил брошюру о сельском колодезном водоснабжении и устройстве шахтных колодцев.

По совместительству преподавал гигиену в фельдшерской школе. Так начиналась моя научно-исследовательская и педагогическая работа. В марте 1931 года я с удовлетворением принял приглашение на научно-педагогическую работу в Киевском медицинском институте. В дальнейшем вся моя основная трудовая деятельность была связана с этим славным столичным вузом и с его кафедрой общей гигиены.

Р.Ю. КОЛЬНЕР

**ПЕРЫЙ ДЕКАН
ПЕДИАТРИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА**

Родилась в 1902 г. в Воронеже в семье малограмотного ремесленника. В детстве узнала страх погромов, унижения, рано вошла в революционную деятельность благодаря старшему брату Александру, героически погибшему в Крыму в годы Гражданской войны.

...По окончании школы я и Рая Мацова решили поехать учиться в г. Симферополь. Мы хотели поступить в мединститут. Средств было мало, и отец не хотел меня отпускать из дому. Но чем больше препятствий, тем настойчивей мы становились и стремились преодолеть их всеми средствами. Я решила за летний период подработать, накопить денег для поездки в Симферополь. Тогда была большая нужда в самодельной обуви, фабричной почти не было. И я решила обучиться нехитрому сапожному ремеслу. Учась в гимназии, я ходила к сапожнику, который за небольшую плату обучал меня шить туфли, чинить каблуки, ставить набойки и подметки. За два месяца я научилась работать с использованием не только деревянных, но и металлических гвоздей. Вскоре вывесила в окне объявление о приеме обуви в починку и пошив. Я более или менее справлялась, правда, были и недовольные, но я брала за работу много меньше, чем настоящие сапожники, и все сходило с рук. За лето таким образом я заработала приличную сумму, позволившую на собственные средства поехать в Симферополь и начать обучение в институте. Но учиться почти не пришлось.

В августе 1920 г. в Крыму высадился десант под началом Мокроусова и Папанина, а также объявлено объединение партизанских отрядов в Красную повстанческую армию. В ноябре 1920 г. Красная Армия под командованием М.В. Фрунзе окончательно освободила Крым от белогвардейцев и интервентов. Перед нами встала новая задача — работа в Симферопольском комитете комсомола. Мое оформление в КСМ состояло в заполнении анкеты, так как в комсомол я была принята еще в 1919 г. в Харькове. До чего радостна была жизнь после черных дней подполья!.. Спать и отдыхать было некогда. Мы проводили почти все время в комитете комсомола и в клубе. Учились мало. Питались слабо, но в театр ходили часто. Однако семейные обстоятельства — тяжелое заболевание отца (рак гортани) — вынудили его переехать в Харьков на лечение, а мне пришлось перевестись в Харьковский медицинский институт. В Харькове, как и повсюду, были трудные условия жизни. Мне пришлось не только учиться, но и работать, да еще давать два частных урока за то, что мой младший брат получал обед. Я же питалась в студенческой столовой. Было голодно, но думать об этом не приходилось.

Я с большой благодарностью вспоминаю своих учителей в ХМИ — замечательного лектора анатома В.П. Воробьева (бальзамировавшего тело В.И. Ленина), А.В. Палладина, читавшего биохимию и руководившего кружком студентов, ставших впоследствии профессорами, докторами наук, патофизиологов профессоров Павлова и Альперна, всегда поддерживавших наши студенческие начинания, профессора Шамова — хирурга, увлекавшего нас своими операциями и первыми переливаниями крови.

С особой теплотой вспоминаю профессора Хажинского — акушера-гинеколога. Он был глух, но лекции читал прекрасно, вдохновенно, по-отечески относился к студентам. С кафедры он заявлял, что возражает против равноправия женщин, провозглашенного в нашей стране. Он считал, что женщина, которая выполняет огромную материнскую функцию, должна иметь меньше обязанностей, но больше прав, чем мужчина. Профессор-патанатом Репрев с огромной седой бородой и густой шевелюрой, с глубоким басовитым голосом не мог не запомниться мне своими политическими взглядами. Он открыто говорил о своей неприязни к большевикам, о том, что по убеждению он монархист. Не менее колоритной фигурой был декан факультета, профессор-фармаколог Я.Я. Постоев. На его кафедре я выполняла обязанности старосты. Яков Яковлевич был не только эрудирован, но очень организован и даже педантичен. На кафедре он завел замечательный архив, был влюблен в свою дисциплину и не допускал незнания ее студентами. По 5–6 раз ему сдавали экзамен. Обращаясь ко мне как к студентке, он неизменно начинал так: «Госпожа Кольнер...». Этим он приводил меня в смятение, хотя беспрекословно выполнял указания нашей партийной организации, которые я ему передавала. Дело в том, что нам, первому выпуску советских врачей, приходилось не только учиться по сложившимся годами планам и программам вуза, но и критически подходить к ним и совершенствовать их в процессе учебы.

Наши студенты одновременно занимали руководящие посты. Так, А.М. Мерков был комиссаром медакадемии, С.Г. Генес — заместителем директора и одновременно заведовал кафедрой диалектического материализма, Л.Л. Рохлин был доцентом. Среди нашего первого советского набора студентов Харьковского мединститута было более половины фронтовиков. Ключевые позиции занимали члены партии. Мы, комсомольцы, помогали «старикам». Большая работа проводилась в состоявшихся на треть из студентов проблемных комиссиях, где прорабатывались не только новые учебные планы, но даже программы отдельных дисциплин. Руководили этим важным делом по линии Наркомпроса работники методотдела А.П. Жук и Л.Х. Духин. Даже эта учебно-методическая работа проходила не без борьбы, приходилось прибегать к предварительной «обработке» ряда профессоров. Вспоминаю, например, как нашему студенту Л.Л. Рохлину было дано ответственное поручение партиячейки «обработать» профессора В.П. Воробьева, чтобы он поддержал нас (его авторитет среди профессоров был велик) при проведении проблемной комиссии.

Вспоминаю длительные, бурные собрания, на которых приходилось воевать с меньшевиками и другими противниками большевиков в студенческой среде. С I курса студенты-медики были милитаризованы, им выдавалось обмундирование и паек; нас направляли на заготовку дров, строительство, сбор овощей и т. п. Вместе с тем в институте взималась плата за право обучения. Буржуазные элементы платили полностью, пролетарские обучались бесплатно, мелкая буржуазия платила 25%. Председателем комиссии, устанавливающей категорию, был студент — комиссар курса З. Диннерштейн. Некоторые студенты из буржуазной категории маскировались под бедноту, но это им не помогало, так как комиссар прекрасно знал всех. Чтобы материально помочь нуждающимся студентам, общественно-партийные организации устраивали лекции и концерты в здании Харьковской общественной медицинской библиотеки, чему в немалой степени содействовали профсоюз и председатель врачебного общества Л. Рохлин.

Среди студенчества росла комсомольско-партийная прослойка, но медленно, так как прием в КСМ в тот период времени проходил только через фабрики и заводы. В мединституте была организована ячейка содействия КП(б)У. В апреле 1924 года я стала кандидатом в члены партии.

Наша учеба в вузе подходила к концу, надо было самоопределяться, специализироваться, и я, не колеблясь, выбрала педиатрию. В Харьковском мединституте в 1924–1925 годах впервые были организованы «уклоны» по специальностям охматдета, а также санитарии и гигиены, в дальнейшем переросшие в специальные факультеты — педиатрический и санитарно-гигиенический. Помню, что мне как декану факультета охматдета в 1930–1932 годах пришлось изрядно повоевать со студентами, которых на предпоследних курсах распределяли по факультетам. Многие не понимали или не хотели понять, для чего нужна эта специализация,

и активно сопротивлялись против зачисления их на факультеты. И все же из числа «наильно» окончивших факультет охматдета (педиатрический) вышло немало прекрасных врачей-педиатров, даже профессоров (А.Ф. Доброгаева, Н.А. Максимович и др.). Уже на последних курсах института мы осознавали, что только лечить больных детей недостаточно, что нужны специалисты и профилактические меры в борьбе с высокой детской смертностью, которая в тот период времени в отдельных областях достигала 40–50 %, т. е. каждый второй–третий ребенок умирал, не дожив до одного года. Мы понимали, что основным видом учреждения должна быть детская консультация с молочной кухней, с широко развернутой как в городе, так и на селе санитарно-просветительской работой, охватывающей все детское население. На V курсе по предложению студентов профессор Аркавин, читавший нам педиатрию, выделил в клинике помещение для устройства такой консультации. С большим энтузиазмом мы оборудовали ее, подготовили собственными силами ряд наглядных пособий, проводили беседы с матерями, обучаясь таким образом первым шагам на поприще охраны материнства и детства. В дальнейшем эта примитивная детская консультация переросла в так называемый деткомбинат на территории мединститута.

По всей стране строились аналогичные учреждения, совершенствовались профилактическая и санитарно-просветительская работа по охране материнства и детства. Мы с гордостью можем заявить, что усилия нашего поколения врачей-педиатров не пропали даром: наряду с общегосударственными мероприятиями и они сыграли немалую роль в оздоровлении детей и снижении детской смертности в десятки раз.

Хотя в студенческие годы быт наш был нелегким, но работали и учились мы с радостью и энтузиазмом. Недосыпали, недоедали, спорили до хрипоты на собраниях, дискутировали даже на вечеринках, когда встречались с товарищами в тесном кругу. Наш выпуск 1925 года — первый советский выпуск врачей в ХМИ. Он дал немало профессоров, заслуженных врачей, в том числе лауреатов Ленинской премии, академиков, заслуженных деятелей науки. После выпуска так хотелось испробовать поскорее свои силы и знания на самостоятельной работе... Но нас, коммунистов ХМИ, ЦК КП(б)У мобилизовал на пропагандистскую работу, что в тот период было не менее важной задачей, чем работа по специальности.

Меня командировали в г. Николаев. Было мне уже 22 года. Кроме завода Крестинтерна, приходилось заниматься женотдельской, агитационной работой и на других предприятиях и в учреждениях Николаева, например, в трамвайном депо и на фабрике, где было много женщин. И хотя все эти обязанности плюс заседания в партийных органах, необходимость работать над собой, подготавливаться к докладам и т. п. поглощали почти весь день, я все же ухитрялась, пусть и не каждый день, выкроить 3–4 часа для работы в детской консультации на окраине города. Это тоже давало большое удовлетворение и некоторый врачебный опыт.

По окончании срока мобилизации, справившись с поручением ЦК КП(б)У, мы возвратились в Харьков. Перед нами встала новая задача — учиться, совершенствоваться по специальности. Путь был ясен: аспирантура, ассистентура, доцентура... И эти ступени были пройдены в стенах ХМИ успешно, как полагалось членам партии. Оглядываясь назад, диву даешься, как могло наше поколение одновременно справляться с двумя-тремя работами — и всюду с полной отдачей, с огоньком и творческой инициативой. Будучи аспирантом и позже ассистентом кафедры мединститута, я одновременно работала научным сотрудником Института охраны материнства и детства и преподавателем I Украинской школы Охматдета. Позже (с 1930 по 1934 годы) была организатором и первым деканом факультета охраны материнства и младенчества в ХМИ, первым руководителем и организатором в ХМИ кафедры гигиены младшего детства. За полгода руководства кафедрой был создан деткомбинат в клингородке. В состав деткомбината вошли, кроме детской клиники, ясли на 85 коек, детплощадка на 60 детей, диспансер Охматдета, женская детская консультация и поликлиника для больных детей с пропускной способностью до 300 человек в день, а также пищевая станция на 700 человек в день.

Вспоминаю, что наряду с организационно-административной, врачебной, научной и преподавательской работой я ухитрялась сочинять пьесы для кукольных представлений не только для детей нашего деткомбината, но и для взрослых зрителей. При проведении праздников мы не без умысла приглашали лиц, в которых были заинтересованы, вернее, от которых зависела судьба наших детских учреждений. К нам приходили директор института, профессора, врачи, работники Наркомздрава, даже нарком здравоохранения С. Канторович. К этому дню мы подготовили шоу на темы жизни нашего деткомбината. Кое-кого задели в своих суждениях на судьбу наших учреждений. В результате и Горздрав, и Наркомздрав существенно помогли нам...

Наступил 1934 год, и мне пришлось в связи с переводом мужа переехать в Киев и перевестись в Киевский медицинский институт на кафедру педиатрии, которой заведовал профессор Л.О. Финкельштейн.

К.В. МАЙСТРАХ

ПЕРВЫЙ КУРС
В ХАРЬКОВСКОЙ
МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМИИ

В Харьковскую медицинскую академию я поступила осенью 1921 года. Это был фактически первый год советской власти в Украине в условиях мирного строительства. Прошло всего несколько месяцев после ликвидации врангелевщины, победы над белополяками, освобождения Украины от махновских и прочих банд. Во всех областях политической, экономической и культурной жизни еще только закладывались основы советской государственности. Это касалось и строительства высшей медицинской школы.

В Москве уже проводились в жизнь принятые в первые годы революции постановления о пролетаризации высшей школы. Отмена дипломов при поступлении в вузы, бесплатное обучение, введение стипендий открыли свободный доступ в вузы для всех желающих, и в первую очередь для пролетарской молодежи. Отмена ученых степеней и званий для профессуры дала возможность привлечь к преподаванию наиболее прогрессивных ученых и специалистов, лишенных в царское время по тем или иным причинам возможности преподавания в высшей школе.

Несмотря на предшествовавшую Гражданскую войну, академическая жизнь в Москве к 1921 году была уже развернута на новых основах и достаточно упорядочена. В Харькове же этот процесс только начинался. До революции в городе, как известно, существовало два высших медицинских учебных заведения — медицинский факультет Харьковского университета и Высшие женские медицинские курсы. В противоположность РСФСР, в Украине медицинские факультеты сразу были выделены из университетов и преобразованы в самостоятельные медицинские вузы. В 1920 году медицинский факультет Харьковского университета был объединен с Высшими женскими курсами в единый вуз — Медицинскую академию, которой были переданы здания, имущество и оборудование этих учебных заведений. Руководство академией было военизировано. Во главе вуза стоял комиссар — врач-большевик Гусаков. На каждом курсе был свой комиссар, назначавшийся из числа студентов-коммуни-

стов. Так, например, во время моего поступления в медицинскую академию комиссаром 2-го курса был студент Генес — впоследствии известный профессор-патологический физиолог. Комиссаром нашего 1-го курса был назначен студент-коммунист Григорий Слободской.

Прием на 1-й курс в 1921 году был чрезвычайно многочисленным. Закончилась Гражданская война, начался период мирного строительства, и молодежь, лишенная возможности учиться до революции и поступить в вуз из-за Гражданской войны и интервенции, потянулась к высшему образованию. В 1921 году на первый курс были зачислены около 1400 человек.

В соответствии с декретом Совнаркома от 2.VIII.1918 г. «О правилах приема в вузы» свободно принимали учиться всех желающих, достигших 16 лет. Никакого образовательного ценза, документов от поступающих не требовалось, достаточно было иметь направление-командировку от советского учреждения или партийной организации. Приемную комиссию прежде всего интересовали документы о социальном положении и происхождении, характеристика с места работы. От коммунистов, комсомольцев, демобилизованных из Красной Армии, и этого не требовалось. Я, например, была зачислена на основании бумаги-командировки от Укрпура (Политуправление войск Украины и Крыма), в котором тогда работала инструктором политпросвета.

В этот год (1921) в вузы и Медицинскую академию пришло много молодежи из армии. Хотя дипломов при поступлении не требовалось, следовало все же провести проверку степени подготовки поступающих, чтобы был обеспечен более или менее одинаковый уровень знаний. Для этого были устанавлены проверочные вступительные экзамены по русскому языку, политграмоте и физике. Результаты экзаменов не носили безусловного характера. Так, например, принимали и провалившихся по тому или иному предмету, если поступающий был фронтовиком, рабочим, коммунистом, имел хорошую характеристику. Надо сказать, что у многих поступающих не было достаточной подготовки для занятий в вузе, особенно по таким предметам, как химия, физика, что и привело к значительному отсеву уже к началу зимней экзаменационной сессии.

Запомнился мне экзамен по физике. Экзаменатор был строгий — преподаватель бывшей мужской гимназии, и у него один провал шел за другом. Передо мной сдавал паренек, который не мог ответить ни на один вопрос из разделов о свете, звуке, электричестве. Экзаменатор безнадежно махнул рукой: «Что же Вы, батенька?». — «Я учил только до теплоты» (в гимназическом учебнике физики Краевича глава о теплоте была одной из первых). После паренька к экзаменационному столу села я. «Вы тоже только до теплоты учили?» — свирепо накинулся на меня старик-экзаменатор. «Нет, я учила и дальше», — ответила я, оробев. Старичок стал гонять меня по всей программе. Но физику я хорошо знала еще по гимназии и ответила вполне благополучно на все вопросы, чем, кажется, доставила ему большое удовольствие.

Осенью 1921 года в меакадемии царили хаос и неразбериха. Ни учебная, ни хозяйственная деятельность не были налажены. Старых работников вуза осталось мало, работали они спустя рукава, некоторые откровенно саботировали. Работой декана, учебной части, хозяйственного отдела, по-настоящему, никто не руководил. Наш начальник — военком Гусakov — был занят еще где-то, в академии почти не бывал. Мы его не видели, не знали и влияния не чувствовали. В таких условиях вся тяжесть по руководству академией, строительству и организации всех сторон вузовской жизни ложилась на плечи военкомов курсов как главных администраторов и активно помогавшей им партийной организации.

Партийная организация на нашем первом курсе была самая крепкая и многочисленная, поскольку на первый курс пришло много демобилизованных из Красной Армии. Буквально с первого же дня поступления я активно включилась в работу курсовой партийной ячейки. Надо сказать, что партийная и общественная работа у студентов-партийцев занимала больше времени, чем учеба. Тогда это считалось в порядке вещей, и на нагрузку никто не жаловался, наоборот, работали с жаром, с энтузиазмом. Вначале на нашем первом курсе, так же как и на старших, всеми делами заправлял назначенный военком курса — студент-первокурсник Григорий Слободской. Вскоре, учитывая преобладающий пролетарский состав нашего курса и значительную партийную прослойку, управление курсом было демократизировано и передано выборному студенческому комитету, председателем которого был избран Г. Слободской, уже успевший к тому времени зарекомендовать себя умелым организатором. Заместителем председателя студкома был И.А. Арнольди (впоследствии профессор гигиены труда), секретарем комитета работала я.

Чем только ни занимался наш студком! Беспомощный деканат, в котором все дела находились в беспорядке, не был в состоянии наладить занятия на курсе. Студком составлял расписание практических занятий и лекций, договаривался о занятиях с отдельными профессорами и преподавателями, с которыми не мог договориться деканат. Студком же хлопотал о получении трупов и доставлял их в анатомичку, содействовал налаживанию практических занятий и по другим предметам. Помню, один лектор отказался читать лекции в холодной, неотапливаемой аудитории с выбитыми стеклами. Студком раздобыл и поставил в аудитории железную печку, достал дрова, застеклил окна, и лекции начались.

Студком регистрировал студентов, заводил личные дела, выдавал студенческие билеты и зачетные книжки (матрикулы). Если так велика была роль студенческих организаций в налаживании учебного процесса, то организация быта и материального обеспечения студентов была возложена на их плечи целиком. А устройство быта, в том числе и студенческого, было делом нелегким. Студком организовывал субботники по заготовке дров и приведению в порядок общежитий. Партийная организация курса и студком решали вопросы о выдаче студенческих пайков, стипендий. Студком предоставлял студентам отпуск, ведал выдачей литературы на бес-

платный проезд по железной дороге, которыми пользовались студенты-стипендиаты.

Только к концу семестра удалось навести некоторый порядок во всей этой массе неотложных и разнообразных дел, к которым мы вовсе не были подготовлены. Неудивительно, что мы работали, заседали и принимали студентов целыми днями, с утра до вечера. С трудом удавалось вырваться на лекцию, на практические занятия, в анатомичку, но и там, как говорится, не было отбоя от товарищей, обращавшихся со своими вопросами.

Подводя некоторые итоги первых месяцев работы нашего курса ноября 1921 года, можно определенно сказать, что студенческий актив и, в первую очередь, его коммунистическая ячейка в значительной степени на себе вынесли все тяготы по обеспечению нормального хода занятий и устройству студенческого быта.

Актив курса составляла молодежь, прошедшая через горнило Гражданской войны, воспитанная партией и комсомолом, не терявшаяся перед трудностями, привыкшая к самостоятельности. Работа в студенческих организациях, в свою очередь, дала ей много полезных знаний, навыков, опыта. Поэтому неудивительно, что именно из этой среды студентов-активистов вышло так много крупных деятелей советской медицины — организаторов здравоохранения, ученых-медиков.

В.Н. ГОРОХОВА

ЖИЗНЬ СТУДЕНТКИ.

1919 год, весна

По вызову отца, уволившись с работы, я выехала из г. Грайворона в г. Киев, чтобы продолжить свое образование. Поездка была очень трудной. Кордоны. Длительные ожидания и переходы из поезда в поезд. Бесконечные проверки документов. Наконец Киев. По необходимости встала на учет на бирже труда. Первая работа — в статистическом управлении. При возвращении с работы вечером — страхи перед бандитами и «прыгунами».

Воды в городе часто не было, так же, как и света. За водой приходилось ходить к ключу, под горку, по крутой тропинке. И зимой также. Было

очень плохо с продуктами. За молоком два раза в неделю я ходила на ферму через весь город.

Осенью 1919 г. я перешла на работу в Главпродком — Главный продовольственный комитет Юго-Западных железных дорог. В 1919 году поступила в Женский медицинский институт, вскоре объединившийся с медицинским факультетом Киевского университета. Лекции удавалось посещать очень редко, только вечерами. Зимой мерзли на лекциях и студенты, и профессора. Вся разница в одежде: профессор в шубе, шапке и валенках, а большинство студентов — полуголодные и плохо одетые.

Препаровкой трупов мы с однокурсницей занимались в сумерках в пустом анатомическом театре, полном замороженных трупов. Остальное изучали дома у однокурсницы по разобранному скелету. Я голодала, потому что обедала в столовой на работе, где была неизменная «шрапнель» — перловая каша.

В Киеве пришлось пережить все нескончаемые смены власти, обстрелы, бомбардировки и т. д. В 1921 году я переехала к семье в г. Грайворон и перевелась в Харьковский медицинский институт. Перевод оказался нелегким. Мне предложили сдать «хвосты» за первый курс, и только в таком случае меня могли зачислить на второй. Пришлось усиленно заниматься. Я делала это преимущественно в саду. Находясь с семьей в г. Грайвороне, для сдачи экзаменов ездила в Харьков за 70 километров, а до железнодорожной станции четырнадцать километров шла пешком. За месяц сумела сдать пять экзаменов и была зачислена на второй курс.

Дома было голодно. Наш рацион: утром самодельный кофе из овса и одна небольшая оладья из пшена. Обед из овощей с растительным маслом. Вечером морковный чай с такой же оладьей. На ночь — стакан молока. В 1922 году брат посеял под городом пшеницу. Мы убрали ее: жали, вязали снопы. Появилась мука. В огороде вырастили картофель, овощи. Собрали фрукты, стало сытнее.

1921 год, город Харьков. Наша грайворонская компания сняла комнату на Мирносицкой улице, во втором этаже, близко от обоих институтов. Жили в ней из нашей компании семь человек — три девицы и юноши — два наших двоюродных брата и два товарища, поступившие в ветеринарный институт. Спали все подряд, на полу. Голодали, получали в институтах паек — ужасный хлеб и ржавую селедку. По очереди дежурный варил на всех «кондер», пшено, картофель и сало для которого привозили из дома. Зимой иногда картошка мороженая, невкусная, сладкая. Брат-агроном снабжал патокой к морковному чаю. Дрова добывали, разбирая деревянные тротуары. Но мы всегда были веселы, смеялись, даже когда случалось, что суп был пересолен и его трудно было есть.

Мальчики устроились к какому-то частнику мотать шерсть. Появились в «коммуне» какие-то деньги. Вскоре для девочек нашли комнату: шесть квадратных метров где-то за сениями-крольчатником, переделанную из кладовой. Одна кровать-нары на троих. Отопление — каменным углем, чугунок с конфорками. Вода на улице, хорошо, что

не очень далеко, но зимой вокруг намерзала гора и к колонке подойти было трудно.

В институт ходить было уже далеко. Третья квартира, где мы жили вдвоем с сестрой, также на окраине, на Белгородской улице, — второй этаж, комната, как коридор, с галереей. Обстановка — одна узкая железная кровать, стол, два стула, тумбочка, некуда было даже спрятать продукты, хлеб. Кухня наша — железная печка-буржуйка в галерее.

Летом 1922 года сестра, работавшая в Харькове, в железнодорожном трибунале, вышла замуж. Я переехала к ней на новую квартиру, на далекую Квиткинскую улицу, в противоположный от института конец города. Перевозили вещи на новую квартиру через весь Харьков на телеге. Сестра, зять, товарищ и я шли пешком позади «экипажа». И вдруг наш багаж на телеге задымился, загорелись подушки: впопыхах мы забрали свою буржуйку с горящими углями.

Флигель, в котором находилась квартира, стоял во дворе. Низкие потолки, комната и кухня, в которой посередине стоит деревянный столб-подпорка, чтобы не провалился потолок. Отопление — буржуйка, топившаяся зимой углем чуть не целый день. Вода в колонке — за квартал, платная. Обстановка — мебель из Киева. Рядом — громко лающая большая дворняга Розка. И странный, одинокий, средних лет хозяин, который жил чуть не в сарае, а ему принадлежали два кирпичных дома и наша пристройка. Всего четыре квартиры. Все наши квартиры в Харькове были частные.

Большой медный самовар я терпеть не могла, так как его надо было утром вытряхнуть, иначе он не хотел разгораться. Было не очень голодно, потому что зять учился и работал. Часто у сестры жарились модные тогда пончики. И наконец, на пятом курсе я жила в комнате одна недалеко от квартиры сестры.

Все мы были бедные студенты. В институт и в клиники ходили пешком, подчас в один день в разные концы города. Денег на трамвай не было. Пальто старые, поношенные, ноги часто мокрые — не было галош. Летом ходили в обуви своего производства: из материи, на веревочной подошве на каблучках. Белые, помазанные зубным порошком, они казались нам даже нарядными. Такую обувь носили жители нашего города, а в Харькове многие стучали деревянными подошвами сандалий.

В медицинском институте на нашем курсе было пятьсот человек. Рядом на лекциях можно было видеть и восемнадцатилетнего студента, и шестидесятилетнего фельдшера. Обучение платное, не помню до какого курса. Плата в пределах 200–300 рублей зависела от материального положения студента или родителей. Неоднократно в институте проводились чистки и исключения из числа студентов с любого курса по социальному признаку.

Недоедали многие и пополняли свое питание семечками. Полы в аудиториях и коридорах были усыпаны толстым слоем шелухи. Осенью 1922 года был специальный приказ по институту о запрещении грызть семечки в его стенах. Помню, с каким наслаждением мы ели хлеб

по дороге в какую-нибудь клинику или жареную картошку, которой нас угостила замужняя участница нашей группы, когда мы однажды занимались у нее. Вспоминаю, какие спазмы вызывал запах горячих орехов, калящихся в больших жаровнях тут же, на улицах. И еще вспоминаю, как я шла несколько кварталов за женщиной, богато одетой, упиваясь ароматом ее духов.

Помню всех наших профессоров. Назову только немногих. Это Постоев, высокий, сухой, с седой бородкой Дон Кихота, который, обращаясь к студентам, говорил «господин» или «госпожа», делал замечания за неправильные или малограмотные выражения. Ведь студенты в то время были с разной подготовкой. Он же, Постоев, на выпускном митинге, проходившем в соседнем с институтом сквере, сказал: «Господа курсанты! «Curo sigare» — значит «пробежать». Вот вы пробежали свой курс».

Профессор Репрев был больше похож на новогоднего деда Мороза — румяный, с большой седой бородой. Профессор Тринклер — небольшой, худощавый, демонстрировал свое хирургическое мастерство. Анатом, профессор Воробьев, любил задавать свои каверзные вопросы на экзаменах. Ассистент кафедры нервных болезней Катков — маленький, худой, с черными, жгучими глазами, демонстрировал нам сеансы массового гипноза и на лекциях, и в клубе. 1925 год — год выпуска нашего курса — первого выпуска советских врачей на Украине. Это подчеркнул профессор Постоев. По окончании пятилетнего обучения мы должны были пройти в течение года практику в различных клиниках, где найдем такую возможность, платно или бесплатно — кому как удастся. За год практики надо было выполнить любую научную работу, защитить ее и получить диплом врача и личную печать.

Были и особенно запомнившиеся студенты. Это бессменный староста курса Диннерштейн. Он всегда ходил обтрепанный, а летом даже босиком. А как только закончил институт и получил место в одной из клиник Харькова, сразу явился в щегольском, с иголки, коверкотовом костюме, брюках галифе, в хромовых шикарных сапогах, модной тогда кожаной куртке. Сразу женился на однокурснице, также превратившейся из Золушки в принцессу. Оказалось, что и у того, и у другой были очень состоятельные родители. А нам осталось только широко открыть глаза от изумления. Помню также Зороховича, часто разъезжавшего после института с концертами как пианист. Он выступал еще в институте. В нашей группе среди шести женщин был один мужчина — Василий Недригайлов, слабый здоровьем и некрасивый. Почему-то мы звали его Василисой Петровой. Я встретилась с ним в Ленинграде перед войной. Он был рентгенологом, спал своего отца в блокаду от голодной смерти.

Анна Мороз с Кубани училась после работы фельдшерницей — энергичная, решительная, стала окулистом. Как-то еще в студенческие годы целая компания ночевала у нее, чтобы помочь Ане в приготовлении пирогов по случаю ее дня рождения. Ночью она подняла нас, чтобы спасти тесто. Мы раскладывали его по тарелкам, блюдам, а оно все поднималось и росло. Пактовская Ольга — дочь врача, много старше нас, рассказывала,

что ей «сдавливали» позвоночник, чтобы умерить рост. Алексеева Маруся — самая молодая, 1903 года рождения, круглолицая, с большими выпуклыми серыми глазами. Жила у дяди-врача. Почему-то ходила в мужских ботинках и в серых обмотках до коленей. Так в нашей компании ее и звали — «Маруся в обмотках».

Пришла я как-то к однокурснице для совместных занятий. Квартира не бедная. А она, приезжая студентка, стирает рубашку в глубокой тарелке. У другой мы занимались во втором этаже на подоконнике при свете уличного фонаря — в комнате не было освещения.

Еще у одной студентки я осталась одна в комнате — ее позвали обедать. В ожидании, вместо политэкономии, увлеклась «Аэлитой» и пока не дочитала до конца, не смогла заниматься. Также с благими намерениями отправилась раз весной в университетский сад позаниматься на свежем воздухе на траве. Подвернулась книга «Нана» Золя и, пока не прочла ее до конца, к учебнику не притронулась.

Готовиться к экзаменам я предпочитала по ночам, когда расходилась от нас веселая студенческая компания, увлекавшаяся спорами, чтением, играми, — и все затихало.

После беготни по клиникам из одного конца города в другой я спала час. Потом — почти ежедневные сборы компании. После ухода всех я принималась «грызть науку». А какая была выносливость! Раз после институтского собрания я с одним студентом пошла гулять в парк (конец города). Из парка вернулась домой пешком на Квиткинскую — километров пять–шесть). Не успела пообедать, как пришел еще один друг и уговорил снова идти в тот же парк. И также пешком туда и обратно. Оба раза возвращалась с гвоздикой. Вот такие настали «богатые» времена у друзей. А у меня и на трамвай не было денег.

Наша компания проводила время очень скромно, но весело. В нашем дворе жил сосед, имевший отношение к театрам. Посещение театров в то время было бесплатным, без билетов. Вся наша шумная, веселая компания, человек десять, проникала в театр до открытия с черного хода, располагалась в первом ряду галерки до появления зрителей. Сколько мы тогда просмотрели драм, прослушали опер! Но чаще всего мы посещали оперетту. Все пересмотрели и не по одному разу. Изредка ходили на студенческие танцевальные вечера.

Время шло. Нужно было как-то зарабатывать деньги. Через институт меня направили на реализацию небольших гипсовых бюстов В.И. Ленина и К. Маркса. Недолго я ходила в темные вечера, вдалеке от дома, стучалась в дома и, как бедная родственница, робко предлагала свои образцы. Торговля у меня не получалась. Через какое-то время меня на один месяц устроили в милицию паспортисткой. И потом — снова без работы и без денег. Наконец меня направили для уличной продажи газеты «Вечернее радио». Была осень. Темно, за исключением освещенного и оживленного центра, куда я приходила по вечерам с пачкой газет. Робко, тихим голосом я предлагала газету прохожим: «Купите «Вечернее радио».

Если теперь всегда и везде стоит очередь за газетами, тогда люди экономили копейки и газет не покупали. Часто со слезами я возвращалась домой с пачкой непроданных, ненавистных листков «Вечернего радио». На этом закончилась моя коммерческая карьера. Брат-агроном, освободил меня от безнадежных поисков работы, снабдив средствами для скромного существования.

Тогда была своеобразная денежная система. Часть зарплаты служащим и рабочим выплачивали бумажными червонцами, твердой валютой, остальную сумму — советскими деньгами. Курс советских денег понижался с каждым днем. Была в Харькове «черная биржа», где ежедневно совершались «предприимчивыми» людьми операции по обмену советских денег и червонцев. Червонцы обесценивались государством золотом. В то время за червонец в госбанках выдавали какую-то валюту.

Летом 1922 года по студенческому билету я поехала в Петроград за вещами мамы, хранившимися у родственников. Сборы платьев, белья, подушек и, самое ценное, — швейной ручной машины, полученной мамой в приданое, были недолги. Немного хлеба, ржавой селедки — паек родных — и я отправилась в обратный путь. Денег хватило только на яблоки в Туле. От Тулы до станции Дергачи я ехала, питаюсь хлебом и яблоками. От Дергачей поехала в Грайворон на телеге с ценным грузом за много верст. При переезде через канаву мой багаж перевернулся и свалился на землю. У меня сердце екнуло: погибла машина! Ничего подобного, впоследствии на ней шили все и все: и шелк, и марлю, и кожу, и сукно. И до сих пор эта машина стоит у меня и работает безотказно, хотя ей уже девяносто лет. Платья мамины были перешиты для трех сестер, и мы щеголяли в них на вечерах.

В Грайворон, домой, поесть и привезти продукты мы ездили из Харькова и зимой, и летом без билетов, в товарных вагонах, так называемых теплушках, без окошек, сидели на полу, мерзли в них зимой, летом ездили на крышах вагонов, в тамбурах, на платформах, а один раз даже на паровозе за ограждением на площадке, по которой ходил машинист. И сидели мы рядом, свесив ноги, как на лавочке. А потом — от вокзала домой четырнадцать верст пешком.

Как-то я поехала из Харькова домой по другой железной дороге с «провизионкой» — разовым проездным билетом сестры, работавшей в управлении железной дороги. На станции Дергачи контролер обнаружил подложность билета. В счет искупления моего проступка из милости к студентке меня заставили вымыть полы станции, что я и выполнила.

С четвертого курса все студенты разделились на группы с разным уклоном. Долго выбирала я себе врачебную специальность: хирурга, физиотерапевта, специалиста по костному туберкулезу. Советчиков не было. Я выбрала хирургию. Практические занятия проводили маленькой группой, проходили все клиники. Экзамены сдавали также группой. Поочередно студентам задавали вопросы. В случае затруднения отвечающего ответ можно было получить от любого из группы. «Демократизм» был

удивительный. Так, экзамен по политэкономии мы сдавали в саду, сидя на траве.

1925 год. Окончен институт. Позади выпускной митинг и напутственные слова профессора Постоева. Зброшено в угол большой отцовский портфель. Надо устраиваться на практику. А чем жить? Но это уже другой рассказ.

В.Д. ЯМПОЛЬСКАЯ

А.Е. РАБУХИН В НАЧАЛЕ ПУТИ

Учился Александр Ефимович Рабухин в Новохоперской гимназии. Это учебное заведение располагало весьма сильным составом образованных преподавателей. На высоком уровне было поставлено преподавание классической литературы, иностранных языков и ряда других дисциплин. Гимназист Александр Рабухин усердно занимался по всем предметам, но особенно отличался литературными способностями. В последних классах гимназии он выделялся разнообразием своих интересов, сверх программы изучил греческий язык, который преподавал директор гимназии в свободное от занятий время. Определенное место уделялось игре в шахматы и спорту: конькам, лыжам, плаванию, катанию на велосипеде. Но главными интересами были литература и медицина.

В 1917 году он окончил с золотой медалью гимназию и, желая учиться дальше, уехал в Харьков. Поселился он в семье, где за репетиторские занятия с двумя мальчиками получил угол. Вступительные экзамены в университет не представляли для него больших трудностей, так как он получил хорошую общую подготовку в гимназии. В том же 1917 году он легко сдал экзамен на два отделения сразу — медицинское и юридическое, но учиться на обоих из-за материальных затруднений было невозможно, поэтому начал учиться на медицинском факультете Харьковского университета, который затем был реорганизован в Харьковский медицинский институт. Одновременно много времени он уделял изучению иностранных языков, чтобы читать медицинскую литературу в подлиннике.

Выпуск студентов-медиков 1922 года, поступивших в университет в 1917 году, в канун Великой Октябрьской социалистической революции, по праву считают первым советским выпуском. Именно в это время среди студентов, начавших свою учебу в период становления советской власти, и была заложена основа формирования большого отряда врачей различных специальностей, организаторов советского здравоохранения, преданных интересам советской власти и партии большевиков.

Студенческие годы Александра Ефимовича Рабухина совпали с тяжелыми временами для молодой Советской страны, голодом, разрухой.

Зимой в аудиториях Харьковского университета замерзала вода, но студенты упорно посещали лекции, сдавали экзамены, не падали духом, боролись и побеждали. Многие из них работали в госпиталях, дежурили около больных (тогда свирепствовал тиф и другие инфекционные заболевания). Другие занимались физическим трудом — разгружали вагоны, пилили дрова и т. п. Стипендий вначале не было, и каждый должен был одновременно с учебой добывать средства к существованию.

В мае 1919 года, в самый разгар Гражданской войны, момент величайших лишений, испытываемых рабочим классом, В.И. Ленин указывал на исключительное значение здоровья трудящихся для дела социализма: «В стране, которая разорена, первая задача — спасти трудящегося. Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся. Все нужно принести в жертву, чтобы спасти существование рабочего»...

Весной 1919 года в составе студенческого отряда Александр Рабухин принимал участие в ликвидации эпидемии сыпного тифа. Он работал в сыпнотифозных палатах, где вплотную столкнулся с тяжелой инфекцией не по книгам или на лекциях, а наяву и сразу в крупном масштабе. Сам он тоже заболел сыпным тифом, который тяжело переносил. После выздоровления на короткое время приехал домой в Новохоперск, но надо было возвращаться на учебу в Харьков.

В это время вокруг Новохоперска свирепствовали банды белогвардейцев. «Моя мать со слезами на глазах, — рассказывал Александр Ефимович, — умоляла меня не ездить, переждать немного. Но я не хотел опаздывать на занятия в университете, настоял на своем и уехал. Пробирался ночью на попутных подводах. На второй день пути глубокой ночью подводу, на которой ехал я и еще несколько пассажиров, остановили пьяные белогвардейцы, загнали всех людей в расположенную неподалеку хату и грозились убить. Начали всех обыскивать. В чемоданчике у меня были тетради, книги и среди них — анатомический атлас Шпальтегольца, который привлек внимание бандитов. Они раскрыли атлас и впервые в жизни увидели на рисунках ярко раскрашенные внутренние органы человека. Разглядывая невиданный атлас, шумели и громко смеялись. Я, улучив момент, сбежал еще с одним попутчиком, так и остался жив». Через двое суток он добрался до Харькова, где продолжил учебу.

Денег не было, и студент Рабухин нанялся к продавцу дров: пилил бревна, колот и на санях развозил дрова по домам, получая за это гроши и охапку дров, чтобы протопить дома печь. Летом готовил одного сына из богатой семьи к сдаче экзамена на аттестат зрелости. Рано пришлось ему начать борьбу за существование и еще помогать родителям. Но годы студенчества, несмотря на все трудности, он всегда вспоминал с добрым чувством.

Многие студенты, в их числе и Рабухин, помогали клиническим кафедрам и библиотеке приводить в порядок имущество, занимались совместно с преподавателями вопросами планирования, разработки программ и методики преподавания. Такая преданность своему делу была свой-

ственная почти всем выпускникам Харьковского мединститута 1922 года. Многие из них стали потом крупными практическими врачами, кандидатами и докторами медицинских наук, профессорами.

Многие врачи выпуска 1922 года были организаторами Харьковской научной ассоциации, сыгравшей в свое время большую роль в привлечении к общественной деятельности харьковских врачей, членами правления Харьковского медицинского общества, активными деятелями профессионального союза медицинских работников. И недаром профессор Н.П. Новаченко, вспоминая об этом выпуске врачей, писал: «Выпуск врачей, поступивших в институт в 1917 г. и окончивших его в 1922 г., знаменателен тем, что именно он влил в Харьковское медицинское общество молодой пламень и бурную кровь Октября».

Воспитанные революцией, выпускники 1922 г. сыграли большую роль в укреплении Харьковского медицинского общества как общества, борющегося за идеи большевистской партии. И не случайно из актива научной ассоциации вышел ряд видных деятелей советского здравоохранения. Так, А.Е. Рабухин — бывший секретарь туберкулезной секции научной ассоциации — является ведущим фтизиатром нацией страны и т. д. Об этом выпуске много лет спустя вспоминал и бывший преподаватель ХМИ, заслуженный врач УССР, профессор П. Ломакин: «Живо вспоминаю большую группу студентов выпуска 1922 года. Годы их учебы проходили в тяжелой обстановке разрухи, эпидемий, холода, недоедания. Это были дети рабочих, крестьян и служащих. Основная масса товарищей этого выпуска отличалась исключительной работоспособностью и трудолюбием, проявляя необычный интерес ко всем видам занятий». Целеустремленность, трудолюбие и способности А.Е. Рабухина в студенческие годы отмечает в письме от 28 января 1980 года один из его сокурсников, ныне профессор И.И. Грищенко. Он рассказывает, как он вместе с Рабухиным учился в ХМИ и некоторое время после окончания института поддерживал отношения. Он пишет, что еще в студенческие годы его товарищ обращал на себя внимание как студент, серьезно готовивший себя к врачебной деятельности, одновременно увлекающийся научной и общественной работой, выделяясь блестящими способностями и исключительным усердием.

В 1923 году при врачебной секции губотдела союза «Медсантруд» организовалась научная ассоциация, которая взяла на себя функции старого Харьковского медицинского общества. Эта ассоциация состояла в основном из молодых врачей, желавших приобщиться к научной и общественной деятельности. В ней работал и Александр Рабухин. В сентябре 1923 года было избрано исполнительное бюро, в состав которого вошел и он, а в феврале 1924 года был избран членом правления. Одновременно профессор И.И. Грищенко сообщает, что, занимаясь изучением иностранных языков, Александр Ефимович делал завидные успехи и к моменту окончания медицинского института в совершенстве владел немецким, английским и французским языками. Вместе с ним в мединституте учи-

лись многие будущие видные представители медицинской науки, среди них — доктора медицинских наук, профессора, заведующие кафедрами Н.П. Новаченко, И.И. Грищенко, И.З. Вельвовский, Ф.И. Левитин и многие другие. С Ф.И. Левитиным Рабухина долгие годы связывала тесная дружба, начавшаяся еще в студенческие годы и сохранившаяся на протяжении всей последующей жизни.

С большой теплотой А.Е. Рабухин вспоминал многих преподавателей и профессоров Харьковского университета, в том числе К.И. Платонова, В.П. Воробьева. Последний преподавал нормальную анатомию. Казалось бы, сухой и скучный предмет, но профессор В.П. Воробьев преподносил его слушателям так живо и оригинально, что этот предмет становился увлекательным. Свою лекцию он иллюстрировал чудесными рисунками той или иной части тела, которые сам делал на доске разноцветными мелками. Лекции профессора В.П. Воробьева всегда привлекали большое количество слушателей, студентов разных курсов и преподавателей.

Когда много лет спустя слушатели благодарили Александра Ефимовича за интересную лекцию, он шутливо заметил: «Я ведь свою педагогическую карьеру начал раньше, чем врачебную». И действительно, педагогическую деятельность он начал будучи еще студентом, с 1919 по 1924 год преподавая курс гигиены в Красной Армии и работая инструктором сангигиены эвакопункта. Обладая несомненным педагогическим талантом, умением просто и увлекательно рассказывать, А.Е. Рабухин очень скоро стал в Харьковском мединституте уважаемым преподавателем.

После окончания института в течение двух лет Александр Ефимович работал врачом в терапевтической клинике на базе 1-й узловой больницы Харькова, где занимался болезнями желудочно-кишечного тракта и обмена веществ. Став врачом, ощутив доверие людей, он понял, что врачевание — это его призвание.

В 1924 году А.Е. Рабухин был приглашен на работу в организованный в Харькове Институт туберкулеза, где вскоре уже заведовал терапевтическим и социально-гигиеническим отделами, с 1924 по 1938 год прошел путь ординатора, ассистента, доцента и, наконец, профессора, заведующего кафедрой туберкулеза 2-го Харьковского медицинского института.

В лице А.Е. Рабухина слились воедино врач и ученый. Ученикам Александр Ефимович как-то сказал, что свой путь в науку он начал с мытья посуды в лаборатории. И действительно это было так. Учился он в самые тяжелые годы, выпавшие на долю его поколения, в нетопленных аудиториях слушал лекции, записывал их непокорными от холода пальцами. Нужно было обладать большим мужеством, чтобы не остановиться на полпути. Став врачом, выбрал себе одну из самых трудных и важных, как он считал, отраслей медицины — фтизиатрию.

А. ДОЛИН

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ РАБОЧЕГО ФАКУЛЬТЕТА ХАРЬКОВСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА

Это было четыре года назад, в тот период, когда Украина еще вздрагивала от судорог побежденного врага — политического и уголовного бандитизма. Но рабочий класс думал уже о дальнейших победах, еще более тяжелых и сложных, — над хозяйственной разрухой, о социалистическом строительстве хозяйства и об овладении высшими знаниями, находившимися раньше преимущественно в руках господствовавшего класса. На этом пути стояли огромные преграды.

Когда встал вопрос об организации рабфаков, это встретило большое сопротивление со стороны буржуазии и «жрецов» науки. Защитники «демократии и справедливости» заостряли внимание на том, что в высшей школе недопустимо становиться на классовую линию, что наука существует для всех, что она «чистая», «надклассовая» и т. д. Они знали отлично, что фактически заниматься наукой смогут только те, которые раньше были достаточно состоятельны, чтобы быть подготовленными к ее требованиям. Классовый враг говорил классовую правду. Иначе думал и делал рабочий класс.

Что касается нашего медицинского рабфака, то он имел свои дополнительные трудности, которые заключались в том, что нужно было разбить еще и в своих рядах те теоретические построения и положения, которые выдвигали против создания медрабфака Главпрофобр и поддерживала даже часть коммунистического студенчества. По этим положениям рабфаки должны были строиться только по производственному принципу с отбором в них рабочих, а также крестьян от плуга. Таким образом, медрабфак, по теоретическому рассуждению, как будто бы не мог иметь подходящий контингент студентов.

Этим, конечно, не решалась проблема пролетаризации медицинского вуза. Не имея практического опыта, с большим трудом нужно было доказывать, что рабочий класс многограннее, шире, он не только может и должен овладеть в ближайшее время высшими знаниями, в областях индустриального производства, но и найдет достаточно сил, чтобы проникнуть в другие области знаний и творчества.

Споры и разговоры становятся на реальную плоскость только с 23-го июня 1922 года, когда бюро ячейки принимает категорическое постановление об открытии при медицинском институте рабфака и решение добиться ассигнования средств для этого.

Нельзя не отметить большую напористость и энергию в этом деле, которую первым проявил в то время секретарь коммунистической ячейки

института товарищ Шубин. Однако и после неоднократных постановок этого вопроса перед Главпрофобром удалось добиться только организации подготовительных курсов, куда якобы смогут пойти преимущественно санитары, сиделки и даже фельдшерский персонал. Но и это была уже победа. Спорить было нечего — жизнь должна была доказать свое. И вот первый же набор дает 58% рабочих и 21–22% крестьян. «Теория» была бита, и Главпрофобру ничего не оставалось, как только объявить подготовительные курсы рабфаком.

От приема к приему социальный состав все улучшается, хотя можно сделать еще больше для улучшения его подбора. Начались строительство и подлинная массовая самодеятельность рабфаковцев. Не только учиться, но и участвовать во всей хозяйственной и учебной жизни рабфака, бороться со всеми трудностями приходилось рабфаковцам, жившим в химическом корпусе дружной коммуной. Большую помощь в этом оказывал заведующий хозяйством Богданов, много содействовавший в налаживании нормального быта и учебы рабфаковцев. При невероятных затруднениях в средствах были созданы хорошие лаборатории и кабинеты. А рабфаковцы своей энергией, способностью, любовью к знаниям поразили многих даже из старой профессуры. Свежая рабфаковская пролетарская струя скоро дала о себе знать как в самой массе студенчества, так и в коммунистической ячейке. Голос нового студента раздавался всё громче и громче, чаще и чаще. К новой фигуре, вчерашнему гостю, а сегодня почти гегемону все внимательнее стали присматриваться и прислушиваться не только широкие массы студенчества, но и профессура.

Рабфаковцы овладели не только премудростью рабфака, но становились хорошими студентами и на основном факультете. Нужно только закрепить и расширить достижения в области пролетаризации медрабфака, так как в современных условиях при отсутствии резервуара, откуда можно было бы черпать новые пролетарские кадры для мединститута, не в пример индустриальным и сельскохозяйственным вузам, не может быть и речи о их свертывании.

Пройдет еще немного лет — и наши рабфаковцы, опаленные порохом Гражданской войны, пропахшие фабричным дымом, овладеют полностью твердыней медицины. «Даешь красный медицинский институт!». Недалек тот час, когда этот девиз, взятый на вооружение рабфаковцами, будет осуществлен в жизни полностью.

С.Г. ГЕНЕС

ПЕРВЫЕ ЭТАПЫ РАБФАКА

Вот уже четыре года существует наш рабфак. Даже не верится. Еще так недавно, кажется, мы спорили в ячейке мединститута, Главпрофобра, нужен ли при мединституте рабфак или нет.

Подавляющее большинство уже первого приема были рабочие. Они не желали мириться со статусом подготовительных курсов, как называли их Главпрофобр. Все развешиваемые курсантами объявления пестрели словом «рабфак». И вскоре Главпрофобр сам перестал величать нас подготовительными курсами. Во всех бумажках, адресованных нам, писали: «Рабфаку ХМИ».

После длительных разговоров нам предоставили весь третий этаж в химкорпусе. Нелегко было оборудовать общежитие на 100 человек, принятых на рабфак. Огромную роль сыграли сами рабфаковцы, а среди них — группа демобилизованных курсантов из Екатеринославской инженерной школы. Досталось, правда, товарищам Чарному, Богданову и Гусакову. Все были мобилизованы, все были поставлены на ноги в поисках кроватей, постельных принадлежностей и нательного белья. Сейчас все эти мелочи жизни — проза, а тогда это было окрашено романтически. Разговоры о кроватях, табуретах, белье, мыле и прочих житейских вещах звучали как самые лучшие стихи.

Все это мы получили, вернее, взяли из соответствующих «казенных и неказенных» учреждений в течение 4–5 недель. А если к этому прибавить полученную нами большую партию инструментария из Наркомздрава и приличное количество литературы из магазина Наркомпроса, если вспомнить, что все это институту, всегда безденежному, а в то время архинесчастному, ничего не стоило, было получено нами без денег, то понятно, что мы имели право гордиться достигнутыми результатами. Как бы то ни было, но предписание об открытии рабфака 15 января мы выполнили. Нынешние комнаты, занимаемые биологией и физикой, представляли тогда женское общежитие (50 человек) и мужское (50 человек).

Так мы начали работу. Первый год ушел на материальное оборудование рабфака, подбор преподавателей, разработку программ. Учащиеся принимали участие во всем. Все были поглощены организационными делами. Роль рабфаковцев в деле построения рабфака огромна. Не щадя сил и энергии, они совместно с администрацией вдохновенно строили рабфак.

Создав в первый год материально-организационную предпосылку, во второй год мы обратили серьезное внимание на программы и постановку преподавания. Главное внимание, конечно, уделяли естественным наукам. Достали в институте 20 микроскопов, несколько аквариумов, и трудами Евгении Евгеньевны Паули наша биологическая лаборатория, скромно помещавшаяся рядом с библиотекой, заработала. Потом совершилась «революция» биологии. Стали расти ее аппетиты, и мы вынуждены были отдать ей лучший зал.

В настоящее время смело можно сказать, что преподавание естественных наук у нас поставлено лучше, чем на каком-либо другом рабфаке. Впереди всех были естественные науки. Вслед за биологией стала расти физика, а за ней уж вдогонку понеслись русский и математика. Хуже обстояло дело с химией, географией и особенно печально с соцэкономикой. Был введен и украинский язык.

Третий год отдали уже методике преподавания. Строже стали предъявляться требования к поступающим. Украинский язык стал важнейшим предметом. Проведена была кампания дальтонизации рабфака. Введены были предметные кабинеты.

Оглядываясь на прошлое рабфака, нужно сказать следующее. Как школа, готовящая взрослых рабочих и крестьян в вузы, он полностью себя оправдал. При его помощи мы сумели улучшить социальный состав мединститута, где учатся больше 200 бывших рабфаковцев. В будущем особое внимание нужно уделить максимальной разгрузке рабфаковцев, чтобы они имели возможность взять от науки как можно больше. Нужно интенсифицировать занятия, введя Дальтонплан. Рабочие и крестьяне доказали в Октябре, что сумели свергнуть помещичье-буржуазную власть, умеют строить социализм без буржуазии и помещиков, умеют лучше буржуазии учиться и сумеют создать лучших красных спецов.

Е.Е. ПАУЛИ

ОРГАНИЗАЦИЯ И РАБОТА БИОЛОГИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Когда открылся рабочий факультет, на нем, кроме скамеек и парт, ничего не было. Спустя месяц коллега Чарный сообщил мне, что имеется 20 микроскопов, правда стареньких, системы Гартнаха, уже вышедших

из употребления, выуженных из забытых уголков какой-то лаборатории медицинского института. Но для нас и это было событием, так как давало возможность поставить худо-бедно практические занятия.

Лаборатория первоначально помещалась в маленькой южной комнате с двумя окнами, в которой летом стояла невыносимая жара. Запертые там 30 человек изнывали от духоты. И такая тяжелая обстановка давила на преподавателя и учащихся. Но в то же время она переносилась как-то весело и безропотно.

Это был период романтики. И Чарный, много уделявший времени лаборатории, и рабфаковцы, помогавшие в ее оборудовании, работали без учета и времени, и сил. Не задумываясь, мы могли принести на своих собственных плечах 100 цветочных горшков из городского питомника за парком для того, чтобы на занятиях был всегда свежий материал. Поэтому мы ходили на экскурсии по два раза в неделю. А когда раздобыли где-то два аквариума, пришли в окончательный восторг. Засаживали их валлиснерией, пустили туда серенжиков, тритонов и лягушек, и все рабфаковцы бегали на переменах смотреть на наше творение.

Период создания лаборатории выдвинул целый ряд ценных работников из среды рабфаковцев. Первым лаборантом был Дробовский, обладавший недожинным организаторским талантом. Он сразу помог навести в лаборатории порядок. Наряду с этим он, правда, отличался большой самоуверенностью, с ученым видом заявляя мне, что он и без меня проверит микроскоп, хотя ни разу еще не имел дела с подобным инструментом. Сначала это коробило, но потом я поняла, что человеку, прошедшему Гражданскую войну, действительно кажется пустяком обращение с каким-то микроскопом. Он увлекся простейшими и, как только кончались занятия, садился за прибор, успев за короткое время сделать много.

Его сменил Стражников. Очень скромный и любознательный, он не отличался организаторскими способностями Дробовского, а его битие лабораторной посуды вошло у нас в поговорку. Но он обладал другим качеством — стремлением к углублению вопросов, поэтому на экскурсиях неожиданно делал верные биологические выводы. Он представил мне выпускную письменную работу «Эволюция растительных форм». Это была тема наших занятий в течение трех месяцев, но он значительно дополнил ее, развил, и получилась работа, достойная студента-естественника.

Третьим человеком, отдавшим лаборатории больше всего сил, была Судникова. Она работала в лаборатории больше года и выросла на моих глазах. Придя на рабфак без всякой подготовки, она сначала испугалась биологии. После первой лекции, где фигурировала амеба, пришла к себе в комнату и расплакалась от сознания своего бессилия. Понять всю эту премудрость ей казалось совершенно невозможным. А через несколько месяцев на ней держалась вся лаборатория. Глядя на нее, я всегда поражалась тому, как человек, в январе плакавший от амебы, в июне мог часами делать наблюдения. Быстрота, с которой она умела ориентироваться

в новой для нее области, доказывала ее способности и большой интерес. Мне как руководителю она доставила большое удовлетворение. К тому же, из-за отсутствия у нас служителя ей приходилось и полы мыть, и убирать после занятий. На ней лежал также уход за аквариумами.

Старшим лаборантом был Афоненков. Он интересовался биологией, особенно бактериологией, и некоторое время уделял лаборатории много времени. Но этот интерес вступал у него в конфликт с другими стремлениями. Летом 1923 года он очень интересовался международным положением, готовил доклады и читал в районах. В связи с этим мы его часто целыми днями не видели. Когда мы упрекали его за долгое отсутствие, он громил нас за «отрыв от масс», но в связи с прекрасными отношениями эти разговоры всегда носили шуточный характер. Однажды работники лаборатории решили привлечь и старшего лаборанта к участию в лабораторных повинностях. Учащиеся, работающие в лаборатории, назывались лаборантами. Они выбирали своего старшего лаборанта и образовывали маленькую корпорацию, ведающую хозяйственными делами лаборатории. Я никогда не забуду той минуты, когда кто-то из них вручил Афоненкову щетку для подметания полов. На лице его была покорность, но всем своим видом он напоминал человека, не понятого толпой.

Из лаборантов необходимо упомянуть о Шабельникове, Угрюмове и Варапаевой, оставивших значимые следы своей работы в виде препаратов по сравнительной анатомии. Эти препараты положили начало нашему музею, а затем значительно его пополняли.

Рабфаковец Файнвейц обладал большими способностями. Он много читал, бывал на всевозможных биологических лекциях и всегда был полон всякими вопросами. Кроме того, его отличала страсть к путешествиям. За короткое время своего пребывания на рабфаке он умудрялся за гроши съездить в Севастополь, на Кавказ и на Мурман.

Эти лица интересны потому, что составляли ядро, основавшее и поддерживающее лабораторию. В данный момент это, может быть, и неинтересно, но когда станет историей, строки, отражающие наш рабфаковский труд и быт в первый период его существования, приобретут большое значение.

Кроме этих главных лиц, вокруг лаборатории группировались и другие, тоже отдавшие лаборатории частичку своего времени и интересов. За последний учебный 1925/1926 год на смену ушедшим никто не пришел. Я это объясняю тем, что и преподаватели, и учащиеся были чрезвычайно загружены работой.

Сейчас лаборатория значительно выросла. Число аквариумов сильно увеличилось, и они помещаются в солнечной половине большой комнаты, перегородженной теперь на две. Темы аквариумов такие: искусственный подбор (сюда относятся золотые рыбки, происшедшие из обыкновенного караса, золотые орфы, зеркальные карпы, телескопы и т. п.); рыбы наших рек; экзотические формы (макропод, циклозома, голубой окунь и т. д.); живородящие рыбы; земноводные (аксалоты, тритоны, лягушки). Име-

ются и террариумы, но их немного, и поэтому они общей темой не объединены.

Задача создания такого аквариумно-террариумного отделения состоит в возможно более полном иллюстрировании преподавания живым материалом. Но мне кажется, что, если бы даже аквариумы не выполняли задачу, то и тогда имели бы большое педагогическое значение. Даже мимолетное наблюдение за жизнью в аквариуме дает учащемуся много и биологических, и эстетических впечатлений.

Поставив себе цель сделать преподавание биологии более наглядным, мы обратили внимание и на создание небольшого музея. Часть препаратов была нами куплена, часть приготовлена самими учащимися. Это дало возможность поставить следующие темы: сравнительная анатомия позвоночных, систематика животного мира, развитие животных, жизнь моря, мимикрия, симбиоз, паразитизм, хищничество и др.

Все наше преподавание, поскольку учебный материал позволяет, построено на эволюционном принципе. Идея развития организмов должна пропитывать все части нашего курса, тогда не получается оторванности между темами занятий. Но часто не хватает времени для последовательного проведения ее во всех отделах, и это, конечно, нарушает стройность программных планов. Однако мы стремимся такой недостаток свести к минимуму.

В Москве я посетила Тимирязевский институт, помещающийся в Свердловском университете, где в лаборатории профессора Заводовского обратила внимание на огромное родословное дерево, занимающее значительную часть стены. Дерево было иллюстрировано рисунками и препаратами. Я попросила у профессора разрешения перерисовать это дерево. Узнав, зачем мне это нужно, он дал свое согласие с условием, что я в своей лаборатории сделаю над деревом надпись: «По Заводовскому». Правда, мне не пришлось выполнить его условия, так как в Харькове наш преподаватель зоологии Устинов и профессор ИНО Арнольди несколько изменили его схему.

«Родословная животного мира», занимающая и у нас большой кусок стены, является иллюстрацией к преподаванию эволюции организмов. Несмотря на трудности, связанные с настоящим, не вульгарным пониманием схемы, она имеет большое педагогическое значение.

Дальнейшая наша цель в оборудовании лаборатории — создание большой витрины лекарственных растений, а также показательных схем по наследственности. И то, и другое для медицинского учреждения необходимо.

Программу наших занятий мы сочли необходимым дополнить экспериментальной работой учащихся. Без эксперимента нет достаточного творчества и серьезного овладения методами биологического исследования. В свое время мы учили биологию по картинам и моделям. Теперешняя школа имеет микроскопы, инструменты для вскрытий, препараты. Необходимо прибавить эксперимент. Только при этом условии можно

будет сказать, что наше преподавание действительно наглядно и основано на самостоятельности. Только тогда мы дадим учащемуся возможность хотя бы отчасти проникнуть в тайну организма. А в этом и есть основанная задача преподавания биологии.

М. БОЙКО

НА УРОКАХ

Урок математики.

– Товарищи, сегодня письменная работа! — раздался голос Сеньки. На мгновение многие опечалились. Тень испуга пробежала по лицам рабфаковцев. Сенька сохраняет серьезную мину и остается довольным тем, что произвел на группу такое впечатление.

Дверь раскрывается. Входит математик с ворохом книг. Просветлело. Буря миновала. Преподавателю сыплется ряд вопросов.

– Что, сегодня будет письменная?

Математик по-отечески, умело разъясняет:

– Что за письменная, если ежедневно ею занимаемся?

Успокоились... Пишут... Тишина абсолютная... Каждый сосредоточенно пишет в тетради. Помимо воли у многих краснеют уши... Временами кое-кто оглянется, но тщетно. Работа самостоятельная. Ничего. Большинство решило. Вот и звонок...

– Группа «Д», на физику! — орет староста группы. — Вы знаете, что после пяти минут совсем нельзя заходить в аудиторию?

Все спешат в класс. У каждого в руках раскрытая тетрадь. «Зубрят» законы. Как же, это не ктонибудь, а физик. Не увильнешь, не избавишься, «посадит» — не выкарабкаешься...

– Эх, брат, перед смертью не надышишься... Дай отдохнуть голове, каша получается, — кричит один из рабфаковцев.

– Ну и физик... ежедневно спрашивает...

– А тебе что, донимает? Это и хорошо, хвостов не будет.

Сидят. Тишина...

– Закройте ваши книги. Не говорите там в углу, дайте мне говорить.

У многих в голове уже туман. Ом... Фарадей... Ампер... Сейчас спросит... Сюда смотрит... Пропал... Где-то далеко выплывают элементы: Бунзене, Грене, Лекланше. А что если спросит? Снова: аккумулятор... электролиз... вольтметр... телефон... телеграф... Рука преподавателя плавно поднимается, плавно отворачивает ворот тужурки и также плавно из бокового кармана вынимает маленькую «зловещую» записную книжку.

У всех напряженность...

– Ну, кого я давно не спрашивал?

Обычно бросает вопрос группе:

– Ах, да, Т. давно не спрашивал. Ну, пожалуйста!

Что-то надломилось... усиленно билось сердце. А тут еще декан повернись. Глаза искали спасения, но поздно...

– Скажите закон Ома!

Пауза... С места кто-то шепчет: «Сила тока прямо пропорциональна электродвижущей силе и обратно».

– Зачем так громко, неумело?.. Он не слышит, а я слышу... Ну что ж, придется поставить «Н».

В этот момент Т. с багровыми пятнами на лице, устремив взгляд в потолок, ищет закон Ома... Отвечает...

– Так! А законы Фарадея? А что такое электростатическая индукция?

И... посыпались десятки бичующих вопросов из уст физика. Парится парень. Пыхтит.

– Там кто подсказывает? Кочаровская, сейчас же спрошу...

– Васька! Черт! Часы скорей, часы! Сколько до звонка осталось? — слышится на задних рядах.

Всем достается на уроке физики, зато знают ее.

Идут занятия по биологии. По аудитории ходит любимый профессор. С серьезным симпатичным лицом, высокого роста. Неизвестно рабфаковцу, о чем он думает...

– Товарищи! — начинает профессор своим обычным голосом, — сегодня мы с вами будем знакомиться с амфибиями.

– Ця тварина, — вдруг переходит он на украинский язык, — принадлежит...

Среди слушателей заметен веселый шумок. Невольно чувствуется простота и вольность.

– Внимание, товарищи! — вновь начинает профессор. — Каждый возьмите по амфибии, як кажуть українці, по жабі, і будемо розглядати, як ця тварина збудована...

Рабфаковцы работают группами по 2–3 человека. Перед каждой группой книга, прибор для препарирования и распластаный труп лягушки.

– Ну, Кузька, ты будешь хорошим хирургом. Начинай!

– Приступаем пороти мертве тіло, — с улыбкой замечает один из рабфаковцев.

Засученные рукава. Серьезные лица. Будто хирурги с многолетней практикой, рабфаковцы препарируют лягушек... В процессе занятий профессор подходит то к одной, то к другой группе и дает надлежащие указания.

– Да, как хорошо! — говорит один из рабфаковцев. — Тут тебе книга, тут и на практике видишь сердце, желудок. Хорошо. Все бы науки так поставить.

Звонок. А братва не расходится: кончают свое дело.

Последним уроком шла латынь. Посредине аудитории скелет. Головные кости скелета исписаны разноцветными карандашами.левой кисти руки уже нет, правая нога тоже не в полном сборе.

– Товарищи! — произносить латинист. — Старайтесь максимум заучить латинских слов. Заучите все склонения. Все это на основном будет необходимым и явится великим подспорьем. Вспомните меня.

Все слушают.

– Итак, приступаем. Товарищ Колесников, что это такое?

– Мандибула! — А это?

– Протуберанция... Паттеля... Верука... Церебрум... Выпаливает рабфаковец.

– Товарищ Гранников, идите к доске и просклоняйте «эзофагус». Маленький шум в задних рядах. Латинист нервничает, произносит:

– Ну попадетесь вы мне на основном, в клинике! Там вы не так зашумите. Там вы на цыпочках будете ходить. Медицина любит тишину, дисциплину...

О.С. НАЛБАТ

БУДНІ РОБІТФАКІВЦІВ
(зі спогадів комсомолки 1920–30-х років)

Наша країна напередодні знаменної дати — 50-річчя Ленінського комсомолу. Героїчний шлях його нерозривно пов'язаний з боротьбою робітничого класу за перемогу комунізму. Кожний із нас, хто у минулому був комсомольцем, з великою теплотою згадує роки своєї трудової юності.

З перших днів свого існування наша молода республіка відчувала багато труднощів: бракувало техніки, хліба, кадрів, без яких неможливо було здійснювати культурну революцію. На порядку денному постало завдання — підготувати спеціалістів з робітничо-селянської молоді, стійких юнаків і дівчат, здатних вирішувати складні громадські і господарчі завдання, долати труднощі. Для цього у нашій країні на перших етапах її розвитку було створено робітничі факультети.

Згадую своє навчання на робітфаці більше 40 років тому, де я навчалася близько 4 років. З перших своїх кроків ми відчували величезну направляючу і керівну роль нашої комуністичної партії. Вчитися тоді було нелегко: ми відчували великі труднощі, але у нас був комсомольський запал, наполегливість, які допомагали не лише добре вчитися, але й працювати на суботниках, недільниках, на будівництві шляхів, гуртожитків, ХТЗ. Ми

були погано одягнені, ходили у постолах, у небагатьох були навіть власні чоботи. Але робітфаківці не падали духом. Усі брали активну участь у будівництві нашого рідного міста, ремонтували залізничні вагони, заготовляли дрова, прокладали рейки і завжди були думками і душею з нашою партією, народом. Усі сили докладали для того, щоб країна в короткий строк стала могутньою державою. З глибоким хвилюванням згадую тепер обрання мене від студентської молоді депутатом до місцевих Рад депутатів трудящих перших скликань. Скільки було невідкладних і термінових завдань! З часом рахуватися не доводилось, прагнула якомога краще виконати накази виборців.

1928–1929 роки. Нас, комсомольців, направили на ударне будівництво в село. Працювали часто до глибокої ночі, а потім декілька десятків кілометрів йшли з веселими піснями до свого гуртожитку, який важко навіть порівнювати з теперішнім, де живуть сьогоднішні студенти. Спочатку ми жили групами по 25–30 чоловік у жовтому корпусі (двір «Гігант»). Потім нас переселили до іншого гуртожитку, холодного та вологого, доводилось зігріватися диханням. По черзі читали один підручник. Але все одно дуже прагнули до знань.

Згадую незабутню зустріч з членами Уряду більше 35 років тому. Мене як відмінницю навчання направили до Києва рапортувати щодо успіхів у числі інших студентів-відмінників країни. Нас дуже тепло зустрів голова ВУЦВК Григорій Іванович Петровський. Звертаючись до нас, він щиро привітав із успіхами у навчанні студентів із робітничо-селянської молоді, закликав активно допомагати у будівництві республіки, жити її інтересами, боротися за щастя нашого народу, підвищувати пильність. Говорив він і про необхідність поєднувати теорію з практикою, брати участь у культурному житті країни, розповідав про подвиги нашої чудової комсомольської молоді. Ця зустріч з Григорієм Івановичем назавжди збережеться в моїй пам'яті.

Я також згадую святкування 20-річчя Ленінського комсомолу. Цій події я присвятила свою першу наукову роботу. Напередодні 50-річчя ВЛКСМ бажаю всій комсомольській молоді нашого вузу працювати і вчитися з таким же запалом, як працювали ваші старші товариші.

Дорогі друзі! Ви живете у чудовий час, в космічну епоху, в епоху бурхливого розвитку техніки, розквіту духовних багатств всієї країни. Трудіться, вчіться, держайте, будьте гідними нашої чудової епохи.

Д. ЗАЙЦЕВА

МЫ И ОНИ

Детище Октября рабфак дорог и близок рабочему и крестьянину, ибо без него не имеют нам своих красных специалистов.

Большеви́стский закал, бо́драя уверенность, цементная спайка, дружная дисциплина — вот элементы, из которых выросла наша кузница науки — рабфак.

Только помещичье-капиталистическая свора за рубежом и сейчас расточает свои жалкие слюни по нашему адресу. В своих газетах она высмеивает рабфаки. Вот послушайте, что пишет о нас, рабфаковцах, белогвардейская газета «За свободу»: «Большинство рабочей молодежи в университете влечит жалкое существование лисицы, для которой виноград зелен. Советская власть прилагает все старания, чтобы их «поднять». Для них изменен характер преподавания, введено множество семинаров, особых кружков и т. д. В семинарах и кружках требуемую подготовку не получишь. Они безусловно введены в невыгодную сделку: более половины их, если не все, не добьются ничего. Это будут вырванные из рабочего класса, деклассированные недоучки, озлобленные на более счастливых «буржуев», и больше ничего. Эти на «граните» университетской науки ломают себе зубы, будут людьми глубоко несчастными и вредными в общественном смысле».

Как они для нас, рабфаковцев, кажутся смешными. Им ничего больше не остается, как клеветать.

Осрамившись на предсказаниях о нашей близкой гибели на хозяйственном фронте, они пытаются выставить теперь «тяжелую артиллерию» на культфронт, на рабфаки. Но и тут они стреляют мимо цели. Наш рабфак это хорошо доказал.

ПРО НАРАДУ РЕКТОРІВ УСІХ ВИШІВ у 1930 р.

На відбулій нещодавно у Москві нараді ректорів всіх ВИШ'ів ухвалено проект нового положіння про вищу школу. За цим положінням назву «ректор» змінено на «директор», а «декан» — на «завідувач факультету». Призначення директорів ВИШ'ів переводить Головпрофосвіта без попереднього обрання кандидата на цю посаду в самім ВИШ'у. Запроваджуються єдиноначальність директорів, касується правління ВИШ'ів, а студентські організації усуваються від безпосереднього управління вищою школою. У зв'язку з цим посилюється значіння та роля вишівських нарад. Крім цього, поширюється роля вишівських рад, що до їх складу треба приєднати представників господарських та профспілкових організацій. Призначення професорів та викладачів будуть переводити директори ВИШ'ів з наступним затвердженням в НКОС'і. Касуються предметні комісії.

Врачебное дело №4 за 1930 р.

П.І. ДОЛГІН

ПЕРШІ КЕРІВНИКИ ХМІ

Наприкінці літа 1920 року широко розчинені двері медичного інституту впустили молодь, для якої при царі, при Скоропадському і Денікіні вища освіта була за сімома печатками. Усього було прийнято до інституту 1200 чоловік. Це був строкатий за соціально-класовою характеристикою склад, але тут вже не було дітей чиновників, великих поміщиків і фабрикантів — класів, ліквідованих Жовтневою революцією. У 1921 році на курс повернулися з Червоної Армії комуністи С. Генес, З. Светнік, а також до них приєдналися комуністи Залевський, Агрес, Баштан, Диннерштейн, Сирота, Суботнін та інші.

На початку 1921 року комуністичний осередок інституту налічував у своїх лавах трохи більше 30 членів. Секретарем обрали студентку 4-го курсу, учасницю під час денікінщини більшовицького підпілля у Криму С. Ендер — умілого політичного працівника, доброго організатора. С. Ендер зуміла згуртувати невеликий загін комуністів на вирішення багатьох завдань, які виникли перед комуністичним осередком.

Громадянська війна закінчилася, однак труднощів було дуже багато, неначе усі лиха воєнних років і Громадянської війни сконцентрувалися в одному фокусі. Приєдналися висипний тиф і голод. Комуністичний осередок інституту направляє лікарів і студентів на боротьбу з тифом, збирає гроші для голодуючих.

У лютому 1921 року Харківська медична академія перейменована на медичний інститут. На чолі його стає ректор, учасник Жовтневої революції і Громадянської війни, лікар Г. Гусаков. Наприкінці 1921 року ректором призначено професора І. Кавалерова, Г. Гусаков залишається комісаром. Фігура нового ректора дуже колоритна. За спеціальністю терапевт, він працював у рудничних лікарнях Донбасу. У 1902 році він входить до іскрівської групи соціал-демократів, разом з Григорієм Івановичем Петровським і Петром Онісимовичем Мойсеєнком здійснює революційну роботу на Щербинівському руднику. Після поразки революції 1905 року І. Кавалерова було вислано з меж Катеринославської губернії.

Протягом 22 років (з 1902 по 1923 рік) діяльність І. Кавалерова тісно перепліталася з життям і революційною діяльністю видатного революціонера, організатора страйку ткачів в Оріхово-Зуєві у 1885 році Петра Онісимовича Мойсеєнка. Професіональний революціонер наприкінці свого життя мав пряме відношення до нашого інституту. Петро Онісимович часто приходив до студентської молоді, розповідав захоплюючі епізоди з свого життя. А життя його — це історія боротьби російського робітничого класу. Робітфаківці медінституту присвоїли П.О. Мойсеєнку звання почесного робітфаківця.

Комісар інституту, член партії з 1917 року Г. Гусаков був полковим лікарем 33-го піхотного полку, який відіграв велику роль у боротьбі за Радянську владу у Харкові у 1917 році. 30-й піхотний полк, очолений Миколою Олександровичем Рудневим, разом із загонами Червоної Армії становив опору Харківської більшовицької організації. Лікар Г. Гусаков відіграв велику роль в організації санітарного забезпечення перших загонів збройних сил Рад у Харкові. Він брав участь у знаменитому поході 5-ї армії К. Ворошилова на Царицин.

В.П. ВОРОБІЙОВ

МУЗЕЙ СТАНОВЛЕННЯ ЛЮДИНИ

До 14-х роковин Жовтня, 7 листопада, після закінчення роботи на кафедрі на протязі шости місяців, я надіслав до директора ХМІ рапорт про те, що зроблений моїми товаришами та мною музей готовий до відкриття.

Музей має на меті відбити процес та умови, при яких звірюка перетворилася в розумну людину. Означене завдання щодо його виконання зв'язане з великими труднощами, бо крім глибокої проробки самого питання й добіру матеріялу, воно вимагає дуже великої роботи та великих ресурсів.

Кошти для музею склалися з сум, що були дані від В.А. Чубаря як преміальні, та сум, що дав Наркомздорв'я Канторович. План побудованого музею був досконально розроблений, але здійснення його могло відбутися в межах, що залежали від приміщення та від можливості відшукування добірного матеріялу. На персонал кафедри припала велика робота

по устаткуванню музею та приготуванню препаратів, більшість яких виготовано наново, або підлягало ретельному монтажу, значну частину взято з колекцій, що я зібрав під час моїх старих наукових екскурсій. Деякі препарати подаровано іншими музеями.

Музей буде відкрито для відвідування студентством та робітничо-селянськими масами, при чому можна гадати, що він допоможе складанню правильних уявлень про людину, про організм, що розвивається в залежності від спадковости в умовах біологічного й соціального оточення та побуту.

В устаткуванні музею приймав участь увесь персонал катедри. Особливий труд по його устаткуванню випав на долю лікарів Синельнікова щирість якого в цій справі та виключна здатність мусять бути висунуті на перше місце. Цінне сприяння лікаря Іванова, який крім виготовання низки препаратів провів величезну роботу по художньому оформленні музею. Низку препаратів виготовлено лікарем Ружінським. Дуже цікаві препарати, які зроблені лікарем Журавльовим за його власною метою, препарати лікарів Волинського та Євдокимова. Не можна залишити без уваги того, що всі члени катедри самі виконували інши роботи. Особливо дороге сприяння, що робилося всім нам підчас роботи технічним персоналом — Бурсою, Столяровою та Веретельниковим.

Музей, що зараз відкривається, звичайно, має ще багато недоліків, які будуть нами виправлені в найближчий час. Важливе те, що він уже підштовхнув щодо будови великого Всеукраїнського музею становлення людини, яка за розпорядженням Наркома здоров'я Канторовича повинна бути здійснена в найближчі часи.

НАКАЗ по ХМІ від 01.01.1932 р.

1 грудня 1931 р. завдяки енергійній роботи робітників катедри нормальної анатомії під керівництвом заслуженого професора В.П. Воробйова і за безпосередньої його участі відкрито Музей становлення людини для масового відвідування робітниками м. Харкова. Слід відмітити як найкращих ударників, які доклали велику творчу ініціативу в організацію цього музею, заслуженого професора В.П. Воробйова, лікарів Синельнікова та Іванова, з технічного персоналу Бурсу і Столярову. За доповіддю С.І. Канторовича і погодженням міського комітету спілки РОБОС ухвалити:

Всьому колективу катедри нормальної анатомії за цю велику корисну для Радянського Союзу роботу від імені дирекції і організації медичного інституту винести щирю подяку і преміювати заслуженого професора В.П. Воробйова, видати премію в 5 тисяч карбованців, Синельникову та Іванову надати путівку безкоштовно в будинок відпочинку санаторного типу з 1 1/2-місячним утриманням. Бурсі і Столяровій надати по одному зимовому пальто і по одній парі ботинок з калошами, Веретельникову — шкіряну тужурку і пару чобіт.

Підстава: рапорт катедри з розпорядженням директора.

И.П. КОРХОВ

**ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА
НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА
ТРИНКЛЕРА**

Заслуженный профессор Николай Петрович Тринклер родился 19 ноября 1859 г. в Ленинграде, где получил и свое начальное образование. С золотой медалью в 1877 г. окончил Симферопольскую гимназию. Имел склонность к изучению истории и думал о поступлении на историко-филологический факультет.

Однако жизнь иначе распорядилась его судьбою. Семья переехала на жительство в Харьков, и Н.П. Тринклер, знавший о крупных научных силах медицинского факультета, поступает на последний. Профессора В.Ф. Грубе, В.П. Крылов, В.Г. Лашкевич, И.П. Щелков и многие другие — вот те славные люди, в кругу которых работает Н.П. Тринклер в свои студенческие годы. Его ум, всегда имевший стремление в науке, воспринимает все лучшее, поэтому он получает широкое медицинское образование, впитав лучшие идеи выдающихся людей.

Это был прочный фундамент, на котором Николай Петрович крепко строил знания всей своей жизни. Всесторонне образованный, владеющий иностранными языками, он уже в студенческие годы по поручению профессора В.Ф. Грубе заведует лабораторией клиники. На 4-м курсе появляется первая научная работа «О строении слизистой оболочки желудка», за которую он получает золотую медаль.

В 1884 г. Н.П. Тринклер окончил медицинский факультет и получил звание лекаря с отличием. Получив предложение от В.Ф. Грубе работать при его клинике, молодой специалист, посоветовавшись с профессором В.П. Крыловым, остается работать у В.Ф. Грубе. С этого момента начинается его врачебная деятельность, причем с первых же шагов можно было констатировать расположение его к научной работе.

22 февраля 1885 г. Николай Петрович начал свою работу в качестве сверхштатного ординатора факультетской хирургической клиники Харьковского университета. В 1886 г. он утвержден в должности штатного ординатора этой же клиники. За это время им выполнено около пяти научных работ, из которых надо отметить такие: «О паренхиматозных

инъекциях осмиевой кислоты», «Ueber den Bau der Magenschleimhaut», «Об ацинозном канкроиде поперечной части толстой кишки» и др.

В 1889 г. В.Ф. Грубе командировал Н.П. Тринклера в Берлин к Бергману для ознакомления с асептикой. Возвратившись из-за границы он впервые применил этот метод в Харькове. В этом же году В.Ф. Грубе в своем рапорте на имя медицинского факультета дал лестный отзыв о деятельности Н.П. Тринклера и представил его на получение стипендии для подготовки к профессорскому званию по клинической хирургии. В этот период, занимающий почти три года, Николай Петрович написал ряд крупных работ.

Решив продолжать научную карьеру, Николай Петрович Тринклер ежегодно посещал европейские клиники и институты. Его учат Bergmann, Sonneburg, Körte, Israel, корифей в патологоанатомическом институте в Берлине Virchow, Weischelbaum и др.

В 1899 г. Н.П. Тринклер защитил диссертацию доктора медицины, представив работу «К хирургии поперечных переломов надколенника». В 1900 г. после прочтения двух пробных приват-доцентских лекций на медицинском факультете он был допущен к чтению лекций при кафедре факультетской хирургической клиники.

В 1904 г. Николай Петрович был избран медицинским факультетом на должность заведующего госпитальной хирургической клиникой, но кафедра эта по назначению была занята профессором Соколовым, и только в 1905 г. состоялось назначение Н.П. Тринклера экстраординарным профессором по кафедре хирургической патологии с десмургией и учением о переломах и вывихах. До 1913 г. он работал в преобладевшей клинике при Харьковском военном госпитале, где преобразовал хирургическое отделение военного госпиталя в клиническое и много работы проводил там не только по хирургии, но и по вопросам упорядочения и регулирования преподавания. Лекции его никогда не отличались блеском, но глубина их содержания, в которые вкладывался опыт всей его жизни, захватывали слушателей.

В 1913 г. исполнилась заветная мечта Н.П. Тринклера — он получает факультетскую хирургическую клинику. Эта оборудованная, хорошо обставленная клиника, в которой он работал еще будучи ординатором, дала широкую возможность развернуться таланту ученого и преподавателя. Несмотря на стихийные препятствия, его клиника интенсивно работала все тяжелые годы, дав значительное число научных работ и хороших врачей-хирургов, которые делали свою трудную работу на периферии. Руководство факультетской хирургической клиникой — наиболее красивый и активный период в деятельности Тринклера.

Н.П. Тринклер обладал замечательными человеческими качествами — скромный, не повышающий голоса даже в самые ответственные моменты операции. Врачи относились к Николаю Петровичу с огромным уважением. Он обладал колоссальным клиническим опытом. Иногда, исследуя больного, он ставил самый неожиданный диагноз, который, казалось бы,

совсем не соответствовал самым сложным лабораторным исследованиям. Его спрашивали, почему он так думает, а он, улыбаясь, приводил целый ряд клинических признаков, которым мы не придавали значения. Например, он уделял большое внимание так называемым кожным атрофическим рубцам, считая их во многих случаях характерными для lues и часто, в особенности при lues visceralis, этот, казалось бы, малозначимый признак помогал установить истину.

Трудно выразить словами умение Николая Петровича подойти к больному. Я не думаю, что это была какая-то особая интуиция. Видимо, в этих случаях играли большую роль, с одной стороны, большие знания Николая Петровича, широкая медицинская образованность, а с другой стороны, не менее важная способность применить эти знания у постели больного. Думается, что соотношение знаний к умению их применить и характеризуют способность врача. Больные любили Николая Петровича. Его вид давал им надежду и уверенность на выздоровление. Самые тяжелые больные при посещении Николаем Петровичем становились бодрее, у них появлялась надежда на выздоровление, восстанавливалось душевное равновесие, а это очень важно для хирургических больных.

Лекции Николая Петровича отличались необычайной простотой. Это была речь не оратора, а обычная простая человеческая речь. Простота, безыскусственность пробуждали к его лекциям необычайный интерес уже тем, что материалы, которые давал Николай Петрович своим слушателям, заключали в себе не только всю новейшую литературу по вопросу, но и громадный опыт жизни, которым он открыто делился со своими слушателями.

Особенно интересны его лекции о доантисептическом периоде (с анатомическим направлением), о периоде антисептики и асептики, о времени появления наркоза, о злокачественных опухолях, которым он уделял исключительно много внимания и времени до последних дней своей жизни.

Как ученый Н.П. Тринклер хорошо известен. Его имя знают за границей, и многие крупные европейские ученые цитируют его работы. Он сам постоянно говорил, что за границей он имел не меньше друзей, чем в СССР. Николай Петрович имел более 70 научных трудов по самым разнообразным отделам хирургии. Из его работ надо отметить такие: о поперечных переломах надколенника, Syphilis visceralis, о пределах самоизлечения злокачественных опухолей, об эхинококке селезенки, о механическом раздражении как этиологическом моменте к образованию опухолей и др.

В самое последнее время он закончил крупный труд «Основы современного лечения ран», мечтал об издании своих лекций, которые оставил в форме обширных рукописей, думал он и о кратком учебнике хирургии применительно к материалам амбулатории.

Силы его в последнее время не соответствовали желаниям и намерениям. Он имел молодую душу, но для осуществления всех планов не хватало физических сил.

Несмотря на колоссальную перегруженность работой, Николай Петрович уделял много внимания студентам и вопросам преподавания: он любил молодежь и в полном смысле слова возился с нею. Вспоминается один из прошедших годов, когда широко функционировали хирургические кружки. Измученный, усталый от дневной работы, он вечером снова приезжал в клинику. Начинались студенческие доклады. Если доклад был неудачен, профессор незаметно переходил к докладу сам, много говорил о доантисептическом периоде, периоде появления антисептики и пр. Эти его рассказы имели неотразимое влияние на слушателей. Мы слушали с наслаждением о мрачной, но блестящей технически зре доантисептического периода, и вместе с Николаем Петровичем переживали все разочарования... Все любили его рассказы из далекой старины, о событиях, очевидцем которых он был сам... Многие товарищи всю жизнь будут помнить эти душевные вечера, эти кружковые занятия с любимым профессором.

В Харькове нет такой семьи, которая не прибегала бы к его помощи. Он во всех случаях шел на помощь, даже тяжкая болезнь не могла удержать его. Он много работал, много зарабатывал, но ушел из этой жизни, оставив семью далеко не обеспеченной. Целые толпы бедноты бесплатно лечились в его частной лечебнице. У богатого он брал много, часто очень много, для того, чтобы содержать и лечить бесплатно бедноту. Если центр города любил и уважал Николая Петровича, то бедные окраины его обожали.

Незадолго до своей смерти он беседовал с одним из своих учеников: «У вас есть дети, вы живете, работаете для них. У меня нет детей, но есть любимое дело, которое я сделал без средств, собственными руками, — это моя лечебница. Я хотел бы, чтобы после моей смерти в этой лечебнице была устроена хирургическая лечебница для беднейшего населения г. Харькова, в которой могли бы учиться в то же время и участковые деревенские врачи».

Николай Петрович боялся лишь одного. Все в жизни забывается. Останется неосуществленной и эта его мечта. Он вспоминал одного русского профессора Х., который завещал свой дом Харьковскому университету с просьбой организовать на эти средства урологическое отделение, он знал, что этот завет не был осуществлен и болел душой, что и его заветы тоже могут быть забыты...

Ученики Николая Петровича будут помнить наказы учителя и приложить все силы для их осуществления — помощи нуждающимся, бедным, страдающим. Эти его заботы еще раз подчеркивают всю чистоту его души. Сам он был доступен всем, сам он спешил на помощь ближнему, не считаясь ни со временем, ни с состоянием своего здоровья. И умирая, он думал о том, что было заботой всей его жизни. Он бережно подходил к жизни больного. Смелый хирург, он тщательно охранял ее. Чем тяжелее больной, тем внимательнее был профессор.

Общественная деятельность Николая Петровича хорошо известна далеко за пределами Харькова: он много работал в учреждениях Красного

Креста, состоял консультантом в лечебнице Медицинского общества и многих других больницах, участвовал в организации съезда по борьбе с раковыми заболеваниями, хирургических всероссийских съездов, Украинского съезда и был избран почетным председателем организационного бюро. Он — редактор «Врачебного дела», где неустанно работал, ведя трудный и большой отдел. Он — участник рецензирования работ на Нобелевскую премию.

Много раз он председательствовал в Государственных испытательных комиссиях. В 1912 г. он председательствовал в Харькове, заменив заболевшего профессора Московского университета С. Как сейчас помню неприятное положение, создавшееся при экзамене, на почве столкновения студенчества с профессором П. Обстоятельства складывались крайне неблагоприятно. Началась забастовка, которая грозила принять общестуденческий характер. Все это грозило студентам большими неприятностями. Николай Петрович, забросив всю медицинскую работу, всеми силами стремился уладить неприятность. Ему удалось это только благодаря настойчивости. Забастовка прекратилась, работы закончились без жертв. Совершенно аналогичная история произошла и в Московском университете, где Николаю Петровичу удалось уладить назревшее столкновение студентов-выпускников и таким образом избежать разгрома курса.

В кратких воспоминаниях трудно дать исчерпывающие сведения о жизни и деятельности покойного Николая Петровича. Он был незаурядный человек, много потрудившийся на благо своей страны, на благо людей. Талантливый человек, прекрасный хирург, художник, музыкант, он был щедро одарен судьбою и много сделал на благо людям.

10 августа было получено известие, что заслуженный профессор Харьковского медицинского института Николай Петрович Тринклер скончался в Евпатории. Он любил Крым — место своего детства и юношества, там и закончил свою жизнь. 14 августа Харьков оплакивал незабвенного Николая Петровича. Колоссальная толпа провожала тело профессора до самой могилы, где тело его было предано земле рядом с могилою его учителя профессора В.Ф. Грубе. Под звуки похоронного марша Шопена, любимого его марша, навеки ушел от нас мощный талант и редкий человек, имя которого чтит все население нашей страны.

И.С. КОГАН

ПАМЯТИ Н.П. ТРИНКЛЕРА

Исполнилось 20 лет со дня смерти профессора Николая Петровича Тринклера, имя которого с любовью и искренним уважением долгие годы произносится многочисленными больными, товарищами, учениками. На 66-м году оборвалась нить жизни человека, еще полного творческих сил, дорогого и нужного Родине.

41 год своей блестящей хирургической деятельности Н.П. Тринклер отдал нашей родине, отдал развитию любимой науки, развитию своей alma mater, в стенах которой он прошел все ступени своего роста, начав ординатором и закончив директором факультетской хирургической клиники Харьковского университета, в которую он вступил еще студентом.

Разносторонне образованный и одаренный, блестящий лингвист, художник, владеющий кистью, музыкант, тонко и художественно импровизирующий на рояле в часы досуга, виртуоз хирургической техники — таков образ Николая Петровича.

«Я получаю одинаковое удовлетворение от хорошего разреза, от возможности владеть кистью и создавать по желанию те или иные гармоничные созвучия». Так вспоминает слова Николая Петровича И.В. Кудинцев. Незадолго до смерти Н.П. Тринклера профессор Б.Г. Пржевальский в юбилейном сборнике, посвященном 40-летию его деятельности, писал: «Годы шадят Н.П. Тринклера: приближаясь к порогу старости, он не утрачивает ни умственной свежести, ни самой тонкой технической ловкости. Мало того, он до самого последнего часа остается верным культу своих юных дней, его нельзя отвлечь от клинической деятельности, нельзя оторвать от литературной работы. Он ведет редакцию хирургического отдела журнала «Врачебное дело», издает новое руководство по лечению ран, изучает проблему рака».

Но годы горения свершили свой приговор. Николай Петрович ушел внезапно, в Крыму, на отдыхе. Чувство гнетущей тяжести возникает в душе, когда изучаешь материалы, освещающие прерванную жизнь того, из уст которого впервые были услышаны основы хирургической науки, кто бросал первые зерна ее в наши молодые восприимчивые души. И еще

тяжелее оттого, что великий грех лежит на нас всех, грех неисполненного долга перед ушедшими. Мы так мало уделяем места описанию больших дел и больших людей, составляющих нашу историю, нашу сокровищницу. Из сумерек прошлого вырисовывается великая тень Пирогова и слышатся его обличающие слова: «Почему мы так мало знаем о нашем прошедшем,.. так скоро его забываем?..».

Нет сомнения в том, что ученический долг тех, кого воспитал Николай Петрович, побудит к выполнению священной обязанности, и образ Тринклера, его жизненный путь будет описан во всем его величественном сиянии.

Мне хочется в номере журнала, посвященном 25-летию юбилею «Врачебного дела», журнала, в котором он с энтузиазмом работал, хотя бы в общих чертах воскресить деятельность Николая Петровича Тринклера.

Я не хочу касаться разделов многообразной хирургической работы — многим еще памятни блестящие операции покойного. Следует отметить тот громадный интерес, который Николай Петрович проявлял к борьбе со злокачественными новообразованиями. Изучая вопросы онкологии, он посетил все крупные раковые институты Европы. Тринклера можно было встретить за работой по изучению рака в Лондоне и Берлине, Москве и Франкфурте-на-Майне. Долго и упорно работал он у Клемперера. Вопросам онкологии был посвящен значительный цикл его научно-исследовательских работ, из которых главными являются «Исследования крови у раковых больных», «Применение осмиевой кислоты у больных раком», «О пределах самопроизвольного излечения злокачественных новообразований», «Лечение селеном и холином», «Адреналин как средство против раковых новообразований» (доклад на раковом съезде), «О механических причинах в этиологии новообразований», «Уродство как этиологический момент новообразований».

К этому следует добавить работы Н.П. Тринклера по вопросам связи хронических нагноений с бластоматозным ростом. Всем известна и памятна также его монография, написанная совместно с Б.Г. Пржевальским.

Николай Петрович внес великий по тому времени вклад в сокровищницу отечественной онкологии. Он был одним из пионеров организации борьбы со злокачественными новообразованиями.

Совет Народных Комиссаров высоко оценил деятельность проф. Н.П. Тринклера. Специальным решением от 14 августа 1925 г. он издал ряд постановлений об увековечивании памяти покойного. Наш священный долг — выполнить эти решения.

Свежа еще память о большом человеке, о его светлой душе, труде исполнимом и огне неустанного творчества, в котором началась, протекала и закончилась его жизнь.

А.М. УТЕВСКИЙ

**ОБРЕТЕНИЕ УЧИТЕЛЯ.
А.В. ПАЛЛАДИН
И БИОХИМИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ**

Впервые я увидел и услышал Александра Владимировича Палладина осенью 1924 года, когда заканчивал биологическое отделение ХИНО, работал в большом практикуме по физиологической химии на кафедре физиологии и часто ходил слушать лекции профессоров, местных и приезжих, читавших лекции в других высших учебных заведениях. Так я попал на лекцию в медицинском институте, которую читал профессор А.В. Палладин, посвященную витаминам. Лекция и лектор произвели на меня большое впечатление. Меня поразила чеканная ясность изложения, соединенная со строгой научностью, обращение к истории вопроса и последним достижениям и исследованиям в этой области, широкие обобщения, например, новые в то время представления о возможной функциональной связи витаминов с ферментами и гормонами. Мне очень хотелось подойти после лекции к Александру Владимировичу, поговорить с ним, но я не решился.

Затем на заседании Харьковского медицинского общества я услышал доклад Александра Владимировича, посвященный биохимии головного мозга. Доклад этот произвел на меня еще большее впечатление, чем лекция, так как он почти целиком был построен на результатах собственных исследований А.В. Палладина и его сотрудников. После доклада было предложено задавать вопросы устно или записками. Я послал записку с вопросом: «Какие нужно иметь данные для того, чтобы участвовать в таких исследованиях?». Александр Владимирович прочел вслух записку и ответил: «Нужно любить науку, хотеть и уметь много работать».

В конце 1924 года я окончил свой вуз, а через несколько месяцев мы вместе с моим товарищем Давидом Фердманом довольно робко постучали в двери кафедры биохимии, которую возглавлял Палладин. Ожидая, пока нам откроют, мы тихо говорили, что нужно не растеряться и показать себя с лучшей стороны. И вот мы сидим в кабинете Александра Владимировича и он, выслушав наши довольно сбивчивые пожелания, стал рассказывать нам, какие научные задачи он ставит перед собой и свои-

ми сотрудниками. Говорил он в той свойственной ему манере, которую я наблюдал потом всегда в течение почти полувека нашего частого общения, предельно ясно, конкретно и убедительно. Спросил, знакомы ли мы с методами колориметрии, нам почему-то послышалось «калориметрия» и мы стали о ней говорить, но недоразумение быстро выяснилось.

После почти часовой беседы Александр Владимирович спросил, когда бы мы хотели и могли приступить к работе в лаборатории. Мы ответили «сегодня» и услышали вопрос: «Какие у вас источники существования, ведь волонтеры, работающие на кафедре и не входящие в ее штат, не получают стипендии или зарплаты?». На это у нас был ответ, мы сообщили, что работаем по вечерам инструкторами-биологами в Центральном клубе юных ленинцев, там нам платят, а весь день мы можем отдавать науке.

Александр Владимирович посмотрел на нас, улыбнулся и встал. Мы тоже встали, полагая, что разговор окончен и нужно прощаться. «Теперь пойдем посмотрим, ведь вы не возражаете?». Еще бы мы возражали! Александр Владимирович показал нам несколько комнат кафедры, очень скромно обставленных. Привел нас в еще одну комнату побольше и остановился возле химического стола, за которым что-то делали две молодые девушки в белых халатах — рыженькая и темноволосяя. «Знакомьтесь, это Ольга Файншмидт и Софья Эпштейн, напротив них за этим столом будут ваши рабочие места». Затем профессор показал нам несколько шкафов, в которых были научные журналы и книги по биохимии на немецком, французском и английском языках: «Нужно хорошо знать, что делается в мире, это очень важно для исследователя. Нужно знать, что делают другие, и идти своим путем!». Мы получили затем немного химической посуды и расставили ее на своих рабочих местах. Так начался наш «день первый». Потом были «день второй», «день третий»... Целых 6 замечательных лет. Вскоре я стал одним из первых аспирантов организованного А.В. Палладиным Украинского биохимического института, затем — научным сотрудником. Аспирантами стали и Давид Фердман, Ольга Файншмидт, Софья Эпштейн. О первых харьковских годах биохимического института я уже писал в своей книге об Александре Владимировиче Палладине. Все же хочется вспомнить лишь несколько эпизодов.

Еще один «первый день» — день открытия института. Пришло много людей: научные работники, преподаватели высшей школы, студенты. Были члены Украинского Совнаркома, работники Наркомпроса и Наркомздрава. Александр Владимирович показывал гостям лабораторные комнаты, отведенные в помещении кафедры (еще не было отдельного здания). Это был совсем небольшой институт, 5–6 комнат, самая необходимая аппаратура. Было мало приборов и еще меньше мебели, и на открытии института мы переносили стулья из одного помещения в другое, чтобы гости могли присесть. Не хватало высоких табуретов возле химических столов, и один из высокопоставленных гостей спросил, на чем будут сидеть во время работы сотрудники. Александр Васильевич полу-

шутя-полусерьезно ответил: «Мои сотрудники не устанут стоять возле химических столов».

Он был прав — маленький коллектив новорожденного института не обращал внимания на трудности и работал с настоящим энтузиазмом. Институт надолго стал нашим домом. Я помню, как нас радовало приобретение каждого нового прибора — первого потенциометра, первого аппарата для измерения тканевого дыхания, новых аналитических весов, установки для получения жидкого воздуха. Помню, как ждали мы получения каждого нового номера биохимического журнала, новых монографий. Помню, с каким интересом и волнением ожидали результатов опытов — своих и проводимых друзьями, какие жаркие дискуссии проходили на институтских семинарах. И запомнилось институтское правило: «Уважать лабораторию, уважать работу свою и своего товарища, уважать дело, которое ты делаешь». На скромном фронте института, который только начинал работать, можно было бы написать: «Уважение к науке, уважение к труду, уважение к людям»...

А.В. Паллади за очень незначительное время сумел не только оживить работу, но и создать кафедру нового типа, которая действительно стала кафедрой биохимии, центром научной работы в этой области. Лекции Александра Владимировича в ХМИ стали в начале 1920-х гг. своеобразной сенсацией. Удивительно четко, последовательно и логично строил их профессор Палладин. Сложные процессы, сухие формулы обретали в его лекциях жизнь, становились понятными и интересными. Это был природный лектор и популяризатор науки.

Еще один «первый раз» — первая моя лекция. На столе — записка Александра Владимировича: «Дорогой Арон Михайлович! Мне необходимо быть на торжественном открытии Тракторного завода, за мной заехали. Сегодня лекция «внутриклеточный обмен углеводов» студентам санитарно-гигиенического факультета. Вы один, кто может, по моему мнению, сразу без подготовки прочитать такую лекцию. Прошу вас сделать это. А.В. Палладин».

На второй или третий год после организации института А.В. Паллади предложил всем членам нашего маленького коллектива написать для печати небольшие научно-популярные книги на актуальные биохимические и физиологические темы. Я выбрал по его совету тему «Железы внутренней секреции». Ряд таких книжек, написанных сотрудниками института, вышел в харьковском издательстве, и они нашли своего читателя. Работа над ними много дала и самим авторам, которые старались писать научно и ясно.

Так я обрел учителя в науке и жизни.

НАКАЗ ПО ХАРКІВСЬКОМУ МЕДИЧНОМУ ІНСТИТУТУ №83 від 8 травня 1930р.

§ 1. Оголошується лист професора Якушевича Сергія Гавриловича — завідувача катедрою госпітальної терапевтичної клініки.

«20 октября 1930 г. исполняется 65 лет со дня моего рождения и я выхожу за штат, озабоченный цельностью преподавания на столь ответственной кафедре, как госпитальная клиника. Обращаю внимание факультета на этот факт и прошу заблаговременно озаботиться о назначении преподавателя на эту кафедру, дабы с сентября до конца учебного года преподавание велось в едином направлении».

27.IV.1930

Профессор Якушевич

Вельмишановний Сергію Гавриловичу!

Вашого листа від 27/IV ц. р., де ви повідомляєте про термін закінчення Вашої професорської діяльності, я одержав й зауваження взято до уваги. Як директор медінституту вважаю за свій обов'язок висловити Вам подяку від імені всього інституту, з одного боку, за величезні труди, що їх Вами було проведено на протязі більш ніж тридцятирічної діяльності як викладача, навчителя та керівника студентів та лікарів, а з другого боку — також за те, що Ви, залишаючи нині свою посаду завідувача катедри шпитальної терапії, не лишаєте думки та турбот щодо майбутнього Вашої катедри.

Дозвольте мені побажати Вам ще довгий час продовжувати Вашу науково-дослідчу роботу на користь трудящого люду, сподіваюся, що Ви не відмовите спільними Вашими порадами та великим досвідом допомагати розвитку Медінституту взагалі й катедри шпитальної терапії зокрема й надалі.

Директор Ловля

М. РУДИЦЬКИЙ

ЗВІТУЄМО ПРО ЗВЕРШЕННЯ

Товариські зустрічі лікарів-«однокашників» стали традиційними у нашому інституті. Звичайно, дуже приємно просто зустрітися з товаришами по випуску і провести час в інтимній дружній обстановці, але наш випуск (1917–1922 рр.) не міг і не може обмежитись лише такою формою. Адже нам прийшлося в процесі навчання брати участь у великій перебудові життя в нашій країні. Ми засвоювали медичні науки в умовах Громадянської війни, інтервенції і саботажу з боку значної частини професури, яка спочатку не усвідомила значення Жовтневої революції. Деяким з нас прийшлося брати участь у роботі по реорганізації вищої школи при Нар-

компросі УРСР. Слід відзначити, що і настрої студентства у той час був далеко не однорідним. Радикально настроєне трудове студентство повинно було подолати впертий опір буржуазних елементів, які йшли в хвості реакційної професури.

Як не згадати таких наших вожаків, як Марія Скундіна — пізніше талановита співробітниця С.С. Юдіна, Абрам Аграновський, який став потім талановитим радянським журналістом, і багатьох інших.

Настав бажаний час і ми стали лікарями першого радянського випуску. Замість тимчасових посвідчень, які видавалися після встановлення Радянської влади, нам були видані дипломи. Перші радянські дипломи!

Наша перша зустріч відбулася лише через 25 років, і вилілася вона у свято не лише нашого випуску, але й нашої «альма матер» і всієї медичної громадськості Харкова. Про цю подію розповів журналіст А. Аграновський в «Літературній газеті» і на сторінках журналу «Огонек». Всі ми були тоді у розквіті сил, не досягнувши ще й п'ятдесятирічного віку. Було радісно дізнатись, що всі наші товариші від дільничного лікаря до професора проявили себе на роботі як активні будівники радянської охорони здоров'я.

На 35-річний ювілей на зустріч приїхав син нашого товариша по випуску Анатолій Аграновський. Переїнявши естафету від свого батька-журналіста, він надрукував нарис про нашу зустріч в «Літературній газеті» і у спеціальному збірнику, присвяченому зустрічам з цікавими людьми.

На 40-річчя ми зібралися вже з деяким трудом. Багато наших товаришів пішли на заслужений відпочинок, деякі не змогли приїхати за станом здоров'я і надіслали свої вітання. Роз'їжджалися ми, домовившись зустрітись напередодні святкування 50-річчя Великої Жовтневої соціалістичної революції. З цим всенародним святом збігається 50-річний шлях, пройдений нами, починаючи зі студентської лави. Водночас ми відзначимо і 45-річчя нашої лікарської діяльності. Ми мріяли святкувати цю знаменну дату у можливо більш повному складі... З почуттям глибокого суму ми при кожній зустрічі вшановуємо пам'ять товаришів, що пішли від нас. Трапилось так, що серед нас на цю особливо важливу зустріч не приїде М.П. Новаченко, який був одним з найбільш яскравих представників нашого колективу. Мені випало щастя дружити з ним, починаючи з гімназичних часів, і я особливо глибоко відчуваю гіркоту цієї втрати.

Під час зустрічей кожний з нас звітує про звершене. При цьому всі формальні показники відходять на другий план. Ті з нас, які досягли успіху у житті, повинні подумати про те, якими засобами добилися його і в якій мірі були корисними загальної справі. Добре мають почувати себе ті, хто відстоював чистоту принципів позицій в особистому житті і на роботі, відмовляючись від легких шляхів.

Так, відповідальна зустріч відбудеться у членів нашого дружного колективу. Збагачені великим життєвим досвідом, ми повинні уважно придивитися до пройденого нами шляху і знайти у собі сили для дальшої корисної діяльності і зміцнення нашого товариського союзу. Адже нам

слід ще відзначити 50-річний ювілей нашого славного випуску — перших лікарів радянської формації. Я вірю, що ми з честю справимось з цим почесним завданням.

І.І. ВЕЛЬВОВСЬКИЙ

МИ ПРИЙШЛИ З РЕВОЛЮЦІЄЮ (Спогади старости)

В інститут ми поступали в період між Лютневою і Жовтневою революціями — велике число дітей рядових службовців, ремісників, селян, робітників і людей, що попрацювали на ниві медицини, — фельдшерів, фармацевтів, екстернів.

У переддвір'ї Жовтня і з перших Жовтневих днів більшовицька організація в особі студентської фракції впливала на всю діяльність студентських організацій, боролася з ще досить активними представниками буржуазних і дрібнобуржуазних партій. Наші студенти були у «бойових десятках», що примкнули до пролетарських заводських загонів товаришів Кіна і Покко, які охороняли більшовицькі ради робітничих, солдатських і селянських депутатів. Наш курс ішов за більшовицькими студентськими лідерами Харкова — медиками О. Суриком, М. Безчетвертновим, технологом І. Якіром, за комуністичним осередком, що утворився пізніше в інституті. У період, коли Харків захопили петлюрівці, кутепівці та інше контрреволюційне охвістя, наші студенти виступали з промовами на сходках, зривали мобілізацію.

Коли сформувався свій комуністичний осередок, студенти розгорнули велику діяльність по створенню Будинків пролетестудентства, Кубуча, по розвитку мережі ідалень, організації студентської лікарні тощо. Наш курс відіграв значну роль у пролетаризації форпостів науки, в організації наукової асоціації спілки «Медсантруд», в реорганізації Харківського медичного товариства.

Студенти в перший же рік революції підтримали прогресивних викладачів — В.П. Воробйова, П.І. Шатілова, В.Я. Данилевського та інших. Згадую участь студентів нашого курсу у створенні професором Воробйовим анатомічного музею. Це ми випилювали з фанери афоризми і цитати, які і тепер прикрашають стіни «анатомки».

Наша молодь організовувала курси віспоприщеплення, масажу, догляду за хворими. Завдяки цим курсам велике число студентів було підготовлено до боротьби з епідеміями, до догляду за тифозними хворими, а зібрані гроші йшли на горельєфи, препарати і меблю «анатомки». На них були куплені дорогі тоді фарби, якими створена другом професора Воробйова, відомим художником Любимовим, фреска «Леонардо да Вінчі біля трупа». Своєю працею мої однокурсники брали найактивнішу участь у будівництві радянської вищої школи, радянської культури.

Г. ФЕДОРОВ

ЗА ПОКЛИКАННЯМ

Поступаючи на медичний факультет Харківського університету в 1917 році, я мріяв стати хорошим лікарем. Після закінчення його у 1922 році для спеціалізації мене було направлено до факультетської хірургічної клініки медичного інституту, де більше 8 років я працював у професорів М.П. Трінклера і В.М. Шамова. Робота під керівництвом таких крупних вчених і хірургів дозволила мені удосконалити знання і здобути практичний досвід з різних розділів хірургії.

Коли у 1931 році я включився у практичну роботу в 9-й лікарні Харкова у О.І. Мещанінова, то переконався, що мої мрії і прагнення здійснюються в дні важких випробувань для нашої країни. Будучи провідним хірургом медсанбату окремої дивізії з листопада 1941 року до січня 1942, я брав активну участь у захисті Москви, а потім у розгромі фашистів під Москвою. Робота і виховання молодих спеціалістів завжди була джерелом моїх радостей. Праця в лавах Радянської Армії дозволила врахувати досвід хірургічної роботи і підсумувати його у кандидатській дисертації «Лікування гнійного плевриту вогнестрільного походження (лікування відкритого пневмотораксу)». Викладацька робота в Інституті удосконалення лікарів також допомогла врахувати досвід мирної і військово-польової хірургії.

Тепер я знову на практичній роботі в стінах 9-ї лікарні, що виховала мене і зробила хірургом. Я відчуваю, що життя пройшло не даремно і що я, як і раніш, проводжу важливу роботу з надання допомоги населенню і з виховання медичних кадрів. Цілі, поставлені мною на зорі юності, здійснюються.

ПРО ЗУСТРІЧ ВИПУСКНИКІВ ПЕРШОГО РАДЯНСЬКОГО ВИПУСКУ

Ю.Г. ДОБРІН

Київ, Інститут експериментальної і клінічної онкології

...Згадую давно минулі дні, своїх товаришів по курсу. Я з О. Рабухіним почав свою «госпітальну терапію» в 891-му червоногвардійському висипнотифозному госпіталі у Харкові. Пам'ятаю, як з Паперним ми робили нічний обхід при каганцях і вирішували, кого ще можна врятувати камфорою, купленою на наші особисті дуже невеликі гроші. Багато з нас у перші студентські роки носили на одному плечі гвинтівку, на другому — санітарну сумку.

З. ГОРКІН, ХАРКІВ

...Минуло 45 років з дня закінчення Харківського медичного інституту. Багато з лікарів того випуску продовжують трудитися на славу нашої Батьківщини, беруть участь у будівництві комунізму у нашій країні.

Щастя наше, що живемо і працюємо в Країні Рад, в країні, осяяній генієм Леніна, в країні, де основна мета — все для людини, в ім'я людини.

Г. ІСТОМІН

ДНІ МИНУЛІ, НЕЗАБУТНІ...

Минуло 45 років після закінчення Харківського медичного інституту. Кидаю всі справи і їду на побачення зі своїми товаришами. Знов стануть переді мною живі, яскраві образи, незабутні вчителі — професори В. Воробйов, О. Репрьов, П. Шатилов, П. Ломакін, К. Папьянц, В. Коган, К. Платонов — всі, хто прищепив нам жадобу праці для людини, для збереження її здоров'я — найціннішого капіталу нашої країни, образи тих, хто вчив нас бути чесними, правдивими у нашому благородному труді, образи комуністів інституту, що вели нас на захист Радянської держави.

45 років праці... Дуже багато пережито, багато створено, та все ж, здається, мало. Як і вартіві на посту, стоїмо ми до цього часу біля ліжка хворого і вдень, і вночі, несемо чергування по екстреній хірургічній допомозі. Мій шлях схожий на шлях багатьох моїх товаришів по курсу: сільський лікар, потім 10 років працював хірургом-асистентом клініки, з першого до останнього дня — на фронтах Великої Вітчизняної війни. Згадуються окопи Сталінграда, битва на Курській дузі, де мене було поранено і контужено.

Зібравшись разом, ми згадаємо минулі дні і роки золотої юності, наберемося сил для нових звершень, для боротьби за здоров'я і продовження життя радянських людей. Ще поживем, попрацюємо на ниві охорони здоров'я, внесем ще великий вклад у нове життя.

Вітаю всіх, хто зібрався і хто не міг приїхати на наше свято, бажаю всім жити в радості, сто років без старості.

КУРСАНТЫ МИЛИЦИИ. ЛЮДИ ДЕЛА

- Николай Николаевич, Вас можно к нашему столу?
- Николай Николаевич, будьте добры, подойдите к нам.
- Николай Николаевич, у меня что-то не ладится с микроскопом!

Возгласы и просьбы несутся со всех концов аудитории, где занимаются курсанты ЦВШ (Центральной высшей школы милиции).

И Николай Николаевич Бокариус, заместитель директора Института научно-судебной экспертизы, вышагивает в своем коротком чистом белом халате от стола к столу, от курсанта к курсанту с невозмутимым спокойствием, с неизменной для всех улыбкой.

Для него абсолютно безразлично, обращена ли к нему просьба, вопрос или недоумение грубо, вежливо или дерзко, что, к несчастью, иногда с курсантами случается. Его интересует одно — удовлетворить каждого, чтобы не осталось недопонятых вещей. Его интересует и другая мысль: чтобы все, добытое им и его отцом за долгие десятилетия, дошло до голов тех, кто за этим приехал сюда из Москвы, и утвердилось в сознании. Этот тяжелый труд не надоел ему в течение долгих 17 лет, которые он посвятил институту.

Изо дня в день, отдохнув в сутки несколько минут, он в аудитории раньше всех, всегда хлопотлив, занят работой по приготовлению к наступающему дню. Всегда невозмутимо ровный, спокойный, с одной заботой — как бы не выйти из рамок плана и не сорвать трудовой день. Все это делается искренно, самоотверженно. И что интересно — все окружающие его сотрудники носят на себе тот же самый отпечаток: всегда вежливые, дружески настроенные, они то и дело снуют от стола к столу, преодолевая затруднения, которые возникают в головах курсантов.

Аккуратность, точность, разумная система дышат всюду и руководят всем. Каждая мелочь, книжка, микроскоп — под своим номером и на своем столе. Все до конца продумано, во всем этом видна та же аккуратность, чистота и разум, которые исходят от вдохновителей работы этого института. Мы чувствуем себя слишком мало подготовленными, чтобы подробно говорить обо всем. Очевидно одно: в институт вложен большой ум, еще больший труд и богатый опыт, и это создает одну монолитную картину учреждения. Еще сырые головы рядовых работников перековываются в научные кадры юридического мира.

От всех сотрудников и обстановки веет одним — это люди, которые то-нут в тяжелом труде, не крича о своем самопожертвовании, не бахвалясь, а усердно, безымянно, без лишних слов берут барьеры в подготовке абсолютно необходимых для нашей страны кадров. Больше таких людей — короче будет путь к разрешению остро стоящей проблемы кадров.

Украина может гордиться тем, что в ее распоряжении имеются такие образцовые учреждения и люди, посвятившие свою жизнь научному оформлению криминальных дисциплин.

Є.М. ЕКЕЛОВА-БАГАЛІЙ

НИВА ЖИТТЯ

Я завжди знала, що буду психіатром. Народилася я в сім'ї лікаря Екелова у місті Ярославлі, із трьох років мешкаю у Харкові. Жили ми на вулиці Дмитрівській 19/2 із 1920 року, а під нами на другому поверсі — професор музики Горовець, який жив із дружиною і двома доньками та працював у консерваторії. Там я мешкала до того моменту, поки я не вийшла заміж. Батьки жили там до евакуації, поки не переїхала в цю квартиру. (Йдеться про будинок Дмитра Івановича Багалія — відомого харківського історика, що на вулиці Фрунзе, 9, — авт?). У цій квартирі я мешкаю із 1939 року. Я трішечки запнула, тому що я так часто була в цій квартирі до 1939 року, що втратила межу часу коли я переїхала сюди.

Після закінчення 7 класів, поступила навчатися у Харківський електро-механічний технікум. Це був час індустріалізації і, звичайно, я не мислила свого життя поза технікою, без своєї участі в індустріалізації країни.

У технікумі я навчалася добре, і хоча після технікуму було прийнято два роки відпрацьовувати, тим, хто навчався відмінно (5%), дозволялося відразу поступати в інститут. Тож і віднесла документи до Харківського електротехнічного інституту...

Мої батьки, як завжди, поїхали на заробітки. Тато був лікарем, мама спеціальності не мала. Тому тато наймався лікарем в якийсь будинок відпочинку. Окрім чергової відпустки, він брав відпустку за свій рахунок, а мама працювала там кастеляншею, сестрою-господаркою

та ін. Ми з братом залишилися в Харкові. Трапилося так, що я зустріла свого приятеля, який запропонував мені заробити трохи грошей. Ну хто ж не хоче заробити у цьому віці? Почалася праця у нашому університеті (нині Каразіна). При ньому існував тоді університет культури, де читалися цикли різноманітних лекцій. Мені доручили організувати лекторів, аудиторію забезпечував університет. Лекції читалися зі стану нервової системи, неврозів та психіатрії. Там я і познайомилася із професором Євгенієм Олексійовичем Поповим. Він був чудовим лектором...

Не сказавши нічого батькам, я забрала свої документи із ХЕТІ і віднесла їх в Інститут психоневрологічних кадрів, який діяв тоді при Психоневрологічній академії і готував лікарів невропатологів і психіатрів. При академії також було фельдшерське училище, котре готувало середній медичний персонал для неврологічних і психіатричних клінік тому, що робота середнього персоналу у подібних закладах відрізняється, скажімо, від кардіології. Були ще шестимісячні санітарні курси. Психоневрологічна академія розташовувалась на території Сабурової дачі. Там починався і наш Інститут, спочатку він називався Інститут психоневрологічних кадрів. Першим директором був Чарний. Потім його об'єднали з виробничим факультетом, на якому навчалися фельдшери. Зробили 2-й Медичний інститут, в якому було два факультети — психоневрологічний і лікувальний. Його я вже й закінчувала.

Дивно сьогодні про це думати, але, поступаючи в інститут, я точно знала, що я стану психіатром, що не часто буває з тими, хто поступає на перший курс. На мене, в першу чергу, вплинули чудові лекції професора Попова і психіатрія взагалі... Як тільки-но я стала студенткою, витримала випробовування на вірність психіатрії. Було це так. Студент третього курсу Шогам, який згодом став доктором наук, професором із психіатрії, та чудова людина Петя Бірюкович, який у Києві пізніше став заслуженим діячем науки, потім професором, говорять мені:

– Ти хочеш бути психіатром?

– Так.

– Ми зараз влаштуємо тобі випробовування. Якщо ти його витримаєш, тоді ти будеш психіатром.

Мене відвели в гостре психіатричне відділення і сказали:

– Ми прийдемо за тобою через годину.

У ті роки не було тих ліків, які дозволяють сьогодні хімічно «зв'язувати» хворого. Хворі були збуджені, кричали, могли кидатися одне на одного, на лікаря, тому санітари мали бути постійно на сторожі. Зараз є галапаридол, зробили хворому ін'єкцію — він одразу заспокоївся. Тоді ж нічого цього не було. Годину я провела в цьому відділенні — нічого, витримала. Тоді вони погодилися: «Будеш психіатром!»...

У мене 65 років трудового стажу. 130 за загальним обрахунком, тому що психіатрам зараховується подвійно. Усі 65 років я працювала лише психіатром. І жодного дня не працювала кимось іншим....

Поступила в інститут я в 1934 році, а закінчила його у 1939 році. Інститут був дуже цікавий, тому що у 1-му Харківському медичному інституті були сталі традиції, професори, які багато років читали лекції і яким це було нудно, їм набридли студенти, але все це вони робили дуже добросовісно. У нашому інституті професорський склад в основному був молодий — там не всі були і професори, були й доценти, але всі вони були ентузіастами, закоханими у свою справу, — у викладання, у своїх студентів. У нас була дуже цікава програма навчання. Ми вивчали все те, що й на лікувальному факультеті, плюс розширений курс психіатрії та неврології, тому що ми були єдиним психоневрологічним факультетом, який готував психіатрів і невропатологів для всього колишнього Радянського Союзу, а як показав мій особистий досвід, так і за його межами.

Пам'ятаю своїх вчителів, зокрема, професора хірурга Недохлебова, який говорив нам так: «Оперувати можна навчити і мавпу, а от виходити хворого після операції може лише людина». Правило, яке нині зовсім забуто. Він залишався на окупованій території під час війни і тут загинув, але як це сталося, не знаю.

2-й Харківський медичний інститут був евакуйований у Фрунзе і звідти не повернувся, але архів інституту зберігається у 1-му медінституті.

Знала я й Костянтина Івановича Платонова, але не можу сказати, що я була з ним у дружніх стосунках. Тоді дуже активно працювало Наукове медичне товариство, на засіданнях якого він часто виступав. Костянтин Іванович був дуже приємною людиною у спілкуванні, м'який, доступний, до нього можна було звернутися із будь-яким питанням, він із великим бажанням допомагав усім — своїм колегам і просто людям. Він був чудовою людиною. Десь у Харкові живе і працює його племінниця. Шанований мною Євген Олексійович Попов був крупним ученим, розробив спеціальну фазогальмівну теорію галюцинацій, яку ніхто не зміг заперечити. Він був блискучим лектором, клініцистом, керував клінікою, доки його не забрали до Москви, де він завідував кафедрою психіатрії у 1-му медичному інституті. Він був порядною людиною, що не завжди, між іншим, притаманно професорам. Був великим ерудитом, знав все. Коли він поїхав до Москви, то залишився керівником моєї дисертації, забрав її із собою. Обіцяв, коли її вичитає, пришле мені назад. Мені його дружина сказала по телефону: «Якщо ви хочете, щоб він її прочитав, ви повинні приїхати». Я приїхала і жила в Москві два тижні. Першого дня ми приїхали з ним в клініку, і він мені цікаво розповідав про Москву. У нього була надзвичайна пам'ять і ерудиція.

Коли я приїхала, то ми разом вичитали дисертацію. Я була в нього на кафедрі в Москві і сама бачила, з якою повагою до нього ставилися співробітники, яким авторитетом він користувався. Євген Олексійович Попов став членом-кореспондентом Академії наук. Із Харкова їх не так багато, хто потрапив у велику академію, але це було заслужено, оскільки він багато зробив у психіатрії. Таким я собі уявляю справжнього академіка...

В інституті я навчалася добре, була відмінницею, портрет не сходив із «Дошки пошани». Крім того, була палкою комсомолкою, такою громадською активісткою, що нині дивуюся, звідки у мене бралися сили. Була заступником секретаря комітету комсомолу всього 2-го медінституту, виконувала все із задоволенням і радістю.

Закінчила я інститут у 1939 році і мене залишили в аспірантурі при кафедрі психіатрії під керівництвом Тихона Івановича Юдіна. (про нього можна прочитати у «Третій роті» Володимира Сосюри, С. 265–269 — від ред.). В аспірантурі мені довелося навчатися 7 місяців.

Перший український психіатр у Монголії. На самому початку аспірантури мене викликали у спецчастину, де представник Міністерства охорони здоров'я Радянського Союзу довго зі мною розмовляв і нічого мені не сказав. Мало з ким доводиться розмовляти в житті! Я продовжувала навчання, через 7 місяців приїхав гість із Москви і сказав, що я мушу їхати працювати у Монголію, що Радянський Союз повинен допомагати цій країні, адже Монголія — це країна, яка забезпечує безпеку наших кордонів. Він наголошував, що це надзвичайно відповідальне завдання тощо.

Мені дуже не хотілось їхати, за цей час я вже вийшла заміж за свого Юрія Володимировича Багалія (Онука Дмитра Івановича Багалія — авт.), з яким зустрічалися багато років. Але я була так вихована, не батьками, комсомолом, що відмовитися від державного доручення не могла. 1 липня 1940 року я виїхала в Монголію, де стала головним лікарем Республіканської психіатричної лікарні, але завжди лишалася лікарем психіатром. Тоді я була єдиним психіатром на всю Монголію.

Н.І. ТРУТЕНЬ

ЕСТАФЕТА

У 1922–1923 роках при Харківському медичному інституті було створено робітфак. Восени 1923 р. на ньому навчалася близько 200 чоловік. В основному це була робітнича молодь, бідняки-селяні. Певну групу становили демобілізовані червоноармійці, в основному члени партії. Серед колишніх бійців Червоної Армії була у нас представниця легендарної Чапаєвської дивізії Маруся Попова, яка ввійшла в історію під ім'ям

«Анки-кулеметниці». Закінчивши робітфак, вона вступила в інститут немедичного профілю і працювала до Великої Вітчизняної війни у торгпредстві СРСР у Берліні.

Умови для занять у ті роки були важкі. Самим доводилося заготовляти дрова і вугілля, опалювати навчальні кімнати і гуртожитки. Працювали також в ідальні, мили підлоги, прибирали навчальні кімнати; активно працювали на суботниках і недільниках, допомагаючи відбудовувати народне господарство.

На початку жовтня 1923 року, коли німецький пролетаріат високо підніс червоний прапор боротьби з капіталізмом, ми, робітфаківці, на одних із своїх зборів дали клятвену обіцянку В.І. Леніну і Г.І. Петровському. Відтоді минуло більш як 40 років, і тепер, оглядаючись назад, можна твердо сказати, що колишні робітфаківці клятви своєї додержали — стали активними борцями за справу В.І. Леніна, активними будівниками комунізму.

Величезна більшість з нас працює в галузі охорони здоров'я на різних посадах — від дільничного лікаря й до професора, завідуючого кафедрою. Колишній робітфаківець П. Шупик тривалий період часу був міністром охорони здоров'я УРСР, професорами стали П. Євдокимов, А. Налбат та інші. А. Макарченко є академіком Академії наук УРСР.

Багато наших однокурсників роз'їхалося неосяжними просторами нашої Батьківщини й тривалі роки вони трудяться, відновлюючи та оберігаючи здоров'я радянських людей. Працюючи тривалий період у частинах Червоної Армії на Далекому Сході, мені доводилося зустрічати там багато колишніх робітфаківців. У 1932 році молодий лікар Коля Шершньов, колишній вихованець колонії імені Ф.Е. Дзержинського, за комсомольською путівкою поїхав на будівництво міста юності Комсомольська-на-Амурі й ось уже протягом 35 з лишком років працює там на посаді лікаря-рентгенолога. Багато колишніх робітфаківців веде викладацьку і наукову роботу в інститутах, готуючи гідну зміну — молодих лікарів, відшукуючи нові методи й способи підвищення ефективності лікування тих або інших захворювань. У тяжкі роки Великої Вітчизняної війни багато хто з нас працював у госпіталях та інших армійських медичних закладах.

Пройдено майже сорокарічний шлях лікарської діяльності. Прості робітники й селянські хлопці та дівчата, волею нашої Комуністичної партії ми здобули багаті знання, стали висококваліфікованими спеціалістами.

Невпізнанно виріс і змінився й наш Харківський медичний інститут, який нині є одним з найбільших медичних вузів країни.

Крім великої навчально-виховної роботи, в інституті розгорнуто багатогранну науково-дослідну роботу, спрямовану на розробку нових методів діагностики й лікування ще недосить з'ясованих захворювань.

Про свої наукові досягнення не раз доповідали на міжнародних конференціях і симпозіумах професори Б. Альошин, І. Грищенко, Л. Мала, А. Утевський, Р. Синельников та багато інших.

Не згасає в серцях сучасників вогонь перших робітфаківців, примножуються їх досягнення.

ВИТЯГИ З НАКАЗІВ ПО ХАРКІВСЬКОМУ МЕДИЧНОМУ ІНСТИТУТУ

№132 від 21 серпня 1930 р.

§ 1. У зв'язку з тим, що з нового навчального року з 1/IX ц. р. книгозбірня ХМІ постачатиме підручники для студентства, платня за користування книжками із книгозбірні ХМІ скасовується, але за несвоєчасне повернення книжок накладається штраф в розмірі 3 коп. за добу на студента і 8 коп. на добу на викладача.

№147 від 20 вересня 1930 р.

§ 3. У зв'язку з розпорядженням Харківського округового виконавчого комітету, що його оголошено в «Харківському пролетарі» за ч. 201 від 31/VIII-30 про точний облік службовців установи щодо знань української мови пропонується:

I. Всім службовцям, що не опанували достатньо української мови, вступити на Державні курси українознавства (майдан К. Маркса, 2) для вивчення мови або скласти іспити екстерном. Від вивчення української мови та складання екстерно звільняються:

1) особи, що закінчили вуз у 1928, 1929, 1930 рр.

2) службовці, що склали іспит на першу категорію 1928/29 та 1929/30 навчального року (після 1 вересня 1928 р.)

II. Виконуючи свої обов'язки в установі, розмовляти так проміж себе, як і з відвідувачами українською мовою. Переведення обліку доручається лікареві Вороному Ю.Ю.

Осіб, що відмовляються вступати на курси і не складуть іспити екстерно, не маючи на те слушних причин, буде притягнуто до відповідальності в адміністративному і громадському порядку.

№156 від 2/X-1930 р.

§ 1. 4 жовтня ц. р. весь Харківський медичний інститут: студенти, викладачі та службовці відробляють «воскресник» на тракторобуді. Пропонується всім завідувачам кафедр залишити на кафедрах та клініках лише конче потрібний персонал для їх обслуговування, а весь останній персонал направити на тракторобуд.

№11 від 23/1-1931 р.

§ 15. Пропонується секретареві інституту вести облік нотаток в газеті «Рефлекс», що стосується до роботи учбової й господарської частини інституту, та кожний раз давати мені на розгляд. Завести облік відповідей і зазначати, чи виконано те, що зазначено в нотатці.

Д.О. АЛЬПЕРН

ШТУРМУЄМО ФОРТЕЦІ НАУКИ

Всім відомо, наскільки директиви партії та уряду про підвищення якості кадрів найшли відгук у серцях і тих, хто викладає, і тих, хто навчається. Але для того, щоб ще краще виховувати наших радянських лікарів, підняти якість навчання, треба стати ближче до молодих товаришів студентів, краще вивчати людей, де потрібна допомога — допомогти, підбадьорити, запобігти розчаруванню, розкрити широко доступ до тайників науки і практики лікування хворих. Це завдання правильно зуміло вирішити в загальній системі нашого медичного вишівського життя Студентське наукове товариство.

Де кілька дат і цифр: організоване 5 років тому Студентське наукове товариство спочатку об'єднувало лише 60 студентів, а цього року, внаслідок роботи всіх громадських організацій інституту, ми маємо 569 членів СНТ, що систематично збираються раз на місяць і заслуховують доповіді, обмірковують тему і т. д. Ентузіазм, жадоба знань, наполегливість, сміливість у завоюванні висот науки. Така наша студентська молодь, що працює в СНТ, а таких немало, із 42 гуртків різних національностей; 10 гуртків підвищеного типу, що ведуть експериментальну й клінічну роботу на задані оригінальні теми. Ці наслідки молодих зусиль уже відображені у журналах Студентського наукового товариства і в 14 трудах: у ювілейній збірці до 125-річчя Харківського медичного інституту.

Соціалістичне змагання зі Студентським науковим товариством інших вишів, чуле ставлення до потреб МОЛОДИХ товаришів з боку професури й асистентів, таких як Цейтлін, Вінокуров, Фрішман, Утевський, Мінкін, Фельдман, Гайсинська; виховання таких ударників-студентів, як Дубінський, Жданов, Круглов, Віляев, Чернишов, Чигиринець, Маслик та ін. є запорукою тому, що ми підемо далі і ще ширше розгорнемо цю роботу. У дружній колективній роботі куються молоді сили. Круглов зуміє справитись з операцією, Гольдбліт уміє добре визначити цінність різних сортів хліба, Тантлевська вже зараз багатообіцяючий працівник на кафедрі фізіології. Усіх не перелічиш. Бо лише за один рік у гуртках було зроблено 100 доповідей на різноманітні актуальні теми медицини. Гарні, буйні

сходи треба берегти. Вони спіють, як хліб на наших соціалістичних ланах. Це майбутні працівники медицини в місті й на селі, майбутні капітани нашої науки. Так СНТ рапортує ювілеєві.

Ми можемо рости ще швидше, ще краще. Треба в гуртки студентської наукової думки влити більше комуністів і комсомольців, більше більшовиків, партійних і непартійних, тих, хто першими перемагає на землі і в повітрі, хто буде гіганти заводи, освоєю Арктику, завойовує стратосферу. Наша молодь — всепереможні ентузіасти, що захоплюють наївно до себе усіх, — вірна запорука побудови нашого молодого, радісного, щасливого життя.

Д.С. ЛОВЛЯ

**В.Я. РУБАШКІН
ЯК УЧЕНИЙ, ПЕДАГОГ
І ГРОМАДСЬКИЙ ДІЯЧ**

Несподівано на п'ятдесят шостому році життя вмер заслужений професор В.Я. Рубашкін. Умер найвидатніший науковий працівник, талановитіший організатор педагогічного процесу, справжній радянський громадський діяч, що з ентузіазмом віддавався справі, яку взяв на себе. Радянська наука, вища школа, наше соціалістичне будівництво зазнали справді тяжкої втрати.

У науці професор Рубашкін не полюбляв проторованих шляхів, а сміливо шукав нових. Більшість його праць набирала великого розміру. Хто не чув про його роль в опрацюванні питань про кров'яні угруповання? Хто не знає його недавньої праці про форми організації протоплазми — праці, пов'язаної з розробленням науки про синцитії та симпласти, що накреслила розв'язання найважливішої в біології проблеми про клітину, про її утворення, зростання й перетворення і мала поряд з цим велике методологічне значення? Хто не знає про премію від Наркомату праці професору Рубашкіну з гістології центральної нервової системи? Хто, нарешті, не знає ролі Протозойного інституту, який організував Володимир Якович, в боротьбі з малярією?

Раніше за інших Володимир Якович глибоко продумав, зрозумів потребу озброїтися марксистсько-ленінською методологією і з властивим йому

завзяттям та ентузіазмом поринув у цю справу. 1929/1930 навчального року ми на широких зборах професорів і викладачів зачитали його програму з гістології як зразкову. Не афішуючи зайво, не оперуючи діалектичними гаслами, а справді діалектично, науково пояснюючи той чи той процес, В.Я. Рубашкін дав у своїй програмі правильні методологічні настановлення, не просто відкидаючи, а науково спростовуючи теоретичні помилки ідеалістичної та механістичної школи. Його програма — глибоко продуманий, науково-обґрунтований, багатий на фактичні матеріали документ, читач виразно розуміє марксистсько-ленінські автори методологічні настанови. А настанови ці в його даних не оглядні, а постають із глибоко опрацьованого фактичного матеріалу. Висновки впливають не штучно, а природно, науково. Радянська наука втратила найвидатнішого ученого спеціаліста і прогресивного методолога у галузі біології та гістології.

Працюючи трохи не три роки з професором над будівництвом і реорганізацією вищої медичної освіти, вважаю, що ми можемо сміливо сказати — в особі Володимира Яковича медична школа втратила справжнього революціонера-педагога. 1929/1930 навчального року він як декан факультету (фактично — керівник навчальної частини ХМІ) здійснює ухвали пленумів ЦК ВКП(б) про реорганізацію вищої школи. Мені не забути зборів викладачів і студентів, де він доповідав від імені правління інституту план переходу до активних форм навчання й ліквідації іспитів в їхній шкідливій формі, що нічогісінько не дає. На зборах — атмосфера певної недовіри, побоювання поодиноких професорів, і активна, некритична вимога деяких студентів — негайно ліквідувати іспити.

Володимир Якович вмить схоплює тільки позірну розбіжність між двома цими групами і з властивим йому тактом указує на однакову по суті помилку і професорів, і студентів: він доповідає не про ліквідацію звітів, а про активні форми роботи студента, активні форми перевірки, і вже звідси треба зробити висновки про скасування звітів як непотрібну методу перевірки при активних методах роботи студента й викладача. І коли Харківський медичний інститут зумів уникнути небезпечних перегинів, то в цьому чимала заслуга В.Я. Рубашкіна.

Найактивніший член усіх методичних комісій інституту, освічений методист, він активно опрацьовує нові шляхи вищої медичної школи, вивчає, перевіряє, застосовує нове в методиці викладання, що може призвести до поліпшеної постави викладання. І навіть коли В.Я. Рубашкін не працював уже в апараті інституту, ні разу не траплялось, щоб ми, керівники інституту, не порадилися би з ним в тому чи тому важливому методичному питанні. Чому було так? Бо ми знали, що він з його великим педагогічним досвідом висловить одверто свій погляд, виявить позитивні й негативні риси того чи того проекту і, якщо проект подає надію поліпшити роботу кафедри, не тільки з ентузіазмом підтримає його, але і неодмінно попросить цей проект проробити, як спробу, саме на його кафедрі. І можна було бути спокійним: все добре і цінне у проекті буде виявлене й взяте до уваги, а все непридатне, шкідливе — відкинуте.

За останній час, з утворенням багатьох нових факультетів, Володимирові Яковичу запропоновано, як і всім керівникам кафедр, практично здійснити профільну спрямованість викладання на факультетах. Надто потрібно й важливо було опрацювати цю профільну підготовку для нового психоневрологічного факультету. Кафедра мала небагато даних, щоб організувати роботу з майбутніми психоневрологами. Проте кафедра професора Рубашкіна єдина цілком справилася з цим дуже тяжким завданням. Недарма на одностайну вимогу студентства він дістав на загальних зборах інституту найвищу нагороду — його визнано за найкращого ударника-професора.

Не варто говорити про роль В.Я. Рубашкіна в утворенні інституту імені Мечникова. Тут його роль організатора й ідеолога незаперечна. Організація наукового та навчального життя — два питання, що їм він приділив максимальну увагу.

В.Я. Рубашкін умів не тільки сам працювати. Він зумів організувати такий колектив, що разом з ним невтомно працює для науки, для школи. Авжеж мало яка кафедра може похвалитися таким станом, коли для асистентів, аспірантів, висуванців кафедра стала не тільки за місце, де вони працюють 6–8 робітних годин, а обернулася на рідну, близьку справу, якій люди віддаються, не зважаючи на годину. Хоч коли зайти на кафедру, її колектив завжди там — за мікроскопами, за налагоджуванням нового апарата для демонстрацій, за приведенням кафедри до стану повсякчасної готовості. Вища медична школа взагалі і Харківський медичний інститут насамперед втратили свого найкращого професора, керівника кафедри, організатора справді працездатного колективу, сміливого будівника соціалістичної вищої школи.

Поряд великої наукової й педагогічної діяльності В.Я. Рубашкін завжди брав найактивнішу участь у громадському житті. Навіть більше — ця громадськість його так щільно переплетена з науково-педагогічною роботою, що він був справжнім радянським новим вченим, який зумів сполучити, органічно пов'язати для багатьох ще не сполучне, непов'язане.

В.Я. Рубашкін з ентузіазмом стежив за успіхами соціалістичного будівництва. Він радів кожній новій будівлі, він без краю радів зростанню нашої молоді, стежив за її успіхами, активно допомагав та сприяв цим успіхам. Не раз він говорив про свою любов до життя. Він прагнув бачити наслідки нашої боротьби, він уже бачив нашу перемогу. Ми з правом назвемо його нашим радянським ученим, щирим другом нашого пролетарського студентства. Авжеж, він не був зв'язаний корінням з нашим революційним рухом. Був, видно, час, коли, не розуміючи цього руху він поділяв переконання більшості інтелігенції про згубність шляху, що його взяла Комуністична партія. І саме на ньому, на процесі його поступового наближення до нас і перетворення в активного та щирого працівника соціалістичного будівництва з невичерпною глибиною і ясністю стверджуються слова Маркса, що найкращі генії людства, зрозумівши хід історії, придуть до пролетаріату і підуть разом з ним на боротьбу до перемоги.

І таким найкращим представником трудової інтелігенції, ученим, що цілковито пов'язав себе з нашим соціалістичним будівництвом, був Володимир Якович Рубашкін.

М.А. ТИЩЕНКО

**КАФЕДРА
ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ
АНАТОМИИ 1-го ХМИ**

Я закончила Харьковский медицинский институт в 1929 г. В этом году впервые вместо года стажировки после окончания института была введена трехмесячная интернатура для трех клиник, после чего меня приняли в аспирантуру на кафедре нормальной анатомии. Это была одна из самых сильных теоретических кафедр в институте. Возглавлял ее профессор Владимир Петрович Воробьев, работали на кафедре его ученики, уже в то время проявившие себя перспективными молодыми учеными: Ф.А. Волынский, А.Л. Шабадаш (впоследствии возглавлявшие кафедры анатомии в других городах), А.Н. Журавлев, К. Филонова. Техническим служителем в то время был настоящий мастер своего дела Митрофан Степанович Рудоменко, который впоследствии помогал В.П. Воробьеву при бальзамировании тела В.И. Ленина.

Меня сразу же подключили к преподавательской работе. Я была как бы инструктором при доценте Ф.А. Волынском и работала с тремя группами студентов. В связи с выполняемыми обязанностями меня зачислили ассистентом, но это в дальнейшем чуть было не помешало моей научной работе, так как меня отчислили из аспирантуры. С благодарностью вспоминаю, что Владимир Петрович лично обращался с письмом в Наркомат здравоохранения с просьбой о моем восстановлении.

Учась в мединституте, я мечтала быть хирургом, но судьба сложилась так, что я осталась работать на теоретической кафедре. Чтобы в какой-то степени быть ближе к хирургии, я предприняла попытку перейти с кафедры анатомии на кафедру патологической анатомии, что мне и удалось. Я по-прежнему общалась с сотрудниками кафедры анатомии, а с К. Филоновой нас связывала крепкая дружба.

В 1932 г. кафедру патологической анатомии возглавил профессор Е.Г. Земан. Кафедра работала в тяжелых условиях. Достаточно сказать, что в то время она не имела даже своей прозектуры, пользовалась прозектурой кафедры нормальной анатомии и услугами ее технического служителя М.С. Рудоменко, который обслуживал все вскрытия. В 1934 г. профессор Е.Г. Земан выехал в специальную командировку в Наркомат здравоохранения. После беседы с Земаном тогдашний нарком здравоохранения С.И. Канторович распорядился о выделении средств целевым назначением для строительства и обустройства прозектуры кафедры патологической анатомии ХМИ, которая была построена на территории клингородка. Таким образом, были созданы все условия для учебной и научной работы на кафедре.

Профессор Е.Г. Земан (отец — немец, мать — полька) был интересным человеком, известным ученым, блестящим лектором и докладчиком. Представитель школы ленинградского ученого Ф.Я. Чистовича, он был патоморфологом с экспериментальным уклоном. Он считал, что специальных диссертаций на соискание ученой степени писать не надо. Ученую степень правильнее было бы присуждать по совокупности работ на определенную тему. В связи с этим в течение нескольких лет его заведования кафедрой сотрудниками было опубликовано около 30 работ.

В 1937 г. профессор Е.Г. Земан неожиданно умер. Еще накануне я видела его в президиуме конференции, а утром Митрофан Степанович встретил меня сообщением о его смерти. Эта смерть, вернее, даже ее неожиданность, вызвала много толков и предположений, особую роль в которых (вспомним, какое это было время) играл факт его национальности. В присутствии совета профессоров профессором Меером было произведено вскрытие, гистологический анализ поручен был А.С. Налбат. Результат проделанной работы — причина смерти Евгения Георгиевича в застарелой болезни мозга.

Почти год на кафедре не было заведующего, и мне пришлось временно исполнять его обязанности. В 1938 г. кафедру патологической анатомии 1-го ХМИ возглавил профессор Анатолий Иванович Струков. Он был учеником Абрикосова и в своем руководстве кафедрой и научной работой придерживался совсем других взглядов. Прежде всего он побеседовал с каждым сотрудником кафедры. Доброжелательный и заинтересованный тон беседы располагал к откровенности с руководителем, люди делились своими мыслями, высказывали предложения. Вскоре мы получили темы для индивидуальной работы, занимались ими с интересом и большим чувством ответственности. В течение нескольких лет все защитились. В 1940 г. защитила диссертацию и я.

К началу Великой Отечественной войны я уже была замужем и имела двух маленьких детей. Муж перед началом войны был отправлен на военные сборы, откуда призван на службу. Началась подготовка к эвакуации института. Почему-то 1-й ХМИ получил для перевозки людей и имущества ограниченное количество мест и вагонов, и директор А.М. Гаспарян

вынужден был разработать определенную разрядку на эвакуацию коллектива института. Мне места не предоставлялось, и пришлось обратиться к наркому здравоохранения И.И. Овсиенко с просьбой о помощи. Он прикрепил меня с детьми к эвакуированному госпиталю, где я встретила Д.С. Ловлю и М.М. Зотина с семьями. Мне очень помогли их сыновья, которые в дороге присматривали за моими малолетними детьми. Дорога была тяжелая, ехали мы в эшелоне, но без довольствия, нас несколько раз высаживали, но в конце концов мы доехали до г. Куйбышева. А уже до Чкалова, куда был эвакуирован 1-й ХМИ, добирались подручными средствами.

В Чкалове удалось довольно сносно устроиться благодаря профессору А.И. Струкову. Он был не только великолепным патологоанатомом, но и прекрасным руководителем и чутким, душевным человеком. Он помог устроиться и моей семье, и семье А.С. Налбат, которая эвакуировалась с сестрой и племянницей и средств на существование им явно не хватало. В Чкалове А.И. Струков осуществлял очень большую научную и организаторскую работу. Он организовал несколько прозектур, полностью обеспечил нормальную работу кафедры, успешно работал над проблемой септической ангины, давал бесплатные консультации в детской больнице и др.

Хочется сказать несколько слов о Несторе Ивановиче Трутне. Я знала его еще аспирантом, который так же, как и я, сразу по приходу на кафедру факультетской хирургии был привлечен к активному участию в педагогическом процессе. Во время войны он был уже доцентом, много оперировал вместе с профессором А.З. Цейтлиным в госпитале, а в институте еще выполнял обязанности секретаря партийной организации. Он был очень надежным, ответственным человеком. Немногословный, иногда на вид несколько отстраненный от всех, он, тем не менее, всегда был в курсе всех институтских событий и, попросту говоря, был своим человеком. Ему доверяли и обращались со своими бедами и преподаватели, и студенты.

Жизнь и работа в условиях эвакуации были подчинены одной мысли: сделать все для приближения желанной победы над врагом. На всех кафедрах велась напряженная работа по подготовке медицинских специалистов для фронта и тыла. Обязанности заведующего кафедрой нормальной анатомии временно исполнял доц. Отелин в связи с тем, что профессор Р.Д. Синельников сопровождал тело В.И. Ленина в Тюмень и находился там в длительной командировке. Отелин с большой ответственностью относился к руководству кафедрой и по всем показателям всегда был впереди всех. Ему во всем помогала Бронислава Марковна Смолкина, пришедшая работать в институт именно в г. Чкалове.

Наконец пришло сообщение об освобождении Харькова. Готовимся к отъезду домой. По сравнению с тем, как мы эвакуировались, возвращение проходило почти в комфортных условиях: я с детьми занимала купе вместе с доцентом Манбург с сестрой. Вид Харькова, разрушенного, разбитого, обгоревшего, поразил нас всех. Восстанавливали помещения для занятий, возвратившихся из Чкалова временно поместили в общежитие

на ул. Веснина. Ютились здесь до 1948 г., вместе с нами был уже и мой муж, демобилизованный в 1946 г.

Хочется вспомнить о техническом работнике кафедры анатомии, о котором я уже упоминала, М.С. Рудоменко, который, на мой взгляд, совершил в годы оккупации фашистами Харькова настоящий гражданский подвиг. Дело в том, что здание мединститута по ул. Сумской, 41 немцы облюбовали под госпиталь и потребовали его очистить. В этом здании располагались музеи кафедр нормальной и патологической анатомии. И вот с несколькими добровольными помощниками Митрофан Степанович перенес уникальные музейные экспонаты в здание теперешней кафедры анатомии. В годы оккупации М.С. Рудоменко устраивал платный показ коллекции уродцев для желающих, за вырученные деньги добывал топливо и кое-как отапливал помещение. Так были спасены редчайшие экспонаты анатомических музеев, которые и сейчас служат делу подготовки врачей.

Вспоминаются интереснейшие рассказы Р.Д. Синельникова, К. Филоновой о работе по восстановлению бальзамированного тела выдающегося хирурга XIX в. Н.И. Пирогова. Первоначально бальзамирование было произведено по желанию жены Пирогова сразу после его смерти и по его рецепту. Тело врача было помещено в закрытый саркофаг, видны были только лицо, руки и золотая шпага, усыпанная драгоценными камнями. По преданию, она была подарена Николаю Ивановичу сербским царем за услуги, оказанные им одному из членов царской фамилии. Во время войны саркофаг был разбит и ограблен. Тело было открыто доступу воздуха и всем связанным с этим неприятным влияниям. Оно стало разрушаться. Надо было возобновить бальзамирование, тем более что на теле появились небольшие сероватые припухлости неизвестного происхождения. Профессора Даль и Дерман провели необходимые патологоанатомические исследования. Оказалось, что это всего лишь жировоско-вые бляшки, а структура мышц, костей сохранилась. Профессор Р.Д. Синельников и его бригада прекрасно справились с поставленной перед ними задачей и вновь забальзамировали тело Н.И. Пирогова.

Вскоре после войны я перешла работать в Харьковский институт усовершенствования врачей, но годы учебы и научно-педагогической деятельности в стенах Харьковского медицинского института остались самыми светлыми в моей памяти.

ЖУРНАЛЬНІ ПУБЛІКАЦІЇ

В Харьковском медицинском институте 26 июня 1935 г. состоялась первая защита на степень доктора клинической медицины доктором А.М. Натанзоном на тему «Состояние придаточных пазух носа при дифтерии у детей». Официальными оппонентами выступали заслуженный профессор Компанеец, проф. Цехновицер и проф. Дерман. Совет

професорів ХМІ єдиногласно признав диссертанта достойним ученої ступені доктора клінічної медицини.

Врачебное дело, №8 за 1935 г.

Чехословацький інститут експериментальної медицини ім. Бідля (Прага) послав професору Харківського медичного інституту В.М. Когану-Ясному запрошення прочесть в Празі цикл лекцій о досягненнях совєтської терапії, в частині, ендокринології. Професор Коган-Ясний прийняв запрошення.

Врачебное дело, №8 за 1935 г.

Г. СОКОЛ

НАУКОВЕ ТОВАРИСТВО СТУДЕНТІВ

Пройшов невеликий дощ. Перестрибуючи через калюжі, студенти пробіраються на лекцію. Вони з тривогою дивляться на грязюку, що розпливлася кривими вулицями, загрожуючи затопити центральний майдан. Якщо дощ піде ще раз, пройти вже буде неможливо, і тоді в школах, гімназіях, університеті настануть так звані «грязні канікули». Професори сидітимуть по кілька днів вдома, а найвідважніші студенти добиратимуться до них на ходулях. Так було в Харкові 150 років тому.

У тяжких умовах жила студентська молодь. Юнаки, що всім серцем прагнули до науки, приречені були слухати схоластику і до справжніх глибоких знань не доходили. Більше, ніж допускала учбова програма, знати заборонялось. У 1930–1950-х роках минулого століття, коли особливо лютував миколаївський режим, не те що наукова робота, а навіть організація студентських гуртків заборонялась. За перші 55 років існування єдиного вищого учбового закладу Харкова — університету, студенти написали лише 10 наукових робіт, та й ті здебільшого потай від начальства.

Поступово, роками невтомної боротьби студенти завойовували собі право на творчість, на участь у громадсько-політичному житті. Створене в 1861 році Харківське медичне товариство поліпшило становище студентства. Окремі слухачі університету, зокрема медичного факультету, могли брати участь у розробці та дослідженні якогось наукового питання. Іноді кращі з них виступали на сторінках журналів. Так були опубліковані роботи здібних студентів Мечникова, Воробйова, Данилевського, Трінклера, які згодом стали професорами і видатними громадськими діячами.

Та це були лише одинаки. Наукові студентські гуртки, як і раніше, заборонялись. Управління університету боялось посилення активності студентів. Так було аж до 1917 року. Справжні умови для навчання і творчої діяльності настали лише після Великої Жовтневої соціалістичної революції. В учбових закладах утворювались численні гуртки, об'єднання,

діяльністю яких керували викладачі і професори. Якщо до Жовтня ні одна газета чи журнал не висвітлювали життя студентів, то в перші ж роки радянської влади низка статей про розгортання наукової роботи студентства Харкова з'являються в міських газетах, друкуються в різних українських журналах. При медичному інституті утворюється робітничий факультет, який відкриває двері для робітничої і селянської молоді, учасників громадянської війни.

«Великі можливості дала мені, простому селянинові, радянська влада, — згадує свої студентські роки професор Р.І. Шарлай. — Багато дала мені й робота в студентському науковому гуртку. Зараз ці можливості студентів подесятерались».

Справді, лише з 1930 року, з часу заснування при Харківському медичному інституті Наукового студентського товариства, студентами написані сотні науково-дослідних робіт. Особливо великого розмаху набрала діяльність товариства тепер. У нашому інституті працюють 52 науково-дослідних гуртки, в яких беруть участь понад 700 юнаків і дівчат — майбутніх фармакологів, хіміків, хірургів, біологів та ін. Щороку проводяться у нас традиційні підсумкові наукові конференції, присвячені дню народження В.І. Леніна. На ці конференції приїжджають багато студентів з інших медичних вузів країни. Творчі зв'язки зі студентськими товариствами вузів Москви, Києва, Ленінграда, Тбілісі та інших міст зміцнюються. За останні два роки наші студенти виїжджали на наукові конференції цих інститутів, брали участь у всесоюзних конференціях медичних вузів країни.

З великим успіхом пройшла і в цьому році студентська наукова конференція, присвячена 82-м роковинам з дня народження В.І. Леніна. У ній взяли участь також студенти 2-го Московського медичного інституту імені Сталіна та інших вузів. На засіданнях секцій виступили понад 200 доповідачів. Для участі у VI науковому огляді студентських робіт, який проходив у Харкові, лише від нашого інституту було відібрано 145 кращих праць експериментально-дослідного характеру. В них майбутні спеціалісти на основі глибокого вивчення творів товариша Й.В. Сталіна фізіологічного вчення академіка П. Павлова розробили низку конкретних питань з теорії і практики медицини.

Л. ГІЛЬМАН

ДО ПИТАННЯ ОЦІНКИ ЗНАНЬ СТУДЕНТІВ

Оцінка знань студентів за останній рік значно полегшилась завдяки тому, що асистент у клініці працює з групою студентів в 10–12 чоловік, і тому має можливість познайомитися зі студентами.

Але є ще цілий ряд моментів, що заважають правильній оцінці знань: це циклічність розкладу, коли студент з'являється на заняття лише раз на 5–7 днів, завантаженість асистента великою кількістю груп, нерегулярна фіксація оцінки відповідей студента на семінарах і практичних заняттях тощо.

Дитяча клініка протягом останніх двох років обговорювала на своїх клінічних методичних нарадах питання правильної оцінки знань студентів й на початку 1934 року на одній з таких метод нарад прийняла пропонувану професором М.М. Фрішманом схему оцінки знань студентів.

Згідно з цією схемою кожен студент вивчається асистентом з першого дня занять по таких пунктах:

1. Загальна підготовка;
2. Грамотність;
3. Зацікавленість предметом;
4. Здібності;
5. Працьовитість.

Кожен із цих пунктів оцінюється, а потім виводиться загальна оцінка.

Застосовуючи такий спосіб оцінки знань студентів протягом трьох семестрів, ми впевнились, що він вірніше забезпечує швидке ознайомлення зі студентом і дає можливість точніше оцінити його успішність.

Бажано, щоб і інші кафедри перевірили такий спосіб оцінки знань студентів.

І. АЛМАЗОВ

ПІДГОТОВКА ДО 125-РІЧЧЯ ХМІ

Ось уже понад чотири місяці готується наш інститут до 125-річчя свого існування. Ця ювілейна дата буде святом усієї радянської громадськості, і в першу чергу одного з її загонів — радянських медпрацівників. До 125-річчя Харківського медичного інституту виявляють великий інтерес партійні й професійні організації м. Харкова. Багато заводів посилають на ювілейні свята своїх кращих людей — стахановців.

Свято почнеться 25 грудня. Зараз іде активна підготовка до художнього оформлення приміщень хімічного й гістологічного корпусів інституту, а також клінік. В інституті організовується велика педагогічна виставка, на якій буде показано діяльність його в минулому й тепер, а також участь студентів-медиків в озброєному повстанні 1905 р. на барикадах біля університету. До ювілею випускаються два наукових збірки інституту та одна збірка Студентського наукового товариства (СНТ). Кафедра фізкультури готує спеціальну колону для участі у фізкультурному параді. У дні ювілею влаштовується художня олімпіада самодіяльності.

У листопаді у великі міста України (Дніпропетровськ, Одеса, Сталіно, Вінниця, Кременчук, Суми, Чернігів) виїздило 11 агітбригад з кращих професорів для проведення наукових доповідей на важливіші проблеми медицини, а також значення ювілею медичного інституту і його досягнень. Всюди виступи професорів мали живий відгук з боку робітників і колгоспників.

Ювілей ХМІ — це огляд наших сил. У дні свята ми не тільки повинні будемо відзначити наші досягнення, але й намітити важливіші завдання поліпшення якості підготовки лікарів і піднести науково-дослідчу роботу на вищий рівень.

Колектив ХМІ і в дальшому високо триматиме прапор радянської медицини.

І. АЛМАЗОВ

РЕНТГЕНО-ЕКСПЕРИМЕНТАЛЬНА ЛАБОРАТОРІЯ ПРИ ІНСТИТУТІ

Важко уявити собі будь-яку галузь у медицині, яка б не користувалася рентгенівським досвідом. Роль рентгенодослідження в сучасній медицині величезна, й пристосування його швидко розвивається в СРСР. Організація рентгено-експериментальної лабораторії в медичному інституті для обслуговування всіх теоретичних кафедр є великим початкуванням.

Рентгено-експериментальна лабораторія має 3 відділи: біологічний, фізичний і фізіологічний. Крім того, вона має майстерню для виготовлення спеціальних допоміжних апаратів, яких у продажу немає. Більшість цих апаратів — конструкції завідувача відділу доцента Осетинського.

Треба відмітити роботу рентгентехніка Гусарова, щодо технічного оформлення та допомоги в конструктивних роботах, забезпечуючи науково-дослідну діяльність, а також роботу техника-лаборанта Давиденка.

Рентгено-експериментальна лабораторія нашого інституту є другою в СРСР, що свідчить про його зростання у науково-дослідницькому відношенні. Після рішення партії й уряду від 11.03 в інституті широко розгорнулася науково-дослідницька робота, чому буде сприяти нова рентгено-експериментальна лабораторія.

О.М. ФУГОЛЬ

К 50-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ ХАРЬКОВСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА

...В январе 1921 года решением Украинского правительства были приняты меры к упорядочению медицинского образования. Организационно это выявилося в объединении бывшего Женского медицинского института и медицинского факультета университета в самостоятельный Медицинский институт с двумя медицинскими факультетами — лечебным и стоматологическим. Затем жизнь показала необходимость существования подготовительного общеобразовательного факультета, и в январе 1923 года был создан рабочий факультет с трехлетним обучением, который сыграл большую роль в подготовке рабочей и крестьянской молодежи для поступления в медицинский институт. В 1923 году на 1-й курс уже было принято 12 рабфаковцев, из которых можно назвать Василия Александровича Картавина и Дмитрия Васильевича Беседина. Прием в институт проходил по рекомендациям партийных, профсоюзных и комсомольских организаций, а крестьян — от комнезамов.

В 1922 году Украинской Советской социалистической республикой был принят закон о народном образовании, одним из параграфов которого

предусматривалось освобождение от платы за право учения, а также выплата стипендий необеспеченным членам семьи рабочих и членам комнезамов селян. Этим создавались материальные условия для учебы, которые подкрепляли возможность создания пролетарской интеллигенции. Так осуществлялась подготовка новой рабоче-крестьянской интеллигенции, а студенчество получило название пролетарского. Всем принятым обеспечивалось бесплатное обучение. Большая часть получала стипендию. В число студентов были приняты семейные, для которых были созданы специальные группы и разрешено было совмещать учебу с работой. На 1-й курс в 1923 году было принято 432 студента, в 1928 году окончили и получили диплом 376 человек, из них занимавшихся на стационаре — 334. Кроме того, в 1928 году получили дипломы еще 38 сдавших экстерном вечерников и присоединившихся на последних двух курсах. Таким образом, всех врачей, получивших дипломы, было 376. Выбыло около 60 человек.

Статистика. В 1923 году на 1-й курс было принято около 80% рабочих и крестьян, 10% служащих и 10% — с оплатой за право учения. По составу это был разновозрастный контингент — от 16 до 35 лет. В большинстве на учебу в 1923 году пришли люди, уже имевшие жизненный опыт, различные профессии (слесари, токари, забойщики из Донбасса, сельхозработчие, крестьяне и трудящиеся других специальностей). Поступила учиться большая группа фельдшеров, медсестер, работавших на селе и осознавших необходимость высшего врачебного образования. В числе принятых студентов были участники Великой Октябрьской революции, бойцы, фельдшеры и медсестры Гражданской войны. Впервые была принята большая группа, членов коммунистической партии (15 человек). Это Иллиодор Васильевич Рисуев, Иван Кривоконь, Татьяна Ивановна Шепелева-Заднепровская, Тимофеев, Столбун, Калугин, Вишняков, Фризман, Рудяк, и др. Эти товарищи сыграли большую роль в утверждении основ демократических прав управления институтом. Старостой курса был избран Тимофеев, выполнявший эту обязанность 5 лет. Были приняты также 25 комсомольцев. Впервые состав студентов первого курса по социальному составу представлял рабочих и крестьян.

Видишь перед собой эти годы и вспоминаешь внешний вид и поведение студентов (сохранилось 2 фото). Все напоминало о недавно закончившейся Гражданской войне. Очень многие студенты ходили в длинных армейских шинелях, кожаных куртках, растоптанных сапогах, а иногда еще и в обмотках, некоторые носили буденовки и казацьки папахи. Некоторые из женщин тоже одевались в шинели и кожаные куртки. Но тогда этим даже немножко щеголяли, хотя другого у нас ничего не было, так что щегольство это было вынужденным. Или вот был интересный случай со студенткой Заднепровской. Зимой обратили внимание, что она носит очень красивую шубу. Завистники всегда были и, наверное, будут. Но возник вопрос, откуда у фельдшерицы из бедняков такая шуба. Пришлось ей ехать к себе в село и привезти оправдательный документ, в котором

было записано: «Комбед командирует Шепелеву (потом она уже стала Заднепровской) учиться на врача, а так как у нее не было теплой одежды, то решили выдать ей из реквизированной одежды какого-то купца шубу». Вот так она и проходила в купеческой шубе 5 лет.

Уже на 1-м курсе профессора Владимир Петрович Воробьев и Владимир Яковлевич Рубашкин отмечали высокую организованность и работоспособность курса и стремление побольше узнать. Действительно, все было ново, все интересовало. Анатомический музей, лаборатории и аудитории были всегда переполнены. На лекции ходили обязательно все или почти все, а так как аудитория анатомки и даже химкорпус вмещали не всех, приходили заранее, стояли на лестницах и в проходах.

Все было новым и удивительным. Поражала и прекрасная фреска художника Любимова «Леонардо да Винчи за трупом», поражали своими лекциями Владимир Петрович Воробьев, всегда находивший контакт с аудиторией, а своими импровизациями во время лекции вызывал настоящий восторг. Через два года полулекарские экзамены прошли хорошо. Конечно, случались и срывы, и удаления с экзаменов, но отмечалась большая заинтересованность учебной.

Еще мне хочется вспомнить характерную особенность того времени — общестуденческие сходки. Они были частыми и разнообразными — курсовые, институтские, общегородские. Особенно интересными и многолюдными были студенческие городские сходки. Вспоминается выступление секретаря ЦК Э. Квиринга, секретаря Харьковского губкома Кирикажа, Н.А. Скрипника, Затонского, Луначарского и др.

С большим интересом студенты посещали вечера культуры с выступлениями уже хорошо известных тогда писателей и поэтов. В библиотеке Короленко выступал Илья Эренбург, в театре музкомедии — В. Маяковский, А. Безыменский. А. Жаров, Иосиф Уткин, Гладков и другие. У студентов была чрезвычайная потребность в культуре, и молодежь поглощала ее с большим наслаждением. Появились и свои поэты и писатели, выступающие на студенческих сходках, это было уже после 3-го курса — студенты поэт Лукьянченко, писатель Микитенко и др. Студенты, особенно более молодая часть, комсомольцы очень часто посещали театры драмы и оперы и балета. А билеты покупались только недорогие, по 20 коп. на галерку.

Теперь я хочу специально вспомнить учителей, формировавших наше медицинское мышление и дававших нам медицинские знания. У меня есть основания высказать общее мнение о высоком стиле преподавания, о высокой культуре речи, содержания лекций, поведения, обращения со студентами. Высоким являлся уровень наглядности лекций наших профессоров и преподавателей, демонстрации больных. Нас вводили в храм науки, называвшейся медициной, крупнейшие ученые, имена которых и до сих пор являются гордостью всей страны и Харьковского медицинского института. Это академики Владимир Петрович Воробьев, Василий Яковлевич Данилевский и Александр Владимирович Палладин,

профессора В.Н. Шамов, Н.С. Бокариус, А.В. Репрев, Гринштейн, Рубашкин и другие, а позже — плеяда их талантливых учеников, второе поколение ученых. И одной из движущих сил для восприятия науки являлось доброжелательное, терпеливое, без лишних нотаций отношение профессоров, показывающее бережное, любовное отношение к студенческой молодежи.

Мне бы не хотелось, чтобы складывалось представление, чтобы отношения казались розово-мармеладными, напротив, требовательность была высокой, но вежливой. Случались и конфликты поколений, и неуды. Было сложное стремление вперед, жизнь кипела во всех ее проявлениях. Ходили по два-три раза пересдавать, но главное — занимались. Например, по анатомии были среди нас такие мастера, которые сдавали экзамен по 8 раз. А один случай — 12 раз. Это был фельдшер, очень пожилой человек, впоследствии он стал отличным врачом. Интересно определилась успеваемость более молодой части курса и опытных практиков-фельдшеров. Если на первых двух курсах впереди по успеваемости шла молодежь, то с 3-го лучшие показатели были в группах фельдшеров-практиков. Этому помогал личный медицинский опыт, лучшее знание жизненных ситуаций.

Еще вспоминаю о профессоре С.Г. Якушевиче, внушительном внешне и по поведению, высоком, с большой белой бородой. Профессор учил мастерству диагностики, тонкими длинными пальцами пальпировал границы сердца. Этому никому не удавалось, все учились перкутировать, а он пальпировал, тонко и точно. Или диалоги с больными. Или буквально театральные выходы на лекции со всеми ассистентами во всем белом одеянии Владимира Николаевича Шамова или Александра Васильевича Мельникова, Ивана Васильевича Кудинцева и др. Вместе это был удивительный каскад знаний, представлений, теоретических рассуждений иногда с привлечением студентов. Все это вызывало восхищение, интерес к познанию и веру в силу науки. Поэтому на старших курсах, когда уже улеглась новизна восприятия, абсолютное большинство студентов подходило к знаниям более углубленно и постепенно стало отдавать предпочтение тем или иным кафедрам. Так, увлеченные силой научного представления профессора В.П. Воробьева, после 2-го курса на кафедре анатомии остались в качестве препараторов студенты Петр Евдокимов и Клавдия Филонова. Пройдя все ступени науки — препаратора, лаборанта, ассистента, кандидата медицинских наук, доцента, К.С. Филонова стала заведующей кафедрой анатомии Харьковского стоматинститута, а П.В. Евдокимов — заведующим кафедрой анатомии Харьковского пединститута. Так было и на других кафедрах.

Воспитанниками медицинского института являются по терапевтической клинике Р.Я. Спивак (лаборант, ассистент и доктор медицинских наук, профессор неврологии), ординатор клинической нервной больницы Иваница, О.М. Фуголь — аспирант, ассистент, доктор медицинских наук, профессор кафедры нормальной физиологии. Еще хочу вспомнить

о невропатологах профессорах Александре Михайловиче Гринштейне, Константине Ивановиче Платонове и психиатре Викторе Павловиче Протопопове. Это были блестящие представители нового учения о функциях головного мозга. Профессор А.М. Гринштейн великолепно читал лекции, представлял в них современные материалы по тонкому строению головного мозга, свои собственные работы о гистологическом строении всех подкорковых образований. Слушать это было чрезвычайно интересно, но и очень трудно.

В 1927 году зарождалась основа для понимания многих патологических состояний, связанных с подкорковыми структурами, со сферой под-сознания. Профессора К.И. Платонов и В.П. Протопопов представляли новейшие данные о функциях коры больших полушарий с новых для этого времени позиций академиков И.П. Павлова и В. Бехтерева о психических болезнях. Отсюда и изложение с новых материалистических позиций сведений о психических заболеваниях как следствии нарушений функции коры больших полушарий и сложных корково-подкорковых взаимоотношений. Это было ново, оригинально, на их лекциях часто присутствовали не только студенты, для которых читался этот курс, но и городские клинические врачи. Здесь представлялась сущность новых научных течений, которые многие из нас познали и поняли уже позже, занимаясь этим специально. Связали с этим всю жизнь Эсфирь Моисеевна Эбич, Татьяна Ивановна Заднепровская, Прасковья Ивановна Иванца, которые стали невропатологами высшей квалификации.

Я остановила внимание на воспоминаниях о плеяде этих, тогда еще молодых, но уже вооруженных высокими знаниями ученых, убедительно и на высоком уровне дававших нам основы знаний медицинской науки. Это был очень важный этап в жизни каждого из нас, определивший хороший базис, и наша alma mater дала нам крепкую школу, большие знания, высокое стремление помогать больному человеку, привила любовь к своему делу на всю жизнь, всегда неизменно учила пониманию высокого назначения врача не словесным требованием, а делами. Впоследствии они были высоко оценены, многие из них стали академиками, получили высокие звания заслуженных деятелей наук. И это дало свои результаты.

Абсолютное большинство окончивших институт в 1928 году отправилось на практическую работу. В этом была насущнейшая потребность для страны. Особенностью этого выпуска было высокое сознание необходимости врачебного долга, труда для народных масс. 80% выпуска стали врачами практического здравоохранения. Это работники сельских врачебных участков, поликлинические врачи. Это скромные и добросовестные труженики с высокими нравственными качествами. Они работали и работают многие годы, десятилетия врачами сельских и городских больниц, поликлиник. Работают там, где обеспечивают здоровье населения — санитарные и противоэпидемические мероприятия, борьбу с инфекциями и т. д., являясь частью трудовой народной интеллигенции города и села, сознательно и добровольно выполняющей свою в высшей

степени гуманную миссию. Среди них нужно отметить Евгению Павловну Соболеву — педиатра, заслуженного врача Республики (1958 г.), проработавшую в сельских больницах Змиевского и Купянского района 28 лет, Ашхен Герасимовну Хангулян — педиатра районных поликлиник в Мерефе и Люботине, стаж работы которой 38 лет, Зинаиду Карповну Маковецкую — терапевта сельских больниц в Харьковской и Донецкой областях, Эсфирь Филипповну Богуславскую — участницу Гражданской и Великой Отечественной войн, в течение 28 лет работавшую участковым врачом в Киевской области, и других.

Врачи выпуска 1928 года избрали своей специальностью главным образом терапию, педиатрию, хирургию и эпидемиологию, что соответствовало требованиям и потребностям страны в то время. Хотелось бы еще вспомнить Петра Федоровича Тюрина, прошедшего путь от сельского участкового до высокообразованного ведущего терапевта г. Таганрога, награжденного орденом Ленина, очень скромного человека, большого книголюбца, умершего в 1973 году, физиотерапевта Полину Захаровну Розенштейн, проработавшую 35 лет в медсанчасти завода «Серп и Молот».

Этот перечень врачей — далеко не полный список, это просто отдельные фамилии, которые надо вспомнить обязательно. Большая группа врачей представлена хирургами, но так как они все абсолютно являются участниками Великой Отечественной войны, то о них особая речь.

Группа эпидемиологов, микробиологов и санитарных врачей — это высококвалифицированные добросовестные врачи-энтузиасты, всю свою жизнь отдавшие медицине. Это врач-лаборант Полина Ибрагимовна Эру, эпидемиологи Раиса Николаевна Крылова, специалист по коммунальной гигиене Елена Викторовна Тулубьева, 40 лет проработавшая на ЮЖД, кандидат медицинских наук Лия Михайловна Дробашевская — крупный специалист в иммуногематологии, микробиолог Евгений Львович Лейбфрейд — кандидат медицинских наук, имеет 30 печатных работ, участник Великой Отечественной войны, начальник санэпидотдела армии, кандидат медицинских наук, инфекционист Мария Герасимовна Небера, имеющая 28 печатных работ, работавшая много лет преподавателем во 2-м Харьковском мединституте и в военно-медицинском училище. Особое место в этой группе занимает доктор медицинских наук микробиолог Гайдамака Михаил Григорьевич, опубликовавший 40 научных работ в области микробиологии дизентерии, этиологии профилактики и лечения гриппа. Под его руководством выполнено 3 кандидатских диссертации, им разработана профилактика мероприятий против гриппа (интерферон, серопротектика). Был заместителем директора по науке Санбакинститута.

Период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. для организации победы потребовал большого напряжения всей страны, всего народа. Врачи нашего выпуска внесли свою долю участия во всю сложную многогранную деятельность по сохранению жизни людей как на фронте, так и в тылу. Часть наших товарищей выпуска 1928 года являлась кадровым

составом медицинской службы армии и проявила себя в числе тех организаторов, которые обеспечивали работу огромного количества разветвленных медико-санитарных служб на фронте и в тылу. Я имею возможность представить, конечно же, неполный список врачей. Это только часть в количестве 40 человек, сведения о которых нам удалось собрать. Через 50 лет, да еще после такой разрушительной войны, когда сгорели не только архивы, иногда сохранились только воспоминания живых людей. Мы, к сожалению, не имеем других источников.

Я приношу свои извинения за беспокойство и выражаю глубокую благодарность тем, кто отозвался, так как это был единственный способ для понимания судьбы нашего курса. А затем обнаружилась другая сложность — в том, что мы получили очень интересный материал. Каждая жизнь — отдельная повесть о судьбе и деятельности наших товарищей. Нет ни одного человека, жизнь и работа которого была бы однообразной, монотонной и не заслуживающей внимания. Но подробно о каждом мы, конечно, рассказать не сможем. Итак, позвольте представить их вам.

Дмитрий Васильевич Беседин — окулист, полковник медицинской службы, прослужил в Советской Армии 36 лет, член КПСС. Находился в частях Тихоокеанского флота с 1937 по 1960 г., имеет награды.

Иллиодор Васильевич Рисуев — хирург, полковник медицинской службы, в Советской Армии 26 лет, участник Гражданской и Великой Отечественной войн, член КПСС.

Удивительной души человек **Аркадий Михайлович Усвятцев** — подполковник медицинской службы, инфекционист, до армии работал на селе, затем на Дальнем Востоке в эвакогоспиталях, в Советской Армии 22 года. После войны проводит большую учебную и общественную работу в военно-медицинском училище.

Кандидат медицинских наук **Макс Осипович Быстрицкий** — подполковник медицинской службы, хирург-травматолог, опубликовал 33 оригинальных работы, в том числе одну монографию.

Галей Иудович Бахур — полковник медицинской службы, хирург, потом детский хирург, корпусный и армейский хирург, кандидат медицинских наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой детских хирургических болезней ХМИ. Опубликовал более 100 научных работ, в том числе 50 крупных — по борьбе с токсокозом при переливании крови. Член КПСС с 1944 года, имеет 8 наград. Был блестящим педагогом, прекрасным товарищем, весьма обаятельным и веселым человеком.

Василий Александрович Картавин — доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой общей хирургии, был заместителем ректора Института усовершенствования врачей, кроме докторской диссертации, имеет 80 опубликованных работ, пособие по хирургии живота и лекции по общей хирургии. Подготовил 7 кандидатов медицинских наук. Участник Великой Отечественной войны, майор медицинской службы, ведущий хирург ПЭПА, имеет правительственные награды. Ведет и сейчас лечебную и общественную работу.

Георгий Ефимович Островеков — доктор медицинских наук, член-корреспондент АМН СССР, заслуженный деятель наук РСФСР, после окончания института служил на Черноморском флоте, затем работал хирургом в районной больнице. Учился в аспирантуре 1-го ММИ, защитил кандидатскую диссертацию в 1938 году. В годы Великой Отечественной войны — главный хирург эвакогоспиталей Северо-Кавказского военного округа. С 1950 — доктор медицинских наук и директор Курского медицинского института, с 1956 г. — начальник ГУУЗа Министерства здравоохранения СССР. Имеет много правительственных наград, подготовил ряд кандидатов медицинских наук, им опубликованы монографии и научные работы. В настоящее время — главный редактор издательства «Медицина».

Дмитрий Давыдович Шапиро — майор медицинской службы, отоларинголог, во время войны был начальником санитарной службы фронта, имеет правительственные награды.

Варвара Алексеевна Солон — хирург, во время Великой Отечественной войны 3 года прослужила в госпиталях передовой линии. Имеет правительственные награды, стаж ее работы — 40 лет.

Николай Архипович Заднепровский — хирург, в Советской Армии 8 лет, участник Великой Отечественной войны, имеет правительственные награды.

Бежит безвозвратно время, мы уже немолоды. Но воспоминания не дают возможности молчать. Среди очень интересных людей — врачей нашего выпуска хочется отметить замечательного человека, члена КПСС с 1919 года **Юдифь Яковлевну Жукову**, добровольцем вступившую в Красную Армию, участницу боев против деникинцев. Два года затем она была на партийной работе в качестве заведующей женотделом райкома партии и заведующей женотделом ЦК Коммунистической партии Украины. Окончила ХМИ в 1928 году, затем специализировалась как акушер-гинеколог. Добровольно пошла на фронт, где была начальником женского отделения госпиталя, армейским гинекологом. Кандидат медицинских наук с 1948 года. Имеет боевые награды. Но, что особенно важно и интересно, Юдифь Яковлевна всегда свою врачебную работу связывала с большой политической деятельностью, ею написан ряд работ-воспоминаний о развитии женского революционного международного рабочего движения, встречах с такими его организаторами как Мария Ильинична Ульянова, Надежда Константиновна Крупская, Александра Михайловна Коллонтай, Клара Цеткин и др. Она является составителем сборника статей В.И. Ленина о женском движении, об участии женщин в социалистическом переустройстве общества. Она и сейчас продолжает вести активную пропагандистскую работу.

Во время Великой Отечественной войны некоторые наши сокурсники в силу различных обстоятельств вынуждены были оставаться на временно оккупированной территории. Многие из них не только боролись за свое существование, оставаясь честными людьми, но и показали высокий советский патриотизм, гуманность, ежедневно рискуя собственной

жизнью. Не все выжили и спаслись, некоторые, к сожалению, погибли. Среди врачей, проявивших в годы тяжелой оккупации свои лучшие человеческие и патриотические качества, нужно отметить **Ксению Александровну Илиади**, врача-фтизиатра. Она сейчас является почетным членом Харьковского общества фтизиатров, отмечена благодарностью Министерства здравоохранения УССР, награждена медалью «За отвагу». И сейчас она получает письма с благодарностями за спасение от угона в фашистское рабство. О ней писали в местных газетах, а также в газете «Известия».

Во время войны случались и трагические ситуации, ряд врачей прошли тяжелые испытания окружения и плена, многие погибли. Послевоенные годы характеризуются периодом бурного возрождения строительства зрелого социализма. Восстанавливалась лечебная сеть, вся система здравоохранения. Из фронтовых и эвакуационных госпиталей возвращались врачи, начиналась новая эра жизни и работы.

К этому времени врачи выпуска 1928 года имели 17-летний стаж. Они постоянно пополняли свои знания на специальных курсах Института усовершенствования врачей, многие приобрели высокий авторитет, стали ведущими специалистами и организаторами здравоохранения. Об этом свидетельствует знакомство с их биографиями. После войны многие наши товарищи оформили свой врачебный опыт и свои теоретические воззрения в виде диссертаций, стали кандидатами и докторами медицинских наук, доцентами и профессорами, преподавателями медицинских институтов и медицинских школ. Если до войны с 1937 года защитили кандидатские диссертации 5 человек, то после войны с 1948 года и до сих пор — уже 19.

Очень возможно, что эти сведения у нас неполные, но вместе с тем они отражают состояние движения в науку наших врачей. Некоторые очень рано определили свои наклонности и интерес к определенной науке и, еще будучи в институте, участвовали в крупных научных работах выбранных ими кафедр, включались в научную работу в качестве аспирантов, лаборантов, накапливая клинический и экспериментальный материал, подготавливая докторские диссертации. Таких 5 человек: Г.Е. Островерхов, О.М. Фуголь, В.А. Картавин, Р.Я. Спивак, М.Г. Гайдамака.

О.М. Фуголь стала физиологом, 20 лет заведовала кафедрой нормальной физиологии Харьковского, а затем Полтавского медицинского стоматологического института. 20 лет разрабатывала вопросы о роли и значении патологических свойств высшей нервной деятельности при истощении и восстановлении разных систем организма. В этой области ею опубликовано 86 работ и создано новое направление в медицине — целостные реакции организма при дистрофических процессах пищеварительной системы. Под ее руководством защищено 12 кандидатских и подготовлено 2 докторских диссертации. Во время Великой Отечественной войны заведовала Областным отделом здравоохранения и была начальником управления эвакуационных госпиталей Андижанской области Узбекской ССР.

В.А. Картавин 20 лет работает заведующим кафедрой общей хирургии Харьковского института усовершенствования врачей, заместителем ректора по науке. Им опубликовано в области гастроэнтерологии более 80 научных работ. Подготовил 7 кандидатов наук. Сейчас работает над очень интересной монографией в этой области.

М.Г. Гайдамака работал научным руководителем института микробиологии в должности заместителя директора.

Р.Я. Спивак около 14 лет работала заведующей кафедрой терапии Ворошиловградского мединститута, а еще ранее заведовала кафедрой общей терапии в Семипалатинске. Основное направление ее научных работ — учение о сердечно-сосудистых и легочных заболеваниях: этиологии, патогенезе и лечении. Ревекка Яковлевна со своими сотрудниками внесла в эту область много нового. Так, например, ими установлено сначала в эксперименте вместе с профессором Е.К. Приходьковой и другими корковое происхождение некоторых форм гипертонии. Затем путем самостоятельных исследований пришли к выводу, что при нейрогенной гипертонии после экстрессорных факторов в крови у больных появляются гипертензивные вещества. Более того, в эксперименте показано, что эти явления наследуются вплоть до 5-го поколения (работа проделана на кроликах). Затем другой большой цикл работ — обследование огромного контингента рабочих металлургических заводов и угольных шахт Ворошиловградской области.

Все эти ученые создали свои научные направления, имеют учеников, вырастили новых кандидатов и докторов наук. Некоторые из них возглавляют кафедры и несут дальше знамя материалистической медицинской науки.

К этим воспоминаниям, размышлениям и некоторому анализу событий и участия в них выпускников 1928 года хочу добавить некоторые совсем уже краткие эскизы о четырех врачах. С нами вместе заканчивал медицинский институт известный украинский писатель **Иван Микитенко**, он выступал с чтением своих произведений на студенческих сходках. Удивительно был душевный человек. За два года учебы с нами он сумел вызвать к себе всеобщую симпатию. Начинал с нами учебу **Виктор Вайнштейн**, затем артист Ленинградских театров (псевдоним — Акимов), народный артист РСФСР. **Раиса Николаевна Крылова** в 1920-х годах работала в секретариате у В.И. Ленина, занесена в Книгу почета Дзержинского района г. Харькова.

Мария Дмитриевна Панасенко — романтический, восторженный человек. После окончания института института поехала на Крайний Север и работала в условиях Заполярья более 20 лет. Салехард, Ханты-Мансийск — вот города, где протекала ее деятельность и где она организовала лечебную помощь прежде всего детям и женщинам.

Благодарю за внимание и желаю всего самого доброго — здоровья, бодрости духа, хорошего настроения, держать старость в руках и не стареть, получать эмоциональную зарядку на много лет вперед!

27 мая 1978 г.

ПАЛАЦ МЕДІНСТИУТУ

Гідною прикрасою нового великого Харкова буде прекрасний палац медичного інституту, який виросте на проспекті Леніна проти дому спеціалістів і приміщення Військово-господарської академії РСЧА.

Будування нового приміщення, вартістю в 4,5 млн. крб. почнеться в березні цього року. Раднарком України асигнував 1 млн. 900 тис. крб. на будівництво першої черги. Цього року буде збудований перший основний корпус — морфологічний, з кафедрами академіка орденоносця В.П.Воробйова — гістологічною і біологічною. Потім буде збудовано величезне приміщення фізіологічного корпусу, фізико-хемічного, клубу-читальні, зразкового стадіону.

Палац медінституту в закінченому вигляді являтиме собою міцний зразковоустановлений науково-учбовий комбінат, що об'єднуватиме до 50 великих кафедр з 4000 студентів і 350 професорів, доцентів і асистентів.

Газета «За радянського лікаря», 1936, №5

А.И. СТРУКОВ

ВОСПОМИНАНИЯ О РАБОТЕ В г. ОРЕНБУРГЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1944 гг.)

Война застала меня в Харькове, где я в 1939 г. стал заведовать кафедрой патологической анатомии 1-го Харьковского медицинского института и куда в том же году переехал из Москвы на постоянное место жительства. В хорошем коллективе харьковской кафедры со славными традициями, с прекрасным составом профессоров-клиницистов и теоретиков в институте была развернута требовавшаяся от меня научно-педагогическая и общественная деятельность. Сотрудники кафедры работали с интересом, настойчиво, упорно. Была намечена программа проведения больших исследований, уже были получены некоторые результаты.

Но все внезапно прервала война. Намеченные планы о летних работах и отпусках не осуществились. Надо было готовиться к отпору нападшему неожиданно на нашу страну коварному врагу. Начались работы по защи-

те города от воздушных налетов. Люди копали бомбоубежища, щели, заклеивали оконные стекла. Город быстро был приведен в состояние боевой готовности, что и проявилось во время очередного воздушного налета, когда было сбито несколько вражеских самолетов. Между тем, фронт стремительно приближался. Мы видели, как организованно проходила эвакуация оборудования заводов и предприятий с их персоналом. Наконец, в августе появились слухи об эвакуации 1-го ХМИ. Но вместе с тем 1 сентября 1941 г. возобновились занятия в институте. Я помню, как начал читать первую лекцию студентам III курса под грохот стрельбы орудий противовоздушной обороны. Лекцию пришлось прекратить, всех студентов — просить быстро спуститься в подвал, переоборудованный под бомбоубежище. Конечно, в таких условиях нечего было и думать о систематических занятиях. Несмотря на частые воздушные тревоги, харьковчане соблюдали полный порядок, спокойно выполняли данные им оборонные поручения.

В институте работала комиссия по эвакуации, кафедра получила ящики для упаковки микроскопов, микротомов, таблиц, диапозитивов. В течение последней недели сентября 1941 г. кафедра патологической анатомии, как и другие кафедры, упаковала только самое необходимое оборудование, которое позволило бы развернуть преподавание на новом месте в самые короткие сроки. Ведь подготовка врачей в такой опасный для страны военный период была делом совершенно необходимым, так как многие медицинские институты во временно оккупированных зонах западных республик нашей Родины были разрушены и фактически прекратили свое существование.

Очень помогло нашей эвакуации Управление южных железных дорог. Институту были предоставлены 6 вместительных товарных вагонов для ящиков и 7 вагонов дачного типа для сотрудников с семьями. Словом, получился целый состав, который очень организованно был загружен. Места для сотрудников были заранее размечены, не было никакой давки, вся загрузка проходила в полном порядке. Чувствовались только некоторое напряжение людей и большая озабоченность, тревожила неизвестность маршрута. Однако у всех была твердая вера в победу над немецко-фашистскими захватчиками и возвращение после победы в Харьков.

В день нашей эвакуации стояла теплая, солнечная осенняя погода и, к счастью, не было ни одной воздушной тревоги. Эшелон тронулся поздно вечером и в один из первых дней октября благополучно добрался до Курска. Перед Курском днем мы увидели из окон вагонов воронки от бомб после вчерашней бомбежки одного из эшелонов, выехавшего на несколько часов раньше нас и, как мы узнали позднее, сильно пострадавшего от воздушного налета. Через сутки на большой узловой станции Горбачево эшелон повернул на восток в направлении Тамбов–Саратов, еще через сутки мы пересекли в Саратове Волгу и ночью с 5 на 6 октября 1941 г. подъезжали к Уральску. Здесь уже не было затемнения, и на станции, казалось, особенно ярко горели огни. 7 октября 1941 г. наш эшелон

прибыл в Соль-Илецк, где стоял более суток. Наконец нам объявили, что мы получили направление на г. Чкалов (Оренбург), который и оказался нашим конечным пунктом.

Хотелось еще раз отметить организованность и четкость работы железнодорожного транспорта в тот тяжелый начальный период войны, он успешно справлялся с подвозом фронту необходимых военных материалов на запад, эвакуацией заводов, учреждений с их персоналом на восток, в глубокий тыл. Вспоминаю, что во время нашего многосуточного продвижения к Оренбургу на всех крупных станциях работали пункты питания, обеспечивавшие горячей пищей многочисленные эшелоны эвакуированных, в том числе и наш эшелон. Такая обстановка всех успокаивала и усиливала веру в неизбежность нашей победы.

В Оренбурге после нескольких дней пребывания на станции всем приехавшим сотрудникам кафедр 1-го ХМИ были предоставлены жилые помещения, постепенно все устроились, правда, тесно, но без каких-либо обид. Заведующий патологоанатомическим отделением областной больницы врач Зайцев очень хорошо меня принял, обещал всяческое содействие в работе кафедры, оказал помощь в предоставлении нам двух комнат, где временно было размещено имущество кафедры. Словом, через 4 недели после нашего приезда в Оренбург кафедра патологической анатомии, развернутая на базе областной больницы, могла начинать практические занятия. Постепенно прибывали студенты разных курсов не только Харьковского, но и других эвакуированных на восток и оставших в пути медицинских институтов, прибывали разными путями профессора и преподаватели. Ко дню годовщины Великой Октябрьской социалистической революции 1-й ХМИ возобновил в Оренбурге прерванные эвакуацией занятия.

Местные власти, в частности заведующий облздравотделом Шлюндин, а позднее Турова, помогали разворачивать клиники на базе городских больниц. Оказывали помощь главный врач клинической железнодорожной больницы З.М. Катцев, заведующая детской железнодорожной больницей О.К. Иванова и многие другие.

Но все-таки при организации учебно-лечебного дела на многих, особенно теоретических, кафедрах встречались большие трудности из-за недостатка помещений, которые можно было преодолеть только при вмешательстве областного руководства. На совете института возникла мысль создать комиссию из профессоров, представительную не только в научном отношении, но и по «внешнему виду». К сожалению, из приехавших в Оренбург профессоров один И.Р. Брауде носил окладистую профессорскую бороду, а молодой профессор Н.Н. Бокариус только начинал ее отпускать и обещал сбрить лишь после победы и возвращения в Харьков. Было решено отправиться группе профессоров во главе с «бородатыми» к секретарю обкома партии Г. Денисову со всеми нашими просьбами.

Г. Денисов очень хорошо нас принял. Он уже, видимо, многое знал и о трудностях института, и о той пользе, которую кафедры институ-

та могут принести здравоохранению города и области. Словом, визит был очень полезный, и через короткий срок все в институте почувствовали новые, более теплые веяния со стороны главных врачей больниц, облздравотдела и Управления эвакогоспиталей. В их распоряжение поступили специалисты разного профиля и высокой квалификации. Это способствовало улучшению лечебно-диагностической работы, особенно в эвакогоспиталях, где специалисты института начали проводить нейрохирургические операции, сложные операции на легких, на сердце и т. д.

Кафедрами института была проведена большая научно-исследовательская работа по выяснению этиологии, патогенеза, патологической анатомии своеобразной болезни, названной септической ангиной. Это заболевание возникло среди населения, питавшегося зернами проса, перезимовавшего под снегом. Было установлено, что в зернах, пролежавших зимой под снегом, размножается грибок, обладающий выраженными токсическими свойствами. Попадая вместе с просом в организм человека, токсины грибка оказывают патогенное действие на молодые клетки костного мозга, разрушают их. Кровь лишается главных защитников организма — нейтрофильных гранулоцитов, вследствие чего легко возникает аутоинфекция в форме некротической септической ангины, от которой быстро наступает гибель заболевшего. Все детали этого патологического процесса были хорошо прослежены и изучены на руководимой мной кафедре патологической анатомии. Материал для изучения собирала ассистент кафедры М.А. Тищенко, специально вылетавшая в отдаленные районы, где было особенно много летальных случаев при этом заболевании.

На основании наших исследований было предложено называть болезнь не септической ангиной, а миелотоксикозом грибковой этиологии. Вся работа по изучению этого первоначально казавшегося загадочным заболеванием проводилась под руководством проф. С.Г. Миронова (заведующего кафедрой микробиологии 1-го ХМИ) в специально организованной по указанию Минздрава СССР лаборатории с привлечением многих кафедр института. Проведенные бактериологические, микологические, патологоанатомические исследования были опубликованы в виде сборника трудов, на основе которого разрабатывались мероприятия по профилактике и лечению миелотоксикоза. Областное руководство вручило всем участникам борьбы с миелотоксикозом (септической ангиной) благодарственные грамоты.

В Оренбурге с первого года войны и до ее конца была развернута большая сеть тыловых эвакогоспиталей. С организацией в городе клиник 1-го ХМИ ряд госпиталей принимал специализированный характер: нейрохирургический, ранений глаза, уха, туберкулезный, терапевтический и др. Вскоре же по приезде в Оренбург мне была предложена должность консультанта-патологоанатома эвакогоспиталей. Заведующим патологоанатомическим отделением была назначена ассистент руководимой мной кафедры канд. мед. наук Н.А. Максимович. Ей помогали и другие ассистенты кафедры — доктора Мазо, Пригожина.

Мы коллективно изучали особенности течения раневого процесса в условиях глубокого тыла, уточняли роль и характер инфекции, разбирали причины смерти раненых, находившихся в глубоком тылу, детально изучали по историям болезни поэтапное лечение раненых, анализировали допущенные врачебные ошибки, подробно разбирали их на клинико-анатомических конференциях. Все материалы по сличению клинических и патологоанатомических диагнозов обрабатывали статистически по месяцам, кварталам, полугодиям, сравнивали и результаты также обсуждали на врачебных конференциях. Конечно, врачебных ошибок было немного, но каждая из них служила предметом тщательного разбора. На конференциях принимались решения, направленные на устранение ошибок. Это привело к снижению их процента и, следовательно, к повышению качества диагностической и лечебной работы, увеличению частоты возвращения перенесших ранения в строй.

В начале 1944 г., когда в эвакогоспиталях Оренбурга накопился достаточный материал, состоялась общеврачебная научно-практическая конференция эвакогоспиталей Южно-Уральского военного округа. Председательствовал на конференции командующий войсками Южно-Уральского округа генерал-полковник М.А. Рейтер. С докладами выступали профессора-хирурги А.З. Цейтлин и А.М. Гаспарян, невропатолог Г.Л. Каневский, инфекционист И.Р. Брауде, эпидемиолог М.Н. Соловьев и я как патологоанатом. В докладе я представил подробный анализ качества диагностической и лечебной работы, остановился на допущенных врачебных ошибках, мерах по их устранению, принимаемых в эвакогоспиталях, что привело к снижению количества ошибочных клинических диагнозов в эвакогоспитале Оренбурга. Выступивший после обсуждения докладов с заключительным словом командующий округом М.А. Рейтер очень высоко отозвался о работе в эвакогоспиталях профессоров 1-го ХМИ, отметил большую научную и контролирующую роль патологоанатомической службы в системе эвакогоспиталей, подчеркнул ее значение для поддержания должного уровня диагностической и лечебной работы. После заседания М.А. Рейтер крепко пожал мне руку, поблагодарил за доклад и сказал, что он открыл ему глаза на значение патологоанатомической службы для укрепления диагностической, лечебной и научно-госпитальной работы среди врачей. Я ответил ему латинским изречением, которое характеризует патологоанатомическое учреждение: «*His locus est, ubi mortui vivos docent*» («Это место, где мертвые учат живых»). Итогом конференции было развернутое постановление Военного совета Южно-Уральского округа от 14 апреля 1944 г. за №14, в котором отмечалась большая работа, проведенная 1-м ХМИ в эвакогоспиталях Оренбурга, выражалась благодарность ряду профессоров, а профессора А.М. Гаспарян (директор 1-го ХМИ), А.З. Цейтлин (хирург) и я (патологоанатом) были награждены грамотами Военного совета округа. Для меня эта награда всегда является напоминанием о той ответственной работе, которую мы проводили в Оренбурге.

Помимо практических задач, мы старались в своей работе решать научные вопросы. Так, ассистент кафедры А.С. Налбат вместе с хирургом врачом Брайцевым изучали изменения костной культи и определяли методы совершенствования протеза резецированного бедра. Ассистент Н.А. Максимович изучала особенности проявлений туберкулеза у раненых бойцов. Было убедительно показано, что многие молодые бойцы страдают различными проявлениями первичного туберкулеза как острого, так и хронически текущего. Работы А.С. Налбат и Н.А. Максимович были опубликованы в журналах.

Первую очень холодную зиму 1941–1942 гг. кафедра патологической анатомии 1-го ХМИ располагалась в патологоанатомическом отделении областной больницы, где находились и многие клиники. Весной 1942 г. я получил предложение от главного врача клинической железнодорожной больницы З.М. Катцева организовать в больнице патологоанатомическое отделение и на его базе развернуть кафедру. В больнице и ее подсобных помещениях было паровое отопление, учреждение обеспечивало себя топливом. В течение лета 1942 г. помещение для отделения и кафедры было отремонтировано, и с осени мы приступили к работе.

В больнице по инициативе главного врача были организованы клинико-анатомические конференции. Словом, впервые в истории железнодорожной больницы начала функционировать патологоанатомическая служба, и я был оформлен приказом по больнице как консультант-патологоанатом. К этому же отделению была присоединена детская железнодорожная больница, возглавляемая О.К. Ивановой. Затем была организована патогистологическая лаборатория, в которой исследовались материалы биопсии, что способствовало повышению качества диагностики. Важное значение имела биопсия в диагностике гинекологических заболеваний. Это очень скоро понял главный врач железнодорожной больницы З.М. Катцев, который активно содействовал организации биопсийной лаборатории и вообще патологоанатомической службы в руководимой им больнице. Позднее, после ухода З.М. Катцева, ту же линию отношения к кафедре и к патологоанатомической службе проводил сменивший его доктор Юрашкевич. Работа руководимого мной патологоанатомического отделения отражена в приказе наркома путей сообщения и многочисленных приказах по больнице. За годы работы кафедры патологической анатомии на базе железнодорожной больницы мы поддерживали постоянные и тесные связи с врачами не только этой больницы, но и клиник, устраивали для врачей научно-практические конференции и лекции по актуальным вопросам медицины.

Приведенные материалы свидетельствуют, что коллектив руководимой мной кафедры патологической анатомии 1-го ХМИ за время пребывания в Оренбурге (1941–1944 гг.) проявил много энергии и инициативы для организации в системе здравоохранения Оренбурга и области, в эвакуационных госпиталях, в больницах железнодорожного транспорта патологоанатомической службы на уровне требований современной тому времени

клінічної і теоретичної медицини. Проводимі заходи (систематичні клініко-анатомічні конференції, розбір клінічних помилок, розбори помилок ведення історій хвороби, формулювань клінічного діагнозу) сприяли усунуванню недоліків і підвищенню рівня діагностичної і лікувальної роботи в евакогоспіталях, лікувальних закладах міста і області. За 1941–1944 рр. були закладені міцні основи патологоанатомічної служби, на базі якої продовжували свою діяльність після реєвакації 1-го ХМІ кафедра патологічної анатомії Оренбурзького медичного інституту і його клінічні кафедри.

Покидаючи в кінці літа 1944 р. Оренбург, всі ми, харків'яни, відчували глибоку вдячність до оренбуржців, які створили нам умови для плідної роботи, дозволивши нам внести свій внесок у справу перемоги над німецько-фашистськими захопниками, віра в яку нас не залишала ні на одну хвилину з моменту евакації з Харкова.

Л. НИКОЛАЄВ

З НЕДАВНЬОГО МИНУЛОГО

Квітень 1943 року. Хворий, бляклий від голоду, йду Сумською вулицею. Крик по-німецькому: «Гальт!»... Зупиняюсь. Кроків за десять від мене стоїть есесівець. Блондин, бритий, шкутильгає на одну ногу. Кажу йому по-німецькому:

– Он на тому розі вже перевірили мої документи і дозволили йти далі.

Роблю кілька кроків від нього. Німець підбігає до мене зі спотвореним від злоби обличчям. Вимахує стеком. Суне мені кулак в лице:

– Російська свиня! Стій, коли тобі кажуть!

Далі йде потік найдобріших лайок.

Я маю необережність сказати:

– Я професор. Поспішаю в університет. Ось мої документи.

Німець б'є мене кулаком в обличчя, стеком періщить по ногах. Ясно, що чинити опір — безглуздо. Мовчки йду за есесівцем. Вхідимо в сад імені Шевченка. Недалеко пам'ятника німці влаштували кладовище для своїх офіцерів. Коло тридцяти громадян, схоплених раніше есесівцем, рів-

няють могилу, чистять доріжки. Німець дає мені лопату.

– Копай могилу.

Разом зі мною працюють ще двоє — лікар і інженер. Виснажений тривалим голодуванням, напівнепритомний починаю копати.

– Наволоч! Хіба так працюють?! — кричить есесівець.

– Я хворий.

– А, ти ще заперечуєш! — каже німець і б'є мене стеком.

Через годину есесівець звільняє інженера, що працював зо мною. Через дві години він відпускає лікаря. Залишаюсь я один. Спостерігаю жажливі картини...

Після п'ятигодинної надсильної для мене праці повертаюсь напів-мертвий додому.

* * *

Березень 1943 року. П'яні есесівці вдираються в приміщення Інституту анатомії, на чолі якого я стою, і грабують. Грабують все, що потрапляє під руки, — мікроскопи, скальпелі, хімікалії, навіть черепи...

При спробі їх стримати — мордобій. Іду до німецької комендатури. Одсилають мене до доктора Рейхеля. Тупе, самовдоволене обличчя. Кажу, що мені треба.

– Як, хіба німці, покидаючи Харків, не висадили в повітря вашого інституту? — питає Рейхель.

Я не можу сказати йому правди: німці пробували підпалити цей будинок, але службовці, ризикуючи своїм життям, погасили пожежу.

– Ні, — відповідаю я, — будинок цілий. У ньому збереглися найцінніший анатомічний музей, величезна медична бібліотека й архів медінституту. Їх треба зберегти від грабування.

На це Рейхель кинув мені тільки одне слово «шаде», тобто «шкода». А щоб я зрозумів, про що він шкодує, він злобно повторив:

– Так. Шкода, що ваш інститут, музей і бібліотеку не висадили в повітря. Це — наша помилка.

І це говорила інтелігентна людина, доктор наук.

Ну що ж, докторе Рейхель, хоч як вам досадно, а анатомічний музей імені академіка Воробойова з 3 000 препаратів, медична бібліотека з 150 000 книг та медичний архів з документами студентів і лікарів передано нині радянській владі.

* * *

16 березня 1943 року. Йду на Сумський базар. Моторошне видовище. Поруч базару бачу руїни військового госпіталю. У ньому німці спалили живцем близько 500 червоноармійців. П'яні есесівці розстрілювали кожного, хто пробував врятувати життя. Лише кільком пораненим пощастило втекти і схватись у сусідніх будинках. Майже всіх нашли німці і вбили.

Довідаюся від одної громадянки, що в будці парикмахера ховається поранений червоноармієць. Сердобольні жінки годують його вже четвертий день, та ніхто не сміє взяти його до себе, бо тут же висить наказ від 14 березня: розстріл кожному, хто дасть притулок червоноармійцеві. Дивлюсь у віконце: справді, в будці сидить молодий чоловік із загіпсованою ногою, дуже худий і блідий. Умовляюся з ним, що я прийду ввечорі з тачкою, принесу йому цивільний одяг і повезу його до себе.

Повертаюся годині о четвертій. Базар майже порожній. Починаю ламати двері парикмахерської сокирою, бо знесилений поранений не може пролізти через віконце. Виснажений голодом і хворобою, я теж не в стані вибити двері. Влізаю в будку. Пробую висадити двері зсередини. Марна річ: бракує сил. Раптом у вікні показується голова есесівця.

– Ви що тут робите? — питає він.

– Я — лікар. Маю перевезти цього хворого до госпіталю, та не можу виломати двер, — відповідаю я.

Німець дивиться недовіркою.

– Це не військовий? — питає він.

На щастя, червоноармієць вже встиг переодягтися у принесений мною цивільний одяг. Дорогою додому нова зустріч. На розі Сумської нас зупинив німецький жандарм. Він хотів повести нас в поліцію, щоб там з'ясувати, хто ми такі. Нас врятувало моє знання німецької мови і моє посвідчення, що я — професор.

Червоноармієць Микола Зборовський, 20 років, з Курської області пробув у мене на квартирі дві доби, після чого мені пощастило його влаштувати в лікарню для цивільних.

* * *

Фактів, що свідчать про звірства німців, безліч. Навряд чи можна знайти хоч одного жителя Харкова, який не був би свідком того, як німці грабували, гвалтували, вбивали дітей і жінок. Наша рідна Червона Армія визволила нас від цього кошмару. Слава їй! Слава її керівникові, великому й любимому товаришеві Сталіну!

П.В. ВЛАСЕНКО

**ПИСЬМА РОДНЫМ ПОСЛЕ
ВОЗВРАЩЕНИЯ ИЗ
г. ФРУНЗЕ , ГДЕ НАХОДИЛСЯ
В ЭВАКУАЦИИ**

27.09.1943 г.

Здравствуйте, родные мои! Сообщить нужно столько, что не знаешь, с чего начать. Вообще, думаю, что в одном письме я не смогу этого сделать. Начну с основного, наиболее нас волновавшего: бабушка наша жива и относительно здорова, а дом наш цел и почти невредим, если не считать трех-четырёх стекол и небольших трещин штукатурки. Перенесла мать очень много и только диву даешься, как она выжила. Сарай, в котором она жила, — это могила для заживо погребённых. В буквальном смысле слова, на нее текла вода с потолка и не было места, где можно было бы укрыться, так как потолок сплошь протекал. Когда уж совсем стало невозможно там жить, ее Григорьева пустила в ту хибарку, что над погребом, и мать из огня попала в полымя. Много дней подряд приходилось жить просто в погребе, там и спать, и готовить на примусе какую-то еду. Это бывало во время боев, бомбежек и обстрелов. Конечно, голодала, продавала все, что можно было продать, но это лишь в малой степени разрешало остроту положения. Ее поддерживала товарищеская помощь шатиловцев. Относятся к матери почти все ее знакомые очень хорошо. И каждый кое-что ей подбрасывал — кусочек хлеба, пару картофелин, тарелку супа...

Она вообще-то ходит. Даже пытается по своей привычке торопиться, но это ограничено комнатами, двором, соседями. Дышит очень тяжело. Видно, астма. Глухота усилилась, но упрямо уверяет, что все слышит. Значительно ослабла память. И при всем этом работает: колет щепки, стирает, готовит, топит, ставит самовар и т. д. Если проявить о старухе заботу, подкормить, согреть родственной лаской, то, пожалуй, еще несколько оправится и рюмочку выпьет в хорошей компании. Уже то, что я приехал, ее здорово взбодрило.

Теперь о нашем хозяйстве. Дом цел. Садик тоже. Но все страшно запущено. По стенам и потолкам — трещины, обмазка со двора обвалилась, печи растрескались: в комнате — от накала (немцы любили тепло), в кухне — от сотрясений воздуха. Заборы почти завалились, но не сожжены.

Из деревьев в саду пропали (замерзли) и спилены абрикос и вишня. Остальное цело и требует основательной чистки. Виноград в саду и на веранде сильно разросся. Диван мама продала за 5 000. Верх буфета разбит немцами и валяется в лачуге Верютиной. Низ в комнате и на нем — очень изящный верх от серванта, купленный у кого-то матерью. Получилась весьма странная комбинация ампира и модерна. Кухонный шифоньер и книжные шкафы — у кого-то из соседей на Шатиловке (мама знает). Заберется. Остальное все дома. Книг — ни одной. Платья, белье, скатерти, мамина посуда и прочее частью разграблено немцами, частью продано. Нет ничего. Ирочкиного трусика (кролика) — немцы съели. Мой «сывка» (бюст человека) красуется на письменном столе. Машину мама продала за 3000. Этажерок детских нет. Таковы итоги по линии наших домашних дел. Резюме: можем считать, что нам везет.

Кое-что о Шатиловке и шатиловцах. Шатиловка совершенно не пострадала, если не считать выбитых окон, кое-где разобранных заборов и т. п. И то это следы дебошей и хулиганства мерзавцев — немецких офицеров, которые в пьяном виде здесь бесчинствовали, развлекались стрельбой по окнам и мебели, швыряли в окна бутылки и кирпичи, так что многие жители предпочитали спать под кроватями, а не на кроватях. На Шатиловке горел только строительный институт. Нашел я Шатиловку такой же золотисто-зеленой, как и до войны. Жители измучились. Голод, холод, издевательства. Если помнишь, у Беспорточных жил Иван. Его, его жену Дашу и дочь Шуру 13 лет немцы повесили на балконе красного дома №4 якобы за воровство. Висели они много дней, наводя ужас на соседей, а затем трупы были сброшены в ров на съедение собакам. Калека Миша сам повесился. Не выдержал. Немых немцы били смертным боем. Сейчас они у Беспорточных уже не живут. Сына нашей молочницы Слепченко немцы отравили за то, что он противился связи своей дряни-падчерицы с немцем. Старик Краснов умер. Муж Домны Игнатъевны тоже. Юру Лукьянченко, Надю Беспорточную, Олю — внучку деда Лукьяна угнали на работу в Германию. Остальные более или менее тебе известные, кое-как выжили. Яценчиха в большой дружбе с мамой. Работает в аптеке. Адик хозяйничает: варит обед. В один день со мной приехал Жан с родителями. Панько пропал без вести. Лукич при немцах переселился в свой дом. В общем «хитров рынок» Беспорточных полностью ликвидировали, остались только хозяева.

Теперь с нетерпением буду ждать твоего письма. Все интересуется, все волнуется и беспокоится. Дня через два напишу второе письмо. Но пусть тебя не волнует, если письмо, отправленное через два дня после этого, попадет к тебе через 10 дней после получения первого. Почта работает неритмично. Обязательно Игорь и Ирочка мне пусть напишут. Каждый о своих делах и о маме. Ты, Игорек, напиши мне, как ведет себя мама. Что ты делаешь, чтобы мама кушала как следует и не переутомлялась? Принимаешь ли ты нужные меры? А ты, Ируся, напиши, как ты помогаешь маме хозяйничать.

Ну вот, дети мои. Пока хватит. И то устал от такого сочинения. Всего хорошего...

Харьков, 3.10.1943 г.

Здравствуйте, мои родные, мои дорогие! Пишу вам уже третье письмо и с непередаваемым нетерпением ожидаю вашего первого. Продолжаю сообщения о себе. Работать я уже начал. Подробно писал об этом в предыдущем послании. Сейчас немного о быте. Прикреплен к одной из столовых (Пушкинская, 49). Почти рядом с Наркоматом. Это одна из лучших в настоящее время столовых в Харькове. Получаю там завтрак и обед. Сообщу даже, что ел. Завтрак — 50 г чудесного сала, омлет из одного яйца, пшенная каша со сливочным маслом, стакан сладкого чая и 200 г хлеба (без карточки). Обед — суп с пшеном, заправленный салом, мясная котлета (гарнир — пшенная каша с маслом), стакан сладкого черного кофе. Хлеб к обеду выдается по карточке (500 г). Да! К чаю и кофе еще по 2 галетки. Таким образом, питанием я обеспечен. Сегодня узнал, что уже поданы списки профессоров для обеспечения их академпайком. Завтра пошлем дополнительные данные, так что есть надежда в ближайшем месяце получить и паек. На маму еще хлебных карточек нет, но 700 г хлеба нам хватает. Я ведь ем его очень мало. Мама варит себе супы, борщи с салом и наслаждается состоянием насыщения. Она страшно изголодалась, аппетит у нее хороший. Понемногу приходит в себя, счастлива, повеселела. Живем мы с мамой в одной комнате — в детской. Наша большая, когда я приехал, была занята лейтенантом с женой, и я не стал поднимать вопрос об освобождении. Они сами собрались было уходить, но я предложил им остаться: комната сейчас не нужна, люди они замечательные, простые. Катя — медсестра части, такая славная, снабжает маму водой, приносит из части (красный дом напротив), моет полы, иногда подкармливает (не помню, может быть, я писал уже об этом). Сегодня привез от соседей наш книжный шкаф и кухонный шифоньер, осталось забрать еще мамин стеклянный шкафчик. Ирочкина этажерка, кажется, на чердаке. Посмотрю.

О городе в целом у меня еще не полное представление. Я приехал в ночь на 26-е. Остановились мы в гостинице «Южная» (против театра «Муссури» на Благовещенской). Пришел домой, нанял подводу и съездил в гостиницу за вещами. 27 и 28 решил отлежаться с дороги, ибо почувствовал, что очень устал: растрясло и раскачало меня основательно. Плюс к этому — огромное количество переживаний. Так что я еще никуда не ходил, никуда не являлся. Пойду 29-го. И по городу прошел от вокзала по Екатеринославской, Павловской, Николаевской площадям, улице Сумской, площади Дзержинского и на Шатиловку. Видел еще Клочковскую и Благовещенскую. Все это мельком, идя за подводой с вещами. Вокзал я увидел ночью, подъезжая. Произвел он на меня гнетущее впечатление. Страшная груда развалин. Почтамт — обгорелый остов с жуткими ребрами изуродованных железных балок. Управление Южной железной дороги

и новый дом на вокзальной площади пострадали мало. На Екатеринославской разбиты снарядами универмаг возле кино и дом напротив. Сгорели клуб «Медработник», клуб милиции и огромное здание рядом с последним. Большой дом на углу Дмитриевской и Екатеринославской цел. На Павловской площади сожжены гостиница «Спартак», универмаг, «Астория» (видно, большая бомба попала в нее). Разрушен угол Дворца труда (угол Павловской и Николаевской площадей). «Яковлевские» часы идут по-прежнему, показывая «верное время». Сгорели Дом пионеров, гостиница «Красная», УИЭМ, взорван банк против Дворца пионеров. Госбанк цел. Сгорел Рабочий университет, взорвано здание немецкого посольства. Памятник Т.Г. Шевченко цел, лишь кое-где следы от пуль. Университетский сад цел. Асфальт и мостовые не испорчены. Деревья в большинстве, где я был, сохранились. Здание мединститута на Сумской сгорело, химворпус тоже. Дом проектов, Дом кооперации, гостиница «Интернациональ» взорваны изнутри и сожжены. Стоят стены. Дом промышленности лишь в одном крыле подорван и горел. В остальном — ни одного стекла, но комнаты целы и даже электропроводка в порядке. В Институте гигиены труда бомба упала как раз на кафедру биологии, и эта часть разрушена. Дом научных работников по Барачному переулку цел. Не пострадало и здание, где аптека (на Сумском базарчике). В общем, разрушена вся центральная часть города. Все лучшие здания пострадали в большей или меньшей степени. Что делается на других улицах — не знаю. Еще нигде не был. Но интересное явление: когда идешь по улице и не глядяываешься в эти разбитые витрины, разрушенные дома, кажется, что ничего и не было, что все обстоит по-старому: те же улицы, те же дома, те же мостовые. Видно, решительный штурм Харькова нашими войсками спас его от еще больших разрушений. Не успевали немцы все сжигать и взрывать.

Жизнь начинает налаживаться. Оборудован ряд точек, где берут водопроводную воду. Кое-где уже есть электроосвещение. Работают кино: 1-й Комсомольский (Сумская, 5), «Перемога» (Сумская, 10), им. К. Маркса (Свердлова), Холодногорский, Москалевский, на Тракторном. Идут спектакли театра имени Шевченко (здесь Крушельницкий, Сердюк и др.) Работает ряд частных кафе («Свой труд»), где можно получить кофе, какао (30 р.), венскую булочку (30 р.), пирожное... Цены в три-четыре раза выше фрунзенских...

А вообще пребываю в странном состоянии. Все время как в каком-то тумане. Вся жизнь вокруг кажется какой-то нереальной. Сжиться с этими жуткими разрушениями никак не могу. Каждый раз, проходя даже мимо одних и тех же зданий, содрогаешься при их виде. Хочешь освоить все это — и ничего не получается. Никак это не становится привычным. Не могу сжиться со своей столовой. Это не та столовая, к которой я привык во Фрунзе (дело не в еде, конечно). Здесь много народа. Ни одного знакомого лица. Очень торопливо приходят, так же торопливо едят и поспешно освобождают место следующему. Серьезны, молчаливы, торо-

пливы. Много военных. На улицах шумно. Без конца куда-то возят, носят, тащат столы, стулья, шкафы, рояли и прочую утварь, мебель. И тоже — все чужие. В родном городе, где прожито столько лет, только на работе да на Шатиловке увидишь знакомое лицо.

Каждый день узнаешь все новые и новые подробности тех ужасов, которые были пережиты здесь при немцах: такой-то умер от голода, тот-то отравился морфием — не выдержал, у кого-то убили детей от смешанного брака (русская и еврей), сожгли областной госпиталь с нашими ранеными бойцами (600 человек), Клавдия ходила пешком в Ромны (за 240 км) менять барахло на муку, у Васильевой обманным путем угнали 15-летнего сына в Германию, по 10 дней люди не выходили из погребов во время боев за Харьков, 9-го и 10-го немцы засыпали город бомбами, иные же были настолько депримированы, что в эти дни сидели в своих квартирах в состоянии полной прострации — жизнь потеряла свой смысл. Все это бьет по голове, как обухом. Понять это никто не поймет. Все это нужно пережить. Слушаешь, вникаешь, ужасаешься. Но собеседник резюмирует: «Да вы не можете этого понять. А главное — вы не поймете, что значит голодать в буквальном смысле этого слова. Или — что значит не чувствовать, что ты Человек. А мы это чувствовали и удивленно сами себя спрашивали: неужели же я не Человек?!». И собеседник прав. Тяжело, Ханочка. Когда все вы сюда приедете — жизнь будет налажена, обломки убраны, город подчистится, пережитое людьми начнет принимать старые формы, рассказывать о прошлом уже будут мало, надоест повторяться. И никто из вас уже не сможет воспринять все с такой остротой, как воспринимаю это я. Может быть, и лучше.

И еще немного о Харькове и харьковчанах. Видишь и узнаешь все больше и больше жутких вещей. Город очень пострадал. Я исходил уже значительную часть его. И всюду разрушения. И на больших улицах, и в переулках, и в центре, и вдали от него. Верхняя часть Сумской — сожжена вся. Пушкинская до Черноглазовской тоже. Площадь Дзержинского, Чернышевская — масса разбитых бомбами и сожженных зданий. Вот только когда забудешься, идешь по улице, глядя прямо перед собой, видишь лишь общую перспективу улицы, кажется, что она нетронута. Но стоит только глянуть вправо или влево, поднять голову — сразу же наткнешься на жуткую картину разрушения. Становится трудно с квартирами для приезжающих.

Страшные вещи рассказывают о судьбе евреев. Никто не может рассказывать об этом без слез на глазах. Даже юдофобы. Потрясающе были картины этого печального шествия тысяч евреев, выкрестившихся лет 30 тому назад. «Крещение расу не изменяет, как и костюм». А остальные, кому разрешено было жить (не еврею), если выжили — сами не понимают, как это случилось. И всякий хочет рассказать, как было, и не может. Только рукой махнет, а на глаза наворачиваются слезы. И говорят, что то, что написано в газетах, что мы слышали по радио, слишком слабо отражает ужасы, которые здесь переживались. Самые страшные моменты — это

потеря человеческой личности и голод. Могли ударить, могли плюнуть в лицо, могли «шутки ради» подколоть «слегка» штыком — и нужно было молчать, если не хотел быть убитым. И голод. Ужасный голод. За очистки картофеля с немецкой кухни могли убить друг друга. Продавали все, оставаясь в одном стареньком платице, лишь бы не быть голым. Умирали от голода, конечно, многие. Вот так жили. Кое-кто приспособливался. Кое-кто, конечно, наживался. Некоторые даже поправились. Некоторые разбогатели. Но сволочи всегда были...

А.М. УТЕВСКИЙ

ПИСЬМО ПРОФЕССОРУ И.Н. БУЛАНКИНУ

г. Томск, ул. Горького, 35
Государственный университет
Проверено военной цензурой,
Фрунзе, 12

Дорогой Иван Николаевич!

Очень обрадовался, получив от тебя письмо. Теперь знаю в общих чертах, где ты живешь и что делаешь. Отвечаю тебе тем же. Прежде всего «динамика развития». Приехал я во Фрунзе один (семья осталась в Чкалове) и прожил один около полугода. Получил на кафедре биохимии должность профессора (полставки) и организовал небольшое витаминное производство при химфармзаводе. Сначала жил в общежитии, потом получил квартиру. Работал много и на кафедре, и на производстве. Семья переехала только в июне. Все живы, здоровы и в общем устроились более или менее удовлетворительно. Город очень красив, много зелени, широкие прямые улицы. Мединститут занимает довольно хорошие помещения, хотя теперь стало в них чрезвычайно тесно. Во-первых, институт очень вырос за счет влитого в него 2-го Харьковского мединститута, а во-вторых, в нем же нашла приют и разместилась биогруппа Академии наук. На нашей кафедре биохимии, имеющей всего 4 комнаты, включая учебные, разместился институт биохимии. «Немного жирно для одного пирожка», — как говорил один джентльмен у Диккенса. Но ничего, живем, работаем и не ссоримся.

Литературы здесь по нашей специальности довольно много. Значительное количество книг и журналов привезли институты Академии наук. Кроме того, сюда приехала прекрасная библиотека Наркомпищепрома. Так что заниматься можно, читать есть что. Мне удалось наладить на кафедре флюоресцентный анализ, и я продолжаю свои исследования адреналина и симпатиков. Одновременно на производстве работаем над выпуском поливитаминных препаратов, а также пищевкусовых замени-

телей. В нашем цеху (довольно небольшом) изготовили из местного растительного сырья приличные суррогаты чая и кофе. Дело это довольно важное и серьезное, думаю, что пойдет.

Ольга Исааковна, очевидно, будет работать в химико-фармацевтическом институте. Директор института сейчас в Москве, скоро вернется, и тогда выяснится перспектива биохимической работы в институте. От Александра Васильевича давно не получал писем. На днях напишу ему. Был во Фрунзе Уманский. Он уехал из Кзыл-Орды и решил устроиться на работу где-нибудь по линии зоотехники. Я его не видел, он быстро уехал, и мы не встретились. Это мне о нем рассказывали другие.

Пиши, что делают в Томске Поляков и Лукин, как они устроены, где работают. Передай им от меня привет.

В Томске, кажется, Браунштейн Александр Евсеевич. Встречаешь ли ты его иногда? Если встретишь, передай ему привет. Что вообще поделывают виомовцы?

Напиши, ведешь ли какую-нибудь тему по институту биохимии и какую? Вообще пиши как можно больше и чаще, я в долгу не останусь.

Я уверен, что пройдет некоторое время — и мы с тобой увидимся, а потом поедем и в наш город, будем участвовать в его восстановлении в меру наших сил, возможностей и разумения. Много нужно еще запasti нервной энергии, но думаю, что хватит. Должно хватить!

Ну, будь здоров. Пиши! Крепко жму твою руку. А.Утевский.

Ольга Исааковна шлет тебе сердечный привет.

НОВЫЙ ЛЕЧЕБНЫЙ ПРЕПАРАТ

Фрунзенский фармацевтический завод Кираптекоуправления под руководством профессора Н.С. Харченко выпустил первую партию новой продукции — фолликулина. Этот органопрепарат является прекрасным лечебным средством при некоторых тяжелых гинекологических заболеваниях, а также ускоряет процессы заживания ран. До сих пор фолликулин в Средней Азии не вырабатывался.

Сейчас в цехе специальных препаратов фармацевтического завода осваивается производство овсяной витаминизированной муки для питания детей. Скоро завод начнет выпускать овсяную муку в большом количестве.

Из газеты «Советская Киргизия», № 133 от 27.06.1943

Р.У. ЛИПШИЦ

ТОРЖЕСТВУЮЩАЯ СИЛА МУЗЫКИ

Я родилась в сентябре 1920 г. в Польше, в местечке Пабяницы Лодзинского воеводства. В семье, кроме меня, были еще брат и сестра. Отец работал бухгалтером, мать занималась детьми и домашним хозяйством. Потом мы переехали в Лодзь, где я закончила 4 класса гимназии и 2 класса общеобразовательного гуманитарного лицея. Таким образом, я получила среднее образование и основательную гуманитарную подготовку: хорошо знала и любила музыку, языки, западноевропейскую литературу. Особенно любила творчество И. Гете, и эту любовь пронесла через всю мою жизнь.

В конце 1930-х годов я вступила в комсомол и была членом подпольной комсомольской организации в Лодзи. С приходом в Польшу фашистов начались страшные дни оккупации, сопровождавшиеся расстрелами мирных жителей, издевательствами над людьми. Мне, как и моим товарищам, грозила смертельная опасность, и потому, когда Красная Армия освободила Западную Украину, я тайно перешла через границу и до мая 1940 г. жила и работала в г. Львове.

Затем я переехала в г. Лутугино Ворошиловградской области, работала лаборантом на металлургическом заводе и готовилась к поступлению в медицинский институт. В этом же году я стала студенткой санитарно-гигиенического факультета Харьковского медицинского института. Вначале мне удавалось поддерживать редкую связь с родителями, но в 1941 г. они попали в Лодзинское гетто, и наша связь оборвалась.

Началась Великая Отечественная война. Немцы стремительно продвигались в нашу страну. Мы, студенты, принимали посильное участие в общей работе по укреплению обороноспособности страны. Многие работали в госпиталях, которые разворачивались в Харькове на базе клиник и больниц. Основная масса, кроме призванных в действующую армию, рыла окопы и возводила заградительные сооружения. Я работала вместе со всеми на рытье окопов в Богодуховском районе. Было очень тяжело, мы страдали от частых налетов вражеской авиации, наша обувь превра-

тилась в лохмотья, и когда мы пешком возвращались в Харьков, некоторые вынуждены были обматывать ноги тряпьем, чтобы не идти босиком. Но, помня о зверствах фашистов на моей родине, я говорила себе: «Пусть самые страшные испытания, только не оккупация!».

С 1-м Харьковским медицинским институтом я эвакуировалась в г. Чкалов (ныне Оренбург). Жили трудно: не хватало жилья, еды, тепла, одежды — словом, всего того, что необходимо человеку для нормальной жизни. Но мы жили, учились, работали, дежурия в госпиталях, разгружая санитарные поезда, расчищая железнодорожные пути, помогая в сельскохозяйственных делах. А в душе постоянно жила тревога о близких, о судьбе страны.

Постепенно налаживался военный быт. Мы начали получать обеды в студенческой столовой. Вместе со студентами в очереди на раздачу пищи стояли известные профессора и доценты: Д.Е. Альперн, Б.В. Алешин, С.Г. Миронов, но никто из них не соглашался пройти вперед, когда студенты уступали им место впереди себя: в то страшное время мы имели равные права на жизнь.

Запомнился Новый, 1942 год. К празднику в столовой приготовили тыквенную кашу, которая показалась нам необыкновенно вкусным и изысканным блюдом. С тех пор тыквенная каша ассоциируется в моей памяти с годами пребывания в Чкалове.

Основная масса студентов всецело отдавалась учебе и работе. Все мы стремились как можно лучше учиться, чтобы получить крепкие знания. Хорошо помню вечер, организованный и проведенный профессором Д.Е. Альперном, на тему «100 вопросов по аллергии». Он был очень интересным и поучительным. Помню, как сдавала экзамен по гистологии профессору Б.В. Алешину. Я очень волновалась, но, когда зашла в аудиторию, профессор сказал, что поставил мне отличную оценку «автоматом», зная мою хорошую подготовку по своему предмету. И я расплакалась, хотя, казалось, должна была бы радоваться. Но мне так хотелось отвечать, чтобы еще раз убедиться самой в том, что материал усвоен хорошо, и порадовать профессора хорошим ответом.

Я училась с удовольствием, мне доставляло радость получение все новых и новых знаний. Заведующие кафедрами старались отметить успехи студентов и делали это сообразно с возможностями военного времени. Мне, например, 21 ноября 1943 г. на кафедре эпидемиологии были вручены две брошюры: «Сборник инструктивных указаний по профилактике холеры» и «Организационно-методические материалы. Инструкции по прививкам против желудочно-кишечных заболеваний» с дарственной надписью профессора М.Н. Соловьева: «Студентке Р.У. Липшиц от кафедры эпидемиологии за хорошие успехи».

В Чкалове в то время было много эвакуированных учреждений, среди них театры и Ленинградский симфонический оркестр. И однажды мы с подружкой попали на концерт этого оркестра, что стало потом моим самым ярким воспоминанием периода эвакуации. Исполнялась 9-я

симфония Бетховена. Известно, что в ее финале звучат вдохновенные слова оды Шиллера «К радости», которую я знала в подлиннике и очень любила. Надо сказать, что с самого начала 2-й Мировой войны, с 1939 года, я часто задавала себе вопрос, как мог в такой культурной европейской стране, как Германия, давшей миру великих поэтов и композиторов, зародиться и расцвести гитлеровский фашизм.

Наконец, мы в зале. Музыка захватила нас целиком. Она так соответствовала нашему душевному настрою, что, казалось, мы растворились в ней. Вот звучит траурная мелодия, напоминая о страшных жертвах войны. Она навеивает печаль, на глазах невольно появляются слезы. Но все сумрачное, связанное с жестокой борьбой и душевными переживаниями, постепенно уходит, становится очень далеким, а в музыке уже звучат мажорные тона. Она как будто говорит: «Человек должен бороться за общее счастье, за лучшую долю». Эту мысль Бетховен, как никто другой, прекрасно воплотил в своей симфонии. Вступает хор, звучат слова Шиллера из оды «К радости». В них вера в то, что люди завоюют свободу и через страдания придут к радости, к победе. В это только надо верить!

С концерта мы возвращались, окрыленные верой, музыка пела в душе, и я сказала подруге: «Все равно, мы обязательно победим, будет еще праздник и на нашей улице!».

До конца войны, до возвращения в Харьков у меня хранился томик И. Гете «Фауст», который очень помогал мне поддерживать силу духа, бодрость и веру в победу. Это было тем более необходимо, что в 1945 г. я узнала о гибели всех моих родных в Лодзинском гетто.

Б.М. СМОЛКИНА

**ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА,
ВСЕ ДЛЯ ЖИЗНИ**

Родом я из Белоруссии, из Гомельской области. До начала войны успела закончить Гомельский пединститут, аспирантуру при Белорусском государственном университете по кафедре зоологии и готова была к защите кандидатской диссертации. С декабря 1940 г. преподавала в Пинском учительском институте. Первые дни войны остались в моей памяти как время большой

неопределенности (подчас одни сообщения менялись на прямо противоположные) и время большой ответственности (под моим руководством осталась группа студентов, я отвечала за их эвакуацию из зоны возможных военных действий). С большим трудом добралась к родным в Гомель, когда уже остро стоял вопрос об эвакуации на восток. Сестра с больным ребенком боялась ехать, мать осталась с ней, я эвакуировалась с племянницей и к началу учебного года оказалась в Чкалове (ныне Оренбург).

В чужом городе, с ребенком на руках, я не могла устроиться на работу, так как мои документы об образовании остались в институтском сейфе в Пинске. У меня чудом сохранилось удостоверение аспиранта с разрешением на проживание в общежитии Белорусского университета. При наличии этого «документа» меня и взяли на работу в Чкаловский пединститут.

Во второй половине октября 1941 г. в Чкалов прибыл 1-й Харьковский медицинский институт. По моему образованию мне ближе была работа именно в медицинском институте. Я обратилась к директору ХМИ проф. А.М. Гаспаряну и уже с 10 ноября работала препаратором на кафедре анатомии человека.

В Чкалове в это время скопилось много эвакуированных учреждений и высших учебных заведений. Помещений не хватало, кафедры института размещались по городу в порядке уплотнения. Ну а кафедру анатомии вместе с кафедрами гистологии и физиологии разместили в старинном особняке, построенном еще до революции одним из богатых оренбургских купцов. Внутреннее обустройство производило большое впечатление: высокие лепные потолки, зеркальные двери, роспись на стенах. Но надо было думать о том, чтобы приспособить это помещение под учебные аудитории. В работе принимали участие все преподаватели и студенты. Был оборудован большой лекционный зал, отведена комната для учебного музея, в небольших комнатах устроены препаровочные, в подвале поставили печь, где в обычных бельевых выварках вываривали кости. Здесь же были комнаты для преподавателей и лаборантов.

Институтская жизнь текла одновременно в нескольких руслах: не прекращаясь, шли занятия по 8–10 часов в день, оборудовались кафедры, готовились учебные пособия, обустроивался быт преподавателей и студентов.

В связи с недостатком атласов и учебников профессор Отелин дал задание на ватманских листах воспроизвести таблицы всех костей скелета и отдельных костей черепа. Эти таблицы висели на стенах музея, а под ними мы разместили в ящиках сделанные уже в Чкалове костные препараты. Вот здесь студенты и учили кости, чаще всего стоя, потому что катастрофически не хватало стульев, зимой в куртках и пальто, поверх которых были надеты белые халаты. Помещения нашей кафедры не отапливались, было очень холодно, казалось, никогда уже не согреемся. Но мы жили: работали, учились, принимали участие во всех общественных мероприятиях.

В Чкалове заново создавался комитет комсомола института, потому что прежний практически распался во время эвакуации: кто-то досрочно

выпустился и ушел на фронт, кто-то эвакуировался с родителями. В новом комитете комсомола меня избрали секретарем, и я с головой ушла в напряженную комсомольскую работу. Мы считали тогда, что комсомолец не имеет права учиться посредственно, что он должен быть впереди во всех институтских делах. И мы доказывали это своей работой. Надо было заготавливать топливо — комсомольцы перевыполняли норму и вырабатывали право на дополнительные кубометры, надо было помогать колхозам и совхозам на лесозаготовках — и в 1942 г. на этих работах было занято 622 преподавателя и студента. Надо было сажать и убирать овощи на выделенных институту 5 гектарах земли — мы собрали в том году урожай около 35 тонн картофеля, который за вычетом семенного фонда был весь передан в институтскую столовую.

Постепенно обустроивался быт студентов, которые в основном жили по «углам». В архивных материалах я однажды встретила отчет 1942 г. с перечнем вещей, выданных во временное пользование преподавателям и студентам, прибывшим в Чкалов. Вот этот список: матрасов — 17, одеял — 170, простыней — 351, полотенце — 224, занавесок — 73 и т. д. Долгое время отдельные семьи преподавателей жили в спортивном зале, разделив его тканевыми перегородками на отдельные отсеки. Импровизированной мебелью служили ящики, в которых привезли институтское оборудование. Они были предоставлены также во временное пользование, так как никто не сомневался в том, что мы скоро вернемся в Харьков и эти ящики снова понадобятся для той же цели.

Вся комсомольская работа подчинена одному: оказанию помощи фронту. Каждый старался принять посильное участие в разгроме фашистского зверя. После занятий мы часто ходили на расчистку железнодорожных путей от снега, помогали выносить раненых из санитарных поездов, работали в госпиталях. Студенты выступали с концертами перед ранеными бойцами, писали под диктовку письма их родным, помогали медперсоналу. У нас была группа из 30 человек, которая постоянно дежурила в палатах для тяжелораненых. И каждый студент старшего курса считал за честь попасть в эту группу. Мы собирали подарки для отправки на фронт бойцам, стирали солдатское белье и делали много других полезных дел.

Конечно, молодость брала свое, и мы находили время и для отдыха, для веселья. Устраивали вечера и приглашали на них артистов эвакуированных театров, которые тоже находились в Чкалове. У нас в гостях побывали артисты Малого Ленинградского оперного театра Шапошников, Кильчевский, Модестов и др. Несколько раз на встречу со студентами-медиками приезжал композитор В. Соловьев-Седой.

Помню курсовые вечера в студенческой столовой. Чтобы устроить угощение вечером, мы собирали талоны для питания за день. И не беда, что не поедим днем, зато вечером собираемся в столовой, и на столах нас ждет скромная еда военного времени, казавшаяся тогда необыкновенно вкусной. Здесь устраивались литературные диспуты, викторины.

Прекрасный вечер на тему «100 вопросов по аллергии» устроен был под руководством проф. Д.Е. Альперна.

Большое внимание уделялось поддержанию спортивной формы. Все студенты сдавали нормы ПВХО (противовоздушной и химической обороны), а также нормы ГТО и ГСО 1-й ступени (готов к труду и обороне; готов к санитарной обороне). Проводились кроссы, марш-броски. В Чкалове комсомольцы-медики организовали лыжный переход на 340 км по маршруту Чкалов–Шарлык–Чкалов. Он был единственным в области и приобрел широкую известность. В нем участвовало 10 студентов-бойцов, которые проводили в пути санитарно-просветительскую работу. Согласно распоряжению народного комиссариата обороны со студентами-мужчинами проводились занятия по всеобучу по 110-часовой программе.

И наконец, радостное известие — освобожден Харьков. В июне 1944 г. наш эшелон выгрузился в родном городе. Здание общежития по ул. Веснина, 14 стояло без окон и дверей, в комнатах — битый камень и стекло, окна заложены кирпичом. Не было света, воды, но все были счастливы: мы в родном городе. Комсомольцы приняли самое активное участие в расчистке Харькова от руин. Были разрушены гистологический и химический корпуса мединститута, руины которых мы тоже разбирали. На месте одного из них на площади Дзержинского между зданиями военной академии и гостиницы «Харьков» комсомольцы института посадили сквер. На месте другого был построен Дом техники. Мы ремонтировали Госпром, вокзал и многие другие объекты. А самое главное — мы реконструировали и достраивали здание нашего морфологического корпуса.

Растет и хорошеет родной город. И когда едешь его улицами, бываешь в городском саду имени Шевченко, с гордостью думаешь о том, что частица труда комсомольцев 1940–1950 гг., вложена в общую копилку дел, совершавшихся под девизом: «Все для фронта, все для жизни!».

ТВОРЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ КИРГИЗИИ

Вчера в зале заседаний Дома правительства собрались ученые нашей республики для того, чтобы обсудить вопрос о том, как успешнее перестроить научную работу в соответствии с приказом любимого Сталина. Открывая конференцию научных работников, член Президиума республиканского Комитета наук, заведующая отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б) Киргизии товарищ Нефедова с полным основанием говорила:

– Каждый советский ученый — прежде всего пламенный патриот своей родины. Его сердце полно жгучей ненависти к фашистским захватчикам. Он горит желанием отдать все свои силы, всю свою энергию, а если понадобится — и жизнь для освобождения своей родины от фашистской

нечисти, для выполнения сталинского приказа о разгроме гитлеровцев в 1942 году.

С величайшим воодушевлением ученые избирают в почетный президиум конференции Политбюро ЦК ВКП(б), а также товарищей Димитрова, Тимошенко, Буденного. При упоминании имени великого Сталина долго не прекращаются овации.

Слово для доклада получает председатель Комитета наук при Совнаркоме Киргизской ССР профессор П.В. Власенко. Тема его выступления «Задачи научно-исследовательских учреждений Киргизии в 1942 году». Он говорит:

– На военный лад перестроили свою работу научно-исследовательские учреждения республики. К примеру, научно-исследовательский институт животноводства. Помощь его животноводческому хозяйству республики чрезвычайно значительна. Институт провел огромную племенную работу с прекосом и его метисами в овцеводстве, со швицкими и аулизатинским скотом, с ангорскими и придонскими козами, с крупными белыми свиньями и их метисами.

Вместе с тем докладчик указывает на ряд существенных недостатков в работе научно-исследовательских учреждений, отмечая, что еще не все научно-исследовательские учреждения работают на уровне требований военного времени. В некоторых институтах совершенно неудовлетворительно поставлено планирование научной работы. Так, например, сельскохозяйственный институт разработал на 1942 год такой план научно-исследовательской деятельности, что через 4 месяца его пришлось кардинально перерабатывать. Общим недостатком в работе почти всех научных учреждений является слабое внедрение результатов научно-исследовательской деятельности в промышленное и сельскохозяйственное производство.

Докладчик излагает подробный план дальнейшего развития научной работы в республике.

После доклада развернулись оживленные прения. Их открывает член-корреспондент Академии Наук СССР Х.С. Коштыянец. Он выступает по поручению старейшего ученого советской страны академика Баха, передает от его имени научным работникам Киргизии привет и пожелание никогда не забывать о том, что советский ученый в долгу перед своим народом, перед своей родиной. Оплатить этот долг — значит беззаветно трудиться на благо своего народа, а следовательно, прежде всего для фронта, для победы над врагом. Товарищ Коштыянец рассказывает подробно о большой работе, проделанной и продельваемой Академией наук СССР в помощь народному хозяйству Киргизии.

Директор сельхозинститута Н.В. Нечаев в своем выступлении подвергает критике работу Комитета наук. Доктор технических наук, профессор В.М. Келдыш говорит о роли науки в изыскании новых строительных материалов. С большой яркой речью о проблемах, связанных с производством витаминов, выступил член-корреспондент Украинской ака-

демии наук А.М. Утевский. В прениях также приняли участие товарищи Токомбаев — директор Киргизского научно-исследовательского института истории языка и литературы, Захарьев — замнаркома земледелия, Выходцев — кандидат биологических наук и Эльберт — доктор медицинских наук.

В работе конференции приняли участие руководители партии и правительства Киргизской республики.

Конференция послала приветственную телеграмму товарищу Сталину.
«Советская Киргизия» 09.05.1942

Н.Н. МАДИЕВСКАЯ

2-Й ХМИ В КИРГИЗИИ

Так случилось, что я с семьей была эвакуирована в г. Фрунзе Киргизской ССР. В 1942 г. я окончила 10 классов и без экзаменов как отличница была зачислена в Киргизский медицинский институт, в который в это время влился эвакуированный из Харькова 2-й Медицинский институт. Я прочилась во Фрунзе только один учебный год, но он запомнился мне не учебными занятиями, а непосильной для девичьих сил, подчас граничившей с каторжной работой на так называемом трудовом фронте.

Перед началом занятий на первом курсе нас отправили работать на БЧК — строительство Большого Чуйского канала. Работы велись в горах. По подвесным мосткам, раскачивающимся под нашими ногами, и днем, и в сумерках мы по двое на носилках выносили камни из ложа канала.

В течение первого учебного года мы были мобилизованы также на торфоразработки. Работали вместе с заключенными и ссыльными немцами Поволжья. Каждому была установлена норма выработки: выполнишь — получишь пайку хлеба в 400 г, перевыполнишь норму — 600 г.

Жили мы в огромных полотняных палатках, часто просыпались утром среди выпавшего за ночь снега. Нам были выданы металлические плетеные корзины, которые мы наполняли собранной с поверхности торфяного поля крошкой и выносили в определенное место. После нас рабочие резали очищенный торф брусками, которые затем вывозили транспортом.

Руки были растерты до крови, болели спина, ноги. Здесь я заработала себе страшную флегмону правой кисти, которая быстро стала распространяться вверх по внутренней стороне руки до локтя. В бессознательном состоянии, с температурой 40 градусов меня на торфе отправили в город. Операцию делал директор института, заведующий кафедрой хирургии П.Л. Шупик. Хорошо помню, как он сказал мне перед выпиской: «Ты, девочка, родилась счастливой: еще день — и мы бы тебе руку не спасли».

После окончания первого курса мы снова были отправлены на трудовой фронт. На этот раз мы имели дело с коноплей и кенафом. Поле, засеянное этими растениями, было разделено на квадраты, к каждому из которых был придан трактор с устройством для подрезывания кустов в человеческий рост. Пока трактор прошел в одну сторону, надо было успеть собрать растения в подобие снопов, перевязать и оттащить их в сторону. Все было бы ничего, но среди усыпанного комочками земли зеленого месива надо было выбрать ненужную траву, а защиты для рук не было никакой. И поэтому к концу рабочего дня тыльная сторона наших рук превращалась в кровавое месиво. Это было невероятно больно, но мы работали.

Вернувшись в Харьков, я продолжала уже учебу в объединенном Харьковском медицинском институте. И здесь приходилось принимать участие в трудовых десантах, но это была работа, связанная с очисткой участков от разрушенных домов, разбором завалов, а впоследствии и обустройством скверов и посадкой деревьев. Это были мирные хлопоты, и комсомольцы института с ответственностью относились к работе. В учебных аудиториях мы встречались с теми профессорами, которых знали по г. Фрунзе, особую память оставили лекции А.М. Утевского, Н.С. Харченко, занятия Г.Д. Лещенко. После окончания института с отличием я достаточно долгое время работала на кафедре биохимии под руководством Арона Михайловича Утевского, благодарную память о котором сохранила на всю свою жизнь.

Н.Л. БИТЧУК

**РАССКАЗ АКАДЕМИКА
Л.Т. МАЛОЙ О ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

Во время учебы в институте мне неоднократно приходилось слышать воспоминания Л.Т. Малой о годах войны. Любовь Трофимовна окончила Харьковский медицинский институт в 1938 году. В 1941, когда началась Великая Отечественная война, восемьдесят процентов ее однокурсников, как и она сама, были призваны на фронт. Больше половины из них с фронта не вернулось.

Что такое фронт — может до конца осознать только тот, кто там был. Это ужас для мужчин, а что же говорить о женщинах! Однако, несмотря на нервные срывы, которые имели разное проявление, и женщины, и мужчины продолжали выполнять то, что было возложено на них.

На фоне нервного перенапряжения, вспоминала Любовь Трофимовна, у нее развился несахарный диабет, одним из ведущих симптомов которого является неукротимая жажда.

— Это только в книгах написано, что питуитрин помогает при этом заболевании, — рассказывала Любовь Трофимовна. Я вдыхала питуитрин бесконечно, но жажда не прекращалась. Дело доходило до того, что, шагая в колонне, я была вынуждена выходить из строя и пить воду даже из луж, по которым прошли тысячи и тысячи солдат, конница, механизированная техника. Ничто остановить меня не могло. И такая я была не одна. В послевоенные годы мне удалось справиться с этим заболеванием, но ужасы войны не оставляют меня до последнего времени.

В мае 1963 года, в год двадцатипятилетия окончания Харьковского медицинского института, впервые после войны собрались на встречу однокурсники Л.Т. Малой, столько пережившие в те страшные годы. Любовь Трофимовна приложила много сил, чтобы во время встречи ее сокурсники хотя бы мысленно могли возвратиться в свою молодость.

Т.Д. ЧЕПУРНАЯ

УЧЕБА, ПРЕРВАННАЯ ВОЙНОЙ

В 1938 г. я окончила среднюю школу №2 Харьковской железной дороги. На основании постановления СНК (Совета народных комиссаров) СССР от 1935 года я пользовалась правом поступления в высшую школу без экзаменов и поступила на лечебный факультет 1-го ХМИ.

Главным предметом для нас на первых курсах была анатомия, мы начали изучать кости скелета. На первом занятии ассистент Рябов поставил на стол перед нами череп, все кости которого были раскрашены в разные цвета (зеленый, желтый, розовый и т. д.). Положив на него руку, он сказал:

– Это череп моей жены...

Тишина, все онемели, но он продолжил:

– Да, она изучала по нему всю анатомию черепа и через 1,5 года сдала полулекарский экзамен по черепу на «отлично».

Мы вздохнули с облегчением. Так начались наши занятия в анатомике. Наиболее яркие воспоминания остались от профессорских лекций. Интересными были лекции по анатомии Р.Д. Синельникова и П.А. Евдокимова, но особенно мы любили слушать Анатолия Ивановича Струкова — профессора кафедры патологической анатомии. Он сопровождал лекции показом слайдов, они проходили в большой аудитории химкорпуса на площади Дзержинского (ныне площадь Свободы), который сгорел во время войны. Там же слушали лекции по фармакологии профессора А.И. Черкеса. Когда он читал раздел «Наркотические вещества», аудитория ломилась от желающих послушать ее. В белоснежном халате нараспашку профессор «взлетал» на кафедру и начинал свой рассказ. Он не только рассказывал, но и показывал в живых картинах, как чувствует себя человек, принявший наркотическое вещество. Он разъяснял, что алкоголь и наркотики по-разному воздействуют на настроение и мозг человека: алкоголь раскрепощает, а наркотик «погружает в мир иной». Он описывал курильни опиума в Китае того времени. Студенты внимали ему, стоя и сидя на ступеньках, в проходах аудитории.

Наступил 1941 год. Мы заканчивали 3-й курс, на 22 июня был назначен экзамен по фармакологии. Втроем с подругами мы зубрили фармаколо-

гию, а в 5 часов утра 22 июня нас разбудили взрывы первых немецких бомб. Харьков бомбили, бомба упала в районе Московского проспекта. Очевидно, целились в электростанцию, но разрушили кинотеатр. Экзамен состоялся, но как мы его сдавали... Все мысли были только о начале войны.

После окончания экзаменов нас на неделю отпустили по домам, а затем мы вернулись к занятиям, теперь уже на 4-й курс. Но учиться пришлось недолго, так как мы все были мобилизованы и распределены по больницам и госпиталям как средние медработники. Студентов же 4-го курса выпустили без дипломов со званием «зауряд-врачи 3-го ранга». Это значило, что после окончания войны они могли, сдав государственный экзамен, получить дипломы, что многие из них впоследствии и сделали.

Война переломала много судеб. Не была исключением и я. Полтора года я прожила в оккупированном Харькове, работая в лаборатории санитарно-эпидемиологической службы Южной железной дороги. В 1944 г. институт возвратился из эвакуации в Харьков, и я возобновила обучение, продолжая работать вечерами в лаборатории. В 1945 г. перешла полностью на учебу, так как надо было готовиться к государственным экзаменам. 30 июля 1945 г. я получила диплом врача по специальности «Лечебное дело» и военный билет лейтенанта медицинской службы.

Прошли годы, но я хорошо помню многих преподавателей, лекции которых слушала и которым сдавала экзамены. Помню Грищенко-старшего (Ивана Ивановича), его прекрасные лекции по акушерству и гинекологии; Бокариуса-младшего (Николая Николаевича), его блестящие рассказы из области судебной медицины, в которых он приводил различные курьезы, что оживляло сухость этой специальности. Прекрасного хирурга Александра Захаровича Цейтлина мы называли «Сахар Сахарович», потому что он часто употреблял слова в уменьшительно-ласкательном виде. Он говорил, например: «Будем оперировать аппендицитик или язвочку» и т. п. Помню ироничного Г.Л. Дермана, мягкого В.А. Белоусова, у меня до сих пор хранится Атлас анатомии, начатый и разработанный В.П. Воробьевым, над которым впоследствии работал Р.Д. Синельников.

Окончив институт, по распределению я начала работать врачом хирургического кабинета в поликлинике. Но в 1948 г. по распоряжению Минздрава СССР меня направили на двухмесячные курсы усовершенствования при Центральной научно-государственной медицинской библиотеке, по окончании которых я была переведена на должность главного библиографа в Харьковской научной медицинской библиотеке. Она занимала тогда чуть ли не первое место в Советском Союзе, а в Украине была лучшей и по фондам и по научным работам, центром знаний для многих врачей и научных работников. У нас будущий академик Л.Т. Малая работала над кандидатской и докторской диссертациями. Здесь я написала первую свою библиографическую работу «Об эфирном наркозе», включающую 212 названий. Последняя моя библиография (в соавторстве) называется «Здравоохранение и медицинская наука Харьковщины за пятьдесят лет

(1918–1967 гг.)». Всего же мной подготовлено 32 библиографические работы.

Много потрудились я и в практическом здравоохранении. В связи с этим мне хочется вспомнить о том, как пригодилась латынь. Ведь в то время рецепты выписывали только на латыни с указанием точной дозировки ингредиентов лекарства. В аптеках изготавливали микстуры, капли, порошки и т. п.

В декабре 1967 г. состоялась встреча выпускников, поступивших в ХМИ в 1938 г. Было много врачей из разных городов Союза, которые, будучи разбросаны войной, закончили медицинские институты в других городах и даже после войны. Встреча получилась незабываемой. Мы узнавали своих бывших сокурсников иногда только по фотографиям. Лица проявлялись в памяти, как на фото. Все мы прошли страшные тяжелые испытания, кто на фронте, а кто в тылу, но досталось всем. На память сфотографировались на ступеньках нового здания ХМИ на пр. Ленина, 4. Хотя, когда мы учились, главный корпус был на ул. Сумской, 41, перед анатомкой. Он, к сожалению, тоже был разрушен во время войны. Память об учебе в Харьковском медицинском институте будет храниться в наших сердцах всегда.

В.Г. ПОЧЕПЦОВ

БІЙЦІ САНІТАРНОГО ФРОНТУ

Коли мирне життя нашого народу раптом перервав віроломний напад фашистських орд, коли Червона Армія героїчно відбивала натиск загарбників, радянські люди в тилу робили все для того, щоб забезпечити фронт усім необхідним. Медики надавали допомогу пораненим воїнам, використовуючи досвід і досягнення вітчизняної військово-польової хірургії.

Мені, як і багатьом іншим студентам старших курсів військово-медичного факультету, довелося достроково закінчити вуз і одержати призначення на фронт. Спочатку був командиром санітарного взводу, брав участь у військових діях на Північно-Західному фронті. У відділеннях, взводах і ротах батальйону санітарами і санінструкторами були воїни-чоловіки, які вже мали бойовий досвід. У період наступу вони успішно

виконували свої обов'язки на полі бою, надавали першу медичну допомогу пораненим і в разі необхідності переносили їх в укриття. Все це відбувалося під безперервним обстрілом, а доля поранених часто залежала від першої медичної допомоги. Першу допомогу надавали в окремих стрілецьких батальйонах, зовсім близько від переднього краю. Ці пункти теж перебували під обстрілом.

Пам'ятаю санітара Воробйова, досвідченого, сміливого воїна. Ще за бої на Халхін-Голі він одержав орден Червоної Зірки. Воробйов багато в чому допоміг мені, молодому лікареві, у перші дні перебування на передовій — під час боїв у районі Старої Руси власноруч виніс з поля бою понад 40 солдат і офіцерів. А бої там були жорстокі.

Після поранення я знову повернувся на фронт, але вже на посаду лікаря 856-го стрілецького полку 150-ї дивізії, яка воювала на Калінинському фронті. У складі медсанпідрозділів полку вже були дівчата комсомольського призову. Важко собі уявити, як змогли вони перенести всі труднощі служби, проявляли справжню доблесть і відвагу. Як приклад можна навести випадок з нашою санітаркою Ларисою Іваненко. Виносячи пораненого офіцера під час бою, вона опинилася на нічийній смузі. Один із фашистів вирішив полонити дівчину або ж вбити її. Есесівця Лариса побачила вже поруч. Вона не розгубилася, схопила пістолет командира, якого перев'язувала, і майже впритул розстріляла гітлерівця. За участь у цьому бою Л. Іваненко була нагороджена медаллю. Багато дівчаток-комсомолок, працівників медичних закладів прифронтових районів удостоєні високих урядових нагород. Вони зробили величезний внесок у перемогу над ворогом.

Е.Я. ГРЕЧАНИНА

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

...Среднюю школу я окончила с медалью. Отнесла ее в Харьковский медицинский институт, и будущий ректор ХМИ А.Я. Цыганенко после пятиминутного собеседования зачислил меня на лечебный факультет. Счастье было безмерным. И вот я студентка. Но связь с родной школой продолжа-

лась через любовь к учителям и их дисциплинам. Незабываемым и ярким предметом в нашей школе была физкультура на стадионе «Металлист». Какой славный был у нас физрук. Это благодаря ему я в институте начала играть «на мастеров» по волейболу. Затем этот вид спорта стал частью моей жизни и хорошо был ассоциирован с акушерством: суточное дежурство в родзале — самолет — вылет на сборы — игра в роли капитана команды — и на следующие сутки снова в операционную. Однажды была перетренировка — прямо на улице потеряла сознание. Утром уже играла на первенстве Украины. Так я закалялась. А если добавить наличие ребенка, которого нянчила моя бабушка Анастасия Савельевна, мой нежный друг и наставник, самый главный педиатр тех лет, то становится очевидным: жизнь меня готовила к испытаниям, а перенесенная клиническая смерть была Рубиконом.

Бесконечный калейдоскоп новых знаний в мединституте, которые дали нам интеллигентные, строгие, образованные преподаватели, хорошо сочетался с ярким миром студентов. Наша первая группа по окончании ХМИ получила девять из 11 дипломов с отличием, показала образец истинной шестилетней дружбы и нежной заботы друг о друге. А Петя Волошин, наш староста курса и член группы, старший и умнейший из нас, пришедший после армии, сделал для нас столько, на сколько способен лучший из старших братьев. Профессор П.В. Волошин всю жизнь работает рядом со мной, возглавляет институт неврологии и психиатрии, и за всю жизнь его камертон был верным настройщиком глубокой человеческой порядочности.

Наши учителя профессора А.М. Утевский, С.Я. Штейнберг, В.А. Беловусов, Н.Н. Бокариус, И.И. Грищенко, В.И. Шаповал учили не только врачебному искусству, но и открывали мир. С доцентом Верисоцким (нашим воспитателем на первом курсе) мы посещали музеи, театры, планетарий, а лучшим экскурсоводом был именно он.

Вузовские вечера в Оперном театре напоминали балы прошлого. Спектакли мы ставили сами, на сцене не было профессионалов, но она излучала столько добра и искренности, превращаясь в энергетический поток добра и света. Затем — танцы. Ощущение парения в вальсе осталось на всю жизнь.

Число свадеб нарастало с 3-го курса. И каждой паре курс дарил подарок, чаще утилитарный — серебряные «фраже» (тогда они стоили копейки, например, 5 рублей стоил половник серебряный при стипендии 290 рублей). Дарили на перерывах между лекциями, и аудитория ликовала.

Я не оставляла спорт. На четвертом курсе меня пригласили в волейбольную сборную ДСО «Буревестник». Это был подарок судьбы, но недолгий — всего лишь год. Рождение первой дочери прервало волейбольный полет. Когда ей было 3 месяца, я возобновила тренировки.

Научная жизнь началась в 1960 г. на кафедре акушерства и гинекологии под руководством профессора Р.И. Малыхиной, хотя моя первая научная работа была опубликована еще в 1959 году, в год моего окончания инсти-

тута. Наш научный кружок оставил самые светлые воспоминания о честной науке, глубоких знаниях и душевной щедрости учителей — Р.И. Малыхиной, В.А. Шилейко, Н.А. Зайцева.

Последнему, Зайцеву, я обязана своим вторым рождением, а Р.И. Малыхиной и В.А. Шилейко — рождением во мне врача. Если я что-то и сумела сделать в этой жизни, то благодаря фундаменту врачевания, выстроенному этими двумя замечательными врачами, учителями, учеными, женщинами и моим учителем в аспирантуре Иваном Ивановичем Грищенко.

Иван Иванович Грищенко вошел в историю отечественной и мировой науки как Великий Акушер с безграничными знаниями о женщине, матери и ребенке. Он был патриархом акушерства в Советском Союзе. Фундаментальные знания, полученные от классиков мировой науки о женщине — Бума, Гентера, Лазаревича, соединились в нем с необычайной способностью видеть научную перспективу не менее чем на 100 лет вперед. Это он впервые в нашей стране осознал возможность исправления природной ошибки при формировании пола человека, не только глубоко изучил проблему, но и спас сотни жизней людей, безжалостно названных гермафродитами. Разработав и применив уникальные методы хирургической коррекции, он приводил в соответствие психосоциальную ориентацию больных с характером строения половых органов, создал возможность полноценной жизни таким людям, которые в будущем стали для общества чрезвычайно полезными — врачами, учителями, мастерами. Это было одно из важнейших дел его жизни. Как только слово «генетика» вышло из полного запрета, Иван Иванович, всегда умевший говорить «я не знаю», отдал эту проблему на изучение мне, с позиции существовавших в то время генетических знаний, со словами: «Вся надежда на Вас, я зашел в тупик...»

Он всегда умел доверять молодым: во время операций, которые он проводил совместно с молодыми специалистами, его руки спокойно лежали вокруг раны, а руки юного врача проводили оперативное вмешательство. В операционной было тихо и спокойно, потому что все знали: в любую минуту его необычно быстрые, сильные и нежные руки (о чем свидетельствовали все пациентки), приходили на помощь. Само доверие к молодым специалистам способствовало их быстрому профессиональному росту. Его ученики украшали своей работой акушерскую службу во многих городах Украины.

Именно он, сказав «я не знаю», призвал к развитию генетики в городе Харькове. В этом случае его призыв должен был быть реализованным тотчас же, потому что это был стиль его работы. Он не терял ни единой минуты на пустые дела и беседы, и поэтому уже через несколько месяцев после его предложения в 1965 году в соответствии с приказом главврача облклинической больницы Л.А. Гаевского возникла лаборатория медицинской генетики на кафедре акушерства и гинекологии Харьковского медицинского института. В его клинике был сделан первый в Союзе амниоцентез при резус-конфликте матери и плода. Акушерская общественность в лице

главного акушера-гинеколога Союза профессора Л. Персианинова вначале осудила такое вмешательство, а потом постаралась забыть приоритет Ивана Ивановича Грищенко. Но об этом помнят все дети, которые выжили и стали здоровыми и счастливыми благодаря тому, что в клинике Ивана Ивановича многие годы эффективно боролись с реуз-конфликтом. В его клинике была самая высокопрофессиональная акушерская школа в Советском Союзе, последняя перед рождением нового акушерства. Об этом можно говорить только с большим сожалением. Иван Иванович «виноват» в том, что именно в его клинике возродилась клиническая генетика, заложенная в свое время таким же Великим врачом Сергеем Николаевичем Давиденковым.

В 2010 году исполнилось 130 лет со дня рождения величайшего невролога современности и родоначальника мировой клинической генетики академика АМН СССР Сергея Николаевича Давиденкова. С Харьковом С.Н. Давиденкова связывает его родословная — прадед Андриан Иванович, известный акушер-гинеколог, основатель общества русских врачей в Москве, возглавлял в Харькове борьбу с холерой.

После отбытия военной службы в 1910 году Сергей Николаевич работал заведующим отделением Покровской психиатрической больницы в Харькове. В 1911 году он был утвержден в степени доктора медицины и принят приват-доцентом Харьковского университета. Первая мировая война призвала его к новой работе старшим ординатором полевого подвижного госпиталя. В 1924 году он стал заведующим кафедрой нервных болезней первого Московского университета. С 1932 года и до последнего дня жизни Сергей Николаевич возглавлял кафедру невропатологии Ленинградского государственного института усовершенствования врачей имени С.М. Кирова.

Именно в Харькове Давиденков впервые в мире начал медико-генетическое консультирование семей с нервно-дегенеративными заболеваниями и создал живущую и поныне классификацию факоматозов — наследственной патологии, часто встречающейся на Слобожанщине. Жена Сергея Николаевича, академик Евгения Федоровна Давиденкова, стала моим первым учителем по генетике и всю свою жизнь, несмотря на колоссальную занятость, поддерживала самую теплую связь с нашим Центром.

1965 год... На кафедре акушерства и гинекологии лечебного факультета Харьковского медицинского института, возглавляемой профессором И.И. Грищенко, продолжены операции по исправлению пороков развития половых органов в соответствии с новыми генетическими данными. Собрав группу энтузиастов, в которую вошли А.Л. Передерий, И.Я. Воронова, В.Л. Негриу, О.В. Головчанская, Л.А. Добродецкая, я почувствовала уверенность в том, что мы возродим генетику. Рядом со мной оказались разумные и талантливые специалисты, способные на поступки ради больных. Развернув лабораторию биохимической генетики, мы начали исследования хромосом человека и медико-генетическое консуль-

тирование семей. Первый пациент из Свердловска был с аномалией половой дифференцировки. Вторым пациентом был еще не родившийся ребенок с высоким риском муковисцидоза. Сегодня им по 45 лет.

Так развивалась в Харькове клиническая генетика. Более 100 детей с аномалиями половой дифференцировки после проведенной коррекции живут полноценной жизнью, имеют детей, семью и забыли как страшный сон свой период «гермафродитизма»...

1967 год... Главным врачом областной клинической больницы Л.А. Гавеским выделены первые официальные штатные должности генетика-акушера, генетика-педиатра, генетика-лаборанта и врача-цитогенетика. Руководителем лаборатории клинической генетики при кафедре акушерства и гинекологии ХМИ на общественных началах назначили меня...

В.С. РОНИН

**ВОСПОМИНАНИЯ О ГОДАХ
УЧЕБЫ В ХАРЬКОВСКОМ
МЕДИЦИНСКОМ
ИНСТИТУТЕ
(1947–1953 годы)**

Для подготовки к поступлению в ХМИ у меня после окончания 131-й школы г. Харькова оставалось три месяца. Успешно сдав выпускные экзамены, я был в удивительно приподнятом настроении. Ни малейшего чувства усталости. Казалось, что должно было быть наоборот, поскольку экзамены на аттестат зрелости потребовали невероятных моральных и физических затрат. Ожидалось, что на снижении активности должно было сказаться хроническое недоедание в военные и послевоенные годы, угнетало также отсутствие сносной одежды и др. Тем не менее, я с энтузиазмом готовился к экзаменам в ХМИ, благо будущая профессия мною была выбрана заранее. Легкость, с какой я сдал вступительные экзамены, поразила и меня самого. У меня не было никакого сомнения, что я получу проходной балл. Однако я пережил огромную радость и счастье только тогда, когда прочел свою фамилию в списках поступивших на лечебный факультет института. Как это было принято в те годы, прежде чем приступить к занятиям, мы в течение не менее полумесяца работали на колхозных полях, внося свой посильный вклад в уборку урожая. И лишь затем началась учеба, продолжавшаяся в течение шести лет.

Это были годы напряженного труда, последовательного овладения профессией врача. Оценивая учебный процесс того времени по прошествии более полувека, невольно приходишь к мысли о том, что усилиями наших преподавателей он был направлен на подготовку не узкопрофильных, зашоренных лимитированными знаниями специалистов. Напротив, студентов нацеливали на овладение всеобъемлющими знаниями, умениями и навыками, касающимися не только медицины, но и многих смежных с нею дисциплин. Для тех студентов, кто оказался приверженцем этого направления, открывалась богатая перспектива выбора врачебной специализации путем прохождения субординатуры, а для некоторых — возможность заняться научной деятельностью. Этот подход соблюдался независимо от профиля кафедр. И, если на кафедрах физики, химии, биохимии, анатомии человека, микробиологии, физиологии, патофизиологии, патанатомии, гистологии с эмбриологией, биологии с паразитологией, фармакологии, гигиены, организации здравоохранения, иностранного и латинского языков мы получали отличную базовую подготовку, то приоритетным для многочисленных клинических кафедр было углубленное изучение медицинских дисциплин. Преподаватели этих кафедр воспитывали нас духовно обогащенными принципами, провозглашенными лучшими представителями медицины мира, среди которых были основатель отечественной терапии М.Я. Мудров, С.П. Боткин и многие другие. В первую очередь это относилось к деонтологическим постулатам: «не навреди», «лечить не болезнь, а больного», «врач для больного, а не больной для врача», «здоровый дух в здоровом теле», «слово лечит, но может быть причиной ятрогенных заболеваний». Пропагандировался также индивидуальный подход к лечению больных, системный подход к лечению заболеваний.

Оценивая мою прошедшую профессиональную деятельность, я с признательностью вспоминаю всех преподавателей, благодаря усилиям которых приобрел неоценимые знания, умения и навыки, позволившие мне пройти достойно мой врачебный путь. Среди тех, кто оказал на меня наибольшее влияние, я не могу не вспомнить профессоров Ю.О. Габеля (кафедра органической химии), Г.Л. Дермана (кафедра патанатомии), Е.А. Финкельштейна (кафедра биологии), А.М. Утевского (кафедра биохимии), Б.В. Алешина (кафедра гистологии), Д.Е. Альперна, Р.У. Липшиц, Э.Н. Бергера (кафедра патофизиологии), И.И. Грищенко (кафедра акушерства и гинекологии), Г.Д. Лещенко (кафедра неврологии), С.Я. Штейнберга, А.А. Дубинского (кафедра госпитальной терапии), В.М. Когана-Ясного, С.А. Когана, Р.Я. Спивак, Ю.Д. Шульгу, Д.Н. Байер (кафедра госпитальной терапии), Н.П. Татаренко (кафедра психиатрии) и др.

Профессор Ю.О. Габель заведовал кафедрами органической химии ХГУ и ХМИ. Одаренный человек, прекрасный специалист своего дела, он был замечательным лектором. Читал он лекции всегда в аудитории, расположенной на 1-м этаже медицинского института, основное здание которого было на Сумской, 1. Кафедры для чтения лекций не было, ее заменял

обыкновенный письменный стол. Студенты же сидели на скамейках без спинок. Парт и столов не было. Мы держали свои тетради на коленях. Лично я был захвачен тем мастерством, с которым Ю.О. Габель читал свои лекции. Я настолько был увлечен, что на каждой лекции усаживался на первой скамейке, внимая каждому слову профессора и стараясь записать каждое его слово. Профессор, после того как я сдал ему экзамен, признался, что в процессе чтения лекций он заметил меня, всегда сидящего на одном и том же месте. Так случилось, что вскоре Юрий Орестович умер. Я был опечален уходом из жизни этого замечательного человека и педагога и постоянно посещал его могилу.

Много теплых слов мне бы хотелось сказать в адрес моих учителей: профессор Д.Е. Альперна, Р.У. Липшиц, Э.Н. Бергера. Все они были неординарными личностями и останутся для меня навсегда людьми, оказавшими исключительное влияние на формирование моего мировоззрения, примером беззаветного служения своему делу. Студентам, врачам, научным медицинским работникам не нужно объяснять, насколько важна преподаваемая в медицинском институте патофизиология. К тому же она еще и сложна. Тем ценнее овладение ею, поскольку благодаря ей врач получает тонкий инструмент, способствующий оценке биохимических и физиологических сдвигов в патологии. Для изложения этого предмета требуется недюжинный талант. Им, несомненно, обладали мои учителя.

Я долгое время был членом студенческого научного кружка при этой кафедре. Совместно с моими сокурсниками, В.И. Долинским и Л. Богданчик, мы выполняли экспериментальную работу под руководством доцента Э.Н. Бергера на тему «Влияние веществ, стимулирующих центральную нервную систему, на резистентность животных к гипоксии». Эта работа не только была опубликована в сборнике трудов Научного студенческого общества ХМИ, но и была внедрена в качестве практического занятия, проводимого для студентов на кафедре. Потом, когда Эммануил Наумович стал заведующим кафедрой патофизиологии в г. Тернополе, он приглашал меня к себе в качестве ассистента. Мы продолжали поддерживать с ним отношения в течение многих лет. Меня восхищала в нем незаурядность, эрудиция, взвешенность суждений, умение просто и ясно преподнести студентам сложный теоретический материал. Об этом свидетельствует тот факт, что его лекции пользовались огромной популярностью у студентов.

В моей памяти и моем сердце особое место занимает Реля Ушеровна Липшиц. Музей истории ХНМУ располагает моей статьей о ней. То, что мы поддерживали теплые, искренние отношения друг с другом более полувека, говорит о многом. Я никогда не забуду ее советы и напутствия, ее роль как преподавателя в моей группе, наконец, ее участия в защите мной кандидатской диссертации в качестве официального оппонента. Ее уход из жизни я ощущаю как потерю самого дорогого и близкого мне по духу человека. Достоянная ученица Д.Е. Альперна, она стала заведующей

кафедрой патофизиологии, которой успешно руководила в течение многих лет. Это ей присвоили звание почетного профессора университета. Это ее, автора многочисленных научных трудов, Американское биографическое общество признало женщиной года. Я бережно храню ее фотографию, на обороте которой она написала: «Дорогому Виталию, воспитаннику нашей славной научной школы, с воспоминаниями о светлом прошлом и добрыми пожеланиями на новом жизненном пути, январь 1993 года».

Даниил Евсеевич Альперн, член-корреспондент АН УССР, профессор, долгое время заведовал кафедрой патофизиологии. Благодаря ему, я увлекся этой дисциплиной и, став членом научного кружка при кафедре, впервые занялся наукой. Его стиль преподавания материала на лекциях поразил мое воображение. С первых же фраз для меня открылся интеллектуал, эрудит, виртуозно владеющий предметом. Он излагал сложный лекционный материал свободно, без заглядывания в записки. Как член кружка я неоднократно присутствовал на методических совещаниях кафедры, посвященных совершенствованию научной работы студентов. Не скрою, я был полностью удовлетворен, когда учитель поставил мне в зачетку «отлично» с восклицательным знаком. А экзамен он принимал строго и необычно — усаживал перед собой сразу четырех студентов. На один заданный вопрос они последовательно отвечали все. Затем задавались следующие вопросы. Студенты в таком же порядке отвечали. Заканчивался опрос лишь тогда, когда экзаменатор был удовлетворен ответами. В качестве вопросов могли фигурировать совсем не те, что значились в билете.

Волею обстоятельств я оказался тем человеком, который установил у Д.Е. Альперна цитологически мелкоклеточный рак легкого. Будучи больным, он попросил Р.У. Липшиц стать моим официальным оппонентом. Это ею в течение многих лет возлагались цветы на его могилу от моего имени.

Я посещал любимую мной кафедру при каждом удобном случае. Меня всегда принимали тепло и сердечно. И если есть звание «сын полка», то я являлся, думаю, «сыном кафедры».

Шестой год обучения в институте. По распределению я попал в субординатуру на кафедру, которой руководил заслуженный деятель науки профессор В.М. Коган-Ясный. С преподавателями кафедры я был хорошо знаком прежде, когда проходил курс госпитальной терапии. С большой благодарностью я вспоминаю Р.Я. Спивак, ставшую впоследствии заведующей кафедрой Луганского медицинского института, Э.С. Рейнес, впервые ознакомившую меня с основами лабораторной диагностики, Ю.Д. Шульгу, руководившего нашей группой, ставшего затем доцентом, а впоследствии профессором, заведующим кафедрой, и многих других преподавателей. Нельзя не вспоминать профессора В.М. Когана-Ясного, ставшего моим учителем и наставником в области терапии. О нем написано много. В свое время я опубликовал о нем две статьи, которыми,

надеюсь, располагает музей истории ХНМУ. Уверен, что в настоящее время восстановлено его доброе имя, опороченное в пресловутом 1953 году благодаря так называемому «делу врачей». Замечательный терапевт, эндокринолог, создатель терапевтической школы, автор монографий «Сахарная болезнь», «Подагра», многочисленных научных работ, наряду с Бантингом впервые выделивший отечественный инсулин и определивший для него клинические показания, Коган-Ясный был блестящим организатором и лидером, активным, инициативным и талантливым человеком, обладавшим мощным интеллектом. Он незаслуженно пострадал во время репрессий 1953 года. С ним меня связывает не только проведенная под его руководством научная работа, результаты которой представлены в его монографии «Сахарная болезнь», но также и дружеские взаимоотношения. Он считал меня своим учеником. И я признателен ему за то, чему он сумел научить меня в области терапии, а главное за то, что Виктор Моисеевич научил меня клинически мыслить.

Профессор Г.Д. Лещенко, заведующий кафедрой неврологии, был не только прекрасным педагогом, но и интеллигентом в лучшем понимании этого слова. Мне хорошо были известны его прекрасные человеческие качества, поскольку я как член Совета студенческого научного общества неоднократно встречался с ним на заседаниях, так как он курировал работу СНО. Я часто рассматриваю фотографию, на которой Георгий Данилович находится в кругу студентов — членов Совета СНО.

Не могу не сказать несколько добрых слов о профессоре А.А. Дубинском, читавшем нам курс фармакотерапии на кафедре, которой заведовал выдающийся терапевт С.Я. Штейнберг. Насколько ценны были сведения, преподнесенные им нам, студентам, я смог оценить сразу же после того, как приступил к врачебной деятельности. Ведь знание основ фармакотерапии ограждало врачей от неправильного применения лекарств и причинения ими непоправимого вреда больным людям.

Мне было у кого учиться в институте. Окончив ХМИ с отличием, я смог реализовать себя не только в качестве врача, научного работника, но и преподавателя клинической лабораторной диагностики в ХМИ №1, а также в Харьковском институте усовершенствования врачей. В этом огромная заслуга моих учителей.

М. КОРИН

**ГОДЫ УЧЕБЫ
В ХАРЬКОВСКОМ
МЕДИЦИНСКОМ
ИНСТИТУТЕ
(1947–1953)**

В 1947 году я был зачислен на 1-й курс лечебного факультета ХМИ. Харьков только начал восстанавливаться от разрушений, нанесенных немецко-фашистскими оккупантами. Однако часть предприятий, вузов, техникумов, театров уже функционировала. Началось строительство и нового корпуса ХМИ на проспекте Ленина. Однако большинство кафедр находилось в здании медицинского института, расположенного на ул. Сумской, 1. Там мы и занимались до момента, пока не был готов вначале 1-й этаж, а затем и все здание нового корпуса института. Клинические же дисциплины мы изучали на кафедрах, расположенных на базах областной и городских больниц. Аудитории для лекций были оборудованы лишь длинными скамьями для студентов. Ни столов, ни парт не было. Лекции записывались на коленях. Техническое оснащение кафедр оставляло желать лучшего. Однако все это с лихвой компенсировалось высоким уровнем преподавания, доброжелательностью и профессионализмом преподавательского коллектива института.

Контингент студентов отличался большой пестротой. Значительную часть составляли бывшие фронтовики. Война лишила их юности, зачастую здоровья. Они перенесли все ужасы войны, в условиях же мирного времени ощутили острую нехватку денег, продуктов, промышленных товаров, их дороговизну. К примеру, буханка хлеба стоила 200 рублей, что соответствовало размеру месячной стипендии. К тому же к моменту поступления еще действовала карточная система. Стоит ли говорить, что такие же тяготы испытывали и остальные поступившие в институт студенты — юноши и девушки, жители города Харькова и окрестностей, а также приехавшие из других мест страны, поступившие в институт с огромным желанием учиться, преодолевая все трудности.

Неудивительно, что тяжелое экономическое положение сказывалось и на преподавателях. Вспоминаю, как перед первым занятием по латинскому языку в учебную комнату строящегося нового корпуса зашел пожилой человек в изрядно поношенной одежде и стал ворошить кочер-

гой уголь в печке-буржуйке (центральное отопление еще не работало). Мы приняли его за истопника. Каково же было наше изумление, когда, спустя несколько минут, он вернулся к нам с учебным журналом и представился преподавателем латыни. Кстати, он оказался требовательным и знающим педагогом.

Нам было непросто после школьной скамьи привыкнуть к институтскому образу жизни. Для меня и моих товарищей все казалось новым и необычным, сказывалась жизнь вне семьи. Мы сразу повзрослели. Влившись в учебный процесс, мы скоро столкнулись с предметом, изучение которого представляло для нас особые трудности. Этой дисциплиной оказалась анатомия человека. Учились мы вначале по атласу профессора В.П. Воробьева, а затем Р.Д. Синельникова, читавшего нам лекции по этому предмету. Из-за недостаточного знания латыни (латинский язык находился в начальной стадии изучения) мы вынуждены были зубрить анатомические термины, которые являлись основой текста атласов. Однажды поздним вечером я оказался в общежитии нашего института (ул. Островского, 14) и увидел сидящего у окна с учебником анатомии в руках своего сокурсника (будущего профессора ХМИ) Ф. Ткача.

– Учу анатомию, — сказал он мне.

– Но ведь уже очень поздно, и здесь так темно, — заметил я.

– А я учу наощупь, — ответил он мне.

Лекции по этой дисциплине нам читали профессор Р.Д. Синельников, а также доцент К.С. Филонова. В сравнении с сидящими в аудитории плохо одетыми студентами профессор выглядел щеголем: на нем был безукоризненно сшитый костюм, голубая рубашка, красивый галстук. Он излагал материал лекций на высоком научном уровне, хорошим литературным языком и обязательно с позиций эволюции. На всю жизнь запомнился часто используемый им постулат, что онтогенез в краткой форме повторяет филогенез. Профессор подчеркивал, что целостный подход к изучению тела человека — принцип динамической анатомии. Строгость и информативность — такими запомнились мне его лекции. Лишь однажды, в конце 2-го курса (анатомию преподавали 4 семестра), в жаркий апрельский полдень, когда через полуоткрытые окна в аудиторию доносились звуки оркестра, репетировавшего перед предстоящим майским парадом, он, пытаясь привлечь внимание отвлекшихся студентов, позволил себе шутку, рассказав, как, будучи студентом, слушал лекции по анатомии у профессора-немца, плохо говорившего по-русски. Вместо того, чтобы сказать «нервы идут под ключицу и там образуют сплетение», он произнес «нервушки идут под клюшницу и там сплетничают». Прошло много лет, и теперь я могу сказать, что, во-первых, я навсегда запомнил, где образуется плечевое сплетение, и, во-вторых, чтобы студенты запомнили что-то, полезно сообщить им это иногда в шуточной форме.

На втором курсе гистологию нам преподавал профессор Борис Владимирович Алешин. Фактически это были лекции по гистофизиологии, где структура и функции клеток, тканей представлялись в тесной взаимосвязи,

в единстве. Возникало ощущение, что ты присутствуешь не на лекции, а в научной лаборатории и перед тобой открываются тайны живой природы. Профессор виртуозно владел рисунком. На доске во время лекции, как по волшебству, возникали изумительно точно воспроизведенные изображения тех или иных тканей.

Лекции по биологии на 1-м курсе нам читал профессор Евгений Александрович Финкельштейн. Он отличался принципиальностью и строгостью на экзамене, поэтому, когда летом 1948 года мы узнали о постановлении ЦК КПСС относительно вейсманизма-морганизма и отстранении профессора от преподавания, мы были в недоумении, поскольку в нашем представлении он был блестящим ученым и педагогом. Вместо Финкельштейна лекционный курс продолжал читать доцент Бирюков. Приверженец Мичурина и Лысенко, он договорился до утверждения, что «внешняя среда настолько влияет на организм, что родившийся ребенок может быть похож не на мужа родильницы, а на соседа». После этого большинство из нас перестало посещать его лекции. Любопытно, что сам экзамен был отменен. Спустя много лет, я был избран заведующим кафедрой невропатологии и нейрохирургии Семипалатинского медицинского института. Узнав, что я окончил ХМИ, ректор с гордостью сообщил мне, что в 1948–1949 годах в институте работал Е.А. Финкельштейн. Репутация его оказалась настолько высокой, что его помнили и чтили по прошествии столь длительного времени.

Профессор Арон Михайлович Утевский и его сотрудники преподавали нам биологическую химию. Исследования профессора по механизму действия адреналина получили широкую известность в научном мире. Он был великолепным лектором. Лекционный материал излагался им четко, аргументированно. Лекции всегда заканчивались содержательным, но кратким резюме. Стиль изложения настолько восхищал студентов, что, как правило, лекции его сопровождалось аплодисментами. Студенческий научный кружок при этой кафедре считался одним из лучших в институте. В нем начинал свою научную деятельность мой товарищ В. Кулинский, защитивший впоследствии докторскую диссертацию по серотонину и возглавивший кафедру биохимии в Красноярском медицинском институте. Об этом с гордостью сообщил мне профессор А.М. Утевский спустя 20 лет после окончания мною ХМИ.

Большой след в моей жизни оставила кафедра патологической физиологии под руководством профессора Д.Е. Альперна. Что побудило меня, девятнадцатилетнего юношу, поступить в студенческий научный кружок при этой кафедре? Видимо то, что здесь изучались общие медицинские проблемы («философия медицины»), знание которых необходимо было врачу любой специальности. Но огромное значение имело и влияние личности самого руководителя, человека безраздельно преданного науке, отличного лектора, остроумного собеседника, великолепного ученого, исследователя и экспериментатора. Будучи студентом 5-го курса, я слушал его лекцию по воспалению сначала на лечебном, а затем на педи-

атрическом и санитарно-гигиеническом факультетах. И каждый раз это были разные лекции, с иными нюансами. К тому времени я уже 3 года работал в кружке, многое прочитал по проблеме воспаления и мог оценить мощную эрудицию лектора. Успешно работали в то время на кафедре Н.Н. Транквилилати, Э.Н. Бергер. Оба позже стали завкафедрами патологической физиологии, один в Донецком, второй — в Тернопольском мединститутах. Особое внимание мне и моей напарнице по кружку Т. Михайленко уделяла ассистент Р.У. Липшиц, являвшаяся нашим непосредственным руководителем. Изучал я влияние центральной нервной системы на фагоцитоз под воздействием возбуждающих и тормозящих кору головного мозга препаратов: уретана, кофеина и др. Реля Ушеровна обучила меня и Т. Михайленко методике исследования. По ходу эксперимента она нередко оставалась с нами до позднего вечера, помогала обрабатывать результаты исследований, готовить доклады, реферировать специальную литературу. За 4 года работы в кружке мне привили вкус к научной работе, который остался со мной навсегда.

Из руководителей клинических кафедр с особой теплотой вспоминаю профессора Н.П. Татаренко. Будучи депутатом Верховного Совета Украины, она в то же время отличалась чрезвычайной скромностью, доброжелательностью. В лекциях по психиатрии, в трактовке механизмов проявления психических нарушений ею широко использовалось учение И.П. Павлова. Ее лекции были эмоциональны, насыщены яркими примерами из науки и практики. С тех пор прошло много лет. В настоящее время существуют принципиально новые взгляды на роль подкорковых структур, их взаимоотношения с эндокринной системой, на роль опиатэргических рецепторов, появилась целая наука — нейрофармакология. Мы находимся на пороге новых достижений в области генной инженерии. Но общие принципы нервизма, тесной взаимосвязи целостного организма, обоснованные трудами Бехтерева, Павлова, Ухтомского остались и поныне. Нина Павловна Татаренко превращала лекции в живую беседу со слушателями, позволяла по ходу лекции задавать вопросы и отвечала на них. Единственный критерий для нее был — удовлетворить желание студентов узнать больше.

Не могу не вспомнить кафедру нервных болезней, которой руководил профессор Г.Д. Лещенко. Моя первичная специализация по невропатологии на 6 курсе проходила в 1952–1953 гг. в очень непростое для страны время. Это был пик государственного антисемитизма, одним из проявлений которого было «дело врачей». Особую остроту всему происходящему придавало то, что одним из фигурантов этого процесса был бывший заведующий кафедрой нервных болезней ХМИ профессор А.М. Гринштейн. Многие его сотрудники — доцент З.Ю. Светник, ассистент Эбич и другие оставались работать на кафедре и в любой момент могли быть обвинены в связях с «врагом народа». Волнение внешне не проявлялось, но внутреннее напряжение нарастало. Все, к счастью, обошлось. О нравственной позиции Г.Д. Лещенко в этот период свидетельствует такой эпизод.

Зимой 1953 года студенты 4-го курса сдавали экзамен по нервным болезням. Нам, субординаторам, разрешили присутствовать на экзамене. Одна из студенток толково отвечала на вопрос о роли В.М. Бехтерева в развитии неврологии. Г.Д. Лещенко был полностью удовлетворен ответом студентки, но спросил в конце: «А еще что, кроме перечисленного вами, сделал Бехтерев?» После небольшой паузы профессор сам ответил на свой вопрос: «Он один из немногих, кто в царской России выступил в защиту «дела Бейлиса». В то время это был поступок!».

Профессор Г.Д. Лещенко уделял много внимания нашей подготовке, учил нас искать и находить ведущее звено в развитии заболеваний и состояний больного. Сотрудники клиники ассистент Л.Е. Скибина, врач М.М. Балясный, заведующий отделением Ю.Г. Сувид и другие много сил тратили, обучая нас умению собирать анамнез, грамотно проводить осмотр неврологических больных, ставить топический и дифференциальный диагноз, назначать лечение.

Если подытожить, что дал мне ХМИ, кроме диплома врача, я бы сказал, что не только основы медицинских знаний. Он научил меня мыслить, бережно относиться к людям, верить больному и всегда оставаться неудовлетворенным собой.

Л.Н. НАМЕСТНИКОВА

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

Под руководством Николая Николаевича Бокариуса — профессора, заведующего кафедрой судебной медицины Харьковского медицинского института я работала 22 года (аспирант, ассистент, доцент).

А началось все так. В 1944 г. я закончила медицинский институт в Чкалове. Тогдашний ректор института профессор Ашот Михайлович Гаспарян предложил нескольким выпускникам, в том числе и мне, аспирантуру. Решение было принять трудно: война, разруха, жилья нет, отец-врач на фронте, мама и сестра в эвакуации, имущества никакого, одна стипендия. Спасибо родителям, которые помогли принять решение. И вот еду с институтом в Харьков. На руках направление в аспирантуру на кафедру

судебной медицины. Утром иду пешком из общежития с ул. Веснина на ул. Дмитриевскую, 14, робко стучу в дверь кабинета профессора. За столом сидит сухощавый человек в очках. Протягиваю направление. Читает, смотрит на меня довольно недружелюбно и говорит, что такого еще не было, чтобы, не согласовав с ним, ничего не сказав, прислали аспиранта. Увидев мое испуганное и растерянное лицо, немного мягче сказал: «Буду сегодня в институте, все выясню, приходите завтра в это же время».

Ночь, конечно, прошла без сна. Утром меня встречает спокойный взгляд, и я слышу: «Я согласился, посмотрю на вас в деле». Имеется в виду, что аспирантура — это не только учеба, но и физическая работа по созданию кафедры, которой фактически нет, а есть только люди. Так началась моя жизнь на кафедре. Работали много, и всегда вместе со всеми и даже больше всех трудился сам Бокариус, не брезгуя никакой работой, будь-то вынос мусора, мытье полов и т. д.

О Николае Николаевиче можно говорить очень много. Это был интеллигентный в высоком смысле этого слова человек, знавший и любивший, кроме своей специальности, литературу, поэзию, музыку, историю, очень общительный, пунктуальный. Но самое главное — он был просто очень человечным Человеком. Много внимания Николай Николаевич уделял аспирантам. Почти все его аспиранты, а их было много, защитили кандидатские диссертации, некоторые из них стали заведующими кафедрами или курсами судебной медицины (Б.Н. Зорин, М.Г. Кондратов, Н.Г. Петросян, Б.И. Соколов, Н.Н. Стрелец, Н.П. Марченко). Если Николай Николаевич замечал, что аспирант ленится, не выполняет план, он велел ему приходиться ежедневно с отчетом о проделанной работе. И это подтягивало. Он учил нас пользоваться литературой, в частности по специальности, изучать не только современные учебники и монографии, но и все прошлые издания, которые можно было достать. Так мы знакомились с учебниками Корнфельда, Нижегородцева, Гофмана, Каспера и многими другими.

Бокариус стремился, чтобы мы бывали на всесоюзных и республиканских съездах, конференциях, чтобы мы знали не только фамилии судебных медиков, но видели и слышали их. Мы были свидетелями интересных научных диспутов между главным экспертом Советской Армии Авдеевым и профессором Райским и т. д. К Николаю Николаевичу обращались по любому вопросу не только аспиранты и сотрудники, но и очень много людей за советом, помощью. Он всегда выслушивал и, если было возможно, помогал. Любил пошутить. Так, мне он как-то сказал, что аспирантура будет закончена, когда я выучу целиком следующее стихотворение, и он продекламировал (это было стихотворение Н.А. Некрасова «Утопленник»): «...прибежали в избу дети, второпях зовут отца...» и т. д. Любил выяснить у аспиранта знание литературы, музыки. Мог предложить назвать двух писателей с одинаковым именем и отчеством (в частности, Александр Сергеевич Грибоедов и Пушкин) и т. д. Со всеми своими личными неприятностями, проблемами шли к нему. Он умел располагать к себе

людей. Дополняла его личность и внешность: всегда рубашка с галстуком, костюм, шляпа. Отношение его к людям было равным, независимо от их ранга. Так, у нас на проходной работали две пожилые женщины — Поля и Гаша. И всегда они с гордостью говорили: «Вот с нами, простыми бабами, профессор всегда утром здоровается, приподнимая шляпу, как будто мы важные особы».

Вот так из мелочей создается полное представление о человеке. Помню, аспиранты выезжали с Николаем Николаевичем на осмотр места происшествия. Были там долго, усталые и голодные. У кого-то оказались семечки, все с радостью набросились на них, и с нами вместе их щелкал уважаемый профессор, не уронив ни одной «лушпайки» на землю. Другой раз, когда мы выезжали в район на убийство, он всех рассмешил, рассказывая, как я одна съела яичницу из 12 яиц. При осмотре места происшествия он учил нас обращать внимание на все мелочи, так как неизвестно, что потом пригодится, что может оказаться важным.

Николай Николаевич обычно умел правильно оценивать людей, но были у него при этом и ошибки. В этих случаях впоследствии, несмотря на то, что своим становлением они были обязаны ему, такие люди портили ему много крови. А вообще подбирать людей в свой коллектив он умел. При этом не боялся брать людей с «подмоченной» репутацией (в основном в 1937 г.), когда другие руководители шарахались от них. Эти люди были ему преданы везде.

Николай Николаевич был блестящим лектором. Недаром к нему на лекцию приходили студенты других курсов и даже вузов. Он сам отбирал необходимый иллюстративный материал, всегда перед лекцией просматривал его, добавлял что-то новое. Никогда не начинал читать лекцию, не просмотрев ее. Был Бокариус пунктуален и учил нас, что надо приезжать только к назначенному времени, не раньше, а тем более не опаздывая, чему я всегда и следовала.

Дружили они семьями с профессором-педиатром Владимиром Александровичем Белоусовым и акушером-гинекологом профессором Иваном Ивановичем Грищенко.

Были у него и смешные привычки. Так, закрыв дверь на ключ, он обязательно 5–6 раз дергал ее за ручку. И мы всегда боялись, что он оторвет ее. Если кто-нибудь из сотрудников или членов их семей заболел, Николай Николаевич при необходимости помогал: доставал лекарства, обеспечивал консультации и пр. Как-то раз, увидев у меня руку, распухшую после укола обломком ребра при вскрытии трупа, немедленно отправил к хирургу, и этим спас руку. Когда порезала палец, вскрывая труп ребенка с врожденным сифилисом, отправил меня в кожно-венерологический институт, там хотели меня госпитализировать. Я заплакала. Николай Николаевич переговорил с врачом, и меня профилактически пролечили амбулаторно. Это я все пишу о себе, а ведь все обращались к нему за помощью при необходимости, и он никогда никому не отказывал. Поистине он был человеком с большой буквы. Я храню о нем благодарную память,

ведь это он сделал из меня судебного медика и во многом помог в самовоспитании.

Р.Е. БАКШИНСКАЯ

О ДОРОГОМ УЧИТЕЛЕ

Я — харьковчанка. Поступила в Харьковский медицинский институт в городе Чкалове в эвакуации. Во время учебы из всех предметов мне больше всего нравилась патологическая анатомия. Профессор А.И. Струков читал прекрасные лекции, практические занятия вели доценты Налбат и Тищенко. В такое голодное и холодное время на кафедре работал кружок, проводились клинико-анатомические конференции, патологоанатомы из районов привозили на консультацию сложные случаи. Но все это померкло после того как я, возвратившись с институтом в Харьков, начала заниматься на кафедре судебной медицины. Во-первых, облик профессора Н.Н. Бокариуса, заведующего кафедрой. Высокий, стройный, элегантный, утонченный, улыбающийся, доброжелательный, в чесучовом пиджаке и белоснежном накрахмаленном халате, он производил впечатление человека из какого-то другого времени. На лекцию Николая Николаевича мы выходили вместе с ним из его кабинета, перед выходом он смотрелся в зеркало (размером примерно 20 × 20 см), висевшее на двери и обращенное зеркальной стороной к двери.

Сама кафедра и занятия со студентами соответствовали профессору. Поражали порядок и чистота, четкость и продуманность при проведении занятий. Все было пронизано любовью к студентам, желанием, чтобы они лучше усваивали предмет. Это же учитывалось при оснащении учебных комнат. Так, в комнате, где исследовались повреждения на мокрых препаратах и костях, стояли застекленные шкафы с мокрыми препаратами, а на стенах у потолка в виде орнамента висели на черных полированных дощечках поврежденные кости черепа. Каждый студент имел свое пронумерованное рабочее место за столом, где лежал учебник, линейка, мокрые препараты и кости черепа. Если он не успевал уложиться во время, то мог прийти потом и закончить выполнение задания.

При исследовании вещественных доказательств (кровь, волосы) студенты пользовались прекрасно изданными методразработками. В комнатах на стенах было много таблиц, схем. Исследуя пятно крови, студенты работали с микроспектроскопом. Вскрытие трупов проводили в морге. Обращала на себя внимание абсолютная чистота, отсутствие запахов, доброжелательное отношение младшего медперсонала к студентам.

При входе в большую секционную на стене висела надпись: «Здесь мертвые учат живых». Занятия со студентами проводились в маленькой секционной, куда трупы подавались лифтом. Перед вскрытием студенты изучали акт судебно-медицинского исследования трупа. Это было не просто механическое запоминание, а объяснялась технология заполнения, указывалось, на что необходимо обратить внимание. Много лет студенты г. Донецка пользовались этой схемой. Было еще одно занятие — по имитации места обнаружения трупа. Труп выносили во двор (благо двор был закрытым), где студенты составляли протокол осмотра трупа и окружающей обстановки.

Лекции Николая Николаевича были блестящими. На его лекции, оснащенные большим количеством таблиц, схем, фотографий, примерами из практики, приходили студенты с других курсов и других институтов, криминалисты. Интересно, что новые таблицы или фотографии профессор прибывал к стене сам, а мы следили, чтобы все висело ровно.

Он читал лекции о симуляции, аггравации, членовредительстве и саморанение, нигде больше я не слышала таких. Половые преступления он не читал и не спрашивал на экзаменах. В перерыве профессор любил разговаривать со студентами и отвечать на их вопросы. Поражало, что Николай Николаевич, несмотря на наш молодой возраст, называл аспирантов по имени и отчеству. У него не было любимчиков, он относился ко всем ровно, и даже к своей дочери Кире, которая с нами проходила аспирантуру.

После окончания института меня оставили в аспирантуре, и Николай Николаевич взял меня на кафедру судебной медицины. Это был предел мечтаний: такая кафедра, а главное — такой профессор. Сразу же мне выдали халат, фартук, нарукавники, перчатки и инструменты, которые хранились в секционной на полке в стеклянном шкафу. Аспиранты учились в библиотеке, каждый имел свой стол. Мы изучали все разделы судебной медицины, конспектировали много литературных источников. Благо не нужно было никуда ходить, так как библиотека была замечательной. Николай Николаевич брал нас в суд (его называли «защитником врачей»), особенно тогда, когда слушались так называемые «врачебные дела», выезжал с нами на повторный осмотр места обнаружения трупа.

Все аспиранты имели темы для диссертации. Характерно, что мы заканчивали аспирантуру с готовой для защиты работой. Профессор тщательно проверял работу, обращая внимание не только на содержание, но и на стиль, важно было, как звучит каждая фраза.

Николай Николаевич был добрый, чуткий, интеллигентный человек, он ненавязчиво интересовался личной жизнью своих учеников. Во время учебы я много и тяжело болела. Он однажды сказал, что мне надо менять специальность: работа в холодных, неустроенных моргах не для меня (как будто видел морг в Сталино: комната с промерзшими стенами, крохотным окошком, едва пропускающим дневной свет, рядом в комнате принимали и выдавали трупы). Когда я, плача, стала сетовать, что, выходит, я неполноценный человек, он ответил: «А я буду полноценным человеком, если меня послать на лесозаготовки?».

Закончив аспирантуру, я получила назначение в г. Станислав. Ехать туда в 1951 году было очень опасно. Николай Николаевич в Киеве изменил мне назначение на г. Сталино, объяснив, смеясь, что это ошибка машинистки. В Сталино я ехала с «приданным»: везла кости черепа, мокрые препараты (некоторые из них в г. Донецке находятся и теперь) и очень теплые слова обо мне директору института профессору Пальчевскому.

В Сталино (позднее Донецке) я работала с 1951 по 1988 г. ассистентом, доцентом, а затем до 2005 г. в отделе комиссионных судмедэкспертиз областного бюро судебно-медицинской экспертизы. Сначала кафедры судебной медицины как таковой не было. Она возникла с приездом Б.Н. Зорина, окончившего аспирантуру в г. Харькове в 1954 г. За основу брались лекции Н.Н. Бокариуса, вся жизнь кафедры проводилась по харьковскому образцу.

Б.Н. Зорин, поздравляя меня с 80-летием, в стихах описывает нашу с ним совместную работу по созданию и развитию кафедры. Он заканчивает словами:

...А наш учитель дорогой —
Бокариус — везде был с нами,
Нас поддержал своей рукой
И был для нас как пастор в храме.

А.Я. ЦИГАНЕНКО

УЧЕЊЬ ТА ВЧИТЕЛЬ. СВІТЛИЙ
ПАМ'ЯТІ ПРОФЕСОРА
МИКОЛИ МИКОЛАЙОВИЧА
БОКАРІУСА

Крупний вчений, блискучий лектор, талановитий педагог, організатор вищої медичної школи та системи охорони здоров'я професор М.М. Бокаріус залишив незгладимий слід у моєму житті. Більш здібної, освіченої, чесної, порядної, відповідальної Людини з великої літери ніж Микола Миколайович, я не зустрів на своєму науково-педагогічному та адміністративному шляху. Глибока професійна підготовка, яку він одержав від свого батька — всевітньо відомого вченого, судового медика та криміналіста, заслуженого професора М.С. Бокаріуса, притягувала до нього студентів, молодих вчених й просто людей, які з ним стикалися. Поспілкувавшись з ним хоча б один раз, надалі хотілося бачити, розмовляти та бодай бути присутнім поруч із ним. Зовні зажди охайний, зі світлими від добра та розуму очима, він випромінював інтелігентність та шляхетність, на яку хотілося рівнятися та вчитися. Микола Миколайович прожив відносно коротке життя. Долею йому було відведено лише 67 років. Але, безумовно, це було дуже яскраве, добре та правильно прожито життя. Залишилися праці, залишилися учні, залишається світла пам'ять.

При згадці про Миколу Миколайовича, мені завжди приходиться до пам'яті чийсь давній вислів: «Навчи учня, щоб було у кого навчатися...». Так, працюючи поряд із батьком, він не лише допомагав йому, а й постійно навчався у нього всьому — спеціальності та головним людським якостям: ініціативі, дисципліні, пунктуальності, цілеспрямованості, зібраності, добросовісності та ін. Про перші його самостійні кроки на керівних посадах мені неодноразово розповідав сам Микола Миколайович. Спочатку він боявся тієї великої відповідальності, яка лягла у далекому 1931 р. на його ще молоді плечі. Боявся не тому, що йому бракувало знань чи досвіду, а тому, що він відчував велику відповідальність перед досить великим ім'ям свого батька, його спадщиною, на які тепер йому необхідно було рівнятися, відповідати й надалі тримати рівень творчого здобутку батька. Подальше життя показало, що Микола Миколайович з честю витримав усі випробування, які випали на його долю. Та голов-

ним його досягненням стали учні. Він сам все життя вчився та навчав усіх, хто був поруч з ним. Я один із них. Можу широко сказати, що девіз Миколи Миколайовича «Навчи учня, щоб було у кого навчатися...» став і моїм життєвим кредо.

А. ЮМАШЕВ

К 150-ЛЕТИЮ ХМИ

Сто пятьдесят как будто бы воскресших
Сверкающих открытиями лет.
Нам не забыть их, в прошлое ушедших
И в будущее льющих яркий свет.
Под тяжкою рукой тупого деспотизма
Сжимался кругозор и мыслей, и идей.
Но даже в дни кровавого царизма
Медфак растил талантливых людей.
И наконец пришла пора рассвета.
Наука двинулась к открытиям вперед.
На тысячи вопросов ждал ответа
Добившийся свободы наш народ.
Немеркнувшей, великой стала слава
Науки нашей молодой страны.
Она все силы для народа отдавала,
А из народа шли в нее сыны.
Но вот война взметнулась над страной.
Народ немецких извергов громил.
А институт с утроенною силой
Учил, работал, раненых лечил.
Все силы для разгрома оккупантов
Наш институт в те годы отдавал,
Своим трудом колонну создал танков
И эскадрилью самолетов. Пал
Разбитый враг. И волны созиданья
Вновь охватили вольную страну.
И снова поиски, открытия, дерзанья,
И новое включение в борьбу.
И если мы оглянемся в былое:
Лишь два врача — вот первых лет итог.
А в наше время, дерзкое, младое,
При каждом выпуске — врачей до шестисот.
Промчатся годы, мы тебя покинем,
Запасы знаний превратим во труд.

Но никогда, нигде не позабудем
Тебя, наш друг, учитель — институт!

1955 г.

Е. ЧЕРНАЙ

В МИРЕ НАУКИ

Они всегда приходили раньше других, а уходили позже всех. Иногда в угловую комнату, где работали аспиранты, самую большую на кафедре микробиологии, поздним вечером заглядывал комендант и недовольно ворчал:

– Свет не забудьте выключить, полуношники. Уже никого в институте нет, а вы все сидите...

А полуношники, оторвавшись от своих пробирок, плоских чашек с крышками, где на растворе агара выращивались культуры разных болезнетворных микробов, от записей и мучительных раздумий, секунду морщили лбы, а потом вспоминали:

– Ребята, а надо бы и поесть что-нибудь. Гастроном еще не закрыт?

Кто-нибудь спешно бежал в магазин, в одной из пустующих аудиторий сооружался нехитрый ужин: колбаса, бутерброды с сыром. На газовой горелке закипал чайник, и все четверо, обжигаясь, пили из высоких стеклянных колб коричневый чай.

Затем Алла Цуцаева возвращалась к своим записям, Лена Сукачева доставала из термостата тщательно закупоренные пробирки с культурами микробов, Саша Гончаров опять склонялся к микроскопу, изучая кровь животных.

Изо дня в день работали аспиранты кафедры. У каждого — интересная тема диссертации, затрагивающая серьезные вопросы микробиологии. Лена Сукачева изучала способность эритроцитов доносить некоторые лекарственные вещества в самые отдаленные участки организма. В этом малоисследованном вопросе ей удалось сказать свое, новое слово. Недаром ее докладу об антибиотикотерапии рака так аплодировали на Всесоюзной конференции онкологов.

Аллу Цуцаеву на кафедре знают уже давно. Сюда, на заседания студенческого научного кружка, она приходила еще первокурсницей с косичками. Тут сразу приметили серьезную девушку, вдумчивую и внимательную. С каждым годом все глубже постигает она тайны любимой науки, овладевает многими тонкими методиками. Успешно идет ее работа над диссертацией «Влияние антибиотиков на иммунитет против дифтерии».

Пользуясь методом осаждения в агаре сыворотки, она исследует влияние антибиотиков в животном организме, а также обезвреживающее действие их на дифтерийные токсины.

Значение иммунитета для терапевтической эффективности антибиотиков изучал Саша Гончаров. Для своих опытов он выбрал очень устойчивый к антибиотикам микроб синегнойной инфекции. Еще студентом Харьковского мединститута Саша наблюдал в больницах тяжелые страдания людей, вызванные синегнойной палочкой. Лечение одними антибиотиками не всегда давало полноценный эффект, а других средств борьбы не существовало. Большие же дозы антибиотиков плохо влияли на больных. Научный руководитель — профессор Василий Степанович Деркач — посоветовал Саше заняться изысканием метода лечения антибиотиками в комбинации с вакцинацией. Потянулись долгие месяцы работы. Тысячи опытов, наблюдений, сопоставлений. Тысячи колб с питательным бульоном, где росли и множились посевы страшных микробов. Почти пятьдесят разновидностей (штаммов) синегнойной палочки выделено Гончаровым. На них он проверяет воздействие различных лекарственных средств в различных дозах. Сотни колб ежедневно засеваются культурами микробов, помещаются в термостат, где им создаются наилучшие условия для существования и размножения, и столько же проверок делает Саша после опыта — нет ли где помутнения. Добавлялись различные количества антибиотиков, чтобы проследить, как влияет тот или иной из них на микроб, на его рост. Трудоемкая, тяжелая работа. После многих опытов удалось установить, что микроб наиболее чувствителен к новому отечественному антибиотику — полимиксину. Тогда начались эксперименты на животных. Их заражали микробом сине-зеленой инфекции и лечили антибиотиками, вакциной, наконец, антибиотиками вместе с вакциной. И вот результат этого последнего опыта ему надлежало теперь проверить.

В этот вечер никто не торопился ужинать. Отложены записи, оставлены наблюдения. Все наклонились над столом, где лежали тушки контрольной партии мышей. Скальпели в руках поблескивают в электрическом свете, как маленькие молнии. Вскрытие покажет, как организм животного реагировал на лечение. Тут были мыши, зараженные сине-зеленой инфекцией и не подвергавшиеся лечению, мыши, которых лечили полимиксином, мыши после вакцинации и, наконец, четвертая группа, которую лечили комбинированным способом. Затаив дыхание, аспиранты глядят, как острые лезвия обнажают внутренности. Это мыши из первой партии. Вся полость у них поражена микробом. У вакцинированных животных заболевание менее выражено, такой же вид полости и у тех, которых лечили полимиксином. И только у мышей, получавших свою дозу полимиксина вместе с вакцинацией, полость была совершенно чистой, без всяких признаков заболевания.

– Победа, Саша, победа! — обрадованно закричал Владимир Патратий.

Саша ничего не ответил, только вытер внезапно повлажневший лоб. Цель была достигнута. Разработан новый метод борьбы с синегнойной инфекцией. Очередь за клиническими испытаниями.

Успешно работают молодые аспиранты кафедры микробиологии Харьковского медицинского института, руководимой членом-корреспондентом

том АМН СССР, заслуженным деятелем науки, профессором В.С. Деркачом.

Если назвать эту кафедру маленьким научно-исследовательским институтом — не ошибетесь. Здесь все поставлено на службу науке. Кафедра оборудована современными приборами и аппаратами. Здесь есть электронные, люминесцентные, фазоконтрастные микроскопы, центрифуги, термостаты, вирусологическая лаборатория.

— Молодежь у нас замечательная, — говорит о своих аспирантах Василий Степанович Деркач. — Люди с творческой душой, с огоньком, способные смело, со знанием решать поставленные перед ними задачи. За накопленными фактами они умеют разглядеть золотые зерна научных открытий, во имя которых проводятся сотни и тысячи опытов.

У научной мысли есть крылья, и они понесут молодых ученых все выше и выше.

Е. ЧЕРНАЙ

ДЕЛО ОГРОМНОЙ ВАЖНОСТИ

Профессора и доценты Харьковского медицинского института — частые гости на заводах города. За год ими прочитано около двух с половиной тысяч лекций на медицинские темы. Проводятся вечера вопросов и ответов. Сейчас, учтя пожелания трудящихся, медицинская общественность города создала народный университет здоровья. Его ректором утверждена доктор медицинских наук профессор Л.Т. Малая.

Занятия будут проводиться два раза в месяц. Университет откроет филиалы на заводе транспортного машиностроения имени В.А Малышева, во Дворце культуры железнодорожников и в одном из сельских районов области.

— Наш университет, — заявила в беседе с корреспондентом «Правды» тов. Малая, — открывается в знаменательные дни, когда Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР приняли документ всенародной важности. Я имею в виду постановление «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения СССР». Мы, медицинские работники, будем энергично бороться за успешное выполнение этого постановления. 22 января университет здоровья начнет свою работу. На первом же занятии начнем глубокую пропаганду медицинских и гигиенических знаний среди населения, как этого требует от нас решение партии и правительства.

Газета «Правда», №21 от 21.01.1960

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЗДОРОВЬЯ

По инициативе медицинского института открыт университет здоровья. В ученый совет университета вошли профессора Л.Т. Малая, В.А. Белоусов, И.И. Грищенко, Н.П. Новаченко, Е.К. Приходькова, Д.Е. Альперн и другие. Программа университета рассчитана на два года. Большое место в ней занимают вопросы рационального питания человека. Несколько лекций посвящается гигиене одежды, труда и отдыха, роли физической культуры, спорта и туризма в укреплении здоровья.

Слушатели университета ознакомятся с причинами возникновения и мерами предупреждения гипертонической болезни, атеросклероза, ревматизма и злокачественных опухолей. Будет проведено несколько практических занятий по оказанию доврачебной помощи.

Занятия в университете проходят два раза в месяц. Для слушателей проводятся групповые консультации.

Газета «Медицинский работник», №8, 26.01.1960

Л.Т. МАЛАЯ

НА СЛУЖБЕ ЗДОРОВЬЯ

22 января 1960 года начал свою работу Харьковский городской народный университет здоровья. Первая лекция была посвящена достижениям советской медицины на службе здоровья человека. Слушатели университета проявляли исключительный интерес ко всем темам. Их было очень много: о строении человека, о жизни и функциях человеческого тела, о химических основах жизни, о том, как надо питаться, ухаживать за кожей, беречь зрение, органы слуха...

Составляя план лекций, мы стремились дать нашим слушателям систематические знания об организме человека, о сохранении здоровья, об условиях и причинах возникновения болезней и мерах их предупреждения. Нас радовал интерес, который проявляют наши слушатели к занятиям в университете здоровья. Каждый раз по пятницам они собирались в Центральной лектории. Состав слушателей был почти

постоянный. Занятия посещали и пенсионеры, и молодежь, и люди средних лет.

Мы не удовлетворялись только лекциями, консультациями, кинофильмами. Проводили экскурсии в медицинские музеи. Всех слушателей университета принимали для медицинского осмотра профессора, доценты. При таких осмотрах нередко выявлялись заболевания, которые потом были подвергнуты лечению. При кафедре физкультуры медицинского института постоянно занималась лечебной и дыхательной гимнастикой большая группа слушателей университета. И надо сказать, что многие из них стали себя чувствовать гораздо лучше, чем раньше. Сейчас, чтобы не прекращать занятий, некоторые из них даже выехали в спортивный лагерь медицинского института.

На последнем занятии было проведено совещание слушателей и ректората университета. Высказаны очень интересные пожелания, замечания, предложения. Все единодушно говорили, что народный университет здоровья — это замечательная форма образования. Нам, работникам университета, очень дорога такая оценка. В каждой лекции мы стремились дать слушателям не только санитарно-медицинские знания, но и рассказать о последних достижениях отечественной медицины, о новых методах распознавания болезней и их лечении. Все лекции имели идеологическую направленность и подтверждали торжество марксистско-ленинской теории.

Передо мной лежат отзывы наших слушателей. Приведу некоторые из них. Вот что пишет тов. Козачек: «Я слушательница пожилого возраста. И, естественно, жизнь теснит нас на второй план. Но, посещая университет, начинаешь больше уважать себя, невольно борешься за первое место и чувствуешь, что сдаваться еще рано».

Слушатель т. Кармацкий, работающий массажистом более двадцати лет, пишет: «Лекции университета здоровья дали мне более глубокие знания в области медицины, и я получил ответы на множество вопросов».

Многие слушатели в своих отзывах дают объективную оценку прослушанным лекциям. Мы подробно обсудили отзывы на совете университета и постарались, чтобы в будущем году занятия были еще доходчивей.

И вот что мне еще хочется сказать: занятия в университете не только расширили медицинские познания слушателей. Они сдружили их. Очень часто по инициативе самих слушателей устраивались культпоходы в филармонию, в театры, кино.

Мне от всей души хочется выразить сердечную благодарность всем слушателям университета, пожелать им здоровья, хорошего отдыха. До встречи первого сентября!

Газета «Красное знамя», 22.07.1961

НАГРАДА УНИВЕРСИТЕТУ ЗДОРОВЬЯ

Он был первым на Украине — Харьковской городской народной университет здоровья. Тот, кто бывал в лектории на лекциях, видел, с каким вниманием и серьезностью относились слушатели к каждой лекции, к каждому занятию. Они были разные и по возрасту, и по образованию: рабочие харьковских предприятий и студенты институтов, школьники старших классов и пенсионеры. Лекторы — виднейшие ученые города, которые старались сделать так, чтобы лекция была интересна для всех. Каждая лекция сопровождалась показом научных фильмов, диапозитивов, диаграмм, различными опытами. Совет университета здоровья много внимания уделял тематике предстоящих лекций. Ознакомить слушателей с достижениями отечественной медицины, рассказать им о профилактике и предупреждении болезней, о новых открытиях советской науки — такова цель народного университета здоровья.

Около тысячи слушателей закончили за пять лет университет. Но встречались они не только на лекциях. Коллективные походы в театры, музеи, в планетарий — все это сдружило слушателей. В районах области появились свои народные университеты здоровья. И они привлекли немало слушателей. Много полезного люди почерпнули на занятиях.

Работа Харьковского народного университета отмечена Грамотой Министерства здравоохранения СССР и исполкома Союза общества Красного Креста и Красного Полумесяца. Вместе с грамотой — денежная премия первой степени. Награда эта за успехи, достигнутые в пропаганде медицинских и гигиенических знаний.

Ректор Харьковского народного университета здоровья профессор Л.Т. Малая сказала:

— Это высокая оценка деятельности нашего университета. И сейчас хочется особенно отметить ученых институтов медицинского, стоматологического, медицинской радиологии, усовершенствования врачей, которые принимали активное участие в работе университета.

Газета «Красное знамя», 26.03.1966

Е. ЧЕРНАЙ

СКРОМНО И ТИХО

Он только второй день работал на заводе, этот парень. Именно тогда и вспыхнул бак с бензином. Иван Нестеренко бросился его тушить, да не уберется: пламя перебросилось на одежду, побежало по гимнастерке вверх, сожгло волосы. Подбежали рабочие, сорвали с него горящую одежду, но поздно: Иван получил тяжелые ожоги. В бессознательном состоянии

Нестеренко отправили в районную больницу Лозовой. Но советские врачи будут бороться за жизнь больного, пока есть хоть малейшая надежда, малейшая возможность. Иван должен жить!

Студенты долго глядят на больного. Он так же молод, как и они, недавно вернулся из армии. Жить ему и жить бы, такому молодому да сильному. Возле него сидит мать и неотрывно полными слез глазами смотрит на сына.

Есть только одно средство спасти человека. Дмитрий Григорьевич знает его. Но кто согласится? Низко склоняется в раздумье его голова. Стук в двери прерывает его размышления. В кабинет заходят два студента-практиканта — Анатолий Тарасов и Геннадий Мирошниченко.

— Мы к вам, Дмитрий Григорьевич, с предложением. Возьмите у нас кожу для пересадки Ивану, — говорит Анатолий.

В тот же день пришли несколько комсомольцев, товарищей Ивана, и также предложили взять у них кожу для пересадки.

...Анатолий ложится на операционный стол. Щемящий холодок страха пробегает по спине. Над ним ровным сильным светом горит огромная лампа, рука судорожно сжала край стола. Обнаженное бедро его, откуда будут брать кожу, обкладывают стерильными простынями, поверхность кожи обрабатывается спиртом. Вводится новокаин. Тело деревенеет, становится нечувствительным.

Дмитрий Григорьевич осторожно, специальным инструментом — дерматотомом снимает длинную ленту кожи во всю длину бедра. На рану накладывается повязка.

Анатолий покидает операционную. Следом за ним на операционный стол ложится Геннадий Мирошниченко, а затем и друзья Ивана. Никто из них не побоялся, не отступил в тот момент, когда понадобилась их помощь в беде. Эти люди, самоотверженно спасающие жизнь товарища, скромно и тихо сделали свое благородное дело.

Газета «Красное знамя», 01.05.1960

Л.Т. КИРИЧЕК

ТАК ЭТО БЫЛО

Учеба в Харьковском медицинском институте (1950–1956 гг.) — самый счастливый период в моей жизни. Это время молодости, у которой все

вперед и для которой все представляется интересным. Это время настоящего активного общения со множеством самых разных людей: с одной стороны — сверстников, число которых значительно возросло сравнительно со школой, а с другой — знающих, опытных, мудрых учителей, которыми так богата харьковская высшая медицинская школа.

На курсе сразу образовалась группа студентов, которые после избрания вошли в комсомольское бюро курса и впоследствии на протяжении всех лет учебы проводили большую общественную работу. Комсоргом курса стал Коля Коренев, ныне профессор, директор НИИ «Охматдет», я в комсомольском бюро курса, а позже — и факультета отвечала за культурно-массовую работу. В мои обязанности входило создание на курсе и факультете культбригады, проведение с ее участием концертов на предприятных, в подшефных общежитиях, колхозах и совхозах, на агитпунктах в предвыборный период и в дни выборов, организация курсовых и факультетских вечеров отдыха, участие в смотрах художественной самодеятельности, проведение культурной программы со студентами из других вузов и городов, приезжающими к нам для участия в итоговых студенческих научных конференциях, и пр. О ней мне хочется рассказать более подробно, так как это большой кусок моей жизни.

Состав культбригады сложился не сразу, но с самого начала и постоянно в нее входили Юлик Киношенко, солистка Надя Сенченко, аккомпаниатор Галя Суховий, хореограф Коля Гайдар, я — чтец-декламатор, а при необходимости и пела, даже дуэтом с Юликом Киношенко. На факультете к нам присоединились аккомпаниатор Олег Бобров, пианист Олег Сиренко, хореограф Толя Кожемяка, солист Сева Коломенский, чтец-декламатор Володя Стукал.

Работа эта требовала определенного напряжения сил и главное — оперативности. Специальных помещений для курсовых и факультетских мероприятий в институте не было, их приходилось арендовать в доме врача, который был в ведении Харьковского медицинского общества, в клубах — чаще по улице Совнаркомовской — клуб милиции, а то и в малых залах театров — старого оперного, музыкальной комедии, юного зрителя. Администрация этих учреждений для студентов предоставляла их бесплатно, по специальному письму ректора, но в удобные для них дни. В организации работы помогали комсомольские и профсоюзные лидеры Н. Коренев, А. Цыганенко, В. Приходько, О. Щербина.

Свои репетиции мы проводили в клубе нашего общежития — в подвальном помещении по ул. Веснина, 14, которое тоже не пустовало, и надо было находить время для нас. Но еще сложнее было собрать всех участников: мобильных телефонов тогда не было, занятия проходили, как и сейчас, на кафедрах в разных районах города, единственная возможность увидеться — это общие лекции, которые были не каждый день. В основном передавали информацию устно или письменно, но не все к этому относились ответственно, иногда забывали, поэтому были свои недоразумения, даже казусы. Случалось, что ошибались со временем, путали место

сбора, однажды культбригада собралась в составе только четырех человек. В качестве докладчиков по линии общества «Знание» с нами всегда выезжали преподаватели. Выступали по актуальным политическим или медико-социальным вопросам перед рабочей или другой аудиторией.

На свои вечера мы всегда приглашали учителей, и, надо сказать, на это с удовольствием откликались не только молодые преподаватели, но и солидные профессора, заведующие кафедрами. Частыми гостями на наших студенческих мероприятиях были профессора А.М. Утевский, Н.С. Харченко, Л.Т. Малая, И.И. Грищенко, В.Ф. Матвеева, В.А. Сиворонов, Г.И. Пейсахович, В.В. Жаботинский, доценты В.В. Бобин, В.Г. Почепцов, В.И. Шаповал, В.М. Чередниченко. Наши гости при этом не просто выполняли свои служебные обязанности, являясь деканами, секретарями партбюро и другими официальными лицами, а вникали в качество исполнения, запомнили интересные выступления и потом при случае обсуждали их с нами. Помню, как в перерыве лекции по биохимии профессор А.М. Утевский с группой студентов с интересом отзывался о музыкальных и сольных номерах прошедшего смотра.

Всю общественную работу мы проводили, как правило, во внеурочное время. Когда мне нужно было попасть в часы приема к председателю правления Харьковского медицинского общества академику А.Н. Коржу за разрешением на проведение курсового вечера в доме врача, я даже не подумала, что можно было отпроситься с занятия, и, конечно, опоздала, чем была очень недовольна секретарь, а А.Н. Корж с пониманием принял мои объяснения и вечер разрешил проводить. А вообще мы старались не пропускать не только практические занятия, но и лекции. С большим интересом слушали мы демографические рассуждения профессора Р.Д. Синельникова на лекциях по нормальной анатомии, доходчивое изложение сложных биохимических процессов профессором А.М. Утевским. Нас привлекали «тайны» микробов, открываемые профессором В.С. Деркачом, и тканевых культур — профессором Б.В. Алешиним, который рисовал их на доске цветными мелками. Особенно запомнились обзорные лекции во время консультаций перед экзаменами доцента кафедры биохимии М.Ю. Гайсинской и глубокие, необыкновенно красивые по изложению лекции на кафедре гистологии кандидата медицинских наук О.П. Лисогор.

Содержательные лекции по факультетской терапии проф. С.Я. Штейнберга и по факультетской, а затем госпитальной педиатрии проф. В.А. Белоусова всегда сопровождались демонстрацией больных, на примере которых очень убедительно представлялась и дифференциальная диагностика заболеваний, и их рациональная терапия. Профессор Л.Т. Малая на госпитальной терапии читала нам раздел по кардиологии и все время сожалела, что мы, будучи на 5-м курсе, не научились расшифровывать электрокардиограммы. А мы, будущие педиатры, занимались в основном на кафедре у профессора В.А. Белоусова. Порядок там был образцовый, чистота — показательная. Кабинет профессора находился на площадке

2-го этажа перед аудиторией, и студенты, зная, что он мог выйти в любой момент, уже на лестнице были готовы к такой встрече. Владимира Александровича мы воспринимали как очень строгого, требовательного и абсолютно бескомпромиссного человека. На лекциях у него всегда присутствовали все преподаватели кафедры, больных докладывали по очереди, к их осмотру привлекались и студенты. Профессор учил нас врачебному мышлению, рассуждал вместе с нами, использовал для своих умозаключений такие объективные данные, на которые мы не сразу обращали внимание. Не менее содержательными были на этой кафедре и лекции проф. А.Ф. Доброгаевой, а доцент Л.Н. Кулик и ассистент А.И. Гнатюк, который, кстати, был куратором нашей группы, так же тщательно отработывали с нами все теоретические вопросы и практические навыки на занятиях.

Очень интересно проходили на кафедре занятия студенческого кружка, которые проводил сам профессор и где студентам предоставлялся максимум самостоятельности. Одна и та же патология под разными углами зрения обсуждалась иногда на двух, а то и трех заседаниях кружка. Кроме того, мы принимали активное участие в клинических дежурствах, серьезно осваивали методы лабораторной диагностики, с интересом знакомились с работой детской кухни, вместе с доцентом В.И. Житной посещали детский туберкулезный диспансер, при участии доцента З.И. Капковой изучали детские инфекции, а детскую хирургию очень увлекательно вел у нас доцент И.Ф. Страшок.

Так нас учили. И мы безгранично благодарны всем учителям, наставникам и кураторам, которые воспитали нас уверенными в своих профессиональных знаниях, твердо стоящими на общегражданских позициях и владеющими определенными навыками организаторской работы. Опрос участников последующих встреч выпускников нашего курса свидетельствует о том, что 95% его состава не изменили своему призванию и до пенсионного возраста проработали педиатрами, посвятив свои знания, опыт и мастерство делу защиты здоровья подрастающего поколения.

Мне же судьбой был уготовлен другой путь — аспирантура на кафедре фармакологии у профессора Н.С. Харченко, где пришлось заново учиться, осваивать сложный фактический материал, экспериментальные методы научных исследований и педагогическую работу. Но это уже был следующий этап моей жизни.

3. АНІНА

ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ РОКІВ

1945 рік. У Харківський медичний інститут прийшла молодь, яка винесла на собі весь тягар воєнного часу. Серед студентів було чимало фронтівиків. Десять років минуло з того часу, коли ця молодь вперше після війни одержала дипломи лікарів.

І ось кілька днів тому зібрались у Харкові лікарі першого післявоєнного випуску. Приїхали вони з усіх кінців країни — з лікарень Сибіру, Казахстану, Далекої Півночі, Москви, Ленінграда, України. Благородна праця багатьох відзначена урядовими нагородами, зокрема В. Бочаровілі, Б. Задорожного, Л. Карпова, А. Клейнера, В. Москіна, В. Терешкіна, Л. Шевченка. П'ятдесят спеціалістів стали кандидатами медичних наук. Близько двадцяти лікарів працюють над докторськими дисертаціями. Колишній випускник інституту О. Корж, нині науковий працівник Українського інституту ортопедії і травматології імені Ситенка за десять років написав майже 40 наукових робіт і готується зараз до захисту докторської дисертації.

У Харківському інституті працює чимало випускників 1951 року — ректор інституту Б. Задорожний, доценти В. Архипенко, В. Грищенко, В. Шершньов, асистенти Ю. Едель, М. Іващенко, Т. Морозова, Е. Пестова, С. Прибильова, Т. Шиман. У великому колективі ніхто не зганьбив високого звання радянського лікаря.

Зустріч колишніх студентів була радісною, хвилюючою. Спогадам, розповідям не було кінця. Згадували суворі післявоєнні роки, навчання, напівзруйнований Харків з обвугленими стінами будинків, чорними провалами замість вікон. Такий же вигляд мав інститут. Зірвана підлога, обвалені стіни. В аудиторіях холодно, слухати лекції доводилось стоячи, у верхньому одязі. Кафедри і клініки були майже без оснащення. Однак все це не згасило юнацького запалу до навчання.

Учасники зустрічі одержали багато вітальних телеграм від тих, хто не міг приїхати в Харків. Чимало лікарів привезли наукові роботи з різних галузей медицини. Вони будуть опубліковані інститутом у спеціальному збірнику. Вихованці Харківського інституту відвідали кафедри, лабораторії, клініки, звернулись до студентів із закликом наполегливо оволодівати знаннями, високо тримати почесне звання радянського лікаря.

Газета «Соціалістична Харківщина», 07.06.1961

ВИДІЛЕНА НЕВІДОМА РЕЧОВИНА З КРОВІ

Доцент медичного інституту А.А. Дубінський закінчував докторську дисертацію... Багато років бились англійські та інші зарубіжні вчені над з'ясуванням причин частого захворювання вінцевих судин серця (стенокардія), над дослідженням механізму цієї тяжкої хвороби і засобів для її лікування. Але проблеми вони розв'язали лише частково. А.А. Дубінський добився більшого. На кафедрі госпітальної терапії він виділив з крові невідому раніше речовину білкової природи, яка має властивість впливати на вінцеві судини серця. Це дозволило значно ближче підійти до з'ясування механізму захворювання і вивчити дію засобів, що впливають на вінцеві судини серця. Нова речовина може бути використана

в медичній практиці для уточнення діагнозу стенокардії. Робота схвалена інститутом біохімії Академії медичних наук Радянського Союзу.

Газета «Соціалістичний Харків», 01,02,1961

Ю.Д. ШУЛЬГА

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ В.М. КОГАНА-ЯСНОГО

Научную работу Виктор Моисеевич всегда сочетал с неустанной врачебной деятельностью. Со студенческих лет он был увлечен медициной и врачеванием, его можно назвать романтиком медицины, преисполненным веры в ее неограниченные возможности, преданно служащим ей. Известна горячая полемика В.М. Когана-Ясного с писателем Вересаевым по поводу его «Записок врача» и пессимистических высказываний о врачевании и медицине. Виктор Моисеевич негодовал по воду рутинного подхода, штампованных представлений о диагнозе и лечении, недостаточном внимании к больному. Его особенно увлекали клиническая казуистика, сложнейшие диагностические наблюдения, терапевтические успехи. Клинические разборы и демонстрации с участием Когана-Ясного и ведущих специалистов его клиник являлись увлекательными и поучительными событиями, с острыми дискуссиями и всесторонним обоснованием диагностики, патогенеза, терапии.

В повседневной деятельности, на конференциях, разборах, в дискуссии неизменно проявлялось исключительное внимание Виктора Моисеевича к молодежи. Самостоятельность, оригинальные высказывания, интересная, пусть робко высказанная и плохо сформулированная мысль сразу же привлекали его внимание и находили неизменную поддержку с его стороны.

Всю свою деятельную жизнь В.М. Коган-Ясный занимался преподаванием и обучением. Видимо, еще в клинике П.И. Шатилова им был усвоен и всячески развивался постулат о том, что основой клинического учения является умело направляемая, но самостоятельная работа по наблюдению, всестороннему обследованию и общению с больным, исследованию его психологических и личностных особенностей, а для этого, помимо всего прочего, необходимы внимание, понимание, призвание, самоотдача.

Виктор Моисеевич был выдающимся и самобытным оратором. Его лекции всегда были проблемны и дискуссионны, нередко усложнены по содержанию, поэтому не всегда легко воспринимались аудиторией. Но в них находили отражение тонкая наблюдательность, обширная эрудиция и опыт лектора. Клинические лекции обязательно иллюстрировались демонстрацией и детальным разбором обычно нескольких клинических наблюдений.

Характеризуя деятельность и жизненный путь Когана-Ясного, нельзя, хотя бы вкратце не остановиться на его многогранной общественной активности. Много лет он возглавлял Харьковское медицинское общество, и это были плодотворные годы в истории общества. Он сотрудничал с журналом ХМО «Врачебное дело», много лет редактировал его, содействовал созданию высокого авторитета и популярности журнала в широких врачебных кругах, сопротивлялся неоправданной передислокации журнала в Киев. Много энергии, трудов, нервов было затрачено на создание первого в нашей стране Института эндокринологии, эндокринологической клиники, студенческой больницы, курорта «Березовские минеральные воды», института питания.

В.М. Коган-Ясный был глубоко и разносторонне образованным человеком, отличался подлинной интеллигентностью. Он блестяще знал классическую литературу, неустанно следил за современной литературой, очень умело и уместно цитировал классику, не чужд был литературному творчеству, оставив несколько коротких интересных рассказов. С гимназических лет он был увлечен театром, выступал в любительских спектаклях, ряд лет был членом художественного совета театра русской драмы в Харькове, был консультантом, а фактически сорежиссером-постановщиком выдающегося спектакля «Люди в белых халатах». В то время, когда Виктор Моисеевич возглавлял медицинское общество, по его инициативе систематически организовывались блестящие концерты, литературные вечера, инсценировки, встречи с выдающимися деятелями искусства. В числе его друзей и хороших знакомых были Райкин, Крамов, Крушельницкий, Н.Н. Синельников, Зандерлинг и многие другие корифеи искусства. Внешне иногда резкий, всегда ироничный, для хорошо знающих его людей, для учеников и сотрудников он был неизменно внимательным, отзывчивым, добрым, для студентов — авторитетным и почитаемым учителем, для больных — всегда участливым и знающим врачом.

ИЗУЧЕНИЕ МИКРОЭЛЕМЕНТОВ

В организме человека находится ряд химических веществ, которые принимают участие в основных физиологических функциях. Такие элементы, как железо, хлор, кальций, калий, магний, натрий, находятся в нашем теле в довольно значительных количествах, и поэтому их принято

называть макроэлементами. Они участвуют в основных функциях человеческого организма, в кроветворении, обмене веществ и т. д. Наряду с макроэлементами в человеческом теле встречаются и микроэлементы — медь, цинк, кобальт, марганец и т. д.

В специальной медицинской литературе опубликовано большое количество работ, посвященных изучению химических веществ, которые нас окружают, и особенно тех, которые входят в состав нашего организма. Хорошо изучена роль макроэлементов в биологических процессах человеческого организма.

Как же влияют микроэлементы на организм человека? Эти вопросы еще недостаточно изучены. В Харьковском медицинском институте на кафедре фармакологии (заведующий кафедрой профессор Н.С. Харченко) занимаются изучением влияния некоторых микроэлементов на организм человека. Изучение фармакодинамики и токсикологии проводится на животных.

Газета «Красное знамя», 06.07.1961

М.І. ПИЛИПЕНКО

СПОГАДИ ПРО СТУДЕНТСЬКІ РОКИ В ALMA MATER

Всезагальний закон — все суще змінюється. Кажуть, що це діє час, але час як фізична реальність не існує, час — лише дане людством ім'я мірі змін сущого. За твердженням фізиків, час — це абсолютний і однобічний рух у четвертому вимірі невідомо звідки і куди, що наречене минулим і майбутнім. Минулого вже нема, майбутнього ще нема, і тільки чарівний дар людині — її пам'ять — зберігає миті минулого. Пам'ять людини — не прості фото кожної миттєвості, вона наче огорнута особистістю споглядача сущої миті, яка миттєво стає минулим. Кожний з нас — свідок сущого, але в нашій пам'яті зберігається особистий, неповний образ минулого, тому особливої цінності набувають спогади про одні й ті ж самі миті минулого різних їх споглядачів. Такі спогади не тільки повніші, але і більш об'єктивні. Вони набирають ваги історії.

Середина літа 1954 року. В будинку на вулиці Сумській, 1, де на той час містилася адміністрація Харківського медичного інституту, до приймальні ректора професора Іларіона Пилиповича Кононенка досить довга черга абітурієнтів, що отримали право на вступ до інституту поза конкурсом. Ректор веде прийом особисто і, схоже, зразу називає факультет, на який буде зарахований абітурієнт. Поширюється чутка, що зарахування йде виключно на санітарно-гігієнічний факультет — на інші вакансій нема. У черзі немає жодного мені знайомого, але відчуваю, що серед тих, хто попереду, певне розчарування від тієї чутки. Незадовго до того, як зайти мені до приймальні ректора, кілька абітурієнтів сповістили про їхнє зарахування на педіатричний. Нарешті приходить моє право зайти на співбесіду до кабінету ректора. Крім нього, в кабінеті ще одна поважна на вигляд особа, мабуть, секретар парткому інституту. Чомусь зразу відчуваю увагу і прихильне ставлення до хлопчика, яким я себе відчував. Питання загальні — про соціальний стан, навчання. Про те, чому я обрав медицину, — жодного слова.

Через кілька днів я отримав поштою повідомлення, що зарахований на лікувальний факультет. Попри моє тяжіння до радіо- чи електротехніки й фізики, я відчув задоволення, яке, мабуть, було відлунням радості моєї мами, яка лагідно наполягала, щоб я вивчився на лікаря. Пройшли десятиріччя, протягом яких до моєї безмежної любові до мами приєднувалася зростаюча вдячність їй за те, що я став саме лікарем.

Перший рік навчання в інституті залишився в пам'яті як продовження попередньої освіти: фізика, хімія, біологія, латина та англійська, фізична підготовка, котрась із «суспільних наук» — історія КПРС чи, може, діалектичний матеріалізм. Із базових для медицини дисциплін — гістологія і нормальна анатомія людини. Кожний зі студентів отримав у бібліотеці повний комплект підручників з усіх дисциплін, тому потреби відвідувати її додатково на першому курсі не було. Новим для нас у системі інститутської освіти були лекції, на яких збирався весь курс і можна було побачитися з усіма однокурсниками разом і перезнайомитися. Обставина, яка спочатку не привернула уваги, але в подальшому відтворювалася досить чітко, — диференціація однокурсників за ознакою «перші, середні і задні ряди в лекційній аудиторії». Диференціація майже не залежала від навчального предмета, лектора чи лекційної зали. У подальшому цей феномен, мабуть, привернув увагу усіх настільки, що коли лектор звертався до аудиторії з якимось запитанням, середні й задні ряди досить дружно вигуквали прізвище когось із першого ряду. Загалом на курсі було 220 студентів, з них 20 — з КНР, які вчилися з нами на знак дружби СРСР і КНР. Після закінчення навчання вони, зрозуміло, повернулися додому та під час «культурної революції» в Китаї 1966–1967 років були репресовані.

Усі лекції на ту пору (окрім анатомічних) читалися в морфологічному корпусі (пр. Леніна, 4). Тільки лекції з анатомії відбувалися в старовинному анатомічному корпусі, який не був зруйнований під час війни.

До цього корпусу ми заходили, наче до храму. Це відчуття збереглось у мене донині. Зрозуміло, що практичні заняття з анатомії проходили теж в «анатомці».

Практичні заняття із загальних дисциплін велися в корпусі по Сумській, 1, а з гістології — в окремому двоповерховому гістологічному корпусі, який був однією з будівель університетської клініки, що потім була передана в систему практичної охорони здоров'я і стала Харківською обласною клінічною лікарнею (ХОКЛ). Донині той корпус не зберігся — був розібраний на початку 1980-років для звільнення ділянки під будівництво нової поліклініки ХОКЛ.

Згадується відчуття приязної психологічної атмосфери, яка зразу склалася в нашій студентській групі. Студентів з Китаю в кожній групі було по одному. Наш студент мав ім'я Юй Дунь Сі, а серед нас він став Юрій.

Серед лекторів вирізнялися професор Р.Д. Синельников (нормальна анатомія), професор Б.В. Альошин (гістологія), доц. П. Счастлива (фізика), а серед викладачів, що вели з нами практичні заняття, — доцент М. Терехова (латина), доцент О. Сидоренко (гістологія), доцент Торубарова (анатомія). Запам'ятався також завідувач кафедри біології доцент Бірюков тим, що на першій же лекції із захватом розповів нам, як він звільнив кафедру від вейсманістів-морганістів, за що отримав державну нагороду.

Наприкінці першого семестру на кафедрі нормальної анатомії мене запросили до студентського наукового гуртка. Завдання, яке я отримав як член гуртка, полягало в препаруванні м'якотканинних структур стопи. Спочатку я прийнявся за роботу з ентузіазмом, але невдовзі згас; чітко згадую, як відчув, що мої руки не настільки вправні, щоб створити анатомічний препарат, за який мені, щонайменше, не було б соромно. Ще деталь, що залишилась у пам'яті. Стипендію я віддавав мамі, як саме собою зрозуміле, — часи були економічно сутужні. Інколи виникала спокуса залишити собі різницю між звичайною і підвищеною стипендіями, та, мабуть, перемагало бажання показати, що я вчусь старанно.

Після завершення літньої екзаменаційної сесії нас відправили на два тижні на польові роботи до одного з колгоспів чи радгоспів Дергачівського району Харківської області. Робота не була обтяжливою, пам'ятаю тільки, що ми ворушили рядки свіжого покосу трави і складали висохлу в копички. Побут був повною мірою спартанський: спали у якійсь клуні, як кажуть, покотом на соломі, дівчата й хлопці разом. Це сприймалося тоді нормально — побут такий не викликав ремства, й із сьогодення можу стверджувати, що ми були-таки цнотливі. На одній зі світлин, зроблених на тих сільських роботах, які я переглядав, щоб освіжити в пам'яті дещо призабуте, я з усмішкою звернув увагу на те, якими ми всі були, м'яко кажучи, «худорлявими» (працювали в шортах, по-тодішньому — трусах). Можливо, з тієї «худорлявості» і наша цнота.

Другий рік навчання розпочався з роботи в колгоспі протягом усього вересня. Відвезли нас аж у Запорізьку область, де ми руками збирали плоди рицини. Нам пояснили, що рицина — це рицинова олія, «касторка»,

яка важлива не тільки для медицини, але й для літаків, тобто для обороноздатності держави. Це дало нам відчуття відповідальності й важливості нашої роботи. Розмістили нас по хатах. У хаті нашої господині, старенької тіточки, розмістилося п'ятеро — двом дісталось одне ліжко, двом — лежанка на печі, а п'ятому — долівка. Все це в одній невеликій кімнаті, бо кімнат у хаті було всього дві. Як тільки ми кинули свої речі, пішли шукати баштан. Там нас радо зустрів дідусь і зразу знайшов найспіліший кавун. Приніс, розрізав, почав розпитувати, хто ми й звідкіля. Уп'ятох ми ледь з'їли один кавун, і не тільки тому, що він був великий, а головне, мабуть, тому, що усі швидко наситилися. З баштана ми поверталися з кавунами — по одному в кожного. У тому колгоспі годували нас сито, то ж додому в кінці вересня ми їхали засмагли на вересневному сонці й помітно здоровілі. Пам'ятаю, що на все село, де ми провели вересень, було тільки два чоловіки, один з яких інвалід: був 1955 рік, лише 10-й після закінчення війни. І ще деталь — у селі не було замків на дверях хат. Жодного замка на все село. Господині, коли йшли на роботу до колгоспу, двері своєї домівки «замикали» чіпком, такою собі дерев'яною паличкою.

Навчальний процес другого інститутського року істотно не відрізнявся від року попереднього: майже всі ті ж самі кафедри й переїзди між кафедрами міським транспортом на «великих перервах» були ще попереду. Продовжувалося звичайне будення студентського життя.

Третій, четвертий і п'ятий роки вже традиційно розпочиналися вересневими поїздками строком на місяць до колгоспів на «уборку урожаю». Продуктивність нашої допомоги колгоспам вочевидь була надто незначною. Але для нас, на мою думку, це була певною мірою школа розширення нашої соціальної свідомості. Злиденний побут і загалом безпросвітне життя селян-колгоспників, кричуща незугарність колгоспного керівництва на всіх рівнях, примітивна технологія сільськогосподарських робіт гостро впадали в око, хоча, зрозуміло, ми абсолютно не мали й не могли мати хоча б якого натяку на можливість побачити краще для порівняння, щоб виник критицизм і тим більш протестний настрій. Та чи й потрібно було порівняння, якщо, наприклад, корм для годівлі худоби взимку — силос, готувався в глибокій земляній траншеї, проритій бульдозером, і зверху загортався бульдозером теж чистим ґрунтом. Хіба потрібно знати, що у світі для цього існують силосні башти, які зберігають соковитість і поживність силосу, щоб виникла думка: «Як же худоба буде споживати той силос із землею впереміжку і чи буде вона продуктивною взимку?». Або ще інший приклад. Тиждень на неозорому кукурудзяному полі ми виламуємо качани кукурудзи і скидаємо в купи між рядками стеблів, тренуючи свою вправність влучити качаном у купу. Наступного тижня нас відправляють на іншу роботу, а на кукурудзяному полі, де ми щойно працювали, комбайнами стебла зрізали на силос, а оголене поле переорали разом з качанами на радість всіляким польовим гризунам і птахам. Але і в міському житті було достатньо яскравого безглуздя, а то й навіть маразму, щоб можна було смиренно сприймати бачене на селі. І ще, мож-

ливо, найважливіше: зосередженість на навчанні була настільки сильною, що спроможна була витискати зі свідомості те всеохопне безглуздя навколо. Дивує інше. Як ми справлялися з програмою навчання за вісім місяців, замість дев'яти? І, здається, непогано справлялися.

Третій рік навчання — особливий: це неначе урочисте введення у храм Медицини, перше причастя перед дорогою служіння хворим. Пропедевтика внутрішніх хвороб, загальна хірургія і науки про таємниці організму здорової і хворої людини, про засоби повернення здоров'я. Перші, ще нечисленні подорожі між клінічними кафедрами, розташованими в різних частинах міста в міських лікарнях. Згадуються лекції з пропедевтики внутрішніх хвороб проф. С.М. Синельникова, які він перетворював на мініатюрні спектаклі. Говорили, що він був з роду відомого у Харкові наприкінці XIX — на початку XX століть актора, режисера та антрепренера М.М. Синельникова. На кафедрі загальної хірургії, що містилася в хірургічному відділенні залізничної лікарні по вулиці Карла Маркса, нам одного разу демонстрували хворого, якому була зроблена операція на легені, що на ту пору вважалося надто складним. Хворий після операції лежав у загальній палаті — поняття про палати інтенсивної терапії, мабуть, ще не було. На наступному занятті ми дізналися, що той хворий не вижив. Кафедра пропедевтики дитячих хвороб, яку очолював професор Тец, розташовувалася у прекрасній дитячій лікарні залізниці по вулиці Іванова. Там ця кафедра перебувала до початку 90-х років минулого сторіччя. Зараз у тому будинку, спорудженому ще до 1917 року, міститься приватний медичний центр.

На третьому курсі я записався до Харківської обласної медичної бібліотеки, що була однією з найкращих за фондом книг і медичної періодики із медичних в Україні і мала затишні читальні зали. На початку 1990-х її не стало.

Якщо третій рік нашого навчання можна назвати введенням у медицину, то четвертий — це рік осягнення першої глави медицини: досить ґрунтовна підготовка з головних її розділів — внутрішніх хвороб, неврології, акушерства й гінекології, педіатрії та хірургії. Цей факультетський рівень медичної освіти вже достатній, щоб можна було більш-менш певно зробити вибір спеціальності, якій надалі присвятиш життя. В усякому разі, саме на цьому році навчання терапія (внутрішні хвороби) була обрана мною як найкраща для мене галузь медицини. Кафедру факультетської терапії очолював професор Соломон Якович Штейнберг, блискучий терапевт, чуйна й привітна людина. Зрозуміло, що я став ходити на засідання наукового студентського гуртка, який вів повний очарування доцент В. Шершньов, теж прекрасний терапевт. Були щотижневі вечірні збори гуртка, на яких робився обхід хворих клініки з наступним ґрунтовним обговоренням складних випадків. На цій кафедрі я провів своє перше самостійне наукове дослідження. Тему мені запропонував безпосередньо сам проф. С.Я. Штейнберг — дослідити вплив на скоротливу функцію міокарда валідолу за допомогою нового на той час функціонального методу балістокардіографії. Мені була надана повна самостійність і прекрасні умови

для проведення дослідження пацієнтів. Я отримав окремий ключ від кабінету доцента Співака, який вів курс фізіотерапії при цій кафедрі. У кабінеті був змонтований унікальний електрометр надзвичайної чутливості для реєстрації слабких електричних сигналів з фотозаписом і зручний тапчан для розміщення хворого. Балістокардіограф я зібрав сам, удосконаливши відому його конструкцію так, щоб було можливим відтворення умов реєстрації сигналу при повторному обстеженні. Результатом тієї роботи була перша моя наукова публікація.

Цього ж року наш курс на кафедрі факультетської хірургії слухав лекції нового доцента О.О. Шалімова, який щойно переїхав із Брянська до Харкова і був прийнятий доцентом у Харківський медичний інститут. Тоді ми ще не знали, який це хірург. Невдовзі його слава швидко рознеслася не тільки в інституті, але й по Харкову та за його межами — він відкривав нову сторінку хірургії в повоєнні часи, і робив це в клініці, де за кілька десятиріч до того було зроблено перше переливання крові професором Шамовим. З кафедрою факультетської хірургії пов'язаний епізод, що запам'ятався мені на все життя. Цей епізод важливий з точки зору педагогіки. На екзамені мені випав білет, в якому одним із питань був туберкульоз грудної залози. Такої теми не було ані в підручнику, ані в лекційному курсі. Звісно, що цього я не знав, бо не міг знати з незалежних від мене обставин, і я отримав оцінку «чотири». Залишилась гіркота. Цікаво, що коли до п'ятдесятиріччя я отримав у дарунок від моїх американських колег товстезну монографію «Breast Diseases», перш за все я став шукати в ній туберкульоз грудей і знайшов лише коротеньку згадку про таке захворювання. Досі не зрозуміло, хто з викладачів кафедри міг придумати таке питання в екзаменаційний білет для студентів четвертого курсу? Аналогічне я знаходжу в нинішній навчальній програмі з радіології для студентів третього курсу. Там значаться захворювання, котрі я зустрів за свою довгу лікарську практику лише один раз, або не зустрічав зовсім.

Після екзаменаційної сесії за четвертий курс ми проходили практику в районних лікарнях. Свідчу, що це було важливим навчальним заходом: теоретичні знання, що ми здобули на факультетських кафедрах, закріплювалися у лікарні, набуваючи реальності в умовах лікувальних закладів середньої ланки тодішньої системи організації охорони здоров'я.

П'ятий рік — вищий госпітальний шабель лікарської підготовки. На більшості госпітальних кафедр нам давали завдання з написанням окремих власних історій хвороби і реферата про хворобу. Згадується нічне чергування в пологовій залі і почуття благоговіння перед містичністю появи нового життя на світ. Перший слабенький крик немовляти, кінець пологових мук жінки, тепер уже матері.

Наприкінці п'ятого року ми вже відчували значну впевненість у спілкуванні з хворими. Завершувався п'ятий рік місячними військовими зборами. Залізничним ешеленом весь курс разом доставили до безіменного полустанку, на якому ми вийшли з вагонів і пішки відправилися до місця призначення. Йшли кілометрів зо тридцять чи більше. Кругом

до небокраю — пісок і верболіз, температура до 30 градусів. На місці нас уже чекали намети. Неподалік — військова їдальня. Потяглися дні реальної імітації військового життя: стройова муштра, походи на далекі відстані в повній військовій амуніції зі зброєю, риття окопів для оборони і ведення наступального бою з холостими набоями та інше. Допікала спекота, спрага. На день видавалася фляга води, якої не вистачало. Щоб позбутися відчуття спраги, воду я перестав пити, і на третій день спрага вгамувалася. Свою флягу я став віддавати іншим. Ще важлива деталь, знання якої може бути корисним лікарю. У першу ніч після денної спекоти я не міг заснути від відчуття холоду — вночі температура повітря знижалася до 14–15 градусів. Ковдра не зігрівала, надягання верхнього одягу не допомагало. Наступної ночі все повторилося. Тоді на третю ніч роздягся, як належить, до білизни і вкрився одним тільки простиралом. Вранці мав усі типові ознаки застуди. Але денна спека відіграла, й увечері я почувався краще. Через кілька днів такого режиму я спав сном здорового дитяти. І наступні два роки я не знав, що таке застуда чи навіть легкий нежить.

Останній шостий рік — достойне завершення нашої медичної освіти: 7 місяців практики в районній лікарні. Наша група з лікувального факультету разом з групою з педіатричного проходила практику в районній лікарні міста Ізюм. Місто зі славетною історією, пов'язаною з історією Харкова, з багатьма збереженими надбаннями ще пори козаччини. Чудове відношення до нас персоналу лікарні як до колег. Згадую прекрасно-го хірурга завідувача відділення хірургії Івана Івановича Міщенка. Якою відважною й тактовною людиною треба бути, щоб поставити за операційний стіл шестикурсника наодинці з операційною сестрою робити апендектомію. Я не відмовився, тільки потай хвилювався, чи належно підготував до операції руки (перед операцією брали мазок з рук для перевірки стерильності), чи не осоромлюся. Не знаю, бачив я чи ні до того, як робиться апендектомія, але коли став до столу із пам'яті виринув чітко план операції. Все пройшло чітко й гладко, і то були дві мої єдині хірургічні операції. Я не мав і тіні наміру ставати хірургом. Мені хірургія здавалася рукоділлям поза медициною. У жовтні я практикувався в дитячому відділенні — самостійно вів хворих дітлахів. Оскільки в районі не вистачало педіатрів, мені було запропоновано оформлення на посаду лікаря-ординатора і оформили трудову книжку з таким записом. Та трудова книжка супроводжує мене все життя.

Згадуються із вдячністю практично всі члени професорсько-викладацького колективу інституту років мого навчання — ті, хто читав нам лекції чи вели з нами практичні заняття, й ті, що просто зустрічалися в коридорах кафедр інституту. Усі вони залишили в мені щось потаємне, що формувало мене як лікаря і людину. Психологи кажуть, що у вихованні найголовніше те, як ми поведимося з вихованцями чи просто, як себе тримаємо. Це дійсно так. Інколи на вулиці зустрічний незнайомиць залишає незабутнє враження, яке може бути позитивним настільки, що несвідомо

виникає бажання мати схожість з ним. Але може бути й навпаки — виникає відраза і разом острах, чи немає в мені тієї риси, яка сполохала. Звісно, що ці підсвідомі реакції на оточуючих надто індивідуальні. Кожний має свої «психологічні рецептори» на сприйняття чи спротиву сприйняттю оточення. Тож ми не маємо права когось вирізняти чи робити порівняння, призначені як «рекомендації» для інших. Отже, я хочу назвати тих, кого і через минулі десятиліття моя пам'ять називає моїми вчителями. Це суто моє життя. Даю за абеткою: Д.О. Альперн, В.О. Белоусов, І.Ф. Бодня, М.М. Бокаріус, М.О. Браунштейн, Г.А. Бурлаченко, І.І. Грищенко, Г.Л. Держман, А.А. Дубинський, В.М. Жаботинський, І.В. Кудінцев, Г.Д. Лещенко, В.Ф. Матвеева, О.С. Налбат, Н.П. Татаренко, А.М. Утевський, М.С. Харченко, О.З. Цейтлін, Р.І. Шарлай, Ю.Д. Шульга. Вдячний долі, що мав саме таких Вчителів. Вони вчили мене прагнути стати професіоналом, прагнути знань, вчили бути щирим, доброзичливим і відповідальним. Чи був я старанним учнем? Не мені судити.

Повернення з практики відбулося в квітні для підготовки до державних випускних іспитів. На іспиті з історії КІРС отримав четвірку, тому випав зі списку на наукову роботу.

Мене «розподілили» до лікарні невеликого селища міського типу Приколотне Великобурлукського району Харківської області. Зараз бачу, що то не була випадковість: якби не було тієї обставини, не певний, чи мав би я змогу зустрітися віч-на-віч з тим, що називають метафізичним, трансцендентним, ідеалістичним, містичним, марновірним, забобонним, езотеричним, духовним. Дійсно, випадків було більш ніж достатньо, щоб упевнитися, хай ще з сумнівами, що таке дійсно існує і реально діє. Зовнішні обставини двох років моєї самостійної роботи у тій лікарні в пам'яті зблякли, обставини ж внутрішнього життя, навпаки, набули ще більшої повноти. Зовні: праця майже 24 години на добу, 7 днів на тиждень. Сон — уривками. Ночі — для читання в тиші фахових книг і для нічних викликів у будь-яку погоду пішки. Вдень — ранковий і вечірній обходи хворих у стаціонарі, амбулаторний прийом і виклики до невідкладних хворих до дому. Але там я вперше побачив, як лікує слово. Потім у В.М. Бехтерева, я прочитав: «Если больному после разговора с врачом не станет легче, значит это не врач». Та мій той ще перший досвід доводив — слово не тільки полегшує стан хворого, а й реально лікує. У тій лікарні багато разів я мав змогу відчутти, що для успіху лікування лікар має перелити із себе хворому щось таємниче. Особливо на це відгукувалися діти. Інколи антибіотики були неефективні без цієї таємничої сили. Потім у Карла Юнга я прочитав: «Лікування дає ефект лише тоді, коли сам лікар відчуває себе захопленим... Якщо лікар — «людина у футлярі», він безсилий». Але я також відчув і те, що постійне «віддавання» нервової енергії надто виснажливе, тому необхідно балансувати можливості й витрати.

Зараз із подивом згадую своє рішення скласти власними руками з брухту — зібраних з усього району деталей старих списаних рентгенапаратів — діючий, і не маючи жодного досвіду лікаря-рентгенолога, по-

чати обстежувати на ньому хворих (до інституту я з відзнакою закінчив Харківський рентгенівський технікум). Той апарат привів мене на кафедру рентгенології до професора Юрія Андрійовича Бурлаченка з проханням допомогти мені пройти стажування з рентгенодіагностики. Іншої мети того візиту я не мав навіть подумки. Досі не можу збагнути, які чинники штовхнули Юрія Андрійовича без видимих роздумів запропонувати мені вступити до аспірантури на його кафедру: я не мав жодних формальних прав на те, і він бачив мене вперше. Але це була для мене нелегка психологічна проблема — зміна планів. Тільки після нелегких вагань я прийняв пропозицію. Через деякий час після останнього візиту до проф. Ю.А. Бурлаченка я отримав запрошення на вступні екзамени до аспірантури на кафедру рентгенології і радіології. Екзамени відбулися 2 квітня 1962 року, а у вересні того ж року отримав повідомлення, що я захищений в клінічну ординатуру.

Це було моїм поверненням до alma mater.

ТЕХНИКА ЭЛЕКТРОРЕТИНОГРАФИИ

Изучение биотоков сетчатой оболочки глаза представляет большой интерес. Уловить эти биотоки и записать их можно с помощью специально прибора-электроретинографа. Заграничные приборы для записи электроретинограмм очень громоздкие и дорогостоящие.

В клинике глазных болезней Харьковского медицинского института доцент В.М. Чередниченко усовершенствовал методику электроретинографии. Он использует обычный электрокардиограф, который имеется в большинстве лечебных учреждений, и предложенный им специальный прибор-фотостимулятор. Фотостимулятор для ретинографии с помощью электрокардиографа, сконструированный В.М. Чередниченко, прост и надежен в эксплуатации. Он подает световой раздражитель определенной длительности. Время подачи света точно регистрируется на пленке электрокардиографа. Благодаря этому удается точно расшифровать электроретинограмму.

Газета «Красное знамя», 15.08.1961

Д. ЛУНІН

ВИПАДОК У ПОЇЗДІ

Швидкий поїзд Баку–Одеса, прорізаючи темряву прожекторами, птицею рвався в серпневу ніч. До станції «Вогні» він підійшов із закличним гудком і веселим перестуком колес на стрілках. Було чотири години

ранку. На небагатолюдному пероні передранкову тишу порушував гомін, радісні вигуки, привітання і прощальні слова.

Микола швидко відшукав дев'ятий вагон. Проїшов у своє купе і присів на нижню полицю. Дуже втомився, горіло обличчя, і він відразу приліг. Засинаючи, Микола згадав, як сестра попереджала, щоб не проспати. «Нічого, до Кіровограда далеко», — думав він. Та ось в купе почувся хрип динаміка і чийсь стурбований голос чітко сказав: «Увага, увага! Говорить радіовузол поїзда. Товариші пасажери, якщо серед вас є лікарі, просимо негайно пройти в третій вагон».

Слова входять в напівдрімотну свідомість Миколи, і в той же час здається вони плывуть з якогось відчутного сну. І знову вимогливо: «Увага, увага!..». Микола повільно відкриває очі. І раптом... «У жінки тяжкі полози, потрібна швидка допомога». І на одну тільки мить Микола подумав: «Чи зумію, адже я тільки студент». А голос совісті говорив: «А якщо в поїзді немає більше лікарів? А там людина чекає допомоги, я не маю права гаяти жодної хвилини»... Один вагон, другий, третій. Вітер і гуркіт коліс при переході через площадки. Сон як рукою зняло.

Ось і потрібне купе. В ньому повно людей. Стоїть галас. Провідник, що супроводжував Миколу, голосно сказав. «Тихше, товариші, лікар прийшов!».

— Я попрошу вийти всіх з купе. Мені потрібна аптечка, — звернувся Микола до начальника поїзда. — А ви залиштеся, будете мені допомагати, — повернувся Микола до однієї з жінок.

Все відбувалося як у сні. Такого випробування ще не випадало на Миколу долю за всю його коротку медичну практику. Але й радості такої він ніколи не відчував, коли по вагону рознісся пронизливий крик дитини. Нова людина заявляла всьому світові про своє існування.

Миколі щось схвильовано говорили, поздоровляли, називали лікарем.

...На станції Кавказька поїзд чекала швидка допомога. Микола сам виніс дитину на руках, оточений пасажирами. Схвильований батько підійшов до Миколи: «Не знаю, як вам дякувати, ось візьміть від чистої душі», — і незручно подав фотоапарат «Зоркий».

— Будь ласка, не ображайте мене. То був мій обов'язок і перша велика радість. І в мене до вас прохання — сфотографуйте сина і обов'язково пришліть фотокартку.

...Знову почався учбовий рік. П'ятий курс. Знову Харків, клініка, лекції, семінари. Одного разу, коли Микола ввечері прийшов в гуртожиток, на нього чекав лист. Валентина Дмитрівна Прокопова писала: «Посилаю вам фотокартку сина, який зобов'язаний вам життям. Коли я дивлюся на мого здорового, щасливого хлопчика, я завжди згадую вас, милий лікарю».

У Миколи Чумаченка попереду ще не одне врятоване життя, та це перше випробування студентських років, яке він з честю витримав, запам'ятається назавжди.

Газета «Ленінська зміна», 04.11.1962

А.П. АЛЕКСЕЕНКО

ВОСПОМИНАНИЯ об И.Е. СМОРНОВЕ

У каждого человека бывают такие встречи, память о которых остается на всю жизнь. Такой была моя встреча с Иваном Ефимовичем Смирновым, когда я пришла после окончания аспирантуры на кафедру философии Харьковского медицинского института (в то время).

Иван Ефимович заведовал кафедрой, и я, как новый человек, практически без опыта, испытывала определенный страх. Так было только вначале. Преподавательская работа не только интересная, но и достаточно сложная. Первые шаги своего становления я осуществляла под руководством Ивана Ефимовича. Скорее всего, это было не руководство, а наставление старшего товарища, — достаточно корректное, внимательное, заботливое, ненавязчивое. Истинно интеллигентное отношение к своим подчиненным.

И лишь совсем недавно я узнала о том, что Иван Ефимович происходил из бедной крестьянской семьи и, как говорят, сделал себя практически сам, пройдя нелегкий путь до кандидата философских наук, руководителя кафедры. Родился он в 1930 г. в маленьком селе Воейковка Пензенской области. С детства стремился к знаниям и в достижении своей цели преодолевал немалые трудности. Семилетку И.Е.Смирнов окончил на отлично, преодолевая ежедневно в течение всех этих лет утром и вечером семикилометровый путь до школы в соседнем селе. Пережив гибель отца в Великую Отечественную войну и полуголодное существование в эти годы, он в 1949 г. уехал учиться в Пензенское педагогическое училище, которое тоже окончил с отличием и поступил в Московский государственный университет на философский факультет. Малый размер стипендии заставлял самостоятельно добывать средства к существованию, разгружая по ночам составы с цементом и другими стройматериалами. Работу и учебу Иван Ефимович совмещал с самовоспитанием, повышением своего культурного уровня. В 1960 г. он окончил университет и был направлен ассистентом на кафедру философии в Харьковского медицинского института.

Я познакомилась с И.Е.Смирновым, когда он был уже заведующим кафедрой. Поражали его кругозор, эрудиция, доброжелательное отношение к сотрудникам. Я никогда не видела его раздраженным, громко отчитывающим своих коллег, хотя некоторые и давали для этого повод. Поэтому и всегда сохранялось желание идти на работу, выполнять ее качественно, чтобы не было стыдно перед Иваном Ефимовичем.

Время, в котором мы жили, имело свои трудности: везде соблюдался жесткий идеологический контроль — комиссии, проверки, использование в лекциях и семинарах материалов съездов и пленумов, проведение занятий методологических и теоретических семинаров в сети партийного просвещения, итоговых годовых конференций по результатам работы сети партийного просвещения, регулярные партийные собрания и т. д. Трудно в этот период было сохранить собственную точку зрения и отстоять противоположную позицию. Ивану Ефимовичу всегда это удавалось, и делалось без лишней суеты, нервозности, напряжения. Сказывалась не только своя собственная мировоззренческая позиция, но и тот свободлюбивый дух, который у него сформировался в период обучения на философском факультете, да и родительские корни давали о себе знать. Именно поэтому его выступления на партийных собраниях всегда отличались необычным подходом, особым видением той проблемы, которая обсуждалась.

Не менее ярким было руководство методологическим семинаром, куда входил цвет нашего института — заведующие кафедрами. Безусловно, эти семинары требовали особой подготовки и умения выйти за рамки того идеологического вопроса, который выносился на обсуждение. Думается, что Иван Ефимович показывал достойный пример организации и проведения такой формы работы. Очень переживал, если его кто-то не слушал или не слышал, когда он выступал. Практически всегда объяснял это тем, что не смог донести свою идею. Хотя такие случаи были редки.

Иван Ефимович старался сохранить толерантные отношения со всеми преподавателями и сотрудниками кафедры. Далеко не все были самокритичны в отношении своей работы, были «ершистые», но, тем не менее, нормальный тон и ритм работы на кафедре всегда сохранялся. И в этом была несомненная заслуга Ивана Ефимовича с его порядочностью, тактом и выдержкой. Приходится только сожалеть о том, что пришлось так мало поработать с этим замечательным и светлым человеком (всего шесть лет). Иван Ефимович очень рано ушел из жизни — ему было всего 52 года. Но годы работы с ним навсегда останутся в моей памяти, которые подарили прекрасные моменты общения с этим добрым, мягким, интеллигентным человеком, отношение которого к своему делу стало примером для всей моей последующей работы.

Б.Я. ЗАДОРЖНИЙ

ЗНОВУ ЗА КНИГИ

Ось і знову настає він, цей чудовий вересневий день, знову молодь заповняє аудиторії вузів, класні кімнати шкіл. Не можна без хвилювання зустрічати його, бо початок навчального року — це справжнє свято. У нашій країні вчаться мільйони.

Думки працівників вищої школи сьогодні спрямовані на те, щоб дати країні високоосвічених спеціалістів, що добре володіють своєю професією. Мені пригадується чудове індійське прислів'я: «Для хворого лікар — батько, для здорового — друг, коли хвороба минає і здоров'я відновилось — він захисник». Друг, захисник, порадник — так говорять у нас про наших лікарів. І дійсно, наші медичні вузи випускають хороших спеціалістів, людей з високими моральними рисами. А останніми роками зроблений великий крок до ще кращої практичної підготовки майбутніх лікарів. Адже у вищій медичній освіті був певний відрив навчання від вимог повсякденної практики охорони здоров'я.

Багато нового увійшло в життя вузів, і зокрема нашого, у зв'язку з законом про перебудову народної освіти. Нині навчання наближене до практики. На першому, другому курсах наші студенти — постійні відвідувачі певних лікарень. Там вони проходять свою першу практику під час чергувань, вчаться доглядати хворих, надавати першу допомогу в різних випадках. На третій курс студенти вже працюють як помічники медичних сестер. Збільшилась практика влітку після третього курсу. Два місяці триває вона на четвертому курсі, а на шостому — цілий семестр. Під керівництвом досвідчених професорів студенти засвоюють нові методи діагностики і лікування хворих, вчаться творчого підходу до своєї майбутньої роботи.

Нині до нас приходять чудова молодь. Завтра разом з іншими сядуть на студентську лаву вчорашній завідувачий фельдшерсько-акушерським пунктом Микола Петрович Пилипенко, працівниця інституту ортопедії та травматології Ніна Михайлівна Овдiєнко, демобілізований з армії фельдшер комуніст Леонід Іванович Дементєнко. А доярку колгоспу імені Воровського, що на Полтавщині, Марію Степанівну Гусак направили

на навчання до медичного інституту загальні збори колгоспників. Вони дали їй наказ добре вчитись і повернутись на Полтавщину хорошим лікарем.

Зростає прекрасна зміна медичних працівників. В інститут надходять звістки про те, як добре і зі знанням справи працюють наші випускники в степах Казахстану, в лісах Сибіру, в горах Кавказу і в багатьох інших місцях. Всюди вони стоять на сторожі здоров'я радянських людей, вміло долають труднощі, проявляють ініціативу, винахідливість, творчу сміливість. Ми прагнемо виховувати спеціалістів широкого профілю, справжніх умільців, людей широких знань і великої душі, які вміють орієнтуватися в найскладнішій обстановці. Ми радіємо з того, що наші вихованці зростають на роботі. Їх шанує й поважає населення міст і сіл, робітничих селищ, відзиви про них приносять нам велике задоволення, бо у формування саме таких спеціалістів кожний із нас, професорів і викладачів, кожна кафедра і громадські організації вклали багато сил і енергії.

У нашій країні бурхливо розвивається медична наука, робляться значні відкриття. Тепер від лікаря вимагається значно більше, ніж рік, два, три тому. Він має бути в курсі досягнень сучасної науки, повинен вміти користуватися найскладнішою апаратурою, застосовувати найпередовіші методи лікування. Від нього вимагається, щоб навіть там, де немає удосконалених лікарень, необхідної апаратури та інших умов, він завжди був на висоті, вміло виходив зі скрутного становища.

Завтра ми починаємо новий навчальний рік. У всіх нас — професорів, викладачів, студентів чудовий настрій. Підготовлено все: аудиторії, лабораторії, кабінети; є всі умови для плідного навчання, для виховання лікарів високого класу, гідних нашого героїчного часу, нашого великого народу.

«Соціалістичний Харків», 31.08.1962

І.С. СМІЯН

**МОЛОДІСТЬ — ЧУДОВА ПОРА
ЖИТТЯ
(AETAS DULCISIMA ADULESENTIA EST)**

Хто щастя не цінував, той наближається до нещастя.

Авіценна

Знай, коли де йти,
Щоб добро знайти;
Поки не знайшов.
А як не знайшов,
Влад се, чи не влад,
Як раз відійдеш,
Не вертай назад.

Іван Франко

Нема нічого, що не перемагалося
би працею.

Джордано Бруно

То так! Праця понад усе! Праця з наполегливістю та любов'ю! Це гасло тішило мене все життя. І не лише тішило, а й приносило неабияке задоволення. Найбільш систематизованою та плідною була праця під час навчання в Харківському медичному інституті (тепер університеті), яка й в подальшому моєму життєвому шляху стала пріоритетом. Я повторюю: немає в житті більш постійного та тривалого чинника, який би так, як творча праця, викликав життєве піднесення, впевненість в собі та бажання працювати, працювати... Під творчою працею я розумію не лише наукові пошуки, а й пошуки постійного удосконалення себе в побуті, фаховій роботі, в оволодінні нескінченними культурними цінностями, пізнанні природи...

Я не знаю, можливо, мені пощастило, але під час навчання в Харківському медичному інституті мені не довелося зустріти ні одного викладача, який би байдуже ставився до свого фаху, до своєї педагогічної діяльності, до студента... Доцент Лідія Миколаївна Кулик при проведенні практичних занять з педіатрії з нашою групою постійно випромінювала співпереживання та намагання допомоги хворим діткам, повагу до студента та щире бажання передати свої знання. Може, хто й не повірить, але я на своїх професорських обходах іноді говорив, діагностуючи те чи інше захворювання у дитини: мене цього навчила Лідія Миколаївна. А потім розповідав студентам, як Лідія Миколаївна після державних іспитів з педіатрії запросила всю групу на гостини до свого дому (квартири) та разом з нами радувалась наслідками цих екзаменів і тішилася можливими майбутніми нашими творчими здобутками... До кінця її днів на цій грішній землі, я спілкувався з Лідією Миколаївною, як і з моїми вчителями Володимиром Олександровичем Белоусовим, Анною Федорівною Доброгаєвою, Іларіоном Пилиповичем Кононенко... А в пам'яті моїй назавжди знайшли місце видатні педагоги та вчені Б.В. Альошин, Р.Д. Синельников, Д.О. Альперн, П. Счастлива, І.І. Грищенко, А.М. Утєвський, М.М. Бокариус, Н.П. Татаренко, В.С. Деркач...

Цілеспрямована діяльність колективу Харківського медичного інституту завжди сприяла формуванню висококваліфікованого лікаря з творчою

жилкою та громадсько-суспільною відповідальністю. А тому не випадково, що зі стін цього вузу вийшли сотні видатних вчених, у тому числі і лауреат Нобелівської премії Ілля Ілліч Мечников, міністри (зі трьома з них я особисто знайомий — І.П. Кононенко, В.Ф. Москаленко, Р.В. Богатирьова, ректори, в т. ч. і я, численні директори наукових дослідних інститутів та навіть заступник Генерального директора ВООЗ, професор, доктор медичних наук Іван Данилович Ладний, мій земляк і сокурсник...

Багато присвят мамі, діткам, сімейному затишку ми спостерігаємо протягом століть у прозі, поезії, мистецтві, драматургії... І зовсім мало людини присвячує своє душевне тепло своїй alma mater — матері-годувальниці. Я на порозі початку свого 90-ліття помітив, що людина, в тому числі і я, головного у своєму житті не «помічає», вважаючи його неодмінною складовою свого «Я». І це діється з добрим наміром (bona mente), адже надбання, отримане у навчальному закладі, перетворилося у власність, у життєвий фенотип.

Скільки епізодів вузівського життя запам'ятав кожний колишній студент Харківського національного медичного університету?! Не перелічити. Ось лише деякі власні приклади.

Я, народжений в 1929 році на хуторі Лолові села Білка Тростянецького району Сумської області, пропрацювавши три роки фельдшером (закінчив Сумську фельдшерсько-акушерську школу в 1948 році), поступив у 1951 році до Харківського медичного інституту. Збулася моя заповітна мрія, якою я марив три роки й уві сні, і наяву. Чи можна передати словами мій стан після зарахування мене в студенти Харківського медичного вузу? Ні!.. Радість позамарна, весела збудженість кожної клітини мого організму, легкість мого тіла, легкість життєва, ні з чим не порівнянна. Я птах у безхмарному голубому небі...

Усі шість років навчання в Харківському медичному інституті, починаючи з першого курсу, я був активним учасником наукових гуртків, мав три друковані наукові праці, знайомився зі змістом і формою дисертацій, мав сміливість на 4-му курсі заявити своїм товаришам по групі, що через 3 роки після закінчення напишу кандидатську дисертацію, а якщо цього не станеться — можуть викреслити мене зі свого життя. Група була дружною, не проголошуючи про це, боролась за першість у знаннях на курсі. Це робили всі студенти. За шість років навчання не пам'ятаю випадку, щоб хтось із нас прийшов на заняття невідповідно. Сьогодні, коли у вузі починає переважати контрактна форма навчання, «чорні ями» у знаннях студентів є, на жаль, не поодинокими.

Гуртожиток у Харкові, в якому я прожив 5 років, з яким багато пов'язано, який був моїм домом. Гуртожиток надавали тільки тим, хто мав слабку матеріальну базу. Кімнати на 8–10, рідко на 6 чоловік. По дві кімнати на кожному поверсі мали особливий статус, так як у них було усього по 4 ліжка. Після 3-го курсу й мене перевели в таку «аристократичну» кімнату — 3 студенти з України та один з Угорщини — Шандор Сабо. Напис на фото, яке він подарував мені, закінчувався: «...Шандор Сабо з Буда-

пешта» (пізніше він стане заступником міністра в себе на батьківщині). Усі роки прожили у мирі та взаєморозумінні з товаришами по кімнаті. Мені вдавалося знаходити спільну мову і з хлопцями протилежної поведінки, поглядів, більше того — підводити їх до спільних думок. Незважаючи на те, що в кімнаті було два студенти на 12 та 14 років старших від мене, роль арбітра частіше належала мені. По-різному можна оцінити той факт, що до мене всі і постійно, з першого до останнього дня навчання зверталися на ім'я та по-батькові, про що я не просив...

Перша лекція в інституті... Перша незабутня лекція професора, завідувача кафедри нормальної анатомії Рафаїла Давидовича Синельникова. Він розпочав свою лекцію ефектно, не з анатомії, а з сумної демографічної ситуації у країні (це в 1951 році!). Через півтора роки я здаю іспит з нормальної анатомії людини професору Р.Д. Синельникову та отримую оцінку «відмінно» зі знаком оклику й коментарем про мої можливі майбутні наукові досягнення. Мої очі переповнюють сльози, мої відчуття вдячності не знають меж, моє бажання оволодівати знаннями помножується в багато разів, я відчуваю себе людиною. Хіба такий вчинок професора Р.Д. Синельникова можна замінити грамотами, значками чи навіть грошима?.. Ніколи! А все це трапилось завдяки асистенту Островському, який вирізнявся особливою вимогливістю та любов'ю до свого фаху, за що його любила вся наша шоста група педіатричного факультету. Він мої знання з анатомії завжди оцінював на «відмінно». Але знаки оклику ставив по-різному: один, два або три. Думаю також, що він переконав завідувача кафедри, відомого вченого зі світовим ім'ям професора Р.Д. Синельникова піти на неординарний вчинок. Під час державних іспитів з нормальної анатомії людини професор піднявся і голосно заявив: «Я вас вітаю з чудовим оволодінням знаннями з анатомії людини, я вас вітаю зі значними досягненнями в освоєнні основ медицини. Дерзайте!».

І знову про нормальну анатомію людини. Музей з цієї дисципліни вперше був заснований у Харківському медичному інституті видатним анатомом Володимиром Петровичем Воробйовим з учнями. Музей був дуже важливим помічником в оволодінні знаннями з цього предмету. Сьогодні такі музеї використовують у навчальному процесі всі вузи нашої країни (і не тільки нашої). Так ось, перед державними іспитами з цього предмету за стихійною ініціативою студентів було запропоновано провести змагання з рівня знань студентів між різними факультетами (лікувальний, педіатричний, санітарно-гігієнічний). Представником педіатричного факультету було обрано мене. І ось три студенти проводять «обхід» усього музею та ставлять почергово один одному запитання, на які необхідно знайти відповідь на музейному препараті. За нами, трьома основними фігурантами, спостерігають десятки наших товаришів (судді). Висновок одноголосний — я переможець. Мій піднесений стан, стан людини, яка систематично поглиблено вивчала цей предмет, у даному випадку компенсував години, тижні, місяці цілеспрямованої праці. Моя любов до медицини перевершувала всі інші почуття в мені. І коли ця любов мала свої

прояви у вигляді наведених випадків — моє задоволення життям не знало меж.

Що стосується порівнянь оволодіння азами педіатрії студентами педіатричного факультету на шостому курсі в мої роки й останнє двадцятиріччя — вони непорівнянні. Я на шостому курсі пам'ятаю лише педіатрію: шестимісячна праця в дитячій поліклініці, обслуговування хворих дітей на дому, профілактика захворювань, активна профілактика (вакцинація)... Увечері в гуртожитку тільки й мови — я сьогодні діагностував кір, я — пневмонію, я — ... Це були постійні неформальні семінари, які підбивали підсумок робочого дня. У мої студентські роки ще не додумалися ввести на останньому курсі вивчення наукового комунізму. Такий предмет протягом останніх десятиліть у СРСР був основним: семінари, лекції, державні іспити... Я пам'ятаю, як одній студентці в нашому вузі виставили «двійку» з наукового комунізму на державному іспиті за те, що вона відмовилася відповідати на питання, яке за своєю суттю не відповідало її релігійним переконанням.

Ми ж вивчали лише педіатрію. Спочатку — поліклініка. Дитяча поліклініка — це, насамперед, профілактика виникнення хвороб, це — формування фізично, розумово і психічно здорової дитини, здорової людини. Більшість часу педіатр поліклініки в ті роки, витрачав на здорову дитину: роз'яснення та контроль за раціональним харчуванням, за достатнім часом перебування дитини на свіжому повітрі, роз'яснення та контроль щодо рухової діяльності дитини... Все це ми студенти не лише спостерігали, а й самостійно впровадили в життя, особливо при обслуговуванні виликів до хворих дітей «на дому». Ми також були повноцінними учасниками активної імунізації дітей, приготування різноманітних страв дітям до року на молочних кухнях... Це про поліклініку. Про стаціонар я розповім, коли буду говорити про мого вчителя — В.О. Белоусова.

Я неодноразово констатував у книгах спогадів, роздумів своє «везіння» протягом усього життєвого шляху. Це стосується й мого спілкування з ректорами своєї alma mater. З Іларіоном Пилиповичем Кононенком я особисто спілкувався після вступу в інститут, протягом студентських років, після закінчення вузу. Він двічі був моїм гостем у Трускавці, а я був його гостем у Харкові. У мене таке враження, що я його знаю краще, ніж будь-хто зі співробітників вузу. Я ніколи не чув від нього жодного негативного слова про його оточення на роботі й удома, навпаки, він постійно говорив добрі слова про людей, з якими спілкувався.

З наступним ректором (1959–1975 рр.), професором Борисом Якимовичем Задорожним, незважаючи на те, що я при ньому складав іспит із кандидатського мінімуму, захищав кандидатську і докторську дисертації в Харківському медичному інституті, спілкуватися не довелося. Як мені передавали, він мене «завушно» не любив. З якого приводу — мені й до сьогодні невідомо.

З 1975 до 1986 року Харківським медичним інститутом (ХМІ) керував професор Володимир Дмитрович Черненко, з яким я спілкувався на різ-

номанітних нарадах як проректор, а пізніше як ректор Тернопільського медичного інституту. У моїй пам'яті Володимир Дмитрович залишився надзвичайно скромною та приємною людиною.

Анатолій Якович Циганенко — головний довгожитель біля керма Харківського медичного. Коли я був студентом, він був секретарем комітету комсомолу, коли я приїжджав захищати дисертації, він був уже проректором з навчальної роботи, коли я через багато років став проректором з навчальної роботи, він ще залишався на цій же посаді. Я не знаю, в якому вузі України та й колишнього Союзу на такій неспокійній посаді могла бути людина більше двох десятиріч, як на це спромігся Анатолій Якович. У мене інколи складалося враження, що він став проректором ще до мого народження. Та й ректорство його перевалило за двадцятку. Він завжди звертався до мене «Ваня», тепло і по-дружньому. Основи такого ставлення закладені ще у студентські роки. Він перший комсомолець всього вузу, а я на два щаблі нижче — перший комсомолець курсу.

На четвертому курсі у мене різко виражена кровотеча з виразки 12-папої кишки. Лікуюсь. Закінчую четвертий курс. Іду на виробничу практику в свій районний центр (Тростянець). Через три місяці одержую телеграму: «Вам необхідно терміново приїхати в профком медінституту». Іду. Дають безкоштовну путівку в санаторій курорту «Миргород». А практика? Потім відробити. У той час я ще не знав про можливість курортного лікування і, зрозуміло, нікого про це не просив. Надання путівки було для мене приємною несподіванкою. Хто її надав мені? Здогадались? Комітет комсомолу, який очолював аспірант Циганенко. Я нікому не скаржився на свою «болячку» й був певен, що «наверху» про неї ніхто не знає. Другий раз такий же фокус зі мною трапився після закінчення інституту й отримання диплома. Знову закликали до профкому і вручили путівку, але вже на курорт Моршин. Може, ви знали подібний випадок, щоб після закінчення вузу, без будь-якого прохання, кому-небудь надали безкоштовну путівку? Ось чому свою alma mater, свої напівголодні і напівхолодні роки завжди згадую з приємністю. Усе важливе, але архіважливе ставлення людей, з якими ти постійно спілкуєшся. Тому професор А.Я. Циганенко був, є і буде для мене побратимом.

З 2005 року ректором Харківського національного медичного університету обрано доктора медичних наук, професора, хірурга-уролога Володимира Миколайовича Лісового, майже однолітка мого сина. І за фотографією, і за його справами видно, що це гарна людина. Для мене гарна людина й тому, що на моє 80-річчя він від імені Харківського національного медичного університету надіслав чудове адресне послання, незважаючи на те, що ми з ним особисто не знайомі. Така його поведінка є свідченням того, що Володимир Миколайович є послідовником виконання порад Епіктета: «Забосься не о пище телесной, но о пище духовной. Первая выходит вон в виде испражнения — о ней тут же перестают говорить, тогда как последняя никогда не портится, даже по разлучении души с телом».

Мені хотілося б підкреслити, що своє життя, свою долю людина переважно творить сама. Я хотів би проілюструвати таку думку долею одного зі своїх близьких друзів. Віктор Філатов народився в сім'ї вчителів. Закінчив педіатричний факультет Харківського медичного інституту (в один рік зі мною) з відзнакою. Працював практичним лікарем в Охтирці Сумської області, лікарем вуха, горла, носа. Мав відмінну репутацію та повагу з боку пацієнтів. Але при зустрічі зі мною (вона відбувалася 2–3 рази на рік) висловлював бажання займатися науковою роботою. Більш того, він просив мене посприяти вступу до аспірантури. Я йому сказав, що можу звернутися з подібним проханням лише до професора кафедри гістології, який відпочивав у Трускавці та був моїм гостем. Він погодився. Через півроку Віктор уже був аспірантом кафедри гістології. Його навчання було успішним. Але любов та тяга до раніше вибраного лікарського фаху не давали йому спокою, а гістологія була далеко від його мрій. І через рік успішного навчання в аспірантурі за спеціальністю «Гістологія» він іде до ректора (якого я називав у минулих книгах «цар Борис») та ставить перед ним ультиматум — перевести його для продовження аспірантури на кафедру ЛОР-хвороб, і він зобов'язується за два роки написати з цього фаху кандидатську дисертацію. Якщо це неможливо, то просить відрахувати його з аспірантури, і він повернеться в Охтирку на старе місце роботи (до речі, Охтирка — місце народження «царя Бориса»), де на нього чекають.

Незважаючи на те, що в минулих книгах я критикував «царя Бориса», у даному випадку він прийняв мудре рішення — перевів Віктора на кафедру ЛОР-захворювань, де останній протягом двох років завершив оформлення дисертації. Віктор Філатов невдвозві став авторитетним та шанованим фахівцем на Харківщині. Тому не дивно, що йому, ще кандидату наук, запропонували очолити кафедру. У подальшому він виконав і успішно захистив докторську дисертацію, став професором, заслуженим діячем науки і техніки, академіком громадських академій, деканом, висококласним і визнаним фахівцем в Україні. Його наукові розробки були відомі не лише в Україні, а й далеко за її межами. Віктор Хомич Філатов був цілеспрямованою та наполегливою особою. Він досяг своєї мети, його мрії здійснилися саме завдяки його особистій наполегливій праці.

Минуло багато років, як я залишив Харків, як закінчив у цьому місті медичний інститут. Але пуповина, що пов'язувала мене з цим вузом, не засохла. Поза своєю свідомістю я завжди з цікавістю ставився до всіх подій, які відбувалися в цьому вузі, я завжди вболівав за нього. Успіхам — радів, поразкам — співчував. Ось чому вітання з цього вузу, з цього міста мають для мене особливе значення.

Ось привітання з Новим роком від ще однієї з випускниць Харківського медичного інституту — професора В.С. Приходько. З Валентиною Семенівною я був знайомий цілу вічність — з кінця 60-х років минулого століття. Вона була в мене в гостях на Кавказьких мінеральних водах, була офіційним опонентом моєї докторської дисертації, з нею ми спілку-

валися на всіх педіатричних форумах. Академік вищої школи, заслужений діяч науки і техніки України, професор, доктор медичних наук Валентина Семенівна Приходько була одним із провідних педіатрів України. Під її керівництвом захищено 38 кандидатських та 7 докторських дисертацій. В Україні так довго ніхто не завідував кафедрою педіатрії медичного вузу, як вона, — 37 років. Потім я за нею — 33 роки. Усе життя Валентини Семенівни було постійною боротьбою за здоров'я і життя малюків. Її вирізняла цілеспрямованість у наукових пошуках, неабияка працелюбність, боротьба за справедливість. Я пам'ятаю, коли років 15 тому професор В.Г. Майданник сказав мені: «Найбільший внесок у розвиток педіатрії в Україні, з моєї точки зору, зробили професори Приходько і Сміян». Що ж до моєї думки, то з усіх вчених-педіатрів мого часу Приходько займала провідні позиції серед харків'ян. Зрозуміло, після мого вчителя Володимира Олександровича Белоусова, який очолював у ХМІ шпитальну кафедру педіатрії і спілкувався з нашим курсом протягом останніх двох років навчання.

На початку 1960 року я повіз у Харків написану кандидатську дисертацію. Спочатку зайшов до доцента, яка вела нашу групу і яку любили не тільки ми, а всі, хто з нею спілкувався. Високоосвічена, всебічно розвинута, дуже добрий професіонал, не просто симпатична, а вродлива жінка. Вона з нами, студентами, спілкувалася на рівних, без панібратства, заохочувала до праці, до творчих роздумів. Зрозуміло, що в першу чергу я зайшов до неї, розповів подробиці про дисертацію, про своє життя. Вона сприйняла все з помітною радістю. І тут же майже за руку повела до професора. Володимир Олександрович завжди був серйозною людиною, стриманий, виважений, вимогливий до себе і оточуючих, педант у найкращому розумінні цього слова. Своїм аспірантам він давав тему дисертації після року праці в клініці, після того, як майбутній дисертант достатньо ввійде в ритм роботи, ознайомиться зі всім здобутим і особливостями колективу кафедри. Безумовно, це було дуже правильно. Жалкую, що я цього не запровадив, і мої дисертанти, які ставали кандидатами наук вже через три роки після закінчення інституту, значно переоцінювали себе і не так активно, як мені хотілось би, поглиблювали свої знання.

Володимир Олександрович уважно вислухав свою найближчу помічницю, Лідію Миколаївну, і запитав мене: «Скільки років Ви працюєте?» Отримує відповідь. «Ще попробуйте написати», — і все, кінець аудієнції. Я в розпачі. Кажу Лідії Миколаївні, що приїхав з проханням до професора Белоусова стати керівником моєї дисертації тільки тому, що люблю свій вуз, що, в принципі у мене є реальна можливість знайти керівника у Львові, Києві, Москві. Лідія Миколаївна заспокоїла, запропонувала прийти завтра зранку — і все буде в порядку. Дійсно, на ранок мій професор — зовсім інша людина: привітний, з приємною усмішкою, що в нього буває дуже рідко, попросив дисертацію і сказав, що через місяць надішле її мені із зауваженнями. На наступний день ще раз довелося спілкуватися з професором у зв'язку зі складанням кандидатського мінімуму, про що писав раніше. Через місяць отримав дисертацію з достатньо великою кількістю

побажань і зауважень. Останні мені розшифрувала Лідія Миколаївна. Наприклад, «СТ» на полях означало стиль і тому подібне. Після переробки Володимир Олександрович ще раз перечитав і знову через місяць надіслав. У подальшому не один раз спілкувався з ним і мушу сказати, що такої пунктуальності і педантичності мені не доводилось зустрічати у вчених. Тому я все своє життя старався його позитивну рису втілювати ув своїй науковій, педагогічній, лікувальній і організаторській діяльності.

Тепер продовжу про акценти свого оволодіння азами педіатрії в Харківському медичному університеті і розкажу про стаціонар. У стаціонарі студенти були своїми людьми. З ранку до 15: 00 — лікарські п'ятихвилинки, обхід хворих професором, курування хворих, обов'язковий (!) клінічний розгляд того чи іншого хворого, участь в обстеженні та лікуванні малюків... Ось обхід професора Володимира Олександровича Белоусова. На самому освітленому місці ставиться повивальний столик. Його оточують лікарі, студенти. Приходить професор. Приходить мама з хворим малюком. Дитину кладуть на столик. Лікуючий лікар доповідає про дитину. Інший лікар, частіше це аспірант, клінічний ординатор чи асистент кафедри, коротко інформує присутніх про досягнення науки в ділянці медицини, яка пов'язана з хворобою малюка. Ставлять запитання мамі, з'ясовують численні чинники, які впливали на дитину. Не поспішаючи, професор оглядає дитину та коментує виявлені зміни. Зіставляють додаткові методи дослідження з клінічними проявами. Обґрунтовується діагноз: лікуючим лікарем, аспірантом або клінічним ординатором, потім — доцентом. Володимир Олександрович вголос узагальнює все сказане та отримує при обстеженні.

Яким чином я використав досвід клініки професора В.О. Белоусова у своїй лікарській діяльності? Хворих дітей на обходах я оглядав завжди в окремих приміщеннях у присутності і при участі лікарів, студентів. За всі роки своєї лікарської діяльності мені «не вдалося» жодного разу образити лікаря за його недостатню компетенцію щодо діагностики і лікування дитини. Я ввів за правило усне реферування медичних журналів кожним лікарем, які доповідали засвоєне на відповідних конференціях. Коли я був головним лікарем, то заснував й очолив консультативну медичну раду, на якій проводився клінічний всебічний розгляд проблемних у діагностичному або лікувальному плані хворих за участю всіх лікарів. Виняткова підтягнутість професора, його акуратність в усьому, надзвичайна самодисципліна, постійна вимогливість до себе й оточуючих... Йому, було притаманне таке твердження Платона: «Ничто не является более тягостным для мудрого человека и ничто не доставляет ему большего беспокойства, чем необходимость тратить на пустяки и бесполезные вещи больше времени, чем они того заслуживают».

Студенти йшли на лекцію в аудиторію, що на вулиці Данилевського, 7, де була в ті роки клініка В.О. Белоусова, повз кабінет професора й бачили, що він вже на роботі. У ті роки студенти намагалися раніше зайти в аудиторію, щоб зайняти у ній перші місця. Для сьогоднішніх студентів

це щось фантастичне. Мабуть, В.О. Белоусов вплинув і на мене. Я завжди приходив на своє робоче місце за годину до початку робочого дня. Щоденно змінював свою робочу форму (халат, шапочка). Не було випадку, щоб я «зірвав» робочу зустріч з ким би то не було або спізнився на неї. Не пам'ятаю такого, щоб моя обіцянка моїм учням, підлеглим не була виконана. Завжди своєчасно приходив на обходи хворих, конференції, лекції... Не було лекції професора В.О. Белоусова без демонстрації хворої дитини, зі всебічним клінічним розглядом. Професор на цьому не економив часу. І коли сьогодні задають питання, чого доброго з минулих часів ми не використовуємо, то я відповім: замінити хворого слайдами, дисками, таблицями, фільмами... неможливо! У тому числі й на лекції. Це велике надбання вітчизняних медичних вузів у підготовці майбутніх лікарів ми втратили через свої лінощі.

У своїх спогадах про батька «Суб'єктивно о бренном» професор Юрій Володимирович Белоусов наводить і мої слова: «Спогади про Володимира Олександровича Белоусова — це водночас і згадка про свою alma mater, про свої студентські та зрілі роки, про своє ставлення як вченого, як людини до свого Вчителя. Безумовно, всі його учні відчували його благотворний вплив, який залишився на все життя. Високий інтелект, стриманість, передбачливість, абсолютна принциповість у взаємовідносинах з колегами і учнями — ці характерні для Володимира Олександровича риси завжди приваблювали творчу молодь. І той, хто потрапляв в коло впливу його біохвиль, залишався там на все життя. На жаль, ми, його учні, не в повній мірі взяли на озброєння його стриманість («Вообще, мало знающие много говорят, а те, которые много знают, говорят мало» (Ж.Ж. Руссо), вибірковість у друкуванні своїх творчих здобутків, вибірковість у співавторстві, відповідальність перед самим собою у великих і малих вчинках. Його постать особливо звеличується сьогодні, коли моральна особиста відповідальність, у тому числі й у наукових дослідженнях, має не тенденцію, а закономірність падіння до нульової позначки. Його постать була і є окрасою Харківського державного медичного університету, наукових медичних досягнень і педагогічної майстерності в Україні та колишньому Союзі. Його постать не лише звеличила педіатричну науку, а й нині не має собі рівних в Україні у цій галузі. Я вдячний долі за можливість багаторічного спілкування з Володимиром Олександровичем, за те, що мені вдалося перейняти якусь частку його людських чеснот. Мені шкода, що я не виконав усіх його дороговказуючих випроміненень для прийдешніх поколінь».

У мене таке враження, що більш скромного Вченого, ніж Белоусов, я не зустрічав на своєму життєвому шляху. Правда і те, що різко змінилися часи, підходи, оцінки, особливо самооцінки, які спрямовані на самоутвердження в цьому бурхливому світі, де виживання, шиккування «пробачають» будь-які вчинки людини.

Наведеним вище я хотів підкреслити, що науково-педагогічний колектив Харківського медичного інституту налаштовує своїх випускників

на творчу працю. Наукова діяльність з першого дня практичної роботи дозволяє лікарю повірити в себе та досягти неабияких результатів. У людини можливості невичерпні і значно більші, аніж вона про це думає. Пожиттєва гордість за свою alma mater живить розум, заряджає енергією творчості та постійної діяльності.

РАДЯТЬСЯ ПЕДІАТРИ

З ініціативи 35-ї дитячої клінічної лікарні цими днями відбулася науково-медична конференція лікарів цієї лікарні разом з представниками кафедри пропедевтики і факультетської педіатрії, кафедри дитячої хірургії Харківського медінституту, кафедри травматології і ортопедії Українського інституту удосконалення лікарів і Українського науково-дослідного інституту ортопедії і травматології імені М.І. Ситенка.

За два дні роботи учасники конференції заслухали більше 10 повідомлень, в яких зібрано і узагальнено все нове й ефективне, досягнуте наукою і практикою лікування дітей. Особливий інтерес викликали доповіді професора А.Ф. Доброгаєвої «Про терапевтичну ефективність нейроплегічних речовин в педіатрії», асистента Л.В. Недригайлової «Клініка і функціональні порушення печінки при гепатитах у дітей, які перенесли хворобу Боткіна», В.М. Коломенського «Клініко-лабораторні показники активності ревматичного процесу у дітей» та інші.

Цікаво розповідали лікарі Т.Д. Чепурна про застосування фітонцидів з метою профілактики грипу, З.І. Йолкіна — про досвід голковколювання в педіатричній практиці.

Газета «Соціалістичний Харків», 30.11.1962

ПРИЛАД ЗАПИСУЄ БІОСТРУМИ ОКА

Доцент Харківського медичного інституту В.М. Чередниченко сконструював фотостимулятор «ФС-1». Новий прилад у поєднанні із звичайним електрокардіографом — приладом для запису струмів серця — дає можливість уловлювати і записувати біоструми сітчастої оболонки ока, які виникають при його освітленні яскравим світлом. Дослідження цих біострумів має велике значення для діагностики очних захворювань.

Закордонні прилади такого призначення дуже громіздкі і дорогі. «ФС-1», винайдений В.М. Чередниченко, — малогабаритний, зручний у роботі.

Газета «Радянська Україна», 04.04.1962

Г. ЗАЛЕВСКИЙ

ПАРАДОКСЫ ЖИЗНИ.
ВОСПОМИНАНИЯ
И РАЗМЫШЛЕНИЯ

При поступлении в институт, набрав необходимое количество баллов, несмотря на сложности, возникшие с так называемым «пятым пунктом», в конце концов я был принят на санитарно-гигиенический факультет. С этой областью медицины я был в какой-то мере знаком давно благодаря работам отца.

Несмотря на то, что я был назначен старостой группы и пользовался определенным авторитетом, у меня с первых дней стали возникать конфликтные ситуации на идеологической основе. К тому же я оказался единственным евреем на курсе. Как-то на семинаре по истории КПСС я выступил и назвал XIII съезд комсомола «съездом трепачей». На советы испуганных товарищей быть осторожней, я гордо ответил, что теперь не сталинские времена и каждый имеет право говорить то, что находит нужным. На ближайшем комсомольском собрании мне припомнили это замечание, потребовав разъяснения, что именно я имел в виду.

На экзамене по биологии мне попался билет с вопросом: «В чем ошибочность утверждений вейсманистов-морганистов по поводу наследственности?». Не зная, что экзаменатор профессор Б. в сталинские времена громил генетику, я, ничтоже сумняшеся, сказал ему, что Мендель и Морган являются революционерами в биологической науке, так как они положили начало новому разделу биологии, создали основы хромосомной теории и естественного отбора, а их идеи и методы используются для решения проблем медицины, сельского хозяйства, являются основой геной инженерии и биотехнологии. Лысенковцы же стояли на защите учения Лысенко и Мичурина, тормозили эти исследования, на научную критику нередко отвечали доносами, что во многих случаях приводило к арестам и физическому уничтожению оппонентов... Услышав такое, профессор позеленел от злости и вlepил мне «пару», не позволив отвечать на другие вопросы билета. Его ассистенты хорошо погоняли меня, прежде чем изменить оценку, данную заведующим кафедрой. И все это произошло с предметом, к которому я испытывал давний и глубокий интерес.

На экзамене по физике экзаменатор обвинил меня в «преклонении перед Западом», поскольку я осмелился утверждать, что изобретение паровой машины принадлежит Джеймсу Уатту, а не Ползунову...

На 3-м курсе учиться стало интереснее — преподавали философию, диалектический материализм. На семинарах вспыхивали споры. Руководитель семинара, доцент кафедры диалектического и исторического материализма Владимир Степанович Лутай рекомендовал мне написать научную работу на тему: «Категория причинности и этиология болезней». В ней я должен был показать, как две философские категории «причина» и «следствие» связаны с медицинским учением о причинах заболеваний людей и какую роль при этом играют условия внутренней и внешней среды. Неожиданно для меня моя работа получила первое место среди студенческих научных работ города Харькова... Я был принят в члены Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, выступал с публичными лекциями по десяткам тем, получал множество заявок. Однако лекции без дискуссий меня не удовлетворяли. Я мечтал о времени, когда интеллигенция, наконец, будет иметь собственные дискуссионные клубы, сможет выступать свободно, без оглядки, где любое мнение может быть высказано и внимательно выслушано.

Как-то доцент Лутай предложил подменить его на короткое время на семинаре, которым он руководил. Участниками этого семинара были преподаватели института. После этого случая мне не раз приходилось замять его на философском семинаре.

Хотя я не был членом партии, на меня взвалили функции пропагандиста, разъясняющего марксистско-ленинское учение и политику партии. Добровольно я бы никогда не взялся за популяризацию этого учения, служащего тоталитаризму — полному господству государства над всеми сторонами жизни общества, отсутствию демократических свобод и прав личности. Но эта общественная должность давала мне право посещать специальные лекции, предназначенные для проверенных коммунистов. Их читали в Доме политпросвещения профессора, лекторы ЦК КПСС, журналисты-международники, работники КГБ, часто бывающие за рубежом и располагающие так называемой «закрытой информацией», предназначенной для партийных функционеров. Благодаря этому у меня появилась возможность во время проведения политинформаций и чтения лекций шире излагать собственные взгляды и оценки событий под видом официальной информации.

В распоряжение политинформаторов предоставлялись также многочисленные разработки ЦК и горкома партии, планы занятий, тексты докладов и бесед, специальные статьи, списки рекомендованной литературы, дефицитные книги. Поскольку вся коммунистическая литература в основном сводилась к нескольким элементарным положениям в виде тезисов и лозунгов, имела целью создать устойчивые стереотипы мышления и опиралась не столько на интеллект, сколько на эмоции и инстинкты, — я имел возможность заполнить замалчивания и искажения

объективным анализом событий и явлений действительности собственными комментариями. Такой подход к политинформациям я оправдывал тем, что любое образование, культурное или политическое, трудно ограничить системой заданных идей. Каждый должен иметь собственные мнения и оценки. На этом основании использовал сведения, почерпнутые прежде всего из зарубежных источников, радиоголосов, самиздата и тамиздата. По ответам моих слушателей я видел, что некоторые из них пользуются теми же информационными источниками, что и я.

В те годы в нашем институте училось много китайских, арабских и африканских студентов. Один из африканцев — Уильям — был сыном премьер-министра Марокко. Он быстро овладел русским, был прекрасно образован: ориентировался в медицине, психологии, философии, политике, был частым участником нашего философского семинара. Мы быстро нашли с ним общий язык и были единомышленниками. Наши мнения по разным вопросам почти всегда совпадали. До поступления в наш институт он окончил Сорбоннский университет в Париже и Кембриджский — в Великобритании, имел ученые степени доктора медицины и философии и решил подвести черту под своим образованием в Советском Союзе. Говоря о своих земляках — африканцах и арабах — он не выражал особого восторга по поводу их интеллекта и любознательности, не имел среди них друзей, возмущался ленью, тупостью, скудоумием и жестокостью соотечественников.

Китайские студенты, в отличие от африканцев и арабов, обладали исключительно трудолюбием, способностью к учебе, вежливостью и честностью. Однажды одному китайскому студенту поставили на экзамене «пятерку». Он попросил экзаменатора не ставить ему отметку, так как пока на «пятерку» предмета не знает, пообещал еще позаниматься, после чего прийти на экзамен повторно и с удовольствием получить высшую оценку (если, конечно, он ее заслужит!).

На четвертом курсе мы изучали политэкономия. Наш преподаватель Кухарчук, внешне очень похожий на Никиту Сергеевича Хрущева, также родившийся в деревне, имел хитрый и расчетливый ум. Он поощрял дискуссии, стимулировал каверзные вопросы, касающиеся социализма и капитализма. Зная, что я побывал в Швеции, часто просил меня рассказать «правду» о шведской жизни...

На пятом курсе мы проходили психиатрию. Лекции и практические занятия вела заведующая кафедрой психиатрии, профессор Нина Павловна Татаренко, ученица академика В.М. Бехтерева. Я вступил в студенческий научный кружок, которым она руководила, работал с больными в клинике неврозов и пограничных состояний Украинского психоневрологического института, участвовал в приемах и обходах больных, проводил психотерапевтические сеансы. Иногда после занятий организовывал сеансы по массовому гипнозу для сокурсников и студентов других факультетов нашего института. Когда в 1961 году в Харькове появились общегородская служба срочной психологической помощи и «телефон доверия»,

в определенные дни и часы я дежурил на телефоне, отвечая на разнообразные вопросы горожан.

За шесть лет учебы в мединституте у меня появилось много знакомых среди ученых и специалистов разных профессий. В Харьковском госуниверситете я регулярно посещал лекции, семинары, научные конференции, вечера, капустники.

За две недели до открытия Клуба содружества наук (КСН) во всех вузах, НИИ и на рекламных щитах города уже красовались афиши, извещавшие всех желающих о возможности вступить в члены вновь открывающегося общегородского клуба. Учредителями стали Харьковский государственный университет (ХГУ) и городской Дом ученых. Они же изъявили желание стать его базой. Было решено делать пленарные заседания (публичные дискуссии) выездными, проводить их непосредственно в учебных и научно-исследовательских институтах, дворцах культуры, киноконцертных залах и других организациях, располагающих самыми большими залами в городе. Темы обсуждаемых вопросов планировались самые разнообразные, как правило, находящиеся «на стыках наук». 8 декабря 1962 года в Большом актовом зале Харьковского института радиоэлектроники состоялось открытие клуба и его первое дискуссионное заседание. Вот что писала по этому поводу харьковская городская газета «Красное знамя»: *«Вчера вечером в зале Института радиоэлектроники собрались студенты различных вузов — будущие медики и физики, химики, биологи и математики, инженеры и учителя, те, кто желает знать как можно больше, стремится проникнуть в суть важнейших природных и общественных явлений. Рядом с молодежью на первом заседании студенческого «Клуба содружества наук» сидели известные ученые нашего города. Темой первого заседания клуба была «Биология и физика. Некоторые проблемы биологии, неразрешимые без физики». Зал переполнен. Молодежь стоит в коридорах и сидит на подоконниках.*

— Я рад открыть первое заседание клуба, — сказал председатель областного отделения Общества по распространению политических и научных знаний академик В.Н. Никитин. — Созданный на общественных началах по инициативе студента Харьковского медицинского института Григория Залевского, при поддержке обкома и горкома комсомола на базе Дома ученых, этот клуб поможет студентам нашего города ознакомиться с проблемами, которые возникают на стыках смежных областей знания.

Вступительный доклад на тему «Некоторые проблемы биологии, неразрешимые без физики» прочел кандидат биологических наук В.Г. Шахбазов. После его выступления разгорелась горячая дискуссия. На трибуне ученых смеяются студенты. В президиум непрерывным потоком поступают записки. Ученые Харькова — академик В.Н. Никитин, член-корреспондент АН СССР И.М. Лифшиц, профессор Б.В. Алешин, доктор медицинских наук, профессор А.А. Шалимов и другие не только познакомили студентов с проблемами и достижениями в различных областях современной науки, но и отвечали на многочисленные вопросы. Убеленных сединой академиков увлек бурный интерес студенческой молодежи к науке.

Поздний час, но никто не уходит. Заседание продолжалось без перерыва. Расходились за полночь. На первом заседании присутствовало 70 ученых и еще около 2000 участников».

Подобная активность была отмечена не только в Харькове, но и в других городах, где мне удавалось организовывать Клубы содружества наук. В городе Сумы клуб работал на базе самого большого в городе Дворца культуры Сумского химвмашзавода, а также Сумского педагогического института. Желающих участвовать в заседаниях всегда оказывалось больше, чем могли вместить актовые залы. Во время обсуждений актуальных политических и социальных вопросов они были заполнены до отказа: люди занимали все проходы, сцену, сидели и стояли на подоконниках, набивали битком фойе, коридоры, лестничные клетки, даже буфеты и гардеробные. Хорошо, что, используя опыт харьковского КСН, мы всегда заранее радиофицировали все этажи зданий.

Открытая и фактически никем и ничем не ограничиваемая информация о деятельности государственных, общественных и других структур, возможность свободного массового и демократического обсуждения демонстрировала подлинное творчество масс, являлась предтечей гласности, провозглашенной лишь с середины 1980-х годов Горбачевым. Используя хрущевские шестидесятые годы, приоткрывшие дверцу для нашего поколения так называемых «шестидесятников», мы исподволь начали вывод клуба интеллигенции из-под контроля агитпропа. Дискуссиями и разговорами мы не ограничивались — помогали друг другу и практическими деяниями. Так, например, в харьковском КСН доктор меднаук Владимир Генес в содружестве со студентом Политехнического института Давидом Фердманом сконструировали одну из первых в те годы ЭВМ для диагностики онкологических заболеваний, которая демонстрировалась на Международной выставке медицинской техники в Лондоне и была удостоена Малой серебряной медали. А в сумском КСН врач-гинеколог Петр Грищенко совместно с рабочим завода электронных микроскопов Николаем Головиным создали электронный прибор, помогающий акушерам предупреждать во время родов асфиксию у новорожденных.

...Шесть лет учебы в институте пролетели незаметно. Наступил 1963 год, окончились выпускные экзамены, и я получил диплом врача. Ставший к этому времени заведующим кафедрой философии доцент Лутай пригласил меня в кабинет и еще раз предложил аспирантуру, сказал, что лично готов стать моим научным руководителем. Но я к этому времени еще не забыл наставлений профессора Серебрякова и вежливо отказался от любезного предложения.

На Государственную комиссию по распределению прибыл представитель Сумской областной санэпидстанции, где летом я проходил преддипломную практику. Он уговаривал меня поехать на работу в Сумы, гарантировал должность промышленно-санитарного врача в ОблСЭС, полную творческую свободу в основной работе и клубной деятельности. На это предложение я согласился, полагая, что ни в одном другом месте

обстановка не будет благоприятствовать в такой мере раздумьям о делах человеческих, как в небольшом тихом провинциальном городке...

ПРЕМИИ ЛУЧШИМ НАУЧНЫМ РАБОТНИКАМ

Харьковское научное медицинское общество — одно из старейших на Украине. Основано оно в 1861 году. Общество проводит большую научную работу. На секционных заседаниях систематически заслушиваются доклады, посвященные наиболее актуальным вопросам советской медицины.

Ежегодно проводится конкурс на лучшие научные работы. В конкурсе могут принимать участие не только научные работники, но и практические врачи и студенты медицинского, стоматологического и фармацевтического институтов.

Недавно президиум общества подвел итоги конкурса на лучшие научные работы членов общества в 1961 году. Первой премии имени профессора Н.П. Тринклера удостоена работа доктора медицинских наук А.А. Шалимова «Новое в хирургии сердца и магистральных сосудов». Премией имени Н.И. Шатилова награжден сотрудник Украинского института неотложной хирургии и переливания крови Р.А. Гешвантер за усовершенствование специальной аппаратуры для исследования кишечника. Коллективный труд кандидатов медицинских наук З.П. Ковальковой, А.А. Горюновой и А.А. Сычева «Динамика физического развития школьников в г. Харькове за 20 лет» удостоена премии имени С.Н. Игумнова.

Всего премировано восемь человек.

Газета «Красное знамя», 22.11.1962

И.И. КУТЬКО

СЛОВО О ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫХ, ДОРОГИХ УЧИТЕЛЯХ И ЛЮБИМЫХ ОДНОКУРСНИКАХ

Вот и настал славный юбилей нашего родного Харьковского национального медицинского университета. Время вспомнить о тех, кто

составлял честь и гордость нашего прославленного вуза. О некоторых из них, кого хорошо знаю, я и хочу рассказать.

Я поступил на лечебный факультет Харьковского медицинского института в 1956 году. В это время кафедрой нормальной анатомии заведовал известный профессор-анатом Рафаил Давидович Синельников. Вот он-то и заложил в наши головы и судьбы основы нормальной анатомии. Любимыми словами его были: «Медицину надо начинать с буквы «А» — анатомия. Это предмет, который пронизывает все медицинские специальности». А вот нашу группу вела ассистент Вера Львовна Харитонова. Уж как она нас гоняла, тему «Кости черепа» мы пересдавали много раз, но анатомию усвоили хорошо.

Кафедрой нормальной физиологии заведовала известный физиолог — профессор Елизавета Константиновна Приходькова. Блестящий лектор, она тонко умела преподнести сложные разделы нормальной физиологии и делала это с постоянной демонстрацией сложных экспериментов прямо на лекции. Она была умным, высокообразованным, интеллигентным человеком и замечательным ученым. Биохимию, которая также является основой медицинских знаний, блестяще читал профессор Арон Михайлович Утевский. Студенты, затаив дыхание, внимательно слушали каждую его фразу, впитывая основополагающие постулаты биохимии. Удивительно яркими и красивыми были лекции заведующего кафедрой профессора Бориса Владимировича Алешина по гистологии. Он умел необыкновенно тонко представить ее сложные вопросы. Патологической анатомией — основой всех основ практической медицины — сумел увлечь нас профессор Григорий Львович Дерман. На этой кафедре много внимания уделялось макро- и микропрепаратам в диагностике многих болезней человека и, что особенно важно, много времени мы проводили в секционной, где на трупном материале изучали патологическую анатомию заболеваний, самостоятельно проводя вскрытия. Профессор Даниил Евсеевич Альперн замечательно читал патологическую физиологию, строя изложение тем на высоком современном научном уровне.

Когда мы стали студентами третьего курса, нас начали вводить во многие медицинские специальности. Вспоминаю заведующего кафедрой пропедевтики внутренних болезней профессора Сергея Николаевича Синельникова, лекции которого содержали глубочайшие подготовительные сведения по отдельным болезням, в них прослеживался огромный клинический опыт. Профессор буквально горел желанием передать свои знания студентам, сопровождая лекции яркими демонстрациями больных. Группу нашу вел доцент Г.М. Михлин, и мы, затаив дыхание, как замороженные, следили за тем, как Григорий Михайлович обследовал больных. Он умел филигранно аускультировать, перкутировать и пальпировать, умело складывал ложечкой кисть руки, глубоко проникая в органы брюшной полости. В то далекое время мало было инструментальных методик, только зарождалась ЭКГ, а вот Григорий Михайлович на основе своего

богатейшого клінічного опыта и поистине енциклопедических знаний умел установить правильный диагноз.

С терапией нам очень повезло. На четвертом курсе лекции нам читал известный терапевт Соломон Яковлевич Штейнберг. Его мы слушали на одном дыхании — это был сплав богатого клинического опыта и умения преподавать сложные главы терапии на высочайшем уровне. И вершиной преподавания терапии были блестящие лекции выдающегося терапевта нашего времени Любови Трофимовны Малой — профессора, академика, которая своими знаниями умела зажечь факел наших познаний в терапии.

Хирургию мы изучали под умелым руководством Александра Захаровича Цейтлина, лекции которого содержали богатый клинический материал. Его опыт и профессиональное мастерство позволяли ему излагать материал ясно, доходчивым языком. К демонстрациям по различным разделам хирургии, а также к участию в операциях активно привлекались студенты.

Особо следует отметить всеми нами горячо любимого заведующего кафедрой фармакологии профессора Николая Семеновича Харченко, который отлично знал клиническую фармакологию, четко излагал ее основы на высокоинформативных лекциях. Нам вдвойне повезло: нашу группу на этой кафедре вел доцент Михаил Маркович Брук — живая энциклопедия фармакологии. Он научил нас не только фармакологии, но и правилам выписывания рецептов, при этом был невероятно строг и в то же время доброжелателен.

Акушерство и гинекология — сложная, интимная область медицинской специальности. Все мы были влюблены в первого декана лечебного факультета, заведующего кафедрой акушерства и гинекологии — профессора Ивана Ивановича Грищенко. Он имел божий дар ученого, врача, педагога, человека. Его лекции были очень информативными, четкими, с демонстрацией клинических случаев. Иван Иванович понимал женскую застенчивость, и, осматривая больную ни в коей мере не смущал ее, что очень важно в такой деликатной интимной области, как акушерство и гинекология. Вдохновленные его примером, мои однокурсники Л.П. Дрижова и Г.Н. Гомоненко стали акушерами-гинекологами высшей квалификации.

Неврологию мы изучали под руководством выдающегося невролога нашего времени Георгия Даниловича Лещенко, чьи лекции были основаны на богатейшем клиническом опыте. А вот группу вел тогда ассистент Евгений Георгиевич Дубенко, который на примере многих сложных клинических случаев оттачивал наше клиническое неврологическое мышление.

Первым моим учителем психиатрии был известный психиатр — заведующая кафедрой Нина Павловна Татаренко — профессор, чьи энциклопедические знания в области психиатрии завоевали наши умы и сердца. Психиатрия — элитная, самая сложная из всех медицинских специальностей.

стей наука. Нина Павловна методично раскрывала нам ее секреты. Нам очень еще повезло и с преподавателями психиатрии. Ассистент кафедры Клавдия Владимировна Михайлова — великолепный педагог, лучший психиатр и очаровательная, гордая женщина. Благодаря заботам Клавдии Владимировны из 11 человек нашей легендарной 13-й группы 8 студентов получили по психиатрии оценку «отлично» у очень строгого профессора-психиатра Валентины Васильевны Наумовой. Может быть, поэтому я и стал психиатром, хотя с детства мечтал быть хирургом.

Мой рассказ был бы не совсем полным, если бы я не упомянул всеобщего любимца коллег и студентов — заведующего кафедрой судебной медицины профессора Николая Николаевича Бокариуса. Вот это уж был эталон лектора, образованнейшего человека, интеллигента с большой буквы. Куратором же группы 4 года была ассистент кафедры Прасковья Акимовна Войтович. Вот она была для студентов мать родная. Она знала о нас все и всегда во всем помогала. Мы все вспоминаем Прасковью Акимовну с большой любовью и невероятным почтением.

Деканы лечебного факультета — профессора Иван Иванович Грищенко и Николай Семенович Харченко много внимания уделяли студенческой аудитории. Мы начали учиться, когда ректором медицинского института был доцент Иларион Филиппович Кононенко, а заканчивали при Борисе Акимовиче Задорожном. Следует отметить, что это были добрые, умные, порядочные, высокообразованные люди и блестящие специалисты. Затем мне удалось общаться с ректором — профессором Анатолием Яковлевичем Цыганенко. Это был человек, внесший много доброго в развитие нашего родного вуза. Сейчас Харьковский национальный медицинский университет возглавляет опытный клиницист и крупный организатор высшего медицинского образования и науки — профессор Владимир Николаевич Лесовой, который перенял эстафету от своих талантливых предшественников и смело, своевременно учитывая требования сегодняшнего дня, по-новаторски ведет университет к новым вершинам, готовя квалифицированные кадры по новым специальностям, в том числе по подготовке семейных врачей, которые так нужны населению Украины.

Прошло уже более 50 лет со дня окончания мединститута. На торжествах по случаю 50-летнего юбилея в 2012 г. я произнес здравицу в честь всех наших учителей, которые вырастили из нас хороших врачей, и я твердо знаю, я был старостой потока, что все мы эти 50 лет верно служили и служим нашим пациентам, всегда помня о Больном!

Хочется сказать большое спасибо и хранителице славных традиций, реликвий нашего родного прославленного вуза директору музея истории университета Жаннете Николаевне Перцевой за то, что она бережет прошлое, а значит, у нас всех есть будущее.

В завершение хочу остановиться на своих любимых однокурсниках — выпускниках ХМИ 1962 года. Это Иван Захарович Яковцов — парторг нашего курса, теперь профессор ХМАПО, заслуженный врач Украины. По сравнению с нами — мальчишками и девчонками — он был уже зрелым

человеком и умело, ненавязчиво занимался нашим воспитанием. И, как мы видим по результатам его кропотливого труда, достаточно успешно.

Женя Хворостов с 3-го курса увлекался хирургией и стал отличным хирургом. Сейчас он профессор, заведующий кафедрой хирургических болезней Национального университета им. В.Н. Каразина, отлично владеет лапароскопической хирургией, заслуженный врач Украины. Лора Загоружева — доцент кафедры нетрадиционной медицины ХМАПО, заслуженный врач Украины, отличный оториноларинголог, поэтесса, добрый отзывчивый человек. Алик Белозеров — доктор медицинских наук, заведующий лабораторией Института дерматологии и венерологии НАМН Украины, внесший весомый вклад в иммунологию. Витя Хара — подполковник медицинской службы, отдал много лет сложной профессии военного врача. Сейчас работает в госпитале врачом-функционалистом.

На юбилейном вечере в честь 50-летия окончания ХМИ встала маленькая худенькая женщина — врач Демина — и сказала, что она все 50 лет работает в сельской участковой больнице и вылечила много-много тружеников сельского хозяйства. Ее слова покрыл шквал аплодисментов — это был гимн нашей врачебной профессии, делу, которому мы верно служим. Да разве всех перечислишь. Одни еще работают, другие на пенсии, и я могу с гордостью сказать: «Слава, слава, слава нашему родному вузу-юбиляру!»

Кратко о себе. Я, Кутько Игорь Иванович, в 1962 году по окончании лечебного факультета Харьковского медицинского института был рекомендован ученым советом ХМИ к научной работе как активный член Студенческого научного общества. По распределению был направлен в органы МВД, где назначен на должность начальника медицинской части исправительно-трудовой колонии УВД Полтавского облисполкома. Затем работал врачом-психиатром в Харьковской городской клинической психиатрической больнице. С ноября 1965 года около 50 лет работал на научных должностях во всемирно известном ныне ГУ «Институт неврологии, психиатрии и наркологии НАМН Украины» под руководством профессора-психиатра Анатолия Иосифовича Плотичера и директора института профессора Петра Власовича Волошина. Я доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины. Распоряжением Президента Украины мне установлена государственная стипендия как выдающемуся деятелю науки Украины. Академик Академии наук высшего образования, Нью-Йоркской академии наук, награжден орденами Михайла Ломоносова, звездой «Патриот Украины», почетным знаком «Флагман науки и просвещения Украины», двумя медалями, Почетными грамотами президента Национальной академии медицинских наук Украины, министра здравоохранения Украины, директора ГУ «Институт ПНН АМН Украины». Сейчас работаю на научной должности в ГУ «Научно-практический медицинский реабилитационно-диагностический центр МЗ Украины», член Национального союза журналистов. Автор 800 печатных научных работ, 10 монографий, обладатель 11 патентов на изобретение. Подготовил 25 докторов и кандидатов медицинских наук.

В. СОХРАНИЧ

УДОСКОНАЛЮВАТИ ПРОЦЕС НАВЧАННЯ

З перших днів навчання в медичному інституті студента привчають не мислити, а зубрити назви тих чи інших означень російською та латинською мовами. Саме такий процес вивчення нормальної анатомії людини та деяких інших наук. Процес же навчання на старших курсах ламає у студента згаданий підхід до вивчення предметів. Навчання на старших курсах тісно пов'язане з лікуванням хворих. Клінічні дисципліни вимагають мислити конкретно за допомогою раніше одержаного наукового багажу.

Щодо лекцій. Потрібні чи не потрібні вони нам, майбутнім лікарям, сперечатись зайве. Ми не можемо погодитись із думкою, що живе слово лектора може замінити друкований конспект. У Харківському медичному інституті працюють прекрасні лектори, послухати яких студенти йдуть з величезним бажанням. Це професори В.С. Деркач, І.І. Грищенко, В.О. Белоусов, А.М. Утевський, О.З. Цейтлін, О.С. Налбат та багато інших. Крім того, лекції у нас читаються (маю на увазі старші курси) з демонструванням лікування хворих, що, зрозуміло, приносить студентам величезну користь і не може бути замінено будь-чим іншим. Патологічна анатомія в медичному інституті вивчається на третьому курсі. Знатиме студент добре патологічну анатомію та плюс необхідні клінічні дисципліни — добре буде діагностувати, а звідси — і лікувати хворих. Для студентів-медиків цей предмет є найважчим, але вивчається у відриві від клінічних наук, бо на третьому курсі студент лише приступає до вивчення загального курсу хірургії та пропедевтики (вступу до науки) внутрішніх захворювань. Звичайно, він ще не знає клініки багатьох захворювань, приступаючи до вивчення їх патологічної анатомії. А через рік-другий він вивчає клінічні дисципліни, коли патологічні процеси вже забуто і повторити їх ніколи, бо йому треба вивчати все нові й нові предмети. А що вже говорити про ті предмети, які читаються в медичному інституті, так би мовити, оглядово. Візьмемо для прикладу вивчення курсу рентгенології та радіології. Програма велика, життя зараз вимагає від лікаря більш глибоких знань цих предметів, а годин на їх вивчення мало.

Я вже чую заперечення деяких товаришів, які стверджуватимуть, що медичний інститут випускає не рентгенологів, а лікарів загального профілю. Але як бути в тих випадках, коли адміністрації лікарень доводиться посилати молодого лікаря знову на навчання, щоб той здобув спеціалізацію, яка саме потрібна даному лікувальному закладу. По-перше, знову витрачається час для підготовки лікаря, по-друге — державні гроші. Над цим ми повинні серйозно подумати і виробити чіткий план підготовки вузьких спеціалістів-медиків. Не є таємницею те, що молодий лікар, закінчивши інститут, інколи недостатньо підготовлений до лабораторної практики. Виходячи на самостійну роботу, він почувається безпорадним.

Незадовільно вивчаються в інституті основи клінічної кардіоелектрографії, і не кожний молодий лікар досконало володіє цим методом дослідження роботи серця.

Прикро, що студент, проходячи курс занять на тій чи іншій кафедрі, не має змоги ознайомитись хоч би екскурсійно з новою апаратурою, котра на ній є. На жаль, таке становище існує на кафедрі патологічної анатомії та патологічної фізіології.

Тривогу викликає підготовка дитячих хірургів. Цього року випускники були незадоволені заняттями на згаданій кафедрі. По-перше, лекції читались неякісно. По-друге, самі практичні заняття мали загальний характер. Студенти-гуртківці, які працювали на цій кафедрі, займались лише статистичною обробкою матеріалу. Крім того, всі випускники і за останній рік не можуть зробити чогось значного. Чомусь не практикується, щоб до гуртка залучати студентів 3–4-х курсів. А питання дитячої хірургії, як ніколи, дуже актуальні зараз. Існує думка, що дитячу хірургію студенти повинні вивчати вже на 3–4-му курсах, а не так, як зараз, — на 6-му, та й то лише на педіатричному факультеті. А сама кафедра дитячої хірургії працює на базі відділення дитячої хірургії обласної лікарні, яке розраховане на сорок ліжок. У той же час у нашому місті є 35-та дитяча клінічна лікарня, в якій нараховується у три рази більше хірургічних ліжок. Так чому ж не перемістити сюди кафедру, щоб вона стала методичним, науковим і консультаційним центром дитячої хірургії у всій галузі.

У медичному інституті дещо зроблено для поліпшення навчального процесу. Так, студенти-медики здають екзамени за вільним графіком. Зараз навчальною частиною інституту встановлюється час, за який студент повинен здати екзамени. І студент користується правом сам записуватись на екзамени, коли він забажає. Це дає можливість йому на свій розсуд розрахувати час.

Не все гаразд у медичному інституті з системою циклічності вивчення того чи іншого предмету на старших курсах. Заняття на тій чи іншій кафедрі по групах розпочинаються циклами, тобто протягом двох–трьох тижнів три–чотири групи навчаються по чотири академічних години на тій чи іншій кафедрі. Виходить, що студент на початку семестру закінчить навчання на одній із кафедр, а потім переходить до інших. І так групи чергуються. Але до екзамену залишається більше двох місяців. От і доводиться студентам перед екзаменами вивчати предмет заново, бо знання, набуті два місяці тому, забулись. І знову настає заучування. Отже, процес підготовки молодих лікарів вимагає деяких змін та удосконалення.

Газета «Ленінська зміна», 15.11.1964

А. ГЛАЗОВ

НЬЮТОНЫ С НАШЕГО КУРСА

Лекция без профессора? Это не фантастика. Преподаватель записывает свой рассказ на магнитофонную ленту, задает программу специальному устройству, которое автоматически показывает в нужный момент схемы и чертежи, опускает и поднимает шторы на окнах...

Такой кабинет программированного обучения создали в Ленинградском техникуме авиационного приборостроения и автоматики студенты Б. Артюшкин, С. Янушкевич, И. Клейменов и Н. Калмак. Это их диплом. Кстати, защита его тоже проходила необычно. Дипломанты молчали. За них говорило их умное детище.

Тема: «К анатомии нервов почек человека и некоторых животных». Автор — студент Харьковского медицинского института Михаил Бурых. Первые робкие шаги в науке он сделал в самом начале учебы, когда впервые увидел под биноклярной лупой тонкие волокна нервов и пучки кровеносных сосудов. На одной из лекций в память врезались слова:

– Когда человечество в совершенстве изучит центральную нервную систему, можно будет постучаться в любую проблему медицины и просто сказать: «Сезам, откройся...».

Значит — нервы. Руководитель кружка доцент Шапиро одобрил: артерии изучены, а вот о нервных волокнах, как они располагаются в почечном синусе, что-то читать не приходилось.

Три года продолжались «ночные бдения». И вот работа закончена. Она под девизом отправляется в Москву на межвузовский конкурс. А потом — высшая награда, золотая медаль.

Газета «Комсомольская правда», 16.12.1964

О.Н. КОВАЛЕВА

**СВЕТЛЫЕ
СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ**

У меня никогда не было сомнений в выборе будущей профессии. Во время учебы в школе меня больше всего интересовали предметы, связанные

с изучением живых существ. Однако самое большое влияние на меня оказал пример моей матери Екатерины Федоровны Рапог. В 1939 году она окончила Харьковский медицинский институт и была направлена в сельскую больницу, где оказывала помощь больным с различной патологией. Окончив курсы специализации по хирургии, с началом Великой Отечественной войны была назначена на работу в военный эвакогоспиталь, а потом, несмотря на молодой возраст, получила должность начальника госпиталя. Мама часто рассказывала о раненых, которым военные врачи спасали жизни. Было очень много осложнений вследствие преимущественно гнойных и септических процессов. В то время антибиотики для практического применения были недоступны, а сульфаниламидные препараты появлялись в ограниченном количестве. Какую горечь ощущали врачи, когда не могли помочь тяжелораненым. Медицинские работники самоотверженно трудились день и ночь, чтобы вернуть в общество, в семьи наших соотечественников. После войны мать работала терапевтом, занимала разные должности, но через всю жизнь пронесла воспоминания о военных годах. Главное, чему она научила меня, — уважительное отношение к больному человеку, сочувствие, милосердие.

В памяти всплывают воспоминания о студенческой жизни, обо всех этапах становления и формирования нас как представителей медицинского сообщества.

Один из самых запоминающихся моментов в жизни каждого абитуриента — это поиск своей фамилии в списке зачисленных в вуз. Затем началась студенческая жизнь, полная впечатлений, познания нового, доселе неведомого: мира клеток и тканей, строения человеческого тела, сложности устройства и функционирования систем организма, жизнедеятельности микроорганизмов. Самое главное для становления врача — изучение механизмов возникновения дисфункции и патологических состояний, которые формируют болезнь. До сих пор незабываемо то трепетное чувство, которое мы испытывали при посещении кафедр, знакомстве с преподавателями на лекциях и практических занятиях. В нашей группе преподавателем на кафедре нормальной анатомии был В.В. Бобин, который увлекательно проводил занятия и давал прочные знания. Мы все с восхищением слушали лекции Б.В. Алешина, насыщенные по содержанию и эмоциональные по изложению материала. Первое стремление к научному творчеству возникло у меня на кафедре биохимии при изучении трудных для запоминания формул, за которыми скрывался увлекательный мир метаболических превращений, дающих команды всему организму и определяющих норму и патологию. Величие этих знаний мы поняли на лекциях профессора А.М. Утевского, известного ученого, работы которого по биохимии катехоламинов до сих пор цитируют в научной литературе. Сложные положения патологической физиологии раскрывал нам профессор Д.Е. Альперн. Значение макроскопических и микроскопических исследований для установления диагноза мы поняли на кафедре патологической анатомии после курса лекций профессора Г.Л. Дермана

и на практических занятиях. Чувством сострадания, морального предназначения нашей профессии мы прониклись, когда впервые как будущие врачи переступили порог клиники. У нас были замечательные учителя, которые не только раскрывали нам сложную науку врачевания, но и прививали такие понятия, как чуткое, добросовестное отношение к больному. Профилактическое направление медицины мы осознали во время обучения на кафедрах гигиенического профиля. Какую гордость я испытала, когда в зачетке появилась оценка «отлично», выставленная самым требовательными преподавателем — профессором М.П. Воронцовым!

Выбор будущей медицинской специальности — очень ответственный этап. Окончательное решение об этом было принято на кафедре госпитальной терапии во время лекций профессора Л.Т. Малой, которая, демонстрируя больного со сложной патологией, учила нас проводить диагностический поиск, дифференцировать различные синдромы, квалифицированно назначать лечение. Высокая профессиональная эрудиция Л.Т. Малой в сочетании с выдающимися научными достижениями, замечательными человеческими качествами стали примером для многих поколений врачей.

Студенческая жизнь — это не только учеба, но и общение с однокурсниками, вечера художественной самодеятельности, посещение театров и концертов, чтение книг классиков мировой литературы, занятия спортом. В составе сборной команды лечебного факультета и медицинского института я шесть лет участвовала в соревнованиях по лыжным гонкам. Всегда нашим вдохновителем был Н.И. Коваль.

Все годы обучения в медицинском институте мы ощущали заботу и контроль со стороны ректората, деканата. Умелым дирижером педагогического процесса в годы нашего обучения в медицинском институте был проректор по учебной работе А.Я. Цыганенко. Сложные вопросы обучения, а нередко и многие житейские проблемы нам помогала разрешать представитель деканата Н.М. Плужник.

Наступил волнующий момент — мы получили дипломы врачей и распределение на работу. Выпускники разъехались в разные уголки нашей страны. Многие из них и до сих пор сохраняют здоровье и спасают жизнь взрослых и детей, предупреждают заболевания, охраняют окружающую среду, занимаются научно-исследовательской работой, готовят новые поколения профессионалов. За эти годы мы ощутили горечь утрат, которые наши однокурсники (И.Н. Новиков, В.П. Андрейченко, Н.Г. Сергиенко, В.С. Васюта, В.В. Кришталь и другие) ушли из жизни, но навсегда остались в наших сердцах, и мы чтим их память.

Студенчество — это самая светлая пора в жизни человека, она навсегда запечатлена в сердцах, давая заряд бодрости во всех наших взрослых делах.

М. ШАПОВАЛ

НАШ ДРУГ ЛІКАР

Це було в одному селі Волгоградської області. Після безперервних боїв і холодного окопного життя — нарешті перепочинок. І де? У теплій хаті! У цих приволзьких краях хати дуже схожі на ваші, полтавські: піч, припічок, біля дверей кочерги, збоку — мисник... Все-все точнісінько як на Україні!

Ввалилися солдати з морозу, вистукують мерзлими чобітьми, хукають в руки: пальці змерзлися, аж торохтять. Хазяйка, привітна, сльозлива, одразу ж запропонувала кип'ятку. Солдати накинулися на казанок як чорти! Тепло розморило змерзлі душі. А потім раптом найшов сон. Важкий, непереборний. Полягали покотом на долівці, в шинелях, з автоматами. Спати, спати... Хай там хоч градом бомби з неба!

Серед ночі старшина Саша Шкіль прокинувся: його розбудив стогін товариша, який лежав поруч. Саша спершу був і не второпав, де знаходиться. Адже такі нічні зойки він уже слухав не раз, коли сам був поранений і лежав у госпіталі. Кажуть, що стогін полегшує біль. Це — чоловікам. А жінкам — сльози. Солдату сльоза не личить. Він може від болю навіть кричати, але цього крику ніхто не осудить. Солдат переносить страждання.

Страждання... Чому воно споконвіку служить мотивом для скульптурних витворів, для живопису, малюнків, гравюр? Саша пригадує, як до війни був в Ермітажі і там бачив фрески Джіотто, гравюри Шенгауера, на яких зображені страждання самого господа бога. Але то ж бог, якого немає! Страждання уявне. Чому ж повинна страждати людина?

Коли Саша ще був безвусим юнаком, йому страшенно хотілося вчитися на артиста. А тут раптом охопило бажання стати лікарем! Так, саме лікарем, бо лікар полегшує хворим страждання, вселяє віру в життя...

Саша нагнувся до товариша, який продовжував стогнати, і тихо спитав:

- Що тобі, Петю?
- Боляче...
- А ти забудь про біль. Його немає...
- Рани болять...

Саша своєю за grubілою рукою доторкнувся до грудей товариша і той одразу ж замовк. А думка точила мозок: «Рука лікаря приносить стражданням полегшення. Моя рука теж утамувала біль... Як це прекрасно — лікар...». Та не принесла рука солдата Шкіля життя його товаришеві. Той помер. Коли копали на цвинтарі мерзлу землю, Саша думав: «Є смерть природна, у неї свої невмолимі закони. Але ця смерть — передчасна, її можна побороти. Смерть боягузлива, може одразу ж відступити, якщо прийшла невчасно...». Тоді ж і дав сам собі клятву: «Скінчиться війна — обов'язково піду вчитися на лікаря». Стогін товариша, який вночі помер від ран, в'ївся болем у солдатську душу.

Але між бажанням і його здійсненням — дистанція величезного розміру. Щоб стати лікарем, Олександр Шкілю треба було пройти з перемогою п'ять держав — від Волги до Угорщини, вижити після двох поранень і однієї контузії, треба було, нарешті, закінчити інститут. А це — роки, роки... Роки змужніння, мрій, невдач, великих надій.

Та ось і кінець війни. Колишній солдат Олександр Шкіль, нагороджений орденами і медалями за подвиги, не розучився тримати в руках книжку. Поклав на полицю припорошену дорожнім пилом пілотку, а звідти дістав підручник. З цим підручником він і переступив поріг Харківського медичного інституту.

Роки навчання, студентські роки пропливли, як згадка. Мабуть, в людини, яка вчилася, найтепліша, найкраща пора — студентська. Дружна, шумлива, наймрійливіша з усіх мрій, найкоханіша з усіх кохань... Було все це і в Саші Шкіля. П'ять років навчання, практика, дипломна робота, успіхи, розчарування, нічні зубрячки, конкурсна комісія... На цьому й обірвалася згадка! Конкурсна комісія залишила студента Олександра Шкіля на науковій роботі. Він став клінічним ординатором. З ординатора його потім за конкурсом перевели на асистента. Сашу Шкіля тепер стали називати Олександром Михайловичем...

Є, правда, ще одна важлива згадка, яка певною мірою допоможе нам у подальшій розповіді. З перших же днів навчання у студента Олександра Шкіля виявився нахил до наукової роботи. Він блискуче захистив диплом. А коли працював ординатором, написав свою першу наукову працю «Три-вале перебування сторонніх тіл у трахеї і бронхах».

Як, наприклад, раніше лікували хворих? Робили на горлі операцію і видаляли стороннє тіло. Тепер же стали впроваджувати пряму ларингоскопію, тобто обходилися без операцій. Молодий лікар Шкіль вніс у науку дещо нове і цим привернув до себе увагу багатьох спеціалістів. З того й почалося... Скажімо, щоб зробити операцію на вусі з приводу отосклерозу, тобто глухоти, треба спочатку точно визначити, глухота це чи якась інша хвороба. Глухоту лікують операційним втручанням. Іншим хворобам операція шкодить. Але як же встановити діагноз? Олександр Михайлович винайшов апарат, який допомагає вирізняти отосклероз серед інших хвороб.

В московському журналі «Вестник оториноларингологии» з приводу цього з'явилася стаття Олександра Михайловича Шкіля «Видозмінний прилад для визначення рухомості стремінця». Вона стала посібником у практичній роботі багатьох лікарів.

...Якось у його квартири постукала схвильована жінка. Це було не новинкою для лікаря, і тому він увічливо, як завжди, спитав: «Щось сталося?». Але жінка настільки була розгублена, що не могла говорити. Ні, не маленьке горе привело її до лікаря. Горе велике, яке вже встигло її зістарити.

Олександр Михайлович запропонував жінці стілець і ще раз, тепер уже співчутливо, перепитав:

– Так що ж трапилось?

Жінка витерла сльози і тихо відповіла:

– Я приїхала з Артемівська. Мені порадили звернутися до вас.

Вона затулила хустиною заплакане лице, передихнула:

– В мене є хлопчик, йому два роки і шість місяців. Ось уже півтора роки я, чоловік і двоє старших дітей ділимо ніч на три рівні частини, чергуємо біля Віті, щоб увісні не задихнувся. Об'їздила всюди, радять хлопчика покласти на операцію, але ніхто не береться його оперувати... Один професор в Донецьку запропонував зробити для Віті спеціальну шину, яка б могла витягати нижню щелепу наперед...

Випадок зацікавив лікаря.

– Де хлопчик?— спокійно запитав Олександр Михайлович, — я хочу його бачити.

– Хлопчика привезла з собою. Не відмовте, лікарю. Адже пережити такі страждання не кожен зможе...

Страждання! Олександр Михайлович на мить задумався. Може, згадалося далеке привольське село і стогін умираючого товариша в теплій хаті?

Того ж дня Вітю Красникова влаштували в обласну лікарню. У нього занадто розрослися піднебіння і носоглоткові мигдалики. Вночі, коли розслаблялася вторинна мускулатура, м'язи глотки закривали просвіт і повітря не доходило до легенів. Вітя задихався. Треба було весь час увісні відтягати хлопчикові нижню щелепу. Ось так півтора роки й змушені були чергувати біля сонного Віті батько, мати, старші братики...

Лікар Шкіль не побоявся складної операції: видалив мигдалики і аденоїди. А до нього ніхто не наважувався цього зробити. Хлопчикові явно загрожувала смерть.

Ось переді мною лист, який багато про що говорить: «Дорогий Олександр Михайловичу! Прийміть від Віті і від нас, батьків, по дорогому і гарячому привіту з Артемівська. Ви пробачте, що довго не писали вам, чекали виздоровлення Віті. Зараз він здоровий, почуває себе добре, дихає нормально. Про вас ми згадуємо кожного дня і ніколи не забудемо...».

...Якось шестирічний Коля Кульченко проковтнув три копійки, їх намагалися видалити лікарі Полтавської обласної лікарні, але безуспішно. Двадцять три дні носив у стравоході трьохкопійчаний «скарб» хлопчик. Три тижні — строк великий, наслідком якого могли бути і розрив стравоходу, і пошкодження його стінки, з якими пов'язано десятки ускладнень. Шкіль видалив монетку зі стравоходу своїми знаменитими щипцями без операції!

Трапився й ще цікавіший випадок. У хворої Тетяни Петренко, сорокап'ятирічної жінки, жительки Змієва, потрапила у бронхи насінина кавуна. Шість місяців носила вона те зернятко у бронхах і тільки тоді, коли почався кашель з кров'ю, звернулася до лікаря. Але місцеві лікарі тільки руками розвели... Лікар Шкіль з величезними труднощами видалив цю насінину з бронхів без скальпеля.

Галя Кошова, трирічна дівчинка, граючись, проковтнула ключ від будильника. У Полтаві спробували його видалити — не вдалося. Запропо-

нували боковий розріз шиї з підходом до стравоходу. Мати не дала згоди на операцію. Повезла хвору дівчинку до Олександра Михайловича. Той уважно вислухав матір і сказав:

– Оперувати дівчинку небезпечно. Біля стравоходу знаходиться блукаючий нерв — вагус, його можна легко зачепити — і тоді настане параліч м'язів гортані. І він вийняв ключ своїми щипцями!

Хтось проковтнув голку, хтось цвях. А хтось навіть хрестик... Так, звичайнісінький хрестик, якого ще й досі носять старенькі бабусі на шиї. Дали, очевидно, хлопчикові побавитися, а той проковтнув. Мабуть, і плакали і молилися, а хрестик не виходив з раба божого. Бог не вчув денного і нічного моління. Довелося звернутися до лікаря. Олександр Михайлович вийняв той хрестик і лишив собі на спомин...

Якби зібрати всі монети, кістки, голки, цвяхи, гудзики, значки, насінини — всього й не перелічити, що часом ковтне людина, — то це була б велика, дуже велика колекція... Один випадок трапився просто феноменальний. Колишній солдат-фронтовик дванадцять років носив у гайморівій пазусі і носовій порожнині осколок снаряду. Як не мудрили лікарі, видалити його не змогли. Що зробив лікар Шкіль? Він через носоглотку захопив пінцетом осколок і видалив його через рот... Хворий увечері приїхав на операцію і того ж вечора поїхав додому! Чудеса? На перший погляд, лікареві Шкілю операції даються нібито легко. Але це так лише здається. Великий практичний досвід, поєднаний зі знаннями, і, я б сказав, певний ризик — вічний супутник хірурга — дають свої плоди. Лікар Олександр Михайлович Шкіль постійно шукає, узагальнює досвід, пробиває собі дорогу до ще не звіданих таємниць людського організму.

Лікар Шкіль — не лише практик, а й теоретик. Він пише щодня багато і старанно, занотовуючи всі цікаві факти з лікарської практики. Собі в супутники він вибрав девіз невтомного Бальзака: жодного дня без рядка! Дисертація, над якою він зараз працює, збагатить отоларингологію новими знаннями, більш досконалою практикою.

Важко бути лікарем і водночас добре. Лікар — це той же солдат, який стоїть на варті людського щастя, радості, здоров'я. Коли Олександр Михайлович приходить додому і бере на руки свою маленьку чорнооку Оленку, одразу ж згадує: «А я щойно таку ж дівчинку врятував від смерті...». І від цього теплішає на душі, зникає втома.

Добру, благородну справу робить лікар. Армія творців цього добра — мільйонна! Своім теплим подихом і гарячим серцем, словом, що вселяє приреченням надію, ця армія приносить людям здоров'я, найдорожчу радість в житті. Лікар Олександр Михайлович Шкіль — один із рядових цієї армії.

...У світлому просторому кабінеті отоларингологічного відділення обласної лікарні над хворим схилилося багато голів у білих шапочках. Це студенти медичного інституту, майбутні хірурги-отоларингологи. Посередині кабінету у білому халаті схилилася над хворим людина. В руках у неї скальпель.

– Шприц з новокаїном! — чути знайомий владний голос.
Тихіше! Лікар Олександр Михайлович Шкіль робить чергову операцію.
Газета «Червоний прапор», 28.11.1964

К. БАСЕНКО

ДОКТОР МЕДИЦИНИ

В курском селі Шолохово жил до революції багатий мельник. І були у него две дочки-«барышни». Зажиточний отець очень гордился тем, что вывел своих дочек в «пани». Еще бы! Одна стала сельским фельдшером, другая — сельской учительницей. В том же селі Шолохово жил до революції небогатый человек Иван Ильич Малыхин с женой Марфой Ефремовной. И у них тоже было тогда две дочки: старшая Зина и младшая Рая. Зина уже начала ходить, а Рая еще в коляске лежала. И, глядя на своих маленьких дочек, мечтал Иван Ильич, чтобы все сложилось у него «как у мельника».

В мае 1916 года семья Малыхиных переехала в Харьков. Иван Ильич поступил на работу в управление Южных железных дорог конторщиком. Семья увеличилась, возросли и расходы. Жилось трудно: на жалованье конторщика не разгонишься. Марфа Ефремовна ходила к людям стирать и белить. Так и перебивались.

Шли годы, росли дети. Девочки стали школьницами. Теперь на них, по-мощницах матери, лежали домашние обязанности: в доме убрать, посуду вымыть, выстирать себе чулки и переднички, овощи почистить. Мать приходила вечером, усталая и строгая. Что-нибудь делала по хозяйству, потом садилась и спрашивала:

- Что задали сегодня?
- Стихотворение, — отвечала одна из девочек.
- Ну рассказывай стихотворение!

И сонно покачиваясь и помахивая обожженными известью руками, слушала. И так каждый вечер. Как ни натрудится, а уроки детей проверит обязательно. А ведь сама была неграмотной.

В 1930 году Раиса окончила семилетку. Семья очень нуждалась. Надо было подумать о том, чтобы и свою лепту, хоть малую, приносить в дом. И вот пятнадцатилетняя девочка поступает в фабзауч, где овладевает слесарным делом, получает второй разряд и вскоре оказывается на паровозоремонтном заводе как равноправный член бригады паровозных слесарей-ремонтников. Днем она, перепачканная ржавчиной и смазкой, шабрила, клепала, орудовала терпугом и зубилом, а вечером, умывшись и немного приодевшись, бежала на лекции — училась на рабфаке транспортного института. Зинаида, старшая, пыталась в свое время поступить в фельдшерскую школу — не прошла.

Кроме своей основной слесарной работы и вечерней учебы, Раиса выполняла еще и комсомольское поручение — была пионервожатой в железнодорожной школе. И, очевидно, неплохой вожатой, потому что вскоре по решению горкома комсомола ее направили в отдел пионерской работы, а затем назначили заведующей сектором детских передач областного радио. Все это было очень почетно, очень интересно, очень нужно, но все это было не то, потому что не чувствовала она к этому влечения. И в 1935 году Раиса оставила работу и поступила в медицинский институт.

Почему именно туда? Кто его знает! Может быть, отцовская заветная мечта передалась, может быть, сама поняла, что это ее призвание... Но призвание призванием, а экзамены экзаменами. По конкурсу Раиса не попала на лечебный факультет, была принята на санитарно-гигиенический. Его и закончила в 1940 году, перед началом войны.

Как училась? Хорошо. Осень, зима и весна отводились для учебы. А уж лето — для труда. Неплохо чертила и рисовала — так и зарабатывала себе на кое-какую одежду. Все время, пока училась, не отдыхала по-человечески. Но училась — и выучилась!..

В сороковом с мужем и маленьким сыном выехала на Дальний Восток. Когда началась война, муж уехал на фронт, а она, санитарный врач Раиса Ивановна Малыхина, добралась только до поселка Култук Иркутской области. Дальше на запад можно было не ехать: Харьков оказался по ту сторону фронта.

Врача поселили в бильярдной комнате клуба. Было холодно, неудобно и неуютно. За окном мели сибирские вьюги, засыпая снегом и деревья, и яры, и знаменитый Култукский тракт, соединявший Советский Союз с Монголией. Врачи-мужчины ушли на фронт, и молодой неопытный санитарный врач Малыхина должна была заменить троих. И никто не спрашивал, знала она что-нибудь или не знала, умела или не умела. Она должна была знать и должна была уметь.

На крупном мясокомбинате днем и ночью били скот, мясо оттуда шло прямо на фронт. Санитарный врач Малыхина с ног сбивалась от усталости, проверяя качество мясopодуkтов. И вдруг случалось, что кто-то на комбинате в спешке получал травму. Тогда санитарный врач Малыхина превращалась в травматолога и хирурга и спасала человека, потому что больше некому это было сделать. Смертельно уставшая, со слипавшимися на ходу глазами добиралась она до своей бильярдной, падала на постель. И тут ее снова будили, потому что у какой-то женщины начались роды, и санитарный врач Малыхина превращалась в акушера и шла принимать ребенка. Должна была идти, больше некому было.

И наконец, когда казалось, что уже больше нет ни сил, ни нервов, в ту же бильярдную заходил облепленный снегом молчаливый и насупленный почтальон, садился на стул, вынимал пачку «похоронок», этих жутких вестников войны, и говорил:

– Доктор, пойдем со мной, я один не могу!

Раиса Ивановна хотела бы отказаться, но она знала, что пойдет, больше некому было.

— Вот Бабенко погиб, — медленно перебирал страшные листики почтальон. — А у него пятеро детей. Что я жене скажу? Ну что я ей скажу?

И санитарный врач Малыхина, захватив с собой валерьянку и еще какие-нибудь лекарства, шла с почтальоном, чтобы превратиться в психиатра и врача неотложной помощи. Это было самое страшное — ходить с «похоронками», утешать женщин банальными фразами и понимать, что в неутешном утешить нельзя.

Это были те годы, прожив которые, люди мужали как за десятилетия. Возмужала и врач Малыхина, пройдя суровую школу, неумолимым учителем в которой была война. В 1943 году, когда был освобожден Харьков, Раисе Ивановне с большим трудом удалось получить разрешение на выезд из Култука. Хорошо, что к тому времени здесь появились новые врачи, и ее отпустили добрые люди.

Харьков встретил ее руинами, семья — горем. Все тяжело перенесли оккупацию, все были больны. Так что единственным трудоспособным человеком оказалась она, Раиса. Сначала работала санитарным врачом в воинской части, дислоцировавшейся в то время в Харькове, а через некоторое время увидела объявление о том, что клинический городок отстраивается и принимает медицинских работников всех рангов. Так начиналось возрождение Харьковского медицинского института. Раиса Ивановна отправилась туда. По диплому она — санитарный врач. По специальности...

— Что вы можете? — спросили в клиническом городке Малыхину.

Раиса Ивановна даже немного растерялась. То есть, что она может? Все может! Но... и ничего по-настоящему.

— И куда бы вы хотели? На какую кафедру?

— На хирургию, — ответила она.

Там подумали и сказали:

— На хирургии мест уже нет, к сожалению. Знаете что? Идите пока на кафедру акушерства и гинекологии. Как только освободится место на хирургии, мы вас переведем.

Попала Раиса Ивановна в заботливые, но жесткие руки доцента Ивана Ивановича Грищенко и Николая Сергеевича Бакшеева. Оба сейчас профессора, большие люди. Назначили ее ординатором, то есть врачом, который только наблюдает больных и не вмешивается в учебный процесс. Но прошло всего полгода, и тот же Иван Иванович Грищенко вызвал ординатора Малыхину к себе:

— Вот что, Раиса Ивановна, пора начинать учебный год. Итак, готовьтесь, будете проводить занятия со студентами.

— Но ведь я не умею, — ответила взволнованная и удивленная Малыхина.

— Не сумеете — уходите с кафедры и из клиники!

Раисе Ивановне уже никуда не хотелось уходить: ни на хирургию, ни на какую-либо другую кафедру, ибо она поняла, что нашла свое место, что ее место — именно тут. Начала готовиться к лекциям. Грищенко собрал

кафедру, и она рассказала о том, что станет говорить студентам. Словом, прочитала лекцию. И как будто неплохо, потому что Иван Иванович, этот строгий учитель, одобрил ее. Так обычный ординатор превратился в клинического ординатора, то есть во врача, обязанностью которого было не только лечение больных, но и обучение студентов. А еще через два года Иван Иванович предложил талантливому врачу тему для кандидатской диссертации...

При встрече Раиса Ивановна Малыхина, очень милая, симпатичная женщина, с коротко подстриженными вьющимися волосами и открытым, еще совсем молодым лицом, очень просила меня «не употреблять превосходных степеней и вообще — лучше не писать». Что касается первой просьбы, то я старался ее выполнить, а что касается второй, — выполнить этого никак не мог. Написал! Писать о Раисе Ивановне Малыхиной надо было, ибо ее биография, с пятнадцати лет насыщенная трудом, заботами о людях, служением людям, — это достойный пример для молодежи, которая только выходит на жизненную дорогу. От слесаря-ремонтника второго разряда до доктора медицинских наук, профессора, заведующего кафедрой мединститута — дистанция огромная. И на всей этой дистанции был труд, труд, труд.

И еще хочется отметить вот что. Благодаря своему трудолюбию и таланту достигнув вершин науки и весьма почетного положения, Раиса Ивановна осталась такой же работающей, такой же простой, человечной. Ибо так велит ей святой врачебный долг. Ибо так велит ей совесть коммуниста.

«Рабочая газета», 09.09.1965

С.И. ШЕВЧЕНКО

ЦЕЛИНА

В 1964 г. правительством СССР была разработана большая программа по освоению степной зоны Казахстана для пахотных земель под зерновые для обеспечения страны хлебом. Освоение целинных и залежных земель вызвало небывалый подъем патриотизма и энтузиазма всего населения Советского Союза. На целину ехали молодые здоровые люди, полные энтузиазма и энергии, готовые поспорить с природой. Свой вклад в общее дело

сделал и Харьковский медицинский институт. Многие студенты и выпускники нашего вуза ехали на целину не по распределению, а по зову сердца. Вот что рассказал нам о том времени доктор медицинских наук, профессор, а в ту пору начинающий врач, Станислав Иванович Шевченко.

Направили нас в Исильский район Целиноградской области Казахской ССР. Приехав в Целиноградский крайздравотдел, я сразу пошел к начальнику. Он спросил у меня:

– Кем хочешь быть?

Я ответил:

– Хирургом.

Получил от него письменное направление в район главным врачом. Затем меня отвезли в больницу, в которой предстояло отработать три самых интересных и насыщенных практикой года. Это большой глинобитный барак, в котором из медперсонала — одна санитарка Роза Тричева и операционная сестра Надежда Корсакова.

Пока я знакомился с местом работы, привезли семилетнего мальчика с гнойным перитонитом. Что делать? Управляющий говорит:

– Иди, работай.

Я надеялся, что он мне поможет как тоже хирург по специальности, но он закрыл за мной дверь, и я остался один на один с пациентом. Операция была не очень сложная, но, во-первых, пациента привезли неожиданно, я не успел даже руки помыть после дороги, во-вторых, ответственность за жизнь ребенка ложилась полностью на меня и, в-третьих, я делал операцию один. Напряжение было так велико, что от волнения у меня по спине выступил холодный пот. И такое ощущение у меня было только один раз за всю мою врачебную практику.

Так состоялось мое первое боевое крещение. А затем начались будни и праздники врача-хирурга в не только суровых климатических условиях, но и человеческих отношениях. В основном приходилось лечить травмы различной степени тяжести. Так как единственным и надежным видом транспорта был вездеход, на нем и возили людей на работу. Но у вездехода был один существенный недостаток: если шофер не замечал на дороге даже неглубокую яму, это грозило тем, что машина могла перевернуться и упасть вверх дном, а отсюда сильные ушибы внутренних органов, переломы. Много приходилось делать и гинекологических операций: от принятия родов до удаления опухолей. Но, тем не менее, работать было очень интересно.

В моем районе было четыре совхоза, а между ними — такое большое расстояние, что за больницей закрепили отдельный вездеход. По площади мой участок — приблизительно как Балаклейский район. Больница была обеспечена всем необходимым. Вот только специалистов не хватало, а высшее медицинское образование в коллективе имел только я. Но нужно отдать должное моим подчиненным: они четко выполняли свою работу и были надежными помощниками.

Каждое лето из Московского медицинского института №1 приезжали профессора практической медицины. Это была своего рода выездная практика для работающих врачей на целине. Приезжали они и в мой район. Такое сотрудничество было очень полезно для обеих сторон. Во-первых, для меня это был источник новой информации в медицине. Во-вторых, они часто привозили, а если нужно было, то и высылали из Москвы нужную литературу. Для них это была работа в «полевых условиях», а для меня — общение со специалистами. Общались на равных, так как за год я сделал столько различных операций, что чувствовал себя хирургом со стажем. Да так оно и получалось, потому что иногда из-за большого потока пациентов я неделями жил в больнице, после таких насыщенных приемов не было сил идти домой. Обслуживали мы в основном переселенцев — тех, кто приехал по комсомольской путевке (целинников), жителей поселков, немцев Поволжья. А вот казахи никогда не обращались за медпомощью. У них была своя обособленная жизнь в степи: они пасли многочисленные стада овец и табуны лошадей, а лечились народными методами. Казахи очень гостеприимный народ. Кто бы ни приехал к ним, встречали всегда с радостью, и внимание всей семьи отдано было только гостю. У них я впервые попробовал кумыс, вяленую конину. Когда я увидел, как готовят это мясо, думал, что в жизни не буду его есть. Представьте себе мясо, нарезанное большими полосками, которое висит под открытым небом на палящем солнце, и над ним летают тысячи мух. Для человека с другой гастрономической культурой это сложно принять. Но когда я все же попробовал, так как отказать было неудобно, то оказалось очень вкусно.

По климатическим условиям Казахстан очень суровый край. Зимой такие сильные снежные бури, что трудно назвать это явление природы метелями: непонятно, то ли с неба снег идет, то ли ветер его с земли поднимает. От этого день напоминает скорее вечер, так как уже на расстоянии двух метров вокруг ничего не видно. Жизнь замирает до весны. А весной до самого горизонта степи расцветают миллионами красных тюльпанов и маков. Глядя на это чудо природы, чувствуешь себя частичкой единого гармонично созданного мира. Еще меня восхищали огромные стада сайгаков — сотни тысяч животных, мчащихся, как казалось, за край земли. Богатый и загадочный край...

Освоение целинных земель — теперь далекая история. Перечитывая ее заново, стараешься, как и во всей истории в целом, найти лишь то рациональное зерно, которое должно быть пересажено в новые века. Годы, проведенные на целине, стали для меня хорошей практической школой. Думаю, что каждый выпускник обязан пройти практику пусть не в районе, но хотя бы в областной больнице. Такая работа способствует развитию мышления, заставляет молодого специалиста изучать профильную литературу, возникает интерес к новым достижениям коллег, появляется большой спектр практических навыков, вырабатывается этика общения с пациентом. Ведь настоящий врач — это не только блестяще выполненная

операція, но и обязательный послеоперационный уход за больным. Потому что пациент — это каждый раз новый прецедент. Диагноз бывает один, но организм по-разному реагирует на вмешательство извне, и необходимо обязательно проследить за пациентом до его окончательного выздоровления. Ведь мы для пациента — последняя его надежда. Только слову врача больной верит. А ведь часто человеку может помочь не только операция, но и слово. Ведь не зря врачи для многих людей являются почти членами семьи, потому что спасли жизнь родного человека. А для врача большая награда, когда по прошествии многих лет его помнят и любят.

Прошло 50 лет с тех пор, как я, совсем еще молодой (тогда мне было 22 года), поехал в далекий край с мечтой лечить людей, и не жалею о том времени. Я еще больше осознал, что правильно выбрал свой путь, став врачом.

А. ЮРЧЕНКО

ЛЮДИНА, ЩО ПОВЕРТАЄ СОНЦЕ

Мотор заревів, мов скажений, потім випустив фонтанчик напівтеплої води, залив стіни, підлогу і сусідів, які прийшли подивитися на «чудо комунальної техніки». Потім зачхав, закректав — і замовк, мовби задоволений ефектом. Епопея створення «універсальної машини для миття посуду» закінчилася: Вовчина мати продовжувала мити посуд «по старому». Потім усі кишенькові гроші хлопця почали залишатися в магазині радіодеталей. Але створені Вовкою приймачі чомусь вперто «грали в мовчанку». Перший звук свого радіоприймача він почув лише тоді, коли став кандидатом медичних наук. Радість Володимира Мусійовича від того була не меншою, ніж могла б бути десять років тому. І, сидячи біля втіленої дитячої мрії, він замислився.

...Після зроблених кількох наукових доповідей студент шостого курсу медінституту Володимир Чередниченко за 15 хвилин самостійно виконав досить складну операцію з усунення помутнілого очного кришталика — так звану екстракцію катаракти. У союзному журналі «Вестник офтальмологии» з'явилася його перша наукова праця. Доля майбутнього окуліста була остаточно вирішена. На кафедрі з'явився новий асистент. Він запам'ятав той березень назавжди. Веселі краплини весняної відлиги дзвінко стукотіли по вікнах клініки, а в його палаті лежала людина, яка не бачила цієї краси. У кількох лікарнях, де хворий вже побував, вирок лікарів був одноставним: «Операцію робити не можна». Та Володимир вступив в бій за зір. І коли через добу після операції у хворого обережно зняли з очей пов'язку, він побачив біля себе худорлявого чорнявого юнака у великих окулярах.

— Це ви повернули мені сонце? — зірвався голос хворого. — Спасибі. Але... який ви ще молодий, лікарю!..

Людина, якій тільки-но повернули сонце, не знала, що цей дуже молодий лікар вже був учасником кількох всесоюзних з'їздів окулістів. Вона не знала, що в кишені її рятівника лежали авторські свідоцтва винахідника, що створені лікарем Чередниченком інструменти здобули широке застосування при таких відповідальних офтальмологічних операціях, як вправлення звихнутого кришталіка та при хірургічному лікуванні підвищеного внутрішньоочного тиску — глаукоми. І ще не знала ця заново народжена сива людина, що її молодий рятівник не спав всю цю ніч...

У напружені будні, сповнені лекціями для студентів, операціями, роздумами над майбутньою докторською дисертацією, раптом увірвалася напівопалена тропічним сонцем країна — Камбоджа. Знання французької мови, талант і досвід хірурга — все це зробило Володимира гідним довір'я Батьківщини. Коли 15 грудня 1962 року Ту-104 злетів у засніжене небо Москви, на його борту був і майбутній представник радянської офтальмології в подарованому кхмерам Радянським Союзом госпіталі — харків'янин Володимир Чередниченко.

Пном-Пень, столиця Камбоджі, радо зустріла Володимира. Особливо раділи, звичаєм лікар Теп-Тхан та фельдшер Лонг-Єнг, перші помічники «русі доктор». Блискуче враження справила операція, яку він зробив напівсліпому сімдесятип'ятирічному бонзі — буддійському монаху. Коли монах, за звичаєм склавши руки у низькому поклоні, залишив двір госпіталю, фельдшер Лонг-Єнг розсміявся: «Тепер, крім Будди, він повірив і в російську медицину». У радянську медицину вірили. Навіть французи, яких ще чимало залишилося в Камбоджі, йшли до наших лікарів, хоча в Пном-Пені був і французький госпіталь.

«У нашому госпіталі мене не наважилися оперувати, — пише старий француз в газеті «Ла Беріте», — радянський лікар месьє Чередниченко повернув мені зір. Спасибі радянському лікареві». Десятки таких статей зберігає Володимир, та особливо обережно тримає його пам'ять згадку про маленького кхмерського хлопчика, який сім років, з самого дня народження, був сліпим. Він народився з катарактою обох очей і ніколи не бачив сонця. А потім... потім хлопчик сміливо збіг з третього поверху лікарні в обійми батьків. Через кілька днів хлопчик приніс лікареві величезний букет троянд, «Дивіться, — Володимир показує велику срібну вазу. — Це мені подарував брат прем'єра Камбоджі Народом Сіанука принц Народом Кандун, якому я теж повернув зір. Про цю операцію захоплено писала центральна газета «Депеш дю Камбоджи». Але той букет кхмерського хлопця я пам'ятатиму все життя».

Володимир продовжував напружену наукову роботу. За півтора роки він написав 24 наукові праці французькою мовою. У Камбоджі не було власних офтальмологів: французькі колонізатори не дбали про здоров'я кхмерського народу. І Володимир почав читати лекції в медичному коледжі. Не було підручників, у студентів спочатку не вистачало необхідних знань.

Але перед від'їздом на батьківщину Володимир міг вже бути спокійним: не тільки його помічники у госпіталі, але і Пунг-Чів-Кек, і Лі-Ван-Тан, і ще кілька десятків його вихованців стали непоганими офтальмологами. А лікар Теп-Тхан навіть підготував під керівництвом Володимира першу в історії Камбоджі наукову працю з офтальмології, присвячену окремим питанням боротьби з страшним ворогом кхмерів — трахомою. Камбоджа високо оцінила працю харківського лікаря. На ювілейному вечорі, присвяченому четвертій річниці існування госпіталю кхмеро-радянської дружби, серед нагороджених радянських лікарів був і молодий вчений Володимир Чередниченко. Міністр охорони здоров'я Камбоджі вручив йому орден «Моні Сарафон», яким у цій країні нагороджують за особливі заслуги в галузі охорони здоров'я, літератури і мистецтва. А адміністрація коледжу нагородила свого радянського викладача двома пам'ятними медалями.

Володимир перегортає сторінки газет, показує сотні фотографій, цікаві сувеніри. Ось старовинні фігурки воїнів, монети, бивень слона, дзвіночок з бивня бойового слона, які подарували вчителю його кхмерські учні. Лікар знову згадує самовідданість і щирю любов кхмерів до радянських людей.

Востаннє кхмерські співробітники госпіталю підняли за здоров'я «русі доктор» келихи традиційного вина з пальмового соку і стовбурів бамбука. Літак взяв курс на Делі. А незабаром золоте листя осінніх берізок Підмосков'я спалахнуло назустріч Володимирі біля Шереметьєвського аеродрому. І ось він знову в своїй клініці — зосереджений, підтягнутий, з уважним поглядом. Знову лекції, операції, наукова діяльність.

«Сьогодні операцію робить доцент Володимир Мусійович Чередниченко», — говорять з повагою і колеги Володимира, і хворі. І вони знають, що кожна його операція повертає людям ні з чим не зрівнянне щастя — щастя поверненого сонця.

З газети «Ленінська зміна» від 12.02.1965

С.Ю. МАСЛОВСКИЙ

**ПАМ'ЯТЬ ОБ УЧИТЕЛЕ.
РАФАИЛ ДАВИДОВИЧ
СИНЕЛЬНИКОВ**

Когда в 1957 году я поступил в Харьковский медицинский институт, то, конечно, главным впечатлением от его посещения стала кафедра анато-

мии человека. Лекции читал профессор Рафаил Давидович Синельников. Это был энергичный, остроумный человек, который интересно, грамотно рассказывал об особенностях строения тела человека, демонстрируя соответствующие слайды, сопровождая свои слова очень интеллигентными шутками и удерживая внимание аудитории материалом лекции.

Предмет меня заинтересовал, и уже через три месяца я обратился к своей преподавательнице, красивой молодой женщине Тамаре Дмитриевне Морозовой с тем, что я хотел бы заниматься в студенческом кружке на кафедре. Меня представили руководителю кружка доценту Владимиру Викторовичу Бобину, который дал мне соответствующую тему, — и начались мои занятия по вечерам на кафедре. Наука увлекла меня настолько, что все последующие 6 лет учебы в институте я не расставался с кафедрой, выступая на студенческих конференциях, в том числе и в Курском медицинском институте, публикуя свои скромные научные результаты и общаясь со студентами-кружковцами и сотрудниками кафедры. Все это время за нашей работой наблюдал Р.Д. Синельников, автор первого в Советском Союзе «Атласа анатомии человека», имевший правительственные награды, уважаемый в институте человек.

На шестом курсе Рафаил Давидович предложил мне поступить к нему в аспирантуру, что и произошло в 1963 году. Была определена тема кандидатской диссертации — и началось мое становление как анатома и преподавателя. Теперь я начал общаться с Рафаилом Давидовичем уже намного ближе, чем когда был студентом, и увидел прекрасного человека, доброго, отзывчивого, грамотного, остроумного учителя, который всегда был готов помочь всем, что было необходимо, вплоть до денег.

Утро на кафедре начиналось с того, что Рафаил Давидович заходил в нашу аспирантскую мужскую комнату, рассказывал какую-нибудь веселую историю, интересовался нашими успехами, затем шел к себе в кабинет, двери в который были для всех всегда открыты, и работал.

Очень хорошей традицией на кафедре было то, что каждый аспирант был прикреплен как лекционный ассистент к определенному потоку студентов, а значит, мы обязательно слушали лекции профессора. Кроме того, каждому была выделена группа студентов, где мы проводили практические занятия, поэтому усилено учили свой предмет, чтобы не ударить перед студентами в грязь лицом. После этого сдавать кандидатский экзамен по анатомии было делом достойным.

В план подготовки аспиранта Рафаил Давидович включил и обязательное чтение пробной лекции, что очень стимулировало и дисциплинировало аспиранта. У него дома была прекрасная библиотека, которой он разрешал пользоваться своим ученикам. Посещение библиотеки всегда сопровождалось обедом, который готовила его супруга Роза Александровна, кстати, неплохой художник-любитель. Эти посещения очень способствовали тому, что, видя профессора не только на работе, но и дома, каждый старался походить на него, а значит, становился культурнее, интеллигентнее, добрее. Прекрасной ежегодной традицией было

празднование дня рождения Рафаила Давидовича, которое он приурочивал к началу учебного года. Вся кафедра собиралась у него дома и отмечала это событие.

Профессор Р.Д. Синельников воспитал хорошего сына, который пошел по его стопам и много лет возглавлял кафедру анатомии и физиологии в Харьковском педагогическом институте. Его дети сегодня живут в Америке, внук Рафаила Давидовича — доктор наук, продолжил традиции деда и отца — преподает в медицинском университете и переиздал знаменитый «Атлас анатомии человека».

В заключение хочу поблагодарить судьбу за то, что у меня был такой прекрасный учитель. Память о нем всегда с нами.

Л. ЦЕТНАРОВСКИЙ

РЕЗЕРВ НАУКИ

Врач хирургического отделения Харьковской областной клинической больницы Н.И. Оболенцев предложил новую комплексную методику спинномозговой анестезии. Ее ценность состоит в том, что она не вызывает грозных последствий, которые возможны при общей анестезии. Автор добивается этого, усиливая анестезию с помощью более эффективных агентов, используя иные фармакодинамические точки приложения. В результате уменьшаются болевые ощущения и сохраняется защитное торможение коры и подкорки, происходит общая аналгезия, наступает блокада вегетативных неясных узлов, понижается реактивность организма к операционной травме. Анестезия сопровождается непрерывным насыщением организма больного кислородом при помощи наркозного аппарата.

Н.И. Оболенцеву удалось сделать спинальную анестезию менее опасной и более эффективной. Смертельных исходов или тяжелых осложнений при этих методах обезболивания не было. Такое обезболивание можно применять у стариков и детей, у больных, страдающих гипотонической и гипертонической болезнями. Этот метод довольно прост и доступен врачам.

Практический врач Н.И. Оболенцев защитил кандидатскую диссертацию и ныне заведует отделением анестезиологии областной клинической больницы, является доцентом кафедры факультетской хирургии медицинского института. Он не единственный практический врач, которого руководитель кафедры профессор А.З. Цейтлин привлек к научной работе. Так, Г.А. Беляева изучает влияние различных видов наркоза на кровообращение, И.З. Яковцов ведет наблюдения за течением желчнокаменной болезни, Р.З. Высоцкая предложила методику применения капровых сеток при операции мышечной грыжи, В.Д. Вольфовский изучает эффективность мицерицина в гнойной хирургии и урологии.

Кафедры медицинского института вовлекли в сферу своих исследований свыше 70 практических врачей. Активно работает группа терапевтов городской клинической больницы №27, которой руководит проф. Л.Т. Малая. Заведующий кафедрой организации здравоохранения З.А. Гуревич привлек к научной работе врачей Харькова, Луганска и Полтавы.

«Медицинская газета», 10.09.1965

ФОЛЬКЕР ТОЙНЕ

БЕЗ П'ЯТИ ДЕРЖЕКЗАМЕНІВ ЛІКАРІ

Коли ми, група студентів із НДР, у серпні 1961 року приїхали до Харкова, нам здавалося, що перед нами лежить ціла вічність: довгий, тернистий і важкий шлях — 6 років навчання. Тепер ми вже закінчуємо інститут. Звичайно, не можна сказати, що було завжди легко, що все пройшло гладко, без ускладнень, але в цілому я думаю, що всі наші дівчата і хлопці винесли за час перебування в СРСР багато приемних спогадів про свої студентські роки. За шість років Харків став нашою другою батьківщиною.

Вдома ми завжди з великою повагою згадуватимемо нашу альма матер, у стінах якої ми одержали лікарську освіту. На початку у нас були труднощі з російською мовою, але ж і нашим вчителям часом було не так легко робити учбовий матеріал доступним і зрозумілим для нас. За всі старання, зусилля, увесь труд, усі знання, які ми одержали, хочемо висловити нашим учителям свою щирю подяку. Запевняємо, що на батьківщині постарасємось бути гідними їх учнями.

Але не тільки знання у галузі медицини ми тут одержали. Тут сформувався наш світогляд. Ми навчилися відкритими очима дивитися на життя, критично все оцінювати, відбирати для себе найголовніше і найцінніше. Ми дуже багато чого побачили в СРСР. Більшість наших студентів використала дані нам можливості, спілкувалася з людьми різних національностей, познайомилась з життям союзних республік. Ми побували у багатьох великих містах, у Криму, на Кавказі, в Казахстані, Сибіру, Латвії, Узбекистані і т. д., встигли потрудитися у колгоспі, дехто з нас працював на будівництві «траси мужності» Абакан–Тайшет, брав участь у освоєнні цілинних земель.

Майже всі ми займались, а дехто і тепер займається у спортивних секціях, серед нас навіть є кілька чемпіонів і рекордсменів ХДМІ, призерів змагань міського й обласного масштабів (Д. Берделе, Б. Кюлер, Х. Ворман та ін.). Наші студенти брали активну участь у художній самодіяльності. Естрадний квінтет у складі А. Деффенга, Г. Райхеля, Ю. Гросса, автора цієї статті і політехніка В. Штефана набув популярності, виступав на багатьох вечорах дружби, інститутських, міських вечорах, перед телеглядачами.

На старших курсах багато хто з нас займався науковою роботою. Ми часто виступали на наукових конференціях з доповідями. Р. Апель, Ю. Гросс і я повеземо з собою в чемоданах матеріали для кандидатської роботи, більшу частину якої вже написано. Загалом слід сказати, що у нас ніхто не лінується. Кажуть, що ми добре вчимося. Від круглих відмінників не відстає більша частина студентів.

Між нашими студентами і радянськими велика дружба, а п'ятеро з наших дванадцяти хлопців одружилися з росіянками.

Користуючись нагодою, хочеться побажати усьому професорсько-викладацькому складу ХДМІ й усім студентам відмінного здоров'я, успіхів у науковій роботі і особистому житті. Хай ще більше зміцніє дружба між хлопцями і дівчатами наших країн.

Н.Л. БИТЧУК

ХАРЬКОВСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ИНСТИТУТ В МОЕЙ ЖИЗНИ

Сколько себя помню, всегда хотела стать врачом. Учителя в школе просили мне быть математиком и мой выбор не одобряли. В пятидесятые годы в Харькове было несколько десятков высших учебных заведений, но в медицинский институт всегда был самый высокий конкурс. Поступала я в 1959 году на лечебный факультет. Больше полувека прошло, а до сих пор помню тему сочинения: «Праці дорогу — в світі хай панує мир!» и эпиграф к нему: «Праця переростає у красу!». Помню и задачу по физике: «Выпущенная пуля упала в песок, на сколько градусов он нагрелся?» И еще: «Как нужно подсоединить электронно-лучевую трубку, чтобы она выполняла разные функции?». На экзаменах по физике, химии и английскому получила «пять», а за сочинение — «четыре».

Через несколько дней пришло письмо — просили прийти в деканат лечебного факультета. Такие же письма получили еще около десяти абитуриентов. Нас собрал заместитель директора института по хозяйственной части (в те годы еще не было в вузах должности «ректор» и «проректор») и сказал: «Еще не известно окончательно, кто поступил на первый курс. Но вероятнее всего, что вы прошли по конкурсу, поэтому мы вас направляем на строительство и ремонт помещений». Меня и Галину Хайкину

направили в общежитие на улицу Пушкинскую, 106. Комендант общежития Аполлон Григорьевич определил объем работ: отмыть помещения после побелки и покрасить окна, двери и пол. Трудности заключались в том, что в тот район вода подавалась с пяти до семи часов утра и нужно было в это время обеспечить себя водой на целый день. В те годы это была окраина города, и от ипподрома до общежития нужно было по грунтовой дороге довольно долго добираться пешком мимо кладбищ, огородов, развалин крематория, в который во время войны попала бомба. Работали мы с шести утра до шести вечера, поэтому у нас не было возможности посмотреть списки поступивших, когда их вывесили. Аполлон Григорьевич взял это на себя — он позвонил в приемную комиссию, назвал мою фамилию, и ему ответили:

– Лечебный факультет, 8-я группа.

Тут Галя, она подавала документы на педиатрический факультет, говорит:

– Я тоже хочу на лечебный!

И Аполлон Григорьевич повторяет ее слова. Его спрашивают, какой язык изучала.

– Немецкий.

И тут случилось чудо:

– Зачислена в 11-ю группу первого курса лечебного факультета.

С тех пор мы с Галей не расставались все годы учебы, и теперь, когда она переехала на свою родину в Тюмень, продолжаем поддерживать отношения.

30 августа 1959 года на летней эстраде в парке Шевченко, где теперь находится киноконцертный зал «Украина», состоялось торжественное заседание Ученого совета института, посвященное началу учебного года. Были приглашены первокурсники. На сцене деканы, руководители кафедр пожимали руку молодому человеку в светлом костюме. Поднявшись на трибуну, исполнявший обязанности директора института профессор Н.Н. Бокариус сказал, что директором института назначен Борис Акимович Задорожный, и он рад передать ему «бразды правления». Стало ясно, почему профессора, находившиеся в президиуме, пожимали руку «молодому человеку в белом».

Очень хорошо помню первое сентября, первую пару в первой аудитории морфологического корпуса. Поздравить нас пришли декан факультета профессор Н.С. Харченко, его помощники — профессора И.И. Грищенко, Г.Д. Лещенко, доцент П.И. Счастливая. Из всего сказанного мне больше всего врезались в сознание слова Николая Семеновича: «Поступить в наш институт трудно, а «вылететь» из него очень легко!».

В тот же день дома я собрала все учебники и тетради, по которым готовилась к экзаменам, связала их и спрятала «на всякий случай». Но поняла главное — к учебе нужно относиться серьезно, готовиться к каждому занятию. И результатом за шесть лет учебы в зачетке были только «отлично» и «отлично!»

Нам повезло с учителями. По анатомии человека лекции читали профессор Р.Д. Синельников, В.В. Бобин, группу вела ассистент Миронцова, благодаря которой многое из курса анатомии помню и сегодня. По гистологии с эмбриологией очень живые и интересные лекции читали профессор Б.В. Алешин и доцент Е.В. Сидоренко, она же вела нашу группу. До сих пор, читая клинические анализы крови, с благодарностью вспоминаю кафедру гистологии. В курс биохимии нас вводил профессор А.М. Утевский, нормальной физиологии — ученица В.Я. Данилевского профессор Е.К. Приходькова, патологической физиологии — профессор Д.Е. Альперн. Все студенты-медики страны изучали этот предмет по его учебникам. Кафедру микробиологии возглавлял профессор В.С. Деркач, фармакологии — наш декан, профессор Н.С. Харченко, патологической анатомии — Г.Л. Дерман. Интересно, с запоминающимися данными на этой кафедре читали лекции профессора А.С. Налбат, А.С. Ступина. Нашу группу вела ассистент, кандидат медицинских наук Лариса Сергеевна Гончарова. Когда в Харькове был создан институт общей и неотложной хирургии, директор института профессор А.А. Шалимов пригласил Л.С. Гончарову на должность заведующей лабораторией патологической анатомии. 35 лет она, возглавляя это структурное подразделение, постоянно была рядом с хирургами в их практической и научной деятельности, защитила докторскую диссертацию. К ней как к эксперту для уточнения диагноза обращались врачи всех лечебных учреждений города.

Кафедру топографической анатомии возглавлял профессор Г.И. Пейсахович. Запомнилось, как на этой кафедре вела практические занятия профессор В.Д. Зинченко. Готовясь к занятиям, перевернув многие страницы очень толстого учебника, мы не всегда до конца представляли себе технику различных оперативных вмешательств. А Валентине Дмитриевне удавалось в нескольких словах «дать методические указания». И тут же становились ясными и простыми и доступ к плечевой артерии, и пластика грыжи белой линии живота («как полы пальто»), и еще многое, многое другое.

Кафедра пропедевтики внутренних болезней доцента А.М. Агалецкой размещалась в одном здании с кафедрой общей хирургии профессора Ю.М. Орленко. На младших курсах я собиралась стать хирургом, поэтому ходила в клинику на ночные ургентные дежурства, где заполняла истории болезни, ассистировала на операциях, присутствовала на обходах дежурных врачей. Мою группу по пропедевтике вел очень требовательный преподаватель Леонид Павлович Хименко. Если он, приходя на дежурство, видел меня в хирургическом отделении, то забирал на свои обходы со словами: «Уж если ты тратишь свое время, то от этого должна быть какая-то польза. Будешь ты хирургом или нет — это еще вопрос, а терапию нужно знать врачам всех специальностей!».

Во время весенней сессии экзамен по пропедевтике я сдавала преподавателю, которая вела параллельную группу. Я ответила по билету, она поставила мне «хорошо». Когда я выходила из клиники, меня позвала ла-

борант кафедры, присутствовавшая на экзамене: «Вернитесь, Вас зовет Леонид Павлович».

– Лаборант правильно говорит, что тебе поставили «хорошо»? Идем к экзаменатору.

– Она не могла получить «хорошо», сказал Леонид Павлович экзаменатору. — Что тогда будем ставить другим студентам? Экзаменуйте ее в моем присутствии.

Мне был задан вопрос: «Митральный стеноз и митральная недостаточность», — наверное, один из наиболее сложных разделов в пропедевтике на третьем курсе. Я взяла лист бумаги, ручку, схематически нарисовала сердце и начала рассказывать, какие произойдут изменения в отделах сердца при митральной недостаточности и как это будет отражаться при его аускультации. Закончить мне не дали: «Идите, будет «отлично». Когда я все это рассказала родителям, недоумевая, зачем моему преподавателю нужно было со мной возиться, мне ответили, что я не подвела Леонида Павловича, и ему таким образом удалось доказать, что его уверенность в своих студентах вполне обоснована.

На четвертом и пятом курсах лекции читали профессора и доценты — терапевты С.Я. Штейнберг, Л.Т. Малая, А.А. Дубинский, хирурги А.З. Цейтлин, Т.И. Тихонова, В.И. Кудинцев, акушеры-гинекологи И.И. Грищенко, В.А. Шилейко, дерматовенерологи И.С. Попов, Б.А. Задорожный, И.Д. Кузнецов, рентгенорадиолог Ю.А. Бурлаченко, ортопед-травматолог В.Ф. Трубников, психиатр Н.П. Татаренко, эпидемиологи М.Н. Соловьев, В.Д. Черненко, невропатологи Г.Д. Лещенко, Е.Г. Дубенко, инфекционисты Г.А. Фридман, М.М. Лысковцев, окулист В.М. Чередниченко, педиатр Г.И. Тэц, судебные медики Н.П. Марченко, В.И. Кононенко, отоларинголог Д.Е. Розенфельд и еще многие, кто составлял славу не только Харьковско-го медицинского, но и медицины страны в целом.

Первое занятие по факультетской хирургии в клинике в областной клинической больнице было по урологии. Вел занятие доцент В.И. Шаповал. Он поинтересовался, приходилось ли нам раньше бывать в областной больнице и знаем ли мы историю ее создания. Вот что он нам рассказал: *«После крушения царского поезда в Борках под Харьковом в 1888 г. первую медицинскую помощь пострадавшим оказал профессор университета В.Ф. Грубе, прибывший со студентами на место крушения. Раненые были госпитализированы в клиники госпитальной и факультетской хирургии, одна из которых находилась в Александровской больнице на улице Карла Маркса, которая потом называлась первой городской, вторая — в арендованном помещении. В больнице раненых посетил император Александр III. Он поблагодарил профессора за помощь и отметил плохие условия, в которых находилась клиника. На что хирург ответил, что Харьковский университет не имеет своих клиник, хотя постоянно ходатайствует о выделении средств на их строительство. Лишь после этого из царской казны были выделены средства для строительства университетских клиник — четырех двухэтажных зданий, где разместились терапевтическая,*

хирургическая, акушерская и офтальмологическая клиники. В отдельных зданиях разместились лаборатория, прозектура, кухня, прачечная и другие вспомогательные подразделения. В клинических корпусах выделялись специальные помещения, где размещались кафедры с учебными комнатами и лекционный зал. Место для строительства было выбрано на окраине города, потому что, по представлениям того времени, больницы представляли собой опасность для жителей как вероятный источник инфекции.

В 1923 году кафедру факультетской хирургии возглавил выдающийся хирург и клиницист, экспериментатор и ученый, создавший свою хирургическую школу, — профессор Владимир Николаевич Шамов, который еще в 1919 году произвел первое в России переливание крови с учетом групповой совместимости. Объем клинической и научной деятельности В.Н. Шамова и его кафедры был настолько велик, что ему были тесны рамки двухэтажной клиники. Он смог добиться того, что в хирургическом корпусе надстроили два этажа. Работая в Харькове, В.Н. Шамов продолжал дальнейшее изучение проблемы донорства и переливания крови. Помимо решения множества медицинских аспектов этой проблемы, ему приходилось заниматься правовыми и юридическими вопросами, в частности, доказывать несостоятельность положения «проституция — это торговля телом или частью тела» применительно к донорству.

Первыми донорами в мире стали харьковские «раклы», другими словами — воры, которые проживали в лесу недалеко от больницы (теперешняя улица Культуры, бывшая Барачная). А происходило это таким образом: В.Н. Шамов с фельдшером и медсестрами, возница с лошадей, запряженной в телегу, на которой закреплялся бочонок со спиртом, двигались к баракам. Там проводили взятие крови, после чего каждый донор получал дозу спиртного. За свой вклад в решение проблемы переливания крови в 1962 году профессор В.Н. Шамов был посмертно награжден Ленинской премией».

Вот такую историческую справку о медицинском городке областной клинической больницы мы, студенты, получили от своего преподавателя — Владимира Ивановича Шаповала. И каждый раз его рассказ вспоминается, когда видишь на территории больницы вместо терапевтической клиники здание апелляционного хозяйственного суда.

Среди преподавателей, которые вели мою группу, запомнился терапевт — доцент кафедры факультетской терапии Иван Егорович Афанасьев. Он настолько глубоко и интересно проводил занятия, что у меня именно тогда появилось желание стать терапевтом. Если такие серьезные люди посвятили себя терапии, то, наверное, она того стоит!

Особенно повезло с преподавателем на кафедре госпитальной терапии — Софьей Ефимовной Грановской. Она водила студентов в палаты к больным: в одной мы видели почти девочку, которую часто беспокоили ангины, слабость, недомогание. Рядом находилась больная с периодическим подъемом температуры до высоких цифр и преходящими болями в ногах. В другой палате больную беспокоили сильные боли в сердце, боли и отеки крупных суставов, выраженная одышка в покое. Потом

была больная с ампутированной нижней конечностью. В соседней палате лежала больная в тяжелом состоянии с выраженной одышкой и акроцианозом — животом, резко увеличенным в размерах, и отеками нижних конечностей. Еще одна больная жаловалась на слабость, резкое снижение трудоспособности, одышку и кровохарканье. Мы заходили в палаты, интересовались жалобами больных, был общий осмотр без каких-либо дополнительных исследований, пальпации, перкуссии, аускультации. «Что общего у этих больных?» — спросила нас преподаватель. Мы ответа дать не смогли. Она ответила сама: «Ревматизм!». Вначале даже не ясно, болен человек или нет. А потом развивается патология сердца и суставов, а еще — ревматоваскулит головного мозга. Формируются пороки клапанов, что ведет к застою в большом и малом круге кровообращения, кровохарканью, мерцательной аритмии, тромбообразованию в полостях сердца. А потом фрагменты тромба окклюзируют артериальные сосуды и ведут к ампутациям конечностей, эмболии мезентериальных сосудов и сосудов головного мозга. Можно прочитать десятки монографий о ревматизме, и у тебя не сложится такого впечатления об этой болезни, как после 15–20-минутного обхода с Софьей Ефимовной, который позволил за короткое время осознать коварность и смертельную опасность данного заболевания.

Вспоминается случай на военной кафедре. У девушек был курс токсикологии. Вел его полковник, очень знающий и доброжелательный, с которым у нас было полное взаимопонимание. Мы иногда опаздывали на его занятия, так как учеба в мединституте, особенно на старших курсах, была связана с дальними переездами с одной кафедры на другую, и не всегда можно было уложиться в получасовой перерыв. И вот однажды мы приезжаем на токсикологию с опозданием, а наш преподаватель встречает нас на лестнице. Он уже сомневался, будем ли мы на занятии, может быть, что-то случилось? Заходим в учебную комнату, а там человек десять незнакомых полковников. Пока мы переоделись, расселись, разобрались в своих тетрадах — время шло. Преподаватель все пытался начать занятие, видно, что очень волновался, а мы никак в себя не могли прийти. Тут моя соседка изрекла: «Пора спасать! — и подняла руку, — Товарищ полковник, разрешите выступить». Ей дают слово, она выходит к доске и начинает говорить. Вижу, что она уже «выдыхается», и тоже поднимаю руку: «Товарищ полковник, разрешите дополнить». И начинаю что-то говорить. Тут выступающая сообщает: «Товарищ полковник, разрешите внести ясность!».

Тут к нашему диалогу стали подключаться и другие студентки. В общем, так напряженно начавшееся занятие к концу третьей пары было очень оживленным: «лес» поднятых рук желающих выступить. По поведению нашего преподавателя было видно, что он доволен происходящим. Как оказалось позже, его приглашали заведовать кафедрой в Военно-медицинской академии. Приехала комиссия, чтобы ознакомиться, как он ведет учебные занятия. Видно, их устроило увиденное, потому

что переезд в Ленинград состоялся. А через полгода — весенняя сессия, у нас страшный экзамен «по военке». Наша группа сдает во вторую смену. Мы все ждем, когда начнется экзамен — и вдруг по коридору идет наш бывший преподаватель. Он сразу же узнал нас, стал интересоваться нашими делами, успокаивал: «Вы все знаете, экзамена бояться не стоит». Он зашел в комнату, где принимали экзамены. Когда меня вызвали, я отдала зачетку и взяла билет. «Отлично, не смею больше задерживать, вы свободны!» — сказал экзаменатор. В тот день так сдали «военку» почти все мои одногруппницы.

У меня были такие высококвалифицированные преподаватели по терапии, что к пятому курсу я определилась с выбором терапевтической специальности и стала членом СНО (Студенческого научного общества) на кафедре госпитальной терапии, которое возглавляла профессор Л.Т. Малая.

Любовь Трофимовна имела большой авторитет в Институте терапии в г. Москве, которым руководил академик А.Л. Мясников. С его согласия, приезжая в Москву в институт, она шла в лаборатории, где у сотрудников выясняла, какие методики они выполняют, записывала те из них, о которых слышала впервые. По возвращении в Харьков в ближайшее время направляла в командировку в Москву руководителя биохимической лаборатории для освоения новых методик. Потом этими методиками овладевали сотрудники кафедральной лаборатории и студенты-кружковцы. Так мне было поручено определение продуктов распада ДНК и РНК в сыворотке крови как метода для дифференциальной диагностики стенокардии и инфаркта миокарда. Для научной работы и исследований студентам-кружковцам выделялся один день в неделю, свободный от занятий. Полученные мной результаты определения продуктов распада ДНК и РНК в сыворотке крови у 125 больных были проанализированы мной и представлены в форме доклада на Республиканской студенческой научной конференции, которая проходила в 1965 году в Харьковском медицинском институте.

В связи с отъездом в командировку Л.Т. Малая поручила профессору А.А. Дубинскому оценить материалы, представленные мною в докладе. Арон Абрамович, ознакомившись с результатами проведенной работы, сказал, что желательно было бы провести статистическую обработку полученных данных. Сроки «поджимали», поэтому в тот же день пришлось браться за дело. В те годы проведение статистической обработки было очень трудоемким процессом, да и наблюдений было много. Возведение в квадрат, извлечение корня и т. д. с помощью логарифмической линейки мне помогал выполнять мой папа. Я просидела всю ночь, а наутро была в клинике у профессора А.А. Дубинского. Увидев объем выполненной работы, он сказал: «Не знаю, кто Вам помогал, но работать с Вами мне нравится». Такой отзыв уважаемого преподавателя меня не только «окрылил», но и запомнился, а ведь прошло почти полвека. В тот же день во время занятия с нами, субординаторами, он предложил

мне озвучить свой доклад, а моим одноклассникам дал задание задавать мне вопросы по представленной проблеме. Тем студентам, чьи вопросы ему понравились, он поручил присутствовать на заседании секции, где я должна была выступать с докладом, чтобы обеспечить его обсуждение. «Когда сообщения проходят без обсуждения, считается, что доклад не состоялся, так как не вызвал интереса у слушателей», — сказал он. На терапевтической секции, где был представлен доклад, вопросы, заданные моими одноклассниками, вызвали реакцию слушателей и родили новые, то есть обсуждение доклада состоялось. Мне была присуждена первая премия.

В 1965 году, когда мы заканчивали институт, Ученый совет рекомендовал двоих одноклассников и меня на научную работу. Но в тот год Министерство здравоохранения давало разрешение на прием в аспирантуру выпускников текущего года только на теоретические кафедры, поэтому Харьковский областной отдел здравоохранения и направил меня заведующей врачебным участком в Старую Водолагу Нововодолажского района.

Для студентов пятого и шестого курсов на кафедре иностранных языков организовывалась спецгруппа, где иностранный язык изучался по расширенной программе. Меня зачислили в эту группу, поэтому на шестом курсе субординатура проходила в клиниках Харькова. Особенно запомнилась работа на кафедре госпитальной хирургии, базой которой в те годы была хирургическая клиника 1-й городской клинической больницы. На кафедре за учебный процесс отвечал доцент Василий Иванович Кудинцев. Как интересно он организовывал занятия! Перед тем как войти в послеоперационную палату, студенты получали задания: одни должны были обратить внимание на лицо, другие — на язык, третьи — на дыхание больного, четвертые — считать пульс, пятые — описать состояние живота и т. д. Когда мы выходили после осмотра больного, наши ответы чаще всего были немногословны. И тут он давал нам такую объемную информацию по каждому заданию, что без дополнительных исследований можно было и ставить диагноз, и определять направление лечения, и даже оценивать прогноз заболевания.

Во время одного из ночных дежурств нам повезло увидеть своими глазами профессора А.А. Шалимова, о котором на занятиях по хирургии преподаватели рассказывали настоящие легенды. С началом его работы в 1957 году в качестве доцента кафедры факультетской хирургии, которой заведовал профессор А.З. Цейтлин, в Харькове начали выполняться пластические операции на пищеводе, аорте и сосудах конечностей, сердце, легких, поджелудочной железе, органосохраняющие операции на желудке при язвенной болезни и еще многие другие оперативные вмешательства на разных органах и системах. При этом послеоперационная летальность была при некоторых заболеваниях в десятки раз ниже, чем в других клиниках страны. Спустя годы заведующая сердечным отделением Татьяна Петровна Милованова рассказывала, что в начале 1960-х в адрес 2-й городской больницы, где тогда базировалась кафедра

торакоабдоминальной хирургии Украинского института усовершенствования врачей, возглавляемая профессором А.А. Шалимовым, к праздникам приходило множество поздравлений «дедушке А.А. Шалимову». Эти поздравления поступали из семей, где дети рождались после пластических операций при непроходимости фаллопиевых труб, выполненных Александром Алексеевичем.

Рассказы преподавателей хирургии о А.А. Шалимове были похожи на сказки. Так, на одной из лекций профессора врач-курсант потерял сознание и упал. А.А. Шалимов бросился к нему — сердечная деятельность не определялась. Он начал проводить закрытый массаж сердца и искусственное дыхание. Кровообращение и дыхание восстановились, и больной на каталке был доставлен в клинику. Этот врач-курсант в дальнейшем смог закончить цикл занятий и получить диплом о прохождении курсов.

Во время прохождения ординатуры по хирургии в 1-ю городскую больницу с острым желудочно-кишечным кровотечением был доставлен профессор УФТИ Герман. Его лечением занимался наш преподаватель — Борис Федорович Сенченко. На следующий день клиника была оккупирована физиками. Они носились по этажам, не отходили от лечащего врача, медсестер, звонили в Москву в Академию наук. Ежедневно по несколько раз президент Академии наук СССР академик М.В. Келдыш по телефону интересовался состоянием здоровья больного. Из московской клиники академика В.А. Неговского прибыла дыхательная аппаратура, которую в Харькове увидели впервые. Кровотечение продолжалось. Вызвали профессора А.А. Шалимова. В те времена эндоскопов еще не было, и только на операции выяснилось, что слизистая желудка диффузно обильно кровоточила — это было следствием длительного радиационного облучения, которому больной долгие годы подвергался в процессе работы. Профессор А.А. Шалимов произвел гастрэктомию. Но и после операции продолжал снижаться гемоглобин, гематокрит, состояние больного вызывало большие опасения. И у физиков появилось убеждение, что причина кровотечения в послеоперационном кровотечении. Они разыскали А.А. Шалимова ночью и во втором часу привезли в клинику, настаивая на повторной операции. Профессор был категорически против, но звонки из Москвы, напор физиков заставили его пойти на релапаротомию. Мы, субординаторы, дежурившие в ту ночь, были свидетелями происходившего и находились в операционной, когда введенная в пищевод через зонд синька не была выявлена в брюшной полости, что говорило о герметичности швов. Операция закончилась наложением швов на кожу. Увидев нас, студентом, Александр Алексеевич шужливо обратился ко мне: «Тоже мне хирургиня, ты чего здесь по ночам делаешь?». После операции мы в ординаторской заполняли истории болезни, описывали поступивших больных. Спустя некоторое время сюда же зашли профессор А.А. Шалимов и Б.Ф. Сенченко. «Опять ты тут?» — заметил профессор. Позже Б.Ф. Сенченко сказал мне: «Быть тебе хирургом, если в таком состоянии профессор обратил на тебя внимание». Но думаю, что мой преподаватель ошибся. Просто, на-

верное, тогда у меня был вид, как у персонажей картины «Явление Христа народу» художника А.А. Иванова. Только здесь было явление легендарного хирурга студентам-медикам. А.А. Шалимов, возможно, почувствовал неловкость от нашей реакции и так отреагировал. Тогда я не могла даже представить, что спустя два года стану врачом-терапевтом в институте, который он возглавлял, буду защищать диссертацию под его руководством.

Для освоения будущей специальности нам много дала ежегодная практика. Несмотря на то, что «санитарская» практика на первом и втором курсе была факультативной, т. е. по желанию, я ходила на дежурства в терапевтические отделения областной и 27-й больницы. После третьего курса практика проходила в 25-й больнице в районе тракторного завода. Но больше всего запомнилась двухмесячная практика в Балаклейской районной больнице. Здесь к нам относились как к коллегам, круглосуточно вызывали ассистировать в операционную, в родильный зал, поручали вести прием хирургических больных в поликлинике, где в день принимали от 60 до 80 больных. Это помимо работы в стационаре, где мы занимались курацией больных, делали перевязки, вели медицинскую документацию, участвовали в обходах заведующих отделениями и др.

Наша жизнь в институте не ограничивалась только учебой. Мы каждую весну и осень наводили порядок в зоопарке: чистили аллеи, убирали опавшие листья. Как правило, это было по воскресеньям (тогда в вузах была шестидневка). В конце апреля в день рождения В.И. Ленина обязательно проводился всесоюзный воскресник. Чаше всего в этот день мы убирали территорию областной больницы.

Запомнилось, как 12 апреля 1961 года во время занятия по микробиологии в аудиторию вошел преподаватель Анатолий Иванович Лысенко и сказал: «Я знаю, что сейчас сорву занятие, но молчать не могу! По радио сообщили, что на орбиту выведен космический корабль с гражданином Советского Союза Гагариным Юрием Алексеевичем!». Что тут началось! Какие были комментарии, какая была гордость и радость за свою страну! Это сообщение никого не оставило равнодушным. Каждый реагировал так, как будто свершившееся касалось лично его. Наверное, такая реакция была у советских людей только 9 мая 1945 года.

Нас, студентов, неоднократно привлекали помогать селу. На первом курсе это были повторные выезды в выходные дни «на картошку». На втором–четвертом курсах мы по месяцу ломали и собирали початки кукурузы. А вот на пятом курсе моей группе повезло — нас направили в совхоз «Московский» Купянского района, где мы целый месяц в саду собирали яблоки. А вечерами ловили рыбу, варили уху, пели песни и, конечно, был костер «до неба». Весь учебный год мы настолько часто вспоминали об этом, что нас спрашивали: «А у вас за пять лет учебы было что-нибудь, кроме «Московского»?

Когда мы учились на первом курсе, мне поручили организовать и провести вечер отдыха совместно с первым курсом вечернего отделения.

С немалыми трудностями был подготовлен концерт художественной самодеятельности. Для тех, кто не знает, в те годы программа вечера должна была содержать выступления на политические темы, патриотические, лирические в известной пропорции, должно было звучать художественное слово и песни — все это отдавалось для рассмотрения художественному совету, среди членов которого были преимущественно сотрудники кафедр общественных наук. Контроль возлагался на партбюро факультетов и партком института, который в тот год возглавлял профессор И.Г. Митасов. Этот этап нами был пройден, программа концерта утверждена, один из студентов на печатной машинке распечатал пригласительные билеты, уже подготовили викторины, игры, куплены были призы для победителей. Сейчас мало кто поверит, что проведение вечеров отдыха в институте не очень одобрялось, а тут за неделю до нашего вечера случилось ЧП. После какого-то вечера в цокольном помещении в раздевалке загорелся мусор в урне, все было тут же затушено, но этого было достаточно, чтобы впредь вообще запретить проводить вечера. Как мне было жаль потраченных усилий! Я обратилась к секретарю комсомольского бюро факультета Ване Яковцову. Он уже был и в партбюро, и в парткоме — безрезультатно, поэтому он пошел со мной к декану факультета Н.С. Харченко. Тот, не говоря ни слова, повел меня в кабинет к директору — Б.А. Задорожному. Там находился и секретарь парткома. Я подробно рассказала, как мы готовились к вечеру, и вдруг сегодня узнали, что все было напрасным. «Мы даже по рублю уже собрали на призы», — добавила я.

— Да, положение ваше пиковое, если вы уже и по рублю собрали, — сказал Борис Акимович.

И тут у меня закапали слезы. Мне всегда удавалось держать себя в руках, и как смог Борис Акимович меня разжалобить — не знаю, но реакция И.Г. Митасова была непредсказуема:

— Делайте, что хотите! Я умываю руки! — и выскочил из кабинета.

— Девушка, вечер у Вас будет, — сказал директор института.

Вечер прошел благополучно. Все следующие годы учебы в институте я занималась культурно-массовой работой в комсомольском бюро факультета и комитете комсомола института. Приходилось организовывать вечера на факультете и в институте, готовить программы на областные и городские конкурсы, выступать с концертами на избирательных участках, в колхозах, на заводах. Ежегодно проводились смотры самодеятельности по факультетам для определения победителей.

В 1963 году, когда я училась на четвертом курсе, проходили выборы. Ко дню выборов был подготовлен концерт художественной самодеятельности, который проходил в первой аудитории главного корпуса. Во второй аудитории профессор Л.Т. Малая делилась своими воспоминаниями об участии в конгрессах, которые проходили в Мексике, Индии и др. Когда Любовь Трофимовна, окруженная слушателями, после встречи выходила из аудитории, в холле второго этажа было слышно, как в соседней пела студентка 6-го курса Светлана Долгодворова. Любовь Трофимовна

тут же попыталась выяснить, кто поет. Ей сказали, что поет студентка. Светлана закончила пение. Л.Т. Малая обратилась к ней: «В этом году мои однокурсники готовятся собраться, чтобы отметить 25-летие со времени окончания института. Как тебя найти? Я хочу, чтобы ты выступила во время нашей встречи». Я об этом разговоре не знала. С первых чисел мая у нас, четверокурсников, начиналась сессия, после которой мы уходили на двухмесячную практику. Сдав очередной экзамен, я зашла в комитет комсомола, где узнала, что профессор Л.Т. Малая просила меня приехать к ней на кафедру. Я приехала, и Любовь Трофимовна попросила подготовиться к встрече ее однокурсников концерт художественной самодеятельности.

– Но идут экзамены, собрать участников самодеятельности почти невозможно, — ответила я.

И тут Л.Т. Малая преподала мне урок, который я запомнила на всю жизнь:

– Ты понимаешь, — сказала она, — мы окончили наш медицинский институт в 1938 году. Через три года началась Великая Отечественная война, и 80% нашего выпуска попало на фронт. Больше половины моих однокурсников погибли. Остались единицы. И вот сейчас, спустя 25 лет мы решили собраться. За это время мы достигли такого положения, что можем себе позволить пригласить любых артистов, но мы собираемся в своем институте, и нас интересует, как и чем живут сегодняшние студенты, как они учатся, как отдыхают. Поэтому нам нужен концерт студенческой художественной самодеятельности.

– Постараюсь найти участников с других курсов, — только и смогла ответить я.

На последней лекции обратилась с этой просьбой к выпускникам. Свое согласие на участие в концерте выразили Светлана Долгодворова, Юрий Померанцев, Анатолий Гусов, Бродский, Александр Прокопенко, Людмила Журавлева, Майя Пучкова. В назначенное время на свой 25-летний юбилей собрались однокурсники Любви Трофимовны. После приветствий начался концерт. Среди выступавших была студентка первого курса Тамара Помазан, которая играла на скрипке. Когда ее выступление закончилось, Л.Т. Малая обратилась к своим однокашникам со словами:

– Посмотрите на эту девочку, такими были и мы 30 лет назад, когда стали студентами.

На шестом курсе секретарь комитета комсомола Игорь Дикий предложил мне заняться сбором сведений об истории института советского времени. Мне удалось найти имена первых комсомольцев института, первого парторга. Мы создали инициативную группу. Распределили между собой, кто с кем будет беседовать. Мне запомнились беседы с профессорами В.А. Белоусовым, С.Г. Генесом, В.А. Абером, Е.А. Финкельштейном, вдовой профессора Диннерштейна — З. Светник. Все они, помимо беседы, написали воспоминания. К великому сожалению, эти бесценные мемуары, уезжая после окончания института на работу в Нововодолажский

район, я отдала на хранение в комитет комсомола. Дальнейшая их судьба мне неизвестна. Постараюсь изложить те факты, которые сохранила моя память.

Шел 1963 год, а профессор Владимир Александрович Белоусов вспоминал годы революции, когда он был студентом медицинского факультета университета. Он описывал, как 46 лет назад на студенческих сходках они спорили, кого поддерживать, — большевиков, меньшевиков, эсеров, кадетов и др. Тогда мне казалось, как давно это было, — прошла революция, Гражданская война, Отечественная... А сейчас 50 лет прошло со времени, когда профессор Владимир Александрович писал свои воспоминания.

В те годы лечение сахарного диабета мы изучали по работам профессора Семена Григорьевича Генеса, ученого мирового масштаба, а он работал в Харьковском НИИ эндокринологии. Мне удалось созвониться с ним, и он назначил встречу у себя в институте на улице Артема. Он пригласил к себе в кабинет своего однокурсника Владимира Яковлевича Абе-ра, руководителя организационно-методического отдела, который внес огромный вклад в становление эндокринологии как специальности. Нужно было видеть, как эти два выдающихся ученых со смехом вспоминали, как впервые появились на рабфаке. Теперь не все знают, что в 20–30 годы высшее образование из-за отсутствия должной подготовки могли получить очень немногие, поэтому были созданы рабфаки — рабочие факультеты, которые давали возможность в короткие сроки подготовиться к учебе в институте. Им запомнилось, как они были одеты, и особенно обуты — почти у всех поступавших на рабфак на ногах были кустарные «сандалии» — деревянная подошва, самодельно выпиленная, крепившаяся через отверстия веревочками или ремешками. Из-за этой обуви грохот в помещении стоял невообразимый. А еще — как им все время хотелось есть. Но все это не мешало им учиться, заниматься наукой и достигать больших успехов.

В шестидесятые годы в Харьков из Семипалатинска вернулся профессор Е.А. Финкельштейн. Вот что он вспоминал. До Октябрьской революции он поступил в Харьковский университет, а в годы Гражданской войны вступил в партию большевиков и стал красноармейцем. Ему дали отпуск на какой-то срок для поездки в Харьков. Будучи в городе, где-то на столбе объявлений он прочитал, что в университете состоится отчетно-перевыборное партийное собрание. Он решил пойти туда, чтобы вспомнить свою студенческую жизнь. Его, красноармейца, поразила вялость и беззубость собрания. Он взял слово и стал излагать свои взгляды на повестку дня. И тут случилось невероятное — при выборах секретарем парткома университета большинством голосов был избран... Финкельштейн. В его воинскую часть было отправлено решение собрания, и таким образом он вернулся на студенческую скамью. А обязанности секретаря парткома в те годы были чрезвычайно разнообразны, вплоть до того, где брать сено для университетской лошади. Им удалось добиться разрешения для этой цели косить траву в теперешнем парке Шевченко и на территории обсер-

ватории. После окончания университета Е.А. Финкельштейн был принят преподавателем на кафедру биологии, где он вел занятия со студентами-медиками, читал лекции, занимался наукой, писал диссертацию.

И вот пришел 1949 год, когда на сессии ВАСХНИЛа полностью отвергли и разгромили генетику. После этого в научно-исследовательские и учебные учреждения страны биологического и медицинского профиля были направлены представители для проверки, как на местах выполняются принятые решения. В Харьковский медицинский институт приехал академик А.В. Топчиев со списком из 49 сотрудников, подлежащих обязательно увольнению, и еще 200, которых рекомендовалось уволить. Временно исполняющим обязанности директора института в то время был Н.Н. Бокариус, который не побоялся встать стеной за нескольких ученых, которых ему удалось сохранить в институте.

В это же время в институте проходила подготовка к реорганизации учебных групп: количество студентов в группах увеличивалось, и штат преподавателей в связи с этим сокращался. Поэтому руководителям кафедр предлагалось составить новые штатные расписания. А.В. Топчиев воспользовался этим, и все наиболее перспективные преподаватели и ученые были уволены, а в институте остались работать те, кто был ранее кандидатом на сокращение. Наиболее выдающиеся ученые были не только уволены, но и высланы из Харькова. Так профессору Финкельштейну предстояло до оттепели 1960-х жить и работать в Семипалатинске.

Во время моей учебы в институте (1959–1965 гг.) на лекциях по биологии постоянно клеймились враждебные нам вейсманисты-морганисты, Мендель и др. Генетика была под строжайшим запретом. Этот пробел в знаниях давал себя знать на протяжении всей нашей жизни.

В 1967 и 2005 годах были изданы книги по истории института, в которых кафедры представлены в своем историческом развитии. Книги об истории университета, основанные на воспоминаниях его сотрудников и выпускников, еще ждут своего времени.

А. ЖУК

МЕЖ НЕМАЄ

Неабияку роль у справі підготовки спеціалістів відіграють студентські наукові товариства. Завдання їх не обмежуються тим, щоб прищепити студентам смак до дослідної роботи. Вони набагато ширші і, в першу чергу, полягають у тому, щоб підготувати молодого спеціаліста до самостійної практичної роботи у вихованні студентів на кращих традиціях кафедр.

На 49 кафедрах у 53 гуртках працюють 800 чоловік, що становить 25% всієї кількості студентів інституту. Але це, звичайно, не межа. Ми ставимо зараз питання так, щоб кожний студент займався в гуртку, де він

може поглибити свої знання, по-справжньому оволодіти обраною спеціальністю.

На III республіканську конференцію медичних вузів у 1965 році від нашого інституту було виставлено 70 доповідей, на міський огляд студентських робіт — 100 доповідей. На всесоюзному огляді студентських наукових робіт у 1964 р. студенти Г. Олійник і М. Бурих одержали золоті медалі. З числа кращих гуртківців в інституті створено першу на Україні виїзду студентську амбулаторію для надання допомоги практичній охороні здоров'я Харківської області. За період з січня 1965 року обслідувано 2100 чоловік у Зміївському районі та на Зміївській ДРЕС. Але найголовніше, на нашу думку, полягає в тому, що ця нова форма знайшла гарячу підтримку серед студентства. Нам не доводилось нікого примушувати працювати в амбулаторії. Студенти самі організували виїзди, самі турбувались про нестачу того чи іншого інструментарію і обладнання. Це не тільки поглиблює їх практичні навички, але й привчає до самостійної організаторської роботи. Треба більше шукати таких нових форм роботи з молоддю.

Газета «Лікарська зміна», 30.01.1966

О. ШABELЬСЬКИЙ

РЯДКИ ДОКУМЕНТІВ

Ми заходимо у медичний інститут. Як і скрізь, біля входу оголошення — пульс громадського життя. Що найцікавіше сьогодні? Ну, звичайно, інтернаціональна студентська науково-теоретична конференція. Тут працює секція наукового комунізму.

Тихесенько відчиняємо двері. На кафедру підіймається смуглявий юнак. Це Марака Нідель, студент з Йорданії. Тема його доповіді — «В.І. Ленін і національно-визвольний рух народів арабського сходу». Серед слухачів багато студентів-іноземців, що приїхали вчитися до Радянського Союзу з різних країн світу. П'ять із них, не враховуючи доповідача, навчаються у медінституті. Це Мансур Керім і Маассарані Абдул (Ліван), Мустафа Хасан (Судан), Еванс Джон Аппія (Гана), Куфеджі Оре (Нігерія). Усі вони виступатимуть сьогодні з рефератами. Разом з радянськими юнаками і дівчатами у Харківському медичному інституті одержують освіту 144 студенти-іноземці. У перші дні навчання, які стають для новачків днями захоплюючих екскурсій, вони знайомляться з інститутом, з його музеєм. Музею нема ще й року, проте його відвідали понад десять тисяч чоловік — серед них не лише харків'яни. І це не випадково. Жоден медінститут країни не має такого музею. Його гордість — документи, пов'язані з ім'ям професора медінституту В.П. Воробйова, якому урядова комісія з увічнення пам'яті В.І. Леніна доручила найвідповідальнішу справу — збереження для нащадків тіла вождя світового пролетаріату.

Нам із захопленням розповідає про це директор музею та його ентузіаст — професор кафедри патологічної анатомії Олександра Савеліївна Налбат. Комсомолка двадцятих років, один із найстаріших працівників інституту, вона прийшла до нього, як раніше казали, «з лікнепу» — і може, через це, коли Олександра Савеліївна бере указку і проходить повз документи-експонати, в голосі її бринить гордість.

— Ось, зверніть увагу, — прохає наш екскурсовод, — на напис під цією фотокарткою.

І ми читаємо: «1905. Прозектор кафедри анатомії В.П. Воробйов, який брав участь у створенні «Союзу молодших службовців університету», за «крамольну діяльність» міністром освіти Кассо не був затверджений професором кафедри».

А за дев'ятнадцять років Радянський уряд доручив харківському анатому справу надзвичайної складності, яка вимагала колосального досвіду й виняткової ерудиції у знанні хімічних процесів. За цю операцію професора В.П. Воробйова було нагороджено орденом Леніна і премією імені Леніна — вищою нагородою для вчених радянських республік, як повідомляла газета «Пролетарій».

Ми знову вчитуємось у фотокопії документів — і завмирає гомін Ленінського проспекту, музейну тишу заповнюють голоси незабутніх літ.

Газета «Ленінська зміна», 07.11.1969

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ ВРАЧА

Принимая с глубокой признательностью звание советского врача, я, выпускник Харьковского медицинского института, перед лицом своих учителей, товарищей по профессии и всего нашего народа торжественно обещаю:

— честно и добросовестно трудиться в области охраны здоровья, способствовать утверждению коммунистической морали;

— продолжать совершенствовать свои специальные и политические знания, всеми силами содействовать процветанию советского здравоохранения и медицинской науки;

— в необходимых случаях обращаться за советами и помощью к своим учителям и товарищам, никогда не отказывать в помощи товарищам, обратившимся ко мне, помня высокий нравственный принцип строителя коммунизма: человек человеку — друг, товарищ и брат;

— любить больных, проявлять к ним чуткое и заботливое отношение, не применять медицинские знания во вред здоровью человека, не разглашать сведений, доверяемых мне больными, если они не угрожают интересам общества;

— всегда помнить о своем врачебном долге, о высокой ответственности перед народом, Коммунистической партией и Советским государством;

– своим самоотверженным трудом стремиться заслужить всенародную любовь и уважение, вместе со всем советским народом способствовать утверждению на земле Мира, Труда, Свободы, Равенства, Братства и Счастья всех народов, всегда оставаясь верным принципам морального кодекса строителя коммунизма.

Обязуюсь пронести эту клятву через всю свою жизнь.

1965 г.

М. САНЬКО

ПОЧТА ПРОФЕССОРА

Наш современник. Трудно вот так просто в нескольких словах дать определение, каков он. Никакие «собираательные образы» не смогут передать все многообразие характеров, индивидуальных и профессиональных особенностей. А возраст? От совсем юных до убеленных сединами, у кого за плечами нелегкие судьбы, суровые испытания, войны.

Одно общее роднит нас, объединяет, определяет «стиль жизни», формирование личности — это эпоха, время. Наше советское время.

Что такое счастье? Люди понимают его по-разному. Иногда счастье можно определить одним коротким словом — жить. Жить! Видеть небо, ходить по земле, пробуждающейся после зимних холодов, чувствовать аромат клейких молодых листьев, ощущать прикосновение ветерка к твоему лицу. Любить, страдать, бороться. Все большое и малое в этом слове. А человека, такого сильного, смелого, всепобеждающего «царя природы» может сделать бессильным болезнь, оборвать нити, связывающие его с людьми, с землей, с жизнью.

Бывает, когда остается одна единственная нить. И вот искусство другого человека, его разум, знания, мастерство творят чудо — они даруют жизнь.

«...Все у меня хорошо, все в порядке. Кланяюсь Вам за то, что спасли меня, дали возможность жить... Н. Дмитренко».

«Прошел первый год моей «второй жизни», и каждый день я не перестаю тепло и благодарно вспоминать и думать о Вас. Ведь Вы возвратили мне жизнь, которую я для себя считала уже законченной. Вам я обязана своим «вторым рождением»... К. Скерст». Да, трудным бывает второе рождение. Но и первое, случается, дается нелегко, вопреки вроде бы спрavedливой истине: «Родиться на свет — самая простая штука, но прожить на свете — это уже очень мудрено».

«Спешу поделиться с Вами своей радостью: у меня родился сын Иван... И это после такой серьезной операции! Я назвала его в честь Вас, дорогой профессор». Сколько у Ивана Ивановича таких крестников! Не сосчитать и всех исцеленных им. Вспоминаются разве что особенно трудные случаи.

Но именно при наиболее сложных случаях и обращаются к заслуженному деятелю науки, заведующему кафедрой акушерства и гинекологии лечебного факультета медицинского института Ивану Ивановичу Грищенко.

Чудодейственным даром возвращать людям жизнь обладают врачи. Не все. Потому что профессия еще ничего не значит (разве нет ремесленников от медицины!). Необходимо призвание. Само оно приходит только вместе с врожденным талантом, как это бывает, к примеру, у певцов, художников. Чаше призвание «находят» в труде — упорном и кропотливом, который не терпит рамок «от и до». Ведь любое дело раскрывает свои тайны лишь тем, кто стремится постичь их, совершенствуя свои знания, профессиональное искусство — и тогда к нашедшему свое призвание приходит признание и благодарность людская, самая высокая и самая справедливая награда, какая только может быть.

Со всех концов страны идут профессору Грищенко письма по адресу: Харьков, медицинский институт или — областная больница. Харьковчане еще хорошо помнят другое название — клингородок. С этим медицинским городком, построенным еще в дореволюционные годы для медицинского факультета университета, у Ивана Ивановича связано полвека жизни — студенческие годы и работа. Здесь когда-то белела окраина — пустошь, свалки, яры. Студенты-медики и ветеринары селились на улице Клочковской, снимая «комнаты с чаем» на 3–4 человека. Общежитий тогда не было. В 1917 году первокурсник Иван Грищенко был председателем «Бюро труда»: неимущие студенты нанимались рубить и колоть дрова, нагружать вагоны, ухаживать за больными. В 1918–1919 годах он работал в госпитале для инфекционных больных. Вскоре и сам «брат милосердия» был свален жестоким тифом.

В те годы учиться приходилось мало и трудно. Лекции зимой в аудиториях не читались. Находили комнату поменьше, где около печки-буржуйки устраивался преподаватель, а вокруг — студенты. Кто мог, приносил с собой дрова. «Комната с чаем» не отапливалась, и пришлось переселиться подальше, на Балашовку, к железнодорожникам, которым все же перепадал уголь...

Давно это было. Время изменило все вокруг. Бывшая окраина стала центром, выросли громады Госпрома, далеко шагнул за старую черту город. А здание клиники осталось то же. Здесь молодой ординатор Иван Иванович Грищенко начинал свою врачебную практику. Тут же и жил. В любое время дня и ночи вызывали к больным. Беспокорно, хлопотно. Зато была хорошая школа, экзамен «на верность» избранному профилю медицины. Он изменил ему только однажды. Так было необходимо. Ученый, уже защитивший докторскую диссертацию, стал в годы войны хирургом в эвакуогоспитале. Пришлось переучиваться, что называется, на ходу. Осилит. Искусно делал операции искалеченным войной солдатам — им надо было жить, трудиться, поднимать из руин разрушенное.

Есть богатство, которое не скудеет: отдавая его другим, человек становится только богаче. Это богатство — знания и добро. И то, и другое

утрачивает смысл и силу, если не обратить их на пользу людям — бескорыстно, по велению сердца. Крестьянский сын стал видным ученым. Нет в этом ничего удивительного. Знаменательно другое: то, что такое вполне обычное явление в наше время, открывшее огромные возможности для творческого развития личности, не кажется удивительным (а зарубежные коллеги удивляются!), и то, что крупный ученый, очень занятой человек, вот уже много лет подряд приходит в клинику на час раньше и ведет прием больных. Конечно, бесплатно. Всех, у кого есть необходимость, или по таким вот рекомендациям, как эта из Львова: «В нашей больнице оперировалась подательница данного письма. Было несколько рецидивов... Убедительно просим Вас проконсультировать больную. Ваша консультация будет ценной и для больной, и для нашего коллектива».

Древнее изречение гласит: три орудия есть у врача — слово, растение, нож. Слово (наверное, чуткость, внимательность) поставлено на первое место. Так было. И так есть, хотя целебные травы давно заменены химическими препаратами.

— Тот не врач, от которого больной уходит, не получив облегчения, — так учит будущих медиков профессор.

Для него самого это определяет всю его врачебную деятельность.

В наш стремительный век эпистолярная форма общения не в ходу. Пишут редко, кратко, по-деловому. А вот у Ивана Ивановича почта очень обширная. Пользуясь разрешением профессора, я прочитала несколько писем, без выбора.

«Скоро год, как мы трудимся в Алжире... Иногда, когда приходят в порт наши корабли, мы ходим туда. Моряки, пробывшие в море по 3–4 месяца, рады нам даже больше, чем мы им. Показывают нам ночь напролет кинофильмы... Частенько бывает туго, тогда так хочется побывать хоть на одной вашей пятиминутке... Л. Хорош».

«Дорогой Иван Иванович! Был в командировке. Посетил аймаки, где консультировал больных и оперировал. Для врачей читал лекции... Улан-Батор — красивый, своеобразный город, расположенный в горах... Очень по всем скучаю, хочется узнать все о жизни кафедры. А. Кучков».

Да, по письмам можно «совершать путешествия» по разным странам: Куба, Монголия, Чехословакия, Польша...

«Дорогой учитель! Я знаю, что уже много забыл из русского языка. И если в письмах будут смешные выражения или слова — прошу извинить меня...». Шандор Сабо не забывает своего Учителя, весточки из Венгрии приходят регулярно уже несколько лет. Он делится радостью семейной — родился сын: «Теперь у меня двое детей — Рита и Андрей». О работе — стал главным врачом больницы, учится в университете марксизма-ленинизма, сам читает лекции. И неизменно в конце: «Когда же Вы приедете к нам? Где будете этим летом?».

Пока на этот вопрос ответить трудно. Возможно, в Австралии, где намечено проводить Всемирный конгресс акушеров-гинекологов. Не впервые профессор Грищенко представляет советскую науку на международных

форумах медиков. Так было в Монреале, в Вене, в Бухаресте. Его многолетний труд по усовершенствованию операции образования искусственной вагины с использованием кожных лоскутов получил широкое признание не только в нашей стране, но и за рубежом. Но это — деловые встречи. А во время отпуска Иван Иванович любит путешествовать по большой и прекрасной нашей советской земле. В прошлом году побывал на Диксоне, а перед этим на Байкале. Сибирь с ее величественной природой — бескрайней тайгой, могучими реками — запечатлелась на фото пленке и в кадрах любительского фильма (еще одно увлечение профессора).

Большая жизнь. По годам (скоро будет отмечать 70-летие), по сделанному, отданному людям, по тому, что щедро передано ученикам. Иван Иванович богат учениками, в том числе и «остепененными» — четыре доктора наук, 32 кандидата. Раиса Ивановна Малыхина, Вера Федоровна Матвеева возглавляют кафедры, профессор Бакшеев — главный специалист Министерства здравоохранения УССР. Среди кандидатов наук — 12 врачей-практиков главным образом районных больниц, с которыми поддерживается тесная связь. Все, что в клинических лабораториях рождается нового, а тут изучаются такие важнейшие проблемы, как антигенная несовместимость крови матери и плода (ученица Ивана Ивановича Виктория Андреевна Шилейко недавно защитила на эту тему докторскую диссертацию), токсоплазмоз, листериоз и другие, — внедряется в практику. В клинике впервые на Украине десять лет назад была создана лаборатория — центр по выявлению токсоплазмоза. Сюда приезжают учиться врачи с Харьковщины и других областей. Проводятся декадни в районах, организуются консультации и курсы. Часто выезжает в районы области, в другие республики и профессор Грищенко, чтобы помочь коллегам.

Ученикам, студентам есть чему поучиться у ученого-коммуниста Ивана Ивановича Грищенко. Щедрости душевной, целеустремленности, увлеченности. Он очень пунктуальный и обязательный человек — если что пообещает, непременно выполнит. Наверное, это не только признак культуры, но и умение дорожить своим и чужим временем, и высокое чувство ответственности перед самим собой, перед людьми. А еще он по-хорошему беспокойный человек. Хлопочет о расширении помещения клиники: тесно, очень тесно стало. По поручению парткома возглавляет комиссию по созданию музея истории института, который откроется к 50-летию Советской власти. Делает операции, консультирует, читает лекции, ведет общественную работу. Потому что не может иначе.

Я задала Ивану Ивановичу вопрос о том, как он понимает счастье. Он ответил:

— Наверное, главное — найти себя в жизни, «попасть в слой», если употреблять хирургические термины. Как врач буду говорить о положительных эмоциях. Наибольшее удовлетворение приносит труд, сознание сделанного добра, пользы. Сделанное «для себя» никогда не дает долгой радости, душевного подъема, увлеченности. А у нас, медиков, польза, добро связано со здоровьем, жизнью людей...

Это будет третья встреча. Первая состоялась через 25 лет, вторая — через 35, а третья будет в 1967-м юбилейном году — через 45 лет после окончания вуза. Первый советский выпуск врачей, «красный», как его называли в то время. Члены оргкомитета по проведению встречи — профессора И.З. Вельвовский, М.С. Горбачев, М.Г. Рудицкий (он живет в Курске), врач А.Я. Орлова, ну и, конечно же, Иван Иванович Грищенко — профессор, заслуженный деятель науки, уверены, что в стенах родного института будет о чем вспомнить, поговорить. И возможно, кто-либо из них, увидев поседевших, солидных соучеников своих, скажет: «Друзья мои, среди нас нет стариков». Он будет прав. Ведь жизнь измеряется не только числом прожитых лет.

Газета «Красное знамя», 09.04.196

Т.И. СТЕПАНИУК
НА КАФЕДРЕ
МИКРОБИОЛОГИИ

Работу на кафедре микробиологии я начала с 15 января 1954 года в должности ассистента, уже имея ученую степень кандидата биологических наук и 2 года рабочего стажа преподавателя микробиологии в ХВИ после окончания аспирантуры и защиты диссертации. В медицинский институт пришла в порядке перевода, как избранная по конкурсу. В то время кафедра микробиологии помещалась в здании на Сумской, 1 — в правом крыле 2-го этажа. Помещение кафедры состояло из кабинета профессора и 7 комнат, из них 3 учебных. Одна — проходная, через которую сотрудники и студенты попадали на кафедру биохимии. Вторая — небольшая, узкая, с длинным столом для студентов, тесная, потому что часть ее была отгорожена в виде бокса. Третья комната, выходящая окнами на улицу Сумскую, была большой, в ней занимались всегда одновременно 2 группы в невероятной тесноте из-за широких лабораторных столов, между которыми можно было едва протиснуться, чтобы сесть. Столы эти сохранились с довоенного времени. Они были удобными, имели большую площадь, ящики и тумбы, и впоследствии, после переезда в новый корпус,

жаль было с ними расставаться. Еще 2 комнаты кафедры были оборудованы боксами и служили каждая одновременно ассистентской и аспирантской. Подготовительная работа к практическим занятиям велась в длинной узкой комнате, где стоял стол старшего лаборанта, она же была и моечной. Автоклавная имела отдельное небольшое помещение.

В 1954 году кафедрой заведовал профессор В.С. Деркач, доцентом был Ф.Д. Повелица. Ассистенты кафедры Е.Л. Лейбфрейд и З.Г. Иоффе — участники войны, А.П. Кононенко и молодые сотрудники Н.В. Васильева (после аспирантуры), В.Г. Панина и трое принятых по конкурсу в 1954 г. — Н.С. Сухоносова (врач-бактериолог со стажем), Л.Н. Чернявская и я — Т.И. Степанюк. Аспирантов было двое — Л.Д. Калюжная (впоследствии ассистент кафедры) и Н.Ф. Головина. Старший лаборант А.В. Калмыкова — опытный сотрудник с довоенных времен. В автоклавной работали лаборант А.Г. Андрейченко и препаратор Е.П. Масушко — тоже довоенные сотрудники кафедры. В 1952 г. пришла лаборант М.В. Солодовникова.

Работали, как говорится, в тесноте да не в обиде. Теперь, оглядываясь на те дни, можно удивляться, как такой малочисленный вспомогательный персонал (старший лаборант, лаборант и препаратор) в сложных условиях бесперебойно обеспечивал учебный процесс прекрасными коллекциями культур, питательными средами, посудой для постановки реакций иммунитета и демонстрационными препаратами (в том числе уникальными сохранившимися микропрепаратами). Одновременно они обеспечивали и научную работу аспирантов и ассистентов. Анна Васильевна, Александра Гавриловна и Екатерина Павловна любили свое дело, работали с энтузиазмом много лет и достойны самой благодарной памяти.

Лекционная аудитория помещалась в другом здании, пройти в которое надо было через внутренний двор, а иногда аудиторию предоставляли и по другому адресу — на Сумской, 61.

Оснащение учебных занятий, как я уже сказала, осуществлялось с большими сложностями. Микропрепараты для демонстрации Анна Васильевна не выпускала из рук, иногда часами отыскивала в них наиболее демонстративные места, но не доверяла никому — сохраняла. Микроскопов было мало. Имелось всего несколько окуляров с указательными стрелками. Позже научились вставлять между линзами волоски-указки. Посевы культур, особенно пигментных микробов, были всегда высокого качества. Занятие по их изучению очень красиво оформлялось: Анна Васильевна «рисовала» на агаре в чашках Петри цветы, ягоды и т. п., что очень нравилось студентам, и нужные сведения хорошо запоминались. Реакции иммунитета РА, РП, РСК умело имитировались, что требовало большого старания. Таблиц почти совсем не было. Схемы реакций иммунитета писали на доске, что отнимало время. Вместо таблиц по морфологии показывали рисунки в учебнике или других книгах.

Видя это, я принялась за изготовление таблиц. У меня есть склонность к составлению таблиц, к схематическому изображению того, что описано в тексте, и еще со времен аспирантуры я научилась писать плакатным

пером. Сначала я нарисовала все схемы постановки реакций иммунитета для всех трех учебных комнат. Когда такая схема висела на доске, было удобно преподавателям объяснять и студентам работать. Для лекций стала составлять текстовые таблицы, например, «Виды иммунитета», «Факторы видового иммунитета» и др. Писала их крупными буквами для лекционной аудитории черной и красной тушью. Иногда склеивала 2 листа ватмана, если текст не умещался на одном. Эту работу я продолжала все годы своей службы, нередко рисуя ночами новую таблицу для очередной лекции.

Когда кафедра переехала в новый корпус, нам предоставили шесть просторных учебных комнат, таблицы «тиражировались» по числу комнат, чтобы не переносить их из одной в другую. К этой работе привлекали студентов и давали заказы в художественную мастерскую института. Со временем был создан большой фонд из сотен таблиц. Они содержались в порядке: по семестрам, по темам и помещались в трех двухэтажных стальных шкафах (ниши в стенах учебных комнат были оборудованы для хранения таблиц), а кроме того, в специальных контейнерах, встроенных в стену коридора, висели таблицы специально для лекций.

Большое значение в преподавании получили таблицы «Схемы микробиологической диагностики инфекционных заболеваний». Они были составлены уже в 1960-е годы на основе фундаментальных руководств по диагностике инфекционных заболеваний (например, под редакцией профессора Матвеева и др.) и с учетом инструктивных указаний для бактериологических лабораторий, которые любезно предоставляли городская и областная баклаборатории. Эти таблицы, кроме текста, имели цветные рисунки: окраска микроба различными методами, питательные среды с колониями, «пестрый ряд» и т. п. Схемы оказались удобными для запоминания, и в дальнейшем даже вошло в обычай переносить их в студенческие альбомы. В то время не было еще типографских печатных руководств с подобными схемами, и, к сожалению, кафедра не публиковала эти таблицы, как созданные ею наглядные пособия. Лишь впоследствии (1996 г.) они (без рисунков) после уточнения с последними инструкциями вошли в текст учебного пособия, изданного кафедрой (авторы А.Я. Цыганенко и Н.В. Павленко). Созданный моими стараниями табличный фонд служил много лет и служит до сих пор. Лаборантам вменялось в обязанность заботиться о его сохранности и порядке хранения по темам.

Конечно, фонд таблиц требовал постоянного обновления, ведь появлялись новые данные, особенно в области иммунитета и генетики, печатные руководства со схемами строения антител, антигенов, реакций иммунитета и др. Издательство «Медицинское учебное пособие» стало издавать наборы таблиц, но они нередко носили плакатный характер и не годились для лекций в большой аудитории. Так что таблицы, созданные мною, не утрачивали своей пригодности и используются даже теперь, когда появились такие средства наглядности, как слайды, телевизионные демонстрации и т. п.

До 1965 г. я работала в должности ассистента, помогая доценту А.Я. Цыганенко в подготовке учебных занятий, а с 1965 г. — в должности доцента, ответственного за учебный процесс. Я не ставлю своей задачей изложение в хронологическом порядке всей жизни кафедры. За прошедшие годы менялся состав сотрудников и аспирантов, расширялся состав лаборантов. Руководил кафедрой все также профессор В.С. Деркач.

В 1963 г. в жизни кафедры произошло очень важное событие. Учитывая важность научных исследований, проводимых членом-корреспондентом АМН СССР профессором В.С. Деркачом, Минздрав принял решение придать кафедре проблемную лабораторию вирусов и антибиотиков. Таких проблемных лабораторий наш институт получил в то время всего две. Вторая из них открыта была на кафедре госпитальной терапии, руководимой профессором, впоследствии академиком Л.Т. Малой. Коллектив сотрудников нашей проблемной лаборатории работал в двух направлениях:

1. Изучение условий образования и механизма действия предложенного В.С. Деркачом противоопухолевого антибиотика неоцида с конечной целью его внедрения в практику и передачей в производство. Эту часть группы возглавляла ассистент кафедры А.А. Цуцаева — уже в течение нескольких лет ближайшая помощница В.С. Деркача в проведении этих исследований.

2. Второе было совершенно новым и ставило перед собой цель — изучение интерферона, антибиотика животного происхождения, обладающего противовирусным действием, открытого в 1957 г. Айзексом и Линденманом. Эта проблема начала разрабатываться в нашей стране в 1962–1963 гг. в центральных НИИ в Москве под руководством З.В. Ермольевой, В.Д. Соловьева, М.П. Чумакова. Всегда зорко следивший за новостями науки В.С. Деркач считал это направление перспективным. Он дал задание — изучать и на нашей кафедре условия возникновения и механизм действия интерферона. Для этой работы нужна была вирусологическая лаборатория. Я получила задание организовать такую лабораторию, освоить вирусологические методики исследований и заняться разработкой этой темы. На кафедре была выделена большая комната, имеющая отдельный выход в коридор. В ней были построены три бокса, занимавших две трети комнаты, остальная же часть помещения предназначалась для подготовительной работы. Там были размещены термостаты, центрифуга, лабораторный стол, холодильник и моечный уголок. Мне было поручено заведовать этой лабораторией. Кроме меня, в ее оборудовании и устройстве принимал большое участие ассистент Александр Иванович Гончаров, вместе с которым мы начинали разработку проблемы условий получения и изучения свойств интерферона. Дружно работая, мы в течение трех лет напечатали две научные статьи в центральных журналах, подготовили доклад, с которым выступали на I Всесоюзном симпозиуме по интерферону в г. Риге.

Лаборатории были выделены два лаборанта и один препарат. Я получила командировку в ЦЭЛИУ врачей в Москве на цикл по вирусологии

(в 1964 г.). Из Москвы уже тогда я привезла минимум необходимых материалов для оборудования лаборатории — специальную посуду, бактерицидные лампы, среды для ведения культуры ткани и др. Все это любезно предоставил нам Институт вирусных препаратов. Меня поразило то, что в ответ на мою просьбу выделить кое-что для нашей образующейся лаборатории, главный бухгалтер института тут же при мне связался по телефону с главным бухгалтером Харьковского мединститута Н.Р. Рыбаковым, который подтвердил на словах гарантию оплаты, и мне без всякой проволочки было все это выдано. От меня не потребовали ни заявления, ни доверенности, ни каких-либо документов. Все это я доставила в Харьков с помощью мужа. Так началась жизнь нашей вирусной. Овладев методиками вирусологических исследований, я обучила им сотрудников кафедры, поскольку существование этой лаборатории позволяло внести существенный вклад в преподавание вирусологии, что также было требованием того времени.

В последующие годы студенты получили возможность исследовать культуру ткани в нативных и окрашенных препаратах, своими руками заражать и вскрывать куриные эмбрионы на занятиях по темам «Вирус оспы» и «Вирус гриппа». На базе лаборатории были сняты два учебных фильма по указанным темам при участии В.А. Обманкина, Н.В. Корейко и моем. Фильмы демонстрировались студентам во время занятий. Для кафедры был изготовлен ряд микропрепаратов культур ткани на стеклах для обнаружения ЦПД и включений при различных вирусных инфекциях. В 1966 г. на базе нашей кафедры был проведен Всеукраинский республиканский семинар по преподаванию вирусологии в медицинских институтах.

Что касается научных исследований по проблеме интерферона, они проводились с 1964 по 1980 год (год моего ухода на пенсию), и были плодотворными. По итогам годовых исследований я дважды получила дипломы Харьковского областного медицинского общества с денежной премией (первый диплом — совместно с А.И. Гончаровым). Участвовала с докладами в работе двух крупных симпозиумов по проблеме интерферона в г. Риге (в них принимали участие и представители зарубежных стран). Препарат интерферона, приготовленный в нашей лаборатории, был с успехом применен в клинике глазных болезней ХМИ во время эпидемии для лечения аденовирусного кератоконъюнктивита. Статья об этом, написанная совместно с Н.В. Ли, врачом глазной клиники, и Г.И. Волчанецкой — старшим научным сотрудником института им. И.И. Мечникова, обеспечившей серологическое подтверждение аденовирусной природы заболевания, была опубликована в печати. Всего по материалам исследований были сделаны четыре публикации в центральной печати, два доклада на Всесоюзных симпозиумах, доклады на институтских научных конференциях и напечатаны статьи в сборниках ХМИ.

В годы доцентской деятельности я уделяла большое внимание методической работе. Был организован методический кабинет кафедры, в ко-

тором находились методические разработки к практическим занятиям, ежегодно пересматривавшиеся и дополнявшиеся в соответствии с новой информацией, а также слайдотека — набор слайдов, изготовленных на кафедре к каждой теме лекционного курса, и аппараты для их демонстрации. Здесь же сосредоточивались каталоги таблиц, учебная литература и учебные фильмы, созданные на кафедре.

Была сделана попытка ввести программированный контроль знаний при помощи аппарата «огонек», разработаны карты программированного контроля, но этот метод себя не оправдал. По разработанным мною материалам с одобрения заведующего кафедрой доцента А.Я. Цыганенко, возглавившего кафедру в 1971 году, в Художественном фонде г. Харькова были выполнены три больших стенда (2 × 3 м): «Морфология и физиология микроорганизмов», «Вирусы», «Антибиотики» и стенд «История кафедры», которые не только украсили главный коридор кафедры, но и в течение многих лет использовались в качестве наглядных пособий. Теперь другое время, другая техника, о которой мы в те годы и понятия не имели. Есть компьютерные классы, телевидение, призванные повышать уровень преподавания. Но об этом напишут другие люди, работавшие на кафедре после 1980 года.

Вспоминая годы своей работы, могу честно сказать, что все мы старались работать на уровне быстро развивающейся науки и требований, предъявлявшихся к учебному процессу. Во многом нам помогали поездки на ФПК в Москву, Киев, Ленинград, на кафедры ведущих медицинских вузов, откуда мы привозили новую информацию, новые методики и впечатления от общения с широким кругом преподавателей разных городов страны. Я дважды была на факультете повышения квалификации в Ленинграде в ЛПМИ — в 1974 и 1978 гг. В результате этих поездок на нашей кафедре были введены новые практические занятия по генетике микроорганизмов и значительно обновлены лекции по иммунитету, получена основа, направление, что так важно и при первых робких шагах. В дальнейшем, делаясь с другими опытом и пришедшими с годами находками, я сама учила, в частности, как рассчитать время, как спланировать урок и как объяснить понятнее сложный вопрос, проводила показательные занятия по вирусологическим темам.

На моих глазах выросло новое поколение молодых преподавателей — Л.Д. Калюжная, А.Я. Цыганенко, В.К. Патратий, А.И. Гончаров, К.С. Цветова, и еще позже — С.И. Степаненко, Н.В. Павленко (Иевенко), Л.И. Трубочева, В.А. Обманкин, Л.С. Габышева и др., ставшие в настоящее время солидными опытными преподавателями со степенями и званиями.

Особо хочу посвятить несколько строк памяти В.С. Деркача, много лет возглавлявшего кафедру, бывшего для меня учителем в учебной и научной работе. Он был прекрасным лектором. Говорил просто, не спеша, оттеняя важные детали. Рассказывал интересно, не утомляя слушателей. Было чему поучиться. Когда я работала еще ассистентом, мне поручалось чтение отдельных лекций, и Василий Степанович всегда находил время

прочсть подготовленную мной лекцию и сделать правки. Их было немного, но удивительно, как меняло вдруг одно слово (вычеркнутое или добавленное) весь смысл предложения, или знак препинания изменял смысловую нагрузку. В.С. Деркач был Мастер, и Мастер добрый: он разрешал даже поздно вечером по телефону выяснить волнующий момент и всегда давал совет. Он научил меня многому. С благодарностью храню подаренные им оттиски работ с автографами и фотографию времен 1922 года, где он, совсем юный, в лаборатории Златогорова сидит за микроскопом.

Храню фотографии коллектива кафедры — такова хорошая традиция. Смотрю на лица и вспоминаю всех, с кем прошла долгий путь, — и преподавателей, о которых я уже сказала выше, и лаборантов — моих дорогих помощников по учебному процессу. Вот Анна Васильевна Калмыкова (старейший сотрудник кафедры), влюбленная в свою работу, вот девочки — Надя Биличенко, Леночка Панус, Таня Ромот, Аня Зеркаль, Люда Можина и мои «вирусные» — Марта Баранова, Вика Парфило, Наташа Корецкая (Наталья Викторовна — нынешняя опора учебного процесса, ветеран кафедры). Всех помню, всем желаю удачи. Надо сказать, что бывшие наши девочки-лаборантки в большинстве своем учились и стали врачами, весьма солидными и авторитетными в настоящее время.

Хочу сказать несколько слов еще об одной стороне нашей жизни. Считалось, что успешное ведение учебного процесса неразрывно связано с научной работой. Все преподаватели занимались наукой и ежегодно отчитывались о результатах. При надобности получали научные командировки в другие города. Я несколько раз была в командировках в Москве в центральных институтах, тесно общалась при выполнении своих научных исследований с сотрудниками этих учреждений, участвовала во Всесоюзной конференции по проблеме получения и изучения антибиотиков, в Международном симпозиуме в Институте полиомиелита и вирусных энцефалитов в г. Москве (дважды). Общение с ведущими учеными страны, участие в этих мероприятиях расширяло кругозор, давало заряд энергии. Велико было чувство ответственности при выступлении с докладами на Всесоюзных симпозиумах страны по проблеме интерферона в г. Риге. Ведь выступая с трибуны перед представителями всех вузов страны, я представляла нашу кафедру. И ни разу ее не подвела. Могу этим гордиться.

Время работы на кафедре считаю лучшим в моей жизни. Я знала радость труда, чувство долга, вдохновение, ответственность за выполненные задания. В институте с 1954 по 1982 гг. меня окружали замечательные люди, у которых было чему поучиться, даже если я непосредственно с ними не общалась. Это плеяда старых профессоров, учивших моих сверстников, которые и сами становились профессорами, Мастерами своего дела. Помню всех и всех благодарю.

ЮСИФ МАХІР САМІ

ДЕКІЛЬКА ТИСЯЧ КІЛОМЕТРІВ ТОМУ...

Того року я поїхав на цілину, щоб подивитись на природу Радянського Союзу, пожити цікавим трудовим студентським життям, про яке мені до цього розповідали. Потрапив я до Боровського району Кустанайської області. З іншими студентами працював на будівництві авіаційного інституту. Хлопці з ХАІ часто розпитували мене про життя моєї країни, я з задоволенням їм розповідав. Працювали багато: з сьомої години ранку до дев'ятої вечора (перерва на обід тривала годину). Спочатку було дуже важко. Потім звик. Один з п'ятикурсників нашого інституту працював серед нас лікарем. Йому було нелегко: вдень працює на будівництві, вночі — лікарем. Мені вдалося з ним попрактикуватися.

У вільний час ходили купатися, грали з місцевими хлопцями у більярд. У клубі щодня дивилися кіно. Трудівники радгоспу ставились до нас дуже добре. Ми теж намагалися допомогти їм, чим могли. За час перебування у радгоспі дали кілька концертів. Перед від'їздом усіх нас нагородили грамотами і записали наші прізвища до Книги пошани.

Харків зустрів дуже привітно. На вокзалі був організований великий мітинг, на якому ми розповіли про свої враження від роботи на цілині.

За два місяці я проїхав декілька тисяч кілометрів по Радянській країні, бачив багато міст і сіл, більше дізнався про життя радянських людей.

Газета «Ленінська зміна», 12.04.1967

ИРИНА БАБИЧ

ИНТЕРНАТУРА? ДА!

Весть о том, что в Харьковском медицинском институте в порядке опыта будет проводиться одногодичная специализация (интернатура) для выпускников лечебного и педиатрического факультетов, здесь встретили с удовлетворением, как-то сразу поверив в большую судьбу эксперимента. Это нововведение с самого начала стало одной из главных забот коллектива, начиная с ректора профессора Бориса Акимовича Задорожного и кончая студенческой комсомольской организацией. Деятельное участие всего коллектива в этом новом деле во многом решило его успех.

Прежде всего ректорат вместе с Министерством здравоохранения УССР точно определил место будущей работы каждого молодого врача, его специализации; в этом принимали участие и руководители областных отделов здравоохранения. После этого в 13 областных центров направили представителей института. Надо было договориться

с заведующими отделениями, будущими руководителями врачей-интернов, снабдить их типовыми планами, объяснить задачу — предоставить своим воспитанникам как можно больше самостоятельности, учить делом, исправлять недостатки теоретической подготовки, выводя из тесных рамок учебника на просторы современных достижений той или иной области медицины. Необходимо было наладить и быт — обеспечить будущих врачей квартирами, заранее предупредить возможные задержки в выплате зарплаты. Наконец, нужна была разъяснительная работа среди студентов: ведь не все они сразу приняли нововведение с открытой душой.

На все это с избытком хватало энергии у руководителя интернатуры, профессора кафедры госпитальной терапии, члена-корреспондента АМН СССР Любови Трофимовны Малой. Она успевала проверить, все ли кафедры выделили ответственных за интернов, съездить в Сумы, Полтаву, побывать на харьковских базах, послать строгие напоминания в Закарпатье, где кому-то из интернов задержали зарплату, и т. д.

Как только интерны приступили к своим новым обязанностям, сразу же закипела работа. Сейчас уже можно сказать, что в каждой из 13 областей и 57 больниц, где обучается около 240 харьковских интернов, не менее двух раз побывали представители института. Их отчеты о поездках хранятся у проректора А.Я. Цыганенко.

Как же институт налаживает связь с интернами и их руководителями? Прежде всего собрали совещание руководителей харьковских баз (104 выпускника проходят интернатуру в Харькове) и обсудили типовые планы, учитывая замечания руководителей из других областей. Оказалось, что при подготовке педиатров, например, неоправданно много времени отведено организации молочных кухонь, работе в детском саду, в то время как жизнь настоятельно требует более детального изучения детской психоневрологии, методов функциональной диагностики, болезней крови. Терапевты считают, что в типовом плане следует больше времени уделить работе в стационаре. Врач высшей категории З. Головка высказала мнение, что по акушерству и гинекологии одного месяца работы в родильном зале недостаточно, а трех месяцев в палате для патологии беременности слишком много.

Все эти вопросы обсуждались во время декадника, который был проведен с руководителями интернов всех областей. Он начался научно-методической конференцией по врачебной подготовке, где выступали известные ученые и опытные врачи, под чье начало попали интерны. Затем руководители интернов разошлись по одиннадцати кафедрам, и каждая посвятила два дня занятиям с ними. Интересные лекции профессоров, обширная библиотека, лаборатории, новая аппаратура — все было к услугам тех, кто взял на себя нелегкую задачу подготовки специалистов.

И декадник, и совещания методических комиссий, и выезды на места — большие, масштабные мероприятия. Но вуз не отмахивается и от незначительных, казалось бы, мелочей. Взять хотя бы кафедру госпитальной

терапии. Доцент В. Сафронова еще в начале года обратила внимание, что двух выпускников, в будущем врачей скорой помощи, послали в интернатуру харьковской больницы №37, где очень мало дежурств по «скорой». Вера Ивановна договорилась о переводе молодых врачей в клинику кафедры, где лечатся больные инфарктом. В Луганске она вынуждена была менять базы, в Хмельницке — руководителей. Из Литвы кафедра получила новую книгу о лечении инфарктов миокарда. Ее перепечатали на гектографе и выслали тем, кто проходит интернатуру по терапии.

Еще один хороший принцип у харьковчан: сначала испробуй, потом рекомендуй. Кафедры госпитальной хирургии, терапии, педиатрии, акушерства и гинекологии составили для интернов Харьковской области специальные планы лекций. Были сомнения, пойдут ли вчерашние студенты опять слушать лекции. Убедительный ответ — переполненные аудитории. Только теперь молодые врачи почувствовали, как много им еще надо узнать. Опыт показал, что такая форма работы очень продуктивна.

Итак, харьковчане голосуют за интернатуру. Конечно, им бы хотелось, чтобы круг областей, куда едут выпускники-интерны, был несколько уже (такое указание было и в одном из приказов Министерства здравоохранения СССР). Несмотря на это, у харьковчан в нынешнем году будет не 13, а... 16 областей: Министерство здравоохранения УССР прибавило им три такие сравнительно дальние области, как Донецкая, Днепропетровская, Винницкая. Встает вопрос о необходимости добавить штаты хотя бы основным кафедрам либо как-то компенсировать работу сотрудников в связи с перегрузкой. В институте с воодушевлением встретили весть о субординатуре на шестом курсе: теперь вся система подготовки врачей приобретает логическую законченность.

А что говорят руководители здравоохранения? Послушаем заведующую сектором кадров Харьковского областного отдела здравоохранения С. Доронину:

– Сначала мы пришли в отчаяние: рассчитывали, что 104 врача придут работать в районы, а на деле не получили ни одного: все пошли в интернатуру. А теперь перетерпели год и поняли: ведь настоящих специалистов получим!

Верится, что интернатура войдет полноправным хозяином в медицинские вузы страны.

С.С. ОСТРОПОЛЕЦ**ВОСПОМИНАНИЯ
О ПРОФЕССОРЕ
ВЛАДИМИРЕ
АЛЕКСАНДРОВИЧЕ
БЕЛОУСОВЕ**

Впервые я увидел Владимира Александровича Белоусова в студенческие годы, когда наша первая группа пришла на кафедру, возглавляемую им. В то далекое время (середина прошлого столетия) неукоснительно соблюдалось неписанное правило, заключавшееся в том, что первую группу на всех курсах вели доценты. Благодаря этому нашим преподавателем на кафедре педиатрии стала доцент Л.Н. Кулик — правая рука Владимира Александровича. Она была прекрасным педагогом, врачом и исполнителем, имела довольно жесткий характер и вместе с заведующей клиникой Т. Чугуновой «вершила и правила», проводя в жизнь указания и требования В.А. Белоусова, и неуклонно контролировала их выполнение.

Так случилось, что ночью накануне нашего прихода в клинику скончался мальчик, страдавший тяжелым ревматическим процессом. Перед направлением истории болезни в прозектуру Владимир Александрович в своем кабинете вместе с Лидией Николаевной проводил обсуждение окончательного диагноза, на котором присутствовали и мы как группа доцента Л.Н. Кулик. В процессе обсуждения Владимир Александрович определил характер и локализацию патологических изменений в сердце и других органах. Через 2–3 часа мы отправились в прозектуру и на вскрытии все, о чем говорили при обсуждении, вплоть до инфаркта селезенки, было обнаружено. Для меня это было потрясением, демонстрацией возможностей клинического мышления.

После этого я, активно посещавший хирургический кружок, работавший на кафедре профессора М.М. Левина, охладел к хирургии и задался целью стать педиатром. На кафедре для этого были все условия. При подготовке врачей клиническое направление было доминирующим. Все лекции, читаемые В.А. Белоусовым, основывались на анализе клинического материала больных с привлечением новейших данных, касающихся излагаемого заболевания. На глазах слушателей обосновывался и формулировался диагноз с последующим детальным обсуждением необходимой терапии.

Наиболее актуальным патологическим процессам посвящались несколько лекций. Так, распространенному в то время ревматизму

Владимир Александрович посвятил шесть лекций. Являясь великолепным клиницистом, он обращал особенное внимание студентов и врачей на важность детального сбора анамнеза и тщательность проведения непосредственного исследования и сопоставления его результатов с параклиническими данными. Мне очень повезло, что на протяжении учебы в аспирантуре в течение трех лет я ассистировал Владимиру Александровичу на консультационных приемах. Это была потрясающая клиническая школа. Консультировал он еженедельно по пятницам. Запись на консультацию проводилась предварительно до шести человек. Если обращалось большее количество, то запись производилась на следующую пятницу, и т. д. На дом к детям В.А. Белоусов обычно не выезжал.

Консультируя больных, Владимир Александрович никогда не торопился, самым детальным образом выясняя особенность возникновения и развития заболевания. Он очень легко входил в контакт с ребенком, что делало непосредственное исследование максимально информативным. Объяснение необходимости лечебных мероприятий он проводил, учитывая особенности и культурный уровень родителей.

При обучении аспирантов Владимир Александрович считал основным их клиническую подготовку и в меньшей степени — выполнение кандидатской диссертации. Обучение аспиранта на кафедре начиналось с направления его в самое трудное отделение — детей грудного возраста, где он должен был работать 2–3 месяца под недремлющими очами Л.Н. Кулик и Т. Чугуновой. Если аспирант успешно проходил это «чистилище», об этом докладывалось Владимиру Александровичу, и он давал тему для кандидатской диссертации.

Представляя больного на обходе, куратор должен был в совершенстве знать о нем все и не пользоваться историей болезни. Да он и не мог ее использовать, так как обычно, начиная докладывать, передавал ее профессору. Сотрудники, которые перед обходом не успевали посмотреть курируемых больных, не допускались к обходу или удалялись, если это выяснялось в процессе его проведения. Обходы Владимира Александровича отмечались необыкновенной глубиной разбора и обсуждения. Непременным условием ведения больных являлся научный подход к оценке терапии, и в особенности эффективности новых препаратов (глюкокортикоидов и др.). Их назначение проводилось с ведома профессора, а при его отсутствии — Л.Н. Кулик. Особенное внимание в клинике Владимира Александровича обращалось на освоение студентами практических навыков, в том числе таких, как люмбальная пункция и др.

Научные исследования В.А. Белоусова и руководимого им коллектива были всегда актуальны и касались вопросов ранней диагностики заболеваний у детей, диагностики и терапии туберкулеза, и в том числе туберкулезного менингита, ревматизма, неревматических заболеваний сердечно-сосудистой системы и др. Выполнение научных исследований являлось непременным условием работы на кафедре. Сотрудникам предоставлялась самостоятельность, осуществлялся контроль. Так, во время

аспірантуры Владимир Александрович 1–2 раза в учебном году спрашивал у меня, как идет выполнение диссертации и не нуждаюсь ли я в помощи. Если да, то помощь оказывалась немедленно. Ежегодно ученики Владимира Александровича защищали диссертации. Существовала специальная указка, которая выдавалась соискателю на время защиты диссертации, а после защиты на указке появлялась фамилия новоиспеченного кандидата или доктора наук.

Профессор В.А. Белоусов тесно контактировал с ведущими педиатрами Советского Союза, которые приезжали на научные конференции, заседания Харьковского областного научного общества, председателем которого он был. Именно в его клинике я и познакомился с академиками А. Туром, В. Таболиным, Ю. Вельтищевым, многими другими педиатрами. Являясь прекрасным организатором, Владимир Александрович был очень собранным и пунктуальным человеком. Все мероприятия начинались в строго указанное время, он не терпел задержек и опозданий. Порядок в клинике был идеальным. И это при том, что Владимир Александрович очень редко повышал голос. Я только один раз слышал, как он бурно выражал свое негодование, когда аппарат, которого он добился для своей клиники, взял другой заведующий кафедрой. Он тут же позвонил — и аппарат был возвращен похитителями в клинику.

Владимир Александрович не имел обыкновения расхваливать сотрудников и часто выражал свое удовлетворение жестами и мимикой. Как-то я, молодой врач, аспирант второго года обучения, набравшись храбрости, неожиданно для себя выступил на заседании областного общества педиатров в обсуждении доклада, сделанного сотрудником другой педиатрической кафедры, обратив внимание на ряд спорных положений, что вызвало оживление в аудитории. После, в перерыве заседания, когда я с сохраняющейся тахикардией стоял, опершись о стенку, и думал о том, правильно ли я сделал или нет, Владимир Александрович, проходя мимо, остановился на мгновение около меня, улыбнулся, с видимым удовольствием затянулся папиросой (его любимые папиросы были «Наша марка») и пошел дальше. Я понял, что он мой поступок одобряет.

При всей своей сдержанности и в определенной степени закрытости Владимир Александрович был доступным и доброжелательным человеком. Ему не были присущи подчеркивание своих заслуг, чванливость, стремление к обогащению. Между тем это был член-корреспондент АМН СССР, заслуженный деятель науки. Все эти звания отсутствовали на табличке двери его кабинета в клинике, пользовался он ими только в случае крайней необходимости. Так, один лишь раз, когда возникла необходимость получить разрешение облздравотдела на взятие у детей для исследования крови из вены, Владимир Александрович велел мне при подготовке соответствующего заявления указать в подписи все его звания, сказав, что в этой ситуации без них не обойтись.

Его кабинет в клинике и дома был весьма скромных размеров. В домашнем меня поразило большое количество книг. В 1954 или 1955 году,

когда «партией и правительством» было предложено профессорам подарить свои дачи детским учреждениям, это вызвало у ряда профессоров Харьковского мединститута большие волнения. Доцент Е. Мерцалова, стоя в окружении сотрудников клиники, сказала: «Теперь я понимаю Владимира Александровича, который никогда не стремился приобрести дачу». В действительности же Владимир Александрович даче, машине и другим атрибутам престижности не придавал значения. Истинный интеллигент, широко образованный человек, посвятивший себя педиатрии, он не разменивался на вещи, не имеющие отношения к его основному занятию. Он обладал прекрасной образной речью, был коммуникабелен, и я хорошо помню, как он потряс всех на банкете, устроенном после защиты мной диссертации, протанцевав несколько па лезгинки.

Как драгоценность, я храню его «Учебник детских болезней» с дорогой для меня надписью «Дорогому Савелию Савельевичу — новоиспеченному кандидату наук на добрую память от автора. В. Белоусов. 14.01.64 г.» Каждое утро, заходя в клинику в свой кабинет, я смотрю на портрет моего дорогого учителя Владимира Александровича Белоусова с чувством огромного уважения и великой благодарности.

О. БЕЛҀЙ

ЇХ ЗБРОЯ — СКАЛЬПЕЛЬ

Звідси, з хірургічного відділення 27-ї клінічної лікарні — бази кафедри хірургічної пропедевтики Харківського медичного інституту, очолюваної доцентом Г.І. Дуденком, вийшли вже три монографії, присвячені питанням оперативного лікування захворювань шлунка. Тут розроблені і стали надбанням усіх хірургів республіки два нових методи — видалення задньої стінки дванадцятипалої кишки при пенетрації виразки та резекція шлунка з пластичною заміною видаленої частини напівпересічною петлею тонкої кишки.

— У хірургічному відділенні лікарні, — розповідає заступник головного лікаря Т.К. Беланова, — все робиться для того, щоб оперативне втручання було найрадикальнішим, дало бажані результати. Та якщо вже операція зроблена, успіх її залежить ще й від того, як продовжуватиметься лікування хворого після операції. Саме цьому присвятив свої пошуки доцент Г.І. Дуденко. Він працює над схемою проведення корегуючої терапії різних порушень функціонального стану органів та обміну речовин у різні терміни після операції. Це тема його докторської дисертації. Аспірант кафедри Є.Д. Хворостов, асистенти В.М. Зибін та Н.І. Швайченко працюють над шляхами удосконалення методики лікування разом із завідувачем відділення Л.Ф. Шестопаловою, лікарями-ординаторами хірургічного відділення лікарні І.Є. Малафєєвим, О.Є. Писаним, лікарем Л.В. Корчевською.

У цьому відділенні лікарі оволодівають новими методами оперативного втручання, розробленими їх колегами з кафедри медінституту.

Операційна палата відділення вражає своїм найновішим обладнанням: анестезіологічною апаратурою, пристроєм для об'ємного дихання РО-2, є тут і стіл з рентгенівською установкою для субопераційного рентгенодослідження позаниркових жовчних шляхів, нирок, магістральних судин. Тут створені всі можливості для найскладніших операцій, серед яких є й втручання з повним або частковим перетином блукаючого нерва, операції, направлені на збереження відповідних органів, і операції на артеріях, позаниркових жовчних шляхах...

Щоденно, рівно о 8:30 починається трудовий день хірургів. Сьогодні одним із них — оперувати, другим — приймати хворих, третім — виїжджати до підшефних на завод ім. Дзержинського, до авіабудівників, на фабрику ім. Фрунзе, до трудівників Краснокутського району. Рівно о 8:30 починається чергова атака на хвороби.

Газета «Вечірній Харків», 25.12.1972

Ю. ХОМИЧ

СУБОРДИНАТУРА

Недавно в соответствии с рекомендациями Всесоюзного совещания по высшему медицинскому образованию в Харькове состоялась Всесоюзная учебно-методическая конференция по вопросу первичной специализации (субординатуры) на VI курсе в медицинских институтах. В работе конференции приняли участие представители министерств здравоохранения союзных республик, медицинских институтов и университетов, имеющих в своем составе медицинские факультеты, и др. Решение о введении в стране с 1969 года широкой системы первичной двухгодичной специализации врачебных кадров, состоящей из профилизации студентов лечебных и педиатрических факультетов в течение VI курса обучения в институте (субординатуры) и последующей постдипломной первичной специализации врачей-выпускников указанных факультетов на местных базах практического здравоохранения (интернатуры), явилось началом проводимой в настоящее время реформы высшей медицинской школы. Целью всесоюзной конференции являлись широкое обобщение опыта организации новой формы подготовки врачебных кадров и выработка основных положений единого методического принципа пред- и постдипломной специализации.

Работа конференции проходила на клинических базах Харьковского медицинского института, который одним из первых вузов в стране перешел на систему субординатуры. В докладе начальника Главного управления учебных заведений Министерства здравоохранения СССР члена-

корреспондента АМН СССР Ю. Исакова проанализирована деятельность медицинских вузов страны по введению субординатуры, освещен положительный опыт работы ряда вузов, отмечены недостатки в этой работе и указаны пути совершенствования учебного процесса на VI курсе лечебных и педиатрических факультетов.

Докладчик подчеркнул, что субординатура — начальный этап первичной специализации. Важными задачами его являются развитие у студентов клинического мышления и умение обобщать и анализировать полученные данные, приобретение практических навыков по оказанию квалифицированной медицинской помощи и углубление теоретических знаний по одному из основных клинических профилей, что успешно может быть достигнуто только при условии непрерывной работы студентов в клинике на протяжении всего учебного года.

Большое значение для уровня подготовки будущих специалистов имеет правильный подбор базовых клинических учреждений. Ими должны быть крупные клинические стационары и поликлиники, имеющие необходимые специализированные отделения, кабинеты и лаборатории, новейшую аппаратуру и оборудование. Организацию учебной работы надо строить на научно обоснованном планировании, на разумном использовании бюджета времени студентов и преподавателей, на постоянном совершенствовании научно-методической работы и применении технических средств обучения.

Важнейшим условием дальнейшего совершенствования подготовки врачей является строгое соблюдение принципа госпитального преподавания с интегрированием программ IV, V, VI курсов и координированием преподавания в субординатуре с последующей постдипломной первичной специализацией в интернатуре. Рабочий день субординатора в клинике должен быть такой же продолжительности, как и у врача данной специальности. Первая половина дня отводится на курирование больных (клинические и параклинические методы исследования, назначения и т. д.), вторая — на лекции, семинары, конференции и другие виды учебной работы.

Для подготовки квалифицированного врача необходимы знания по ряду смежных специальностей. Однако овладение ими в субординатуре не должно нарушать непрерывности работы субординаторов по основной специальности. Одним из важнейших разделов первичной специализации в субординатуре является обучение студентов поликлиническому делу. Это обеспечивает хорошие знания вопросов внебольничной помощи, экспертизы временной нетрудоспособности и реабилитации, ранней диагностики и проведения профилактических и противоэпидемических мероприятий по карантинным, особо опасным, кишечным и респираторным инфекциям.

Следует обратить внимание на то, что субординатура — период завершения воспитания врача. И педагогический процесс должен быть построен таким образом, чтобы молодой специалист мог глубоко разбираться

в закономерностях общественного развития, приобрел широкий кругозор и умел осмысленно решать практические задачи здравоохранения, правильно реагировать на все трудности, которые возникают в деятельности врача.

Основная работа конференции проводилась на заседаниях пяти секций: терапии, хирургии, акушерства и гинекологии, педиатрии с детскими инфекциями, детской хирургии. На секционных заседаниях научно-педагогические работники клинических кафедр медицинских вузов ознакомились с организацией учебного процесса на VI курсе Харьковского медицинского института, обменялись опытом проведения первичной специализации и выработали конкретные предложения по дальнейшему улучшению форм и методов работы с субординаторами. Широкому и детальному обсуждению в секциях подверглись методика и организация работы субординаторов в стационаре и поликлинике, методическая работа кафедр на VI курсе, методика проведения государственных экзаменов с учетом дифференциации первичной специализации на VI курсе, вопросы обеспечения непрерывности двухгодичной специализации (субординатура + интернатура), а также формы и методы воспитательной работы с субординаторами, вопросы деонтологии.

Конференция рекомендовала основной задачей первичной специализации в субординатуре считать приобретение студентами практических навыков по специальности, дифференциальной диагностике и по оказанию экстренной терапевтической, хирургической, урологической и гинекологической помощи в сочетании с углублением теоретических знаний. Основными методическими принципами организации работы в субординатуре конференции считает прежде всего ежедневную самостоятельную практическую работу субординаторов в клинике, участие в обходах профессора или доцента, дежурства в стационаре и на станции скорой медицинской помощи города не менее трех раз в месяц, ежедневные клинические разборы курируемых больных или специальных больных по темам, еженедельное проведение теоретических семинаров с подведением итогов клинических наблюдений и обсуждением литературных обзоров, а также клинических конференций по сложным для диагностики заболеваниям.

Конференция обратила внимание на необходимость проводить субординатуру только по основным клиническим профилям и обязательно соблюдать соответствие ее профиля характеру специализации в интернатуре. Заместитель министра здравоохранения СССР Д. Венедиктов в своем выступлении подчеркнул большую роль повседневной трудной работы по формированию врача, которая в условиях проводимой реформы высшей медицинской школы приобретает важное государственное значение. Советское общество предъявляет высокие требования к качеству подготовки врачебных кадров, ставя тем самым перед работниками высшей медицинской школы большие задачи.

А. МАКОГОНОВ

П'ЯТДЕСЯТ РОКІВ МОЛОДОСТІ

Буває так, що позаздриш і старості. Власне, не старості, не схиліві років, а їх вершині, коли за плечима в людини цікаве й чесне життя, і воно триває, не припинилось, не застигло попри, здавалося б, неблаганну дію часу. Таких людей я побачив одразу тридцять — в аудиторії імені академіка Палладіна в Харківському медичному інституті, де зібралися його випускники 1922 року. Підрахуйте: 72–22 — рівно п'ятдесят. Цього дня у них був золотий ювілей, ювілей «червоного випуску»: всі вони прийшли на студентську лаву в рік народження Радянської влади і покинули її в рік народження Радянської держави. Тож і невеличкий саморобний плакат, прикріплений до стіни доцентом Я.Д. Сахновським (всі його називали, як і в далекі студентські роки, просто Янеком), «Нам — 50!» ніби символізував єдність долі держави і долі людських.

Зібралось тридцять. Дехто не зміг приїхати через хворобу, через невідкладні справи. Багатьох немає, тому що «червоний випуск» йшов через битви й незгоди, йшов прямо і безкомпромісно, втрачаючи на шляху дорогих своїх товаришів, своїх співкурсників. У 1917-му, розповідає професор І.М. Хлебніков, у місто ввірвався сипний тиф. Студенти вийшли на боротьбу з ним. Організували госпіталі, працювали в них, цілими добами чергуючи біля хворих. Тиф не обминав і медиків. Не стало Петра Івановича Шатілова — чудового вченого, вчителя, друга... Скільки їх залишилось на полях битв, у сипнотифозних бараках, скільки випускників 1922 року віддали своє життя заради життя інших! «Червоний випуск» прийшов до свого п'ятдесятиріччя зі значними втратами, але й зараз це монолітний загін людей-трудоарів, людей, потрібних суспільству, необхідних йому.

Буває так — курс пишається своїм кращим представником. Тут же всі пишуться один одним. Так, і всесвітньовідомим вченим І. Грищенком, і сільським лікарем О. Долинською, і хірургом невідкладної допомоги Г. Істоміним, і багатьма-багатьма іншими. В інститутському музеї під склом — шматочки металу, сплющені, зігнуті кулі. Це один із найпочесніших військових «трофеїв» професора Івана Івановича Грищенка — фашистські кулі і осколки, що загрожували життю радянських бійців. А скільки їх на рахунку військових лікарів Г. Істоміна і О. Долинської. Тісно у стінах музею. Спробуйте втиснути на його стелажі життєвий і, здавалось, такий буденний подвиг лікаря Олександри Долинської. Після війни приїхала вона в полтавське село Бригадирівку. Зруйнована амбулаторія, лікарні не було. Лікареві довелось стати і господарником, і адміністратором. Завдяки її енергійності в Бригадирівці була збудована чудова лікарня.

Я, коли називав тих, ким пишається «червоний випуск», назвав трьох, а далі — «та інші». Справа в тому, що розміри газетної статті не дають

змоги навіть перелічити всіх, про кого слід і треба написати. Виступала Т.І. Співак: «Ми зібрались тут, щоб побачити один одного. Я не можу бачити вас, але як я рада, що чую рідні ваші голоси». У залі хвилювання, і водночас на обличчях людей гордість за цю маленьку сиву жінку у темних окулярах: «От яка вона, наша Танечка Співак, приїхала на зустріч попри всі обставини». Виступав професор І. Вельвовський. Дотепно, ерудовано, блискуче. У залі захоплення, сміх і раптом вигук: «Подумайте, він зовсім не змінився, Вельвовський залишається Вельвовським».

Звичайно ж, усі вони здорово змінилися. Зовні. Сиві й лисі, огрядні й сухорляві. Але, що помітно, несуть вони в серцях свою неспокійну молодість, запал свій, чистоту юначих помислів і устремлінь. Я спостерігав за ними і бачив їх зовсім молодими. От Грищенко — староста курсу, заспівувач на студентських вечірках, незаперечний авторитет і порадник. Хлебніков — інтелігентний, чуйний, в голосі й досі — юнацька пристрась. Істомін — кремезний, фізично дужий, свійський, таких у колективі поважають і люблять. «Наш Піддубний», — говорять про нього співкурсники й зараз. Сахновський — улюбленець курсу. Делікатний, чутливий, він ніби випромінює людську доброту. Сахновський заспівав «Гаудеамус» — старовинний студентський гімн. Його підтримали, і дзвінка урочиста мідь латині заповнила зал, поселила в серці почуття незвичайні — синтез радості і гордості, тривожний щем згадок і світлу хоральну вись майбуття.

Я довго думав, як назвати ці нотатки. Хотілося і в заголовку відобразити головне: неспокій, що не дає людям старіти, ту їх ідейну наснагу, з якою йшли вони крок у крок з країною, якій нинішнього року теж — 50. Хай буде так — «50 років молодості».

**Н.Г. БОГДАШКИН
В.И. ГРИЩЕНКО**

**ИВАН
ИВАНОВИЧ
ГРИЩЕНКО**

Достойно прожитий період в зрелості — самая действенная, результативная пора жизни. Создана школа, взлелеяны и выращены достойные ученики, продолжатели дела, на которое ушли годы и годы титанического труда. Только так может себя увековечить человек в памяти потомков.

Заслуженный деятель науки Украины, профессор Иван Иванович

Грищенко признан одним из лучших, ведущих ученых в области акушерства и гинекологии. Его работы всегда были пионерскими. Пожалуй, вся жизнь протекала бурно и насыщенно, не была упущена ни одна мелочь. Родился он в крестьянской семье, где учение всегда ценилось как показатель чего-то высокого, и эта закалка, стремление постигать и достигать всего упорным трудом дали о себе знать с самого начала сознательной жизни. Гимназию он закончил с золотой медалью. Один из всех учеников по собственному желанию изучал греческий язык.

Поступление в Харьковский медицинский институт, где все годы он был старостой курса, и окончание его с отличием подтвердили неиссякаемое желание осваивать тайны человеческого организма. После окончания института И.И. Грищенко оставили в клинической ординатуре на кафедре акушерства и гинекологии, где впоследствии он стал работать ассистентом, доцентом, а потом — заведующим кафедрой. В бытность молодым ассистентом он просто жил в клинике, круглосуточно оказывая медицинскую помощь. Будучи уже доктором наук, в первые дни войны был мобилизован в армию и работал ведущим хирургом эвакогоспиталя почти всю войну. По возвращении в 1944 г. в Харьков занялся восстановлением клиники и кафедры акушерства и гинекологии медицинского института.

Кажется, что все стремительно, гладко и быстро сложилось в его судьбе. Но ведь за всем этим стоит огромный труд, сравнимый с очищением Авгиевых конюшен, потому что в нем сочетались как профессионализм, так и воспитание в себе и других высокого понимания того, что делаешь, высочайшее чувство долга. На работу Иван Иванович всегда приходил рано. До утренних врачебных «планерок» с 8 часов утра принимал больных. Он был признан поистине «народным профессором». Эта традиция прочно вошла в жизнь клиники, утренние врачебные планерки для всех стали школой учебы и воспитания.

Помимо сугубо практической работы, Иван Иванович большое внимание уделял науке. Одним из первых на Украине начал изучать изоантигенную несовместимость крови матери и плода. Впервые в нашей стране им применен метод внутриутробной диагностики гемолитической болезни путем спектрофотометрического исследования околоплодных вод, полученных при амниоцентезе.

И.И. Грищенко отличали требовательность и принципиальность, огромная душевная доброта, чуткость и доброжелательность. Он прекрасно разбирался в людях, обладал даром предвидения, блестящей интуицией, острой наблюдательностью, конкретностью мышления и способностью к научному и клиническому анализу. Его заслуженно называли «патриархом» украинских акушеров-гинекологов. Иван Иванович с самых первых дней работы молодых специалистов учил их вниманию ко всем мелочам, умению глубоко разбираться в тонкостях, не пренебрегая пусть длительным, детальным разбором проблемы. А затем спрашивал строго, уделяя внимание каким-то мелочам, однако потом оказывалось, что на них строится самое главное. Он постоянно передавал свои знания, клинический

опыт и мастерство молодым врачам, старался привить им трудолюбие и любовь к избранной специальности. Его лекции и семинарские занятия были насыщены интересными историческими и медицинскими фактами, данными собственных наблюдений, демонстрацией больных.

И.И. Грищенко воспитал большую плеяду ученых, целую медицинскую школу. Своих учеников Иван Иванович часто выбирал на периферии. К молодым ученым он относился особенно требовательно, способствуя их профессиональному, научному и культурному развитию. Его ученики работают сейчас в нашей стране, за рубежом, во многих странах содружества.

Он очень любил жизнь, при неофициальных встречах с коллегами был душой общества, прекрасно пел, танцевал. Любил природу и родную землю, ходил пешком по туристическим маршрутам, много фотографировал. Всегда был одним из наиболее активных членов наших делегаций за рубежом, на международных акушерско-гинекологических конгрессах. На дачу по воскресеньям ходил пешком (20 км). Там он выращивал новые сорта фруктов и овощей, за что неоднократно награждался почетными дипломами.

В своей жизни Иван Иванович всегда придерживался трех принципов:

1. Быть хорошим клиницистом.
2. Свои идеи, наблюдения развивать в научных работах.
3. Понимать и уважать своих коллег, помогать им независимо от ранга.

Ученики и последователи Ивана Ивановича Грищенко чтут память своего учителя и заложенные им традиции.

КАРЛ ЗАНДЕР

УЗИ ІНТЕРНАЦІОНАЛЬНОЇ ДРУЖБИ

Влітку нинішнього року студенти-медики 4-го курсу Лейпцизького університету проходили виробничу практику в клініках Харківського медичного інституту. Довго і ретельно готувалися ми до поїздки в Радянський Союз, адже більшість із нас вперше виїжджала за межі своєї батьківщини. До того ж, ми їхали в країну, яка готується відзначити знаменну дату — півстолітній ювілей Союзу Радянських Соціалістичних Республік. Нам хотілося бути причетними до цього торжества вашого народу. Тому на честь 50-річчя СРСР та 25-річчя Товариства радянсько-німецької дружби ми зобов'язалися не лише показати хорошу підготовку із спеціальних предметів, але й якомога глибше ознайомитися з життям трудящих Країни Рад, з досягненнями народного господарства, з успіхами радянської медицини.

Уже в Києві ми відчули сердечність радянської гостинності. Багато цікавого побачили в столиці України. Разом зі студентами Харківського

медінституту, які поверталися з практики в Лейпцігу, ми оглядали новобудови Києва, його пам'ятки історії.

А ось і Харків, де нам належало провести не один день. Тут миознайомилися з історією медінституту, з роботою урологічної і терапевтичної клінік, науково-дослідного інституту ендокринології, травматологічного відділення 30-ї лікарні заводу «Серп і Молот», відділення для новонароджених 8-го пологового будинку. Ми були захоплені сучасними методами обстеження хворих, обладнанням нових клінік. Ми багато чому навчилися за порівняно короткий час. Хочеться висловити подяку лікарям, які приділяли нам багато уваги. Це професор В.І. Шаповал, доценти Е.К. Арнольдї, Ф.С. Ткачук, О.А. Нестеренко, П.Г. Дундук. Винятково дружня атмосфера супроводжувала нас всюди. Зустрічі з ученими, лікарями, медсестрами, студентами відбувалися у надзвичайно сердечній обстановці. Ми побачили визначні місця Харкова, відвідали його музеї, кінотеатри, концертні зали.

Велике враження справили на нас нові житлові комплекси, радгосп «Українка». Разом зі словацькими студентами-практикантами (місто Мартіна ЧССР) ми побували в Полтаві, у селі Соколове поклали квіти на могилу тих, хто поліг у борні з фашизмом. Не забути і днів відпочинку, проведених у спортивному таборі на Дінці.

З почуттям подяки згадуємо ми співробітників медінституту, котрі були з нами протягом цілого місяця. Це декан у справах іноземних студентів Б.Є. Гречанин, голова комітету дружби Н.А. Біленька, викладачі Н.М. Бондаренко, С.В. Пугін, комсомольці Галя Фоміна, Саша Молодих, Іра Мелешкова.

Завершили ми свою поїздку дводенним перебуванням у Москві. Вулиці, парки, музеї й виставки цього прекрасного міста справили на нас незабутнє враження. А вершиною всього було відвідання музею безсмертного Леніна.

Ми повернулися у Лейпціг, збагачені новими знаннями, новими думками, новими почуттями. Ми віддамо всі сили боротьбі за мир в усьому світі, збереженню й зміцненню дружби між німецьким та радянським народами.

Газета «Вечірній Харків», 05.03.1972

В. САФРОНОВ

ВИСОКЕ МИСТЕЦТВО

У цій розповіді мова піде про лектора й пропагандиста наукових знань, завідуючого кафедрою біохімії Харківського медичного інституту, члена-кореспондента АН УРСР А.М. Утевського, як кращого популяризатора країни, якого у числі перших нагороджено заснованою недавно медаллю

імені Вавілова. Про високе мистецтво професора-популяризатора кореспонденту газети розповів голова правління Харківської обласної організації товариства «Знання», академік АН УРСР В.М. Нікітін.

Пропагандою знань передові вчені займалися здавна. На ґрунті уявлень своєї епохи вони пояснювали народним масам будову світу й закони природи. Наш видатний вчений К.А. Тімірязев ще за царизму широко пропагував науку. Його перу належить прекрасний цикл лекцій, поширений зараз у вигляді книги «Життя рослин». Не забута й перша народна енциклопедія, редактором якої був відомий учений академік АН УРСР, професор Харківського університету В.Я. Данилевський. А засновник товариства «Знання», президент АН СРСР, академік С.І. Вавілов! Різнобічний і глибокий учений, він вважав за необхідне об'єднати розвиток науки з пропагандою її досягнень.

Професор Харківського медінституту, завідувач кафедру біохімії А.М. Утевський — улюблений учень нашого славетного ученого О.В. Палладіна — патріарха радянської біохімічної науки. Любов до неї успадкував і А.М. Утевський. Він дуже рано був обраний в Академію наук України і ще з довоєнного часу проводив свої по-справжньому блискучі дослідження з функціонального обміну гормонів. На прикладі одного з них — адреналіну — він показав, що продукти його обміну, які вважалися непотрібними, насправді відіграють величезну роль у регулюванні життєвих процесів людини. Арону Михайловичу належить велика кількість наукових праць, зокрема, талановито написана монографія «Біохімія адреналіну».

Популяризація, як і будь-яка наука, має певні межі, за які вчений не може вийти, намагаючись неспеціалісту розкрити таємниці і розвиток науки. Але таких меж, здається, не існує для професора Утевського, якого будь-яка аудиторія слухає, затамувавши подих.

Майстерність, як відомо, не приходить сама собою. Арон Михайлович часто згадує один зі своїх ранніх виступів перед широкою аудиторією. Це були 1920-ті роки, коли агітбригада молодих харківських учених часто виїжджала у села. І от якось довелося йому виступати на науково-атеїстичну тему. Людей зібралось багато, молодий лектор, природно, хвилювався. У першому ряду сиділа немолода жінка, яка весь час хитала схвально головою, і лектор, бачачи, що його розуміють, ще більше натискав па красномовство. А після закінчення лекції жінка йому сказала «Спасибі, синку, що ти так добре нам пояснив, як Бог усе влаштував». От тоді-то, за його словами, він і зрозумів, що популяризатору необхідно знати не лише те, про що він говорить, але й кому, для чого це робиться.

Володимир Ілліч Ленін, надаючи великого значення популяризації, вважав, що завдання її — допомогти мислячій людині «працювати головою» і «йти далі самостійно». Саме цю мету ставить у своїх лекціях професор Утевський. Популяризуючи якусь проблему, він розкриває її перед слухачами так само вдумливо й глибоко, як про неї йдеться в науці. І в той же час пояснює її зрозуміло й дохідливо. Якось йому довелося розповідати мало підготовленій аудиторії про дослідження білків — основи життя.

Звернувшись до слухачів, він попросив назвати три найважливіші проблеми сучасного природознавства. Дві відразу були названі: вивчення атома і завоювання космосу. Суть третьої пояснив лектор: «Кожний знає, що білок яйця при варінні з прозорого, тягучого перетворюється на білу тугу масу. І вся сучасна фізика і хімія, які розщепили атомне ядро і забезпечили космічні польоти, не в змозі повернути білок у його попередній стан. А якби змогли — це було б найбільшим тріумфом науки».

Складна термінологія, плутана мова, вважає професор Утевський, ідуть, як правило, від неясності думки і лише створюють враження «науковості». Тоді ж, коли не можна обійтися без специфічних термінів, популяризатор повинен уміти пояснити їх походження. Наприклад, слово «холестерин», яке можна часто зустріти на сторінках численних публікацій у зв'язку з актуальною проблемою атеросклерозу. «Холе» грецькою мовою означає «жовч», а «стеріа» — усі знають стереокіно — означає щось випукле об'ємне. Значить, холестерин — це випуклі, об'ємні утворення, тобто камені. Але, щоб уміти популярно й дохідливо розповідати про складне, популяризатор має бути людиною глибокої, високої культури.

Такий А.М. Утевський. Він не лише знає сьогоденний день науки і тенденції її розвитку, але й прекрасно обізнаний з історією науки і людства в цілому. Свої лекції він буде на зв'язках минулого з сучасним, а це дає можливість вченому зазирнути у майбутнє науки, повести за собою аудиторію. Пошуку завжди притаманна романтика, а коли його проводить учений і бере з собою в дорогу своїх слухачів, — це вже цікава подорож у світ науки.

Справжня популяризація немислима без елементів художності. М. Горький твердив, що науково-популярна книга повинна говорити мовою образів, повинна бути художньою. У свої лекції Арон Михайлович постійно вплітає емоційні, образні нитки, робить це легко й невимушено. Цьому, певно, сприяє те, що свій життєвий шлях він починав з літературної діяльності. В університет поступив для того, щоб вивчити велику групу природничих наук, що мало допомогти йому, як вважав він, стати справжнім письменником. Він закінчив університет за 3 роки, але в літературу вже не повернувся. Його захопили так звані суміжні галузі в науці. Гострий розум майбутнього вченого побачив у них багато найцікавіших таємниць, відгадуванню яких присвятив життя.

Газета «Вечірній Харків» 15. 04. 1972

ОБРАЩЕНИЕ К ВРАЧАМ — ВЫПУСКНИКАМ ХМИ

Уважаемый товарищ!

Харьковский медицинский институт, в котором Вы получили свое медицинское образование, ставит вас в известность, что при институте организована комиссия по оказанию консультационной помощи врачам — выпускникам института.

В меру своих возможностей институт всегда готов оказать Вам помощь как по организационно-методическим, так и лечебно-профилактическим вопросам.

В случае Вашего желания институт может обеспечить Вас консультацией в отношении проведения научной работы.

Кроме того, институт особенно интересуется условиями Вашей работы и хотел бы знать, какие разделы по отдельным дисциплинам были недостаточно освещены во время Вашего обучения в институте.

Мы полагаем, что систематическая связь с нами будет полезна и Вам, и нам и ожидаем от Вас письма.

Наш адрес: г. Харьков, пр. Ленина, 4

Б.А. ЗАДОРЖНЫЙ, ректор института, доцент
И.И. ГРИЩЕНКО, председатель комиссии
по связям с выпускниками,
заслуженный деятель науки УССР, профессор

Г. МИХАЙЛОВ

КОЛИ НЕ ЗАЛИЩАЛОСЯ НАДІЇ

Їх було 160. Сто шістдесят різних за віком, професіями та звичками хворих людей. Через тяжкі запальні хвороби очей всім загрожувало страшне нещастя — сліпота. Вони зверталися до багатьох лікарів, відчували на собі дію різних ліків, роками чекали одужання, та воно не приходило. Але промінь надії засяяв саме тоді, коли на нього майже ніхто з цих ста шістдесяти вже не чекав.

— Вилікуємо! — вирішили професор М.О. Пеньков та його колеги з кафедри очних хвороб Харківського медичного інституту. Почалася копітка праця. Чудові й лікувальні засоби — кортикостероїди — вчені почали підводити безпосередньо до місця запалення. Щоб уявити собі цю складну справу, слід лише нагадати, що об'єктом лікування була не рука і не нога, а око — найчутливіший і найскладніший орган відчуттів, довжина інструментів — міліметри.

І люди одужали! До них майже повністю повернувся зір. Клініки очних хвороб Іванова, Донецька, Кузбаса і Полтави теж почали успішно користуватися харківським методом.

Не секрет, що око дуже страждає при травмах. На кафедрі першими в країні почали застосовувати метод зашивання дефектів райдужної оболонки, успіх якого ще раз підтвердить майбутній захист дисертації асистентом Володимиром Семенком.

На республіканському симпозіумі в Одесі, а також на конференції в Куйбишеві харків'яни розповіли про новий метод лікування злоякісних пухлин ока. Раніше в цьому випадку хірурги-окулісти робили енуклеацію, тобто повністю видаляли око. Зараз з'явилася можливість, видаляючи пухлину, залишати око — якщо не як орган зору, то з косметичною метою.

Медицина не має права на спокій. Цей вислів стародавніх лікарів повністю «прописаний» на кафедрі професора М.О. Пенькова. Особисто він має авторські свідоцтва на нові методи хірургічного лікування кришталика й слезовідводних проток. Співробітники кафедри уже готують за цими темами наукові праці.

Відмінно оснащені лабораторії клініки. Тут є діагностичний офтальмологічний комбайн, діагностичний ультразвук, своя операційна, власний віварій. Вчені почали користуватися навіть лазером. З'явилися оригінальні набори лінз, пінцети власної конструкції для видалення немагнітних предметів з ока. Півтора міліметри — такий розмір лез ножиць, зроблених на кафедрі для розсічення післяопераційних спайок.

Медики працюють у тісній співдружності з інженерами і науковцями технічних вузів, особливо з ХІРЕ, співробітники якого на допомогу лікарям зуміли поставити й телебачення.

Газета «Вечірній Харків», 03.02.1973

А.И. АРТЕМЕНКО

**ХОЧУ РАССКАЗАТЬ...
(ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ
ВОСПОМИНАНИЙ)**

...И вот мы опять в Харькове. Работаю на кафедре общей химии Харьковского мединститута. Заведует кафедрой мой бывший профессор по аналитической химии в ХГУ Леон Михайлович Андреасов. Это уважаемый

всеми профессор, любитель истории и... мотоциклов. До глубокой старости он ездит на мотоцикле еще дореволюционных времен. Добрый, внимательный, интеллигентный человек. Старый большевик. Агитатор и верный сын Октября.

Итак, все началось сначала. Но теперь я как ведущий преподаватель на кафедре преподаю органическую химию на трех факультетах: лечебном, педиатрическом, санитарно-гигиеническом. Одна лекция следует за другой: шесть часов лекций в один день! В остальные дни — лабораторные занятия.

С первых же дней работы в мединституте я понял еще одну важную вещь: университет есть университет, а мединститут — это уже другое. Будущим врачам органическую химию необходимо «давать» так, чтобы она принесла пользу в их работе. Другими словами, ее нужно тесно увязывать с профилем медицинского института. Химикам хорошо известно, что органическая химия — не ветвь, а высший раздел химической науки, а значит, моя дисциплина — наука о более высокой форме организации материи. И в этом ее отличительная особенность. Поэтому органическая химия тесно связана с биохимией, биологией, фармакологией и другими дисциплинами. Поэтому учить студентов-медиков органической химии нужно иначе, чем это делают в университетах.

Я начал заглядывать в учебники биохимии, фармакологии. Кстати, сейчас медикам читают не «голый» курс органической химии, а биоорганическую химию. Как видите, я прав. Теперь все стало на свои места.

Лекции по органической химии проходили в аудитории, которая находилась на кафедре нормальной анатомии. Заведовал этой кафедрой известный анатом — профессор Рафаил Давыдович Синельников. Когда-то он был учеником академика АН УССР Владимира Петровича Воробьева, который участвовал в бальзамировании тела В.И. Ленина. В.П. Воробьев — автор первого издания «Атласа анатомии человека» (в 5-ти томах). Профессор Р.Д. Синельников еще в 1941 году переработал этот «Атлас», а потом много раз переиздавал его, уже дополненный, фактически — новый колоссальный труд.

Р.Д. Синельников был интересным собеседником. Он рассказывал об анатомии человека как о самом мудром и совершенном «механизме», в котором все «части» не только «знают» свое дело, но и сказочным образом «понимают» друг друга. Ученый говорил: «Такое чудо могла создать природа в результате умного и длительного эволюционного движения в одном направлении — от простого к сложному, логически завершающему». Слушать его было не только интересно, но и поучительно. Первое время меня смущали покрытые простынями препарированные трупы, оставленные после предыдущих занятий по анатомии. Я как-то сказал об этом профессору, а в ответ услышал хорошо известную сентенцию, произнесенную с легкой усмешкой:

– Молодой человек, не бойтесь мертвых — бойтесь живых. Только последние могут причинить неприятность».

Однако он дал указание, чтобы перед моими лекциями трупы убирали...

Содержание моих лекций все больше увязывалось с медицинским профилем. Удивительного в этом нет: сегодняшние лекарственные препараты — на девяносто процентов органические вещества. Требования к лекциям в Харьковском мединституте были серьезные. Один, а то и два раза в семестр на мои лекции приходили стенографисты, дословно записывающие их содержание. Посещали лекторов и члены методкомиссии. Копию такой стенограммы берегу до сих пор.

Мы жили в ведомственном доме, в котором нам с женой и дочерью предоставили большую комнату, но без удобств. Ни кухни, ни туалета. В этом доме, который в шутку прозвали «маленьким домом больших специалистов», жили доценты и профессора мединститута. Вечером в длинном коридоре было шумно: одни приходили домой после работы, другие отправлялись на ночные дежурства в клиниках.

Наша кафедра располагалась на ул. Сумской, в самом начале площади Тевелева (ныне пл. Конституции — ред.). В лабораториях кафедры проводились только лабораторные занятия. Специальной лаборатории для научных исследований не было. Сотрудники кафедры занимались в основном учебной работой. Мне же не хотелось терять время. Мечтал продолжать научную работу, начатую в Ужгороде. Однако для этого нужно было многое. Конечно, некоторую лабораторную посуду и реактивы я привез с собой. Но этого было недостаточно. Поэтому я устроил «экскурсию» по химическим кафедрам некоторых институтов. Мне помогали, чем могли. Бывая в Москве, я обязательно посещал кафедру органической химии МГУ. Попрошайничал. Не помню случая, чтобы отказывали. Но во многом мне помогал мой родной университет. В дальнейшем, когда я стал уже заниматься органическим синтезом, мои коллеги из университета помогали анализировать синтезированные мною вещества. Оказывали помощь даже со спектральными исследованиями. Особенно хочу поблагодарить кандидата химических наук Юрия Николаевича Сурова — хорошего химика и замечательного поэта. Его сборник стихов «И если не теперь — когда?..» стал моей настольной книгой.

Но это было потом, а пока я оборудовал свою маленькую лабораторию. Мое учебное расписание было составлено так, что первый семестр был свободен, а занятия начинались только со второго. Конечно, это благоприятствовало продолжению научной работы. Стали появляться идеи, интересные мысли. Хотелось все это быстро реализовать. Но мешало главное: где работать? У меня была обычная комната, которая досталась мне от доцента В.И. Королевой. Но там не было даже лабораторного стола. А о вытяжном шкафу и говорить не приходилось. Каждый химик знает, что работать с органическими веществами без вытяжной системы — преступление! Опасно не только для себя, но и для окружающих. Но я решился. Стол «занял» на соседней кафедре, а на отсутствие вытяжного шкафа легкомысленно махнул рукой... Это было непростительной ошибкой. Начиная работу с гидроксамовыми кислотами

и их производными, я уже подписал себе приговор относительно здоровья. Работать постоянно приходилось с метанолом (!) и диоксаном (!). Эти вещества — сильные яды. Когда не было диоксана, я сам синтезировал его. Но мне однажды повезло: привез из МГУ почти литр! Итак, я начал работать в комнате, в которой по всем правилам техники безопасности нельзя работать. Я синтезировал ряд гидроксамовых кислот и их производных. Стремился получить ряд этих веществ, чтобы они отличались по строению. Только тогда можно будет с помощью спектральных и других методов выявить возможную закономерность. Для этого приходилось проводить сложные синтезы. Многие из этих синтезов сопровождались выделением ядовитых газообразных веществ. Поэтому, не имея вытяжной системы, приходилось работать зимой и летом с открытыми форточками. Часто ограничивался тем, что эти газообразные продукты направлял в форточку при помощи обычных каучуковых трубок. Сам же продолжал трудиться. Сотрудники нашей кафедры и других отделов, проходя мимо моей комнаты, возмущались. Мои просьбы, обращенные к администрации относительно вытяжки, оставались без внимания. Но я знал, что из-за меня никто не будет бить капитальные старинные стены, а тем более, как я узнал позднее, во дворе мединститута планировалось построить отдельное здание для многих кафедр и для кафедры общей химии. Уже работая в Белгороде, приезжая в Харьков, заходил на кафедру химии и видел прекрасные лабораторные помещения для студентов и для научных сотрудников. Но это было потом. Я же, работая в непригодном помещении, проводил даже реакции Гриньяра! Но ничто не проходит даром. Стали побаливать печень, желудок. Особенно одолевала простуда. Открытые окна в любое время года давали о себе знать. Но молодость есть молодость! Разве мы задумываемся о том, что ждет нас?

За время работы в мединституте мне удалось кое-что сделать. Получен тот систематический ряд веществ, о котором я мечтал. Забегая вперед, скажу: на этом материале я потом опубликовал первую свою статью по гидроксамовым кислотам в «Журнале органической химии». Беспокойло другое: нет приборов — даже спектрофотометра. Со всеми своими проблемами бегал в университет. Владимир Федорович Лаврушин относился ко мне как к своему сотруднику не только по привычке. Часто помогал советом и делом. Сейчас, когда его уже нет, я с большой благодарностью и с сыновней признательностью вспоминаю этого высокого, красивого, уже седого ученого и наставника. Думаю, что в моих чувствах к этому человеку я не одинок. Все, кто работал с ним и учился у него, всегда будут помнить его с благодарностью. Когда наступал второй семестр, я сворачивал свои исследования в моей «лаборатории». Всю учебную нагрузку приходилось выполнять за один семестр. Лекции, лабораторные занятия, консультации, экзамены... Если в Ужгороде я только начинал свою педагогическую деятельность, то в мединституте чувствовал себя вполне уверенно. Утомительным было только одно: однообразие, повторяемость,

напоминающие школьное обучение. Но я понимал, что даже такого малого количества часов по органической химии достаточно для перехода к другим, чисто медицинским дисциплинам. Я всякий раз подчеркивал, что органическая химия введена как обязательная дисциплина в медицинских институтах для того, чтобы помочь медицинской практике. Я говорил о тесной связи между такими дисциплинами, как органическая химия и биохимия. Установить четкую границу между этими дисциплинами довольно трудно. Преподавая биохимию, приходится повторять отдельные разделы органической химии: аминокислоты, углеводы, липиды, некоторые производные алифатических кислот и т. д. Порой это делается даже более подробно, чем в курсе органической химии, преподаваемой в медицинских вузах. Говорил студентам о том, что еще в 1822 году молодой врач Р. Гейманн получил степень доктора медицины за предоставленную им в Московскую медико-хирургическую академию диссертацию на тему «О пользе химии в медицине». Несколько позже, в 1836 году, этот доктор медицины стал первым в истории медицинского образования в России профессором органической химии на медицинском факультете Московского университета. Приводил и высказывание М.В. Ломоносова в 1751 году в трактате «Слово о пользе химии»: «Медик без довольного познания химии совершен быть не может». Я называл целый ряд видных врачей-химиков: Вюрц, Веллер, Витт, Траубе, Гмелин, Либрейх, Бородин и др. Обычно об этом говорил студентам, начиная читать им курс органической химии. Они меня хорошо понимали.

Харьковский медицинский институт в рейтинге медицинских вузов занимал довольно почетное место. Окончить его считалось и до сих пор считается престижным.

Хочу сказать несколько слов о студентах-медиках. Вспоминая то время, я бы назвал его «золотым». Еще будучи старшеклассниками, эти молодые люди уже знали, кем станут после окончания школы. Чаще всего они были продолжателями семейных династий врачей. С детства слышали разговоры родителей о больнице, больных, о самой гуманной профессии в мире. Они знали, куда идут учиться. Поэтому были хорошо подготовлены к учебе в медицинском вузе. С этими студентами было интересно говорить, общаться. Да, то было время, когда наше советское образование было образцом для многих стран мира. Я думал, что никогда не повторится это «золотое» время, но оно повторилось. Только в городе Белгороде в 1970-е и в самом начале 1980-х годов. Потом наступил упадок, приведший к образовательной катастрофе. Но об этом потом...

О. НАЗАРЕНКО**РАДЯТЬ МЕДИКИ**

Понад 30 провідних учених Харківського медичного інституту побувають під час днів науки на заводах і фабриках міста. Уже відбулася зустріч із велозаводцями, де кожну лекцію зустрінuto з великим інтересом.

Викладач кафедри суспільних наук К.М. Кононова прочитала лекцію «Історичне значення досвіду КІРС у вирішенні національного питання в СРСР». Професор В.Г. Почепцов провів бесіду з теми «Попередження інфаркту міокарда». Злободенне питання про шкідливість самолікування порушила доцент Л.Т. Киричок. Були й такі цікаві теми, як «Алкоголь і здоров'я», «Медицина та знахарство». Усього 11 лекторів-медиків побували цього дня на заводі.

Сьогодні друга група вчених зустрінеться з трудівницями «Червоної нитки». Професор Ю.Д. Шульга розповість їм про гіпертонічну хворобу, завідуючий кафедрою акушерства доцент М.Г. Богдашкін — про попередження та лікування захворювань жінок тощо.

Учені медінституту виступлять на підприємствах Дзержинського району.

Газета «Вечірній Харків», 12.04.1974

**И.В. ЛЕТИК
В.И. КРАВЧЕНКО**

**ЭТО БЫЛО,
и МЫ ЭТИМ
ГОРДИМСЯ**

Студенческое трудовое движение Харьковского национального медицинского университета имеет давнюю историю и традиции. Еще в 30-е годы прошлого столетия наши студенты, как и посланцы других вузов Харькова, участвовали в строительстве ХТЗ («Тракторострой»), своими руками строили общежитие по ул. Пушкинской, 106, восстанавливали после войны учебные корпуса, клиники, участвовали в проведении массовых медико-профилактических мероприятий.

Зародившееся в 1959 г. новое студенческое трудовое движение было активно поддержано вузами СССР и в 1963 г. Это направление комсомольской работы стало неотъемлемым, важнейшим в деятельности комитета комсомола ХМИ. Вот некоторые вехи стройотрядовской биографии комсомольской организации нашего университета.

1963 г. Стремление студентов принять активное участие в трудовой жизни советского народа находит свое отражение в самообслуживании общежитий и учебного корпуса, воскресниках, поездках на колхозные работы и на целину. И. Латогуз, И. Оленич, И. Абрамов, Н. Гладун и И. Черненко — вот наши добровольцы, герои целины, которые много сделали не только для здравоохранения, но и своими руками уложили не одну тысячу кирпичей в новостройки. Их имена занесены в летопись комсомола Казахстана и Украины.

Сотни комсомольцев во время летних каникул работали в колхозах и совхозах, на строительстве театра им. Шевченко и спорткомплекса стадиона «Пионер». Осенью около двух тысяч человек были направлены на работу в Балаклейский и Купянский районы.

1964 г. В этом году на целинные земли вместе со строительным отрядом выехал отряд медиков. В Карасусской районной больнице в качестве хирурга работал студент 4-го курса педиатрического факультета Петр Назаренко. Он возглавил хирургическое отделение больницы, без осложнений и летальных исходов провел 50 больших и малых операций.

Еще в марте началось формирование целинного отряда и отряда для Межколхозостроя Харьковской области. Целинный стройотряд насчитывал 44, второй — 50 человек. Целинным отрядом освоено 100 тысяч рублей. Введены в эксплуатацию все титульные объекты: двухэтажный восьмиквартирный дом, коровник на 300 голов скота, дополнительно — овощехранилище, автомастерские и др.

Отряд вел большую общественную работу: в совхозе был организован один из лучших в районе пионерлагерь «Спутник», медики читали лекции, проводили беседы, организовывали вечера отдыха. Командир отряда Сергей Недоступ и Шарди Ради Кутум (Ирак) награждены медалями «За освоение целинных и залежных земель».

Газета «За радянського лікаря» в статті «Богатирі духу» писала:

«Відбір був старанний: із кожної п'ятірки студентів Харківського медичного інституту, які подали заяви на цілину, поїхав тільки один. Тому, мабуть, не варто розповідати про те, як працює молодь. А чи можуть по-гано працювати такі хлопці, такі богатирі духу, як Антон Жук, Алім Поліщук, Петро Коломієць? Вони задають тон. Але й інші не відстають. Коли здає техніка, коли на будівельному майданчику нема струму чи псуються машини, — в бій вступають люди. Вони розуміють важливість своєї місії і володіють невичерпним запасом енергії. У загоні всі медики. Якщо виникне потреба, — майже кожний піде на виклик.

Ось коротенько і вся біографія загону. Як ілюстрацію можна додати лише кілька деталей із декількох зустрічей.

У великих дитячих оченятах недовір'я до чужих. Чотирирічний Толя Щипачов ще не розуміє, що вони врятували йому життя. Хлопчик пам'ятає одне: у білій кімнаті, де були ці дяді, йому було боляче...

Йому було боляче спочатку одну лише мить, коли рученькою доторкнувся до обірваного проводу. Потім... Потім Вітька із сусіднього двору, прибіг до студентів:

– Толю вдарило струмом.

Командир Сергій Недоступ і бригадир Алім Поліщук кинулися шукати машину. Купка людей, розгублених від безсилля допомогти. Яма, куди зарили хлопчика, «щоб електрика вийшла в землю», забиті землею вуха, ніс, ріт. Дві години упертої боротьби за життя. Зараз Толя ходить в дитячий садок, грається, часом заливається дзвінким сміхом. Лише коли побачить дядей з Харкова — в його очах з'являються сльози: Толя пригадує, що йому було боляче...

Про Павла Зіновійовича Черкашенка, директора радгоспу, хлопці розповідали дуже багато, і дуже просили «велику статтю» про нього написати: він найкращий помічник студентів. А сам Павло Зіновійович виявився небатослівним. Він людина справи. Своє ставлення до студентів директор висловив трьома шаблонними, але глибоко щирими словами: «Працюють, як чорти!». І додав, що буде просити Харківський медінститут і в наступному році прислати саме цій загін.

Ще одна зустріч. Зустріч з Шаді Раді Кутумом, хлопцем з Іраку. У Багдаді він теж часто бував на будівництві. Носильник, штукатур, каменярь: треба було допомагати батькові годувати сім'ю з десяти чоловік. А зараз Шаді теж буде.

– Скажи, Шаді, що примусило тебе знову згадати про свою професію — професію будівельника?

– Мені захотілось разом з радянською молоддю брати участь у великій справі освоєння землі, котра стала величезним резервом для Радянського Союзу. А значить, і для всіх прогресивних людей, які дивляться на Радянський Союз як на свою Батьківщину.

Я не жалкую, що приїхав. Мені б хотілось їздити сюди кожного року».

Отряды медиков нашего вуза были направлены и на выполнение медицинской работы. Трудовой вклад этих отрядов характеризует следующее. Около 50 тысяч целинников получили квалифицированную медицинскую помощь, около 5 тысяч механизаторов осмотрено. Проведена большая санитарная работа по контролю за водоснабжением населения (химические анализы источников), налажен систематический контроль за пищевыми объектами, привиты 3 тысячи детей.

Студенты-врачи пользовались большим авторитетом у местного населения за большой труд, глубокие знания, душевность и чуткость. «Наш доктор» — эти слова были и признанием, и самой большой благодарно-

стью. Медицинские отряды Урицкого и Боровского районов Кустанайской области были награждены Почетными знаменами, комсомольская организация института — медалью «За освоение целинных и залежных земель».

1966–1967 гг. На базе СНО в институте была создана студенческая амбулатория для обслуживания сельского населения Харьковской области, которая стала хорошей школой профессионального воспитания будущих врачей. Здесь студенты накопили значительный опыт по организации профосмотров, раннему выявлению патологии.

За 7 лет существования студенческой амбулатории (возглавлял ее работу и был ее научным консультантом профессор И.И. Грищенко) студенты выезжали в Шевченковский, Новодолажский, Дергачевский, Валковский, Богодуховский, Харьковский районы. В среднем обслуживалось более 5000 взрослых и детей, а за все время — 35 000 населения. Материал об этом под названием «Мы — медики» был опубликован в газете «Комсомольская правда» от 7 октября 1971 г.

В 1967 г. ЦК КПСС и СМ СССР приняли постановление по улучшению организации работы студенческих строительных отрядов (ССО), которым вводится в качестве обязательной медицинская служба, и комсомольская организация направляет 68 врачей для обслуживания ССО вузов города. Врачами ССО уже в первый трудовой семестр обслужено в стационаре 12 500 больных, 59 586 больным оказана неотложная и амбулаторная помощь, принято 265 родов, обследовано медико-санитарное состояние детских дошкольных учреждений и школ, обследованы 149 источников хозяйственно-питьевого водоснабжения, за которыми налажен контроль, заведены санитарные паспорта, осуществлено диспансерное наблюдение за всеми механизаторами и животноводами в колхозах и совхозах, где дислоцировались студенческие строительные отряды. Проведена огромная санитарно-просветительская работа среди населения. Это стало началом большого дела как по повышению безопасности и контроля за состоянием здоровья бойцов стройотрядов, так и по улучшению медицинского обслуживания населения. Этот огромный труд был высоко оценен — комсомол мединститута награжден почетным знаком ЦК ЛКСМУ и почетным Красным Знаменем Харьковского обкома комсомола.

В медицинском институте для обеспечения летнего трудового семестра родился факультет общественных профессий с отделениями журналистики, лекторов, которые в летний период проводят большую общественно-политическую работу среди населения. Бессменным руководителем его на протяжении многих лет являлся В.Л. Гавенко (ныне профессор кафедры психиатрии, наркологии и медицинской психологии ХНМУ).

С 1967 г. комсомолу мединститута поручены организация медицинского обслуживания и обеспечение санитарно-гигиенической безопасности ССО области: создается первичное звено — врачи и медсестры ССО, зональные и областные (при соответствующих штабах) медико-санитарные службы. Подготовку врачей сети медицинского обеспечения взяли

на себя комитет комсомола, студенческая амбулатория и студенческое научное общество. Результаты работы комсомола ХМИ в этом направлении были представлены на Всесоюзной конференции в 1968 г. в Томске и получили поддержку и положительную оценку ЦК ВЛКСМ, Минздрава Союза. Врачи наших отрядов получают звание «Лучший врач ССО» в Казахстане (Н. Сондар), «Лучший санпросветорганизатор» Казахского отряда (Н. Беденко, Н. Вовченко). Активно участвовали в формировании и работе студенческих отрядов и медицинской службы отрядов Н. Гордый, В. Макаренко, П. Пьянов, которые в дальнейшем работали главными врачами Харьковского областного штаба студенческих отрядов.

Ширилось движение ССО, расширялись и потребности в медицинском обслуживании. Теперь подготовка будущих врачей отрядов велась по специальной программе в течение всего учебного года. С 68 первых врачей число их возросло к середине 1980-х годов до 480 человек. Практически вся медицинская служба студенческих строительных отрядов области от линейных отрядов до областного штаба ССО обеспечивалась студентами, интернами и клинординаторами Харьковского медицинского института. За весь период существования ССО не было случаев невыполнения задач по контролю санитарного состояния стройотрядов или оказанию необходимой медицинской помощи их бойцам. Вот несколько обобщающих результатов. Летом 1970 г. медицинский отряд, сформированный из старшекурсников, обеспечивал медицинскую службу во всех строительных отрядах вузов Харькова. Только в Харьковской области было принято 2340 амбулаторных больных, подготовлено 219 санинструкторов, прочитано 332 санитарно-просветительские лекции, организовано 27 школ будущих матерей, 96 выставок и уголков здоровья, при 30 ССО были организованы пионерские лагеря «Спутник». В нашей памяти навсегда останутся те трудные и веселые, интересные и напряженные трудовые будни. Вот некоторые воспоминания наших стойотрядовцев.

Н.Г. Щербань — в 1970-х годах главный врач зональных штабов Тюменского и Северо-Западного (Харьковская область), ныне помощник проректора ХНМУ по научной работе, доктор медицинских наук, профессор: «Деятельности линейных стройотрядов предшествовала большая подготовительная работа по обеспечению охраны здоровья бойцов. После формирования состава зональных штабов областной штаб организовывал длительное многогранное комплексное обучение нашей деятельности в условиях, максимально приближенных к реальным. Эта работа проводилась совместно с каждым из линейных ССО нашей зоны с обязательным выездом на место дислокации отрядов.

Я, как главный врач зонального штаба изучал личные дела, знакомился, проводил семинары, тренинги и контроль знаний по гигиене и лечебной подготовке у всех 54 врачей линейных ССО Тюменского и 34 — Северо-Западного зональных штабов. На мне лежала огромная ответственность по организации и проведению противоэпидемической работы. Каждое место дислокации линейного ССО должно было быть образцом полуво-

енного полевого городка с автономным обслуживанием и соответствовать существующим в стране государственным требованиям санитарного законодательства к организации быта, питания, водоснабжения и др., обеспечивающих жизнедеятельность и здоровье бойцов ССО.

Организовывать и контролировать работу врачей было нелегко. Но нам с моим заместителем, прекрасным преподавателем, специалистом высочайшей квалификации в то время ассистентом, а сейчас доцентом кафедры общей гигиены В.В. Михеевым удалось выполнить все условия и требования в деятельности зонального штаба в Тюмени.

54 линейных ССО (около 1150 бойцов) дислоцировались на расстоянии 550 км по строящейся трассе в лесных массивах от станции Кагалымской до Нового Уренгоя. Добирались до стройотрядов только на вертолетах. В этих непростых, даже суровых условиях требования к санитарно-гигиеническим условиям выполнялись четко и без отступлений. И лучшей наградой для нас оставался дробный перестук топоров и задорный смех крепких и здоровых бойцов ССО».

О.В. Николаева — комиссар ССО «Голубая стрела» (1978 г.), боец интернационального отряда в ПНР (1979 г.), врач ССО «Славутич» (Кустанайская обл., Казахстан; 1980 г.), главный врач зонального штаба ССО «Дергачевский» (1982–1983 г.), ныне доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой патологической физиологии Харьковского национального медицинского университета: «В студенческие годы (1977–1983 гг.) я пять раз участвовала в работе ССО в качестве бойца, комиссара, врача отряда и врача зонального штаба. В те годы движение ССО у студенческой молодежи было очень популярно, участие в работе ССО — почетно и престижно, поэтому в желающих попасть в состав строительных отрядов не было недостатка, но не всем это удавалось. Мне повезло, и я об этом никогда не жалела, а сейчас с гордостью вспоминаю то интересное и незабываемое время.

Причины стремления студентов попасть в ССО, конечно, были разные. Для некоторых на первый план выступало желание заработать деньги, и это понятно, естественно и достойно уважения. Но для меня оно было второстепенным. Главное — романтика, новые знакомства, позитив общения со сверстниками в будни и праздники, возможность побывать в далеких краях, узнать что-то новое о жизни и набраться жизненного опыта.

В 1978 году я была комиссаром ССО педиатрического факультета ХМИ «Голубая стрела». Отряд состоял из 30 студентов 1-го и 2-го курсов. Мы работали проводниками летнего поезда №565–566 Харьков–Кустанай, Харьков–Караганда. Длительность поездок до Кустаная — четверо суток, до Караганды — 5 и столько же обратно до Харькова. Нам приходилось нелегко: вагоны — старые, титаны — неисправные, дефицит постельного белья — хронический, в некоторых рейсах поступали бесконечные сигналы о перегреве букс (как оказывалось, ложные — из-за неисправностей электропроводки). За разбитые стекла вагонов и пропажу посуды,

подушек, простыней нам начисляли штрафы. Какой уж тут заработок! К этому следует добавить постоянное напряжение при общении с уставшими и нервными пассажирами, бессонные ночи, неустроенный быт. Такова примерная картина трудовой жизни проводника. Все это я поняла во время своего первого студенческого трудового семестра. Но хныкать и жаловаться на трудности было некогда. Мы носили кипятик в ведрах через три вагона, чтобы напоить чаем своих пассажиров, ночами торчали с ними в коридоре, не имея информации о причинах остановки поезда (просто закрыт путь или станция, на которой пассажир должен выйти), всячески старались облегчить пассажирам тяготы длительной поездки. И компенсацией за нелегкий труд нам была не копеечная зарплата, а простые слова благодарности пассажиров за вкусный чай, заботу, доброе и уважительное отношение.

Трудовой семестр 1979 года я провела в составе интеротряда ХМИ в Польской Народной Республике. Отряд был сформирован из 20 студентов 2–4-х курсов: 3 студента педиатрического факультета, остальные — студенты I и II лечебных факультетов (6 девушек и 14 парней). Командиром отряда у нас был доцент кафедры госпитальной хирургии Валерий Иванович Щербаков. Благодарность к этому человеку мы храним в сердцах многие годы, потому что именно с Валерием Ивановичем мы чувствовали себя защищенными от всяких проблем и недоразумений. Только став преподавателем, я поняла, как непросто было с нами и как нелегко был груз ответственности за нас.

Трудовой семестр за пределами Советского Союза, конечно, имел свою специфику. Основными задачами интеротрядов были не укрепление экономики стран, в которые они выезжали, и не повышение личного благосостояния бойцов, а налаживание дружеских связей и сотрудничества между молодежью стран социалистического содружества на основе более близкого знакомства с их историей, традициями, культурой, особенностями образования. Этим запомнился мне трудовой семестр 1979 года, который наш отряд провел в Познани — городе-побратиме Харькова. Мы работали на нескольких объектах небольшого предприятия «Ремо-буд», осуществляя мелкие строительные работы, уборку и благоустройство помещений и территории. Трудились добросовестно, но в целом не были перегружены, активно общались со студентами Познанской медицинской академии, участвовали в мероприятиях и встречах, которые организовывались молодежными организациями г. Познани. В общем, старались добросовестно выполнить возложенную на нас миссию укрепления дружеских отношений со студенческой молодежью Польши.

Трудовой семестр 1980 года оказался для меня настоящим испытанием силы воли и выдержки. Я работала врачом ССО Харьковского политехнического института «Славутич», который выполнял строительные работы в зерносовхозе «Майский» Карасуского района Кустанайской области Казахской ССР. Трудностей было немало. Мне приходилось оказывать медицинскую помощь местному населению во время амбулаторного приема

в ФАПе и постоянно следит за здоровьем бойцов ССО. Конечно, больших проблем у ребят не было, но приходилось оказывать помощь при мелких травмах, острых респираторных заболеваниях, дисфункции кишечника, через которую прошли практически все — в связи с изменением водного режима и акклиматизацией. Поскольку на этом этапе я закончила всего 3 курса медицинского института, было сложно, но помог трехлетний опыт работы на «скорой помощи», поэтому серьезных проблем по медицинской части в отряде не было, и работа не останавливалась (тогда как в некоторых отрядах нашей зоны работа прекращалась в связи с объявлением карантина). Выполняя обязанности врача отряда, я одновременно работала поваром. А это тоже большой труд: двум девчонкам необходимо было обеспечить четырехразовое питание 36 молодых и сильных мужчин. В течение двух месяцев с 5 часов утра до глубокой ночи на ногах (иногда спать ложились далеко за полночь). В первые дни я так уставала, что периодически задавала себе вопрос, зачем я взялась за это дело. Но молодость, чувство долга и оптимизм брали свое. Период адаптации быстро прошел, и сейчас о трудностях первых дней работы в Казахстане остались только смутные воспоминания, а на всю жизнь запомнилась дружная и слаженная работа, взаимопомощь и поддержка друг друга в трудных ситуациях, вечерние посиделки с гитарой у костра, фестиваль студенческих отрядов, построенные дома для жителей поселка.

В 1982 и 1983 годах я работала главным врачом зонального штаба ССО «Дергачевский», сформированного под эгидой ХИМЭСХа. Зональный отряд включал отряды студентов и учащихся техникумов и училищ Харькова, выполнявших сельскохозяйственные работы в колхозах и совхозах области. Моей задачей был контроль санитарного состояния жилых помещений отрядов, качества питания, качества оказания медицинской помощи на местах и др.

Сейчас, вспоминая события 30-летней давности, я убеждена, что движение ССО было очень важным и полезным для становления молодых людей как граждан, специалистов и просто честных и порядочных людей. Мне кажется, что если бы это движение возродилось, нашлось бы немало студентов, которые с удовольствием приняли участие в работе студенческих строительных отрядов».

В.А. Коробчанский — боец ССО «Ритм» (1978 г.) врач интеротряда «Украина» (1980 г.), главный врач ССО Харьковской промзоны (1982 г.). ныне доктор медицинских наук, профессор, директор НИИ гигиены труда и профзаболеваний ХНМУ: «Студенческая молодость — уникальный период жизни. После школьной образовательной программы с ее вынужденной уравниловкой ты попадаешь в новую выбранную тобой образовательную среду, которая, пожалуй, впервые объединяет тебя с твоими сверстниками общим интересом и стремлением получить желанную профессию.

Но студенческая молодость — это не только и даже не столько учеба. Это первая настоящая любовь, крепкая дружба на всю жизнь, неоднократно проверенная взаимопомощью, взаимопониманием, взаимопрощением...

И особенно повезло моему поколению с совместным трудом в составе студенческих строительных отрядов.

В составе своего первого ССО с популярным в то время названием «Ритм» я работал на строительстве промышленного объекта в городе Барвенково Харьковской области. Отряд состоял из студентов моего курса, что было особенно важно для нашего дружеского сближения после двух лет совместной учебы в институте. Запомнилась бесконечная крыша под палящим солнцем, огнедышащая «битумка» и раскаленный рубероид. И мы, такие же раскаленные, загорелые, чумазые, полные энтузиазма, с терками на длинных ручках. Чистые черти в пекле. Но главное, конечно, начиналось после работы. «Организованному» контингенту предоставлялась долгожданная свобода перемещения и действий, которую каждый использовал в меру своих возможностей и интересов. «Гвоздями программы» были, конечно же, дискотека и кино. При этом, кроме ограничений дисциплинарных, основанных на уважении к руководству отряда, были ограничения и физиологические — усталость после тяжелой работы. Помню и другие яркие моменты, например, праздник Нептуна, когда можно было официально подурачиться, разрисовав тело гуашью и нарядившись в ветошь. Действо проходило на берегу реки при значительном стечении благодарных зрителей. Кстати, о пользе общения с местным населением. После такого общения некоторые выпускницы барвенковской школы решили связать свою жизнь с медициной, а в последующем стали супругами наших студентов.

Второй мой стройотрядовский эпизод связан со знаменательным 1980 годом. В этот олимпийский год я был направлен врачом в студенческий строительный отряд «Украина», который дислоцировался в городе Гагарин Смоленской области.

Особенностью Всесоюзного гагаринского интеротряда было то, что он включал в себя несколько отдельных ССО, каждый из которых представлял определенную республику или город-герой. Право представлять Украину было дано нашему отряду, имеющему и соответствующее название. Большинство личного состава — студенты Харьковского авиационного института, но были еще и привлеченные лица, студенты архитектурных и театральных факультетов харьковских вузов. Эта творческая составляющая была призвана обеспечить наглядность пребывания отряда, а руководство (включая командира, комиссара и мастера) — его идейность и результативность работы. Отдельно следует отметить и наличие в отряде нескольких «профессиональных» бойцов, роль которых сводилась к повышению общей производительности труда и соответствующим успехам в социалистическом соревновании.

Роль врача в стройотряде неоднозначна. С одной стороны, он в определенной мере ответственен за здоровье бойцов (хотя не имеет еще права на медицинскую деятельность!). А значит, обязан сидеть в медпункте, лечить трудовые потертости бойцов, глаза им промывать, полевую кухню контролировать и получать свою зарплату — 80 целковых. С другой

стороны, врач стройотряда — тот же боец и трудовой товарищ. Да и зарабатывать всегда хочется, навыки рабочие получить. Выбирай всегда второе.

И по сей день пользуюсь принципом, высказанным в то время очень популярной Индирой Ганди, относительно которого все люди делятся на две категории: те, кто работает, и те, кто пользуется результатами их труда. При этом она рекомендовала попасть в первую категорию, потому, что конкуренция меньше.

Сначала, для обустройства места расположения отряда, заехали квартиры. Закипела работа оформительского характера. Путем росписи стен с использованием подручных материалов (тростник, ивняк и др.) создавался украинский колорит. Авиакосмическая составляющая нашего отряда была представлена футуристической росписью на тему космической одиссеи: одинокий космический странник в плотно облегающем трико устремил свой взгляд в бездну космоса. Примечательно, что эта моя роспись вызвала в моем же присутствии недоуменный вопрос одного из высокопоставленных руководителей интеротряда, а сейчас (если не ошибаюсь) первого лица дружественного Азербайджана: «У нас что, в Советском Союзе одежды нет?».

А в интеротряде было интересно и поучительно! Весь день — тяжелый физический труд преимущественно по переноске строительных тяжестей. Вечером — колоритное представление, подготовленное одним из республиканских отрядов. Утром — сильнейший писчий спазм и последующая разминка кистей на переноске носилок с цементом.

Отношение со своими товарищами по стройотряду поддерживаю до сих пор. Встречаемся нечасто, но общность интересов сохранили. Говорим об искусстве, радуемся достижениям каждого из нас. А еще лето того далекого 1980 года ознаменовалось для меня встречей с будущей супругой.

Были в студенческой жизни и другие формы работы в сельскохозяйственных студенческих отрядах, в домостроительном комбинате, главным врачом в Харьковской промышленной зоне. И каждый раз в моих старших товарищах и сверстниках я ощущал позитивную энергетику созидания. Сегодня же времена не хуже, они другие. И молодежь кажется более талантливой. А задача состоит в том, чтобы социальный пессимизм не обратился в энергию разрушения.

Как показал дальнейший жизненный опыт, ССО — явление сугубо советское. Только в условиях социалистического производства можно себе представить использование такой массы недостаточно обученных молодых людей на строительстве промышленных объектов. От подобной «целесообразности» у любого сегодняшнего прораба мурашки по коже, а представители западного способа производства просто не верят в реальность подобных событий. Однако была в этом движении и своя несомненная польза. Мы получали не только хоть и небольшую, но так необходимую заработную плату, но и сохранившиеся на всю последующую жизнь рабочие навыки. И еще, пожалуй, самое важное, — мы чувствовали

себя сопричастными к большому строительству великой страны. Заблуждались? Возможно... До 1991 года оставалось 10 лет».

Автору этой статьи пришлось в течение семи лет принимать непосредственное участие в организации стройотрядов ХМИ, подборе врачей для всех ССО города и области, руководить линейными отрядами в Харьковской, Тюменской и Магаданской областях. Можно еще много вспомнить — конкретные цифры, объемы, мероприятия — они уже приведены здесь. Особо памятливы для меня месяцы работы ССО «Атлант» в Магаданской области. Во-первых, это самые дальние точки дислокации отрядов, а во-вторых, в этом отряде на нас возлагалась повышенная ответственность за работу. Дело в том, что с приездом ССО местные строители (до 70% личного состава) уходили в отпуск на «большую землю» и на нас возлагалась полная ответственность за подготовку стройматериалов (бетона) и конструкций (сварка арматурных каркасов, опалубка), транспортировку, непосредственное выполнение строительных работ. Из профессиональных строителей были прорабы и по несколько человек рабочих. Поэтому, понимая возложенную на нас ответственность, мы особенно строго подходили к подбору бойцов, их здоровью, профессиональной подготовке, а сами бойцы — к выполнению своих работ. Все объекты и работы мы сдавали только с отличной оценкой. За такое отношение к делу отряд наградили памятным вымпелом Магаданского зонального отряда, а меня — медалью СССР «За трудовое отличие».

Но «не хлебом единым...». В нашем отряде была сформирована агитбригада, которая, кроме работы на объектах, организовывала мероприятия по культурному отдыху бойцов, выезжала с бесплатными концертами по селам Магаданской области. При необходимости врач отряда оказывал помощь жителям поселка, в котором мы работали. За этими скучными строчками — яркие, незабываемые будни и праздники стройотрядовской юности, такой прекрасной, трудной, оптимистичной, романтической, нацеленной в будущее. И мы искренне в это верили.

Все годы существования движения ССО в Харькове бойцами-врачами всех вузов Харькова были студенты нашего института. За этими цифрами огромный труд студентов-медиков и большая организаторская работа комитета комсомола, который формировал и готовил отряды, организовывал их подготовку, учебу, контролировал и оказывал помощь в организации работы в полевых условиях. Это был энтузиазм или стремление заработать? Да, элемент заработка безусловно присутствовал, и была борьба за более выгодные объекты. Но заработок не был основой движения ССО. Главным были романтика, открытие нового, самоутверждение и энтузиазм. И когда к середине 1980-х годов на первый план вышло «заробитчанство», ССО начали терять привлекательность, романтизм, задор, — то, чем славились, в первую очередь, комсомольско-молодежные начинания.

В целом студенческие отряды были интересным, полезным и привлекательным движением, позволившим раскрыть у студенческой молодежи

такие важные качества, как сознание общественного долга и потребность в самоутверждении, умение преодолевать трудности, организовываться, чего так не хватает современному студенчеству и молодежи в целом. Всего за период деятельности ССО школу трудового воспитания прошли около 20 тысяч студентов ХМИ. Многие нынешние профессора и доценты университета — это бывшие стройотрядовцы. Среди них В.И. Лупальцов — лауреат Государственной премии Украины, заслуженный деятель науки и техники Украины, академик АН Высшего образования Украины, награжденный орденами «За заслуги» III степени, «За трудовые достижения» IV степени, член-корреспондент НАМН Украины, доктор медицинских наук, профессор; И.В. Летик — профессор кафедры, проректор по научно-педагогической работе; А.С. Сенаторова — профессор, заведующая кафедрой; В.И. Жуков — профессор, заведующий кафедрой; В.А. Коробчанский — директор НИИ гигиены труда и профзаболеваний, профессор, заведующий кафедрой; В.М. Лупырь, К.М. Сокол — профессора; Н.А. Ващук, А.Н. Татаркина, А.В. Лях, В.В. Михеев, И.В. Васильченко — доценты медуниверситета.

Ушли в прошлое годы комсомольской юности, стали историей дела комсомола, в которой яркой страницей, подтвердившей возможность героики и энтузиазма, полезности и огромной общественной значимости, остается движение студенческих строительных отрядов, а бывшие бойцы ССО с гордостью рассказывают своим детям и внукам о тех трудовых буднях, которые с высоты прошедших лет видятся ярким праздником труда.

За 24 года существования ССО в Харьковском национальном медицинском университете наши отряды работали в Харькове и девяти районах области (Балаклейском, Богодуховском, Валковском, Дергачевском, Змиевском, Купянском, Нововодолажском, Первомайском, Шевченковском), в Донецкой, Крымской, Луганской, Херсонской областях Украины, в Белгородской, Магаданской, Смоленской, Тобольской, Тюменской областях, на Камчатке, в Новом Уренгое, Сургуте, на БАМе — в России, Карасусском, Боровском, Урицком районах Кустанайской области в Казахстане, в Туркмении, Дагестане, Чехословакии и Польше.

Время быстротечно. Вспоминая сегодня нашу комсомольскую стройотрядовскую юность, мы с чистой совестью можем сказать: «Да, это была наша жизнь, это было наше дело. И мы этим гордимся».

3. ПОТЬОМКИНА

ВІД МРІЇ ДО ДИПЛОМА

«...Професія лікаря мені подобається вже давно, і я хочу, щоб моя мрія збулась», — пише в анкеті Людмила Меркулова, десятикласниця Берестовеньківської середньої школи Красноградського району. Серед

редакційної пошти трапляється багато листів з проханням розповісти про вимріяний фах і, зокрема, про те, як стати медиком.

Якою буде вона, медицина завтрашнього дня? Які тенденції притаманні цій науці у нашому суспільстві! До чого слід готувати себе майбутнім абітурієнтам медичних вузів? На прохання нашого позаштатного кореспондента на них відповідає завідуючий кафедрою загальної гігієни Харківського медичного інституту, доктор медичних наук, професор Михайло Петрович Воронцов:

– Для тих, хто збирається стати медиком, слід перш за все усвідомити закономірність розвитку нашої системи охорони здоров'я. А вона полягає в тому, що медицина натомість суто лікувальної ролі відіграє все більше роль профілактичну, тобто реалізується фактично зміст поняття «охорона здоров'я». З огляду на таку трансформацію перед майбутнім лікарем постане завдання не тільки звести до мінімуму вплив шкідливих факторів зовнішнього середовища (забруднення повітря, нераціональне інколи поводження з природою тощо), але й формувати оптимальне для людини навколишнє оточення, яке повністю відповідне зміцненню її здоров'я. Маю на увазі і охорону природи, і «моделювання» мікроклімату у виробничих колективах, який виключає потенціальний психологічний стрес. Адже відомо, як шкодить здоров'ю капкан цейтноту і нервових перевантажень. Боротися з цим — значить рішуче перепиняти шлях епідеміям двадцятого віку — серцево-судинним і нейро-психологічним захворюванням. Наукова діяльність нашої кафедри організована саме у руслі проектування оптимального навколишнього середовища для людини. Разом з Харківським НДІ гігієни праці і професійних захворювань, а також НДІ охорони здоров'я дітей і підлітків імені Крупської ми досліджуємо різноманітні аспекти охорони зовнішнього й виробничого середовища. Зрозуміло, що безпосередню участь у вивченні згаданих проблем беруть наші вихованці, отже, майбутнім студентам-медикам слід готуватися до активної наукової роботи.

– Михайле Петровичу, наукові дослідження — це один бік діяльності кафедри. Але є не менш важливе — підготовка молодих спеціалістів. Розкажіть, будь ласка, як вона здійснюється?

– Треба зауважити, що обидва завдання тісно стикуються між собою, адже участь студентів у дослідженні актуальних проблем є найперспективнішою формою професійного становлення. Саме тому для нас, педагогів, важливо передати вихованцям не тільки певні навички, не тільки свої досвід, а й навчити їх самостійно мислити, ставити перед собою благородну мету, озброїти методом досягнення її.

Основні проблеми профілактичної медицини подаються нами відповідно до вимог XXV з'їзду КПРС і Основного закону країни. Лекції ґрунтуються на сучасних наукових фактах. Заняття проводяться цікаво, за допомогою різноманітного обладнання і унаочнення. Все це, помножене на самостійний пошук студентів, є міцною базою підготовки висококваліфікованих спеціалістів.

– Ви наголошете на самостійній науковій роботі студентів. Розкажіть, будь ласка, детальніше про взаємозв'язок між навчальним і дослідницьким процесами.

– Така система підготовки майбутніх медиків органічно витікає з принципового курсу кафедри на вироблення самостійного, критичного мислення наших вихованців. Науково-дослідницька робота студентів взаємозв'язана з тематикою наукових робіт, що є у планах кафедри. Старшокурсники широко залучаються до виконання господаровірних завдань. Це, у свою чергу, позитивно вирішує проблему підготовки наукових кадрів. Сьогодні на кафедрі, наприклад, асистентами працюють вчорашні гуртківці — В.В. Михеєв, І.А. Дяченко, А.В. Просоленко, О.І. Мішура.

Щороку активісти нашого наукового студентського товариства виконують 10–12 дослідницьких робіт, з якими виступають на міжкафедральних, факультетських, інститутських і міських студентських конференціях. Торік чотирьох кращих рекомендовано на республіканський конкурс. За останні три роки 15 студентських досліджень були премійовані, одна з робіт відзначена першою премією Харківського наукового медичного товариства.

Цікавою формою науково-дослідницької роботи стала організована недавно студентська санепідстанція, базою якої вибрана Дзержинська районна СЕС. Важливо, що в цьому випадку наші вихованці разом із самостійним теоретичним навчанням надають і практичну допомогу міським органам охорони здоров'я.

– Михайле Петровичу, отже, можна сказати, що метою наукової роботи вашої кафедри є синтез суто прикладного значення досліджень і формування глибоко підготовлених спеціалістів?

– Саме так. На наш погляд, тільки таким чином можна виховати майбутнього медика, який глибоко усвідомлює ту трансформацію цілей медицини, про яку ми говорили на початку розмови, і який готовий самостійно вирішувати невідкладні проблеми охорони здоров'я, висунуті сьогоденням.

Про перетворення нашої професії з форми лікування людини на форму профілактики й запобігання захворюванням мріяли відомі вітчизняні медики — С.П. Боткін, М.І. Пирогов. Тільки суспільство розвинутого соціалізму, тільки наш спосіб життя найповніше дозволяють здійснитися цим мріям. І наші вихованці, ми віримо, будуть готові з честю продовжити це завоювання радянської медицини.

Газета «Ленінська зміна», 17.10.1978

Б.Е. ГРЕЧАНИН

**КОМИТЕТ «ДРУЖБА»
ХАРЬКОВСКОГО
МЕДИЦИНСКОГО**

Хочу надеяться, что мои старые друзья и коллеги по этой форме работы, опытные и умудренные, прожившие нелегкую жизнь воспитатели молодых посланцев зарубежных стран, прочтут эти записки с интересом. И, конечно, автор будет весьма благодарен за все замечания и предложения, сделанные читателями.

Очередное заседание комитета «Дружба»

Процедура назначения меня на должность декана по работе с иностранными студентами была сравнительно несложной. Меня пригласил для беседы декан лечебного факультета и сказал, что институту выделена такая ставка и мне предлагается занять это место. К этому времени я, как мне казалось не без оснований, не считал себя новичком в воспитательной работе. За плечами 11 лет работы врачом хирургического профиля, 3 года преподавательской работы в среднем учебном медицинском заведении в районах освоения целинных и залежных земель, 7 лет труда ассистентом крупной и известной в республике клиники под руководством опытного ученого с мировым именем, защищенная кандидатская диссертация, успешно выполняемый поиск с целью планирования докторской диссертации, опыт общественной работы в различных студенческих организациях. Поэтому я без колебаний дал согласие приступить и к этой, как мне представлялось, одной из сравнительно легко постижимых разновидностей учебно-воспитательной и административной работы. Далее обычная цепь встреч с ответственными лицами, отеческая беседа у ректора, и вот я уже сижу за столом и ношу титул декана по работе с иностранными учащимися.

Для представления меня моим подопечным было избрано заседание комитета «Дружба». В нашем вузе это довольно мощная организация, в состав которой входят преподаватели, советский студенческий актив и лидеры (или представители) наиболее крупных землячеств иностранных учащихся, всего несколько десятков человек.

Возглавлял комитет преподаватель, коммунист, имеющий опыт работы с зарубежной молодежью. В то время это была ассистент (позже — доцент)

теоретической кафедры Б.М. Смолкина, энтузиаст своего дела, отдававшая этой работе все свое время, рано, к сожалению, ушедшая из института по достижении первого дня пенсионного возраста. Комитет «Дружба» осуществляет две основные функции: знакомство иностранных учащихся с советской действительностью путем проведения экскурсий, культпоходов, встреч с выдающимися людьми, с учащейся и рабочей советской молодежью, вечеров, посвященных знаменательным датам нашей страны и зарубежных государств, и пр. и ознакомление советских людей (студентов нашего вуза, тружеников шефствующих предприятий, жителей микрорайонов, в которых расположены интернациональные общежития) с жизнью зарубежных стран, откуда прибыли к нам на учебу молодые люди.

Вот Бронислава Марковна мне и сказала, что лучше всего будет, если она (хорошо известная и любимая иностранцами учащимися) представит меня лидерам и представителям землячеств на очередном заседании комитета «Дружба». Подготовка моя к выступлению была самоуверенно короткой. Планировал сказать, что учу студентов не первый год, знаю запросы молодежи, сам еще не стар (в ту пору мне было 34 года), что представителям разных стран, приехавшим к нам на учебу, надо будет весьма добросовестно относиться к своим академическим обязанностям и достойно вести себя. «Затем сдержанно поклонюсь аудитории и сяду», — решил я. «Может, поплодируют, — мелькнула мысль, — а может быть, и нет, это неважно. Главное — то, что буду строгим, но справедливым».

Заседание Комитета «Дружба» происходило в небольшой уютной аудитории. Я оглядел присутствующих. Большинство преподавателей были мне знакомы, я и не знал, что они имеют отношение к работе в комитете «Дружба». Большинство присутствовавших советских студентов я не знал, а все присутствующие иностранцы: человек 5 светлокожих (как я потом узнал — немцы из ГДР, болгары и арабы) и около десятка смуглых и полностью чернокожих. Вначале на меня никто особенного внимания не обратил — новый преподаватель, да и только. Разбирались запланированные вопросы: текущие результаты учебы, предстоящий летний отдых и подготовка к какому-то вечеру интернациональной дружбы.

В заключение председатель представила «новорожденного» декана, и он произнес запланированную речь. Последующее в мои планы и предположения не входило и довольно быстро приобщило меня к характеру будущей работы. Слово попросил уже немолодой брюнет со жгучим взглядом темно-карих глаз, как я узнал позже — лидер иракского землячества, представитель компартии этой страны Камиль Салем Аль-Мегди. Я довольно снисходительно смотрел на него, ожидая добрых напутствий. Потом, через много лет, уже после окончания им нашего института, я узнал о его непростой судьбе. Он выступал во главе движения иракских выпускников советских вузов, диплом которых не хотели признать представители местной медицинской администрации, но в конце концов это движение победило — молодые иракские врачи с дипломами советских вузов получили работу. Потом он был в составе Национально-патриотического

фронта страны в качестве представителя от компартии, вел прогрессивную деятельность. Неоднократно преследовался властями, находился в тюрьме, подвергался моральным и физическим издевательствам. Рассказывают, что во время одного из таких допросов ему пригрозили: либо изнасилуют его дочь на его глазах, либо он прекратит свою политическую работу.

Но в тот день на заседании он сказал так: «Вы вступаете в очень нелегкую должность. Вам будет очень трудно с нами, ведь мы очень разные, у нас много проблем, и мы будем настаивать на решении каждой из них. Ждите неприятностей, — пророчествовал он, — ждите их каждый день, но особенно в выходные и праздничные дни, когда все люди отдыхают. Вы совсем не знаете работы с иностранцами, добавил он растерявшемуся декану, — поэтому будете делать много ошибок. Постарайтесь побыстрее научиться, как вести себя с нами, проявите себя как личность, — мы это уважаем, если даже Вы будете делать то, что нам не нравится. Не лгите нам никогда, лучше откажитесь от ответа, если не знаете, что сказать. Учитывайте, что у нас здесь нет ни родителей, ни семьи, ни родины. Постарайтесь, если не заменить их, то способствовать созданию оптимальных дружественных условий нашей учебы и жизни». Сказал и сел при громком молчании аудитории.

Что делать? Отвечать или молча проглотить несомненную обиду, нанесенную самолюбию нравоучительной речью. Нашел с трудом какую-то пару фраз с благодарностью за напутствие и обещанием учесть сказанное. По меньшей мере два урока извлек из этой первой встречи с иностранцами: во-первых, нельзя быть заранее уверенным в том, каков будет ответ на сделанное даже совершенно естественное или очевидное с нашей точки зрения заявление или предложение, и во-вторых, — даже в самой, казалось бы, безобидной ситуации жди неприятностей, во всяком случае — всегда будь готов и к первому, и ко второму.

Катондо всем говорит «спасибо»

Я опубликовал небольшую заметку в нашей областной газете «Красное знамя», издающейся на русском языке, в которой приводил подборку писем наших выпускников-иностранцев. В них они, как обычно, выражали благодарность коллективу института, нашей стране, всем советским людям за возможность получить высшее медицинское образование, рассказывали о своей нелегкой работе и жизни. Озаглавлена была статья фразой, взятой из письма Катондо Неема Мичеса, выпускника из Танзании, работавшего главным врачом района на родине. Он пользовался большим авторитетом у населения, сочетал многогранную лечебную с большой административной работой.

Конечно, в газетной статье я ничего не писал об авторе, но он мне запомнился (как и многие другие) рядом своеобразных «выступлений». Будучи сыном католического священника, Катондо приехал в нашу страну не только глубоко религиозным молодым человеком, но и воспитанным в «сухом законе», не пил спиртных напитков. Свободная продажа в нео-

граниченном количестве жидкостей, содержащих «зеленого змия», и неумение дозировать зелье, несмотря на наши отчаянные усилия, довольно быстро привели к тому, что он стал пьяницей, затем и хроническим алкоголиком с признаками деградации личности. О нем звонили мне из милиции, различных ресторанов, кафе, распивочных. Вначале он там «напившись, бушевал, скандалил, оскорблял граждан и должностных лиц, находящихся при исполнении своих обязанностей» (как мне сообщали в протоколах задержания). А затем перешел к «тихим» правонарушениям, свидетельствующим о потере ориентировки во времени и месте нахождения. Он мог, «принявши внутрь», залезть на цветочную клумбу и лечь там спать среди калл и нарциссов или, став днем в центре города в хвост очереди за молоком, начать мочиться, думая, вероятно, что он в переполненной мужской уборной.

В одном он был неизменен. Наутро (а с пьяным я обычно никогда не разговаривал официально и назидательно до того момента, когда проспится), он обычно отрицал все свои «художества» и представлял себя в роли пострадавшего. То, что пил, никогда не отрицал, а вот, что вел себя недостойно, — извините, этого не было. Не он оскорблял окружающих, а его называли «черной обезьяной» (кстати, излюбленный прием реакционных провокаторов), не антиобщественное поведение заставило забрать его в милицию, а произвол людей в милицейской форме, против чего он категорически протестует, и т. д.

Мои дружеские и строгие беседы с ним, административные меры наказания, угрозы представить его к отчислению из института и прочее ни к чему положительному не приводили, и я медленно, но верно шел к печальному концу. После очередного сообщения о правонарушении со стороны иностранных учащихся и об отношении к ним в нашем городе, с которым выступил на совещании в горкоме партии один из ведущих работников управления внутренних дел, и в котором, естественно, мой Катондо занимал одно из первых мест, я попросил слова. Учитывая нередкое упорное отрицание иностранцем своей вины при разборе правонарушения и в связи с этим превращение нашей беседы в «диалог глухих», я попросил милицию каким-то образом документировать поведение правонарушителя (магнитофоном, фото, а еще лучше — кино). Со мной согласились.

Естественно, ждать первых результатов договора пришлось недолго. Уже через 2 или 3 дня мне позвонили из райотдела милиции о том, что Катондо скандалил в шашлычной, расположенной недалеко от общежития на ипподроме, был задержан, доставлен в милицию и там сфотографирован. Довольно оперативно мне доставили десятка полтора фотографий отличного качества размером 9 × 12, где мой герой выглядел, как самая лучшая иллюстрация того, как алкоголь превращает человека в животное.

На следующий день у меня состоялась обычная беседа с Катондо. Я ему про Фому, а он мне про Ерему. Я — про его недостойное поведение, а он — про недопустимые действия грубиянов милиционеров, которые его, иностранного гражданина, которого «в любой другой стране мира называют

мистером», без всяких на то оснований насильно посадили в полицейскую машину, привезли в райотдел и там издевались. А он вел себя и в шашлычной, и в милиции достойно, как подобает сыну Африки. Я довольно резко сказал, что это был мой последний с ним профилактический разговор, больше я его предупреждать о возможных неблагоприятных для него последствиях (и в медицинском и в юридическом смысле, а также в отношении невозможности при таком его поведении продолжать учебу в СССР) не буду и хочу только опровергнуть его заявления о достойном поведении в разбираемой ситуации бесспорными фактами.

Нужно было видеть, как на глазах сникла вся его спесь и напыщенное благородство, когда он начал дрожащими руками перебирать фотографии. А там было все: и фас и профиль совершенно пьяного субъекта, который пытается рвать на себе рубашку по типу «не забуду мать родную», и фиги, которые он сует в объектив, едва держась на полусогнутых ногах, и все остальное. Он, было, хотел их тут же разорвать. Я спокойно заметил, что это глупо, ибо есть же негативы. «Что Вы сделаете с ними?» — спросил он хриплым голосом. Я не стал его уверять, что обращусь в министерство или посольство. Я сказал, что пошлю их его матери. «Вы этого не сделаете!» — завопил он каким-то неожиданным фальцетом. «Нет, сделаю! Смотрите, Катондо», — я взял приготовленный международный конверт с его домашним адресом из личного дела, вложил туда фотографии и небольшое письмо на английском языке типа «Уважаемая госпожа! Ваш сын Катондо, обучающийся в нашем Харьковском медицинском институте, ведет себя недостойно, пьянствует и нарушает общественный порядок. При таком его поведении дело кончится отчислением из института. Исчерпав все возможности воздействия на него, информирую Вас об этом. Для подтверждения всего сказанного посылаю Вам официально фотографии, сделанные в отделении милиции, куда он был доставлен за нарушение общественного порядка в нетрезвом состоянии. С уважением, декан института, доцент, имя».

Конверт я запечатал и сказал:

– Смотрите, Катондо, я кладу его себе в шкаф. При первом же Вашем нарушении общественного порядка или появлении в любом месте в нетрезвом состоянии, я, уже, не вызывая Вас, опущу письмо в почтовый ящик.

– А если я буду себя хорошо вести?

– Тогда после окончания института перед отъездом домой я отдам Вам этот конверт.

Оба мы сдержали свои слова. Он практически больше не пил, во всяком случае, ко мне не поступало по этому поводу ни одного официального документа или устного заявления. А на прощание я отдал ему злополучный конверт. Как же важно иметь неопровержимые доказательства при разборе правонарушений со стороны иностранцев.

Надеюсь, у Вас нет возражений?

Администрация (работники деканата, а иногда и члены ректората) и, конечно, общественные организации (комитет «Дружба», комитет ком-

сомола, профком) всегда помогали иностранцам организовывать вечера, посвященные своим знаменательным датам.

Готовились мы как-то провести вечер, посвященный независимости Танзании (тогда еще Танганьики). Среди всех многочисленных забот (организация зала на 400 мест, культурной программы, танцев, лозунгов, выступлений, охраны общественного порядка и многого другого) необходимо было напечатать пригласительные билеты. Так как своей типографии у нас не было, обычно мы поступали следующим образом: иностранцы покупали пригласительные открытки, а мы их раздавали на кафедры, где на пишущих машинках печатался текст. Я довольно быстро набросал стандартный текст типа: «Дорогой товарищ! Приглашаем Вас/Тебя на торжественный вечер, посвященный Дню независимости Танганьики, который состоится... Программа. Комитет «Дружба» ХМИ, землячество студентов Танганьики».

Перед тем как раздать этот текст кафедрам для печатания, решено было пригласить президента землячества для получения формального, как я считал, согласия на размножение упомянутого текста.

Лидер землячества Мтанго Заридаи Даниэль был человеком весьма своеобразным. Худой, высокий, с выдающимися вперед челюстями, от чего рот практически полностью не закрывался, и лицо даже в спокойном состоянии его владельца выглядело улыбающимся. Учился он идеально, получал только «отлично» по всем дисциплинам. Единственной особенностью выполнения им своих академических обязанностей были упорные пропуски занятий по субботам, которые он отрабатывал заранее и поэтому задолженностей не имел. Как выяснилось позже, это было связано с тем, что он являлся фанатически верующим адвентистом 7-го дня и ездил молиться в один из молельных домов в пригороде Харькова. Рассказывали, что один из их группы верующих сделал киносъемку во время очередного бдения братии. При ее просмотре кто-то из «зрителей» сказал, что пленка, видимо, неправильно обработана, например, на этом кадре в углу человек получился не как позитив, а как негатив. Потом Мтанго окончил с отличием институт, поехал на родину, поработал несколько лет главным врачом района и врачом-лечебником в больнице братии адвентистов 7-го дня, от туда был направлен на учебу в институт тропической медицины в Лондоне, женился там на англичанке, вернулся в Дар-эс-Салам и был назначен старшим преподавателем и заведующим кафедрой эпидемиологии и биостатистики. В 1980 году, будучи в СССР на курсах ВОЗ, он написал теплое письмо и высказал пожелание встретиться со своими учителями.

Но в то время он казался обычным студентом, и, когда явился по вызову, я предложил ему просмотреть текст пригласительного билета.

– Я надеюсь, у Вас нет возражений? – спросил я с плохо скрытой иронией. Он сначала ничего не ответил и углубился в чтение (хотя с моей точки зрения, эти несколько строчек можно было бегло пробежать за полминуты), читал он, как мне показалось, необычайно долго, а затем спокойно сказал:

– Возражения есть.

– Какие? — изумился я, наверное, покраснев от неожиданности.

– В первой фразе следует заменить слово «Тебя» на «Вас» и перед словом «который» поставить запятую, в подписи после упоминания о нашем землячестве нужно добавить «обучающихся в г. Харькове».

Я молча проглотил справедливое, хоть и крайне обидное замечание. Значит, поскреб я затылок после его ухода, когда готовишь документы для иностранцев, отшлифуй каждую «мелочь».

Я не знаю, что такое шутка

Вообще юмор, меткое острое слово, ирония в дозированных количествах, примененные во время и достаточно авторитетным лицом, неплохо воспринимаются иностранцами и при таких условиях не вызывают смертельной обиды. Но это, безусловно, обоюдоострое оружие. Вспоминаю два случая, когда попытка неуклюже пошутить вызвала яростную реакцию.

Был у нас неплохой студент из Нигерии Били Годвин Мава. Он обладал покладистым, добродушным, общительным характером и старался учиться хорошо. Правда, ему трудно все давалось из-за средних способностей, а самое главное — из-за слабой общеобразовательной подготовки. Когда-то он мне признался, что в колледже совсем не учил химии, поскольку такого учителя в их миссионерской школе не было. Можно себе представить, с каким трудом этот человек преодолел барьер подготовительного факультета и младшие курсы нашего вуза. Но, так или иначе, он успешно окончил институт, стал неплохим врачом, поехал на родину, там женился, прошел повышение квалификации в Англии и работал уважаемым и авторитетным главным врачом района в северной части своей страны — недалеко от г. Кано, откуда он сам был родом.

Описываемый эпизод относится к первым годам его обучения у нас. В комнате с ним жили трое советских ребят, и все были между собой в хороших отношениях. Перемена климата сказала на Били еще и тем, что у него постоянно сохла и шелушилась кожа на руках. Поэтому он на ночь часто мазал руки каким-то светлым кремом. Однажды перед сном один из наших ребят, будучи в хорошем настроении и желая пошутить, сказал ему:

– Брось ты это дело, сколько ни мажь — кожа на руках светлей не станет.

Совершенно неожиданно для присутствующих «добродушный» нигериец пришел в ярость и кинулся с кулаками на «юмориста». При разборе этого инцидента на следующий день я говорил Били, что это была шутка, глупая, но всего лишь шутка, что советский студент просто не знает, что значит фиксация внимания на разнице в цвете кожи, ибо для наших людей это просто не имеет никакого значения и т. д.

– Тогда я не знаю, что такое шутка, — сказал мне «кроткий» Били. И, наверное, он был прав.

Второй случай произошел много позже и тоже с участием студента из Нигерии Чарльза Мадуагву. Он обладал непривлекательной, неудачной внешностью. С выпученными глазами, резко угловатыми чертами лица,

длинными, почти доходящими до колен руками и слегка наклоненным вперед торсом. Рассказывают, что эти данные экстерьера даже мешали ему пользоваться успехом у дам, на что ни один из его земляков, как правило, никогда не жаловался. Кроме своей непрезентабельной внешности, Чарльз обладал отвратительным провокаторским характером. И не было, пожалуй, за время его учебы ни одной конфликтной ситуации, в которую он бы не влез и не принял активного негативного участия. За это его недолюбливали даже соплеменники, а тем более другие иностранцы, не говоря уже о советских студентах.

В составе интернационального студенческого совета общежития был малиец-старшекурсник Калилу Уаттара. При всех его отрицательных качествах (демагогичность выступлений, безусловная постоянная симпатия к африканцам при любой ситуации и т. д.), он все же нередко был вынужден призывать к порядку уж чересчур зарвавшихся нарушителей правил внутреннего распорядка студенческого общежития. Видимо, его на этой почве невлюбил и Чарльз Мадуагву. Однажды вечером, когда в вестибюле общежития был Калилу и советские студенты, появился Чарльз и, обратившись к дежурному вахтеру тете Гале (как ее звали все студенты за материнское ласковое отношение к ним), сказал:

– Почему это у вас так темно в вестибюле?

Та не поняла и сказала, что ему это кажется, ибо горит обычный свет.

– А-а-а, продолжал Чарльз, — я вижу, в чем дело. У вас тут негры, — и показал пальцем на Калилу (сам Чарльз был еще чернее, чем малиец). Калилу не выдержал и кинулся драться, что позволило Чарльзу потом всем рассказывать, что Калилу подрался с белым и его вообще следует считать изменником. В этой «шутке», конечно, был заложен беспроектный провокационный расчет.

А был ли у Вас план праздничных мероприятий?

Довольно рано в своей работе я столкнулся с чрезвычайными происшествиями (ЧП). Был у нас студент из Кении Ваньоике Нганга. Середнячок, учился не ахти как, но вел себя сравнительно спокойно, пил, правда, иногда неумеренно. Вся антиалкогольная пропаганда, проводимая по отношению к нему, эффекта не давала, он тихо спивался. Дело закончилось трагически.

Была ночь с 1 на 2 мая. Первый праздничный день прошел напряженно. На демонстрации тогда не ограничивали число участников, и даже наоборот, чем мощнее была колонна учреждения, тем большее удовлетворение это вызывало у начальства, поэтому в ответ на наше приглашение приходило много иностранцев. Вели они себя перед трибунами областного и городского руководства бурно: пели, кричали, танцевали, выкрикивали «самодельные» лозунги типа «Никсон, Никсон, уходи!» и т. д. И никогда не было заранее известно, что еще кто-нибудь из них может закричать или сделать. Поэтому пока пройдешь с иностранцами мимо «правительственных» трибун, все напряжено до предела. А — потом поход в общежития, длительные беседы со студентами, проверка орга-

низации и хода дежурств студенческого актива и преподавателей и т. д. Словом, домой я пришел поздно вечером, лег пораньше (праздничный бокал шампанского, как у всех нормальных людей, исключался), поставил телефон у подушки и заснул тревожным сном.

Позвонить могли в любую минуту, во-первых, из клиники, потому что я был самым близко живущим к ней доцентом, и, несмотря на то, что в эту ночь я не был дежурным консультантом, могли все равно позвонить и вызвать для срочной помощи, что делали очень часто (правда, чуть позже, когда решался вопрос о выборе кандидатуры нового заведующего кафедрой между мной и другим доцентом, уходящий на пенсию старый профессор в кабинете ректора, в присутствии секретаря парткома высказывался за моего коллегу и, перечисляя мои недостатки, ничтоже сумняшеся заявил, что я «отошел от лечебной работы»). Позвонить могли также из любого места по поводу иностранных учащихся, в первую очередь, из общежития.

Часов около трех ночи затрещал телефон, и я понял, что что-то случилось. Тревожный голос дежурного преподавателя сообщил, что случилось ЧП — выпал из окна студент-иностранец — и что я должен срочно приехать. Городской транспорт, конечно, уже не работал, своего у меня не было, рассчитывать на такси не приходилось. Мне повезло, удалось «схватить частника», и за каких-то 5 рублей он меня за 20 минут по пустынным ночным праздничным улицам, засыпанным обрывками шаров, окурками, обертками от сладостей и пр., доставил в общежитие, которое, несмотря на глубокую ночь, гудело как улей.

Суть дела оказалась в следующем. Ваньоике пришел в общежитие после демонстрации поздно вечером, изрядно выпивши (где он сумел набраться, я даже потом не сумел выяснить) и был уложен в постель. Вечером он проснулся и вместе со своим соседом по комнате Эндрю из Сьерра-Леоне «добавил», после чего заявил, что отправится искать «девушек». Сам Эндрю с ним справиться не смог, позвал соседей-африканцев, и они снова уложили пьяницу в постель. При этом он им заявил, что раз вся Африка против него, он больше жить не хочет. С чем и заснул повторно. Затем около трех часов ночи Эндрю проснулся от того, что услышал шум — это Ваньоике открывал окно. И, прежде чем Эндрю сумел схватить его, Ваньоике в плашках шагнул через окно наружу. Комната находилась на третьем этаже дома старой постройки с высокими этажами, под окном асфальтовый тротуар. Жизнь ему сохранила случайность. Он плашмя, боком упал на дощатый щит, прикрывавший окно подвала и расположенный под углом. Щит треснул, но свое дело сделал, слегка амортизировав удар. «Прыгун» был жив, но, конечно, получил несколько переломов (ребра, бедро, тазовая кость).

В сопровождении дежурного преподавателя его быстро отправили в травматологическое отделение, а я сначала успокоил и развел по комнатам возбужденных студентов, среди которых уже рыскали провокаторы с полунамеками на то, что пострадавшего могли, дескать, из мести выбросить в окно советские студенты. Хорошо, что в комнате в этот момент

был африканец, который всем рассказывал, как было дело, и сам при этом трясся как в лихорадке — был потрясен случившимся. Затем я съездил в хирургическую клинику, посетил Ваньоике, уже прооперированного, и получил заверение, что ему пока ничего опасного не грозит. Затем вернулся в общежитие, откуда до утра уже никуда не уезжал.

Как прошел второй праздничный день, читатель может легко догадаться. А 3 мая уже явилась комиссия, назначенная городским советом по делам иностранных учащихся для изучения причин «ЧП». Председатель комиссии сразу спросил меня: «А был ли план проведения праздников?». Я ответил, что он есть и висит в вестибюле. А был ли Ваньоике охвачен этим планом? Пришлось признать, что лично о пострадавшем в плане пункта не было. «Тогда все ясно, — пришла к заключению комиссия, — указанная трагедия произошла потому, что не все студенты-иностранцы участвовали в выполнении всех праздничных мероприятий».

А что? Может быть, они и правы? Планы — дело хорошее. В них обычно указываются те или иные общие мероприятия, рассчитанные на всех. А какой-нибудь Джон или Хуссейн, а в данном случае Ваньоике, может благополучно проскользнуть мимо всех мероприятий, распорядиться праздничным временем по-своему, например, напиться до изумления, что и случилось.

Естественно, что после работы комиссии последовали оргвыводы, правда, нам удалось после излечения Ваньоике и выписки из клиники, исключить его из института, и он покинул пределы нашей страны. Как сложилась его дальнейшая судьба, мне не было известно. Поговаривали, что он продолжил свою учебу в Швеции и даже вроде пить бросил, в чем я глубоко сомневался.

Бога нет

Вспоминается любопытный разговор в одну из новогодних ночей, которые я, как обычно, проводил в общежитии. Мне было легче потерять для себя праздничный новогодний стол в семье (о проведении новогодней ночи где-либо, кроме дома, вообще не могло быть и речи), чем ночью без транспорта пытаться добраться до общежития, теряя время, которое в случаях ЧП имеет решающее значение. А то, что ЧП в праздничную ночь (конечно, разного масштаба) с большей долей вероятности могут произойти, я никогда не сомневался.

Итак, я, празднуя всемирный (преимущественно семейный) праздник, флиртывал по гремящему джазовой музыкой и веселящемуся общежитию, с надеждой поглядывая на часы: где-то часам к 5–6 утра обычно даже очень крепкие гуляки сникают. Об этом прекрасном времени я и мечтал. Встретил на лестнице прогрессивного (с нашей точки зрения) камерунца Джозефа Ванемега, который занимался тем, что снимал кинокамерой наиболее упившихся аборигенов общежития и гостей. Сам трезвый как стеклышко («Без единой трещинки», — пояснил он). Даже не зная его истинных намерений (то ли деньги потом содрать с «пострадавших

от кинокамеры» в порядке выкупа, то ли передать эту пленку для средств массовой или камерной информации), я, естественно, решил ему помешать продолжать это дело.

Какие-либо насильственные действия исключались, поэтому пришлось завести длинную беседу, которую он с неохотой был вынужден вести. Дорога предстояла длинная, поэтому я избрал тему религии. Зашел издали. Сказал, что мне известно о том, что во многих странах новогодний праздник меньше отмечается, чем, скажем, Рождество, но мы, советские люди, Рождества не признаем (ни католического, ни православного), ибо мы в подавляющем большинстве атеисты. Таких взглядов мы никому не навязываем, но не собираемся их скрывать, а иностранным студентам предлагаем понять нашу точку зрения и самим решить вопрос об отношении к религии. И так далее, в таком же духе, длинно, витиевато, неторопливо, обстоятельно, с моей точки зрения, весьма убедительно. Я с удовольствием слушал себя и одобрял мою неотразимую аргументацию. Джозеф, взбешенный тем, что я расстроил его намерения, с вежливой яростью слушал мои сентенции. Прорвавшись между фразами, он сказал:

– Уважаемый декан! Меня в детстве воспитывал очень достойный, уже немолодой пастор. Он мне всегда говорил: «Джозеф! Если к тебе когда-нибудь подойдет человек и скажет «Бога нет», это значит, что он начнет обращать тебя в свою веру».

Да, видимо, атеизм — если и не вера, то, во всяком случае, твердое убеждение, как и глубокая религиозность. Дело свое в ту ночь я сделал, но понял, что к острым выпадам, резким фразам, нелицеприятным колкостям я еще не подготовлен. Кстати, впоследствии судьба этих камерунцев (а их было в то время у нас трое) сложилась по-разному. Несмотря на то, что они были едины в смысле оппозиции к президенту страны Ахиджо и его партии, повели себя они, окончив наш институт, по-разному. Самый уважаемый, Иссом Филипп женился в нашем институте на девушке из Конго (Заир) Махунгу Аннет, имел от нее двух детей, окончил длительное (кажется, семилетнее) повышение квалификации во Франции и потом поехал на родину, не опасаясь политических преследований. Семейная жизнь у него осложнилась тем, как писала мне его жена, что он однажды привел какую-то белую девушку и сказал:

– Аннет, это будет моя вторая жена, дружи с ней!

Они пытались развестись, но он потребовал забрать обоих детей, на что Аннет, естественно, не согласилась, и дело заглохло.

Второй камерунец Рубен Манденг был настоящим революционером. После окончания ХМИ он поехал в одну из борющихся за свободу и независимость африканских стран (кажется, Гвинею-Бисау), сражался и работал врачом в партизанском отряде, погиб во время обстрела португальцами переправлявшейся через реку группы бойцов.

А Джозеф Ванемег после окончания нашего вуза жил и работал во Франции, а потом поехал на Берег Слоновой Кости, после чего следы его затерялись.

**Л.Т. МАЛАЯ
В.Т. ЗАЙЦЕВ**

РЕКТОР

Він іде широкою, твердою ногою коридором першого поверху головного корпусу. Кремезний, широкоплечий, з великою, рівно посаженою головою у вінці сивого волосся. Правиця зігнута й притиснута до грудей, ліва змахує у такт крокам. Тридцять три роки тому в солдатській гімнастерці прийшов він в інститут... Чи міг простий селянський хлопець із села Яблунівка Чернігівської області думати тоді, що стане ректором найстарішого медичного інституту України? Важке дитинство. Похмура ніч фашистської окупації не дозволила закінчити десятирічку. Радість визволення. Прагнення стати в ряди солдатів, які принесли свободу на рідну землю: Україну ще топтав тоді кривавий чобіт фашизму. Вісімнадцятирічним юнаком став у солдатській стрій і завмер із гвинтівкою в руках боєць танкового десанту Черненко...

Важкі криваві бої. Смерть багатьох товаришів. Перше поранення. У прифронтовому госпіталі рана загоювалася швидко. Але які муки терпіли тяжкопоранені! Тоді, в їх безкінечному потоці, побачив Володимир найголовніше. Що було запорукою врятування багатьох захисників Вітчизни, — винести ранених солдат з поля бою, з вогню, вчасно зупинити кровотечу, допомогти. Тепер він твердо знав — буде там, де лежать, стікаючи кров'ю, воїни... «Хочу бути санітарним інструктором», — просить солдат, випускаючись із госпіталю. І от Володимир Черненко — санітарний інструктор стрілецької роти. Вже після війни статистики підраховали, що тривалість перебування санітарних інструкторів на передовій, у строю діючої армії не перевищувала 6–7 діб. Потім — поранення або смерть... Про смерть він тоді не думав. Рятував тяжкопоранених солдатів, які лежали безпомічно на рідній землі, стікаючи кров'ю, і вів боротьбу за їх життя, виносячи з вогню, перев'язуючи рани, зупиняючи кровотечі. Це був воістину самовідданий труд в ім'я життя. Багатьом солдатам і командирам врятував життя саніструктор Черненко в боях за визволення міст і сіл України. І не випадково на грудях молодого солдата з'являється незабаром перша бойова нагорода — медаль «За відвагу». Бої за Білу Церкву. Тут при винесенні

з поля бою бійця санінструктора й самого вразив осколок: тяжке поранення в руку і плече. Етапне лікування, тиловий госпіталь у Пензі. Звідти комісовано як інваліда війни 3-ї групи пожиттєво. І це у 19 літ... Руку вдалося врятувати, але працювати нею повноцінно він вже ніколи не зможе. А в пам'яті стоять очі поранених на полі бою. Вираз їх важко описати, це треба бачити: погляди хлопців, в яких — величезна жага життя...

Врешті рішення визріло. Вже позаду вступні іспити, Володимир Черненко зарахований на перший курс санітарно-гігієнічного факультету Харківського медичного інституту. У той час аудиторії інституту заповнили люди в сірих шинелях — вчорашні солдати. Вони принесли сюди прямоту й чесність у стосунках, величезну жадобу до знань і цілеспрямованість. Володя Черненко був душею колективу. Активіст громадського життя, соліст студентського хору. Як любили співати студенти тих літ! Як прагнули прилучитися до культури, надолужити вкрадене війною. На все життя зберіг Володя Черненко любов до пісні, віршів, книг, мистецтва. І серед усіх пісень найулюбленіша — про матір... Студенти тих років називали його «наш Василь Тьоркін» не лише тому, що знав він напам'ять всю чудову поему О. Твардовського, а й за оптимістичний, веселий, товариський характер, за бажання завжди допомогти товаришеві, поділитися нехитрим студентським харчем, подати руку допомоги...

Медицина — наука широка й різнобічна. І коли настав час обирати спеціальність, Володимир Черненко зупинився на професії епідеміолога, однієї із найважливіших у медицині. Любов до епідеміології прийшла не випадково. Життя звело Володимира Дмитровича з чудовими вченими, зокрема, з одним із основоположників вчення про епідемічний процес — академіком Михайлом Миколайовичем Соловйовим. Саме після бесід з ним і народилася у молодого Черненка наукова ідея, котрій потім присвятив він багато років досліджень — розробка наукових заходів боротьби з дифтерією — грізним інфекційним захворюванням, яке забирало багато дитячих життів. В аспірантурі після закінчення інституту він продовжував вивчення дифтерії. Особливостям епідемічного процесу поширення цієї хвороби Володимир Дмитрович присвятив кандидатську дисертацію. А пізніше, ставши кандидатом медичних наук, ані на день не припиняв наукових досліджень. Підсумком їх стала докторська дисертація.

Справді рідкісну цілеспрямованість і працездатність виявив В.Д. Черненко на науковій ниві: добився заповітної мети, став доктором медичних наук, професором, завідувачем однієї з провідних у нашій країні кафедр — кафедрою епідеміології. Багато років віддав й роботі в партбюро факультету, і особливо в деканаті: близько десяти років Володимир Дмитрович працював деканом санітарно-гігієнічного факультету. Йому завжди були притаманні вміння розібратися в людях, чуйність у спілкуванні зі співробітниками та студентами. Його часто бачили у гуртожитках, на концертах художньої самодіяльності і спортивних змаганнях, на сільськогосподарських роботах у колгоспі — всюди, де були студенти.

Роки беруть своє. Побіліли скроні, стали дорослими діти, студенти вже жартома називають його «дідом»... Та якою молодістю іскряться очі, скільки енергії, запалу вогню вкладає він у кожную зустріч із молоддю! Не все бувало гладко в житті колективу: доводилося і карати, і відраховувати несумлінних, але щоразу хід до правильного розв'язання питання підказували партійна совість, життєвий досвід, любов до людини. Як допомогти суспільству перевиховати тих із студентів, хто помилився, став на хибний шлях? На які струни і сторони впливати? У пошуках відповіді на ці питання йому доводилося вести розмови з батьками, викладачами, товаришами по навчанню. А скільки нинішніх санітарних лікарів зобов'язані Володимирові Дмитровичу знайденим у житті місцем! У дні свят безупинним потоком ідуть на адресу колишнього декана вітання зі словами вдячності за ту частину душі, котру вклав він у кожного випускника. Тому з гарячим схваленням зустрів інститут в 1975 році призначення В.Д. Черненка на посаду ректора. У цій якості яскраво проявилися риси його душі. Випробування владою — одне з найважчих у житті, але Володимир Дмитрович і тут залишився самим собою.

Незмірно зросло навантаження — робота у міській Раді народних депутатів, раді ректорів. До пізнього вечора не гасне світло в кабінеті ректора. Нелегко керувати майже п'ятитисячним колективом. Необхідно зміцнити матеріальну базу інституту. І в цьому плані вдалося багато зробити: спорудити корпус з учбовою бібліотекою, актовим і спортивним залами, збудувати новий студентський гуртожиток. Завершується зведення одного з учбових корпусів. З перших же днів не випускає ректор з поля зору питання підготовки науково-педагогічних кадрів. Визначено перспективний резерв для кожного завідуючого кафедрою, кожного доцента. Контроль за розв'язанням кадрового питання взяв на себе партійний комітет інституту. Результати негайно ж з'явилися. Заплановано низку докторських і кандидатських дисертацій, йде планова підготовка резерву. Інститут укрупнився з відкриттям 1978 року стоматологічного факультету, а в перспективі — створення підготовчого відділення. Склалася добра, творча обстановка для роботи колективів кафедр і відділів, зросла ефективність наукових досліджень. На будь-якій кафедрі вузу часто зустрінеш ректора, який розмовляє зі співробітниками, цікавиться ходом навчального процесу, науковою роботою. І коли в нього запитують, як справи в інституті, він посміхається широко і відкрито: «Нічого, працюємо».

А.Ф. ЯКОВЦОВА

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧИТЕЛЕ

С выдающимся представителем харьковской научной школы патологоанатомов, одним из ведущих патологоанатомов СССР Г.Л. Дерманом я познакомилась в студенческие годы, учась в Харьковском медицинском институте, который окончила в 1958 г. Он принадлежал к когорте старых профессоров, получивших медицинское образование еще в императорском Харьковском университете, настоящих интеллигентов, которые отличались широким кругозором, высоким профессиональным мастерством и были прекрасными педагогами. Он пользовался непререкаемым авторитетом не только у студентов, но и у практикующих врачей, молодых преподавателей.

Г.Л. Дерман родился 13 (25) мая 1890 г. в г. Бахмуте Екатеринославской губернии (ныне Артемовск Донецкой области) в семье служащих. Поступив в Харьковский университет в 1910 г., он окончил его с медалью в составе ускоренного в связи с началом Первой мировой войны в 1914 г. выпуска. Интерес к патологической анатомии проявился у него в студенческие годы, когда он начал досконально изучать этот предмет на кафедре профессора М.Ф. Мельникова-Разведенкова. В 1916 г. Г.Л. Дерман начал работать в патологоанатомическом отделении Института лабораторной диагностики в Харькове у профессора С.Л. Эрлиха, который, работая, всегда сажал его по правую руку от себя. Докторскую диссертацию на тему «Материалы к вопросу о незрелых нейриномах» он защитил в 1926 г. Диссертация состояла из двух томов. В 1926–1927 гг. Григорий Львович выезжал в заграничные научные командировки, во время которых работал у выдающихся патологов Германии А. Любарша и Л.А. Ашофа. Он рано стал прекрасным диагностом-биопсисом. Вспоминал случай у Л.А. Ашофа, когда у больного с опухолью рта подозревали лимфогранулематоз. Г.Л. Дерман попросил подрезать блок и поставил диагноз — актиномикоз.

В 1927 г. началась его работа во 2-й городской больнице, в крупнейшей прозектуре г. Харькова. В 1930–1941 гг. он работал заведующим кафедрой патологической анатомии Украинского института усовершенствования

врачей (в Харькове), в то же время он возглавлял и кафедру патологической анатомии 2-го Харьковского медицинского института. В годы Великой Отечественной войны заведовал кафедрой патологической анатомии Ижевского медицинского института в Удмуртии, выполняя одновременно прозекторскую работу в госпиталях (1942–1944 гг.)

Вернувшись из эвакуации, Г.Л. Дерман в течение нескольких лет возглавлял кафедры патологической анатомии в Харьковском стоматологическом институте и Украинском институте усовершенствования врачей. В 1945 г. Григорий Львович был назначен заведующим кафедрой патологической анатомии Харьковского медицинского института, которой беспрерывно руководил по 1971 г., оставаясь затем два года ее научным консультантом. Свою кафедральную деятельность он постоянно совмещал с работой в прозектуре Областной клинической больницы.

В его научной деятельности классическая патологическая анатомия сочеталась с современными прогрессивными методами исследования (электронная микроскопия, гистохимия, иммуноморфология), что позволило ему подняться на уровень значительного представителя отечественной школы патологоанатомов. О большом научном авторитете Григория Львовича свидетельствует тот факт, что на базе возглавляемой им кафедры ХМИ в 1959 г. был проведен III Всесоюзный съезд патологоанатомов, в 1968 г. — первая Украинская научно-практическая конференция детских патологоанатомов. По его инициативе в 1960-х годах в Харькове впервые в Украине был организован перинатальный центр. На базе своей кафедры Г.Л. Дерман организовал постоянно действующий городской консультативный биопсийный центр, куда до сих пор обращаются патоморфологи Харьковской и других областей Украины. У Г.Л. Дермана был девиз: «С плохими препаратами не входить». Он был бессребренником и никогда не брал денег за консультацию биопсий. Как-то больной вложил в книгу на столе деньги за консультацию, профессор расстроился, а потом сказал: «Как хорошо, что он оставил мне адрес, — отправлю ему деньги». В свое время на кафедре работали лаборантами и старшими лаборантами жены репрессированных, которых никуда не принимали на работу. Особо выделялась старший лаборант Сима Абрамовна Сафронич, которая могла до ночи сидеть со студентами, помогая им.

Благодаря Г.Л. Дерману руководимая им кафедра долгое время поддерживала постоянный и тесный контакт с кафедрой патологической анатомии 1-го Московского медицинского института, возглавляемой академиком А.И. Струковым, который в 1938–1944 гг. заведовал одноименной кафедрой в 1-м Харьковском медицинском институте. Этот контакт позволял систематически проводить совместные научные конференции по актуальным проблемам патологии, материалы которых издавались в виде сборников научных трудов. Такие конференции проводились и в дальнейшем, когда московской кафедрой стал заведовать академик В.В. Серов.

Г.Л. Дерман — автор более 140 научных работ, посвященных онкологии, сердечно-сосудистым заболеваниям, многим другим проблемам

патологии. Он воспитал большое количество патологоанатомов. Под его руководством защищено 14 докторских и 45 кандидатских диссертаций. Ученики Г.Л. Дермана достойно возглавляли и возглавляют очень важные участки в научной и практической работе. Так, профессор А.С. Ступина — заведующая патологоанатомической лабораторией Института геронтологии АМН Украины. А.С. Налбат — профессор кафедры, много лет декан педиатрического факультета. Д.Е. Гейко — профессор кафедры патологической анатомии ХМИ, 14 лет декан педиатрического факультета. Профессора М.А. Тищенко и Ю.Л. Бутов — заведующие кафедрой патологической анатомии УИУВ. Ю.И. Микляев — профессор кафедры патологической анатомии, заведующий ЦНИЛ ХМИ. Профессор Л.С. Гончарова — заведующая отделом патоморфологии Института неотложной хирургии. Профессор А.Ф. Яковцова — заведующая кафедрой патологической анатомии ХГМУ. На протяжении многих лет Г.Л. Дерман был председателем Харьковского научного общества патологоанатомов, постоянным членом редакционного совета журнала «Архив патологии».

Григорий Львович был истинным интеллигентом. Он никогда не повышал на сотрудников голос, был очень внимательным и добрым ко всем запросам и нуждам коллектива. Большой эрудит, он читал и знал все новинки медицинской и художественной литературы. Мы все старались читать, так как неудобно было не знать того, о чем шеф мог спросить. А он активно вел беседу о новинках в «Архиве патологии», «Юности», «Новом мире». Г.Л. Дерман хорошо знал живопись и имел небольшую коллекцию картин. Как-то, вспоминает Б.М. Брук, в Минске на конференции профессор узнал о выставке картин из частной коллекции. Он посмотрел ее и отправил делегатов с заседания на выставку. С коллективом кафедры у профессора были хорошие отношения, которые особенно проявлялись во время теплых бесед, проходивших у него дома за горячим чаем в присутствии его жены Розы Ильиничны, которая активно интересовалась жизнью не только кафедры, но и каждого из нас. У Г.Л. Дермана был девиз «Пока в доме идет ремонт и есть гости, дом живой». День рождения Григория Львовича — 13 мая — был праздником для всех патологоанатомов Харькова. Мы покупали тюльпаны по количеству прожитых им лет и шли на улицу Революции, где он жил. Выпивали по глотку какого-нибудь напитка, ели бутерброды и слушали нескончаемые воспоминания шефа. Жена Дермана Роза Ильинична — врач по профессии, знающая два иностранных языка, — была верным другом нашего шефа и всего коллектива. Она пережила своего любимого мужа, умершего в 1983 г., лишь на год.

С того времени прошло более 30 лет. Кафедра патологической анатомии Харьковского национального медицинского университета продолжает свою деятельность, являясь учебно-методическим центром, в котором ежегодно повышают свою квалификацию преподаватели кафедр патологической анатомии Украины. Поддерживать ее высокий авторитет помогает нам и память о Г.Л. Дермане.

Б.А. РОГОЖИН

**ХАРЬКОВСКИЙ
МЕДИЦИНСКИЙ ИНСТИТУТ
ГЛАЗАМИ СТУДЕНТА
(70-е годы XX столетия)**

До поступления в вуз я не имел сколько-нибудь ясного представления о Харьковском медицинском институте. В семье не было представителей врачебной специальности. На решение о выборе специальности повлияло мнение родителей и примеры жизни их знакомых-врачей. Меня при выборе именно этой профессии привлекала ее конкретность. Так что знакомство с Харьковским медицинским институтом для меня началось в июле 1973 года, когда я, выпускник средней школы, представил свои документы в приемную комиссию ХМИ. В прохладном и, как запомнилось, сумрачном гулком вестибюле было довольно много людей, но очередь двигалась быстро. Следующим этапом знакомства с институтом стали приемные экзамены, которые проходили в аудиториях морфологического корпуса. И наконец, главное событие августа 1973 года — тревожное ожидание результатов и поиск своей фамилии в списках абитуриентов, зачисленных на первый курс.

Торжественное посвящение в студенты проходило в зале Харьковско-го академического драматического театра им. Т.Г. Шевченко, что в определенной мере говорило нам, вчерашним абитуриентам, о том, в каком уважаемом вузе мы проведем ближайшие шесть лет своей жизни. Во время этого действия мы увидели руководителей института и ощутили себя членами большого коллектива. Одновременно нам дали понять: начался сложный и ответственный этап нашей жизни, который потребует напряжения сил, настойчивости, упорства и трудолюбия.

В те времена учебный процесс во всех вузах СССР начинался ритуально с общественных мероприятий, которые назывались «трудовой семестр», или «колхоз». Для меня «колхозом» стал корпус первого терапевтического отделения областной клинической больницы, где работала ремонтная бригада из бывших абитуриентов. Это воспринималось как нечто естественное. Из впечатлений того месяца до сих пор помнится ощущение уважения к этому первому для нас медицинскому учреждению — факультетской терапевтической клинике. Правда, от былого величия учебной

факультетской клиники медицинского факультета Харьковского Императорского университета, специально предназначенной для учебного процесса, остался только амфитеатр учебной аудитории. К тому времени это уже была просто лечебница, в которой учат студентов. Былое величие и красоту этого строения мы особенно остро почувствовали, когда случайно оказались в подвале: здесь было нетронутое людьми и временем помещение. Его стены и пол, облицованные удивительно красивой желто-коричневой метлахской плиткой, фиолетовые вкрапления в орнамент которой придавали ей золотистый блеск, являли резкий контраст с тем, что представляли собой помещения «лечебно-диагностического предназначения», украшенные масляными панелями серого цвета. Казалось, прошлое хотело открыть нам какую-то тайну о том безвозвратно ушедшем времени, но дверь скрипнула, замок был закрыт — и мираж рассеялся.

К концу сентября наши трудовые будни были завершены и было объявлено, что первого октября начнутся занятия, поэтому студентам необходимо ознакомиться с расписанием. Эта с виду простая задача на деле оказалась достаточно сложной, так как расписание занятий представляло собой довольно большой стенд с очень сложной взаимосвязанной таблицей, где было указано время, место и наименование занятия. Из расписания мы узнали, что занятия начинаются в 9:00, кафедры находятся в разных корпусах, между парами, которых чаще будет по четыре в день, предусмотрен перерыв по 30 минут. Лишь в субботу мы могли рассчитывать иногда на две пары. Кроме того, расписание учебных недель не повторялось, так что надо было не пропустить еще и «особые отметки», что требовало дополнительного внимания и терпения.

Первый курс — это общая теоретическая подготовка. Часть предметов напоминают школьные времена: физика, математика, химия, биология, иностранный язык, история (тогда это была история КПСС) и даже физкультура. Рядом с ними были нормальная физиология и гистология, латинский язык. Но самый интригующий предмет — анатомия. Кафедра нормальной анатомии встретила нас специфическим запахом формалина, гулками коридорами анатомического театра, помнившего шаги Великих, и прекрасной фреской в аудитории, на которой Леонардо изучает тело молодого человека. Эта атмосфера внушала если не трепет, то уважение и пробуждала желание постичь науку, которая формирует алфавит Медицины.

Мое первое занятие в мединституте и было на этой кафедре. Здесь состоялось знакомство со всей группой. Нас было двенадцать, большинство — вчерашние школьники, двое — старше: Толик после армии, а Лена — медсестра с трудовым стажем и с шестилетним стажем абитуриента. К слову, она была для нас, «школьников», образцом настойчивости и трудолюбия все шесть лет учебы. В целом среди студентов лечебного факультета нашего второго потока первого курса 1973/1974 учебного года школьники составляли, наверное, процентов 80–90. На первом по-

токе были смешанные группы со студентами-иностранцами. Последние всегда были несколько старше — перед поступлением они учились год на подготовительном факультете в Харьковском университете.

Первые месяцы занятий оставили в памяти калейдоскоп «вала обязанностей и проблем» и еще — постоянное ощущение контроля и неотвратимости наказания за отступление от установленных правил. Все первые вводные занятия на всех без исключения кафедрах с первого по пятый курс включительно содержали ритуальное положение о необходимости посещения всех занятий, об обязанности студента выполнять домашнее задание и о том, что уважительных причин пропуска занятий практически нет. Кроме того, готовиться к занятиям необходимо было «надлежащим образом», т. е. согласно строго установленным на данной кафедре определенным правилам. Как мы узнали со временем, такие правила были практически на всех кафедрах, которые вели студентов первых трех курсов, и на большинстве четвертого и пятого курсов обучения. На шестом курсе эти правила заменил «Дневник субординатора», ведение которого контролировал преподаватель — наш куратор. За все студенческие учебные грехи (пропуски лекций и практических занятий по уважительной и неуважительной причине, неудовлетворительную отметку, невыполненное домашнее задание, вовремя не сданное итоговое занятие) наказание было одно — отработка. На каждой кафедре существовал график приема отработок и, конечно же, свой порядок их сдачи. Без отработок проходили только донорские дни (в соответствии со справкой, которую подтверждал деканат). На лекциях обыкновенными были переключки и поголовный пересчет всех присутствующих. Предварительно все старосты групп сдавали рапортчики ассистенту лектора — сотруднику кафедры (им мог быть лаборант, клинординатор, ассистент или даже доцент).

Но студенты все-таки жили весело, однако и веселье было своеобразным. Легенда гласила, что как-то 9 ноября, в какой-то из 1970-х годов, в один из деканатов ХМИ студенты пришли на прием к куратору — замдекана за «флагами, портретами вождей и лозунгами — отрабатывать пропущенную демонстрацию 7 ноября». Самое интересное — не все первокурсники воспринимали это как шутку (со второго курса все-таки знали, что демонстрации не отрабатываются).

В промежутках между сессиями были еще так называемые итоговые занятия: по завершении темы или раздела было что-то вроде зачета с оценкой. Призом, правда, не на всех кафедрах, было получение итогового зачета перед сессией «автоматом». Еще одной особенностью учета успеваемости были дифференцированные зачеты: тот же экзамен, правда, зачастую даже без присущей настоящему экзамену торжественности, но с занесением оценки в зачетную книжку и с соответствующими последствиями для стипендии: «тройка» исключала эту радость. Соответственно, стипендию получали только те студенты, кто учился на «хорошо» и «отлично». Если семестр проходил с высокой успеваемостью, то «ценз» для получения стипендии соответственно повышался: нужно

было не только не иметь троек, но еще набрать и определенный минимум «пятерок» из сданных экзаменов и дифференцированных зачетов.

Чтобы закончить эту тему, следует сказать, что стипендия была очень большой радостью для абсолютного большинства студентов. В нашей группе из 12 человек ее получали 6–8. На первых трех курсах она составляла 30 рублей, а потом — 40. Повышенная стипендия для отличников — на 10 рублей больше. В то время заработная плата у санитарки, медсестры, библиотекаря была 60 рублей. Выпускник мединститута получал «чистыми» 97 рублей 90 копеек. Пенсия в 30 рублей была обычным явлением. Так что, если у тебя было в кармане 10 рублей, «город перед тобой — бери». Из чего следует — за стипендию боролись!

Учебный процесс, начавшись на вводных занятиях в первую неделю октября каждого года, продолжался походом в библиотеку за учебниками. Для меня окончательным ощущением того, что школа закончилась, стало именно получение первых книг в библиотеке. Это были совсем другие книги! Даже «Биология» по своему виду и содержанию отличалась от школьного пособия. Не говоря уже про библию первокурсника — курс нормальной анатомии, и еще — анатомический атлас! В те годы переиздавался анатомический атлас Р.Д. Синельникова: три огромных, тяжелых красного цвета книги, внушавших будущим эскулапам благоговение. В библиотеке всем студентам выдавали «стандартный» набор книг — в соответствии с факультетом, курсом и семестром. Кроме того, были еще и талоны, по которым выдавали часть учебников из расчета 3–4 на группу. Последнее обстоятельство, конечно, усложняло жизнь, но, признаться, не являлось критическим в усвоении знаний. Кроме того, учебными пособиями для нас становились конспекты лекций и рабочие тетради или альбомы, которые мы вели в соответствии с установленными на кафедрах порядками. Так, на кафедре анатомии мы тут же столкнулись с необходимостью рисования и описания соответствующих анатомических элементов. А альбомы некоторых моих однокурсников, созданные на кафедрах гистологии, микробиологии, патологической анатомии, топографической анатомии, рентгенологии, были просто произведениями искусства. Жаль только, что не всегда нам разъясняли цель создания этих творений, их предназначение и роль в усвоении знаний и приобретении умений. Хотя она вроде как очевидна. Не совсем понимая цель поставленного задания, к его исполнению относишься формально, при этом теряя драгоценное время молодости. Но в этом-то и заключается работа и искусство преподавания — разъяснить и сделать для студента необходимым и позитивно мотивированным предъявляемое к нему требование.

Оценивая спустя годы (почти 40 лет) учебный процесс на первых двух курсах лечебного факультета ХМИ, вспоминаешь ощущение все возрастающего напряжения, «железную решетку» постоянного контроля, дисциплины, которая начиналась с самого простого — с формы (халат, шапочка — везде: и на лекции, и на практическом занятии). В свою очередь, тотальный контроль требовал от студента вырабатывать меры самокон-

троля. Это позволяло недавним школьникам штурмовать бастионы знаний, которыми для нас становились экзамены или зачеты, усваивать объемный материал, словом, становиться успешными студентами высшей медицинской школы.

Сейчас понимаешь, что во всем процессе преподавания на лекциях, семинарах и практических занятиях наглядность знаний проходила «красной нитью» — препараты, муляжи, опыты, эксперименты, расчеты... Это, конечно же, способствовало усвоению знаний, вольному или даже невольному (для тех, кто разделял предметы на «нужные» и «ненужные»). Наверное, продемонстрировать студенту «нужность» предмета — тоже искусство преподавания, которое ограждает в последующем пациентов от «специалистов, подобных флюсу». Иногда, правда, наглядность зашкаливала и была не совсем полезной, давая отрицательный результат, поглощая драгоценное учебное время. Так, например, до сих пор не пойму, зачем было мучить и убивать бедных лягушек для демонстрации известного еще в 1780 г. опыта Гальвани. Для чего было доказывать таким варварским методом уже доказанное? Неужели спустя 250 лет не придумали ничего лучше? Это рождало у студентов определенные сомнения в отношении компетенции преподавателей, хотя, не скрою, в большинстве случаев — скрытые. Этому способствовала студенческая байка: «Что такое экзамен? Это беседа двух умных людей! А что, если один из них окажется совсем не таким? Тогда его оппонент останется без стипендии!».

Кроме того, на формирование базовых в своем большинстве теоретических знаний значительное влияние оказывает личность преподавателя, его положение в иерархии предмета преподавания. Например, это было заметно при сравнении, правда, ретроспективном, курсов преподавания физики и математики, химии и курса биохимии. Не умаляя трудолюбия, отдавая должное преподавателям кафедр физики, химии, общей биологии, вспоминая большинство из них с добрыми чувствами и симпатией как хороших и доброжелательных людей, понимаешь то, что мы, студенты, очень живо реагировали на появление личностей особенных, ярких. Так, мы отмечали харизму А.М. Утевского, которая распространялась на весь педагогический состав кафедры биохимии и охватывала предмет, который поглощал студента, вводя его в таинственный мир превращений неживого в живое. То же можно сказать и о кафедре гистологии, которую возглавлял в те годы Б.В. Алешин. Их имена были отождествлены для нас с символами высших достижений науки по этим направлениям и не требовали дополнительного упоминания титулов, должностей и званий.

Второй курс оставил воспоминания чувства сброшенной тяжести теоретических предметов, в первую очередь, анатомии. Второй семестр второго курса воспринимался как облегчение: занятия, как правило, заканчивались к 15:00, четвертые пары были редкостью, а иногда и вовсе было две пары, правда, довольно редко. Для меня занятия на втором курсе закончились к концу мая: удалось записаться в отряд студентов, которые работали воспитателями и вожатыми в пионерском лагере профсоюза

медработников «Медик». Так как работа в лагере начиналась уже с конца мая, нам дали возможность досрочно сдать сессию, что также облегчило участь студента.

Третий курс традиционно начался в октябре. Из расписания мы узнали, что нас ждут встречи на кафедрах теоретического профиля, которые формируют уже базу клинических знаний: патологической физиологии, патологической анатомии и фармакологии. И, конечно же, вызывали определенное волнение, помноженное на интерес и рассказы студентов старших курсов, клинические дисциплины: пропедевтика внутренних болезней и общая хирургия. Также на этом курсе мужская часть советских студентов начинала обучение на кафедре военной подготовки. Неизменной частью обучения была и одна из общественных дисциплин — научный атеизм.

Среди впечатлений, которые время оставило в памяти о курсах теоретических дисциплин, останавливаешься, конечно же, на личностях преподавателей. Патологическая физиология воспринимается как фон для портрета эмоциональной, интеллигентной и влюбленной в свою специальность Р.У. Липшиц, который был неотделим от уже ушедшего, но неизменно присутствовавшего на ее лекциях Д.Е. Альперна. Патологическая анатомия — одно из евангелий студента-медика, по страницам которого нас вела профессор А.Я. Яковцова. Музей кафедры, который начинался тут же в коридоре и отделами которого, как мы со временем узнали, были все учебные комнаты и кабинеты кафедры, формировал у студента особый пиетет к этому предмету. Курс обучения был неизменно связан с исследованием макро- и микропрепаратов, которое оживляло страницы достаточно тяжелого учебного фолианта и, как показала жизнь, формировал довольно надежный фундамент для познания клиники и всей последующей врачебной практики. Надо отдать должное постановке учебного процесса на этом курсе — патологическую анатомию «обойти» было практически невозможно.

Фармакология — теоретическая дисциплина, «сухость» которой для нас растворялась в образе Н.С. Харченко, заведовавшего в те годы кафедрой. Эта системная дисциплина, требовавшая уже синтетических знаний, в том числе из курса химии, анатомии, биологии, патанатомии и патофизиологии, вводила нас в сферу практической врачебной деятельности. Нашу группу вела доцент Л.Т. Киричек, под руководством которой мы научились постановке эксперимента, обработке полученных результатов и написанию на их основе научной работы. Надо отметить, что работа научных студенческих кружков была хорошо поставлена практически на всех кафедрах. Так что, помимо «проявления активности» для позитивного результата на заключительном экзамене, студент мог ознакомиться на практике с содержанием и формой конкретной деятельности. Через кружки зачастую и делался выбор будущей специальности.

Встреча нашей группы с клиникой произошла в октябре 1975 года на кафедре пропедевтики внутренних болезней, которой руководил про-

фессор Н.И. Штельмах. Она размещалась на базе терапевтического стационара городской клинической больницы №11 в переулке Руставели, 10. В первый день, перепутав переулок с улицей, я зашел в хирургический стационар, что оставило воспоминания о встрече с какой-то «медицинской какофонией», состоящей из длинного сумрачного коридора, белого цвета халатов и постельного белья, никелированного металла кроватей и мебели и силуэтов больных в виде темных бесформенных фигур. В здании бывшего Николаевского училища, которое время и судьба превратили в стационар для двух терапевтических и пульмонологического отделения, было несравненно светлее. Высокие потолки и большие окна бывшего учебного заведения создавали ощущение большого пространства, несмотря на проведенные перестройки: учебные комнаты представляли собой фанерные пеналы-загородки в коридоре, где стояли по дюжине стульев и несколько столов и «в тесноте, да не в обиде» располагались студенты с преподавателем. Так как в больнице не было большого зала, лекции по этой кафедре читали нам, как правило, в аудитории первой терапевтической клиники областной больницы по проспекту Правды или в других аудиториях клинического городка. Курс пропедевтики ввел нас в клиническую специальность. Здесь состоялись наши первые контакты с больными, где мы выступали уже в качестве «будущих врачей». Из запомнившихся моментов учебы — курс по электрокардиографии, который на этой кафедре был факультативным для студентов-кружковцев. Он был полезен и проводился преподавателями кафедры неформально, что ощущалось студентами как элемент коллегальности.

На кафедре ПВБ мы обрели первый опыт по курации больных. Как правило, курация была связана с определенной учебной темой и завершалась написанием так называемой «истории болезни», которая фактически была своеобразным рефератом научной литературы в контексте конкретного клинического случая. Этот модус был принят на всех клинических кафедрах.

Кафедра общей хирургии находилась на базе 1-й городской клинической больницы им. В.И. Ленина. Эта старейшая в городе клиника к тому времени была клинической базой для подготовки студентов-медиков уже более века. Тогда она была многопрофильной, имевшей в своем составе отделения терапевтического, хирургического и акушерско-гинекологического профиля, размещенные в соответствующих корпусах. Кроме того, там было еще и неврологическое отделение, находившееся в отдельном корпусе. Так что на пути к своей учебной комнате нам порой приходилось проходить сквозь галерею специализированных стационарных отделений, становясь невольными свидетелями рутинной больничной жизни. Особенностью учебного процесса на кафедрах хирургического профиля, а кафедра общей хирургии в этом ряду была для нас первым опытом, было посещение операционных. Это связано с тем, что преподаватели кафедры, как правило, являются активными клиницистами, а хирургическая практика не очень считается с учебным расписанием.

Хотя нельзя исключить и определенную дидактическую необходимость подобных демонстраций. Так, например, в первой больнице во время таких практических занятий мы довольно близко ознакомились с работой анестезиологов, с работой палат интенсивной терапии. Сказать, что мы могли увидеть технику работы хирурга, нельзя, но порой были свидетелями почти драматических картин, разворачивавшихся стремительно, и соответственно могли оценить усилия и роль врачей в разрешении этих ситуаций.

На этих кафедрах мы столкнулись и с таким феноменом медицинского образования, как демонстрация больных на лекциях. Как правило, это вызывало у нас, студентов, достаточно большой интерес, особенно, если демонстрация сопровождалась логичным пояснением. Однако после просмотра учебного кинофильма, созданного сотрудниками кафедры общей хирургии, который был посвящен клиническому случаю, зародилось сомнение, стоит ли в веке XX пользоваться учебными технологиями эпохи Возрождения. Во всяком случае, воспоминания о демонстрации на одной из лекций больного с объемным процессом в брюшной полости, оставило непреходящее ощущение неловкости и даже чувства вины перед этим несчастным. Что же касается лекций терапевтического профиля, то присутствие больного в лекционном зале было вообще малооправданным даже с точки зрения наглядности, так как прослушать тоны сердца или хрипы в легких, а тем более пальпировать или перкутировать пациента мог или лектор или лишь один из почти двухсот студентов. Более наглядными для нас были описания конкретных клинических ситуаций, которые лектор приводил в контексте своего сообщения.

Оценивая лекционный материал кафедр общей хирургии и ПВБ с прагматической студенческой позиции как подготовку к экзаменам или, как минимум, к практическим занятиям, можно сказать, что он создавал определенный настрой и вводил нас в атмосферу учебной дисциплины, хотя не содержал конкретных установок или положений. А конкретные знания и тем более умения были уделом практических и семинарских занятий, источником знаний для которых были учебники, а со временем и монографии. Кроме того, освоение практических навыков и умений проходило и во время учебной практики. По завершении третьего курса у нас была так называемая сестринская практика, которую я, например, проходил в отделении реанимации и интенсивной терапии той же первой городской больницы.

В целом трехлетний курс обучения формировал прочную и широкую теоретическую базу и вводил студента в клиническую жизнь, что подтверждали мои однокурсники на практике: со справкой студента уже четвертого курса они работали на должностях медицинских сестер-дежурантов в клиниках и на «скорой помощи». И работали, как правило, хорошо.

Четвертый курс обрушил на наши головы водопад дисциплин. Помимо факультетских клинических дисциплин — терапии и хирургии, которые были логичным продолжением соответствующих предметов третьего

курса, мы стали изучать «узкие» клинические дисциплины, которых было довольно много. Четвертый и пятый курсы запомнились очень напряженным графиком — по три пары было только по субботам, а в остальные дни — по четыре, до 17:15. Кроме того, необходимость подготовки бесконечного числа рефератов и «историй» требовала регулярного посещения библиотеки. В то время Харьковская научная медицинская библиотека (или как ее сокращенно называли — ХНМБК) находилась в здании по ул. Сумской, 4. Это было очень востребованное учреждение в медицинской среде — от студентов и рядовых врачей до профессоров, руководителей институтов и известных в городе клиницистов.

С четвертого курса студенты, выбирая себе будущую специальность, более активно работали в научных студенческих кружках. И традицией был, конечно, аншлаг в кружке кафедры акушерства и гинекологии лечебного факультета, которой руководил В.И. Грищенко. Хотя студенты понимали, что выбор специальности и последующее распределение связаны не только с успехами в учебе и желанием, а обусловлены «рядом объективных и субъективных факторов». Впрочем, так было и до нас, есть и сейчас и будет после...

Что из этих лет особенно запомнилось, о чем вспоминаешь? Наверное, люди, личности, которые оставили след в знаниях, эмоциях, в отношении к жизни и к профессии. В этом ряду выделяется массивный и несколько вальяжный заведующий кафедрой дерматовенерологии Б.А. Задорожный и его академически выверенные лекции, сопровождаемые каскадом слайдов. Причем иногда в этом профессорском образе проскальзывали ирония и юмор фронтовика и начальника, довольно много повидавшего на своем пути. Остался в памяти и харизматичный, интеллигентный, аккуратнейший, всегда в накрахмаленном халате, в наутюженных, с острыми стрелками брюках доцент той же кафедры — В.И. Сербин. Вспоминается и грубоватый, но без личностных переходов, тоже фронтовик, доцент кафедры оториноларингологии А.М. Шкиль. Быть «не на уровне» на его занятиях было как-то неудобно и стыдно. Эмоционально, но очень рационально были построены лекции, которые читала заведующая кафедрой инфекционных болезней Т.Т. Черная. Запомнилась «инструкция», которую дала академик Л.Т. Малая студентам, которые планировали связать свою жизнь с наукой: «Научитесь печатать на машинке, фотографировать и читать научную литературу на английском языке». Осталась в памяти и ее лекция, на которой она рассказала о случае из своей практики — об особенностях клинического проявления гипотиреоза.

На пятом курсе судьба студента решалась принципиально: за ним шел шестой курс — субординатура по одной из основных специальностей, что, собственно, и определяло последующий профессиональный путь. Шестой курс — это почти праздник. Нашей базой была 28-я городская больница, в стационаре и поликлинике которой наша группа проходила подготовку. Обучение — одно удовольствие, во всяком случае такие ощущения сопровождают воспоминания о том времени. Истории болезни и рефераты,

и даже дневник субординатора уже не вызывали каких-либо трудностей, а режим занятий по сравнению с предыдущими годами был «легчайшим» — в 15.00, а иногда и раньше мы были свободны! Несколько оживилась наша «культурная программа» — кино и театры. Но не намного: уже стали старше и взрослее, появились и другие заботы.

Как показала жизнь, полученные знания были надежной основой для нашей профессиональной деятельности. Наверное, главным было то, что нас научили не только некоторой абсолютной сумме знаний, но и учиться, что для врача является неотъемлемой частью работы.

З.П. ПЕТРОВА

**ДЛЯ МЕНЯ ВСЕ
НАЧИНАЛОСЬ
С СУМСКОЙ, 1...**

Начало моей работы в Харьковском медицинском институте пришлось на конец 1961 года. 6 декабря я была зачислена на должность лаборанта кафедры организации здравоохранения, в 1963 г. стала старшим лаборантом, в 1966 г. — ассистентом, в 1973 г. — старшим преподавателем. Кафедрой тогда руководил доктор медицинских наук, профессор Зиновий Анатольевич Гуревич.

Кафедра в то время располагалась в здании по ул. Сумской, 1, имевшем историческое значение: здесь с 1910 по 1920 г. проходили занятия Женского медицинского института, созданного Харьковским медицинским обществом, затем оно стало главным корпусом Харьковской медицинской академии, образованной в результате объединения медицинского факультета университета с Женским медицинским институтом, с 1921 г. — Харьковского медицинского института и оставалось его главным корпусом до введения в строй в 1957 г. здания по пр. Ленина, 4. Дом по Сумской, 1 до революции принадлежал Северному банку, поэтому центральную его часть занимал большой кассовый зал высотой в два этажа, заканчивавшийся вверху световым фонарем. В 1961 г., уже на моей памяти, этот большой зал был спортивным. Верхние этажи здания, которое студенты называли «Сумская, раз», занимали гигиенические кафедры. На третьем этаже располагались две кафедры. Если от входа с Сум-

ской улицы повернуть влево, дойти до лестницы, которая находилась под термометром (вход этот с площади Тевелева, ныне Конституции, был наглухо закрыт, а когда-то именно им пользовались курсистки Женского медицинского института), подняться на третий этаж, попадешь на кафедру организации здравоохранения. Если вправо, то другая лестница вела на кафедру общей гигиены (заведующий — профессор Моисей Львович Кошкин). Проход между ними был фундаментально перекрыт по инициативе, как говорили, кафедры общей гигиены. Это позволило превратить проходной коридор в дополнительную учебную аудиторию кафедры организации здравоохранения; окно которой выходило на верхнюю часть светового фонаря. Три кафедры четвертого этажа имели сквозной проход. Со стороны площади находилась кафедра гигиены питания (заведующий — профессор Владимир Александрович Сиворонов), затем шла кафедра гигиены детей и подростков (заведующий — доцент Анатолий Андреевич Сычев), еще дальше — кафедра коммунальной гигиены (заведующий — профессор Василий Михайлович Жаботинский). На пятом этаже со стороны площади располагались кафедра гигиены труда (заведующий — профессор Зиновий Давидович Горкин) и кафедра общей химии (заведующий — профессор Леон Михайлович Андреасов). В этом же здании находились библиотека и виварий.

В 1972 г. после завершения строительства корпуса «А» во дворе главного корпуса по проспекту Ленина, 4 наша кафедра, которая с 1966 г. стала называться кафедрой социальной гигиены и организации здравоохранения, была переведена в этот корпус, где заняла половину третьего этажа, поделив его с кафедрой гигиены питания.

Чтобы ввести меня в курс кафедральных дел и ознакомить с основами статистики — главного метода проводившихся на кафедре исследований, Зиновий Анатольевич определил меня в помощники к Александру Андреевичу Кривицкому, который завершал работу над кандидатской диссертацией. Прежде чем писать очередную главу, он подробно мне о ней рассказывал, уверяя, что так ему самому становится яснее ее содержание. Вскоре профессор, убедившись в моей грамотности, подключил меня к разработке материалов и оформлению диссертаций сотрудников кафедры и руководителей практического здравоохранения. Последних в это время было особенно много среди заочных аспирантов и соискателей. Мне пришлось работать с Н.Л. Захарченко — заведующим Полтавским облздравотделом, Г.Е. Торским — заведующим Харьковским горздравотделом, М.Ю. Палфием — заведующим Закарпатским облздравотделом и другими. Проф. З.А. Гуревич осуществлял общее руководство, определял направление поиска, трактовки и оценки данных. Мне он поручал выявление и исправление неточностей, но часто приходилось прибегать не только к стилистической, но и смысловой правке работ. А затем профессор стал поручать мне проверку правильности стиля собственных работ. Вначале я приходила к нему с листом, где просто волнистой линией были отмечены стилистические погрешности, и мы вместе их исправляли.

Потом он потребовал, чтобы я приходила с готовыми предложениями по исправлению неточностей. Я так и стала делать, и чаще всего он с ними соглашался, но не всегда. Тогда я стала предлагать два варианта улучшения текста, из которых профессор выбирал тот, который считал наиболее приемлемым.

К особенностям творческого метода Зиновия Анатольевича относилось умение работать с литературой: все монографии и статьи по интересующему его вопросу, которые он мог получить в институтской научной библиотеке и по межбиблиотечному абонементу, им использовались. Появлялась необходимость сделать вставку в уже написанную главу или раздел. Эту вставку профессор писал на узенькой полоске бумаги с указанием места, для которого она предназначена. При появлении новых данных у него возникало желание подать материал под другим углом зрения, и начинались многочисленные перестановки, для чего готовый текст разрезался на полосочки, которые получали обозначения 11-а, 11-б, 11-в и т. д., иногда до десятка. Эта «лапша», как называла рванный текст машинистка, попадала к ней на стол для печатания. Тогда печатали на пишущих машинках, опечатки исправляли черными чернилами, а при необходимости более крупных исправлений перепечатывали всю страницу. Ошибиться в очередности узких полосок или потерять одну из них было легко. И Зиновий Анатольевич требовал, чтобы текст, напечатанный на машинке, сверялся с рукописью. Для этого мы с лаборанткой Нилой Григорьевной Житеневой, которая исполняла обязанности машинистки, вычитывали текст. Наши столы стояли напротив друг друга в отгороженной фанерной стенкой нише рядом с кабинетом профессора. По очереди мы читали вслух материал; я читала по напечатанному тексту, чтобы заодно выявлять опечатки, а она по рукописи. Зиновий Анатольевич был уверен в нашей добросовестности, поэтому сам лишь бегло просматривал текст. Когда я по конкурсу была переведена в ассистенты, он иногда обращался ко мне уже не с поручением, а с просьбой проверить его материал, я, конечно, не могла отказаться. А профессор в это время активно работал: готовил второе издание монографии «Коронарная болезнь», писал «Инфаркт миокарда». В эту вторую монографию с указанием авторства был включен разработанный, проанализированный и описанный мною материал о различиях отрицательных психических эмоций у заболевших инфарктом миокарда и у лиц контрольной группы.

Когда Зиновий Анатольевич предложил мне работать над кандидатской диссертацией, я была удивлена. Ведь я понимала, что медицинская тема, порекомендованная им, и мое филологическое высшее образование плохо сочетаются. Но профессор уверил меня, что я справлюсь, и обнадежил, что я могу претендовать на степень кандидата биологических наук. Тема диссертации об истории социальной гигиены на Украине с 1861 по 1932 год была выбрана не случайно. В конце 1920 — начале 1930-х годов З.А. Гуревич выпустил наиболее значительные свои монографии довоенного периода «Проблемы половой жизни» и «Алкоголизм», которые

явились существенным вкладом в советскую социальную гигиену. Оценка его весомого вклада в освещение этих и других проблем социальной гигиены я уделила в диссертации должное место. Поэтому на отсутствие внимания руководителя к моей работе я жаловаться не могла, за что была глубоко благодарна Зиновии Анатольевичу.

В январе 1978 г. в связи с производственной необходимостью курс истории медицины был передан на кафедру гигиены питания, куда перевели и меня. Тогда этой кафедрой руководила доцент Мария Ивановна Иващенко, а вскоре ее возглавил профессор Михаил Владимирович Кривоносов. Он был мягким, либеральным руководителем, не применял прессинга, не пользовался методом «закручивания гаек», вместе с тем был справедлив, умел замечать хорошее и плохое в работе подчиненных. И еще ему была свойственна очень ценная для руководителя черта: он не забывал похвалить за добросовестное отношение к работе. Однажды расписание было составлено неудачно — подавляющее количество лекций по истории медицины поставили на декабрь. Лекции у меня были практически ежедневно, причем все семинарские занятия тоже были моими. Когда семестр закончился и студенты получили зачеты, на заседании кафедры в присутствии всех преподавателей Михаил Владимирович отметил, что я успешно справилась с трудным семестром, и поблагодарил меня. И я до сих пор помню, как мне была приятна эта заслуженная благодарность, хотя с тех пор прошло более 25 лет.

Глубокое искреннее уважение преподавателей и студентов Михаил Владимирович заслужил и на посту декана санитарно-гигиенического факультета и проректора университета по учебной работе. Все отмечали его профессионализм, преподавательский талант, широкую эрудицию. Несмотря на постоянную занятость, он держал двери своего кабинета открытыми для всех, кому нужны были консультация или совет. Люди выходили от него с осознанием того, что полученный совет наилучшим образом решает проблему, которая казалась неразрешимой. Я хорошо помню, как тяжело восприняли сотрудники университета внезапную смерть Михаила Владимировича, посчитав ее не только утратой для университета, но и личным горем.

В 1988 г. курс истории медицины был снова переведен на кафедру социальной гигиены и организации здравоохранения. Так получилось, что я проработала в университете фактически 50 лет. Когда в середине сентября 2011 г. я ушла на пенсию, то решила не создавать дополнительных трудностей для кафедры, дочитать курс лекций до конца, теперь уже на общественных началах. Последняя моя лекция студентам, проходившим курс истории медицины в осеннем семестре, состоялась 6 декабря, ровно через полвека после моего зачисления в штат Харьковского медицинского института, ставшего ныне Харьковским национальным медицинским университетом.

Сохранилось яркое воспоминание о том, как проходили собрания коллектива института перед началом учебного года. В 1960-е годы собрания

проводились в открытом летнем кинотеатре в саду Шевченко. Уже сам поход в сад в ясный августовский день придавал событию праздничность. С интересом выслушивали отчет ректора об итогах предыдущего года и задачах на новый учебный год. Последующие выступления представлялись проректорам и уважаемым профессорам, обладавшим ораторским даром. Производили впечатление замечательные выступления профессора Владимира Александровича Белоусова, который находил такие проникновенные слова напутствия новому поколению студентов, что вызывал живой отклик не только у них, но и у пожилых, умудренных опытом преподавателей.

Глубокое уважение, граничащее с преклонением, вызывали у меня и не только у меня профессора старшего поколения — авторы учебников, фундаментальных трудов, открытий, которых отличали, помимо научных заслуг, такт, доброжелательность, высокие моральные нормы, ставшие их кредо. Однажды Зиновий Анатольевич послал меня с каким-то мелким поручением, скорее всего, передать что-то, к профессору Даниилу Евсеевичу Альперну, члену-корреспонденту АН УССР, автору учебника патологической физиологии, многократно переиздававшегося, переведенного на иностранные языки, в том числе на английский, немецкий, китайский. Я была тогда всего лишь лаборанткой, но при моем появлении профессор встал, стоя выслушал меня и даже проводил до дверей кабинета. Я, конечно, была польщена.

В 1984 году в институте торжественно отмечали 90-летие со дня рождения профессора Александра Захаровича Цейтлина, создателя огромной научной школы хирургов, почетного члена Всесоюзного научного общества хирургов. Поскольку Александр Захарович был членом Общества историков медицины в составе Харьковского медицинского общества, правление историко-медицинского общества тоже решило поздравить его. На расширенное заседание совета ХМИ, на котором проходило чествование, направили хирурга доцента Василия Ивановича Кудинцева и меня как председателя общества. Для подарка мне удалось достать красочно изданную во Львове книгу о хирургии начала XVIII века, написанную на латыни Николаем Бидлоо и переведенную на русский язык. Сказать слова приветствия поручили Василию Ивановичу, известному своим красноречием. Во время длительного выступления Александр Захарович слушал оратора стоя. Так же стоя в течение двух часов заседания он выслушал всех поздравляющих его. Я была потрясена. Но Александру Захаровичу глубоко укоренившиеся правила хорошего тона не позволяли сидеть, когда к нему обращались с приветствиями. В коллективе института за ним прочно утвердилась репутация джентльмена.

Многолетние добрые отношения были у меня с профессором Василием Михайловичем Жаботинским, автором вместе с академиком АМН СССР Александром Никитичем Марзеевым учебника «Коммунальная гигиена», который четырежды переиздавался и был переведен на польский и китайский языки. Василий Михайлович часто бывал на нашей кафедре

и в официальной, и в непринужденной обстановке. Регулярно участвовал он в межкафедральных заседаниях, где обсуждались диссертационные работы, подготовленные под руководством профессора З.А. Гуревича. В 1960–1970 гг. работа по подготовке научных кадров шла на кафедре наиболее активно. Я в это время была постоянным секретарем всех заседаний кафедры, конспектировала выступления, а затем по своим заметкам составляла обширные протоколы. С одним из них я пришла к профессору Жаботинскому как к председателю заседания за его подписью. Просмотрев протокол на нескольких страницах, он неожиданно поинтересовался размером моей зарплаты (я тогда была лаборантом и, естественно, получала мало) и сказал: «На вашем месте я за такую зарплату писал бы менее пространные протоколы». После некоторого периода сомнений и колебаний я частично последовала его совету.

Василий Михайлович самозабвенно любил книги, собрал обширную библиотеку, был основателем общества книголюбов в Харькове. В его библиотеке на меня наибольшее впечатление произвели подарочные крупноформатные издания шедевров классической литературы и альбомы живописи. Он их не только собирал, но и сам был большим знатоком общей истории, литературы, искусства, архитектуры.

В.М. Жаботинский входил в состав правления Общества историков медицины, был одним из активнейших докладчиков на его заседаниях. В 1972 г. мы с ним были участниками симпозиума, посвященного 50-летию кафедр социальной гигиены в СССР, проводившегося в Виннице. В своем выступлении он рассказал об указах Петра I, относящихся к медицине, образованию и другим вопросам, цитируя документы начала XVIII века, написанные красочным языком, пронизанные грубоватым мужицким юмором. И цитаты эти он приводил прямо из привезенных с собою двух фолиантов: указов первого российского императора Петра I и описания Санкт-Петербурга. На присутствующих, понимавших ценность этих редчайших изданий, выступление профессора Жаботинского произвело неизгладимое впечатление. Доставить эти две книги в Харьков он поручил мне, потому что должен был куда-то заехать. Весь перелет до Харькова я с благоговением перелистывала страницы этих книг, находя в них много интересного и полезного для преподавания истории медицины.

Я очень уважала Василия Михайловича за то, что, хотя третье и четвертое издания учебника «Коммунальная гигиена» выходили после смерти А.Н. Марзеева, переработаны и дополнены они были В.М. Жаботинским, на обложке по-прежнему стояла первой фамилия его учителя. У меня есть эти два последних издания с дарственными подписями. Одна из них гласит: «Дорогой Зое Петровне Петровой на добрую память и в знак сердечного расположения — автор В. Жаботинский». Горжусь!

Добрые отношения сложились у меня с профессором Иваном Ивановичем Грищенко, заслуженным деятелем науки УССР, почетным членом Всесоюзного и Украинского обществ акушеров-гинекологов. Истоки его хорошего ко мне отношения я вижу в том, что Иван Иванович был дружен

с моим отцом, доцентом Петром Тимофеевичем Петровым, оба прошли дорогами войны и фронтовое братство было для них очень дорого. Они и работали вместе в деканате: И.И. Грищенко был деканом лечебного факультета, а П.Т. Петров — его заместителем.

По инициативе И.И. Грищенко как заместителя председателя Харьковского научного медицинского общества по связям с профильными обществами секция истории медицины (я была ее председателем) при Обществе гигиенистов в 1979 г. была преобразована в самостоятельное Общество историков медицины. Профессор Грищенко вошел в его правление, меня избрали председателем нового общества. Мы общались на заседаниях, встречались для обсуждения тематики следующих докладов и сообщений. Для участия во II Всесоюзном съезде историков медицины (Ташкент, 1980) харьковскому обществу выделили три делегатских билета. На два из них стали претендовать руководители органов здравоохранения, но мне удалось отстоять кандидатуру И.И. Грищенко, и на съезд поехали заведующий Облздравотделом В.С. Яворский, профессор И.И. Грищенко и я как председатель общества. Там я убедилась в организаторских талантах Ивана Ивановича, которые проявлялись и в необычных условиях. На банкете по случаю окончания съезда он как-то неожиданно легко и просто стал душой огромного коллектива, под его руководством зал с энтузиазмом стал подпевать: «По морям, по волнам, нынче здесь, завтра там». А куплеты звучали в исполнении самого Ивана Ивановича, для 83-летнего человека он пел замечательно.

Иван Иванович отличался отзывчивостью, которая привлекала к нему сердца людей, доброжелательностью, умением вести себя так, что никто не чувствовал огромной разницы между ним, известным ученым, и теми, кто только делал первые шаги в науке. Он пользовался глубоким уважением и преподавателей, и студентов, именно поэтому его избрали председателем комиссии по связям с выпускниками нашего института. При несомненных, общепризнанных научных заслугах (не случайно его называли «патриархом» украинских акушеров-гинекологов), Иван Иванович был прост и доступен в общении. Помню, как мы однажды, сидя в клинике, в его длинном, похожем на пенал кабинете, непринужденно беседовали о достоинствах поэтов-юмористов начала XX века Саши Черного и Петра Потемкина. Я читала отрывки из их стихотворений, а Иван Иванович посмеивался и с юмором комментировал услышанные строчки.

Я особенно ценила то, что Иван Иванович проявлял исключительный интерес к истории медицины, выступал с докладами об известных акушерах-гинекологах, ратовал за сохранение памяти о них. На конференции, посвященной открытию музея истории медицины Шевченковского района И.И. Грищенко выступил с докладом о жизни и деятельности профессора Л.И. Бубличенко. В 1981 г. профессор Грищенко сделал доклад о И.В. Попандопуло на конференции, посвященной его памяти. Конференция была приурочена к 60-летию открытия созданной И.В. Попандопуло первой в Харькове государственной акушерско-гинекологической

больницы на Москалевке. Тогда же на здании больницы была установлена мемориальная доска. Деятельное участие Ивана Ивановича Грищенко в работе Общества историков медицины ХНМО прекрасно согласовывалось с его словами: «Когда человек достигает определенного возраста, он начинает остро интересоваться историей своей специальности». Но интересы И.И. Грищенко не ограничивались историей только акушерства и гинекологии, а простирались гораздо шире и глубже.

Л.В. БОКАРИУС

ПРЕКРАСНЫЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

1-е сентября 1961 года. Что это за толпа у здания Главпочтамта на площади у Южного вокзала? Это студенты едут в колхоз. Именно здесь начался для нас Харьковский медицинский институт. Нет, конечно, мы уже были в институте, но только как абитуриенты, сдающие вступительные экзамены и еще не знающие, станем ли студентами. А теперь мы уже студенты и едем помогать колхозникам собирать урожай. И видели мы друг друга на вступительных, но имен друг друга еще не знаем. Знаем только, что зачислены в такую-то группу лечебного факультета. Потому что ведь есть еще два — педиатрический и санитарно-гигиенический, не заблудиться бы. Хорошо еще, что стоматологи имеют свой отдельный институт.

Значит, наша — 1-я группа первого курса лечебного факультета. Что ж, будем знакомиться. Вот староста — Толя Мирошниченко, его провожают жена с ребенком. Солидный человек, значит. Не то что мы, прямо после школы. А вот этого высоченного красивого парня помню со вступительных, такого попробуй не запомни. Зовут его Антон Жук. Отлично, будем в одной группе. Так, кто еще наши одноклассники? Эту девушку мне запомнить легко, потому что это Галка Вахова, с которой мы десять лет учились в параллельных классах. А вот с этими ребятами еще предстоит сдружиться. Это Боря Торбин, Ира Баласанян, Олечка Крайнова, Юрка Козин, Юра Станиславский, Леночка Иванова, Толя Никитин (тоже из нашей с Галкой школы), Наташа Халина, Валюша Эйдумова, Леня Губский. Потом уже к нам присоединятся Гена Аксинин и Паша Шевчук, которые

сейчас на соревнованиях: играют в волейбол за республику! А попозже еще и Галя Конева. Ну и не едут с нами в колхоз наши африканские друзья, первые студенты-иностранцы из капиталистических стран в истории института.

А вот староста 2-й группы — Ваня Ганджук. С этой группой мы поедем в один колхоз и постоянно будем в паре и учиться, и «колхозничать». Тут Эмма Перепелкина, Сережа Захарченко, Нонна Муха, Ира Гуревич, Людочка Корниенко — всех не упомяну. В общем, по вагонам — и дружить. И работать заодно, конечно. А от преподавательского состава с нашими двумя неуемными группами едет аспирант кафедры акушерства и гинекологии Н.Г. Богдашкин. И вот, через целых полтора месяца мы, уже крепко сблизившиеся и привыкшие друг к другу, приходим на первые занятия в институт и с головой окунаемся в азы того, что потом поведет нас в самые разные клиники. Но до клинических кафедр еще ой как далеко. Ведь мы только начинаем познавать эти самые азы...

Но не буду рассказывать обо всех наших повседневностях. Сейчас мне просто хочется немного повспоминать о тех прекрасных годах и главное — о людях, которые были рядом с нами тогда. О тех, которые сидели с нами за одними партами (о части из них, самых близких, я уже упомянул). И о тех, которые делали все возможное для того, чтобы мы стали специалистами своего дела, могли лечить людей или заниматься наукой о лечении. Только годы спустя мы смогли осознать, как нам повезло иметь учителей, которые у нас были. Нормальную анатомию мы слушали от самого Рафаила Давидовича (Рафы) Синельникова, по изумительным атласам которого заучивали все форамены и сулькусы. С каким вниманием мы слушали его лекции, которые он так остроумно разбавлял разными забавными историями и шутками, чтобы мы не слишком уставали. Ведь не дай бог ошибиться в названии и локализации — и ведущие группы ассистенты В.В. Бобин, Б.М. Смолкина, Иоффе пошлют на отработку. И только ли по анатомии? А по физике? По всем химиям? В общем, работы хватало. Но я не об этом, а о наших учителях. Сколько их прошло войну и просто солдатами, и военврачами фронтовых госпиталей. А еще преподавал нам человек, на руке у которого были вытатуированы концлагерные номера. Выжил, слава Богу!

Так вот об учителях. Лекции нам читали те, по чьим учебникам мы учились. Да и вы, наверное, по сей день держите в руках монографии с этими именами на обложках. Арон Михайлович Утевский читал нам биохимию. Гистологию мы не только учили, но и зарисовывали, слушая лекции Бориса Владимировича Алешина. А о том, чем отличается патологическая физиология от нормальной, рассказывал нам Даниил Евсеевич Альперн. Микробиологию в нашей группе вел Анатолий Яковлевич Цыганенко — по слухам, очень строгий, а на самом деле добрейший доцент. А потом пошли клинические кафедры, и как тут не вспомнить Ивана Ивановича и Валентина Ивановича Грищенко. Сколько добрых слов хотелось бы сказать о сердечности и всегдашнем понимании на кафедре неврологии

со стороны тогда еще доцента Евгения Григорьевича Дубенко. А поглядели бы вы, как оперировал изувеченной на фронте рукой легендарный уролог Владимир Иванович Шаповал!

В общем, могу только повторять, как повезло нам, студентам начала шестидесятых!

А кроме учебы, кипела же вокруг и обычная каждодневная жизнь, с дружбой, размолвками и любовью, в конце концов. А под чьим чутким руководством мы дружили, любили, добивались успехов во всем? Конечно же, комсомола. Шутка. Но в каждой шутке доля-то правды есть. И когда в курсовых, факультетских, институтских комитетах комсомола были порядочные и настоящие ребята, то многое в тогдашней студенческой жизни получалось гораздо лучше, чем иногда могло быть. Именно такими настоящими ребятами были Вася Вандык, Сережа Недоступ, Игорь Дикий. Не знаю, где они и как они сейчас, но, если дойдут до них мои слова, то спасибо им за то, что они были такими, какими были.

Господи, мог бы рассказывать и рассказывать, да разве можно сказать обо всех, кто оставил добрый след в душах и судьбах наших. Пора и честь знать. Говорил же — просто хотелось повспоминать, душой окунуться в тепло тех незабываемых лет. А заканчивать всегда надо чем-то забавным. Мы были очень улыбчивыми, смешливыми и веселыми студентами. Да и по жизни тоже. Как же можно прожить в медицине без чувства юмора? Вот пара улыбок из тогдашнего нашего времени.

Читавший нам лекции профессор, заведовавший кафедрой биологии (не помню его фамилию), на полном серьезе сообщил нам на одной из первых лекций, что «биологию мы должны знать от альфы до амебы». Пришлось так и сдавать биологию.

А вот другой забавный эпизод. Наша группа приходит на первое занятие по рентгенологии, и мы знаем только, что вести ее у нас будет доцент Бодня. Стоим мы в коридоре клиники и ждем нашего преподавателя, которого никто из нас не знает. В нашу сторону, слегка сутулясь, идет высокий худощавый мужчина в белом халате. К нему подходит очень пожилая женщина сельского вида и говорит:

– Мені треба побачити прохвесора Довбню. Де я можу його знайти?

Мужчина останавливается и отвечает:

– Тут немає ніякого професора Довбні. Тут є доцент Бодня, який ніколи не буде професором, — поворачивается и идет дальше.

– А де він? — спрашивает старушка.

– Це я, — тем же тоном говорит этот самый доцент, подходя к нам, давящимся от смеха. Вот такой разговор. Так мы познакомились с одной из самых светлых голов среди преподавателей института, который вел рентгенологию у нашей группы.

И как бы теперь ты ни назывался, спасибо тебе, Харьковский мединститут! Мы всегда будем помнить тебя. Ты дал нам добрую путевку в жизнь.

О.О. КОРЖ

СПОМИНИ ПРО ДРУГА

Ми обидва — я, Корж Олексій, і Віктор Трубніков — учні самого Миколи Петровича Новаченка, відомого вченого, ортопеда-травматолога, який входив у першу трійку лідерів цієї гілки медицини в Радянському Союзі. Мабуть, спільність професійної школи з'єднала нас з Віктором, добрим товаришем, дружбою, яка почалася з 1955 року, і тільки вихід з життя Віктора привів до того, що ця дружба перейшла в теплі спомины, тобто в пам'ять.

Професор, член-кореспондент АМН СРСР М.П. Новаченко, директор Харківського науково-дослідного інституту ортопедії та травматології ім. професора М.І. Ситенка, обновляв в ці роки науковий склад інституту, набирав молодих здібних випускників Харківського і Дніпропетровського медичних інститутів (йому приглянулися здібні молоді лікарі цих ВНЗ під час державних іспитів, які проводились за його участю в ранзі голови державної екзаменаційної комісії протягом декількох років). Таким чином, ми з Віктором опинилися в інституті ім. М.І. Ситенка молодшими науковими працівниками.

Треба сказати, що на той час в інституті панувала виняткова творча атмосфера, і вже через декілька місяців після вступу ми одержали наукові теми для дисертацій і активно освоювали спеціальність. Віктор мав вдачу легко сходиться з людьми, був винятково комунікабельною людиною, тому швидко адаптувався до нових умов життя і роботи. Завдяки своїй вдачі він зміг завоювати авторитет в інституті, та й шеф до нього ставився як до доброго учня. Ми активно взяли за виконання наукових дисертаційних тем, поєднуючи цю роботу з опануванням клінічного розділу навчання. Згадуючи Віктора Трубнікова тих часів, треба підкреслити його цілеспрямованість, настирливість у всьому, що він робив. Тому скоро він став одним із кращих серед молодих працівників інституту, набраних Миколою Петровичем у 1955 році.

Невдовзі пройшов і захист кандидатської дисертації. Віктора обрали секретарем партійного бюро, виріс він і як хірург: ходові операції шеф

дозволяв йому робити самостійно. Звісно, що поміж молодими співробітниками велика конкуренція, але ця конкуренція була здоровою. Вона підігрівала поміж нас змагання в опануванні спеціальністю та виконанні дисертаційних робіт.

Віктор Пилипович за натурою своєю був експериментатором. Його обидві дисертації (кандидатська — 1955 р. і докторська — 1961 р.) були виконані на собаках. Сотні тварин, в основному бездомні собаки, послужили медичній науці черговий раз. Працями Трубнікова було доведено, що остеосинтез переломів стегнової кістки доцільний навіть при отруєнні іпритом, тобто ці експериментальні роботи були цікаві й військовій медицині. А ми, друзі Віктора, інколи по-доброму кепкували з нього: «Вікторе, ти загубив сотні невинних тварин, але очистив місто Харків, покращив його санітарний стан». Віктор розумів, що це ми жартували, але в одноклас завів удома Рольфа — здорового пса, якого дуже любив, балував, а нам казав, що це його покута за ті експерименти.

У 1962 році за конкурсом доктора медичних наук В.Ф. Трубнікова було обрано завідувачем профільної кафедри Харківського медичного інституту, але постійні контакти зі своєю alma mater він не пориває, бо кадри для кафедри він підбирав саме в інституті ім. М.І. Ситенка (Г.П. Істомін, Д.Д. Бітчук та ін.). Молодий, стрункий, спортивний професор, з добре поставленим голосом почав зараз же користуватися популярністю серед студентів. Я продовжував товаришувати з Віктором, часто разом з ним ми їздили на різні наукові конференції та з'їзди, які проходили в різних містах СРСР (Ленінград, Москва, Рига, Ташкент, Перм, Куйбишев (Самара), Саратов, Мінськ і т. д.). Ці вояжі продовжувалися особливо регулярно після того, як ми з Віктором стали працювати відповідальними секретарями нашого фахового видання — журналу «Ортопедия, травматология и протезирование», так як засідання редколегії проходили в різних містах Радянського Союзу (журнал був всесоюзним виданням). Ці вояжі були цікаві для нас не тільки змістом тих форумів чи засідань, яким присвячувалися наші подорожі, але й можливістю поспілкуватися між собою під час тривалого перебування в вагонах потягів, в аеропортах і т. д. Були й суперечки, але в основному йшлося про сучасне, про наболіле, про життя, про науку й майбутнє.

Згадаю одну таку подорож до Куйбишева (тепер Самара). Було холодно (осінь). Влаштувалися в готелі і вирішили зараз же побувати на Волзі. Зібралося чоловік з десяток (гості й місцеві — хазяї). На березі людей не було — пляжний сезон закінчився давно! Та Віктор, який виріс на Дніпрі і був спортсменом, роздягся і на подив присутніх поплавав хвилин десять у холодній волзькій воді. На березі смільчаку піднесли чарку для зігріву, і Віктор у перший же день перебування серед колег-самарців став відомою людиною.

Згадується ще один епізод. Це було в Ленінабаді (Азербайджан). Поселили всіх гостей, що приїхали, у тому числі й нас, у готелі, який за східним звичаєм був без опалення. Каналізація відкрита, у підлозі

приміщення туалету канавка, якою тече вода, яка й виносить кудись у гори або в річку все те, що в неї потрапляє. Ну та це так, для характеристики Сходу. Під кінець дня, походивши містом, ми з Віктором та ще двома харків'янами вертались у готель і зайшли в ресторан пообідати чи повечеряти. Зайняли столик у кінці майже пустої зали і, як потрібно в такому разі, стали обмірковувати замовлення. У цей час до ресторану в нашу залу почали поступово заходити інші гості, що поселилися в цьому готелі (всі знайомі нам ортопеди-травматологи країни), і, побачивши нас, стали вітатися. Ми у відповідь, як і слід діяти на Сході, вітаючись, просили гостей до нашого столу. Офіціант приставляв-приставляв столи, а гості все йшли та йшли. Вийшов великий стіл — один на всю залу, а ми об'єднали його, і, як перші відвідувачі, повели себе декілька амбіційно. Віктор заявив, що всі за столом — це гості харків'ян. І під цим знаком пройшла вся вечеря, промови, тости, здравиці. Він був великим патріотом харківської школи ортопедів-травматологів і в даному разі продемонстрував широкий жест. Правда, коштувало це нам добряче, але витримали!

Ще одна згадка. Віктор Трубніков добре водив автомобіль. Він один із перших в інституті придбав власну машину «Волга» і, як справжній хобіст, лелеяв її, порох з неї здував, скло протирав вологою губкою, масло заливав в мотор відмінне. Жалів він свою «неню». Але що я хочу сказати. Цінуючи і оберігаючи своє авто, він взявся вчити мене, свого друга, навичкам водіння, використовуючи для цього свою улюбленицю без жалю: «Газ! Сильніше! Тормоз! Хутко!» — лунали його команди. Машину ми, на щастя, не розбили, але добре поганяли по лісі.

Такий був Віктор — широка слов'янська душа, вірний товариш, який мав багато талантів (вчений, хірург, лектор, спортсмен) та при цьому був вимогливою, безкомпромісною людиною, коли треба було постояти за честь товариства чи ім'я вчителя або школи.

М.С. ТРУБНИКОВА

ВИКТОР ФИЛИППОВИЧ ТРУБНИКОВ

В.Ф. Трубніков народився в 1924 г. в селі Коростелево Тамбовської області в родині мелкого служачого і домохозяйки. Перед войной его отец вступил в партию. Во время оккупации Днепропетровска, где они тогда жили, он был арестован гестапо и отправлен в концлагерь. Мать Виктора Филипповича, простая малограмотная женщина, обладала прекрасными душевными качествами; тактом, умом, трудолюбием, отзывчивостью, доброжелательностью. Виктор Филиппович многое взял от матери. Во время оккупации города фашистами (старший сын был в это время на фронте) мать прятала младшего сына от угона в Германию.

После освобождения Днепропетровска в 1943 г. Виктор Филиппович ушел в армию, где после окончания краткосрочных артиллерийских курсов служил младшим командиром-минометчиком. На фронте, как и до войны, он не боялся ничего, был всегда отчаянно смелым человеком. В Венгрии, уже в конце войны, ранней весной, еще по реке шел лед, он вызвался переправить срочное донесение на противоположный берег. Выпил стакан спирта, переплыл реку и даже не заболел. Там же, в Венгрии, его часть попала в окружение в здании кондитерской фабрики. Три дня питались одним шоколадом — никакой другой пищи не было. До конца своих дней Виктор Филиппович не мог спокойно смотреть на шоколад, тем более есть его. О войне вспоминал неохотно, объясняя это тем, что из-за огромных потерь близких друзей, товарищей, однополчан воспоминания слишком тяжелы. Часто потом, став известным ученым, профессором, доктором медицинских наук, книги свои он посвящал светлой памяти павших... В институтский музей ранее был передан его комсомольский билет, пробитый осколком.

В конце войны Трубников был тяжело ранен осколком мины в ногу. На голени, от колена до щиколотки, была развороченная рана. Несколько раз в госпиталях ему хотели ампутировать ногу, но он, будучи очень молодым и не представляя себе жизни без ноги, пообещал застрелить любого, кто приблизится к нему, чтобы отвезти в операционную. На него махнули рукой и решили отправить в глубокий тыл, в госпиталь. С высокой температурой, в полубессознательном состоянии в санитарном составе он двигался вглубь страны. Поезд шел через Днепропетровск, и на остановке Виктор Филиппович сбежал. Кое-как он добрался домой, и уже из дома его положили в госпиталь в родном городе. Его долго лечили. К счастью, молодой организм переборол болезнь — и рана зажила.

До войны Виктор закончил 8 классов. В школе учился плохо, прогуливал уроки, все время проводил на улице, хулиганил, был грозой всего района, верховодил подростками. Дом в Днепропетровске, где прошло мое детство, находился недалеко от улицы, где жил Трубников, и мой папа, не зная тогда, что там «развлекается» его будущий зять, запрещал мне даже ходить в том районе, так как за ним закрепилась дурная слава. Но в 8 классе Виктор взялся за ум, стал заниматься, отошел от прежних дружков, занялся гимнастикой. По выходу из госпиталя он сразу же опять, еще не бросив окончательно костыли, начал тренироваться, став со временем уже в институте чемпионом ДСО «Медик» по гимнастике. В 1945 г. он поступил на подготовительные курсы в Днепропетровский институт инженеров железнодорожного транспорта и продолжал заниматься гимнастикой. Отец его выразил желание, чтобы он стал врачом, и в 1946 г. Виктор поступил на лечебный факультет Днепропетровского медицинского института.

Мой муж был яркой незаурядной личностью. Талантливый, способный, увлекающийся всем новым и интересным, он любил и умел работать. У него была огромная тяга к знаниям, и поскольку в юности он не получил

систематического образования, он ее удовлетворял всегда и везде чтением, где бы он ни бывал. Он любил писать, его отличали достаточно высокие литературные способности... После окончания с отличием в 1951 г. мединститута его хотели оставить в клинической ординатуре на кафедре госпитальной хирургии, но ректор института заявил, что не даст на это согласия, так как Трубников жил 2 года на оккупированной территории. В это время из Харькова в Днепропетровский мединститут приехал начальник отдела кадров Харьковского института ортопедии и травматологии имени профессора М.И. Ситенко и отобрал по документам нескольких понравившихся ему выпускников, в том числе и Трубникова, предложив переехать на работу в Харьков.

В институте имени профессора М.И. Ситенко Виктор Филиппович защитил кандидатскую, затем докторскую диссертации, много оперировал, занимался наукой, но... мечтал о кафедре в мединституте. Хотел преподавать, иметь учеников, писать книги по специальности, учить других искусству ортопедии и травматологии. И когда представилась возможность, перешел на кафедру, хотя начальство в Киеве предлагало и требовало, чтобы Трубников оставил кафедру и занял пост директора института ортопедии и травматологии имени профессора М.И. Ситенко.

Три года, с 1970 по 1973, Виктор Филиппович работал консультантом в ортопедическом госпитале в государстве Кувейт. Авторитет его там был огромен. Он ехал туда на 2 года (будучи профессором), а пробыли мы там 3 года, и его не хотели отпускать. Посол СССР в Кувейте говорил, что он больше сделал для укрепления авторитета СССР в Кувейте, чем все его сотрудники вместе взятые. И этого он достигал не только своими высокими профессиональными качествами, но и присущими ему обаянием, открытостью, доброжелательностью. По приезде в Харьков он написал книгу «Три года в Кувейте», где увлекательно описывал эту тогда еще мало знакомую в СССР страну, ее народ, его обычаи и культуру, особенности местного здравоохранения, интересные случаи из своей практики.

Вернувшись в Харьков, Трубников, как всегда, много работал, часто оставаясь в рабочем кабинете круглые сутки. Он не щадил себя, много оперировал, писал, выпускал одну за другой книги. В 1993 г. он перенес обширнейший инфаркт, но, поправившись, продолжал так же интенсивно заниматься любимой работой. Было написано руководство по военно-полевой хирургии на украинском языке. Надо было вычитать гранки и хотелось отдохнуть. Но всему этому уже не суждено было сбыться. В сентябре 1995 г. Виктора Филипповича не стало...

В.В. МИНУХИН

РАССКАЗ О СЕБЕ
И НЕ ТОЛЬКО

Полет Юрия Гагарина в космос «сделал» большинство мальчишек 60-х годов XX столетия космонавтами. О другой профессии, тем более о профессии врача, не думал никто из моих одноклассников, потому что все мечтали о космосе. Только в 9-м классе каждый из нас стал задумываться над тем, что делать дальше, где учиться. Стало ясно, что в космонавты попасть удастся не всем, не нужно иметь всем людям Советского Союза одну профессию.

В выборе моей дальнейшей судьбы деятельное участие приняли родители, которые не имели высшего образования и, может быть, поэтому мечтали о том, чтобы все их дети его имели. Мама родилась в г. Воронеже. Перед началом Великой Отечественной войны поступила в Московский станкоинструментальный институт. В начале войны она, как и многие москвичи, принимала участие в рытье окопов. Потом все военные годы работала на оборонном заводе «Борец» в отделе технического контроля цеха, который изготавливал боеголовки для реактивных снарядов «катюш». Имела несколько правительственных наград, в том числе медаль «За оборону Москвы». Отец, имевший «золотую медаль» после окончания восьмилетней школы и авиационного техникума, дважды поступал в авиационный институт, но из-за семейных обстоятельств закончить его не сумел. Уже проработав по 30 лет на Харьковском авиационном заводе, родители вспомнили, что мой дед по материнской линии (я его никогда не видел) сказал, что раз Бог послал им четверых сыновей, то один из них должен уметь играть на фортепиано и быть врачом. Выбор пал на меня.

Меня упорно учили музыке, хотя дело двигалось слабо, пытались направить на учебу в 27-ю физико-математическую школу (которую в разные годы закончили мои старшие братья), а потом, организовав для меня предварительную подготовку с репетиторами, отправили поступать на санитарно-гигиенический факультет Харьковского медицинского института.

Учиться нам было интересно, мы ощущали огромную гордость из-за того, что поступили в такой престижный вуз. Особенно впечатляюще

выглядела кафедра анатомии человека с ее уникальным музеем и огромным количеством трупов и частей тела человека. Интересно было на кафедрах физиологии и патологической физиологии. В те годы огромное внимание уделялось как теоретической подготовке, так и овладению практическими навыками. Тестирование почти не практиковалось, а от студентов требовалось не только знать, но и уметь рассказать преподавателю свое понимание вопроса (безусловно, с коррекцией последнего). Запомнился тестовый контроль на кафедрах физики, военной подготовки и особенно строгий — на кафедре терапии, которую тогда возглавлял профессор А.А. Дубинский.

Несмотря на то, что я учился на санитарно-гигиеническом факультете, во время прохождения практики мы работали во всех отделениях больницы. Присутствовали при приеме родов, во время проведения операций. Под контролем опытных медсестер делали больным инъекции, включая внутривенные и др. На старших курсах — врачебная практика. Практика 4-го курса запомнилась поездкой в качестве врача студенческого строительного отряда со студентами автодорожного института в далекий поселок Сукпай Хабаровского края, находившийся на расстоянии более 7 000 км от Харькова с разницей во времени 7 часов. Было трудно, так как я работал не только врачом, но и рядовым бойцом ССО. Именно в строю отряде, далеко от родного дома, я ощутил высокую ответственность тогда еще будущего врача за жизнь и здоровье людей. В нашем отряде все были живы-здоровы, и, как правило, в моей помощи не нуждались, но как было приятно увидеть стенгазету, посвященную моему дню рождения, в которой было написано «За то, что мы никогда не болели, спасибо доктору Валере». Я был потрясен этой оценкой моего скромного труда.

При распределении выпускников я с удивлением и только на 4-м курсе узнал, что существует диплом с отличием и по совокупности учебной работы я претендую на его получение. Так как я занимался в студенческом научном кружке на кафедре эпидемиологии, то бывший тогда деканом факультета доцент М.В. Кривонос сказал, что есть мнение оставить меня на научной работе в ХМИ. А на какой кафедре — определит декан, и если поступят предложения от заведующих кафедр, немедленно сообщить ему.

Предложение поступило от профессора Анатолия Яковлевича Цыганенко, который в то время был не только проректором по учебной работе, но и заведующим кафедрой микробиологии. Во-первых, Анатолий Яковлевич предлагал идти работать на кафедру не одному мне, а и парторму курса А.И. Смоляниновой, во-вторых, предлагалась должность стажера-исследователя (с окладом ниже, чем у врача СЭС). Анатолий Яковлевич сказал: «На санстанцию Вы уйти всегда успеете (за 33 года совместной работы Анатолий Яковлевич ни разу не обратился ко мне на «ты»), а для выполнения диссертации нужно несколько лет и в 23 года начать научную работу удобнее всего. Зато после защиты кандидатской диссертации оклад будет существенно выше, чем в практическом здравоохранении».

Помня строгое напутствие декана факультета и его огромный авторитет, я пошел советоваться к Михаилу Владимировичу даже раньше, чем с родителями. Получив «добро» декана, а потом и родителей, вопрос о будущей специальности я решил окончательно и бесповоротно. Приступив к работе стажером-исследователем, я получил тему для научного исследования, связанную с разработкой методов профилактики и антибиотикотерапии синегнойной инфекции. Помню, что Анатолий Яковлевич сказал тогда, что синегнойная палочка — это интересное направление, потому что микроб мало изучен, а вред человеку наносит большой. Этой научной тематикой я занимался при выполнении кандидатской (1986 г.) и докторской (1997 г.) диссертаций.

После защиты докторской диссертации я (как теперь стало ясно, преждевременно) собирался «отдохнуть». Однако Анатолий Яковлевич, у которого относительно меня были другие планы, предложил мне поработать заместителем декана факультета по работе с иностранными студентами. Мое так называемое «сопротивление» по этому поводу я выразил вопросом: зачем это нужно доктору наук? Ответ, как всегда, был предельно лаконичным: «Так надо».

К 2001 году после нескольких неудачных попыток, вновь, но уже под другим названием был воссоздан санитарно-гигиенический (медико-профилактический) факультет, основанный в 1930 г. Деканом этого факультета был избран я.

Конечно, коллективы кафедр медико-профилактического профиля, выпускники факультета разных лет и студенты, обучавшиеся на нашей специальности, были рады восстановлению факультета как самостоятельного подразделения. Шестикурсники 2002 г. особенно были рады тому обстоятельству, что наконец прекратилась (из-за реорганизаций) постоянная смена руководителей факультета (за 6 лет учебы у выпускников я был уже пятым деканом). А дальше пошли трудовые будни, которые нескончаемым потоком продолжают по сей день: начало семестра, окончание семестра, заседания Ученого совета, распределение, выпуск, работа в составе приемной комиссии, аккредитация (лицензирование), собеседование с первокурсниками, встреча с ветеранами санэпидслужбы, день факультета, день открытых дверей и т. д.

Так уж устроена жизнь, что руководитель любого звена должен думать о преемнике. В свое время я мало задумывался над тем, почему Анатолий Яковлевич выбрал именно меня в качестве своего резерва на должность заведующего кафедрой. Еще в 1980 г. в беседе с нашим доцентом Ниной Сергеевной Зикеевой Анатолий Яковлевич высказал мысль о своем преемнике на посту заведующего кафедрой, называя при этом мою фамилию. В то время я это всерьез не воспринял, было много других проблем: и с выполнением диссертации, и сын только что родился, с продуктами в магазинах было туго и т. д. Но, как говорится «упорство и труд все перетрут». Выполнение диссертации во все времена было и остается делом непростым. Кафедра учебного института, в принципе, не особенно

приспособлена к выполнению значительных научных исследований. Поэтому во времена заведования кафедрой микробиологии Харьковского медицинского института членом-корреспондентом АМН СССР профессором Деркачом Василием Степановичем была создана академическая группа, которая переросла в проблемную лабораторию «Антибиотики и другие биологически активные вещества природного происхождения». Эту лабораторию бессменно возглавляли сначала сам профессор В.С. Деркач, а потом до ее закрытия — профессор А.Я. Цыганенко.

Когда в 1979 году меня приняли на работу стажером-исследователем кафедры микробиологии, эта проблемная лаборатория, которая насчитывала 7 человек, функционировала слабо. Штат научных сотрудников и лаборантов постоянно менялся, тематика была актуальной, но практически не финансировалась. Это приводило к тому, что достаточно высокой научной «глубины» исследований достичь было трудно. Анатолий Яковлевич это четко понимал и искал пути выхода из такой ситуации. В 1980 году нам стало известно, что на кафедру возвращается бывший аспирант профессора В.С. Деркача кандидат медицинских наук Валерий Николаевич Васильченко, которому была предложена должность старшего преподавателя. Валерий Николаевич как ответственный за научную работу на кафедре быстро разобрался в проблемах молодых соискателей. Мне он сказал, что для успешного выполнения диссертации надо выходить на крупный научный центр, имеющий современную аппаратуру и импортные реактивы. Мною были выписаны ксерокопии научных статей по проблеме, поставленной научным руководителем, и Валерий Николаевич практически все перерывы между парами, а порой и свое свободное время, и выходные дни вместе со мной посвящал изучению проблемы профилактики и лечения синегнойной инфекции. В результате этой работы стало ясно, что ведущими учреждениями по этим вопросам являются Институт эпидемиологии и микробиологии имени Почетного академика АМН СССР Н.Ф. Гамалеи (г. Москва), Харьковский и Московский институты вакцин и сывороток им. И.И. Мечникова. Как это ни странно, харьковские и московские «мечниковцы» встретили наши предложения о сотрудничестве «прохладно». Поэтому мой научный путь лежал в ИЭМ имени Н.Ф. Гамалеи — в лабораторию ожоговых инфекций, которую возглавляла профессор Антонина Федоровна Мороз. Эта лаборатория только что закончила разработку поливалентной вакцины для профилактики синегнойной инфекции. Согласовав с разработчиками зоны научных интересов, я продолжил работу, которая завершилась в 1986 году защитой кандидатской диссертации.

После этого наше научное сотрудничество продолжалось. При изучении научной литературы было установлено, что ведутся интенсивные научные разработки с применением методов направленного транспорта к клеткам-мишеням антибиотиков и других биологически активных препаратов при помощи липосом — искусственных липидных везикул. Зарубежными авторами были получены липосомальные формы дифте-

рийного и столбнячного анатоксина. Принимая во внимание, что в лаборатории ожоговых инфекций ИЭМ имени Н.Ф. Гамалеи к тому времени завершилась разработка синегнойного анатоксина, я определился с темой будущей докторской диссертации. Здесь мне хочется снова вспомнить о А.Я. Цыганенко. Как научный руководитель, он был очень демократичен и никогда не ограничивал свободу мышления своих учеников. Главное, считал Анатолий Яковлевич, чтобы у аспиранта был интерес к теме и желание работать, упорство и настойчивость в достижении цели. Но в трудный момент он всегда приходил на помощь, направлял и поддерживал.

Так завершилась первая часть моей научной жизни. В 1988 году тема докторской была выбрана, одобрение научного консультанта профессора А.Я. Цыганенко и разработчиков синегнойного анатоксина под руководством профессора А.Ф. Мороз получено. Предстояла интересная и очень ответственная работа по разработке и внедрению в практику здравоохранения нового суперсовременного иммунобиологического препарата на базе достижений тогда еще не получившей своего современного названия науки — «нанотехнологии». Впереди был декабрь 1991 года...

Р. ЧЕРКАСОВА

СТУДЕНЧЕСКАЯ ПЕРЕДВИЖНАЯ

Кто первый подал эту мысль, трудно сказать. Главное, она понравилась всем. И ее подхватили. А все началось с целины. Летом прошлого года в совхозах Кустанайской области появились люди в белых халатах. И только, пожалуй, очень уж юные лица да молодой задор выдавали в них студентов. Это — харьковские медики. Те, кто решил свои каникулы посвятить работе в целинном крае. В поликлиниках, больницах, медпунктах. Самые маленькие клиенты попадали к Рите Денисовой, взрослые шли к Геннадию Ханкину. Десятки будущих врачей начинали здесь трудовую жизнь.

Первые успехи, первые неудачи. Оказалось, что у некоторых людей запущенные формы болезней. И часто в приемных слышалось одно и то же: «Почему же Вы не приходили раньше?» — спрашивал врач больного. Почти всегда следовал ответ: «Зачем? Чувствовал себя хорошо...». И, осматривая такого пациента, молодой врач думал: «А ведь болезнь можно было предупредить, если выявить ее своевременно». Да, предупредить профилактическим осмотром. Вот тогда кто-то и предложил: «Друзья, а что если в самом деле проводить массовые осмотры населения? И нам хорошая практика, и делу польза». Идея понравилась.

...В совхоз выезжали группами. И оттуда в областной отдел здравоохранения поступали различные данные: сколько людей больны, чем. Так было обследовано население трех районов целинного края.

Прошло лето. Начались занятия. Но о хорошем начинании не забыли. И вот объявление в институте извещало, что студенческая передвижная амбулатория действует, желающие могут записаться. И студенты записывались. Скоро их было уже 35. Много «целинников»: Петр Назаренко, Геннадий Ханкин, Рита Денисова. Часто собирались в «штаб-квартирах» — Студенческом научном обществе, комитете комсомола. Горячо обсуждали, как лучше работать — группами или в одиночку, сколько раз в месяц выезжать и в какой район. Конечно, передвижная амбулатория будет обслуживать районы области, а не город — медицинская помощь особенно нужна на селе. Вожаком стал Сергей Недоступ. Вместе с председателем Студенческого научного общества Виктором Судовцовым они побывали в Харьковском областном отделе здравоохранения, посоветовались. Там молодежь поддержали: одобряем, действуйте. Все добровольцы объединились в пять секций, и каждую возглавил старший: Ольга Дударевич — терапевтическую, Петр Назаренко — хирургическую. Подключились и преподаватели: Виталий Григорьевич Тесленко — ассистент кафедры госпитальной терапии, Надежда Николаевна Ефимова — специалист по детским болезням, и многие другие.

Наконец, 18 января — первый выезд в совхоз Шебелинский Змиевского района. Эту поездку студенты запомнят надолго. И не только потому, что она первая. Главное, они успешно выполнили поставленную цель — было осмотрено почти все население. В медпункт приходили хлеборобы, рабочие, старики, женщины, дети. С девяти утра до девяти вечера не закрывались двери приемной. Есть за что благодарить труженикам студентов: ведь помедли кое-кто из них с лечением, тогда не избежать долгой и тяжелой болезни, постельного режима. 9 февраля — новый выезд в село Черкасский Бишкин Змиевского района. Было обследовано 523 человека. Добрым словом вспоминают они Марину Белинскую, Яну Жерновую, Лию Чекалдину, Владимира Чередниченко и еще многих, многих студентов. Хорошее дело начала молодежь медицинского института. Поэтому ее охотно поддержали старшие товарищи — преподаватели, работники областного отдела здравоохранения.

— Как же не помочь студентам? Ведь начинание полезное, нужное, а главное, осмотры охватывают все население, — так думает не только Иван Иванович Грищенко — заведующий кафедрой мединститута.

— Мы всячески стараемся поддерживать медиков. Ведь, кроме научного значения, проводимая ими работа дает нам ценные статистические данные, позволяет правильно планировать строительство лечебных учреждений в районах области, — это слова заместителя заведующего областным отделом здравоохранения Игоря Александровича Черкасова.

Они еще не имеют дипломов. Пока просто студенты, будущие врачи. Но уже теперь люди говорят им «спасибо» и еще не раз скажут.

Газета «Красное знамя», 19.03.1965

В.О. ОЛЬХОВСЬКИЙ

ІНСТИТУТ — НОВИЙ ЩАБЕЛЬ ПІЗНАННЯ

Студентом лікувального факультету Харківського медичного інституту я став у 1972 році. Але добре пам'ятаю ті дні, тому що цю подію сприйняв як важливий етап свого життя. Зі слів своїх старших сестри й брата, які вже мали на той час вищу освіту, я був готовий до наполегливого навчання. Але разом з тим вони підбадьорували мене, що інститут — це новий щабель пізнання, стосунків між людьми, нові цікаві друзі, це зустрічі з досвідченими і відомими вченими-професорами. Це дійсно доросле життя, де я повинен зустріти свою кохану, яка стане моєю вірною супутницею життя!

З таким настроєм я їхав до Харкова на навчання. Практично всі ці очікування здійснилися. Я поринув у вир студентського життя. Найбільші спогади та яскраві враження у мене пов'язані з першим курсом навчання. Перш за все, з нетерпінням чекав зустрічей з професорами та їхніми лекціями. Саме слово «професор» викликало у мене неабиякий інтерес до особистості людини, яка змогла досягти такого статусу та звання. Назавжди запам'ятав першу лекцію в інституті з нормальної анатомії, яку читав професор В.В. Бобін. У пам'ять вкарбувалися його привітання й побажання нам, першокурсникам, берегти своє здоров'я, зокрема свій шлунок, бо його захворювання — це «професійна хвороба студента». А щоб цьому запобігти, сказав професор Бобін, «кожного дня беріть бутерброди й чай». Тепер це здається аксіомою, а тоді слова професора вразили мене своєю людяністю й батьківською турботою про студента. Велике враження з перших днів перебування в стінах інституту справило на мене збереження пам'яті про видатних вчених-професорів (зокрема, пам'ятні дошки на кафедрі анатомії), які працювали у Харківському медичному інституті. Нас переймала гордість за їх досягнення та заслуги — адже за атласом проф. Р.Д. Синельнікова навчалися студенти всього Радянського Союзу (!). Особисто мене та й інших студентів це надихало на навчання. Викладачі на перших курсах були вимогливими й гартували нас до подальшого нелегкого навчання. Усе життя пам'ятаю й зберігаю добрий, людяний, світлий образ мого викладача латинської мови доцента

Білецької. А випадок був такий. Наприкінці першого семестру я тяжко перехворів на грип. Пропустив тиждень занять. Усі предмети зміг відпрацювати, а ось скласти пропущені теми з латинської мови своєчасно не встиг. Приходжу на звітне заняття зі страхом, що отримаю «2» й доведеться на канікулах залишитися в Харкові та за «хвостівкою» скласти предмет. Але перше питання, яке мені поставила Білецька, було: «Чому ти такий замучений?». Я відповів, що хворів на грип з високою температурою. Далі вона взяла мою залікову книжку й без опитування поставила залік зі словами: «Авансом ставлю тобі залік, оскільки впевнена, що у весняному семестрі ти мене не підведеш». Я не повірив ані своїм очам, ані вухам. Без опитування отримати останній залік із складного предмета та ще й в останній день семестру — таке мені не могло навіть наснитися. Безумовно, що у весняному семестрі я вивчав цей предмет ще з більшим натхненням й у літню сесію склав іспит з латинської мови на «5». Ось так розпочалося моє навчання в *alma mater*.

Що для мене показали перші місяці навчання? По-перше, в інституті цікаво навчатися, оскільки тут працюють (або працювали) вчені зі світовим ім'ям, а головне — чуйні, доброзичливі й порядні люди. По-друге, мені під силу тут навчатися, і я зможу опанувати навчальну програму. І по-третє, що я не помилюся у виборі своєї майбутньої професії. На подальших курсах були свої враження, були інші вчителі, які теж залишили у моєму серці і спогади, і приклади для наслідування. Але студентське життя вже увійшло у своє «русло». Вже не було таких переживань і вражень, які залишилися від перших місяців навчання.

Поряд із наполегливим навчанням я, як і більшість студентів, брав активну участь у суспільному житті. Був комсоргом групи, курсу, звільненим заступником секретаря комітету комсомолу інституту. До речі, саме комсомольська робота стала доленосною в моєму особистому житті. На одних із комсомольських зборів я познайомився із чудовою дівчиною — комсоргом одного з курсів педіатричного факультету, а потім закохався. Згодом ми одружилися і вже 30 років разом...

До цього часу пам'ятаю лекції відомих вчених нашого вузу. Так, змістовні лекції завідувача кафедри гістології професора Бориса Володимировича Альошина доповнювалися чудовими різнокольоровими крейдяними малюнками мікроскопічної будови тканин та органів на дошці аудиторії. До студенток він зазвичай звертався так: «Дорогі мої господарочки...». Та кож на все життя запам'яталися лекції завідувача кафедри біохімії професора Арона Михайловича Утевського, особливо його дуже відповідальне ставлення до хімічних експериментальних реакцій, які супроводжували лекції. Про всяк випадок, він часто повторював: «А ви знаєте, чим відрізняється хімічний експеримент від циркового фокусу? Тим, що цирковий фокус завжди відбувається. Бо фокус — це «зграбність рук», тобто фактично обман. А науковий експеримент може й не відбутися, бо експеримент — це об'єктивна реальність (мінлива температура середовища, неохайно вимиті пробірки...)». В аспірантурі запам'яталися настанови академіка

Любові Трохимівни Малої: «Дорогі мої! Вивчайте іноземні мови...». Як це дійсно актуально сьогодні! Отже, я люблю свою alma mater в особі своїх численних Вчителів, друзів, студентів. Все своє подальше викладацьке життя я не лише навчаю, але й завжди навчаюся сам.

В.В. БОЙКО

**ПАМ'ЯТІ АКАДЕМІКА
ВОЛОДИМИРА
ТЕРЕНТІЙОВИЧА
ЗАЙЦЕВА**

5 березня 2001 року виповнився 71 рік із дня народження видатного хірурга сучасності, майстра харківської хірургічної школи, прекрасного педагога та відомого вченого, доктора медичних наук, академіка, професора, заслуженого діяча науки та лауреата Державної премії України, директора Харківського НДІ загальної та невідкладної хірургії, завідувача кафедри госпітальної хірургії Харківського державного медичного університету, члена правління Всеукраїнського науково-медичного хірургічного товариства та міжнародної асоціації хірургів Володимира Терентійовича Зайцева.

В.Т. Зайцев розпочав свій трудовий шлях у 1954 році. Він народився в 1930 році в сім'ї робітника в м. Харкові. Уся його біографія нерозривно пов'язана з рідним містом. Вихованець Харківського медичного інституту, лікувальний факультет якого закінчив з відзнакою у 1954 році, В.Т. Зайцев пройшов у його стінах шлях від клінічного ординатора до завідувача кафедри госпітальної хірургії. Важливою віхою в його становленні як лікаря-хірурга, володіючого методами оперативних втручань на серці, судинах, легенях, органах черевної порожнини, виявилася робота з 1961 до 1969 р. асистентом та доцентом кафедри торакоабдомінальної хірургії Українського інституту вдосконалення лікарів (Харків), яку в цей період очолював академік АН УРСР професор О.О. Шалімов.

Природні дані, постійний потяг до вдосконалення дозволили В.Т. Зайцеву швидко стати висококваліфікованим хірургом, вченим, педагогом. З 1974 року протягом чверті століття Володимир Терентійович очолював Харківський НДІ загальної та невідкладної хірургії, багатий на традиції, який пройшов важкий та героїчний шлях: організований як інститут переливання крові в 1930 році (професор В.М. Шамо́в), реорганізований

з урахуванням потреб держави як Всеукраїнський інститут гематології і переливання крові — головну станцію по забезпеченню кров'ю та її препаратами діючих фронтів під час Великої Вітчизняної війни (професор О.Л. Слобідський), згодом — Харківський НДІ загальної та невідкладної хірургії (академік О.О. Шалімов). Основними напрямками наукової діяльності інституту під керівництвом професора Володимира Терентійовича Зайцева виявилися розробка методів лікування травматичного шоку і опікової хвороби, комплексних засобів лікування гострого перитоніту та шлунково-кишкових кровотеч, раневої інфекції, лікування гострих серцево-судинних захворювань та ін.

Ретельний аналіз хірургічної діяльності, висока вимогливість до себе і визнання необхідності узагальнення накопиченого досвіду дозволили Володимиру Терентійовичу захистити під керівництвом професора О.О. Шалімова кандидатську дисертацію (1963) з теми «Кислород крові при внутривенном переливанні крові и введенні кровезаменяющих жидкостей в хирургии», а в 1976 році — докторську дисертацію з теми «Выбор метода оперативного лечения язвенной болезни желудка и 12-перстной кишки». Ці праці визначили напрямки його майбутньої науково-практичної діяльності та його багаточисленних учнів і послідовників.

Протягом багатьох років створена і успішно функціонує система надання невідкладної хірургічної допомоги в Україні завдяки величезному внеску академіка В.Т. Зайцева Харківський НДІ загальної та невідкладної хірургії під його керівництвом став головним лікувальним закладом, який надає консультативну, науково-методичну та хірургічну допомогу в усіх областях України. Цьому сприяло створення спеціалізованих обласних центрів, таких як центр гострих шлунково-кишкових кровотеч, шоку і політравми, опіковий центр, серцево-судинний центр, гнійної хірургічної інфекції, хірургії печінки та жовчовивідних шляхів, порушень серцевого ритму тощо. Багато хто з хірургів України за цей час пройшли спеціалізацію з хірургії у Харківському НДІ загальної та невідкладної хірургії, визнали і сприйняли доцільність хірургічної доктрини при лікуванні найбільшпоширених і рідкісних захворювань.

Надзвичайно важливим кроком в оптимізації невідкладної хірургічної допомоги Харківського регіону виявилось створення науково-учбово-виробничого об'єднання «Хірургія». До його складу увійшли Харківський НДІ загальної та невідкладної хірургії МОЗ України, міська клінічна лікарня швидкої медичної допомоги імені професора О.І. Мещанінова, Харківський державний медичний університет, обласне та міське управління охорони здоров'я. Саме в цьому об'єднанні на протязі багатьох років проходило формування кадрів хірургічного профілю для практичної ланки охорони здоров'я.

Під керівництвом академіка В.Т. Зайцева виконані 21 докторська та 63 кандидатських дисертації, опубліковано понад 500 наукових праць, у тому числі 25 монографій. Світова новизна створених технологій

і пристроїв для хірургічної практики підтверджена 47 свідоцтвами про патенти і авторські права на винаходи. Науково-методичні рекомендації, які покладено в основу положень хірургічної доктрини, нововведення в хірургії широко впроваджені в нашій державі та за її межами. Більшість з виданих монографій є постійним керівництвом для хірургів. Серед них такі як «Невідкладна хірургія черевної порожнини» (1989), «Клиника, диагностика и лечение травмы грудной клетки, ее органов и сосудов» (1984), «Хірургічна тактика і лікування хворих з кровотечами з пенетруючих пілородуоденальних виразок» (1992).

Протягом багатьох років В.Т. Зайцев був провідним хірургом Харківського регіону та України. Ним особисто виконана незліченна кількість хірургічних втручань, багато пацієнтів отримали «друге життя» і пам'ятають чудодійні руки «хірурга від Бога».

Талановитий організатор та вчений сучасності, Володимир Терентійович вірно й самовіддано служив народу. Він ніколи не залишався в межах спеціальності, а проводив величезну суспільнокорисну роботу. Він член Міжнародної асоціації хірургів, член правління Всесоюзного і Всеукраїнського товариств хірургів, голова Харківського обласного науково-медичного товариства хірургів, відповідальний редактор міжвідомчої збірки «Загальна і невідкладна хірургія», член редколегії журналу «Клінічна хірургія». В.Т. Зайцев неодноразово обирався членом Дзержинського райкому Компартії України (Харків), депутатом Харківської міської ради народних депутатів, його праця відмічена двома орденами Трудового Червоного Прапора, Ленінською ювілейною медаллю, знаками «Відміннику охорони здоров'я», «За відмінні успіхи в роботі».

В останні роки свого життя Володимир Терентійович проводив величезну роботу з рецензування дисертаційних робіт у складі ВАК України, Спеціалізованої вченої ради за спеціальністю «Хірургія» при Харківському державному медичному університеті.

Важливим аспектом творчого таланту Володимира Терентійовича Зайцева виявилася його педагогічна діяльність. Він був завідувачем кафедри госпітальної хірургії Харківського державного медичного університету. Багаточисленні вітчизняні та іноземні студенти, клінічні ординатори, магістри медицини, аспіранти і докторанти в нашій державі та далеко за її межами з вдячністю пам'ятають і цінують наставництво Вчителя хірургії, його оптимізм і людяність. Лекторська майстерність, незабутні виступи та лекції здобули йому заслужену славу та авторитет видатного педагога. Під його керівництвом протягом багатьох років успішно функціонує студентський науковий гурток, який став «кузнем кадрів» для майбутніх хірургів нової формації.

У пам'яті учнів, колег і близьких живуть світлі згадки про життєдайну енергію, найвищу інтелігентність, такт, заботу і сердечність цієї надзвичайної людини.

У липні 1999 року суспільство, рідні і близькі, колеги були вражені раптовою трагедією — перестало битися серце академіка Володимира

Терентійовича Зайцева. Втрата невідновна, скорбота безмежна... З погляду двох років після смерті Вчителя, розумію, що ця втрата на рівні зі втраченою батька. І в сумні хвилини свого життя, і в веселі, які бувають в житті хірургів нечасто, згадуєш свого Вчителя, Майстра хірургії з великої літери, зв'язуєш свої роздуми, вчинки і рішення з його поглядами, філософією буття та ставленням до людей, фактів. Іноді такі спогади допомагають прийняти вірне рішення, дати об'єктивну оцінку життєвій чи хірургічній ситуації, пережити невдачі чи залишитися істинною людиною незалежно від обставин.

Згадую одну таку історію, коли я вперше завітав до Володимира Терентійовича в приймальню ще студентом-гуртківцем. Сказав, що мрію бути хірургом. Володимир Терентійович дуже пильно подивився на мене і сказав, що ця професія потребує повної віддачі власних сил, енергії та здоров'я на користь хворої людини; накопичення знань та досвіду біля ліжка хворого, в операційній. Я запитав, як цього можна досягнути, і він відповів тими словами, які я запам'ятав на все своє життя: «Вранці, коли ти прокидаєшся, то повинен мріяти про визначну операцію, яку виконаєш протягом дня. Вдень ти повинен спочатку асистувати більш досвідченим хірургам, а потім сам оперувати. Ввечері потрібно прочитати хірургічну літературу, яка б пояснила тобі, що ти побачив під час операції. Перед тим, як піти з клініки, ти повинен оглянути хворих, яких лікуєш. Коли ж, втомлений трудовим днем, засинаєш, то тобі повинні снитися сни про такі операції, які ти ще не виконував. Якщо так ти проживеш своє життя, не зустрінеш на цій стежці розчарування та не зламаєшся, то зрозумієш велич професії хірурга і матимеш хірургічне щастя. Цей дарунок долі слід берегти, поповнювати і віддати своїм учням...».

Колективи співробітників Харківського НДІ загальної та невідкладної хірургії (нині Інститут загальної та невідкладної хірургії АМН України), кафедри госпітальної хірургії Харківського державного медичного університету, міської клінічної лікарні швидкої медичної допомоги ім. проф. О.І. Мещанінова, Харківської академії післядипломного навчання лікарів, хірурги України, колеги та учні пам'ятають про Володимира Терентійовича, продовжують втілювати в життя намічені ним плани.

Світла пам'ять про академіка Володимира Терентійовича Зайцева назавжди буде збережена в серцях його колег і учнів.

А.С. ОВЧИННИКОВА

ИНОСТРАННЫЕ СТУДЕНТЫ В ИСТОРИИ НАШЕГО ВУЗА

Я вижу Индию, Марокко,
Иран, Египет, Пакистан.
Я слышу голос издалека.
Я слышу стон из разных стран.
То стонет мать, качая сына...

Эти стихи предложила мне прочитать учительница на общешкольном родительском собрании, когда я была в третьем классе. Стихотворение это было помещено в каком-то педагогическом журнале и оказалось очень длинным. В моей памяти остались только эти несколько строк, но они стали символическими для меня, для всей моей жизни. Я мечтала о скромной работе учительницы русского языка в школе, но случилось так, что, работая на кафедре русского языка в ХМИ, я познакомилась с представителями почти всех народов мира. Бывали годы, когда у нас в институте учились одновременно студенты из более чем ста стран.

В 2014 году кафедре языковой подготовки иностранных граждан исполнилось 50 лет. Это довольно большой промежуток времени в истории вуза, который в 2015 году отмечает свой 210-летний юбилей. Тем более, что это был период создания и становления совершенно новой кафедры, без опыта работы, связанной с преподаванием русского языка иностранцам. Наша страна тогда только начала восстанавливаться после страшной войны, но слава о ее научной медицинской школе уже была известна всему миру.

В текущем году исполнилось 40 лет моей работы в университете. Почти вся жизнь прошла в его стенах. Сотни студентов получили образование за эти годы, став врачами. В их подготовке есть доля и моего труда. В этой связи мне хочется вспомнить об одной из самых интересных сторон деятельности кафедры. Это подготовка иностранных граждан, которые получили медицинское образование у себя в стране, проработали несколько лет врачами, а затем решили защищать кандидатские диссертации у нас, на русском языке. Это было большой честью для них, потому что наша медицинская школа считалась одной из лучших в мире. Но они не знали

русского языка, а через четыре года надо было представить подготовленную диссертацию и защищаться. Понятно, насколько трудной и сложной была эта работа.

В 1976 г. я начала работать с такими аспирантами. Первым был представитель из Лаоса. Звали его Эксаванг Вонгвичит. Его дядя был послом Лаоса в СССР. В его стране еще шла война, и молодой человек был отправлен во Вьетнам, чтобы там изучать медицину. Ему пришлось выучить вьетнамский язык. Опыта преподавания иностранных языков во Вьетнаме тогда еще не было, и он изучал язык по детским книжкам и сказкам. Приехав в Харьков, он предложил мне ту же методику. Он не знал английского, а я не знала французского.

Имена у всех жителей этой страны были «говорящими». Имя моего ученика означало «первый луч», т. е. родившийся с первым лучом солнца, а сестра его носила имя «утренний воздух». Мы шутили, говоря о том, что Эксаванг — это первый луч в моей преподавательской деятельности. Он готовился стать кардиологом и должен был писать диссертацию под руководством Л.Т. Малой. Поэтому изучать строение сердца и сосудов на русском языке нам пришлось вместе. Это было очень интересно. Прошло время, и мой аспирант прекрасно сдал кандидатский минимум по русскому языку и другим предметам, написал кандидатскую диссертацию, о которой после защиты Любовь Трофимовна сказала, что ее можно немного доработать и получится отличная докторская.

Потом были другие аспиранты, менялись страны: Вьетнам, Палестина, Ливан, Венесуэла, Сирия, Иордания, Доминиканская Республика, Болгария, Северная Корея. Из Кореи у меня было три аспиранта и два стажера. Отдельно хочется вспомнить о стажерах. Одному из них, Чел Хе, уже был 51 год, а второму 50. Изучать новый язык в таком возрасте особенно трудно. Один из них приехал на кардиологию к Л.Т. Малой, второй — на кафедру патологической физиологии к Р.У. Липшиц. Это были очень скромные люди, но когда случилась беда в Москве (необходимо было сделать операцию на сердце жене посла), вызвали доктора Чел Хе и даже прислали за ним самолет. В Москве с лечением возникли какие-то осложнения, и пациентку надо было срочно отправить в Пхеньян. На специальном самолете в сопровождении доктора Чел Хе больная была отправлена в Корею. Во время полета у нее наступила клиническая смерть, но доктор там же вывел пациентку из этого состояния, и успешная операция была проведена уже в клинике г. Пхеньяна. Доктор наблюдал за ее состоянием в течение двух недель, но не мог сообщить своей семье, что он в Корее, и только за час до отлета в Харьков ему разрешили повидаться с родными. Дома он застал только одну дочь и не смог увидеться с большой женой, которая через несколько месяцев умерла. А Чел Хе возвратился в Харьков, так как срок его стажировки еще продолжался.

Второй стажер, работавший на кафедре патологической физиологии, после года изучения русского языка решил сделать перевод учебника патологической физиологии. Эта книга была довольно большого объема,

около 600 страниц, но он выполнил задуманное, и студенты-медики Кореи до сих пор учатся по этому учебнику.

Разные случаи происходили с иностранными аспирантами. Один из них прилетел в Москву из Венесуэлы, где в аэропорту его почему-то никто не встретил. Вдобавок ко всему вещи его не прилетели вместе с ним. Был конец ноября, холодно, денег нет. Ему очень хотелось пить, и кто-то подшутил над ним, предложив ему стакан водки вместо воды. Это было ужасно, однако нашелся добрый человек, который на своей машине отвез его в студенческий городок, где Наполеон (так звали аспиранта), услышав музыку своей страны, нашел земляков. Он прилетел в Харьков, и мы начали изучать язык. Через несколько дней после его приезда у нас на кафедре был вечер, посвященный Анне Ахматовой. Преподаватели и студенты читали стихи, и вдруг Наполеон взял в руки гитару и, вслушиваясь в мелодию стихов, начал играть. Он так умело аккомпанировал стихам, что представить их без музыки уже было невозможно. В дальнейшем оказалось, что он прекрасно поет, особенно испанские песни. И когда по украинскому телевидению транслировалась программа «Интерклуба», полностью подготовленная преподавателями и студентами нашего института, он принял в ней самое активное участие.

Еще о многих хотелось бы рассказать. Это были люди, которые знали, чего они хотят, к чему стремятся. Они замечательно учились, лечили больных, собирали научный материал, работали над диссертациями и прекрасно защищались на русском языке. В дальнейшем это были высококвалифицированные специалисты — кардиологи, урологи, анестезиологи, офтальмологи, патологоанатомы и др. А затем у нас открылся подготовительный факультет, но это уже другая история, не менее интересная, о которой тоже можно многое рассказать.

Интересным и значительным в моей профессиональной деятельности был двухлетний период работы в Демократической Республике Афганистан. 1984 год, в Афганистане продолжается война. В это время многие преподаватели русского языка работали за рубежом. И каждый из нас мечтал о какой-нибудь интересной поездке, но заместитель министра, приехавшая в Харьков для отбора новых кадров, с высокой трибуны заявила:

– Путь в Париж лежит через Афганистан.

В связи со сложившимися семейными обстоятельствами, я была готова поехать в Афганистан, но у меня рос четырехлетний сын, и это было препятствием к поездке. Однако меня поддержала заведующая кафедрой Т.В. Никонова, которая тоже ехала работать в Афганистан. Она подтвердила, что позаботиться о моем сыне есть кому (моей маме, которую она имела в виду, в то время было 62 года). Так мне разрешили эту командировку, сопряженную с большой опасностью для жизни: ведь в стране шла война.

На вокзале меня провожало довольно много людей. Отъезжавшим все желали удачи, стараясь не показывать своего волнения. Я тоже держалась,

хотя в душе царило смятение: здоровье мамы оставляло желать лучшего, а на ее попечении я оставляла маленького сына. Поезд тронулся. Стоя у окна, я видела, как мой племянник бросился за вагоном, споткнулся, но не упал и продолжал бежать, пока я могла его видеть. И только теперь, расплакавшись, я дала волю своим чувствам. Мы ехали в Москву, где собиралась вся группа. Нас было 12 человек из разных республик Союза: русские, азербайджанцы, армяне, украинцы. Несколько дней ушло на разные организационные вопросы, и только 4 октября мы вылетели в Кабул. В Москве было сыро и холодно, а Кабул встретил нас солнцем и теплом. Самолет приземлился на военном аэродроме, сразу же его окружили молодые ребята, коротко остриженные, но в штатском. Через довольно продолжительное время нам разрешили выйти из самолета, и мы в сопровождении встречающих ребят пошли к зданию аэропорта, расположенного достаточно далеко. Вскоре стало известно о том, что наши вещи остались в Ташкенте, так как грузовой отсек самолета необходимо было загрузить каким-то срочным грузом. Мы остались без денег, без вещей, при нас были только сумочки с документами. Встреченные сотрудниками Кабульского политехнического института, где нам предстояло работать, мы ехали в автобусах с зашторенными окнами через город, улицы которого были пустынные.

Афганистан в переводе на русский значит — страна пыльных бурь. Здесь дуют суховеи с пылью, светит очень жаркое солнце. Человеческая кожа приобретает особый цвет, люди выглядят намного старше своих лет. Кабул расположен на пяти холмах, на высоте 1800 метров над уровнем моря. В дальнейшем мы ощущали это на себе, когда на второй этаж и то было трудно подняться, потому что мы задыхались. Да и мясо приходилось варить часов по пять из-за отсутствия в достаточном количестве кислорода.

Наконец мы въехали на территорию института. При выходе из автобуса я услышала, что кто-то спрашивает Овчинникову. С удивлением я узнала, что Т.В. Никонова, наша завкафедрой, уехавшая несколько раньше, попросила преподавателя ХГУ, Евгению Петровну, работавшую там уже второй год, встретить меня и помочь с поселением. Благодаря ей меня поселили в отдельную комнату. К моему приезду она приготовила еду, поделилась со мной одеждой и постельным бельем, и я подумала: «Вот уж правду люди говорят: не имей сто рублей, а имей сто друзей». С Женей мы остались друзьями до сих пор, хотя прошло уже 30 лет. Кабульский политехнический институт был построен при помощи СССР. В свое время Л.И. Брежнев заложил первый камень в фундамент здания. Проект был задуман прекрасный. Таких университетов я больше не видела. Все было продумано до мелочей. Огромный лекционный корпус, где было несколько больших аудиторий, имел окна, защищенные специальными карнизами, чтобы прямые солнечные лучи не попадали в помещение. Второе здание — лабораторный корпус. Оба корпуса соединялись между собой переходом на втором этаже, а во дворе были бассейны с красивыми

фонтанами и множеством цветников. По всей территории было много фруктовых деревьев и цветов.

Поодаль от учебных корпусов располагался актовый зал института, который был самым большим в Кабуле и все наиболее ответственные съезды афганского правительства проходили в этом зале. Здесь же дважды в год проводились «Джирги» — собрания, на которые приезжали представители всех провинций Афганистана. Тогда КПИ превращался в гостиницу: в аудиториях расставляли кровати; кока-кола лилась рекой, во дворе института стояли огромные котлы, в которых готовили еду для всех участников, кипятили молоко, была горячая вода. Все строения расположены под горой, а на вершине горы стояла цепь милиционеров-цирандой. Они охраняли территорию, так как на этих съездах часто выступали первые люди страны — Бабрак Кармаль, Наджибулла и др.

Рядом с актовым залом располагалось большое круглое здание — столовая. Тут же была мечеть с огромным голубым куполом и четыре общежития. Сооружен также был большой стадион с саунами и бассейном. Рядом со всеми этими зданиями стояли шесть трехэтажных домов, в которых мы и разместились. Это был самый большой контракт в Афганистане. Нас было 300 человек, среди которых преподаватели всех республик СССР, кроме Грузии. Это был настоящий мини-СССР. Из многих республик приезжали с семьями, везли с собой детей, а меня не покидали тревожные мысли об оставленных дома матери и сыне. Дети ходили в детский сад в институтском городке, а школьников каждое утро возили на занятия в посольство. Их возил зашторенный автобус, сопровождаемый вооруженными солдатами. Каждый раз автобус двигался по другому маршруту, чтобы не было никаких проблем.

Многие специалисты приехали со своими женами, которые работали в городке: одни готовили обеды в столовой, где питались одинокие мужчины, другие были продавцами в нашем небольшом магазине, третьи, имеющие медицинское образование, работали в медпункте. Были у нас свои парикмахеры и билетеры. Кинофильмы демонстрировали дважды в неделю в том самом актовом зале. Сеанс начинался в 7 часов вечера, когда уже было темно, и мы тоже шли в зал по «коридору» из вооруженных солдат, которые потом сидели у выходов.

Квартира у нас была хорошая, в двух уровнях: внизу огромная лоджия, большой холл, кухня, подсобка и еще одна комната, но без двери. Нас было четыре человека на три комнаты. Мы жили дружно, собирались по вечерам в одной комнате, много говорили о жизни. Было страшно, потому что ночью совсем рядом мы слышали стрельбу, где-то, буквально в двух-пяти километрах от нас, шли бои. Поднимаясь на третий этаж нашего дома, мы могли видеть все это собственными глазами. Сначала, как я уже говорила, я жила одна в комнате, но однажды пожаловалась, что мне страшно спать одной, особенно ночью, когда идет бой. Одна из моих соседок, азербайджанка, предложила мне перейти в ее двухместную комнату, то есть поменяться с армянкой, живущей вместе с ней. Мы думали,

что это ненадолго, но так и прожили вдвоем все оставшееся время. С ней мы тоже дружим до сих пор.

Теперь о кафедре. Кафедра русского языка состояла из 54 преподавателей, по нашим представлениям — это большой коллектив. В основном, конечно, это были женщины, но было и несколько мужчин. Заведовал кафедрой осетин из Владикавказа Владимир Исламович Бекоев, мягкий и спокойный человек, защитивший диссертацию в Москве. Его помощниками были дагестанец и армянин. Русисты представляли весь Советский Союз. Много было харьковчан, но они, в основном, работали на подфаке, который готовил студентов для дальнейшего обучения в вузах СССР, где они поступали сразу на первый курс.

Заведующий опросил всех приехавших преподавателей об их деятельности на родине и предложил работу на продвинутом этапе. Так мы отработали первый семестр. Затем мне поручили руководство группой преподавателей, которые должны были начать обучение студентов русскому языку с нуля. Преподавателей было 16 человек (это, можно сказать, целая кафедра). Мне предстояла большая ответственная работа: во-первых, нужно было хоть немного выучить язык фарси, потому что студенты начинали обучение только в феврале. В январе в Афганистане заканчивается учебный год в школах и после каникул, с февраля начинается новый учебный год. Таким образом, в нашем случае, это был новый набор студентов. Во-вторых, нужно было составить планы, подготовить дидактический материал. В группах было до 30 человек, в основном они состояли из мальчиков, девочек было мало, так как родители с большой неохотой отпускали их на учебу. Сказывалось и то, что вуз был техническим.

Учебные аудитории совершенно отличались от привычных для нас: не было столов, стояли только стулья со специальной подставкой с правой стороны, чтобы можно было писать. Девочки всегда сидели отдельно от мальчиков, небольшой стайкой. Строгая одежда закрывала все их тело и даже руки до кисти, на голову они надевали белые легкие шарфики.

Несмотря на то, что в Афганистане шла война, среди студентов были иностранцы, которые приезжали из Пакистана, Ирана, Палестины. Один палестинец совершенно не понимал фарси и все время спрашивал: «Чимага?» («Что это?»). Много было таджиков. Коренных жителей Афганистана около 40%. В стране было два государственных языка — фарси и пушту. Говорящие на этих языках отличались не только языком, но и одеждой, и манерой общения. Немало было индусов, которые тоже являлись коренными жителями Афганистана. Все они свято соблюдали традиции своего народа... У меня были студенты-индусы, которые старались хорошо изучить русский язык и получить сертификат. Многие из них знали несколько языков, особенно ценилось знание санскрита. Считалось, что чем больше у мужчины дипломов, тем он дороже «стоит», так как свататься к жениху приходили девушки и их родители, и чем больше дипломов висело на стене, тем дороже (золотом) стоил жених.

Обучать студентов русскому языку было очень трудно, поскольку группы были большими — до 30 человек. Практиковалась также работа по подготовке к защите на русском языке дипломов и диссертаций. Приятно и неожиданно было ощутить благодарность выпускников в виде преподнесенных венков из живых цветов. А репортаж о защите кандидатской диссертации на русском языке демонстрировали по Кабульскому телевидению. Неожиданностью для местных жителей было то, что на защите присутствовали мы — женщины. До сих пор с гордостью храню автореферат, подаренный моим учеником. Однако не стоит забывать, что в стране шла война, и студенты, только что закончившие КПИ, отправлялись сразу же на фронт.

Будучи членом ученого совета института, я принимала участие в проведении конкурсов среди молодых специалистов, окончивших вузы в СССР, на замещение должностей переводчиков. В течение пяти лет они работали переводчиками в группах, где основные предметы преподавали русские специалисты, и только после этого получали право на самостоятельное преподавание этих предметов. Было приятно, когда на одном из заседаний мы проводили по конкурсу сразу пять молодых преподавателей, закончивших Харьковский политехнический институт.

Жизнь в Афганистане имела свои особенности: выходным днем была пятница, занятия начинались в 8.30 и заканчивались в 13.05. Перерывы между парами были очень короткими — 5–10 минут. Все старались быстрее уйти с работы, покинуть корпуса, потому что боялись каких-то провокаций, взрывов. А это за время моего пребывания в стране произошло два раза. В первый раз взрывчатка была заложена в женском туалете, который находился прямо у выхода из института. Взрыв должен был произойти во время выхода студентов с лекции, когда в дверях скапливалась большая масса людей, но прогремел на несколько минут раньше, поэтому никто особенно не пострадал. Но взрывной волной были выбиты двери и окна в аудиториях. После этого студенты предпочитали садиться только в центре аудиторий, чтобы их не ранило осколками стекла.

Перед Новым годом к нам приехали телевизионщики из Москвы. Они снимали репортаж об успехах студентов, о работе советских преподавателей. Съемки прошли успешно. Гости уехали. И вдруг, спустя короткое время после их отъезда, прозвучал взрыв. Они сразу же вернулись и начали снимать второй репортаж. Информация была передана по советскому радио и показана по телевидению. Однако никто не сообщил, что пострадавших при взрыве не было, и наши бедные родственники в течение нескольких недель оставались в неведении относительно нашей судьбы.

Осталось в памяти событие, которое потребовало применения моей второй профессии — среднего медицинского работника. Дело в том, что в январе 1985 г., как раз на церковный праздник Крещения, моя подруга-азербайджанка решила почистить ковер снегом, обильно выпавшим тогда, что совершенно нехарактерно для тех мест. За этим занятием ее укусил щенок, бегавший по двору. К вечеру стало известно, что

он искушал и других людей, а на одежде некоторых оставил свою слюну. В городке заволновались. При обследовании щенок оказался бешеным (видимо, его заразила одна из лисиц, во множестве водившихся в горах около нашего городка). Волнение жителей перерастало в панику, так как число людей, бывших в контакте со щенком, достигло 60. Меня попросили выступить по радио с рассказом о бешенстве. Наш советник связался с войсками, откуда в посольство передали сильнодействующую антирабическую сыворотку. Там же всем пострадавшим вводили сыворотку в живот. Уколы были настолько болезненными, что многие вакцинированные после возвращения из посольства в течение нескольких часов вынуждены были лежать, чтобы прийти в себя.

После года работы мы получили отпуск. Радости от встречи с родными не было предела. Но я не узнавала себя: я боялась даже раскатов грома, думая, что это стрельба, старалась не выходить из дому. И вместе с тем, если первый раз я ехала в Афганистан со страхом, то во второй раз — с радостью. Но ситуация за этот месяц изменилась. Наш самолет сопровождали вертолеты, выпускающие тепловые ракеты. Это было связано с тем, что очень часто среди бела дня самолеты обстреливались ракетами, пущенными из орудий, стоящих где-то среди домов, которые находились в горах. Ракеты эти целенаправленно летели к моторам самолетов и могли вызвать взрыв. Афганские вертолетчики шли на хитрость: они летали очень низко над землей, поэтому ракеты перелетали их высоту и не могли приблизиться к моторам. Иногда вертолеты пролетали совсем рядом с корпусами института, на высоте второго этажа. Это было очень неожиданно и страшно.

Появились новые преподаватели, так как контракт обновлялся каждый год наполовину. Новые люди, новые знакомства, но было как-то грустно: уезжали люди, которые уже стали нам близкими. Моя подруга-азербайджанка внесла в жизнь городка интересную традицию. Охранявшие нас ребята менялись каждые шесть месяцев. Они говорили, что пребывание в городке для них сродни курорту: можно нормально поесть, поспать, воспользоваться горячей водой. Поэтому, провозжая их снова на войну, моя подруга выливала им вслед кувшин чистой воды. Это так всем понравилось, что и другие жители нашего городка, уезжая куда-нибудь далеко, просили вылить им вслед кувшин воды на счастье.

Находясь в Афганистане, мы постоянно ощущали связь с родиной. Очень часто к нам приезжали известные писатели, артисты, музыканты. Все они перед началом выступления передавали нам приветы с родины, благодарили за то, что мы выполняем интернациональный долг. Эти слова тогда нас настолько трогали, что даже вызывали слезы. Концерты часто проходили в Доме советской науки и культуры, так называемом ДСНК. Он был сооружен в виде огромного деревянного сруба в русском стиле. Это была имитация, прекрасно выполненная нашими мастерами, которые подобрали для оформления здания камень, имитирующий дерево. Перед нами выступали Анне Вески, Юлиан Семенов, Фазу Алиева, Иосиф

Кобзон, Валерий Леонтьев. Александр Розенбаум пел прямо у нас в КПИ, а Иосиф Кобзон после выступления в ДСНК провел у нас в городке целый вечер. В тот раз он исполнил около ста песен. Фазу Алиева, дагестанская поэтесса, приехала, чтобы повидаться с одним из своих четырех сыновей, который служил в то время в Афганистане. Юлиан Семенов привез стихи погибшего в Афганистане солдата Александра Стовбы. Огромное впечатление произвело на нас исполнение Александром Розенбаумом широко известной теперь песни «Черный тюльпан».

Впервые для женщин-афганок был организован праздник в честь Международного женского дня 8 Марта. Простые женщины, входя в зал, снимали паранджу и спокойно, с достоинством садились на свои места в зале. А когда их стали приглашать на сцену и вручать скромные подарки (небольшие отрезки самой простой ткани), надо было видеть их лица. Может быть, впервые в жизни они почувствовали себя настоящими женщинами, свободными людьми.

Невзирая на войну, мы выполняли свои обязанности, а их у нас было достаточно много. Мы проводили занятия, занимались наукой, выступали на конференциях, принимали участие в художественной самодеятельности. Каждому хотелось представить свою республику в лучшем виде, поэтому шили национальные костюмы, разучивали национальные песни и танцы. Наши выступления оценивали комиссии, некоторые из них приезжали даже из Москвы. Однажды все уже было готово к началу концерта, но он не начинался. Не было нашего мошавера (так назывался советник ректора, по сути второй ректор, советский). В ожидании прошел уже почти час. И лишь впоследствии выяснилось, что в это время наш ректор решал вопрос, который потом заставил всех нас пережить страшные минуты. Оказывается, зал, в котором мы находились, был заминирован специально на время концерта. К счастью, взрыв удалось предотвратить и никто из двухсот участников этого концерта не пострадал.

Вспоминается Пушкинский праздник, организованный кафедрой русского языка. Он проходил в день рождения Александра Сергеевича Пушкина, где в роли молодого поэта выступил один из студентов, очень похожий на Пушкина. В праздничном зале, украшенном живыми белыми цветами, студенты читали пушкинские стихи на русском языке. Праздник удался на славу.

Наше пребывание в Афганистане подходило к концу. Мы с подругой оформили документы на третий срок, пройдя строгую медицинскую комиссию. Однако, вернувшись домой, я поняла, что новой поездки не будет: сын собирался в первый класс, и ему нужна будет мама. Из Кабула мы улетали вдвоем с подругой, и некому было вылить вслед нам чистую воду из кувшина. Но нашлись добрые люди, которые решили сохранить эту традицию, и мы благополучно долетели домой, где нас любили и ждали.

О.Я. БАБАК

ТРАДИЦІИ, ЗАЛОЖЕННІЕ АКАДЕМИКОМ Л.Т. МАЛОЙ, ЖИВЫ

С Любовью Трофимовной мы земляки. Она родом из села Ореховского района Запорожской области, а я — из райцентра. Там и встретились, когда по окончании мединститута я начал работать в районной больнице, а Любовь Трофимовна, как это делала каждый год, приезжала консультировать больных. Академик в райбольнице — это впечатляло.

Исполняя обязанности заведующего терапевтическим отделением, я представлял Любови Трофимовне пациентов со сложной патологией и был поражен ее энциклопедическими знаниями, причем по многим направлениям медицины. Она наверняка наблюдала за мной, потому что вдруг произнесла до сих пор памятную фразу: «Почему сидишь здесь, тогда как тебе нужно заниматься наукой. Приезжай ко мне в аспирантуру». Заманчиво, но тогда я, обремененный семьей, не поехал, а в следующем году ничего никогда не забывавшая Любовь Трофимовна повторила предложение в более убедительной форме.

Я поступил в клинординатуру в 1978 году и получил задание заниматься эндогенными опиоидными пептидами у больных артериальной гипертонией. Тогда ни о чем подобном у нас не слыхивали, тему привезла с Европейского конгресса всегда предельно внимательная к перспективным направлениям и новинкам Любовь Трофимовна. Только выполнив кандидатскую диссертацию, я понял, какой серьезной работой занимался: тогда за открытие эндогенных опиоидных пептидов американские ученые получили Нобелевскую премию.

Любовь Трофимовна старалась сама и приучала коллектив быть на острие науки, доверяла и поручала серьезные дела молодым сотрудникам. Более тридцати лет назад она определила для работы целое направление — исследование нейрогуморальных механизмов при заболеваниях сердечно-сосудистой системы, чем занимаемся до сих пор и являемся лидерами не только в Украине, но и на всем постсоветском пространстве.

Часть своей кандидатской диссертации я выполнял во Всесоюзном научном кардиологическом центре, которым руководил добрый знакомый

Любови Трофимовны — академик Евгений Иванович Чазов. Под ее руководством я защитился и настроился на дальнейшее изучение проблем гипертонической болезни в налаженном с московскими учеными сотрудничестве, но я лишь предполагал, а Любовь Трофимовна располагала.

Задумав организовать Институт терапии и добившись поддержки на самом высоком уровне, Любовь Трофимовна с подписанием правительственного постановления взялась создавать новые отделы терапевтического профиля — гастроэнтерологии, пульмонологии, нефрологии — и укомплектовывать их кадрами, делая ставку на молодежь. Тогда-то и решила, что я должен заниматься гастроэнтерологическим направлением. На мою просьбу дать время подумать она отреагировала просто: «Сегодня думай, а завтра выезжай в Москву, там будешь осваивать гастроэнтерологию».

Новую для себя науку я изучал в Центральном институте усовершенствования врачей, а по вечерам практиковался в Институте гастроэнтерологии академика Логинова. Кроме прочего, учился делать пункционную биопсию печени — непростую и ответственную манипуляцию. Хорошим стимулом для меня была фраза Любови Трофимовны, которой она напутствовала перед моим отъездом в столицу: «Изучай все, но если у твоих пациентов случится хоть одно-единственное осложнение, эта тема закроется для тебя навсегда». Не случилось ни разу. Я относился к делу так серьезно, что даже разработал устройство для безопасного проведения пункционной биопсии печени.

В свой институт я вернулся неплохо подготовленным специалистом, но еще какое-то время переквалифицировался из терапевта-кардиолога в терапевта-гастроэнтеролога. В 1991 году стал заведующим гастроэнтерологическим отделом института, а в следующем году под руководством Любови Трофимовны защитил докторскую диссертацию по проблемам заболеваний печени, позднее опубликовал первую в Украине монографию по хроническим гепатитам с посвящением: «Моему учителю, выдающемуся ученому, замечательному врачу и прекрасному человеку Любови Трофимовне Малой».

Более трех сотен научных публикаций, еще более десяти монографий, двух десятков изобретений, подъем по служебной лестнице до директора института. Все это свидетельства того, что Любовь Трофимовна не ошиблась, настояв на моем переезде из Орехово в Харьков. Оказалась права и в том, что переориентировала меня на занятие гастроэнтерологией. Иначе я не стал бы председателем Харьковского научного общества гастроэнтерологов, вице-президентом Ассоциации гастроэнтерологов Украины, членом правления Межрегиональной ассоциации гастроэнтерологов стран СНГ, президентом Украинского отделения Всемирного общества гастроэнтерологов. Речь не о моей персоне, а об очевидном признании на разных уровнях успехов, которые достигнуты в нашем институте в области гастроэнтерологии. Конечно, можно было бы рассказать о конкретных результатах работы, но это тема для специалистов в этих

воспоминаниях ни к чему, хотя Любовь Трофимовна так или иначе причастна ко всем достижениям институтских гастроэнтерологов.

Работая с Любовью Трофимовной более тридцати лет, я не совсем разделял некоторые ее методы руководства. До тех пор, пока не стал директором института. На этом посту мне на многое пришлось посмотреть ее глазами и убедиться в том, что очень часто можно было добиться необходимого именно так, как делала она. Кое-что из арсенала методов Любви Трофимовны я взял себе на вооружение. Таким образом, она стала моим учителем и в административной деятельности.

Но администрирование меня никогда не прельщало. Я ученый, врач, педагог, а потому с большим облегчением передал управление институтом в руки ученицы Любви Трофимовны и моей. Теперь занимаюсь любимым делом, заведуя отделом заболеваний печени и желудочно-кишечного тракта, а также кафедрой внутренней медицины №1 и клинической фармакологии ХНМУ, которой в свое время руководила Любовь Трофимовна. Со дня ее смерти прошло десять лет, но заложенные ею традиции живы и будут соблюдаться ее учениками и последователями.

М.И. КОЖИН

ВРАЧ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЭРУДИЦИИ

Благодарю судьбу за то, что мне посчастливилось учиться у большого ученого, блестящего врача, прирожденного педагога и подлинного интеллигента — академика Любви Трофимовны Малой, которая была не только выдающимся терапевтом, но, прежде всего, врачом универсальной эрудиции в общей терапии. Когда я начал учиться у Любви Трофимовны, ей было почти 50 и она была на пике своей научной зрелости и педагогической мудрости. Свою увлеченность работой, профессиональную культуру, педагогическую честность Любовь Трофимовна умела привить ученикам. На всю жизнь остались в памяти ее клинические разборы сложных больных, логичная и убедительная постановка диагноза, строго аргументированное назначение методов и средств лечения. И сколько на ее клинических обходах мне открывалось тончайших нюансов, штрихов, которые в корне меняли диагноз! Иногда было очень стыдно, что не заметил,

пропустил, не обратил внимания на важные вещи и, как следствие, не назначил полноценной терапии. Любовь Трофимовна высказывалась о ведении больного врачом прямо, не подыскивая обтекаемых выражений.

Работая на протяжении более чем 30 лет в госпитальной терапевтической клинике под руководством Любви Трофимовны, я не переставал удивляться широте научного кругозора и мудрости этого талантливого человека. Она была цельной, очень основательной личностью, неоднозначной, сомневающейся, ищущей, опирающейся в своей деятельности врача, ученого, педагога только на научные факты и их практическое обоснование. Стремиться быть первой во всем — таким было ее жизненное кредо. «Кто хочет — ищет возможности, кто не хочет — ищет причины». Это высказывание Авраама Линкольна она часто цитировала своим ученикам.

Любовь Трофимовна придавала значение всему — от внешнего вида врача, до работы над историей болезни, выразительности и точности описания ее течения. Но более всего она прививала ученикам любовь к научной работе, старалась, чтобы ее аспиранты и способные студенты какое-то время провели в лучших клиниках страны, посещая лекции и семинары крупных ученых, общаясь с молодежью, поработали в лучшей библиотеке страны. Она была Учителем — требовательным, взыскательным, строгим, и никогда не была нянькой. Предлагая научную разработку сотруднику, Любовь Трофимовна высказывала свои мысли, но не навязывала их, давая возможность самостоятельно изучить литературу и составить план работы, который в дальнейшем тщательно корректировала, не требовала на проверку диссертации по частям, но за 2–3 месяца до истечения срока исследования диссертант обязан был предоставить законченный машинописный вариант.

Любовь Трофимовна считала, что со студентами нужно говорить просто, доходчиво, показывать методы обследования у постели больного, и личным примером учила нас. Это было во всем: на обходах, разборах больных, конгрессах, конференциях. Она не терпела невнимания к больному, опозданий на работу, сама приходила в клинику раньше всех. Рабочий день начинала с обязательного утреннего обхода в отделении реанимации, смотрела вновь поступивших и тяжелых пациентов, одним своим видом успокаивающе действовала на больного. Своего учителя — Соломона Яковлевича Штейнберга Любовь Трофимовна обожала и говорила: «Он был строг, талантлив и в высшей степени доброжелателен. Он вылепил из меня не только врача, но и человека».

Круг интересов академика Л.Т. Малой был очень широк. Любовь Трофимовна очень любила классическую музыку, живопись и хорошо разбиралась в них. Ее общение с сотрудниками и учениками никогда не ограничивалось чисто профессиональными вопросами. Она приучала нас к высокой, нравственной литературе, водила на концерты, выставки, премьеры и закрытые показы лучших кинофильмов, любила прогулки по городу, во время которых могли обсуждаться серьезные научные

проблемы. Очень хорошо знала классическую литературу. Ей нравились сонеты Шекспира. Она часто их цитировала, всегда к месту. Я на всю жизнь усвоил уроки Любви Трофимовны, воспринял ее стиль взыскательности и требовательности в работе, к себе и ко всем сотрудникам! Мое профессиональное становление — это ее заслуга. И если я чувствовал себя уверенно и спокойно даже в самой трудной врачебной ситуации, то только потому, что прошел надежную школу Любви Трофимовны Малой.

А.Л. АЛЯВИ

УЧИТЕЛЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ В СВОИХ УЧЕНИКАХ

Родители продолжают в своих детях, а учителя — в своих учениках. А еще на Востоке говорят: учитель дорог, как отец родной, и даже больше. Моим учителем была Любовь Трофимовна Малая, и я считаю, что мне очень повезло. Мне посчастливилось не год и не два работать и учиться у нее. Выпускник Ташкентского медицинского института, в аспирантуру я поступил в 1973 году в Москве, во Всесоюзный институт имени А.Л. Мясникова. Здесь получил направление в Харьковский медицинский институт на кафедру госпитальной терапии в группу члена-корреспондента АМН Л.Т. Малой, которая в ту пору заведовала этой кафедрой и была научным руководителем проблемной кардиологической лаборатории. Позднее на базе кафедры и лаборатории был создан Научно-исследовательский институт терапии Министерства здравоохранения Украинской ССР. Тема моей научной работы, которая впоследствии стала кандидатской диссертацией, — «Изучение липидного обмена, антигенных свойств сыворотки крови и некоторых факторов нейрогуморальной регуляции у больных инфарктом миокарда молодого возраста» — совпадала с приоритетными направлениями научной деятельности кафедры.

Время, проведенное на кафедре Л.Т. Малой, было насыщено непрерывной работой, под ее началом шаг за шагом мы осваивали новые для себя направления в кардиологии. За те годы, пока я учился в аспирантуре, школу академика Л.Т. Малой прошли десятки специалистов из различных стран мира. Уже тогда это была сложившаяся и признанная одной из передовых терапевтических школ — настоящая кузница научных кадров для нашей страны и зарубежья.

Талант настоящего Учителя проявлялся во всем. Диапазон интересов и научных поисков Любви Трофимовны отличался широтой и глубиной. Особое внимание она уделяла клинко-физиологическому направлению. В своих исследованиях академик Л.Т. Малая неукоснительно придерживалась позиции комплексного изучения всех аспектов проблемы. И от

нас, своих учеников, требовала того же. В те годы академик, избранная действительным членом Академии медицинских наук СССР (в 1974 г.), человек очень занятой, она тем не менее успевала все, благодаря своей огромной, казалось, беспредельной трудоспособности. Требовательная к себе, она была требовательной и к окружающим людям, максимально отдавая себя работе, требовала того же от сотрудников. Казалось, трудно держать такую высокую «планку» профессионализма, установленную на кафедре, но, несмотря на это, было видно, что складывался крепкий и высококвалифицированный научный персонал.

Семья Любови Трофимовны, мы знали, была совсем небольшой. Дочерью она была чуткой, нежной, заботливой. Но та часть ее сердца, которая не была занята любовью к матери, отдавалась медицине, науке. И в этом она была необыкновенно щедрой, что ощущали на себе мы, ее ученики, ежедневно встречаясь с ней в клинике, лаборатории, в лекционном зале, на кафедре при обсуждении наших рефератов. Наверное, здесь причины и корни успеха кафедры, ее результативности: все научные работы признавались выполненными на высоком уровне. Почему? Да потому что Любовь Трофимовна шла, что называется, в ногу со временем, и что было нового и передового в мире, она старалась внедрить в институте. Возможно, поэтому у нее на кафедре насчитывалось наибольшее количество кандидатов и докторов наук.

Докторантуру в 1986–1987 годах я также проходил у Л.Т. Малой, тогда уже директора Харьковского научно-исследовательского института терапии Минздрава Украины. Человек проницательный, обладающий аналитическим складом ума, очень энергичный, она поражала своим уважительным, внимательным отношением не только к уже состоявшимся ученым, но и к молодежи. Умела выбирать из группы наиболее талантливых, перспективных в науке. И что самое важное, умела видеть рациональное зерно в любых экспериментальных и клинических исследованиях. Большое внимание придавала тому, чтобы всегда быть в курсе новостей в своей области и не только, и нас, своих учеников, буквально заражала поиском информации. Бывало, заснуть не можешь, пока не найдешь то, о чем упоминала Любовь Трофимовна в беседе: старались обязательно отыскать нужную статью, обычно в иностранных журналах. Конечно же, благодаря своей научной интуиции, необычайной информированности Любовь Трофимовна умела поставить задачу, направить исследования в нужном русле. Причем она могла находить актуальные вопросы в очень многих направлениях. Поэтому каждый выполняющий под ее началом ту или иную исследовательскую работу, реально вносил свою лепту в развитие медицины, на самом деле обогащал науку. И Любовь Трофимовна отмечала своих учеников за успехи, не скрывала своей гордости за них.

Талантливый человек талантлив во всем. Мне очень нравилось то, как красиво писала Любовь Трофимовна, как могла лаконично и точно оформить научное выражение, с предельной ясностью и четко сделать

правильные выводы. Мне не раз приходилось наблюдать ее во время работы съезда терапевтов, других научных форумов, и я видел, какую максимальную пользу она могла извлечь из этих мероприятий, дать им верную оценку. Она уважала и высоко ценила своих коллег из нашего Центрально-азиатского региона — терапевта и кардиолога академика М.М. Миррахимова из Бишкека, выдающегося гематолога из Душанбе профессора Х.Х. Мансурова. С неподдельным интересом расспрашивала меня о моих соотечественниках-академиках — терапевте К.Ю. Юлдашеве и кардиологе З.И. Умидовой.

Любознательная, обладавшая широким кругозором, Любовь Трофимовна живо интересовалась историей Востока, могла подолгу говорить о восточной поэзии, любила жизнь во всех ее проявлениях, как будто отвечая своему имени.

Жизненный путь Любви Трофимовны, благословенно одаренной редкой добротой и гуманностью, светлым талантом и мудростью, является примером самоотверженного служения науке. Когда мне сегодня приходится сталкиваться с какими-то трудностями в работе, решать какие-то проблемы, бывает, невольно вспоминаю своего учителя Любовь Трофимовну Малую, мысленно сверяюсь с нею. Будучи учеником этого великого ученого, я бесконечно благодарен судьбе, что прошел ее школу.

А.Н. ПОХВАЛИЙ

СТУДЕНЧЕСКИЕ БЫВАЛЬЩИНЫ

Помню себя в пять лет, когда в детской душе формируется представление об окружающем мире. Ложась спать, я слышал стук своего сердца, как маленького молоточка. Меня очень заинтересовало, как же оно выглядит и зачем стучит в груди этот молоточек. Родители мои не были медиками, детской литературы, которая могла бы ответить на этот вопрос, тогда не выпускали. Я попытался расспросить об этом своего 12-летнего двоюродного брата, который привел меня в школу на занятие биологического кружка. В этот момент как раз вскрывали лягушку, и я увидел красный комочек — «насос», который перекачивал кровь. Несмотря на жестокость эксперимента, увиденного мною впервые, я стал посещать биологиче-

ский кружок, выискивал в макулатуре старые атласы анатомии, которые с большим интересом рассматривал, и к 8-му классу был весьма подкован. В старших классах 36-й харьковской средней школы я пополнил свои знания сообщениями о теории наследственности, происхождении видов и т. д. Даже участвовал в республиканских олимпиадах, и для меня вопроса о том, куда поступать после школы, не было. В 1974 г. я стал студентом Харьковского медицинского института. Студенческие годы оставили много интересных воспоминаний, некоторыми из них хочется поделиться с нынешней молодежью.

Лекции профессора Алешина

Наибольшее впечатление из студенческой жизни на меня произвел не случай, а лекции преподавателя медицинского института, профессора, заведующего кафедрой гистологии Бориса Владимировича Алешина. На меня производило впечатление даже то, как Алешин выходил на свою лекцию. Будучи уже достаточно пожилым, этот преподаватель очень уважительно относился к студентам. Он читал лекции с огромным уважением к нам, с желанием дать как можно более полные знания. Понятно, не все студенты тогда это должным образом оценивали и воспринимали, зато теперь понимают, насколько это был интеллигентный и талантливый педагог. Запомнилось, как Борис Владимирович приходил на лекции с женщиной-ассистентом, очевидно, из другого корпуса, и она помогала ему переодеться, подавала халат. Это было настолько серьезно и вместе с тем трогательно. Видно было, как уважают этого человека. Студенты даже говорили между собой, что Алешин — настоящий профессор, умный, интеллигентный человек, с широким кругозором, умеющий интересно и доступно преподнести свой предмет... Он действительно был одним из самых талантливых и гениальных ученых не только для Харькова, но и для всей страны.

Прогноз академика

Во время учебы в институте я, как и многие студенты в те времена, работал на «скорой помощи». Начинал санитаром, затем был медбратом и фельдшером. Тогда мне казалось, что я имею уже достаточный опыт и большие знания. И вот на одном занятии по терапии академик Л.Т. Малая задала мне вопрос по лечению отека легких. Я высказал ту практическую часть, которая использовалась на «скорой помощи» — введение разведенного этилового спирта (алкоголя) внутривенно. Естественно, Любовь Трофимовна напомнила о ряде других препаратов, которые необходимо использовать при отеке легких. В ответ же я, молодой «специалист», заявил уважаемому академику, что названных препаратов наша бригада не имеет. А когда приходится спасать больного, необходимо использовать то, что есть под рукой. Реакция Любови Трофимовны Малой была совершенно оправданной. Она «взорвалась» и высказалась достаточно резко. Слова Любови Трофимовны я привожу дословно, так как запомнил их на всю жизнь:

«Похвалий! Как вы себе это представляете? При таком лечении за вами останется кладбище! За вами будет море трупов, кладбище трупов!».

После окончания медицинского института я тяжело заболел, и Любовь Трофимовна помогла мне в лечении. Когда мы с ней встретились спустя несколько лет, она вспомнила те занятия и возникшую ситуацию. Узнав, кем я работаю, она сказала: «Ну вот, Похвалий, я тебе и напроорочила быть заведующим отделом судмедэкспертизы трупов...».

В греческом зале...

...Расскажу об одной поездке в Ленинград. В то время мы старались часто вырваться в город на Неве с целью посетить спектакли Большого драматического театра, гремевшего тогда на весь Советский Союз. Например, известную постановку «История лошади» с Лебедевым в главной роли. Это был культовый спектакль, и мы считали своим долгом попасть на него. И вот с двумя друзьями-студентами, с которыми, кстати, я продолжаю дружить и сейчас, мы отправляемся в Ленинград. Билеты на поезд по студенческому стоили тогда 9 рублей 50 копеек в один конец. То есть, за 19 рублей мы ездили туда и обратно. Помню, возил нас поезд №18 «Харьков–Ленинград». Месячной стипендии на такую поездку нам вполне хватало. Мы даже не задумывались над тем, где заночуем: главное — попасть в театр. А это было непросто. Один из нас занял очередь в театральную кассу, я же ходил перед театром в надежде купить билет у кого-нибудь, даже у спекулянтов. Тут, вижу, прохаживается мужчина печального образа. До начала спектакля оставалось совсем немного времени. И он спрашивает меня:

– Вам билеты нужны?

– Конечно, нужны! — говорю.

Дает он мне два билета. Я спросил, сколько я должен, но мужчина лишь махнул рукой и грустно молвил:

– Она не пришла.

Два билета у нас было, как-то раздобыли третий и попали на спектакль. «История лошади» произвела неизгладимое впечатление. Но после театра встал вопрос: где мы будем ночевать? Поезд на следующий день, а дело происходило на зимних каникулах, и снег был по колено. Поначалу мы направились к гостинице, в окнах которой уютно горел свет. Но, увидев швейцара в форме, поняли, что переоценили свои силы. Гостиница оказалась для иностранцев, мы же обладателями валюты не являлись. Перспектива остаться ночью на морозе совсем не радовала. Мы забрели на станцию «скорой помощи», поведали, что мы будущие врачи из Харькова, показали студенческие билеты и попросились на ночлег. Коллеги пошли навстречу, предупредив, что могут нам предложить расположиться только в «греческом зале». Нас это заинтриговало. «Греческий зал» оказался действительно большим залом, практически неотопливаемым, в котором стояли топчаны. Эта станция «скорой помощи» находилась в старинном особняке, отсюда и «греческий зал». Уже значительно позже

друзья из Петербурга рассказали, что именно на этой станции «скорой помощи» трудился будущий маэстро Александр Розенбаум.

Выдали нам в ту ночь две подушки и три одеяла. Утром разбудили в половине седьмого — пришел начальник станции и пожелал с нами познакомиться. Очевидно, хотел убедиться, что мы действительно студенты-медики. Побеседовали, пришлось ему вновь студенческие билеты продемонстрировать. Все остались довольны. Прощаясь, он спросил:

– Вы, ребята, наверное, голодные?

Есть нам хотелось, и мы это подтвердили. А где можно было в те годы купить еду в семь утра?

– Тут за углом есть дежурная аптека, — подсказал начальник станции.

Мы удивились, и он пояснил свою мысль:

– Купите там аскорбиновую кислоту с глюкозой. Это таблетки большие, сладкие и немного с кислинкой. Съешьте их — поможет.

На том и расстались.

Почти военная хирургия

Наиболее запомнившийся случай из моей студенческой жизни связан не с аудиториями и лекциями, а с поездкой на байдарках по северным рекам в 1978 г. Случай этот имел все шансы стать трагическим. Наша группа студентов-медиков на летних каникулах отправилась на Полярный Урал. Спортивный отдых проходил по полной программе: плавание по быстрым рекам, охота, рыбалка. Во время охоты произошел несчастный случай. Чтобы вы понимали обстановку, объясню, что до ближайших населенных пунктов в одну сторону было километров четыреста, во вторую — двести пятьдесят, в южном направлении поселок находился километров за триста, а в северном уже были только лежбища тюленей.

Мы находились возле озера, в котором плавало много диких уток. Нам очень хотелось есть, поэтому охота у нас была вынужденной. Кто-то выстрелил. В общем, случилось так, что не весь заряд дробы достался утке. Кое-что перепало одной из студенток. Дробинка срикошетила и попала ей в голову, застряв в чешуе височной кости. Будущие врачи сохранили самообладание. У нас оказался хирургический инструментарий, и в полевых условиях мы начали извлекать дробь из головы. Операцию провели успешно: посторонний предмет извлекли, рану обработали и зашили. После этого отправились дальше плавать на байдарках. Но хорошо то, что хорошо кончается!

Марокканец

В стройотряде я подружился с некоторыми своими сокурсниками. Опыта строительства у меня тогда еще не было, поэтому осваивал нехитрую специальность «подноски патронов» (подсобника-каменщика). Лето было жаркое, все ребята очень хорошо загорели. Особенно мой однокурсник Витя. Он отличался необычной внешностью: красивый статный парень с пронзительным взглядом и кучерявой черной шевелюрой.

Родом он был из Балаклейского района. Чьи только гены ни приняла наша Слобожанщина за время своего становления...

После каникул мы предстали перед уникальным специалистом, педагогом и человеком — доцентом И.Ф. Бодней. Этот легендарный лектор сразу дал всем понять, что рентгенология — самая главная специальность в медицине. Студенты с интересом ходили на его лекции, постоянно ожидая каких-то неординарных высказываний, поучений и педагогических изысков. Интерес к лектору позволял легко усваивать «самую главную» дисциплину этого учебного года. На его лекциях никто не спал. И вдруг моего друга Витю по какой-то причине одолел полуденный сон, который обычно в это время наступает у жителей южных широт. У лектора был наметан глаз не только на рентгенограммы, но и на дисциплину будущих специалистов. Он попытался разбудить студента словами. Безуспешно... Попросил растолкать. Лицо проснувшегося вызвало в рядах слушателей хихиканье, на что лектор отреагировал немедленно:

– Институт вам не цирк, а Бодня вам — не клоун! Молодой человек, поднимитесь! Из какой Вы группы, как Вас зовут?

Но Витя не успел еще вернуться из царствия Морфея, а Игорь Федорович не стал дожидаться ответов:

– Садитесь. Когда Вы вернетесь к себе в Марокко, Вы не будете хорошим специалистом!

С тех пор за Витей надежно закрепилась кличка Марокканец. Недавно его видел: он стал отличным специалистом, заведующим травматологическим отделением в Днепропетровске, и каждый день профессионально оценивает рентгенограммы. Но в Марокко так и не съездил, видимо опасаясь проризания Учителя.

Н.И. ПИТЕЦКАЯ

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Студенческие годы — самая замечательная и самая запоминающаяся пора в жизни каждого человека. Это время нашей юности, безмятежности, которое переплелось с загадочной таинственностью неизведанного

пути к вершинам человеческих судеб, к познанию самого дорогого, что есть на земле, — жизни.

Харьковский государственный медицинский институт — мечта выпускников школ бывшего Советского Союза. Поступить в него считалось удачей, учиться — почетно, закончить — престижно. Вот они те, кто июньским днем 1985 года дали клятву Гиппократата и получили заветный диплом. Выпорхнув из родного гнезда, они разлетелись по разным городам...

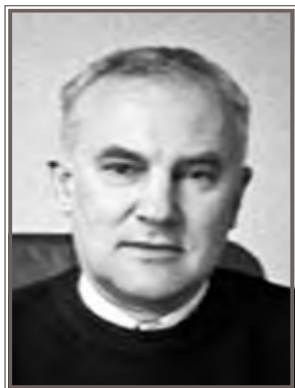
Решение встретиться через 20 лет было принято в день празднования 200-летия медицинского университета. Благодаря усилиям членов оргкомитета (В.П. Кучеренко, И.Е. Абальмаз, Н.И. Сидаш) долгожданная встреча состоялась. И вот опять — аудитория №1 главного корпуса, опять — рапорт старосты потока А.Я. Болховитина «главному лектору» — ректору университета академику А.Я. Цыганенко. Только теперь вместо учебной лекции — пожелания здоровья и счастья, всеобщее признание достигнутого, покоренных вершин.

Наша alma mater может по праву гордиться своими выпускниками. Это А.Н. Беловол — доктор медицинских наук, профессор, депутат Верховного Совета Украины, В.В. Бойко — доктор медицинских наук, профессор, директор института общей и неотложной хирургии, В.А. Питько — доктор медицинских наук, профессор, директор Украинского центра акушерства, гинекологии и репродуктологии, Н.П. Волошина — доктор медицинских наук, профессор, Л.В. Потапова — доктор медицинских наук, профессор, Л.В. Черкашина — секретарь коллегии МЗО Украины. Дстойные продолжатели дела своих учителей, нынешние преподаватели нашего университета — И.А. Сенников, Н.И. Питецкая, Л.В. Молодан, С.В. Гринченко, В.Г. Власенко, Л.Р. Бобронникова, Е.Ю. Борзова, А.Ю. Савельева. А сколько уникальных врачей различных специальностей!

Улыбки, смех, поздравления, слова благодарности в адрес учителей, горящие глаза, искренняя радость встречи. Ведь многие из нас на самом деле не виделись 20 долгих лет. Изюминкой праздника стал поистине бесценный подарок А.Н. Беловола, который пригласил к нам своего друга, автора потрясающих песен, организатора и руководителя группы «Белый орел» А. Добронравова. Слушать эти песни, танцевать с теми, кто так нравился в юности и кого мы искренне любили, а затем фото на память и автографы — разве можно такое когда-нибудь забыть!

Минуты, которые мы переживали тогда, думаю, никогда не повторятся. Хотелось бы всегда дорожить теми мгновениями, которые подарила нам судьба. Дорожить тем, что мы еще здоровы, благополучны, счастливы, а самое главное — что нашли возможность встретиться 20 лет спустя...

А.Н. ГОЛЬЦЕВ

**ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ,
ДРУГА И СОРАТНИКА
ВАЛЕНТИНА ИВАНОВИЧА
ГРИЩЕНКО**

Валентин Иванович Грищенко... Хочется из своей и не только из своей памяти извлечь и на долгую память оставить потомкам то, чем может гордиться не только он сам (именно в настоящем времени), но и все, кто имел счастье и честь идти с ним по жизни рука об руку: работать, творить, отдыхать, веселиться и делать все то, что Бог позволил человеку.

Не буду акцентировать внимание на детальном изложении биографических справок его жизни. Эта информация подробно изложена во многих материалах и в различной форме. Вместе с тем не имею права не отметить значимость генетической детерминированности Валентина Ивановича Грищенко быть таким, каким он стал. Он был «обречен» стать человеком, который жил ради здоровья и счастья людей. Валентин Иванович родился в семье известного акушера-гинеколога, бывшего фронтового хирурга Ивана Ивановича Грищенко. В юношеские годы, увлекаясь техникой, он поступил в технический вуз и одновременно (по совету отца) — в медицинский институт. Из воспоминаний В.И. Грищенко: «Однако прослушав первую лекцию в медицинском институте по биологии, в машиностроительный институт я уже не пошел».

Врачебная деятельность Валентина Ивановича великолепно представлена в разнообразных публикациях справочного и монографического характера. В каждой из них отмечают его высокий профессионализм, работоспособность, чуткость к пациенту. Действительно, В.И. Грищенко был и остается непревзойденным мастером в области акушерства и гинекологии. Он подарил надежду стать родителями десяткам тысяч людей, именно его считают «отцом» первого в Украине «ребенка из пробирки» (1991). Успехи в медицине, безусловно, пришли к нему из-за беззаветной любви к науке. Со слов самого Валентина Ивановича, он не представлял свою жизнь и развитие медицины без науки. Абсолютно не случайно В.И. Грищенко на протяжении 18 лет (1965–1983) являлся проректором по научной работе Харьковского медицинского института, переименованного позже в национальный университет (ХНМУ).

Хочу извлечь из своей памяти (как и обещал) и рассказать о событии, связанном с проведением на базе ХНМУ Всесоюзной научной студенческой конференции (1969). Я был студентом 3-го курса Харьковского медицинского института (тогда он так именовался) и принимал участие в работе этой конференции. Будучи знакомым с некоторыми сотрудниками Харьковского телевидения, я попросил их «запечатлеть» это событие. Кроме съемок на пленарном и секционных заседаниях, те попросили, чтобы кто-то из руководства медицинского института дал интервью. Интервью давал проректор по научной работе Валентин Иванович Грищенко (я присутствовал при этом, и это было мое первое знакомство с профессором). Все, кто оказался в это время рядом, услышали от Валентина Ивановича не только профессиональные комментарии к докладам молодых ученых, но и оценку многих новых концептуальных подходов в решении проблем акушерства и гинекологии с использованием технических средств и методов (давала знать о себе давняя любовь к технике). Интересно, что свое интервью В.И. Грищенко давал в то время (Харьков, 1969) на великолепном украинском языке. Именно тогда я впервые услышал об использовании холода в акушерско-гинекологической практике, применении криовоздействия при хирургических операциях, необходимости криоконсервирования биообъектов и т. д.

Во многом знание этого вопроса, видение перспектив развития этого нового направления определили назначение в 1983 г. В.И. Грищенко директором Института проблем криобиологии и криомедицины НАН Украины. Говорят, если человек талантлив, он талантлив во всем. Одаренный потенциалом «трудоголика», с первых дней работы в институте он старался прививать это качество всем сотрудникам. Удивляла его трудоспособность. Когда начинался и заканчивался его рабочий день, сказать трудно. Однако, приходя в институт к началу рабочего дня, сотрудники знали, что директор уже на месте. Понятия официального окончания рабочего дня для него не существовало, работал допоздна.

Многовекторностью его клинической и научно-исследовательской деятельности можно было восторгаться. «Никогда не идите по одному пути. Он может быть тупиковым», — эти слова В.И. Грищенко на одном из первых проведенных им рабочих совещаний я запомнил и стараюсь их придерживаться в своей жизни. При этом золотым правилом Валентина Ивановича было обязательное завершение всех начатых дел. Человек широчайшей эрудиции, он генерировал массу идей. Вначале некоторые из них казались нам сомнительными, даже авантюрными. Однако в итоге он оказывался прав. Это касается и того направления, которое было сформировано и сформулировано В.И. Грищенко в 1980-е годы и остается стержневым для нашего института по сей день. Речь идет о разработке технологий криоконсервирования тканей фетоплацентарного комплекса, экспериментального подтверждения их функциональной состоятельности, создания запасов и возможности широкомасштабного внедрения в клиническую практику.

С особой любовью и вниманием Валентин Иванович относился к «новорожденному» при его непосредственном участии «младенцу», которого он назвал «криобиология стволовой клетки». Прошли годы и сейчас мы понимаем, что эти направления исследований являются одними из самых важных и целесообразных не только в области криобиологии и криомедицины, но и в целом биологии, морфологии, гематологии, иммунологии и многих других наук медико-биологического профиля. Именно эти исследования явились основой интенсивно развивающейся и востребованной в настоящее время в клинической практике клеточной и тканевой терапии криоконсервированными препаратами фетоплацентарного комплекса.

В связи со сказанным нельзя не вспомнить посещение нашего института в 1984 г. президентом Академии наук СССР А.П. Александровым и президентом Академии наук УССР Б.Е. Патонем. Во время этого визита Анатолий Петрович проявил существенный интерес к разработкам института, касающимся клеточной и тканевой терапии препаратами фетоплацентарного происхождения. Как вспоминал Валентин Иванович, Анатолий Петрович, обращаясь к академику Б.Е. Патону, сказал: «Борис Евгеньевич, обратите внимание на эти работы. Очень перспективное выбрал Валентин Иванович направление». Справедливости ради надо отметить, что до настоящего времени институт ощущает постоянную поддержку со стороны Бориса Евгеньевича как в развитии этого направления исследований, так и других наших инициатив.

Имея непосредственное отношение к клинической медицине, Валентин Иванович был активным пропагандистом внедрения результатов экспериментальных исследований в клиническую практику. Эта идея была воплощена им в жизнь при создании ГП «Межведомственный научный центр криобиологии и криомедицины» НАН Украины, АМН Украины, МОЗ Украины, который олицетворял единство научной мысли и результатов экспериментальных разработок криобиологов и криомедиков ИПКиК НАН Украины в лечебную практику. Сказать, что Центр был создан по инициативе и при личном участии Валентина Ивановича, значит ничего не сказать. Сколько сил, крови и нервов стоило этому человеку создание этой уникальной структуры — знал только он сам. Продолжить жизнь Центра в лучших формах — наша святая задача.

Я часто задавал и задаю себе вопрос о том, каковы основные составляющие жизненного успеха этого человека. Очевидна многофакторность такого успеха. Повторюсь, но, безусловно, генетическое наследие. Тем не менее, проявление той или иной генетически детерминированной характеристики человека должно быть, с моей точки зрения, «востребовано» самим человеком в дальнейшей жизни. В.И. Грищенко заставлял работать этот «код» благодаря огромному трудолюбию. Безусловно, он придерживался принципа: «Руководитель может требовать трудолюбия от другого (подчиненного) только тогда, когда он сам его демонстрирует».

Не менее важной составляющей была его работа над собой. До последних дней жизни он учился. В разных формах. Не секрет, что, даже уезжая в отпуск, он «тянул» с собой как минимум 2–3 диссертации. Я ему говорил (и не только я): «Валентин Иванович, да Вы же это все наизусть знаете». Ответ удивлял всех: «Надо подкорректировать, поправить. Кстати, я уверен, что там еще есть кое-что, что для меня будет интересно». Иными словами, уча других, он учился и сам — «Docento discimus» («Уча других, учусь сам»). В этом была его суть.

Он является примером прекрасного преподавателя и педагога. Стаж его преподавательской деятельности составил более 55 лет (!). Для него не простым набором слов была фраза: «Учитель, воспитай ученика, чтобы было у кого потом учиться!». Редко кто может гордиться, что подготовил 33 доктора и 129 кандидатов наук. Однако огромное количество людей без степеней и званий считали (к сожалению, некоторых уже нет с нами) и считают Валентина Ивановича своим учителем, как говорят, «по жизни». Если мне позволит Создатель, я и себя отнесу к ним.

В 2002 г. В.И. Грищенко назначил меня заместителем директора ИП-КиК НАН Украины по научной работе. За этот период нашей совместной работы я узнал еще много интересного и открыл в Валентине Ивановиче много удивительных черт: невероятная честность в работе, пунктуальность, обязательность и др. Впечатляет контроль за выполнением многих данных поручений. Он был настоящим «мотором» института. Почему был? Он и сейчас остается тем, к кому я часто обращаюсь (думаю, что не только я) за советом, воспринимаю свои дела через призму сравнения: «Как сделал бы это Валентин Иванович?». Особо это касается темы общения с людьми.

Часто в поездках по нашей стране, ближнему и дальнему зарубежью, на встречах различных уровней я проводил «психологический практикум», наблюдая за тем, чем «берет» аудиторию Валентин Иванович. Безусловно, колоссальным опытом, знаниями, интеллектом. При этом, будучи известнейшим, уникальным человеком, имеющим мировое признание, в разговоре с кем бы то ни было он не «выпячивал» свою значимость. Его воспринимали как человека, стоящего на одной с собеседником ступени и разговаривающего на равных. В основе этого лежала прежде всего любовь к людям («И море, и Гомер — все движется любовью...» — О. Мандельштам). Для него каждый сотрудник значил очень много, и если кому-то нужна была помощь, он старался ее оказать.

«Шефуля», как некоторые из нас его называли, был и останется в памяти настоящим патриотом нашего института. Будучи прекрасным оратором, об институте, сотрудниках, научных направлениях и перспективах развития он говорил красиво и красочно. Хотя особо и не проявлял склонности к этому, но ему нравилось, когда его хвалили. В этом нет ничего удивительного, по словам Д. Карнеги: «Для человека нет ничего более приятного, чем слышать свою фамилию в положительных тонах». Его многогранность проявлялась даже в том, что некоторые нотки сентиментальности сочетались с невероятной мужественностью. Редко кто

из сотрудников института (даже членов директората) видел его в подавленном настроении. Даже в последний период своей жизни считал себя здоровым, не высказывая претензий к своему организму, и проявлял оптимизм. Хотя многие знали, что после перенесенной почти 3 года назад операции на позвоночнике ему приходилось нелегко. В проявлении такой крепости духа был смысл его жизни. Установленная им планка стремлений и созиданий находится на достаточно высоком уровне.

Лучшей памятью и памятником нашему любимому директору, педагогу, учителю — Валентину Ивановичу Грищенко — будет реализация намеченных им планов и проектов. Он не успел их завершить, но результат мечтал увидеть собственными глазами. Мы чуть-чуть прикоснулись к тому, что видел и хотел увидеть он. Кто-то из великих произнес великолепные, символические слова: «Мы видели далеко потому, что стояли на плечах своих учителей!». Дай бог нам таких учителей, каким был и остался в памяти академик Валентин Иванович Грищенко.

П.В. ВОЛОШИН

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ЛЮДЯМ

Как это ни банально звучит, но бег времени неумолим. Все меньше остается людей, с которыми доводилось испытывать радость общения, сопричастности, чувства любви, доброжелательности, преданности своему делу, целям и смыслу жизни. Такие люди навсегда остаются в памяти, пробуждая добрую грусть и теплые воспоминания. Таким человеком был и останется Валентин Иванович Грищенко.

Очевидно, что очень много харьковчан буквально «пуповиной» связаны с выдающейся династией акушеров-гинекологов Грищенко. И моя семья имеет эту неразрывную связь. Моя жена впервые увидела этот свет в добрых руках профессора Ивана Ивановича Грищенко. Его же руки приняли в этот мир и мою дочь. А моих двух внуков приняли не менее добрые руки уже профессора Валентина Ивановича Грищенко.

С династией Грищенко я встретился еще будучи студентом, старостой курса, а профессор Иван Иванович Грищенко в то время был деканом

лечебного факультета медицинского института. Это был требовательный, но удивительно очень добрый и внимательный учитель. Он часто присутствовал на наших курсовых собраниях, старался помочь не только советом, но и материально нуждающимся студентам, особенно бывшим фронтовикам. Нас, студентов, привлекали и поражали его толерантность, умение не только тактично направить нашу беседу в нужное русло, но и умение слушать нас и быть услышанными. Во всем чувствовалась его внутренняя интеллигентность и доброта. Эти прекрасные человеческие черты унаследовал и Валентин Иванович Грищенко.

Являясь проректором по научной работе Харьковского медицинского института, Валентин Иванович много времени уделял подготовке молодых научных кадров. И мне он всячески помогал при планировании и выполнении докторской диссертации. Со своей стороны он, учитывая мое техническое образование (я окончил Харьковский политехнический институт), довольно часто советовался по тем или иным техническим вопросам.

Помимо, я бы сказал, генетически обусловленных прекрасных качеств акушера-гинеколога и педагога-наставника Валентин Иванович был и талантливым ученым, и организатором науки. Он имел неистощимую энергию. Сфера его профессиональных интересов включала широкий диапазон научных проблем: акушерство, гинекология, криобиология, клеточная терапия и ряд других важных научных направлений.

Наши контакты с Валентином Ивановичем не прерывались даже тогда, когда я уехал работать в Черновицкий медицинский институт. Несколько раз мы встречались с ним в Москве на совещаниях проректоров по научной работе медицинских институтов Советского Союза. Он как опытный проректор консультировал меня, начинающего проректора, как лучше организовать в институте центральную или проблемную научную лабораторию. В этих советах чувствовалось искреннее желание более опытного руководителя помочь успешной работе на благо отечественной медицинской науки и практики.

Самые тесные контакты с Валентином Ивановичем у нас установились, когда я стал директором Института неврологии, психиатрии и наркологии АМН Украины, а Валентин Иванович — директором Института проблем криобиологии и криомедицины НАН Украины.

Почти ежегодно сотрудниками наших институтов выполнялись комплексные совместные работы, возглавляемые Валентином Ивановичем и нашими руководителями отделов. Это такие работы, как «Разработка новых технологий лечения заболеваний головного мозга с применением лечебных препаратов на основе тканей фетоплацентарного комплекса человека», «Изучение влияния алло- и ксеноимплантации эмбриональных нейроспецифических тканей и их соединений с потенциальными мозгоспецифическими белками и антителами к ним на психофизиологические функции» и ряд других.

Совместно с Институтом проблем криобиологии и криомедицины НАН Украины изданы методические рекомендации и пособия:

«Использование краниocereбральной гипотермии в комплексном лечении психических заболеваний», «Дифференцированное применение краниocereбральной гипотермии в комплексном лечении наркомании и делириозных состояний различного генеза», другие пособия для врачей и научных сотрудников.

Как о талантливом ученом, прекрасном педагоге и неординарной личности Валентин Иванович оставил о себе добрую память в сердцах сотрудников нашего института, защитивших диссертации в Ученом совете под его председательством. Меня судьба свела с Валентином Ивановичем и по общественной работе в Харьковском медицинском обществе, где долгое время был вице-президентом, а академик В.И. Грищенко — членом президиума.

Несмотря на большую занятость, он всегда был очень пунктуален в выполнении общественных поручений. Как один из ведущих и авторитетнейших ученых он возглавлял конкурсную комиссию по отбору лучших научных работ членов общества.

В результате многогранной и более чем полувековой творческой и организационной деятельности академик В.И. Грищенко вышел на самый высокий уровень не только отечественной, но и мировой науки. Однако не бывает масштабной личности без сомнений, временных поражений, без физических и моральных ударов судьбы. Не избежал их и Валентин Иванович Грищенко. В 1994 г. он заболел острой инфекционной миелополинейропатией с парезом верхних и нижних конечностей. Можно себе представить, что это значит для высококлассного акушера и хирурга. Он умолял, чтобы я сделал все, чтобы сохранить ему возможность и дальше оперировать. Я очень рад, что в нашей клинике удалось спасти его прекрасные и добрые руки, которые дали дорогу в жизнь еще многим сотням детей и спасли жизни многим женщинам.

Познал он и горечь безосновательных обвинений в нарушениях правовых и этических норм при разработке им нового, весьма перспективного направления в биологии и медицине — тканевой терапии стволовыми клетками эмбриональных тканей. Недобросовестные конкуренты попытались поднять в Украине и за рубежом кампанию клеветы. Однако его высокий научный авторитет, убежденность в своей правоте, оптимизм и настойчивость в достижении цели позволили ему преодолеть и этот удар судьбы. Сегодня в Украине продолжает развиваться это перспективное научное направление.

У всех, кто знал Валентина Ивановича Грищенко, он останется в благодарной памяти именно как неординарная личность, человек высокой морали и большой целеустремленности.

Принято считать, что незаменимых людей нет, однако с уходом в мир иной неординарной личности общество теряет что-то невозможное. Валентин Иванович Грищенко займет достойное место в галерее отечественных ученых, которыми будет гордиться наша родная Украина.

В этой заметке я не собирался осветить биографию такого велико-

го ученого, как В.И. Грищенко. Мои отдельные наброски и наблюдения, в какой-то степени характеризующие этого незаурядного человека, думаю, смогут дополнить портрет яркой личности Валентина Ивановича Грищенко.

В.В. БОЙКО

ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ

В памяти моей и моих сверстников Валентин Иванович Грищенко навсегда останется человеком большой души, учителем, ученым, профессионалом своего дела, бесконечно любящим людей и жизнь, борьбе за которую он посвятил всего себя. О таких людях, как он, говорят, что это — человек эпохи, с его именем связаны многие достижения современной науки и врачебной практики, которые созвучны необычайной, грандиозной и величественной эпохе XX и XXI столетий. Он был неотъемлемой частью времени, которое дало обществу новые открытия и технологии, воспитало у большинства людей истинную любовь и сострадание к окружающим, мудрость жизненного опыта, бескомпромиссность в борьбе за правду, истинную науку и добро.

Говорить много — значит рассеять в словах истинное величие этого человеческого гения, а также уменьшить благодарность следующих поколений, так как осознать все его жизненные установки, профессиональные секреты и опыт не под силу одному. Его научные труды и практические советы многие годы будут служить на благо людям, философия добра и трудолюбия его ученикам и коллегам будут помогать в нелегком врачебном труде, любовь и доброжелательное отношение к окружающему миру — передаваться из поколения в поколение, как эстафета, непрерывная в веках.

Мои первые встречи с Валентином Ивановичем были встречами студента — начинающего медика с выдающимся ученым, руководителем харьковской акушерско-гинекологической школы, академиком, который читал нам цикл лекций по данной проблеме. Эти лекции были настолько насыщены полезной и необходимой информацией, что порой захватывало

дух от получаемых знаний. Доброжелательность и требовательность Валентина Ивановича к студенческой молодежи формировали именно правильное отношение к будущей профессии, дисциплинировали и, несомненно, развивали профессионализм будущих врачей. Лекции его всегда излагались четко, в доступной для восприятия форме, неизменно в утренние часы. Студенты любили Валентина Ивановича Грищенко за демократичность, справедливость и считали большой честью сдавать экзамены ему, получать справедливые оценки и критические замечания, которые в последующем позволяли еще полнее освоить предмет акушерства и гинекологии. Во время обучения на этой кафедре, общения с академиком и его коллегами-преподавателями складывалось впечатление, что прикасаешься к истокам жизни.

Вторая наша встреча произошла уже в более позднее время. Я тогда работал на кафедре госпитальной хирургии ассистентом и в период написания докторской диссертации по совету моего учителя Владимира Терентьевича Зайцева обратился за помощью к Валентину Ивановичу как к председателю хирургического совета при университете. Это была моя первая личная встреча с Валентином Ивановичем, теплота которой потрясла меня и осталась в моей памяти навсегда. Глубокий взгляд величайшего Ученого современности, мудрость Учителя, добродушная улыбка и несколько напускная строгость, бескорыстность и человечность просто поразили меня. Именно тогда я понял, какое счастье выпало мне — общение с Валентином Ивановичем. Меня объяла гордость за моих учителей и за ответственность, которая возлагается на меня как на человека, которому доверена большая честь нести знамя харьковской медицинской школы. В результате нашей встречи мне стало абсолютно ясно, с кого мне — начинающему ученому — необходимо брать пример. В правильности этого решения я не усомнился ни разу за всю свою жизнь. Как председатель совета Валентин Иванович оказал мне колоссальную помощь и поддержку, за что я ему безмерно благодарен и по сей день.

Шли годы. Став доктором медицинских наук, я получил предложение занять должность проректора по научной работе в родном университете. Первым моим шагом был сердечный порыв поклониться выдающимся учителям и светилам отечественной науки, которые в ту пору работали в Харьковском медицинском университете, и прежде всего академику Валентину Ивановичу Грищенко, у которого я попросил благословения на дальнейший труд во имя университетской науки. Валентин Иванович принял меня радушно, пожелал мне успехов в научных начинаниях и жизни, пообещал помощь и поддержку. Следует отметить, что в дальнейшем на протяжении многих лет в трудные и радостные минуты бытия я ощущал искреннюю поддержку Валентина Ивановича при принятии трудных решений, получал советы в решении возникающих научных и лечебно-практических задач.

Огромным опытом как руководитель высокого ранга, ученый, разработки которого известны всему миру, Валентин Иванович щедро делил-

ся. Его неопределимые советы по моей работе как проректора, эксперта ВАК Украины, как практического врача во многом укрепили меня и в повседневной деятельности.

Особо хочется подчеркнуть важность нашего общения на научной ниве. Благодаря Валентину Ивановичу нами воплощены в жизнь такие разработки, как новые технологии и устройства по криовоздействию на живые ткани, внедрение которых в практику позволило выполнять сложнейшие операции на паренхиматозных органах, в том числе при опухолевых заболеваниях; криоконсервирование аутовен и артерий в качестве пластического материала, аллографтов клапанов сердца и аорты; применение стволовых клеток и клеточного материала при многих заболеваниях, встречающихся во врачебной практике.

Валентин Иванович всегда был активным творцом новых технологий, новых устройств, идейным вдохновителем и активным участником творческого процесса, поддерживал начинания как молодых ученых, так и уже опытных исследователей. Начатая им программа по разработке и внедрению криотехнологий в хирургическую отрасль успешно развивается и сейчас многими сподвижниками, его учениками и последователями.

Еще один аспект, на который хотелось бы обратить внимание — виртуозная хирургическая деятельность В.И. Грищенко. Дело в том, что гинекология и хирургия — по своей сути области одной специальности врачебного «рукодействия». Поэтому прекрасный хирургический стиль, которым он руководствовался при проведении огромного числа операций, большое разнообразие выполняемых им оперативных вмешательств, тщательность и надежность действий позволили ему спасти жизни многих больных и снискали ему славу прекрасного врача-гинеколога, большого хирургического Мастера, техника и практические приемы которого прочно вошли в повседневную практику гинекологов-хирургов.

В моей научной и врачебной жизни Валентин Иванович сыграл большую позитивную роль. Когда такие люди уходят из жизни, они все же остаются рядом навсегда: с ними соизмеряешь правильность поступков, сверяешь часы совести, находишь своего ангела-хранителя и советника. И если видишь добрые, мудрые и улыбающиеся глаза Валентина Ивановича, понимаешь: то, что ты делаешь, — истинно и правильно. Так уж случилось, что последние дни и минуты своей жизни академик Валентин Иванович Грищенко провел в клинике, возглавляемой мною. Все это время он был образцом мужества, житейской мудрости и стойкости духа. Мне показалось, что он один из немногих, кто ощущает неумолимость времени и знает нечто большее, о чем нам, живущим на Земле, через тернии идущим к звездам, еще предстоит узнать в свое время.

Ж.Н. ПЕРЦЕВА, Я.С. БЕЛЕВЦОВА

**В ПАМ'ЯТЬ О ВЛАДИМИРЕ
ИВАНОВИЧЕ ШАПОВАЛЕ —
УЧИТЕЛЕ, НАСТАВНИКЕ,
ДРУГЕ**

Всякого человека должно судить
по его делам.

М. Сервантес

20 октября 2014 года исполнилось 90 лет со дня рождения одного из ведущих отечественных ученых-урологов, организаторов здравоохранения, профессора, доктора медицинских наук, заслуженного деятеля науки Украины, основателя и директора Харьковского нефроурологического центра (в настоящее время — Областной клинический центр урологии и нефрологии, который теперь носит имя его создателя — Владимира Ивановича Шаповала. Его светлую память чтут ученики, соратники, коллеги.

Владимир Иванович прошел сложный жизненный путь от сельского фельдшера до руководителя одной из самых больших в Европе специализированных клиник, оставив неизгладимый след не только в сердцах всех тех, кто хотя бы один раз встретился с ним, но и, безусловно, в истории урологической науки в Украине и далеко за ее пределами. Его жизненный путь был далеко не простым, и его биография, которая содержит множество свершений и побед, может быть примером человеческого мужества, целеустремленности и преданности своему делу.

Большой жизненной заслугой В.И. Шаповала является то, что в конце 1960-х годов благодаря его усилиям, убежденности в правильности своих

идей, а также тесному контакту с областным партийно-хозяйственным руководством удалось создать в Харькове крупнейший в Украине Урологический центр, который разместился в новом современном 4-этажном больничном корпусе.

Знакомство с существовавшей системой здравоохранения, в котором в значительной мере Владимиру Ивановичу помог собственный опыт заведования горздравотделом, принесло неудовлетворенность, позволившую ему заявить, что ведомственные барьеры в узкоспециализированной стационарной медицинской помощи являются «творением чиновников от медицины еще с петровских времен». Эта концепция и легла в основу нового организационно-структурного принципа всеобщего оказания специализированной урологической помощи. Являясь пионером и убежденным сторонником этого наиболее рационального принципа оказания медицинской помощи в урологии и считая ее основой «органно-причинную» трактовку, Владимир Иванович инициировал создание Урологического центра — клинического комплекса на 650 коек.

Истоками Центра стали переселившиеся в него в 1967 г. урологические отделения Областной клинической больницы и возглавляемой профессором Г.Я. Алапиным 2-й городской больницы, последнее являлось клиникой кафедры урологии Харьковского института усовершенствования врачей, на этом особенно настаивал профессор В.И. Шаповал. Сюда же были переведены и кафедры анестезиологии (заведующий — профессор В.А. Аркатов) и клинической биохимии (заведующий — профессор Н.И. Паченко). В марте 1968 года осуществилась другая заветная мечта В.И. Шаповала. В составе Урологического центра были созданы фтизиоурологическое отделение и совместно с профессором Ф.А. Клепиковым, возглавившим в этом году кафедру урологии Украинского института усовершенствования врачей, специализированное детское отделение, ставшее первым на Левобережной Украине.

Строительство нового 7-этажного корпуса — также всецело заслуга профессора В.И. Шаповала. Он стал инициатором организации в нефроурологическом центре онкоурологического и андрологического отделений. При его поддержке было создано отделение гемодиализа. Таким образом, вдохновителем и во многом непосредственным организатором всех структурных подразделений ныне существующего Центра был Владимир Иванович. Под его руководством и при его непосредственном участии на протяжении 34 лет в Центре ежедневно шел лечебно-диагностический процесс.

Талантливый хирург, ученый, но в первую очередь непревзойденный организатор, В.И. Шаповал создал неповторимую атмосферу в коллективе. Доверие, взаимопонимание, взаимовыручка, демократизм в отношениях между всеми сотрудниками Центра в конечном итоге положительно сказывались на качестве лечебного процесса, развитии урологической науки. В подтверждение можно привести слова медсестры анестезиологического отделения Любови Дмитриевны Старченко (Граненко):

«Профессор придавал огромное значение статусу медсестер. Он считал, что хирург делает только половину дела, послеоперационный период всецело зависит от медсестры, няни и другого персонала».

Неуклонное стремление к достижению поставленной цели и неистощимая энергия В.И. Шаповала позволили ему не только организовать Урологический центр, но и в дальнейшем систематически расширять и достраивать его, одновременно организуя в нем клиники различных направлений классической и современной урологии. По мнению Владимира Ивановича, «ошибочно считать Урологический центр только медицинским учреждением, без преувеличения его можно назвать научно-исследовательским, а конкретнее — работу клиник можно разделить на лечебную, педагогическую, научную, методологическую (помощь врачам-урологам, работающим в поликлиниках и некоторых ЦРБ)».

На вопрос о том, как ему удавалось добиваться поставленных результатов, В.И. Шаповал отвечал: «Это очень просто. Поставь себе цель в жизни и, несмотря ни на что, смело двигайся к ней». Сам же Владимир Иванович в достижении цели использовал не только настойчивость, решительность, но и изобретательность и замечательное чувство юмора.

Например, вспоминается рассказ Виктора Ивановича Иванюты, врача-ординатора и заведующего 3-м отделением (1981–2001): «За свою многолетнюю работу в Центре окончательно убедился в целебной силе юмора и врача, и пациента. По словам Вольтера, что сделалось смешным, не может быть опасным. В процессе становления нашего учреждения приходилось преодолевать всевозможные «дефицитные» барьеры. В частности, у нас не было холодильников. Изворачивались, как могли: голь на выдумки хитра. Но однажды представился счастливый случай. Конечно же, благодаря великолепному чувству юмора Владимира Ивановича. К нам поступил больной — директор торговой базы. Требовалась совсем несложная операция. Владимир Иванович пришел к пациенту с уже написанной заявкой на приобретение десяти холодильников. Прежде чем приступить к операции, он совершенно серьезно (сказалось еще и его природное актерское мастерство) поставил перед оперируемым альтернативу: либо подписываете заявку, либо делаю операцию без наркоза! Тот по инерции чиновника сначала попытался сопротивляться, но потом, представив весь ужас безнаркозной операции, сдался. Таким образом, шутка обеспечила Центр дефицитнейшей в то время, но так необходимой материальной базой. Выиграли все!».

Основатель и директор Центра профессор В.И. Шаповал был и остается легендой не только харьковской медицинской школы, он известен практически всем урологам бывшего Советского Союза и нынешнего СНГ. Под его руководством школа харьковских урологов заняла достойное место в ряду других известных школ. При всех своих заслугах и достижениях Владимир Иванович был очень скромным человеком. Когда у него спрашивали о его званиях, он отвечал: «Вот ты спрашиваешь о званиях моих. Нет у меня более высоких и гордых званий, чем партизан Отечественной

войны и Врач. Они для меня — высшая ценность: отстоять независимость Родины и дать людям здоровье».

В настоящее время детище Владимира Ивановича — Харьковский областной клинический центр урологии и нефрологии — остается крупнейшим в Украине учреждением, где оказывается специализированная помощь пациентам с патологией мочевыделительной системы. С 2001 года Центр возглавляет ученик, преемник и последователь Владимира Ивановича — профессор В.Н. Лесовой, сменивший его на посту директора. В 2003 году постановлением Кабинета Министров Украины Харьковскому областному клиническому центру урологии и нефрологии было присвоено имя его основателя — профессора Владимира Ивановича Шаповала. Это была инициатива профессора Владимира Николаевича Лесового, единодушно поддержанная коллегами. И речь идет не только о профессиональной преемственности, а прежде всего о близости жизненных кредо учителя и ученика. Вся жизнь профессора Шаповала — пример неуклонного движения к поставленной цели с поистине неиссякаемой энергией, много лет вдохновляющей и его ученика. Служение медицине для Владимира Николаевича, как и для его учителя, стало не просто суммой знаний, навыков, технологий, а прежде всего желанием творить добро: оберегать людей от болезней, эффективно лечить, облегчать страдания.

Справедливы слова Б. Олійника: «В личности В.И. Шаповала — педагога, врача, ученого — среди немногих неизменных величин есть одна самая высокая — Учитель».

Как вспоминает профессор В.Н. Лесовой, заслуженный деятель науки УРСР В.И. Шаповал, был интересным и неординарным человеком и как педагог, и как врач-хирург, и как ученый. Аудитория кафедры урологии во время лекций В.И. Шаповала всегда была переполненной, на лекциях присутствовали студенты других курсов, факультетов и даже других институтов (ассистентам часто приходилось даже приносить дополнительные стулья из учебных комнат). Это было вызвано двумя основными причинами: во-первых, блестящим ораторским мастерством лектора, который, как правило, подавал учебный материал в виде рассказа об интересном факте, событии, случае, постепенно как бы вплетая в него предусмотренный темой материал (так, на примере истории болезни Петра I он рассматривал патогенез, диагностику, лечение и осложнения инфравезикальной обструкции, сравнивая возможности медицины того времени и современной медицины); во-вторых, недостаточным развитием таких междисциплинарных предметов, как андрология и сексопатология, в связи с чем ответы на многие так называемые «интимные» вопросы будущие молодые специалисты могли услышать только на кафедре урологии.

Владимир Иванович принадлежал к той когорте врачей, берущей начало со времен Гиппократы, врачебным кредо которых было убеждение, что лечить надо не болезнь, а больного. Поэтому во главу угла он ставил прежде всего общение с больным, а не выявление исключительно

урологических проблем. В итоге нередко выявлялась причина заболевания, не связанная с мочеполовой системой. Профессор прекрасно знал топографическую анатомию и, спустя много лет после окончания университета, во время операций часто демонстрировал знание латинской терминологии. Профессор был виртуозным хирургом, его отличало предельно аккуратное обращение с тканями. При этом нужно иметь в виду, что из-за ложного сустава правой руки, ставшего следствием боевого ранения, некоторые движения ее были ограничены, и он пользовался специально изготовленными инструментами с удлиненными браншами. Значительно позже я узнал, что хирургическую деятельность Владимир Иванович начал, будучи фельдшером партизанского отряда, т. е. задолго до того, как стал дипломированным врачом. Во время проводимых тогда по жизненным показаниям оперативных вмешательств его помощниками были только имевшиеся в партизанском отряде атласы и пособия по хирургии и анатомии, ну и, конечно же, вера в успех.

Такой же яркой и стремительной была и научная карьера Владимира Ивановича. Так, в 1954 г. он первым в СССР доложил результаты применения радиоизотопов в изучении функции почек по так называемым клиренсам. Учитывая «железный занавес», существовавший в те годы, и то, что первая работа на эту тему на Западе была опубликована в 1952 г., можно утверждать, что В.И. Шаповал принадлежал к числу ученых, проводивших первые в мире параллельные независимые исследования по этой теме.

Сотрудникам кафедры В.И. Шаповал предоставлял полную творческую свободу, что не исключало постоянного контроля. Так, определяя сроки выполнения поставленной задачи, Владимир Иванович всегда неожиданно интересовался имеющимися результатами. Многие из нас помнят свое неловкое ощущение в ситуации, когда на заверения о почти полной готовности научной работы и просьбе отсрочки ее подачи на несколько дней, Владимир Иванович просил показать ее в таком виде, в каком она выглядит в данный момент. В своих сотрудниках Владимир Иванович всегда старался найти и развить творческую составляющую. К нему было бессмысленно приходить с вопросом, не имея варианта (а желательно вариантов) ответа на него. При этом он с удовольствием их обсуждал, утверждал какой-либо из них или подсказывал направление поиска возможного решения. Те сотрудники, которым были присущи только исполнительские качества, как правило, не задерживались в клинике В. Шаповала.

Владимир Иванович как человек, обладающий незаурядным чувством юмора и философским взглядом на события, никогда не держал обиды, если видел, что задержка произошла не по злему умыслу, а, разобравшись в чем дело, мог даже сам посмеяться. Если же действия были спланированы, он надолго сохранял недоверие к такому сотруднику. В этой связи поучительна одна новогодняя история, произошедшая на кафедре. У Владимира Ивановича был большой список (более 100) адресов друзей и зна-

комых, которым он направлял почтовые поздравления. В эру печатных машинок это выглядело следующим образом. На приобретенные открытки и конверты лаборантки наносили машинописный текст, после чего Владимир Иванович их подписывал и вместе с деньгами на марки вручал одному из молодых сотрудников кафедры, который их и отправлял по почте. В канун очередного Нового года открытки и деньги на отправку были вручены новой лаборантке. Миновали праздники, все приступили к работе, и вдруг Владимиру Ивановичу стали поступать звонки от секретаря обкома, прокурора области, руководителей урологической службы Киева и Москвы, других коллег с благодарностью за оригинальное поздравление и тревогой о том, почему уважаемый профессор 31 декабря оказался на крохотной отдаленной железнодорожной станции в другой области без копеек денег и вынужден был отправить поздравления без марок. В связи с этим все его открытки почтальоны вручали лично, взимая при этом плату за доставку. Как выявило «расследование», молодая лаборантка, отправляясь за несколько дней до праздника в новогодний тур с друзьями, поручила отправку открыток маме. В свою очередь, мама тоже не нашла времени сходить на почту и, отправляясь на праздники в родительский дом в деревню, взяла открытки с собой. Прибыв на свою станцию утром 31 декабря, она обнаружила, что там имеется только почтовый ящик и приобрести марки негде. Тогда ею и было принято «мудрое» решение опустить конверты без марок. Владимир Иванович часто веселил своих гостей этой историей. Однако марки после этого случая приобретались заранее, наклеивались до того, как он подписывал открытки, и отправлялись постоянным сотрудником.

Следующая история иллюстрирует, выражаясь современным языком, правильную промоцию. В 1960-е годы партия не только проводила строгую селекцию по подбору резерва на работу в республиканские и центральные органы управления, но и контролировала эту деятельность.

В один из летних месяцев Владимир Иванович, молодой профессор, фронтовик, хороший организатор, был приглашен в Обком партии к представителю ЦК КПУ, который прибыл для собеседования с лицами, внесенными в список кадрового резерва. Будучи хорошим психологом и не имея желания перемещаться на работу в органы власти, Владимир Иванович надел соломенный брыль, льняную вышиванку с коротким рукавом и в назначенное время прибыл в кабинет секретаря обкома по идеологии, где расположился заезжий чиновник, соответственно моменту облаченный в костюм и белую рубашку с галстуком. Несмотря на ответственность и строгость обстановки, Владимир Иванович держался свободно, был нарочито весел, эмоционален и говорил громко, ссылаясь на боевую контузию. Беседа была непродолжительной и закончилась в доброжелательной атмосфере. Впоследствии секретарь обкома несколько раз интересовался у Владимира Ивановича особенностями этой беседы, недоумевая, почему проверяющий настоял на его исключении из резерва. Это пример того, как человек, работающий на искомый результат и прогнозируемое

впечатление от короткой встречи, должен продумывать все мелочи, не забывая и о том, что «встречают по одежке».

Жизненные уроки профессора В.И. Шаповала глубоко врезались в память ученика и сыграли большую роль в становлении его жизненных приоритетов. В этой связи хочется привести отрывок одного из рассказов-воспоминаний Владимира Николаевича Лесового о своем учителе, который был записан писателем Наумом Яковлевичем Вольпе.

ЖИЗНЕННЫЕ УРОКИ

Всем правит случай.
Знать бы еще, кто правит случаем.
Станислав Ежи Лец

Не буду оригинальным, если скажу, что очень часто большую роль в жизни человека играет случай. Он может не только раскрыть глаза на какое-нибудь событие, но и изменить наше сознание, мировоззрение, а значит, и жизнь. Такой случай произошел и в моей жизни.

Я как раз отслужил два года врачом в армии и вернулся в клиническую ординатуру, которой руководил Владимир Иванович Шаповал. Мне посчастливилось неоднократно присутствовать в кабинете Владимира Ивановича «за рюмкой чая» в обществе известных и влиятельных лиц области, Украины, бывшего СССР. Это были деятели науки и культуры, секретари обкома КПСС, руководители КГБ, прокуратуры, милиции, в том числе секретарь ЦК КПСС Олег Бакланов, председатель КГБ СССР Владимир Крючков, секретарь Харьковского обкома КПУ Владислав Мысниченко и другие.

После очередного приема, связанного с праздником Победы, когда все разошлись, Владимир Иванович запер дверь, открыл бутылку коньяка, наполнил рюмки, и у нас начался разговор «о времени и о себе». Выслушав мои (на тот момент экс-секретаря комитета комсомола с правами райкома) «правильные», идеологически выстроенные сентенции, строго соответствовавшие генеральной линии партии и изложенные вполне искренне, без ложной патетики, он не менее искренне резюмировал: «Я вижу, ты начитался многих хороших и правильных рассказов о войне. Все это похвально. Но я тебе расскажу историю моей войны, простого сельского мальчишки». И он поведал мне два сюжета, поразивших меня до глубины души, перевернувших мои жизненные постулаты и заставивших впервые усомниться в стереотипах, принимавшихся мною как истина в последней инстанции.

В детстве Володя Шаповал мечтал стать летчиком или хотя бы военным. Тут он ничем не отличался от большинства своих сверстников, в то время это была мечта каждого мальчишки. Жил он в Кировоградской области в селе Трилеса Знаменского района, с матерью, отцом и младшей

сестрой. В 1937 году отца арестовали по ложному доносу и репрессировали. Больше семья его не видела. Село было небольшое, и, по словам Владимира Ивановича, он знал автора доноса. Арест отца закрыл парню дорогу в военное училище. По совету школьного учителя мальчик пошел учиться в фельдшерскую школу в райцентре Знаменка. Когда началась война, Володе было 16 лет. По возрасту он не подлежал призыву в армию. Его семья, как и многие, боялась оставаться в оккупации и решила эвакуироваться. Люди шли в сторону Харькова. Добравшись до Полтавы, узнали, что бывшую первую столицу заняли немцы. Семья Шаповала решила возвращаться домой: там есть огород, картошка, капуста, другие овощи. Худо-бедно, но можно было прокормиться. В любом случае это лучше бездомного скитания по оккупированной территории. Так началась в Трилесах военная юность Володи. Немцы в селе не появлялись. Основные продукты питания имелись. Единственным дефицитом являлась соль. Юноша выменивал ее на вещи и имеющиеся в наличии продукты. Однажды его школьный друг и товарищ детства Колька прибежал с неожиданной новостью: в село приходили немцы и объявили, что проводят набор в полицаи. Сейчас нам хорошо известно, кто такие были полицаи. Тогда же сельские пацаны не имели об этом ни малейшего понятия. На вопрос Колька объяснил, что полицаи — это что-то вроде народной дружины. Им уже 17 лет, идет 18-й и есть шанс быть принятыми. Дают обмундирование и паек: хлеб и сало, но самое главное — винтовку! А для молодых ребят винтовка в военное время — символ зрелости и независимости. Работы-то — всего лишь выходить по графику на дежурство и следить за порядком в родном селе. Конечно же, такая перспектива казалась заманчивой. Если к овощам добавить хлеб с салом, вполне можно прокормиться всей семьей. Да еще и винтовка в руках! Друзья решили записаться в полицаи.

Но мудрая мама убедила Володю обратиться за советом все к тому же учителю. Тот внимательно выслушал парня, а потом сказал: «Николай, если хочет, пусть идет, а тебе нельзя, ты — подпольщик». На недоуменный взгляд Володи последовало пояснение: «Помнишь, когда ты ходил менять продукты на соль, я тебя просил отнести письма моим знакомым. Первый и второй раз мы тебя проверяли, а потом ты уже выполнял задание партизанского отряда, оставленного в тылу врага партийной организацией». Вот так нежданно-негаданно, сам того не подозревая, Владимир Иванович стал подпольщиком и долгое время продолжал выполнять обязанности связного.

В партизанском отряде парню пригодилось неплохое знание немецкого разговорного языка. В немецкой армии были представители различных национальностей, и акцент вполне допускался, что позволяло Володе с товарищами, переодевшись в немецкую форму, выходить с автоматом на дорогу и, встретившись с патрулем, нажимать на спусковой крючок, уничтожая врагов, практически сверстников по возрасту. Справедливости ради надо сказать, что взгляды и вопросы в глазах тех, кто погибал от пули «своего», остались в памяти Владимира Ивановича навсегда.

Но на войне, как на войне. И по законам военного времени выживает тот, кто стреляет первым.

Главные же фронтовые воспоминания будущего профессора были связаны с его хирургической деятельностью (в результате тяжелейшего ранения правая рука стала корочей, и в клинике профессору приходилось пользоваться специально изготовленными для него удлинненными инструментами, а оперировал Владимир Иванович очень бережно). В отряде все приходилось делать самому. Из города ему доставили необходимые книги: атлас анатомии, атлас и пособие по хирургическим операциям, учебник по оперативной хирургии и другие. В качестве наркоза использовали спирт и самогон. Практика буквально сочеталась с теорией. Владимир Иванович, разложив перед собой книги, оперировал, заглядывая в описание процесса, а ассистенты перелистывали страницы. Вот в таких условиях совершенствовалось его хирургическое мастерство. Конечно же, тут не обошлось без Божьего дара, который называется талантом.

Отряд В.И. Шаповала воевал в составе соединения Ковпака. При наступлении оно вошло в действующую Красную Армию, а Владимир Иванович обрел статус санинструктора действующей армии.

Отгремела война. В.И. Шаповал окончил медицинский институт, защитил ученую степень кандидата, затем доктора наук, стал профессором, известным ученым, уважаемым человеком.

А жизнь его друга Николая складывалась по своему сценарию. Николай был осужден как предатель Родины на двадцать лет. Спасла его от высшей меры наказания непричастность к карательным операциям и казням советских людей. Владимир Иванович стал директором крупнейшего урологического центра в СССР, известным на всю страну человеком. С удовольствием приезжал в родные Трилесы, пока были живы его родственники. Навещал и город Знаменку, где в фельдшерской школе прошли годы его учебы. Отбыв двадцатилетнее заключение, вернулся в село Николай. Жил, крестьянствуя, так как ничего другого в жизни не достиг. Односельчане от малых детей до стариков так и звали его «Колька-полицай». Два сверстника, два друга-земляка, граждане одной великой страны. Один не совсем по своей воле попал в партизанский отряд, другой также фатально оказался полицаем. Выбор, признаться, был невелик, но воля его величества Случая разительно полярно повлияла на их судьбы.

Второй рассказ Владимира Ивановича о ранении в сражении под Корсунь-Шевченковским. Произошло это на снежном поле в результате разорвавшегося немецкого снаряда. Очнувшись, он увидел болтающуюся на мышечных тканях руку. Из крупных сосудов — сильное кровотечение, нестерпимая боль. Сам наложил себе жгут левой рукой. Но потеря крови была значительная. Мучила сильная жажда, утолял ее, хватая снег и жадно поедая его. Находясь в «нашей» воронке, заметил рядом «немецкую». В ней прятались от снарядов раненые немцы. Никто ни в кого не стрелял. Когда в «нашу» воронку пытался влезть немец, ему показывали «их» укрытие. То же самое происходило с «нашими», пытавшимися влезть

в «немецкую» воронку. Бойцы с обеих сторон понимали, что изувечены, останутся инвалидами, но надежда выжить их ободряла, а мысль о том, что назад в эту мясорубку им путь уже заказан, радовала. «Ты думаешь в этих воронках, кричали: «Ура, за Сталина!»? — спросил меня Владимир Иванович. И сам ответил: «Ничего подобного. Кричали: «Ура! Война закончилась!»».

Косвенно вкусив запах пороха войны, я сам не понаслышке знал ее жестокое лицо, наяву видел пропасть между пафосными заявлениями политиков, распоряжающихся судьбами тысяч призывников, и чувствами конкретных ребят, летящих в самолетах под пули афганских боевиков, и их матерей, получающих груз «200». Но, рассказы Владимира Ивановича еще раз убедили меня, что в жизни надо избегать успешных выводов, стандартных решений и трафаретов в оценке людей и событий, заставили все происходящее в жизни пропускать через призму индивидуальной оптики совести и сознания, которая открывает нам множество путей к Истине. И талант человека — в способности оказаться на той, одной единственно верной дороге, которую подскажет случай и которая зовется СУДЬБА.

Имя Владимира Ивановича Шаповала с теплом и глубокой благодарностью звучит на всех континентах, так как ученики профессора трудятся во всех уголках земного шара.

Владимир Иванович ушел из жизни после длительной болезни 24 сентября 2001 года. Несмотря на болезнь, этот уникальный человек практически до дня своей кончины не оставлял работу, оставаясь на должности почетного директора Харьковского областного клинического центра урологии и нефрологии, профессором кафедры урологии и нефрологии Харьковского государственного медицинского университета, председателем отделения Ассоциации урологов Украины. Он автор 170 научных трудов, 19 изобретений, научный руководитель 3 докторов и 33 кандидатов медицинских наук, что еще раз свидетельствует о неудержимой силе воли и огромной работоспособности этого человека. Яркий жизненный путь заслуженного деятеля науки Украины, доктора медицинских наук, профессора Владимира Ивановича Шаповала — действительно одна из золотых страниц нашей истории.

Е.Г. ДУБЕНКО

ВОСПИТАНИЕ БУДУЩЕГО ВРАЧА-КЛИНИЦИСТА В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ

(опыт вузовского педагога и врача-лечебника)

Увлечение медициной возникло у меня еще в старших классах средней школы. Эта мудрая профессия вызывала у меня большой интерес. Немалую роль в выборе сыграли мои друзья, знакомство с врачами, увлеченными своей профессией, а также книги, повествующие о важной роли, которую медицина играет в жизни людей.

Школу я окончил с медалью, что позволило без экзаменов поступить на лечебный факультет Харьковского медицинского института (такие раньше были правила). Известно, что на младших курсах закладывается основа фундаментальных знаний и еще нет преподавания клинических дисциплин. Но я до сих пор помню, как убедительно и увлекательно рассказывали наши педагоги о необходимости для врача знания анатомии, физиологии, гистологии и других наук.

Высокая культура наших профессоров вызывала глубокое к ним уважение, желание быть похожими на них. Это чувство уже на младших курсах вызывало и укрепляло уважение к своей будущей профессии. Хочется отдельно вспомнить лекции по гистологии, которые нам читал профессор Борис Владимирович Алешин, на которых он учил нас логическому научному мышлению. В этих лекциях он не называл нам какие-либо закономерности деятельности органов или тканей человека, а показывал, каким образом ученые формировали эту закономерность. Это умение развивать научное логическое мышление у студентов нам очень нравилось. Борис Владимирович предложил нам дополнительные лекции вне расписания, студенты охотно согласились, и аудитория на этих лекциях всегда была переполнена. Очень важным был тот факт, что все основные положения лекции проф. Б.В. Алешин связывал с нашей будущей специальностью врачей-клиницистов. И это было уже на 2-м курсе!

На младших курсах мы ценили в наших учителях поощрение и высокую оценку знающих и способных студентов, когда ставилась не только оценка «отлично», но также «отлично» с восклицательными знаками (до трех!). Студенты очень гордились этими знаками оценки своих зна-

ний, стремились иметь и восклицательные знаки. Среди студентов был авторитетен «культ знаний». Умные, знающие люди вызывали у нас большое уважение. Так на младших курсах мы готовились к изучению клинических наук, которые начинались с третьего курса.

Наш интерес к клиническим лекциям и практическим занятиям был связан еще и с естественным интересом к личности педагогов-клиницистов, их отношению к больным, умению находить контакт с больным человеком. Одним из самых уважаемых профессоров-клиницистов был профессор Соломон Яковлевич Штейнберг, читавший лекции по факультетской терапии. Все его лекции по основным заболеваниям внутренних органов слушались с большим интересом, а одним дыханием, легко записывались и запоминались на всю профессиональную жизнь. Они всегда строились на конкретных примерах и представляли собой стройную систему знаний, которые были лучше любого учебника. В этих лекциях не было ничего лишнего, всегда выделялось самое главное и самое нужное для клиники. Конспекты его лекций передавались студентами с курса на курс.

На этой кафедре факультетской терапии нашу группу вела ассистент Л.Т. Малая, ставшая впоследствии крупным ученым-терапевтом, академиком, создателем замечательного научно-исследовательского института, который носит ее имя. Мы запомнили те занятия по терапии, которые Любовь Трофимовна проводила с нашей студенческой группой, ее увлеченность своей специальностью, уважительное отношение к больным, желание обязательно им помочь. Это важное врачебное качество сопереживания больным, поиски оптимальных методов лечения мы впитывали со студенческих лет. Как необходимо, чтобы эти важнейшие черты врачебной профессии носили не формально воспитательный характер, а были результатом личного примера вузовских педагогов. Я благодарен своим учителям за образец врачебного благородства, верности идеям Гиппократу.

Интерес к неврологии — ведущей медицинской науке появился у меня еще до 4-го курса, когда мы впервые пришли на кафедру нервных болезней. Однако я понял, что должен избрать эту увлекательную науку своей профессией, только во время изучения курса неврологии. Тогда я пришел в научный студенческий кружок на кафедре, и учителем, сыгравшим большую роль в моей профессиональной судьбе, стал профессор Г.Д. Лещенко. Его важнейшим качеством было постоянное стремление к познанию нового, внедрение новых научных направлений в деятельность кафедры. Георгий Данилович был постоянно устремлен в будущее. Мы учились этим качествам у него. Сейчас мы стараемся сохранить это желание познать все новое, так как это является стимулом жизни. Мое одностороннее увлечение научной студенческой работой заметили преподаватели кафедры, которые вели нашу группу (Е.П. Руднева, Э.М. Эбич), и дали мне совет, который я запомнил на всю жизнь. Они опасались, что увлечение наукой может погасить у меня интерес к лечебной работе.

Мои педагоги сумели показать мне, насколько интересными и увлекательными являются поиски правильного диагноза и, что особенно важ-

но, — оптимального лечения трудной болезни. Я видел, как авторитетны врачи клиники, которые являются хорошими клиницистами и понял, что клиницизм надо воспитывать со студенческих лет. Я очень благодарен своим учителям, которые показали мне, что медицинская наука тоже работает на развитие клиницизма, давая все время новые возможности понимания патогенетической сущности болезни и развитие новых эффективных терапевтических направлений. Каждый будущий врач-лечебник со студенческих лет должен понимать, что самые престижные специалисты — это хорошие клиницисты. Смысл этого понятия я продолжаю постигать всю жизнь. И прежде всего это умение объяснять каждый симптом и обязательно помочь больному своим лечением.

После окончания медицинского института я был оставлен на кафедре нервных болезней, где прошел путь от клинического ординатора, ассистента, доцента, профессора до заведующего кафедрой. В 1984 году получил звание заслуженного деятеля науки, а в 1993 году стал Лауреатом Государственной премии Украины. И все эти годы я стремлюсь выполнять советы своих учителей, стараюсь развивать в себе качества врача-лечебника. Став вузовским педагогом и руководителем неврологической клиники, я понимал ответственность за воспитание будущих врачей. К тому же 12 лет я был деканом лечебного факультета нашего вуза.

В начале 90-х годов прошлого столетия, когда Украина получила самостоятельность, возник вопрос о создании опорной кафедры нервных болезней на Украине. Учебно-методический кабинет Министерства здравоохранения провел опрос всех заведующих кафедрами неврологии в вузах страны о пожеланиях, какую кафедру они хотели бы видеть ведущей (т. е. опорной), которая руководила бы преподаванием неврологии в стране. Коллеги назвали нашу кафедру. Таким образом, мы получили высокое доверие, которое должны были оправдать.

На первом же совещании заведующих кафедрами неврологии Украины, которое мы провели на нашей опорной кафедре, мы советовались со своими коллегами, как максимально оптимизировать преподавание неврологии в вузе, как показать важную роль клинической неврологии в образовании врача. Все пришли к единому мнению — надо уметь выделять в педагогическом процессе ведущие положения специальности, чтобы будущий врач-клиницист легко запомнил главные симптомы болезни нервной системы. После этого совещания у нас возникла идея создания руководства для студентов, где были бы выделены главные положения нашей специальности. Так возникло руководство «Неврология в схемах и таблицах». Позже по предложению Министерства здравоохранения мы совместно с коллегами из Украины написали на украинском языке учебник для вузов «Нервові хвороби». Он вышел под редакцией нашей и профессора С.М. Винничука. Обычно в руководствах для студентов ведущие положения сочетаются с менее важными, и студентам трудно бывает отличить главное от второстепенного, но сочетание большого

учебника с руководством «Неврология в схемах и таблицах» помогает подчеркнуть ведущие положения.

Педагогические идеи указанной учебной литературы были также направлены на воспитание клиницизма у студентов-старшекурсников, умения не только распознавать болезнь и умело ее лечить, но и не менее важное — воспитание интереса к лечебной работе. Я бесконечно благодарен своим учителям, которые научили меня получать нравственное удовольствие от умения помочь больному.

Многие ли ученики стали такими? Хочу надеяться, что многие. Хотелось бы поделиться моим увлечением неврологической наукой. Еще в студенческие годы я занимался в студенческом кружке, о чем писал ранее. Вкус к творческой научной работе мне привили преподаватели нашего вуза, и позже я понял, что творческий труд помогает развивать также качества врача-лечебника. Мой учитель по неврологии профессор Г.Д. Лещенко предложил мне тему кандидатской диссертации о влиянии разных отделов нервной системы на артериальное давление в различных областях человеческого тела. Для того, чтобы осуществить эту работу, мне пришлось проводить много времени в нейрохирургической клинике. Это была возможность изучать артериальное давление при различных локализациях опухолей в нервной системе, а затем — сосудистую систему этих больных после операции. Таким образом, работая над кандидатской диссертацией, я имел возможность познать лучше основы нейрохирургии, которые также нужны врачу-неврологу. Для докторской диссертации мой учитель предложил изучить проблемы атеросклероза сосудов мозга. Возникла идея изучить самые ранние формы болезни, когда терапевтические возможности являются наиболее эффективными. Наши две монографии на эту тему получили одобрение коллег, и за эту работу я получил Государственную премию, о чем вспоминал выше.

Хотя меня считают пионером в этой проблеме, справедливо было бы впереди моей поставить фамилию моего учителя — профессора Г.Д. Лещенко. В наших исследованиях мы описали синдром ранней двигательной недостаточности при начальном атеросклерозе, клинические формы нарушения тонкой моторики, новые синкинезии. Наряду с этим направлением нашей научной работой было изучение механизмов развития эпилепсии, проблем экологической неврологии, деменций, головной боли. Впервые нами были описаны неврологические синдромы гипотиреоза, гормональных спондилопатий, цревико-вертебральные синдромы при черепно-мозговой травме. С большим интересом мы занимались изучением эпидемиологии болезни Паркинсона, влиянием на развитие этого заболевания различных факторов внешней среды, особенностей труда, питания, привычек, различных соматических болезней, эмоциональных факторов. По предложению УФТИ мы впервые изучили терапевтические возможности лазера при заболеваниях нервной системы.

Активная научная работа позволила мне стать участником 8 всемирных конгрессов по неврологии, 14 европейских конгрессов (США,

Великобританія, Німеччина, Італія, Франція, Канада, Австрія, Бельгія, Японія, Греція, Аргентина, Індія, Голландія, Ізраїль і др.)

Я горжусь своїми учениками, які працюють не тільки в нашій країні, але і далеко за її межами. Приємно усвідомлювати, що уроки клініцизму, які передали мої вчителі, мені хоча б частково вдалося передати моїм улюбленим ученикам, вихованцям медичної школи — Харківського національного університету. Я завжди був переконаний в тому, що приклад вчителя займає основне місце в становленні кожного людини, але особливо лікаря-лікаря.

Широке впровадження в педагогічний процес комп'ютерно-технічних засобів в наше час є важливим фактором прогресу, але цей фактор повинен підвищувати роль особистості педагога, а не навпаки.

А.Я. ЦЫГАНЕНКО

**ДОРОГА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ.
ПАМ'ЯТИ АКАДЕМІКА
М.В. КРИВОНОСОВА**

В житті мені довелося багато писати. Це були підручники, посібники, довідники, звіти і т.д. Подумати тільки — я являюся автором і співавтором більше 530 тільки наукових робіт! Але ніколи ще я не писав про конкретного людини, використовуючи для цього власні спогади і роздуми, а також висловлюючи свої думки про цю особистість, які я почував в різні часи і від різних людей. Я стою перед завданням написати про Михайла Володимировича Кривоносова, людини, з якою так або інакше моя життя була пов'язана протягом 46 років. Це достатньо складне завдання, якщо врахувати, що початок нашого знайомства відноситься до років студентства Михайла Володимировича, а потім професор М.В. Кривоносов, перший проректор ХГМУ, вже був моїм колегою, незамінним помічником, вірним товаришем і другом. Але я повинен виконати цю роботу, бо всією душою хочу, щоб пам'ять про М.В. Кривоносова залишилася в записаній історії нашого університету, щоб читач, ознайомившись з моїм оповіданням і аналогічними роботами інших авторів, почувував радість і гордість за наш університет, в стінах якого виховувалися і виростили такі чудові люди.

Итак, Михаил Владимирович Кривоносов. Родился он 13 апреля 1941 г. в Новгороде в семье ветеринарных врачей, где уже подрастал один сын. Вскоре началась война. Владимира Станиславовича, отца, призвали в армию, и Нине Михайловне, матери, пришлось перенести немало мытарств, спасая жизнь двух своих сыновей. Впоследствии Михаил Владимирович не раз вспоминал об этом страшном периоде в жизни страны и его семьи. И хотя был он тогда ребенком, это не умаляло тяготы воспоминаний.

Родители подарили ему здоровые и умные гены, дали прекрасное воспитание. Незаурядные умственные способности и огромное трудолюбие позволили Михаилу Владимировичу окончить среднюю школу в Минске с золотой медалью. В Белоруссии в то время в медицинском институте не было санитарно-гигиенического факультета, на который хотел поступить юный Кривоносов, и после сдачи вступительных экзаменов в Минском мединституте он в составе целой группы студентов был направлен на учебу в Харьковский, на санитарно-гигиенический факультет.

Это было время, когда я его узнал. Уже тогда он отличался от студентов-сверстников большим багажом разносторонних знаний, грамотным литературным языком, желанием узнать как можно больше о том, что им преподавали. Казалось, он всегда был готов отвечать на любой вопрос, обращенный к студенческой аудитории. «Ходячая энциклопедия» — так называли его в студенческом общезнании на ул. Островского, 14, где он жил во время учебы в институте.

Наступил 1964 год, позади государственные экзамены, которые сданы на «отлично». На одном из них (внутренние болезни) он получил отличную оценку с двумя восклицательными знаками. Отличная учеба, выдающиеся способности, трудолюбие, характеризующие Михаила Владимировича в годы учебы, позволили Ученому совету института рекомендовать его на научно-исследовательскую работу и учебу в аспирантуре. С разрешения Минздрава Белоруссии он был оставлен в Харькове аспирантом кафедры общей гигиены ХМИ. Огромная трудоспособность и целеустремленность способствовали досрочному окончанию аспирантуры. С 1966 года Михаил Владимирович уже работал ассистентом кафедры общей гигиены. У него были прекрасные учителя — профессора М.Л. Кошкин и М.П. Воронцов. Они занимались вопросами влияния ультрафиолетовой радиации на здоровье людей. Михаилу Владимировичу была предложена тема кандидатской диссертации: «Реакция парасимпатической нервной системы при профилактическом облучении экспериментальных животных интегральным потоком ультрафиолетовой радиации». Я следил за работой молодого ассистента и видел, что рождается настоящий ученый. Недаром профессор М.П. Воронцов в 1969 году после успешной защиты кандидатской диссертации отозвался о Кривоносове как о вдумчивом экспериментаторе, умеющем ставить и правильно решать задачи научного исследования.

В феврале 1969 года Михаил Владимирович был призван в ряды Советской армии и в течение двух лет служил в должности начальника

военно-медицинской службы пограничного отряда на границе с КНР в г. Панфилове (Казахстан). Отслужив, он вернулся в родной институт, где с 1973 г. работал уже доцентом. В 31 год (1975) он стал одним из самых молодых деканов Украины и 19 лет возглавлял санитарно-гигиенический факультет ХМИ. В течение этого времени Михаил Владимирович показал себя как высокий профессионал на всех направлениях вузовской работы: педагогическом, методическом, воспитательном, организационном, научном. Широкий кругозор, компетентность во всех вопросах, энциклопедичность знаний, добытых и выработанных в результате напряженной и повседневной работы над собой, принесли ему заслуженный авторитет в коллективе института. Казалось, не было такого вопроса, ответа на который он бы не знал, не было такого дела, которое он не смог бы сделать.

Постепенно я стал привлекать его к делам, выходящим за рамки института. В 1980 г. он вместе со мной принимал участие в работе комиссии по проверке деятельности 1-го Московского медицинского института. Это было сложное задание. Надо было разобраться в работе педагогического коллектива, насчитывавшего 200 человек только профессоров, вскрыть недостатки в его деятельности, подчеркнуть достоинства и при этом не внести сумятицы в повседневную жизнь одного из самых больших вузов страны того времени. Как и в дальнейшем, мы работали с Михаилом Владимировичем в тесном контакте, четко, слаженно, обсуждая результаты проверки и вырабатывая общее мнение. За эту работу мы получили благодарность не только от вышестоящих органов, благодарили нас за итоги проверки и руководство института, и сотрудники. В ходе этой работы я хорошо чувствовал большой профессиональный потенциал Михаила Владимировича, еще и в очередной раз удивлялся его работоспособности, аналитическому уму, высокой интеллигентности.

Вместе с Михаилом Владимировичем мы работали и в Тюменском медицинском институте, куда приехали после 7-й по счету комиссии из разных инстанций. И здесь пользовались уже выработанной системой, которая заключала в себе и организацию самой проверки, и методику собеседований с сотрудниками, и утренние обсуждения задач на день, и вечернее подведение итогов и выработка общего мнения. Я ощущал рядом с собой не ученика, не подчиненного, это был самостоятельный работник, принципиальный, глубоко разбирающийся в человеческой психологии, прекрасно понимающий суть проблем и знающий особенности работы высшего учебного медицинского заведения. Результаты нашей работы дали новый стимул развитию Тюменского медицинского института, внесли положительные коррективы в его деятельность.

Когда в 1994 г. Харьковскому медицинскому институту был придан статус университета, у меня не было сомнений в том, кто должен стать его первым проректором. Я знал, что только профессор М.В. Кривоносов сможет возглавить учебную работу университета, и не ошибся. За время работы проректором Михаил Владимирович приобрел авторитет педагога-методиста высочайшей категории не только в родном вузе, но и среди

всех медицинских вузов Украины, а также в Министерстве здравоохранения. Негласно, но безоговорочно он был признан наиболее знающим и грамотным среди всех коллег-проректоров. Все новые методические документы Минздрава, инструктивные и рабочие, проходили апробацию у М.В. Кривоносова. Он помогал их разрабатывать, доводить до необходимого уровня, он же способствовал проведению их в жизнь. Современный академический уровень его знаний и прекрасная профессиональная подготовленность позволяли не только показать, что делать, но и объяснить, как делать, он стал своеобразным методическим маяком для всех, а его работа — эталоном отношения к порученному делу.

Нельзя не вспомнить о Михаиле Владимировиче и как о заведующем кафедрой (1983–2004) Он возглавлял кафедру общей гигиены, где студентам преподавали не только общую, но коммунальную и школьную гигиену, гигиену труда и питания, а также экологию. Только большие познания и огромный опыт позволили Михаилу Владимировичу успешно справляться с руководством кафедрой. Он разработал и ввел новую форму подготовки специалистов по гигиене и эпидемиологии в субординатуре, впервые аттестовал комплексный выпускной государственный экзамен по гигиене. Лекции М.В. Кривоносова всегда проходили в полных аудиториях и воспринимались с большим интересом, потому что они были живыми, ясными, четкими, связанными с практикой. Ему было неинтересно пересказывать в них всем известные, устоявшиеся положения, он обязательно находил аспекты, на которые другие не обратили бы внимания, стремился по-новому посмотреть на казалось бы уже известное, выявить новые связи.

Профессор М.В. Кривоносов много писал. Он автор 292 публикаций, в том числе двух учебников, 9 пособий, 23 методических рекомендаций. В процессе исследовательской работы он стал автором 40 рационализаторских предложений, 10 изобретений и получил на них патенты. Оценкой напряженного и высокопрофессионального труда Михаила Владимировича стало избрание его академиком Международной академии компьютерных наук, Украинской экологической академии наук и Академии наук высшей школы Украины, которая за значительные достижения в области науки и техники вручила ему награду — орден Ярослава Мудрого. М.В. Кривоносов отмечен знаками «Отличнику здравоохранения СССР» и «Відмінник освіти України». В 2004 г. стал лауреатом регионального рейтинга «Харьковчанин года».

В 1990 г. Михаил Владимирович блестяще защитил докторскую диссертацию в Ленинградском санитарно-гигиеническом институте. В ее основу легли многолетние исследования по питанию населения и лиц, работавших в химической промышленности. Выводы и установки, разработанные и предложенные в ней Михаилом Владимировичем, были приняты гигиенистами-практиками Украины и стран ближнего зарубежья. В Михаиле Владимировиче очень органично сочетались уровень знания и уровень духовности. Он совершенно был лишен тщеславия,

гордыни, жажды научного первенства любой ценой, стяжания научного авторитета, погони за учеными званиями. Хорошо разбираясь в людях, он ко всем относился ровно, доброжелательно, старался помочь, если была возможность. Он любил свой университет, был предан делу, которым занимался, и никогда никому не сделал зла, был честен перед самим собой и другими.

Рассказ о Михаиле Владимировиче был бы не полон, если бы я не сказал о его отношении к семье. Я редко встречал мужчин, которые бы так нежно и трепетно относились к жене и детям. Он не просто любил жену и дочерей, но жил их жизнью, незаметно и ненавязчиво передавая им свою житейскую мудрость. Мы часто говорили с ним об этом, и мне кажется, если бы у него не было такого надежного семейного тыла, он не успел бы сделать так много для университета. Потом появились внуки, о судьбе которых тоже думал и волновался Михаил Владимирович. Я верю, что память о деду в них будут воспитывать и поддерживать родители.

И это все о моем соратнике и друге — Михаиле Владимировиче Кривоносове. Я понимаю, что нельзя только изложением будничных фактов из жизни человека определить самобытную, только ему присущую суть. Но, помня высказывание поэта «Лишь слову жизнь дана...», я написал о нем.

В.Л. ТКАЧЕНКО

СИЛА УБЕЖДЕНИЯ

После окончания мединститута на распределении мне предложили остаться на кафедре микробиологии. С начала учебного года в течение двух месяцев я стажировалась в иммунологической лаборатории Института эндокринологии и иммунологии, осваивая методики, которые были необходимы мне для последующей работы над диссертационной темой об экспериментальном обосновании использования липосом и мазевых препаратов с левомецетином для профилактики и лечения синегнойной ожоговой инфекции. Надо сказать, что все ключевые моменты моей диссертационной работы, включая название, определение цели и задач

исследования, планирования научного эксперимента были разработаны А.Я. Цыганенко, за что я была ему бесконечно благодарна.

За время обучения в аспирантуре я приобрела навыки работы с научной литературой, проведения эксперимента, научилась вырабатывать и отстаивать свою точку зрения, четко формулировать и излагать свои мысли, преодолевать страх перед аудиторией, владеть, как говорится, «собственным языком». Моя первая лекция прошла у студентов 3-го курса англоговорящих групп. И, если бы это была моя собственная инициатива, то я никогда не вошла бы в эту аудиторию. Но Анатолий Яковлевич всячески убеждал меня: «Ты уже готова. Ты должна». Мысль о преподавании микробиологии на английском языке тоже принадлежала Анатолию Яковлевичу. Помню, от страха и волнения я психологически ощущала некий языковой барьер, даже растерялась, но присутствие в аудитории доцента нашей кафедры В.Н. Васильченко помогло мне удержать внимание студентов и провести лекцию.

Меня всегда удивлял индивидуальный подход А.Я. Цыганенко к любому человеку. Он давал полную свободу действий. Он так умело «подводил» человека к проблеме, что аспирант был уверен, будто сам нашел и принял решение. А на самом деле, оказывается, что сам бы он этого никогда не сделал — просто в его голову вложили нужное «зернышко». Потом оставалось только ждать, чтобы это «оно» в нужный момент «просло».

Мне повезло, что я пришла именно на кафедру микробиологии, так как здесь сложилась добрая традиция преемственности поколений: старшие сотрудники охотно передавали свои знания, опыт и умения молодому поколению. На протяжении 14 лет моей работы на кафедре не было случая, чтобы я не получила ответа на любой интересующий меня вопрос. Да и политика заведующего кафедрой академика А.Я. Цыганенко строилась на добром отношении между коллегами. Анатолий Яковлевич умел собрать вокруг себя талантливых людей, которые не случайно пришли в науку. И в этом выборе проявлялся настоящий талант руководителя.

Я всегда поражалась его способности помнить все о каждом из нас. Это и был тот ключик, который открывал наши сердца. А его жизнеутверждающий оптимистический настрой всегда заряжал нас положительной энергией, помогающей жить и верить в творческое долголетие.

Р. КЕЦМАН

МЫ БУДЕМ ТВОРИТЬ ДОБРО!

Университет... Для многих студенческие годы прежде всего означали начало взрослой жизни, прощание с детством, с которым все так всегда спешат расстаться, наивно полагая, что взрослая жизнь означает свободу действий и поступков. И вот 2005 год, такая взрослая детвора переступила порог одного из самых известных университетов Украины... В этот миг нам все было по плечу... Нас не пугали перемены, новые знакомства и самостоятельная жизнь. Началась студенческая пора. Мы познали все — первые двойки и такие долгожданные пятерки, взлеты и падения, верную дружбу. Непростые шесть лет остались позади.

Радостно от того, что наконец диплом у нас в руках, и мы имеем полную свободу действий. С другой стороны, не верится, что больше не будет встреч с одногруппниками, веселых посиделок, совместной подготовки к семинарам, экзаменам, студенческой весны и даже строгих преподавателей! Все это останется лишь в нашей памяти... И уже завтра, с гордым званием Врач, мы будем творить добро!

Огромное спасибо и низкий поклон Вам, дорогие преподаватели!

Мы помним, как на кафедрах все время,
Науку призывая изучать,
Профессора с доцентами старались,
О чем-то очень важном нам сказать...

Студенческие годы над судьбою —
Как белые весной облака...
Студенческие годы, приходите,
Пожалуйста, к нам в душу иногда!

Как просто мы шутили и смеялись,
Сжигали за собой порой мосты,
И волновались, да, когда сдавали
Экзамены, зачеты и «хвосты»...

Мы искренне надеялись, что можем
Ошибки свои в жизни пересдать,
Для этого всего лишь только надо
Холодным зимним утром не проспать.

Спасибо вам, студенческие годы,
За бурных чувств крутой водоворот,
В который нас легко бросала юность,
Уверенная в том, что повезет...

М.С. МИРОШНИЧЕНКО

МОИ ПЕРВЫЕ ШАГИ В ПРОФЕССИИ

Каждый день люди спешат на работу. Чем они занимаются? Как они выбрали свою профессию? Ведь выбор профессии можно отнести к одному из самых важных жизненных решений, часто она определяет не только занятие, но и стиль жизни, а порой и судьбу.

Школа... Старшие классы... Все начинают думать о том, кем быть в будущем, куда поступать, какую выбрать профессию. Этот нелегкий вопрос возникал в свое время у каждого школьника. Был такой период и у меня, когда я оканчивал общеобразовательную школу №5 города Изюма Харьковской области. В школе мне очень нравились химия, физика, биология и английский язык. И я твердо решил, что хочу в будущем стать врачом, поэтому буду поступать в медицинский университет. Такой выбор будущей профессии у меня во многом обусловлен еще и тем, что мой отец — врач, акушер-гинеколог (сейчас он работает заведующим женской консультацией Изюмской центральной городской больницы). Помню, как я гордился им, когда к отцу обращались за помощью, спрашивали совета по поводу лечения.

Беседуя со своими родителями на тему о выборе профессии, я неоднократно задавал своему отцу вопрос, почему он выбрал профессию врача, каким был его профессиональный путь. И как-то он мне рассказал, что в детстве очень сильно заболел менингитом, долгое время лечился

в больнице. И вот с того времени его часто посещала мысль связать свое будущее с медициной, стать врачом. В 1976–1980 годах мой отец учился в Волчанском медицинском училище Харьковской области, по окончании которого стал фельдшером-акушером. Затем он был призван в ряды Советской армии и с 1980 по 1983 год служил в Каракалпакской АССР (город Нукус) санинструктором, фельдшером медсанчасти, лечил раненых, доставленных из Афганистана. Вернувшись из армии, в 1983 году поступил в Харьковский медицинский институт.

В 1983–1989 годах, будучи студентом, отец работал столяром, а затем комендантом главного учебного корпуса. Во время обучения в институте принимал активное участие в работе строительных, инженерных групп, которые строили учебно-лабораторный корпус, больницу по улице Карла Маркса, 25. На 3-м курсе он начал работать в студенческом научном кружке на кафедре акушерства и гинекологии, которым руководила доцент Светлана Александровна Гень. Отец часто вспоминает о профессоре этой кафедры Викторе Борисовиче Маргуляне, который учил его оперировать и был руководителем научной работы. Благодаря этим людям у отца появилось желание стать акушером-гинекологом. Учитывая его положительные качества и любовь к профессии, академик Валентин Иванович Грищенко предлагал ему остаться на кафедре и заниматься наукой, однако отец вынужден был отказаться в связи с отсутствием жилья в городе Харькове. После окончания института он вместе со мной и матерью переехал в город Изюм Харьковской области, где и по сей день занимается своим любимым делом. Кстати, любовь к медицине от моего отца перешла и к его брату, который тоже окончил Харьковский медицинский институт и на данный момент работает врачом-стоматологом в городе Кировограде.

Окончив школу с золотой медалью, я начал тщательно готовиться к поступлению в Харьковский государственный медицинский университет. Подошло время вступительных экзаменов. Помню, как мы с родителями перед каждым экзаменом вставали в 3–4 часа ночи, садились в машину и ехали в город Харьков. И так было несколько раз. Наконец-то вступительные экзамены прошли. Ура! Сбылась моя мечта — я стал студентом Харьковского государственного медицинского университета.

В начале учебного года я узнаю, что меня назначили старостой курса. Это было для меня большим стрессом, я очень переживал, волновался. Помню, вызывает меня первый раз на беседу декан — профессор Михаил Алексеевич Михалин. Я захожу, сажусь, достаю ручку, блокнот и начинаю записывать то, что он говорит. И вдруг ручка перестает писать. Меня бросает в пот, я начинаю царапать ручкой в блокноте, делая вид, что записываю. Он посмотрел на меня, улыбнулся, и дал мне свою ручку. Хочу отметить, что Михаил Алексеевич был хорошим человеком, который всегда помогал студентам в трудную минуту, подсказывая, что делать в той или иной ситуации. Добрый совет, поддержку и помощь всегда можно было получить и от заместителей декана — профессора Игоря Владимировича Завгороднего и доцента Валерия Васильевича Вьюна.

С течением времени мы втянулись в учебный процесс. И вот уже третий курс. Помню первую лекцию по патологической анатомии. Я узнал, что читать ее будет профессор Антонина Федоровна Яковцова. Подошло время лекции, заходит Антонина Федоровна, а за ней — почти все преподаватели кафедры патологической анатомии. Такого до того времени не было. Началась лекция, и Антонина Федоровна очень торжественно начала представлять студентам преподавателей кафедры патологической анатомии. Затем она перешла к вводной лекции, в конце которой объявила, что на кафедре есть студенческий кружок, куда могут записаться все желающие. Кружком в то время руководила доцент Татьяна Васильевна Ганулич. Перед первым практическим занятием по патологической анатомии я подошел к Татьяне Васильевне, записался в кружок, узнал, когда будут проходить заседания. На каждое занятие она приносила из больницы материал и демонстрировала студентам, сопровождая демонстрацию препарата очень доступным и интересным объяснением.

Практические занятия по патологической анатомии в течение двух семестров у меня вели профессора Владимир Дмитриевич Марковский, Ирина Викторовна Сорокина и доцент Наталья Ивановна Горголь. На каждом практическом занятии мы разбирали новую тему, причем преподаватели очень сложный материал объясняли так, что все в группе понимали его и хорошо усваивали.

Пришли мы как-то на очередное практическое занятие и узнаем, что будет вскрытие, которое проведет профессор Владимир Дмитриевич Марковский. Вспоминаю, как по пути в больницу студенты обсуждали, где он находится время, чтобы проводить вскрытие больного. Вскрытие, блестяще продемонстрированное Владимиром Дмитриевичем, вызвало у меня еще больший интерес к патологической анатомии. Однажды у входа в университет я встретил Татьяну Васильевну и спросил у нее о возможности заниматься научной работой. Татьяна Васильевна положительно отнеслась к моему вопросу и, когда я пришел на очередное заседание кружка, она подвела меня к профессору Виталию Витальевичу Гаргину, с которым я и начал заниматься научной работой.

После окончания университета я поступил в магистратуру, закончил ее и защитил под руководством профессора Антонины Федоровны Яковцовой магистерскую диссертацию на тему «Изменения миокарда новорожденных под влиянием родительского табакокурения». Затем я поступил в очную аспирантуру и в 2011 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Патологическая анатомия сердца при задержке внутриутробного развития» (руководитель — профессор Виталий Витальевич Гаргин). Теперь я работаю ассистентом кафедры патологической анатомии. Педагогическая работа интересная, но в то же время весьма трудная, однако мне всегда помогает и подсказывает, как правильно поступить, доцент Ольга Анатольевна Омельченко. Параллельно с педагогической работой я занимаюсь и буду продолжать заниматься научной деятельностью под руководством своих учителей Владимира Дмитриевича Марковского

и Ирины Викторовны Сорокиной. Первые шаги на моем профессиональном пути я сделал, за что благодарен своим учителям и всему коллективу родной кафедры. Впереди напряженная, ответственная и увлекательная работа врача-патологоанатома и преподавателя.

М.М. МИШИНА

МОЙ УЧИТЕЛЬ ВСЕГДА В МОЕМ СЕРДЦЕ

Впервые я увидела Анатолия Яковлевича в 1988 году на празднике посвящения в студенты. Обаятельная, лучезарная и добрая улыбка, напутственные слова: «Научиться лечить еще не все. Главное — научиться любить людей!» — стали «золотым» девизом для всех, кто учился в нашей alma mater. В моей памяти остались не только удивительные, яркие, потрясающе образные лекции Анатолия Яковлевича, очень эмоционально и живо проходящие на одном дыхании, но и КВНы, студенческие творческие вечера, где Анатолий Яковлевич принимал активное участие и всегда давал им высокую оценку.

После окончания харьковского медицинского института в 1994 году, я получила распределение в центральную научно-исследовательскую лабораторию, и Анатолий Яковлевич дал мне возможность выбрать специальность, но я никогда не сомневалась в том, что буду микробиологом. С августа 1994 года я стала работать на кафедре микробиологии, вирусологии и иммунологии, и для меня была большая честь, что Анатолий Яковлевич согласился стать моим научным руководителем, а затем и консультантом при выполнении докторской диссертации.

Несмотря на свою занятость, Анатолий Яковлевич всегда уделял внимание моей научной деятельности. Поддержка такого мудрого, терпеливого и ответственного руководителя всегда была важна для меня. Он всегда шел в ногу с современными научными исследованиями, и его огромный опыт позволял определять некоторые научные перспективы, касающиеся оптимизации диагностики и терапии гнойно-воспалительных процессов с точки зрения патогенетических механизмов.

Мне трудно представить, как бы сложилась жизнь без моего мудрого Учителя. Я благодарна судьбе за то, что она дала мне возможность каждый

день на протяжении почти 20 лет работать под руководством профессора Цыганенко. Его концептуальный повседневный лозунг в научной работе «Спешите медленно!» всегда останется напутствием в моей деятельности. Взвешенный, обдуманный подход Учителя к решению каждой научной задачи является примером для многих его учеников. Анатолий Яковлевич обладал огромным научно-педагогическим опытом, организаторским талантом, профессиональной чуткостью и всегда готов был поделиться своими знаниями.

В силу своих личных качеств Анатолий Яковлевич всегда старался помочь любому человеку, поддержать, ободрить и был открыт для всех. В людях он всегда видел только хорошее и не выносил лжи, лицемерия и подлости, особенно по отношению к родителям и учителям. Анатолий Яковлевич всегда верил в то, что и его ученики будут достойными и порядочными людьми.

Я горжусь тем, что мой Учитель — Анатолий Яковлевич Цыганенко. В лекционном курсе и на практических занятиях я рассказываю студентам о научных открытиях моего Учителя и стараюсь передать им знания, которые когда-то получила от Анатолия Яковлевича.

И сколько бы времени ни прошло, мой Учитель всегда в моем сердце!

И.В. КИРИЧОК

**ИЗАБЕЛЛА ШАКИРОВНА
ИВАНОВА — МУДРЫЙ
УЧИТЕЛЬ И ДОБРЫЙ ДРУГ**

В конце октября 1990 года я пришла устраиваться на работу в библиотеку Харьковского медицинского института. Зашла к директору библиотеки, мы несколько минут пообщались, и в заключение она сказала мне: «Вы нам подходите!». Так состоялось мое первое знакомство с Изабеллой Шакировной Ивановой...

Более 20 лет я проработала вместе с И.Ш. Ивановой — удивительным человеком, в котором гармонично сочетались целеустремленность и творчество, принципиальность и чуткое отношение к людям, энергичность и душевное тепло.

Изабелла Шакировна Иванова родилась на Кавказе, в городе Баку 17 июля 1940 года. Ее отец был инженером горного дела, а мать —

медицинским работником, своей преданностью работе, уважительным отношением к коллегам, профессии врача она привила любовь дочери к медицине. В 1958 году Изабелла Шакировна приехала поступать в Харьковский медицинский институт. И так получилось, что на последней консультации по физике преподаватель кафедры некорректно высказался по отношению к приезжим абитуриентам. Несправедливые слова настолько затронули девушку, что она забрала документы и поступила в Харьковский государственный библиотечный институт. Не знаю, какого врача потеряла медицина, но библиотечное сообщество приобрело высококвалифицированного специалиста, мудрого руководителя и надежно-го коллегу.

На втором курсе института судьба вновь связывает ее с медициной — на библиотечном факультете организуется отделение медицинской литературы (кстати, в первый и последний раз). Надо сказать, что на это отделение переводили студентов только с высокой успеваемостью. Сюда и перешла И.Ш. Иванова, отличница и спортсменка. Окончив в 1962 году отделение медицинской литературы, молодой специалист идет работать библиотекарем в Харьковскую государственную научную медицинскую библиотеку (ХГНМБ). Ее наставником и первым учителем стала Нина Павловна Гайдученко, заведующая отделом предметизации. Изабелла Шакировна всегда с уважением и благодарностью вспоминает ее, и каждый год 1 ноября обязательно едет поздравить своего учителя с днем рождения.

Впоследствии возглавив отдел научно-медицинской информации (ОНМИ), Изабелла Шакировна весь свой опыт и знания вложила в дело научно-медицинской информации в городе, области и, по большому счету, в стране, так как стояла у истоков создания сети научно-медицинской информации. Предоставить специалисту для аналитико-синтетической обработки новую дифференцированную информацию, учесть информационную потребность ученых-медиков, преподавателей, студентов, врачей практического звена здравоохранения — задача сложная, но именно ее воплощал в жизнь отдел под руководством И.Ш. Ивановой. Более 20 лет своей трудовой жизни она отдала этой библиотеке.

В 1985 году скоростижно ушла из жизни заведующая библиотекой ХМИ Светлана Ефимовна Фомина. Осенью этого года руководство института предложило Изабелле Шакировне возглавить коллектив институтской библиотеки, так как знало ее по работе в ХГНМБ (наши ученые постоянно работали там с научной информацией), что она и сделала. Это было время, когда после переезда библиотеки в 1979 году в новое помещение (с улицы Сумской, 1 на проспект Ленина, 4) большая часть фонда научной литературы была сложена в спортивном зале корпуса «Б», каталоги не работали, карточки в них не расставлялись. Литературой обеспечивался только учебный процесс, а текущие поступления научной литературы выдавались в читальном зале в главном корпусе (ныне конференц-зал). Необходимо было наладить деятельность библиотеки в полную силу: распределить книжный фонд (учебный и научный), расставить

карточки в предметный, алфавитный и другие каталоги, запустит в работу справочно-библиографический аппарат библиотеки, начать выдавать научную литературу.

И.Ш. Иванова смогла объединить вокруг общей цели коллектив, добиться слаженности действий всех подразделений, атмосферы увлеченности общим делом, творчества и взаимопонимания. Изабелла Шакировна — влюбленный в свое дело человек, который никогда не работает вполсилы, предъявляет к себе высокие требования, умеет заечь других, раскрыть в них таланты. За трудолюбие, доброжелательность и открытость ее уважают не только в библиотеке, но и в коллективах, с которыми она общается по различным вопросам.

Хочу рассказать об одном эпизоде, который характеризует Изабеллу Шакировну как новатора, человека передовых взглядов, неравнодушного к своей работе... В 1988 году в рамках повышения квалификации сотрудников библиотеки она пригласила Анри Гавриловича Мурашко, профессора кафедры искусственного интеллекта Харьковского института радиоэлектроники (ХИРЭ). Профессор рассказывал о новых технологиях и перспективах развития общества и библиотек в частности. Лекция была интересной — об использовании компьютеров (а тогда были только электронные вычислительные машины — ЭВМ огромных размеров, занимающие целые комнаты). И на вопрос Изабеллы Шакировны: «Когда же появятся компьютеры в вузовской библиотеке?» Анри Гаврилович отчасти — с юмором, отчасти — серьезно ответил: «Скорее Луна упадет на Землю, нежели компьютеры появятся в библиотеках». Ответ поразил Изабеллу Шакировну, эти слова не давали ей покоя. И уже в 1990 году она едет в Москву с целью найти программное обеспечение, пригодное для библиотеки вуза, обходит много крупных библиотек, изучает опыт их работы. Результатом поисков стала презентация библиотечной автоматизированной системы «МАРК», организованная на базе нашего института и приобретенная впоследствии не только нами, но и многими вузовскими библиотеками города. В 1991 году ХМИ передал библиотеке 1-й полученный персональный компьютер. Так началась автоматизация нашей библиотеки, первой в Харьковском регионе.

Директор библиотеки всегда уделяла большое внимание совершенствованию традиционных и внедрению современных методов обслуживания пользователей, основанных на использовании компьютерных технологий. Она трудилась над разработкой и воплощением концепции полной автоматизации библиотечно-библиографического обслуживания в библиотеке университета, всегда старалась быть на шаг впереди. Все ее проекты, надежды были направлены в будущее, на внедрение инновационных идей: создание условий, стимулирующих высокое качество работы всех подразделений библиотеки.

Изабелла Шакировна — квалифицированный, справедливый и чуткий руководитель. За время ее руководства библиотека переведена во вторую категорию по оплате труда, штат увеличился с 32 до 54. Расширены источ-

ники комплектовання фондів, бібліотека стала отримувати іноземні валютні журнали на мікрофільмах. Розділені відділи обслуговування наукової та навчальної літературою, в 1993 році відділ обслуговування навчальної літературою переведен в новий навчально-лабораторний корпус (УЛК). Розширена структура бібліотеки, створені нові відділи, в тому числі абонемент з читальним залом для англоязычних студентів і багато інше. Під її керівництвом бібліотека стала активно співпрацювати з міжнародними благодійними фондами, відомими видавництвами, книжоторговими фірмами і т. д. Сьогодні бібліотека має розгалужену мережу пунктів обслуговування користувачів, характер діяльності яких відповідає сучасним вимогам.

В 2007 році Харківському державному медичному університету присвоєно статус національного. З цього року по представленню директора бібліотека університету стала називатися «Научна бібліотека ХНМУ».

Під керівництвом І.Ш. Іванової бібліотеку неодноразово відзначали грамотами. 25 років її трудової життя відано Научній бібліотеці ХНМУ, улюбленому справу в єдиному колективі, під її керівництвом він був постійно на передових позиціях. І.Ш. Іванова завжди була активна в громадській та професійній житті, постійно брала участь в професійних міжнародних, всьукраїнських та регіональних науково-практичних конференціях та семінарах, на яких виступала з доповідями про роботу Научної бібліотеки ХНМУ. Крім того, куди б вона не їздила — обов'язковою програмою вечорів завжди були відвідування театрів або музеїв.

Ізабелла Шакирівна Іванова — заслужений працівник ХНМУ, вона була членом Наукової ради та ректорату нашого університету, Української бібліотечної асоціації, науково-методическої бібліотечної комісії МОН України (керувала секцією бібліографічного та інформаційного забезпечення читальського попиту), ради зонального методического об'єднання бібліотек вузів Східно-Західної України; правління Харківської Асоціації сучасних інформаційно-бібліотеческих технологій.

Ізабелла Шакирівна — людина великої душі, доброжелательний та життєлюбивий. За високий професіоналізм, вагомий внесок в розвиток бібліотечної справи, культури, освіти та здоров'я вона відзначена багатьма нагородами. Тільки за останнє десятиліття: переможця в номінації «Директор вузовської бібліотеки» на першому національному конкурсі «Вища школа Харківщини — найкраща ім'я» (2000 рік); знак «Відмінник освіти України» (2004 рік); Почетна грамота МЗ України та почесне звання «Заслужений працівник ХГМУ» (2005 рік); подяка Київського міського голови та Почетна грамота Асоціації сучасних інформаційно-бібліотеческих технологій (2006 рік); подяка МЗ України (2007 рік); Почетна грамота МЗ України (2008 рік); подяка МЗ України, Почетна грамота МЗ України та Почетна грамота Верховної Ради України (2010 рік).

В 2011 году Изабелла Шакировна приняла решение уйти на заслуженный отдых. Но и сегодня она пользуется большим авторитетом в нашем коллективе, университете, где ее помнят и продолжают общаться, в коллективах вузовских и медицинских библиотек Харькова, ее знают и уважают коллеги из многих библиотек Украины, а также стран ближнего зарубежья. Хочу отметить, что это талантливый руководитель и организатор, человек большой души, ее отзывчивость и доброжелательность прочувствовал каждый сотрудник нашей библиотеки. Мы и сегодня вместе с ней — и в праздники, и в будни приходим за советом, да и просто пообщаться. А от себя скажу — я благодарна судьбе, что на моем жизненном пути я встретила Изабеллу Шакировну Иванову, моего мудрого Учителя и доброго Друга по сей день!

М.С. БИРЮКОВА

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ. ПАМЯТИ ОДНОКУРСНИКА

Кобеляки.... Небольшой районный центр на юге Полтавской области, на берегу реки Ворскла. Еще 40–50 лет тому назад этот районный центр был мало известен широкому кругу населения Украины. Прославил же город не кто иной, как врач-кудесник с золотыми руками — Николай Андреевич Касьян.

О великом народном целителе опорно-двигательного аппарата, заслуженном и народном враче Украины Николае Андреевиче Касьяне в различной медицинской и официальной литературе написано много. Указаны его звания, его громадный объем деятельности, его самоотдача в пользу страждущих. Да и сам Николай Андреевич написал и опубликовал несколько работ о своей жизни, о своей работе, о своих мытарствах и победах. Я же хочу представить его как соученика, как человека, готового прийти на помощь старым друзьям, как уникального специалиста, равного которому не существует до настоящего времени.

С Николаем Андреевичем (тогда еще просто Колей) мы учились на одном курсе санитарно-гигиенического факультета Харьковского медицинского института и окончили его в 1960 году. В то время никто из студентов

не воспринимал его как будущее светило. Наоборот, относились даже как-то покровительственно: мальчик из села, говорил всегда на украинском языке, вернее, на суржике. Жил он в общежитии и отличался общительностью, его речь всегда пересыпалась шутками и прибаутками (эта особенность осталась с ним на всю жизнь!). Никто из соучеников не знал, что его отец известный в Кобеляках костоправ. Возможно, Николай скрывал этот факт. Ведь, как позже выяснилось, Андрея Ивановича несколько раз привлекали к суду за знахарство.

Через 10 лет после окончания института Николай Андреевич вернулся в родные Кобеляки и проработал там около 50 лет. В 1970–1980 годы я лично встречался с ним всего несколько раз — неоднократно он приезжал к бывшему главному врачу эндокринологической клиники, тоже нашему соученику — Гриценко Олегу Ивановичу. В этот период я уже работала в клинике и виделась с Н.А. Касьяном. Во время наших встреч Касьян рассказывал о своих методах мануальной терапии, но я никогда не видела его в работе и не представляла, какой это тяжелый врачебный труд.

В 1999 году мы неожиданно встретились в Киеве на первом Всеукраинском съезде медицинских работников. За прошедшие годы Николай Андреевич из худенького мальчика-студента превратился в высокого и довольно массивного мужчину. Выглядел он очень солидно, уверенно — в шикарном костюме, с приветливой, даже какой-то покровительственной улыбкой. Тогда уже он имел статус заслуженного и народного врача Украины, народного депутата СССР. Наша встреча, как говорится в официальных сводках, прошла на высоком коллегиальном и дружеском уровне — конечно, мы не преминули отметить ее в буфете.

Очередная встреча произошла в 2001 году, когда я в составе бригады харьковских и полтавских специалистов по долгу службы в течение одного дня работала в Кобеляцкой центральной районной больнице. Вечером, после консультации более сотни больных, все члены бригады побывали дома у Николая Андреевича. Надо отдать ему должное — после тяжелого трудового дня Касьян встретил нас как дорогих гостей, показал свою приемную для больных — маленький флигель во дворе его дома, где он лечил десятки тысяч людей, проконтролировал наши спины, подарил свои книги и знаменитые календари с изображением его портрета. На этих же календарях были напечатаны его стихи — один про любимые Кобеляки, второй посвящен Украине. Оказалось, что слова стихотворения о Кобеляках он же переложил на музыку, и ежедневно в 6 часов утра местное радио передает эту песню как собственный гимн! Мы были поражены тем, что у Николая Андреевича, кроме уникального врачебного таланта, имеется талант поэта и даже композитора! До этой встречи мы не знали, что стихи он начал писать еще в юношеском возрасте.

Последняя, более продолжительная встреча состоялась в августе 2008 года — мы с дочерьми вынужденно поехали к Касьяну уже на лечение. К этому времени было наконец построено и функционировало его долгожданное детище — Центр мануальной терапии. Получение разре-

шений, строительство и оформление документов заняли около 15 лет! Но Николай Андреевич упорно шел к своей цели, не сдавался перед различными препятствиями и теперь продолжал работу уже в цивилизованных современных условиях.

Именно во время этого пребывания в его центре Н.А. Касьян разрешил мне понаблюдать за его работой — ведь фактически я никогда не видела воочию Николая в процессе его врачевания. С трех часов утра я наблюдала за ним в течение часа. За это время он успел принять более сотни больных.

Сказать, что я была поражена, — значит, ничего не сказать. Меня просто ошеломили невероятные сочетания его таланта — тончайшей чувствительности кончиков пальцев и невероятных физических усилий. Даже меня, врача с достаточно большим стажем работы, поразило, как человек может соединять эти два несочетаемых понятия. Он отмахивался от рентгеновских снимков, которые ему приносили некоторые пациенты (и я в том числе), он сам «видел» пальцами дефект позвоночника. Создавалось впечатление, что на кончиках пальцев присутствуют невидимые глаза. А поднимать и встряхивать больных — это какой-то титанический труд!

Таким я его и запомнила за работой — современный титан, возвращающий людям возможность движения, ходьбы и нормальной человеческой жизни. И, кроме того, его можно назвать и стойком — ведь выдерживать такие нагрузки на свой собственный организм может только стойко.

Примерно в 4 часа утра я выглянула в окно со второго этажа и увидела темную колышащуюся массу людей, заполнившую весь громадный двор Центра. Я пришла в ужас — как можно объять необъятное? Однако уже к 10 часам утра двор опустел. Касьян принял и пролечил всех, кто стремился к нему попасть! А это было более пяти тысяч страждущих. И самое главное — он не просто работал — он постоянно разговаривал, шутил, сыпал своими обычными и необычными шутками и прибаутками. Фактически, кроме мастера ортопедии и травматологии, он был прекрасным психологом.

Как пишет Николай Андреевич в своих книгах и как мне сам рассказал, он отвлекает пациентов от возможных болевых ощущений, которые неизбежны при восстановлении целостности позвоночника. Но эти разговоры и усложняют его усилия, требуют большего расхода не только физических, но и эмоциональных сил!

И одним из главных моментов его лечения является отсутствие фиксированной оплаты за такой титанический труд — просто возле манипуляционного кабинета стоит урна, куда посетители могут опустить какую-то сумму (а могут и не опустить).

Во время короткого перерыва (с 11 часов утра он повторяет лечение некоторым пациентам) Н.А. Касьян успел показать мне музей, расположенный в одном из кабинетов Центра на первом этаже. Музей изобилует различными сувенирами и подарками от множества благодарных

и исцеленных пациентов, оформлен и содержится в идеальном порядке. В отдельных стендах размещены и многочисленные награды самого Николая Касьяна.

Кроме высочайшего профессионализма, не могу не отметить патриотизм Касьяна. В течение всего периода его работы, даже в период гонений, ему предлагали современные центры и максимально благоприятные условия для проведения мануальной терапии не только в пределах бывшего Советского Союза, но и за рубежом. Однако он «вперто» стоял на своем: «Никогда не брошу любимые Кобеляки!». И в конце концов победил, хотя только он один знал (ну, возможно, еще и члены его семьи), как много сил и нервной энергии он потратил на защиту своего любимого профессионального дела, на защиту своих родных Кобеляк.

К великому сожалению, эта встреча с моим однокурсником, великим человеком, отдавшим все свои силы на благо громадного количества больных людей, и в то же время не забывающим старых друзей, оказалась последней. В октябре 2009 года его организм не выдержал всех мытарств и постоянной тяжелой физической нагрузки. Николай Андреевич скончался в возрасте 72 лет.

10 апреля 2014 года Н.А. Касьяну исполнилось бы 77. И хотя этот год не является его юбилеем, но глубокое уважение к его титаническому труду, к его доброжелательному отношению к людям, к старым знакомым, друзьям заставило меня еще раз вспомнить это-го удивительного и неповторимого чудесника, с которым много лет назад мы заканчивали Харьковский медицинский институт, вспомнить — и еще раз поклониться его памяти.

Ю.Т. КИНОШЕНКО

ДОРОГАМИ МОЕЙ ЖИЗНИ

(отрывок из книги)

...Поставленная цель достигнута: я получил право на красный диплом Киевского медицинского училища. Вспомнились слова М. Шагинян, которая сказала: «Не требуй награды за работу, ее окончание есть высшая награда». В тот день я был безмерно счастлив. Пошел на почту и отправил телеграмму с сообщением о том, что все экзамены сданы на «отлично».

И вот наступило 2 июля. Торжественное собрание проводилось в клубе училища, на первом этаже. Здесь присутствовал и мой отец. Завуч доложил о результатах государственных экзаменов на разных отделениях училища, а директор А. Мартыненко вручила всем дипломы. После этого состоялся небольшой концерт, в котором принимал участие и я.

Когда концерт окончился, ко мне обратился мужчина, представившийся преподавателем Киевской консерватории: «Я слушал Ваше пение и считаю, что Вам нужно серьезно заняться вокалом. У Вас редкой красоты голос — драматический тенор». Я ответил, что у меня нет музыкального образования и я даже не знаю нот. Это первое, а второе — мой красный диплом позволяет без вступительных экзаменов поступить в медицинский институт. В ответ я услышал: «Этот же диплом дает право поступить без экзаменов и в консерваторию. Вас только прослушают, примут без вопросов, а нотную грамоту Вы, несомненно, освоите». Собеседник внес в мою душу смятение. Я очень люблю петь, пел бы день и ночь, но и медицина — любовь моя.

Подошел отец и спросил меня: «О чем говорил с тобой этот мужчина?». Я ответил, что он рекомендовал мне продолжить учебу в консерватории, так как у меня редкой красоты голос. Отец удивленно посмотрел на меня и спросил, что же я решил. Я ответил, что об этом поговорим дома... Проснувшись на следующий день, увидел отца, сидевшего со своими бумагами за письменным столом, и сразу спросил его: «Как ты думаешь, куда мне поступать — в мединститут или в консерваторию?». Отец назвал мединститут. Я сказал, что и мое мнение такое же.

Во второй половине дня мы с отцом поехали в мединститут на бульвар Шевченко. В приемной комиссии практически не было абитуриентов. Секретарь комиссии посмотрел мои документы и удивился тому, что я написал заявление на лечебный факультет: «Вам же легче будет заниматься на санитарно-гигиеническом, ведь у Вас диплом санитарного фельдшера, а если не понравится быть санитарным врачом, то переквалифицируетесь, например, на терапевта». От радости, что меня принимают без экзаменов в институт, я согласился. Тут в помещение приемной комиссии вошел директор института Калиниченко. Он подошел к нам с отцом и поинтересовался, откуда мы приехали. Отец ответил: «Из Полтавской области». Директор улыбнулся: «Так мы же земляки, я тоже из Полтавы».

Что стоило сказать земляку, что я хочу на лечебный факультет, а меня уговаривают на санитарно-гигиенический! Постеснялся... И хорошо, что не попросил ни о чем, с этого момента я начал верить в судьбу. Но об этом потом.

В конце июля я получил из мединститута письмо-открытку со следующим текстом: «Уважаемый Юлиан Тодосьевич, Вы зачислены на первый курс санитарно-гигиенического факультета Киевского государственного медицинского института. Поздравляем Вас с высоким званием советского студента». Конечно, я был очень рад этому сообщению. Но тут же мельк-

нула мысль: не очень расслабляйся, ведь смысл жизни состоит в том, что человек постоянно должен решать какие-то задачи, которые ставит перед ним жизнь. Хорошо и емко написал об этом И. Гете:

О, как пуста и как постыла жизнь,
Когда она проходит в тусклой смене
Тревог, трудов и сызнова тревог
И не предвидишь вожделенной цели.

Итак, программу-минимум я успешно выполнил. Теперь передо мной стояла более масштабная задача — успешно закончить медицинский институт. Мне двадцать лет, я полон сил и решу эту задачу легко. Мои детство и юность канули в Лету, но не бесследно. Они позволили заложить фундамент для решения новых задач. О том, каковы эти задачи и как я их решал, и пойдет речь дальше.

1 сентября 1950 г. состоялось мое посвящение в студенты. В моей группе только я оказался фельдшером, остальные пришли после школы, из них шесть окончили ее с серебряными и золотыми медалями. Первый год учебы, особенно первый семестр, был для меня очень трудным. Я забыл о походах в кино, театрах и музеях. Большие трудности я испытывал на лекциях по неорганической и органической химии, по физике, потому что объем моих знаний по этим предметам был минимальным, потому что в медучилище этим дисциплинам отводилось гораздо меньше часов, чем в 9–10 классах школы.

Всегда с большой благодарностью вспоминаю преподавателей кафедр, которые безвозмездно два раза в неделю в вечерние часы организовали для всех фельдшеров факультативные занятия по трудным предметам. В зимнюю сессию по физике я получил «отлично», а по химии — «хорошо». Это, несомненно, был успех. Все экзамены в весеннюю сессию я сдал на «отлично». Это было замечательно, но меня беспокоило и огорчало, что я учусь не на лечебном факультете. Будучи на каникулах в Чутово, я решил поехать в Харьковский мединститут и выяснить, нет ли возможности перевода на лечебный факультет. Вторым фактором в пользу этого перевода, без сомнения, была близость Чутово к Харькову (всего 100 км, а до Киева — более 300 км). В канцелярии института мне сообщили, что по вопросу перевода необходимо обращаться к директору института, доценту И.Ф. Кононенко.

Илларион Филиппович встретил меня приветливо и спросил: «Откуда приехали, молодой человек?» — «Из Чутово», — ответил я. «А-а! Земляк! — воскликнул директор. — Какой у Вас ко мне вопрос? Я рассказал, что родители мои живут в Чутово, поэтому после первого курса Киевского мединститута хочу перевестись на лечебный факультет, так как мне больше нравится лечебное дело, чем работа санитарного врача. Илларион Филиппович попросил показать ему зачетку. Там за первый курс была одна четверка, а остальные все пятерки. Посмотрев зачетку, он сказал: «Давайте Ваше заявление». Я объяснил, что заявления нет, я его сейчас напишу. «Ан нет! Теперь пишите заявление на педиатрический факуль-

тет, — сказал Илларион Филиппович. Будете лечить детей». Это решение директора оказалось для меня судьбоносным.

В конце августа я поехал в Киев, забрал в институте документы и рано утром 28 августа 1951 г. приехал в Харьков. Хорошо это помню. Я стоял у окна вагона и смотрел на мелькающие полустанки и пригороды Харькова. Волновали мысли, как примет меня незнакомый город, как сложится в нем моя судьба. На вокзале меня встречал мой друг Андрей Рогозин, студент Харьковского мединститута. Он уже снял угол на улице Дарвина, где жила его сестра Леся, студентка университета. С их помощью в соседнем доме сняли угол и мне.

1 сентября я пришел на лекцию на улице Сумскую, 1, где в то время был медицинский институт и располагалась кафедра нормальной физиологии. Курс насчитывал 145 студентов, из них 15 юношей. Сокурсники встретили меня приветливо, с интересом. Деканат определил меня в пятую группу. Я быстро освоился и уже в первых числах октября был избран членом комсомольского бюро. Секретарем избрали Колю Коренева, культсектором — Люду Киричек, а меня — в помощь к ней. Комсомольская юность скрепила нашу дружбу навек. Они стали для меня родными и близкими. Вот уже более 60 лет мы дружим не только между собой, но и семьями, наши отношения стали практически родственными.

Приближалась зимняя сессия, я, конечно, волновался, успешно ли справлюсь с нею в новом учебном заведении. Но страхи мои оказались напрасными. За второй курс я сдал семь экзаменов, из них два на «хорошо» и пять на «отлично» и перешел на третий курс — один из самых трудных по словам старшекурсников. Действительно, патологическая анатомия, патофизиология, фармакология для студентов всегда были трудными. Но я преодолел и этот курс, из семи экзаменов сдал политэкономии на «хорошо», а остальные шесть — на «отлично».

За два года учебы в Харьковском мединституте меня поразили высокий профессионализм профессорско-преподавательского состава ХМИ и я понял, что плохо учиться в таком вузе непростительно. Я слушал лекции выдающихся ученых-медиков Р.Д. Синельникова, Е.К. Приходьковой, А.М. Утевского, Б.В. Алешина, члена-корреспондента АМН СССР В.С. Деркача, Д.Е. Альперна, Г.Л. Дермана и др. Это подтверждало верность выбора мною учебного заведения для получения высшего медицинского образования. Одно вызвало удивление: уж очень много времени уделялось изучению марксизма-ленинизма, политэкономии.

Чем еще запомнился мне третий курс? Я поселился в общежитии, меня избрали в состав комсомольского бюро педиатрического факультета, а так как я был участником художественной самодеятельности, меня назначили ответственным за культурно-массовую работу на факультете. Бюро возглавила студентка 5-го курса Лариса Недригайло. В то время у меня и мысли не было о том, что эта белокурая, симпатичная, активная общественница спустя несколько лет станет моей супругой.

Самым памятным событием 1953 года была смерть и похороны руководителя партии и правительства И.В. Сталина. Коммунистическая пропаганда так воспитала народ, что Сталин — наш отец и, случись что с ним, трудно представить, что будет со страной. Рыдали все, в том числе и ваш, уважаемые читатели, покорный слуга. Партийная и комсомольская организации приняли решение организовать в институте круглосуточный почетный караул возле всех бюстов Сталина вплоть до похорон. 9 марта центральные улицы города, парки и скверы были заполнены тысячами рыдающих людей, которые слушали через уличные громкоговорители трансляцию из Москвы о похоронах вождя. В саду Шевченко был установлен с незапамятных времен большой бюст Сталина, у которого в момент похорон мне довелось стоять в почетном карауле. С именем Сталина в нашем сознании была неразрывно связана великая Победа в Отечественной войне. И я так полагал, поэтому и плакал под звуки траурной музыки, раздирающей душу и сердце. Казалось, пришел конец света... Но 10 марта наступил обычный день. Жизнь продолжалась, все спешили по своим делам, я тоже пошел слушать очередную лекцию.

В памяти всплывают светлые лица дорогих учителей, блестящих клиницистов члена-корреспондента АМН СССР В.А. Белоусова, И.Ф. Кононенко, Н.Е. Браунштейна, И.Р. Брауде, А.З. Цейтлина, С.Я. Штейнберга, В.Ф. Матвеевой и других. Все они уже давно ушли в мир иной, но живы в моем сердце. Вечный покой вам и царство небесное, мои дорогие учителя.

Хочу пояснить, почему при первой встрече предложение директора института И.Ф. Кононенко написать заявление на педиатрический факультет оказалось очень важным для меня. В 1952 г. при Харьковском медицинском институте был организован военно-медицинский факультет, куда переводили студентов, окончивших 4-й курс лечебного и санитарно-гигиенического факультетов, у которых подошли сроки призыва в армию. Им присваивалось звание лейтенанта, они были на полном государственном обеспечении, получали стипендию в размере 1300–1500 рублей. Я же, отличник учебы, получал повышенную стипендию в размере 300 рублей, т. е. в 4–5 раз меньше. А что значит для молодого человека в возрасте 23 лет офицерская форма? Это шик, блеск и красота. Мне, естественно, захотелось пофорсить, я набрался смелости и пошел к директору с просьбой в виде исключения перевести меня на военный факультет. Илларион Филиппович уже знал меня как студента педиатрического факультета (он заведовал кафедрой детской неврологии). Никогда не забуду эту встречу. Я поведал директору о своем желании. Выслушав меня, он сказал: «Молодой человек, не всегда деньги делают человека счастливым. Я бы Вам посоветовал не подвергаться их влиянию. У Вас отличные перспективы закончить институт с красным дипломом и дальше продолжить учебу в аспирантуре. Мы будем Вас рекомендовать, а Вы хорошенько об этом подумайте». Конечно, после этих слов заявление о переводе я забрал.

Глубокоуважаемый, дорогой Илларион Филиппович, память о Вас и о том отеческом, мудром разговоре будет всегда жить в моем сердце. Вы преподнесли мне замечательный урок.

Теперь все мои усилия были направлены на успешное окончание 4-го курса. В это время мы работали субординаторами только на клинических базах — госпитальной педиатрии, детских инфекций и других. Вместо зимней экзаменационной сессии сдавали только зачеты. В апреле 1956 г. состоялось распределение выпускников всех факультетов на работу. Я подписал назначение в аспирантуру Харьковского медицинского института в надежде продолжить учебу на одной из клинических кафедр. В мае вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, согласно которому выпускников, рекомендованных на научную работу, можно было направлять только на теоретические кафедры — патанатомии, гигиены, анатомии, микробиологии и другие, а на клинические кафедры зачислять при наличии трехлетнего врачебного стажа. Я снова пошел за советом к своему мудрому учителю Иллариону Филипповичу. Он сказал: «Выбирай любую теоретическую кафедру». И я выбрал фармакологию. Успешно сдав экзамен по фармакологии профессору Н.С. Харченко, я уехал к родителям. Спустя две–три недели получил от Коли Коренева телеграмму: «Приезжай институт, зачислен аспирантуру». Я предполагал, что зачислен на кафедру фармакологии, собрал всю необходимую литературу и конспекты и приехал в институт. И был очень огорчен, когда мне в отделе аспирантуры сообщили, что я зачислен аспирантом на кафедру рентгенологии и радиологии. Выйдя из отдела аспирантуры, я встретил профессора Владимира Александровича Белоусова. Он поинтересовался, чем я расстроен. Я объяснил ему, и он мне сказал: «Я советую Вам идти учиться на кафедру рентгенологии и радиологии. Поступить в аспирантуру не всегда можно. А не понравится кафедра — всегда сможете забрать документы и уехать. Учитесь, желаю Вам успеха!». Я прислушался к разумному совету Владимира Александровича и никогда об этом не пожалел.

В аспирантуру на кафедре рентгенологии и радиологии были зачислены выпускник лечебного факультета Алексей Иванович Крадинов, ныне профессор, доктор медицинских наук, заведующий кафедрой радиологии Симферопольского медицинского университета, и врач практического здравоохранения Иван Иванович Кулик. Это был первый послевоенный набор в аспирантуру на кафедру, которую возглавлял в то время фронтовик, доктор медицинских наук, профессор Георгий Андреевич Бурлаченко, талантливый врач, ученый и педагог, один из основоположников харьковской рентгенологической школы, человек большой души и высоких моральных качеств. Свято храню память об этом удивительном человеке, о его супруге, Татьяне Аполлоновне Цветаевой, и их дочери Оксане — ныне докторе филологических наук, профессоре, проживающей в Москве. В штате кафедры работали в то время бывшие фронтовики Игорь Федорович Бодня, Петр Анатольевич Милонов, Иван Тимофеевич

Цилюрик, Вера Васильевна Цветкова. К аспирантам, весь коллектив относился по-дружески и с большой заботой.

В ноябре 1956 г. меня избрали секретарем комсомольской организации аспирантов и клинординаторов института. Вскоре нам были даны темы диссертационных работ. Тема моей кандидатской работы: «Диагностика туберкулеза почек в клиничко-рентгенологическом освещении. Наблюдения по теме я проводил на базе урологического отделения Харьковской областной больницы, которым в то время заведовал ассистент кафедры факультетской хирургии Владимир Иванович Шаповал — талантливый врач-уролог, хирург, добрейшей души человек, ставший крупным ученым и внесший большой вклад в повышение качества урологической помощи населению Харькова и области. Именно по его инициативе в городе была построена областная урологическая больница, которая ныне носит его имя. Всегда буду благодарен Владимиру Ивановичу за помощь при написании кандидатской диссертации...

После окончания аспирантуры в 1959 г. меня направили на работу в Харьковский НИИ гигиены труда и профзаболеваний.

АВТОРСЬКИЙ ПОКАЖЧИК

1. Алмазов І. Підготовка до 125-річчя ХМІ // За радянського лікаря. — 1935. — №41–42.
2. Алмазов І. Рентгено-експериментальна лабораторія при інституті // За радянського лікаря. — 1935. — №41–42.
3. Алексеєнко Алла Петрівна (нар. 1946 р.) — доктор філософських наук, професор, зав. кафедри філософії ХНМУ (від 1993 р.).
4. Альперн Данило Овсійович (1891–1968) — доктор медичних наук, член-кореспондент АН УРСР (1939), заслужений діяч науки УРСР (1947).
5. Аляві Аніс Лютфуллаєвич — лікар-терапевт. Доктор медичних наук, професор, директор Республіканського спеціального науково-практичного медичного центру терапії і медичної реабілітації республіки Узбекистан (з 2009 р.).
6. Аніна З. Через десять років // Соціалістична Харківщина. — 07.06.1961.
7. Аптекман Йосип Васильович (1849–1926) — революційний діяч, студент Харківського університету у 1869–1871 рр.
8. Артеменко Олександр Іванович (нар. 1935 р.) — заслужений хімік РФ. Член-кореспондент Російської академії природничих наук, кандидат хімічних наук, професор.
9. Бабак Олег Якович (нар. 1952 р.) — терапевт. Заслужений діяч науки і техніки України (2001), доктор медичних наук, професор.
10. Бабич Й. Интернатура? Да! // Медицинская газета. — 21.05.1968.
11. Бакшинська Регіна Юхимівна (нар. 1922) — судовий медик. Кандидат медичних наук, доцент кафедри судової медицини та медичного законодавства Донецького медичного інституту (1951–1983).
12. Баранник Петро Іванович (1895–1988) — відомий учений-гігієніст, заслужений діяч науки УРСР (1965), директор 1-го Київського медичного інституту (1937–1941).
13. Басенко К. Доктор медицины // Рабочая газета. — 09.09.1965.
14. Белєвцова Яна Сергіївна (нар. 1979 р.) — інженер. Кандидат наук з державного управління, помічник ректора ХНМУ.
15. Белоусов Олексій Костянтинівич (1848–1907) — анатом, вихованець і професор Харківського університету.
16. Бердичевський Григорій Абрамович (1873 -?) — заслужений лікар України, випускник медичного факультету Харківського університету 1890-х років, Запоріжжя.
17. Белей О. Їх зброя — скальпель // Вечірній Харків. — 25.12.1972.
18. Бірюкова Маргарита Сергіївна — кандидат медичних наук, заслужений лікар України.
19. Бітчук Наталя Леонідівна (нар. 1941 р.) — терапевт. Кандидат медичних наук, провідний науковий співробітник ДУ «Інститут загальної і невідкладної хірургії НАМН України».
20. Бобін Віктор Володимирович (1890–1973) — анатом, доктор медичних наук, зав. кафедрою анатомії Кримського медичного інституту (1931–1971).
21. Богдашкін Микола Григорович (1932–2003) — акушер-гінеколог. Доктор медичних наук, заслужений діяч науки і техніки України (1993), зав. кафедри акушерства і гінекології №2 ХДМУ (1972–1999).
22. Бойко В.В. (нар. 1962 р.) — хірург-клініцист. Лауреат Державної премії України в галузі науки і техніки (2005), заслужений працівник охорони здоров'я

- України (2005), заслужений діяч науки і техніки України (2008), директор Інституту загальної та невідкладної хірургії НАМН України (від 1999 р.).
23. Бойко М., робітфаківець ХМІ (1923–1926).
 24. Бокаріус Леонід Віталійович (нар. 1944 р.) — лікар. Кандидат медичних наук, живе й працює в США.
 25. Бузескул Владислав Петрович (1858–1931) — історик, член-кореспондент Петербурзької АН (1910), академік АН СРСР (1922) та УРСР (1925), професор Харківського університету.
 26. Вельвовський Ілля Захарович (1898–1982) — лікар-психотерапевт. Доктор медичних наук, професор, засновник і завідувач першої в світі кафедри психотерапії в Українському інституті удосконалення лікарів (нині Харківська медична академія післядипломної освіти) (1962–1971).
 27. Виділена невідома речовина з крові // Соціалістична Харківщина. — 01.02.1961.
 28. Витяг з журналу засідання Медичного факультету Імператорського Харківського університету від 28 жовтня 1913 р., ст. 5.
 29. Витяги з наказів по Харківському медичному інституту.
 30. Власенко Павло Веніамінович (1899 – ?) — біолог. Кандидат медичних наук, доцент, директор Харківського стоматологічного інституту (1944–1953).
 31. Волошин Петро Власович (нар. 1928) — лікар-невролог. Доктор медичних наук, професор, заслужений діяч науки України (1986), лауреат Державної премії України в галузі науки і техніки (1993), директор ДУ «Інститут неврології, психіатрії та наркології НАМН України (від 1977 р.)».
 32. Воробйов Володимир Петрович (1876–1937) — анатом. Доктор медицини, академік АН УРСР (1934), єдиний заслужений професор СРСР (1924).
 33. Гейманович Олександр Йосипович (1882–1958) — невролог. Доктор медицини, заслужений професор УРСР (1927), засновник і директор Українського психоневрологічного інституту (1920–1932), віце-президент Української психоневрологічної академії (1932–1937).
 34. Генес Семен Григорович (1898–1992) — патофізіолог. Доктор медичних наук, професор, заслужений діяч науки УРСР (1946), декан робітфаку ХМІ (1922–1925), проректор з навчальної роботи ХМІ (1923–1926), зав. відділу патофізіології Українського інституту ендокринології та хімії гормонів (1932–1978, нині ДУ «Інститут проблем ендокринної патології ім. В.Я. Данилевського НАМН України»).
 35. Гільман Л. — педіатр, кандидат медичних наук, асистент кафедри педіатрії 1-го ХМІ у 1935 р.
 36. Глазов А. Ньютоны с нашего курса // Комсомольская правда. — 16.12.1964.
 37. Гольцев Анатолій Миколайович (нар. 1943 р.) — лікар, вчений в галузі кріобіології та кріомедицини. Доктор медичних наук, професор, академік Національної АН України (2009), лауреат Державної премії України в галузі науки і техніки (1992).
 38. Горохова Валентина Миколаївна — лікар-хірург. Начальник хірургічного відділення евакошпиталю у блокадному Ленінграді (1941–1945), хірург дитячої лікарні у м. Ленінград (1946–1962).
 39. Гречанін Борис Євгенович (1930–2011) — акушер-гінеколог. Проректор з навчальної роботи з іноземними студентами ХМІ (1978–1981), проректор з міжнародних зв'язків ХМІ (1981–1995).

40. Гречаніна Олена Яківна (нар. 1935 р.) — лікар-генетик, доктор медичних наук, професор, член-кореспондент НАМН України (2005), заслужений діяч науки і техніки України (2006), лауреат Державної премії України в галузі науки і техніки (1997), Почесний громадянин м. Харкова (2007), директор Українського інституту клінічної генетики ХНМУ (від 2005).
41. Грищенко Валентин Іванович (1928–2011) — акушер-гінеколог, дійсний член Національної АН України (1983), заслужений діяч науки і техніки України (1992), лауреат Державних премій УРСР (1983), СРСР (1986) та України (2002), директор Інституту проблем кріобіології та кріомедицини НАН України (1983–2011).
42. Данилевський Василь Якович (1852–1939) — фізіолог, громадський діяч. Доктор медицини, професор, академік АН УРСР (1926), заслужений професор УРСР (1925), зав. кафедри фізіології Харківських університету та медичного інституту (1883–1909; 1917–1921). Директор Жіночого медичного інституту Харківського медичного товариства (1910–1912) та Органотерапевтичного інституту (нині ДУ «Інститут проблем ендокринної патології імені В.Я. Данилевського НАМН України») (1919–1927).
43. Декрет Ради народних комісарів України
44. Дело огромной важности // Правда. — 21.01.1960. — №21
45. Долгін Петро Ілліч — головний лікар Харківської студентської лікарні імені П.І. Шатілова (1924–1934).
46. Долин А.К. — співробітник робітфаку ХМІ (1923–1926).
47. Дубенко Євген Григорович (нар. 1929 р.) — лікар-невропатолог, доктор медичних наук, професор, заслужений діяч науки УРСР (1985), лауреат Державної премії України в галузі науки і техніки (1993), зав. кафедрою нервових хвороб ХДМУ (1971–2002).
48. Екелова-Багалій Євгенія Марківна (1915–2011) — лікар-психіатр, кандидат медичних наук, старший науковий співробітник відділення дитячої психіатрії Українського психоневрологічного інституту (1949–1977, нині ДУ «Інститут неврології, психіатрії та наркології НАМН України»).
49. Жук А. Мез немає // Лікарська зміна. — 30.01.1966.
50. Журнальні публікації.
51. З листування медичного факультету з Радою Імператорського Харківського університету.
52. Задорожний Борис Якимович (1923–1993) — дерматовенеролог, доктор медичних наук, професор, почесний доктор Познанської медичної академії (Польща, 1969), ректор Харківського державного медичного інституту (1959–1975).
53. Зайцев Володимир Терентійович (1930–1999) — хірург-клініцист, доктор медичних наук, професор, заслужений діяч науки УРСР (1983), лауреат Державної премії України в галузі науки і техніки (1990), директор Харківського НДІ загальної і невідкладної хірургії (1974–1999).
54. Зайцева Д., робітфаківка ХМІ (1923–1926).
55. Залевський Григорій Наумович (нар. 1933 р.) — санітарний лікар, громадський діяч (США).
56. Зандер Карл. Узи інтернаціональної дружби // Вечірній Харків. — 05.03.1972.
57. Изучение микроэлементов // Красное знамя. — 06.07.1961.
58. Істомін Г. — лікар-хірург. Студент ХМІ у 1917–1922 рр.
59. Кальф-Каліф Мойсей Якутелевич (1889–1959) — терапевт, кандидат

- медичних наук, доцент, зав. кафедри факультетської та госпітальної терапії педіатричного факультету ХМІ (1953–1955).
60. Кецман Руслан (нар. 1987 р.) — магістр хірургії. Лікар-інтерн Харківського обласного клінічного онкологічного центру.
 61. Киричок Людмила Трохимівна (нар. 1932 р.) — фармаколог. Доктор медичних наук, зав. кафедри фармакології ХДМУ (1985–2002).
 62. Киричок Ірина Василівна (нар. 1966 р.) — директор наукової бібліотеки ХНМУ (від 2011 р.), бібліотекар-бібліограф.
 63. Кіношенко Юліан Тодосович (нар. 1929 р.) — лікар-рентгенолог, доктор медичних наук, професор, директор Харківського інституту медичної радіології (1981–1986).
 64. Ковальова Ольга Миколаївна (нар. 1942 р.) — терапевт, доктор медичних наук, професор, заслужений діяч науки і техніки України (2007), нагороджена медаллю ім. Стражеска АМН України «За заслуги в охороні здоров'я» (2001), зав. кафедри пропедевтики внутрішньої медицини №1, основ біоетики і біобезпеки (від 1991 р.).
 65. Коган Ісай Соломонович (1889 –?) — хірург, доктор медичних наук, професор, зав. кафедри хірургії 2-го ХМІ (1935–1941), зав. кафедри шпитальної хірургії ХМІ (1944–1952).
 66. Кожин Михайло Іванович (нар. 1945 р.) — терапевт. Кандидат медичних наук, доцент кафедри кафедри внутрішньої медицини №2 і клінічної імунології і алергології.
 67. Кольнер Рахиль Юліївна (1902–1996) — доктор медичних наук, перший декан факультету охорони материнства й дитинства ХМІ (1930–1934).
 68. Коні Анатолій Федорович (1844–1927) — юрист і громадський діяч, літератор, доктор юридичних наук, професор, почесний академік Петербурзької АН (1900).
 69. Корж Олексій Олександрович (1924–2010) — ортопед-травматолог, дійсний член Російської АМН (1988), НАН (1992) та НАМН (1993) України, заслужений діяч науки УРСР (1982), лауреат Державної премії СРСР (1977), директор Харківського НДІ протезування, ортопедії й травматології ім. проф. М.І. Ситенка (1965–1996).
 70. Корін Марк Михайлович (нар. 1930 р.) — доктор медичних наук, зав. кафедри нервових хвороб та нейрохірургії Семипалатинського медичного інституту (1980–1992). Живе й працює в США.
 71. Корхов Іван Петрович (1888–1948) — доктор медицини, зав. кафедри шпитальної хірургії Київського медичного інституту (1930–1941).
 72. Кудінцев Іван Васильович (1867–1955) — хірург, доктор медицини, професор, зав. кафедрою шпитальної хірургії ХМІ (від 1920 р.).
 73. Курсанти милиции. Люди дела // Бюллетень производственной практики курсантов ЦВШ ГУРКМ «На практике», 1931 г.
 74. Кутько Ігор Іванович (нар. 1937 р.) — лікар-психіатр. Доктор медичних наук, професор, заслужений діяч науки і техніки України (1997), академік АН Вищої освіти України (2007), зональний представник країн Східної Європи Всесвітньої психіатричної асоціації (1997–2001), керівник відділу психіатрії ДУ Інституту неврології, психіатрії та наркології НАМН України (від 1965).
 75. Летік Іван Васильович (нар. 1949 р.) — терапевт. Кандидат медичних наук, заслужений лікар України (2009), професор кафедри внутрішньої медицини №3.

76. Кравченко Валерій Іванович (нар. 1942 р.) — економіст, кандидат економічних наук, доцент кафедри суспільних наук ХНМУ.
77. Ліпшиць Реля Ушерівна (1920–2010) — патофізіолог. Доктор медичних наук, професор, зав. кафедри патологічної фізіології ХМІ (1968–1987).
78. Ловля Дмитро Сергійович (1895–1955) — організатор охорони здоров'я, кандидат медичних наук, директор Харківського медичного інституту (1929–1937) і Чернівецького медичного інституту (1945–1950).
79. Лунін Д. Випадок у поїзді // Ленінська зміна. — 04.11.1962.
80. Мадієвська Нінель Миколаївна (1924–2014) — доктор медичних наук, професор, зав. кафедрою біохімії Національного фармацевтичного університету (1977–1987).
81. Майстрах Ксенія Василівна (1900 – ?) — відомий соціал-гігієніст, організатор охорони здоров'я, історик медицини, доктор медичних наук.
82. Мала Любов Трохимівна (1919–2003) — лікар-кардіолог, Герой Соціалістичної Праці (1979), Герой України (1999), дійсний член АМН СРСР (1974), Російської АМН (1991), Національної АН (1992) та НАМН (1993) України, заслужений діяч науки УРСР (1968), лауреат Державної премії СРСР (1980), Державної премії України в галузі науки і техніки (2003). Почесний громадянин м. Харкова (1999), директор НДІ терапії (1986–2003).
83. Макогонов А. П'ятдесят років молодості // Соціалістичний Харків. — 09.06.1972.
84. Март'янов Олександр Андрійович (1871–1919) — лікар, студент Харківського університету (1890–1895).
85. Масловський Сергій Юрійович (нар. 1940 р.) — гістолог, доктор медичних наук, професор, зав. кафедри гістології, цитології та ембріології ХНМУ (від 1996 р.), дійсний член Міжнародної академії інтегративної антропології (1995).
86. Мельников-Разведенков Микола Федотович (1866–1937) — патологоанатом, доктор медицини, професор, дійсний член АН УРСР (1927), директор Українського патологоанатомічного інституту (1925–1930), редактор журналу «Український медичний архів» (від 1927 р.).
87. Мінухін Валерій Володимирович (нар. 1956 р.) — лікар-бактеріолог, доктор медичних наук, професор, зав. кафедри мікробіології, вірусології та імунології (від 2012 р.).
88. Мирошниченко Михайло Сергійович (нар. 1984 р.) — лікар-патологоанатом, кандидат медичних наук, асистент кафедри патологічної анатомії ХНМУ.
89. Михайлов Г. Коли не залишалося надії // Вечірній Харків. — 03.02.1973.
90. Мішина Марина Митрофанівна (нар. 1969 р.) — мікробіолог, доктор медичних наук, професор кафедри мікробіології, вірусології та імунології.
91. Награда Університету здоров'я // Красное знамя. — 26.03.1966.
92. Назаренко О. Радять медики // Вечірній Харків. — 12.04.1974.
93. Наказ по Харківському медичному інституту №83 від 8 травня 1930 р.
94. Наказ по ХМІ від 01.01.1932 р.
95. Налбат Олександра Савеліївна (1907–1979) — патологоанатом, доктор медичних наук, професор, декан педіатричного факультету ХМІ.
96. Наместнікова Лідія Миколаївна (1920–2011) — судовий медик, кандидат медичних наук, доцент кафедри судової медицини ХМІ (1948–1990).
97. Натансон Давид Маркович (1877–1962) — офтальмолог. Доктор медичних наук, професор, завідувач очного відділення та сектора профпатологій в Інституті патології та гігієни праці (від 1923 р.).

98. Ніколаєв Лев Петрович (1898–1954) — антрополог і анатом, доктор медичних наук, професор, зав. кафедри анатомії Харківського університету (1924–1936), зав. відділу біомеханіки Українського НДІ ортопедії і травматології в Харкові (1929–1954).
99. Новые правила для студентов.
100. Новый лечебный препарат // Советская Киргизия. — 27.06.1943.
101. Нюренберг Арон Давидович (1877–1917) — доктор медицини, практикуючий лікар у Санкт-Петербурзі.
102. Обращение к выпускникам.
103. Овчиннікова Олександра Сергіївна (нар. 1946 р.) — філолог, викладач кафедри мовної підготовки для іноземних громадян ХНМУ.
104. Ольховський Василь Олексійович (нар. 1955 р.) — судовий медик, доктор медичних наук, професор, член-кореспондент Міжнародної академії інтегративної антропології (2000), завідувач кафедри судової медицини, судового провадження ХНМУ.
105. Острополец Савелій Савелійович (1931–2013) — педіатр, доктор медичних наук, професор, зав. кафедри педіатрії Учбово-наукового інституту післядипломної освіти Донецького національного медичного університету ім. М. Горького (1972–2002).
106. Официальное сообщение 12 ноября 1914 г.
107. Палац медінституту.
108. Паулі Є.Є. — зав. біологічної лабораторії робітфака ХМІ.
109. Перцева Жаннета Миколаївна (нар. 1937) — філолог, заслужений працівник ХНМУ, директор народного музею історії ХНМУ.
110. Петрова Зоя Петрівна (нар. 1938 р.) — філолог, історик медицини, кандидат біологічних наук, доцент кафедри соціальної медицини, економіки та охорони здоров'я (1961–2011).
111. Пилипенко Микола Іванович (нар. 1937 р.) — лікар-рентгенолог, доктор медичних наук, професор, член-кореспондент НАМН України (2007), заслужений діяч науки і техніки України (2007), директор ДУ «Інститут медичної радіології ім. С.П. Григор'єва НАМН України (1987–2014).
112. Пітецька Наталія Іванівна — (нар. 1960) — терапевт, доктор медичних наук, професор кафедри внутрішньої медицини №2, клінічної імунології та алергології.
113. Потьомкіна З. Від мрії до диплома // Ленінська зміна. — 17.10.1978.
114. Похвалій Олександр Нилівич (нар. 1957) — лікар-травматолог. Директор клініки «Інститут здоров'я».
115. Почепцов Валентин Георгійович (1919–1994) — терапевт, доктор медичних наук, професор, зав. кафедри факультетської терапії ХМІ (1965–1982).
116. Премии лучшим научным работникам // Красное знамя. — 22.11.1962.
117. Прилад записує біоструми ока // Радянська Україна. — 04.04.1962.
118. Про зустріч випускників першого радянського випуску.
119. Про нараду ректорів всіх вишів у 1930 р.
120. Радяться педіатри // Соціалістична Харківщина. — 30.11.1962.
121. Резолюція факультетської сходки студентів медиків 29/IV — 1920 г.
122. Репрев Олександр Васильович (1853–1930) — патофізіолог, доктор медицини, професор, зав. кафедри патофізіології медичного факультету Харківського університету та ХМІ (1895–1918).

123. Рогожин Борис Анатолійович (нар. 1957 р.) — лікар. Кандидат медичних наук, доцент кафедри соціальної медицини, управління та бізнесу в охороні здоров'я Харківської медичної академії післядипломної освіти.
124. Ронін Віталій Самуїлович (нар. 1929) — кандидат медичних наук, доцент кафедри клінічної лабораторної діагностики Харківського інституту удосконалення лікарів (1963–1993). Живе й працює в США.
125. Рудицький М. — професор, студент ХМІ 1917–1922 рр.
126. Самі Юсиф Махір. Декілька тисяч кілометрів тому...// Ленінська зміна. — 12.04.1967.
127. Санько М. Почта професора // Красное знамя. — 09.04.1967.
128. Сафронов В. Високе мистецтво // Вечірній Харків. — 15.04.1972.
129. Сміян Іван Семенович (нар. 1929 р.) — педіатр, доктор медичних наук, професор, член-кореспондент НАМН України (1994), заслужений працівник вищої школи УРСР (1986), ректор Тернопільського державного медичного університету ім. І.Я. Горбачевського (1981–1999).
130. Смолкина Броніслава Марківна (нар. 1919 р.) — анатом. Кандидат медичних наук, доцент кафедри нормальної анатомії ХМІ (1968–1973).
131. Сокол Г. — студент ХМІ.
132. Сохраніч В. Удосконалювати процес навчання // Ленінська зміна. — 15.11.1964.
133. Степанюк Тетяна Іванівна (нар. 1923 р.) — мікробіолог, кандидат медичних наук, доцент кафедри мікробіології ХМІ (1965–1980).
134. Струков Анатолій Іванович (1901–1988) — патологоанатом, доктор медичних наук, професор, Герой Соціалістичної Праці (1971), лауреат Ленінської премії (1974), зав. кафедри патологічної анатомії ХМІ (1938–1944).
135. Сумцов Микола Федорович (1854–1922) — український фольклорист, етнограф, літературознавець, громадський діяч. Академік ВУАН (1919). Викладач історико-філологічного факультету Харківського університету.
136. Творческая конференция научных работников Киргизии // Советская Киргизия. — 09.05.1942.
137. Техника. Электрореография // Красное знамя. — 15.08.1961.
138. Тищенко Марія Панасівна (1904–?) — патологоанатом, доктор медичних наук, професор, зав. кафедри патологічної анатомії Українського інституту удосконалення лікарів.
139. Ткаченко Вікторія Леонідівна (нар. 1967 р.) — мікробіолог, кандидат медичних наук, доцент кафедри мікробіології, вірусології та імунології ХНМУ.
140. Тойне Фолькер. Без п'яти держекзаменів лікарі // Ленінська зміна 12.04.1967
141. Торжественное обещание
142. Трубнікова Майя Сергіївна (нар. 1927 р.) — лікар, судмедексперт Харківського обласного бюро судово-медичної експертизи.
143. Трутень Нестор Іванович (1903–1980) — хірург, кандидат медичних наук, доцент кафедри факультетської хірургії (1941–1971), виконуючий обов'язки директора ХМІ (1944–1945).
144. Уміков Нерсес Захарійович (1865–1956) — доктор медицини, заслужений діяч науки Грузинської РСР, випускник Харківського університету 1891 року.
145. Утевський Арон Михайлович (1904–1988) — біохімік, доктор біологічних наук, професор, член-кореспондент АН УРСР (1939), лауреат премії АН УРСР ім. О.В.Палладіна (1977), зав. кафедри біохімії ХМІ (1938–1975).

146. Фабрикант Мойсей Борисович (1865–1955) — хірург, доктор медицини, заслужений діяч науки Киргизької РСР (1943), зав. кафедри хірургічної стоматології Харківського стоматологічного інституту (1921–1955).
147. Факультетское обещание.
148. Федоров Георгій Григорович (1897–?) — хірург, асистент кафедри хірургії Українського інституту удосконалення лікарів (від 1946 р.).
149. Фуголь Ольга Максимівна (1908–?) — фізіолог, доктор медичних наук, професор, зав. кафедри нормальної фізіології Харківського стоматологічного інституту (1954–1972, нині Українська медична стоматологічна академія).
150. Хомич Ю. Субординатура // Медицинская газета. — 16.02.1972.
151. Цетнаровский Л. Резерв науки // Медицинская газета. — 10.09.1965.
152. Цікаво й повчально...
153. Циганенко Анатолій Якович (1929–2012) — мікробіолог, доктор медичних наук, професор, дійсний член АН вищої школи України (1995), заслужений працівник вищої школи УРСР (1979), ректор Харківського державного медичного університету (1986–2005) та почесний ректор ХДМУ-ХНМУ від 2005 р.
154. Чепурна Тетяна Денисівна (нар. 1920 р.) — лікар, бібліотекар-бібліограф, лікар-онколог 26-го медичного об'єднання Дзержинського району м. Харкова (1954–1971)
155. Черкасова Р. Студенческая передвижная
156. Чернай Е. В мире науки // Красное знамя. — 01.05.1960.
157. Чернай Е.В. Скромно и тихо // Красное знамя. — 01.05.1960.
158. Шабельский О. Рядки документів // Ленінська зміна. — 07.11.1969.
159. Шаповал М. Наш друг — лікар // Червоний прапор. — 28.11.1964
160. Шатілов Петро Іванович (1869–1921) — доктор медицини, професор, зав. кафедри факультетської терапії ХМІ (1918–1921), перший редактор журналу «Врачебное дело».
161. Шевченко Станіслав Іванович (нар. 1937 р.) — хірург, доктор медичних наук, професор, зав. кафедри факультетської хірургії ХДМУ-ХНМУ (1991–2004).
162. Шульга Ю.Д. (1920–2002) — терапевт, доктор медичних наук, професор, зав. кафедри пропедевтики внутрішніх хвороб №2 ХМІ (1960–1980).
163. Юмашев А. К стопятидесятилетию ХМІ
164. Юрченко А. Людина, що повертає сонце // Ленінська зміна. — 12.02.1965.
165. Яковцова Антоніна Федорівна (нар. 1933 р.) — патологоанатом, доктор медичних наук, професор, заслужений діяч науки і техніки України (1996), лауреат премії АМН СРСР імені В.Ф. Снегірьова (1981). Зав. кафедри патологічної анатомії ХМІ-ХДМУ (1971–2009).
166. Ямпольская В.Д. А.Е. Рабухин: Очерк жизни и деятельности. — М.: Моск. рабочий, 1990.

ІМЕННИЙ ПОКАЖЧИК

A-Z

Bergmann 55, 145
 Billroth 55
 Charcot 55
 Hunter John 56
 Israel 145
 Körte 145
 Lister 55
 Sonnenburg 145
 Virchow 145
 Volkman 55
 Weichselbaum 145

А

Абальмаз И.Е. 443
 Абер Владимир Яковлевич 317
 Абрамов И. 357
 Абрикосов А. И. 171
 Авдеев 231
 Агалецкая А.М. 308
 Аграновський Абрам 155
 Аграновський Анатолій 155
 Агрес 141
 Айзекс 329
 Акимов Виктор (см. Ванштейн Виктор)
 Аксинин Геннадий 403
 Алапин Генрих Яковлевич 455
 Александров Анатолий Петрович 446
 Алексеева Маруся 123
 Алексеенко Алла Петровна 261
 Алешин Борис Владимирович (див. та-
 кож Альошин Борис Володимирович)
 205, 222, 227, 246, 278, 281, 288, 308,
 391, 404, 439, 464, 489
 Алиева Фазу 430, 431
 Алмазов І. 177
 Альошин Борис Володимирович (див.
 також Алешин Борис Владимирович)
 164, 253, 265, 418
 Альперн Даниил Евсеевич (див. також
 Альперн Данило Овсійович) 112, 205,
 209, 222–224, 228, 241, 281, 288, 308,
 392, 400, 404, 489
 Альперн Данило Овсійович (див. також
 Альперн Даниил Евсеевич) 166, 258, 265
 Аляпи Анис Лутфуллаевич 436
 Андреасов Леон (Лев) Михайлович 352,
 397

Андрейченко Александра Гавриловна
 327
 Андрейченко В.П. 289
 Аніна З. 247
 Анреп Василий Константинович 19, 21
 Анфимов Яков Афанасьевич 89
 Апель Р. 306
 Аптекман О.В. 40
 Аркавин Яков Сергеевич 114
 Аркатов В.А. 455
 Арнольди И.А. 118, 135
 Арнольдї Е.К. 347
 Аронов Г.Ю. 107
 Артеменко А.И. 351
 Артюшкин Б. 287
 Архипенко В. 248
 Афанасьев Иван Егорович 310
 Афоненков 134
 Ашоф Л.А. 384

Б

Бабак Олег Яковлевич 432–434
 Бабенко 296
 Бабиц Ирина 333
 Багалеї Дмитрій Іванович (див. також
 Багалій Дмитро Іванович) 43
 Багалій Дмитро Іванович (див. також
 Багалеї Дмитрій Іванович) 160, 163
 Багалій Євгенія Марківна см. Екело-
 ва-Багалій Євгенія Марківна 160
 Багалій Юрій Володимирович 163
 Базаров Евгений Васильевич 41
 Байер Д.Н. 222
 Бакланов Олег 460
 Бакшеев Николай Сергеевич 296, 325
 Бакшинская Р.Е. 233
 Баласанян Ирина 403
 Балашов 31
 Балясный М.М. 230
 Баранник Петр Иванович 108
 Баранников Иван Адрианович 50
 Баранова Марта 332
 Басенко Константин 294
 Бах Алексей Николаевич 210
 Бахур Галей Іудович 184
 Баштан 141
 Беденко Н. 360
 Безчетвертнов М. 156

- Безыменский А. 180
Бекетов Николай Николаевич 17, 19, 21, 41, 42, 87
Бекоев Владимир Исламович 428
Белевцова Яна Сергеевна 454
Белинская Марина 416
Беллин Эмилий Федорович 37
Беловол Александр Николаевич 443
Белозеров Алик 284
Белоусов Алексей Константинович 13, 18, 69, 87, 96-98
Белоусов Владимир Александрович (див. також Белоусов Володимир Олександрович) 215, 218, 232, 241, 246, 247, 317, 318, 336-339, 400, 490, 491
Беляева Г.А. 304
Бергер Эммануил Наумович 222, 223, 229
Бергман Эрнст фон 54, 145
Берделе Д. 305
Бердичевский Г.А. 12
Бернштейн Александр Николаевич (Натанович) 89
Беседин Дмитрий Васильевич 178, 184
Беспорочная Надежда 198
Бехтерев Владимир Михайлович (див. також Бехтерев Володимир Михайлович) 182
Бехтерев Володимир Михайлович (див. також Бехтерев Владимир Михайлович) 258, 277
Беланова Т.К. 339
Белей О. 339
Белоусов Володимир Олександрович (див. також Белоусов Владимир Александрович) 258, 265, 268, 271-273, 285
Белоусов Юрій Володимирович 273
Бидлоо Николай 400
Били Годвин Мава 376
Биличенко Надежда 332
Бильрот Теодор 87, 94
Бирюков Василий Иванович (див. також Бірюков Василь Іванович) 228
Бирюкова М.С. 483
Битчук Наталья Леонидовна 213, 306
Біленька Н.А. 347
Білецька Н. А. 418
Бірюков Василь Іванович (див. також Бірюков Василий Иванович) 253
Бірюкович Петро 161
Бігчук Денис Дмитрович 407
Бобин Виктор Владимирович (див. також Бобін Віктор Володимирович) 90
Бобин Владимир Викторович (див. також Бобін Володимир Вікторович) 246, 288, 303, 308, 404
Бобін Віктор Володимирович (див. також Бобин Виктор Владимирович) 105-107
Бобін Володимир Павлович 106
Бобін Володимир Вікторович (див. також Бобин Владимир Викторович) 417
Бабрак Кармаль 427
Бобров Олег 245
Бобронникова Леся Романовна 443
Богатирьова Раїса Василівна 266
Богданов 130, 131
Богданов Александр Васильевич 33, 35, Богданчик Л. 223
Богдашкин Николай Григорьевич (див. також Богдашкін Микола Григорович) 344, 404
Богдашкін Микола Григорович (див. також Богдашкин Николай Григорьевич) 356
Богуславская Эсфирь Филипповна 183
Бодня Игорь Федорович (дивись також Бодня Ігор Федорович) 405, 442, 491
Бодня Ігор Федорович (дивись також Бодня Игорь Федорович) 258
Бойко Валерий Владимирович (Бойко Валерій Володимирович) 443, 451
Бойко Валерій Володимирович (див. також Бойко Валерий Владимирович) 419
Бойко М. 136
Бокариус Кира Николаевна 243
Бокариус Леонид Витальевич 403
Бокариус Николай Николаевич (див. також Бокаріус Микола Миколайович) 159, 190, 215, 218, 230-235, 283, 307, 319
Бокариус Николай Сергеевич 87, 181, 236
Бокаріус Микола Миколайович (див. також Бокариус Николай Николаевич) 236, 258, 265
Болховитин А.А. 443

- Бондаренко Н.М. 347
Борзова Е.Ю. 443
Бородин Александр Порфирьевич 23, 355
Боткин Сергей Петрович (див. також Боткін Сергій Петрович) 222
Боткін Сергій Петрович (див. також Боткин Сергей Петрович) 369
Бочоришвілі Вахтанг Гаврилович 248
Брайцев 193
Брандт 29
Брауде Илья Рафаилович 190, 192, 490
Браунштейн Александр Евсеевич 203
Браунштейн Микола Овсійович (див. також Браунштейн Николай Евсеевич) 258
Браунштейн Николай Евсеевич (див. також Браунштейн Микола Овсійович) 490
Брежнев Леонид Ильич 426
Брио Александр Спиридонович 12, 17
Бродский 317
Брук Б.М. 386
Брук Михаил Маркович 282
Бубличенко Лазарь Иванович 402
Буденный Семён Михайлович 110, 210
Бузескул Владислав Петрович 26, 43
Буланкин Иван Николаевич 202
Бурих Михайло (див. також Бурых Михаил) 320
Бурлаченко Георгий (Юрий) Андреевич (див. також Бурлаченко Юрій Андрійович) 309, 491
Бурлаченко Георгій (Юрій) Андрійович (див. також Бурлаченко Юрий Андреевич) 258, 259
Бурса 143
Бурых Михаил (див. також Бурих Михайло) 287
Бутковский Петр Александрович 94
Бутов Ю.Л. 386
Быстрицкий Макс Осипович 184
- В**
Вавілов Микола Іванович 348
Вагнер Иван Карлович 18, 26, 28, 85
Вайнштейн (Акимов) Виктор 187
Валяшко Георгий Авксентьевич 81
Вандык Василий 405
Ванемега Джозеф 379
Ванцетти Тит Лаврентьевич 23-24, 51, 94
Ваньои́ке Нганга 377–379
Варапаева 134
Васильева Н.В. 327
Васильченко Валерий Николаевич 414, 473
Васильченко И.В. 367
Васюта В.С. 289
Вахова Галина 403
Ващук Н.А. 367
Вельвовский Илья Захарович (див. також Вельвовський Ілля Захарович) 128, 326
Вельвовський Ілля Захарович (див. також Вельвовский Илья Захарович) 156, 344
Вельтищев Ю. 338
Венедиктов Д. 342
Вересаев Викентий Викентьевич 249
Веретельников 143
Верисоцкий 218
Верютина 198
Вески Анне 430
Винничук С.М. 466
Вишняков 179
Віляєв 166
Вінокуров С. І. 166
Власенко В.Г. 443
Власенко Павел Вениаминович 197, 210
Вовченко Н. 360
Войтович Прасковья Акимовна 283
Волинський Федір Андрійович (див. також Волинский Федор Андреевич) 143
Волошин Б.М. 106
Волошин Петр Власович 218, 284, 448
Волошина Наталья Петровна 443
Волчанецкая Г.И. 330
Волинский Федор Андреевич (див. також Волинський Федір Андрійович) 170
Вольфовский В.Д. 304
Ворман Х. 305
Воробйов 217
Воробйов Володимир Петрович (див. також Воробьев Владимир Петрович) 142, 143, 156-158, 174, 195, 267, 320, 321
Воробьев Владимир Петрович (див. та-

- кож Воробйов Володимир Петрович 96, 97, 106, 112, 113, 122, 128, 170, 180, 181, 188, 215, 227, 352
Вороний Юрій Юрійович 164
Воронова І.Я. 220
Воронцов Михайл Петрович (див. також Воронцов Михайло Петрович) 289, 469
Воронцов Михайло Петрович (див. також Воронцов Михайл Петрович) 368, 369
Ворошилов Климент Ефремович (див. також Ворошилов Клімент Ефремович) 110
Ворошилов Клімент Ефремович (див. також Ворошилов Климент Ефремович) 142
Воскресенский Василий Федорович 94
Высокович Владимир Константинович 21, 67
Высоцкая Р.З. 304
Выходцев 211
Вьюн Валерий Васильевич 477
- Г**
Габель Юрий Орестович 222, 223
Габышева Людмила Степановна 331
Гавенко Владимир Леонидович 359
Гаврилко 16
Гагарин Юрий Алексеевич 315, 411
Гаевский Л.А. 219, 221
Гайдамака Михайл Григорьевич 183, 186, 187
Гайдар Николай 245
Гайдученко Нина Павловна 480
Гайсинская М.Ю. (див. також Гайсинська М.Ю.) 246
Гайсинська М.Ю. (див. також Гайсинская М.Ю.) 166
Гаккебуш В.М. 89
Гальперин 29
Ган Александр Кондратьевич 17
Ганджук Иван 404
Ганди Индира 365
Ганулич Татьяна Васильевна 477
Гаргин Виталий Витальевич 477
Гарнье 16
Гаспарян Ашот Михайлович 171, 192, 207, 231
Гейер Т.А. 89
Гейко Дмитрий Ефремович 386
Гейманн Р. 355
Гейманович Александр Иосифович 88
Генес Семен Григорьевич 113, 117, 141, 317, 318
Генес Владимир Семенович 279
Гень Светлана Александровна 476
Герман 314
Герман Ф. 92
Гешвантнер Р.А. 280
Гиртль 60
Гиришман Леонард Леопольдович 15-17, 19, 21, 22, 39, 44, 73-75, 85, 88
Гильман Л. А. 176
Гиммельфарб Я.М. 106
Гладких Валентина Дмитриевна (див. Зинченко (Гладких) Валентина Дмитриевна) 308
Гладков Федор Васильевич 180
Гладун Н. 357
Глазов А. 287
Гнатюк Александр Иванович 247
Гогарт Уильям 60
Головин Николай 279
Головина Н.Ф. 327
Головки З. 334
Головчанская О.В. 220
Гольдблит 166
Гольцев Анатолий Николаевич 444
Гониев 17, 20
Гончаров Александр Иванович 238, 329-331
Гончарова Лариса Сергеевна 308, 386
Горбачев Михайл Сергеевич 326
Горголь Наталья Ивановна 477
Гордый Н. 360
Горкин Зиновий Давидович 397
Горкін Зіновій Давидович 158
Горовець 160
Горохова Валентина Николаевна 119
Горький Максим (Алексей Максимович) 349
Горюнова А.А. 280
Граненко (Старченко) Любовь Дмитриевна 455
Гранников 138
Грановская Софья Ефимовна 310-311
Гредескул Н.А. 92

- Грейденберг Б.С. 89
Гречанин Борис Евгеньевич (див. також Гречанин Борис Євгенович) 370
Гречанин Борис Євгенович (див. також Гречанин Борис Евгеньевич) 347
Гречанина Елена Яковлевна 217
Григорьева 197
Гриненко Петр 279
Гринченко С.В. 443
Гринштейн Александр Михайлович 181, 182, 229
Грищенко Олег Иванович 484
Грищенко Валентин Иванович (див. також Грищенко Валентин Иванович) 248
Грищенко Валентин Иванович (див. також Грищенко Валентин Иванович) 344, 395, 404, 444–453, 476
Грищенко Иван Иванович (див. також Грищенко Иван Иванович) 215, 218–220, 222, 232, 241, 246, 282, 283, 296, 307, 309, 322–326, 344–346, 350, 359, 401–404, 416, 444, 448
Грищенко Иван Иванович (див. також Грищенко Иван Иванович) 127, 128, 164, 258, 265, 285, 343, 344
Гросс Ю. 305–306
Грубе Вильгельм Федорович 15–16, 19, 37–39, 51, 52–56, 68, 69, 81, 85–87, 94, 144, 145, 148, 309
Губский Леонид 403
Гуревич Зиновий Анатольевич 305, 396–401
Гуревич Ирина 404
Гуревич Моисей Григорьевич 91
Гусак Марія Степанівна 263
Гусаков Григорий Васильевич 116, 118, 131, 141, 142
Гусаров 178
Гусов Анатолий 317
- Д**
Давиденко 178
Давиденков Сергей Николаевич 89, 220
Давиденкова Евгения Федоровна 220
Даль 173
Данилевский Александр Яковлевич 14, 19–23, 87, 88, 180
Данилевский Василий Яковлевич (див. також Данилевський Василь Якович) 14, 19–21, 30–32, 36, 71, 72, 87, 91, 156, 180, 308
Данилевський Василь Якович (див. також Данилевский Василий Яковлевич) 174, 348
Данте Алигьери 60
Делароз 87
Делицын Сергей Николаевич 94
Делянов Иван Давидович 86
Дементєєнко Леонід Іванович 263
Демина 284
Денисенко М.М. 93
Денисов Г. 190
Денисова Маргарита 415, 416
Деркач Василий Степанович (див. також Деркач Василь Степанович) 239, 240, 246, 308, 327, 329, 331, 332, 414, 489
Деркач Василь Степанович (див. також Деркач Василий Степанович) 265, 285
Дерман Григорий Львович (див. також Дерман Григорій Львович) 173, 215, 222, 281, 288, 308, 384–386, 489
Дерман Григорій Львович (див. також Дерман Григорий Львович) 258
Дерман Роза Ильинична 386
Дефренг А. 305
Джозеф Ванемег 379, 380
Дикий Игорь Леопольдович 317, 405
Димитров 210
Диннерштейн З.М. 113, 122, 317
Диннерштейн З.М. 141
Дитль 94
Дитятин 37
Дмитренко Н. 322
Добрін Ю.Г. 158
Доброгаева Анна Федоровна (див. також Доброгаєва Ганна Федорівна) 114, 247
Доброгаєва Ганна Федорівна (див. також Доброгаева Анна Федоровна) 265, 274
Добродецькая Л.А. 220
Добролюбов Николай Александрович 41
Добронравов А. 443
Добротворский Василий Иванович 27
Долгін Петро Ілліч 141
Долгодворова Светлана 316–317
Долин А. 129

- Долинский В.И. 223
Долинська Олександра 343
Доронина 335
Дрижова Л.П. 282
Дробашевская Ляя Михайловна 183
Дробовский 133
Дубенко Евгений Григорьевич 282, 309, 405, 464
Дубинский Арон Абрамович (див. також Дубинський Арон Абрамович, Дубінський Арон Абрамович) 222, 225, 309, 312, 412
Дубинський Арон Абрамович (див. також Дубинский Арон Абрамович, Дубінський Арон Абрамович) 258
Дубінський Арон Абрамович (див. також Дубинский Арон Абрамович, Дубінський Арон Абрамович) 166, 248
Дударевич Ольга 416
Дуденко Григорій Іванович 339
Дудукалов Алексей Іванович 14–15, 38
Дундук П.Г. 347
Духин Л.Х. 113
Дяченко І.А. 369
- Е**
Еванс Джонс Аппія 320
Евдокимов Петр Александрович (див. також Євдокимов Петро Олександрович) 181, 214
Едель Ю. 248
Ейнгорн А.Л. 106
Ейнгорн Г.Л. 106
Екелова-Багалій Євгенія Марківна 160
Ендер С. 141
Ермольева З.В. 329
Ершов Н.А. 89
Ефимова Надежда Николаевна 416
- Є**
Євдокимов Петро Александрович (див. також Евдокимов Петр Александрович) 143, 164
- Ж**
Жаботинский Василий Михайлович (див. також Жаботинський Василь Михайлович) 246, 397, 400, 401
Жаботинський Василь Михайлович (див. також Жаботинский Василий Михайлович) 258
Жаров А. 180
Жданов Віктор Михайлович 166
Жерновая Яна 416
Житенева Нила Григорьевна 398
Житная Вера Ивановна 247
Жук Александр Петрович 113
Жук Антон 319, 357, 403
Жуков Виктор Иванович 367
Жукова Юдифь Яковлевна 185
Жуковский Василий Андреевич 44
Журавлев Александр Николаевич 170
Журавлев И.Н. 93
Журавлева Людмила 317
Журавльов 143
- З**
Завгородний Игорь Владимирович 476,
Заводовский 135
Загоруева Лора Леонидовна 284
Заднепровская Татьяна Ивановна (див. також Шепелева Татьяна Ивановна, Шепелева-Заднепровская Татьяна Ивановна) 182
Заднепровский Николай Архипович 185
Задорожний Борис Якимович (див. також Задорожний Борис Акимович) 248, 263, 268
Задорожний Борис Акимович (див. також Задорожний Борис Якимович) 283, 307, 309, 316, 333, 350, 395
Зайцев 190
Зайцев Владимир Терентьевич (див. також Зайцев Володимир Терентійович) 381, 452
Зайцев Володимир Терентійович (див. також Зайцев Владимир Терентьевич) 419–422
Зайцев Н.А. 219
Зайцева Д. 139
Залевский Григорий Наумович 275, 278
Залевський 141
Залесский Николай Лаврентьевич 21, 33–35
Зандер Карл 346
Зандер С.И. 89
Зандерлинг 250

Заргарьянц 17, 20
 Зарубин Иван Кондратьевич 16
 Затонский В.П. 110, 180
 Захарченко Н.Л. 397
 Захарченко Сергей 404
 Захарьев Николай Ильич 211
 Зборовський Микола 196
 Зеленогорский Ф.А. 43
 Зеленский В.В. 44
 Земан Евгений Георгиевич 171
 Зеркаль Анна 332
 Зибін В.М. 339
 Зикеева Нина Сергеевна 413
 Зильберг 110
 Зинченко (Гладких) Валентина Дмитриевна 308
 Зоммер А.Г. 97, 98
 Зорин Б.Н. 231, 235
 Зорохович Георгий Маркович 122
 Зотин Михаил Михайлович 172
 Зоценко Михаил Михайлович 110

И

Иваница Прасковья Ивановна 181, 182
 Иванова Елена 403
 Иванова Изабелла Шакировна 479–483
 Иванова О.К. 190, 193
 Иванюта Виктор Иванович 456
 Иващенко Мария Ивановна (див. також Иващенко Марія Іванівна) 399
 Игумнов Сергей Николаевич 280
 Иевенко Неонила Владимировна (див. Павленко (Иевенко) Неонила Владимировна) 331
 Илиади Ксения Александровна 186
 Иоффе З.Г. 327, 404
 Исаков Ю. 341
 Иссом Филипп 380
 Истомин Е.К. 81, 89

І

Іваненко Лариса 217
 Иванов Г. Ф. 143
 Иващенко Марія Іванівна (див. також Иващенко Мария Ивановна) 248
 Істомін Георгій Павлович 158, 343, 344, 407

Й

Йолкіна З.І. 274

К

Кавалеров Иван Миколайович 141, 142
 Калилу Уаттара 377
 Калиниченко Терентий Яковлевич 487
 Калмак Н. 287
 Калмыкова Анна Васильевна 327, 332
 Калугин 179
 Кальф-Калиф Моисей Якутелевич 99
 Калюжная Лидия Денисовна 327, 331
 Камилл Салем Аль-Мегди 371
 Каневский Г.Л. 192
 Канторович Соломон Ильич (див. також Канторович Соломон Ілліч) 115, 171
 Канторович Соломон Ілліч (див. також Канторович Соломон Ильич) 142, 143
 Капкова Зинаида Ивановна 247
 Кармаль Бабрак 427
 Кармацкий 242
 Карнеги Дейл 447
 Карпов Л. 248
 Картавин Василий Александрович 178, 184, 186–187
 Карташева Прасковья 39
 Кассо Лев Аристидович 321
 Касьян Андрей Иванович 484
 Касьян Николай Андреевич 483–486
 Катков 122
 Катондо Неем Мичес 372–374
 Катцев З.М. 190, 193
 Каченовский Д.И. 44
 Квириг Эммануил Ионович 110, 180
 Келдыш Всеволод Михайлович 210, 314
 Кецман Роман 474
 Кильчевский 208
 Киношенко Юлиан Тодосьевич 245, 486
 Киричек Людмила Трофимовна (див. також Киричек Людмила Трохимівна, Киричек Людмила Трофимовна) 244, 356, 392, 489
 Киричок Ирина Васильевна 479
 Киркиж Куприян Осипович 110, 180
 Кирсанов 41
 Кін 156
 Клейменов И. 287
 Клейнер А. 248
 Клемперер 38, 150

- Клепиков Ф.А. 455
Кобзон Иосиф Давидович 430, 431
Ковалева Ольга Николаевна 287
Ковалевский Максим 44
Ковалевский Павел Иванович 16, 21, 22, 37, 38, 88, 89
Коваль Николай Иванович 289
Ковалькова З.П. 280
Ковпак Сидор Артемьевич 462
Коган Исай Соломонович 149
Коган С.А. 222
Коган-Ясный Виктор Моисеевич 93, 106, 174, 222, 224, 225, 249, 250
Коган-Ясный Віктор Мойсейович 158
Кожемяка Анатолий Иванович 245
Кожин Михаил Иванович 434
Козачек 242
Козин Юрий Иванович 403
Колесников 138
Колесников М.В. 106
Коллонтай Александра Михайловна 185
Коломенский Всеволод Николаевич (див. також Коломенський Всеволод Миколайович) 245
Коломенський Всеволод Миколайович (див. також Коломенский Всеволод Николаевич) 274
Коломієць Петро 357
Кольнер Рахиль Юльевна 111
Компанеец Соломон Маркович 173
Кондратов М.Г. 231
Конева Галина 404
Кони Анатолий Федорович 57
Кононенко А.П. 327
Кононенко Владислав Илларионович 309
Кононенко Илларион Филиппович (див. також Кононенко Илларион Пилипович) 283, 488, 490
Кононенко Илларион Пилипович (див. також Кононенко Илларион Филиппович) 252, 265, 266, 268
Кононова К.М. 356
Контрольський П.А. 106
Корейко Н.В. 330
Коренев Николай Михайлович 245, 489, 491
Корецкая Наталья Викторовна 332
Корж Алексей Николаевич 246
Корж Олексій Олександрович 248, 406
Корин Марк Михайлович 226
Корниенко Людмила 404
Коробчанский Владимир Алексеевич 363, 367
Королева В.И. 353
Корсакова Надежда 298
Корхов Иван Петрович 144
Корчевська Л.В. 339, 340
Костенко М.Т. 82
Костомаров Н.И. 44
Костюрин Степан Дмитриевич 13, 14, 21, 37
Кочаровская 137
Кошкин Моисей Львович 397, 469
Кошова Галина 292
Коштоянц Х.С. 210
Кравченко 6
Кравченко В.И. 356
Крадинов Алексей 491
Крайнова Ольга 403
Крамов 250
Красников Виктор 292
Краснов 198
Кремянский Яков Семенович 88
Кривицкий Александр Андреевич 397
Кривоконь Иван 179
Кривоносов Владимир Станиславович 469
Кривоносов Михаил Владимирович 399, 412, 413, 468–472
Кривоносова Нина Михайловна 469
Кричевский 35
Кришталь Валентин Валентинович 289
Круглов 166
Крупская Надежда Константиновна 185
Крушельницкий 200, 250
Крылов Владимир Платонович 14, 19, 21, 33, 34, 35, 37, 40, 57, 63–69, 77, 85, 87, 144
Крылова Раиса Николаевна 183, 187
Крючков Владимир 460
Кудинцев Василий Иванович 181, 309, 313, 400
Кудинцев Иван Васильевич (див. також Кудінцев Іван Васильович) 93, 149
Кудінцев Іван Васильович (див. також Кудинцев Иван Васильевич) 258
Кузнецов Александр Харитонович 39

- Кузнецов Игорь Дмитриевич 309
Кулик Иван Иванович 491
Кулик Лидия Николаевна (див. також Кулик Лідія Миколаївна) 247, 336, 337
Кулик Лідія Миколаївна (див. також Кулик Лидия Николаевна) 265
Кулинский В. 228
Кульченко Микола 292
Кульчицкий Николай Константинович 13, 17, 20
Кутومانов П.Я. 106
Кутько Игорь Иванович 280, 284
Куфеджі Оре 320
Кухарчук 277
Кучеренко В.П. 443
Кучков А. 324
Кьолер Б. 305
- Л**
Лаврушин Владимир Федорович 354
Ладний Иван Данилович 266
Лазаревич Иван Павлович 85, 87, 219
Ландау Лев Давидович 31
Латогуз Иван Кондратьевич 357
Лашкевич Валериан Григорьевич 19, 85, 87, 144
Левин Марк Миронович (Меерович) 336
Левитин Ф.И. 128
Лейбфрейд Евгений Львович 183, 327
Ленин Владимир Ильич (див. також Ленін Володимир Ілліч) 106, 107, 112, 123, 126, 170, 172, 185, 187, 352
Ленін Володимир Ілліч (див. також Ленін Володимир Ильич) 107, 164, 175, 320, 321, 348
Леонтьев Валерий Яковлевич 431
Лермонтов Михаил Юрьевич 38
Лесовой Владимир Николаевич (див. також Лісовий Володимир Миколайович) 283, 457, 460
Летик Иван Васильевич 356, 367
Лешенко Георгий Данилович 212, 222, 225, 229, 230, 258, 282, 307, 309, 465, 467
Ли Н.В. 330
Линденман 329
Липшиц Реля Ушеровна 204, 205, 222–224, 229, 392, 424
- Лисогор О.П. 246
Лі-Ван-Ган 302
Лісовий Володимир Миколайович (див. також Лесовой Владимир Николаевич) 269
Лифшиц И.М. 278
Ловля Дмитрий Сергеевич (див. також Ловля Дмитро Сергійович) 172
Ловля Дмитро Сергійович (див. також Ловля Дмитрий Сергеевич) 154, 167
Логинов 433
Ломакин Петр Федорович (див. також Ломакін Петро Федорович) 127
Ломакін Петро Федорович (див. також Ломакин Петр Федорович) 158
Ломиковский Михаил Михайлович 21, 33
Ломоносов Михаил Васильевич 284, 355
Ломтатидзе А.С. 106, 107
Лонг-Єнг 301
Лопухов 41
Лукин 203
Лукьянченко 180
Лукьянченко Юрий 198
Луначарский Анатолий Васильевич 180
Лунін Д. 259
Лупальцов Владимир Иванович 367
Лупырь Виктор Михайлович 367
Лутай Владимир Степанович 276
Лысенко Анатолий Иванович 315
Лысковцев Михаил Михайлович 309
Любарш А. 384
Любимов Александр Михайлович 157, 180
Лямбль Душан Федорович 58–62
Ляндеутер 38
Лях Александр Васильевич 367
- М**
Маассарані Абдул 320
Мадиевская Нинель Николаевна 211
Мадуагув Чарльз 376, 377
Мазо 191
Майданник Віталій Григорович 271
Майстрах Ксения Васильевна 116
Макаренко В. 360
Макарченко А. 164
Маковецкая Зинаида Карповна 183
Макогонов А. 343

- Максимович Н.А. 114, 191, 193
Максимовский 44
Мала Любов Трохимівна (див. також Мала Любов Трофимовна, Мала Любов Трохимівна) 164
Малая Любов Трофимовна (див. також Мала Любов Трохимівна, Мала Любов Трофимовна) 419
Малая Любов Трофимовна (див. також Мала Любов Трохимівна, Мала Любов Трохимівна) 213, 215, 240, 241, 243, 246, 282, 289, 305, 309, 312, 316, 317, 329, 334, 395, 424, 432–439, 465
Малофеев І.Є. 339
Малыхин Иван Ильич 294
Малыхина Зинаида Ивановна 294
Малыхина Марфа Ефремовна 294
Малыхина Раиса Ивановна 218, 219, 294–297, 325
Манбург Е.М. 172
Мансур Керім 320
Мансуров Х.Х. 438
Марака Нідель 320
Маргулян Виктор Борисович 476
Марк Карл 123
Марзеев Александр Никитович 400, 401
Марковский Владимир Дмитриевич 477
Мартыненко А. 487
Мартынов Александр Васильевич 84, 94
Мартьянов Александр Андреевич 25, 32
Марченко Николай Петрович 231, 309
Маслик 166
Масловский Сергей Юрьевич 302
Масушко Екатерина Павловна 327
Матвеева Вера Федоровна (див. також Матвеева Віра Федорівна) 246, 325, 490
Матвеева Віра Федорівна (див. також Матвеева Вера Федоровна) 258
Махунгу Аннет 380
Мацова Раиса 111
Маяковский Владимир Владимирович 180
Меер В.Р. 171
Межлаук В.І. 106
Межлаук І.І. 106
Мелашенко П.І. 110
Мелешкова Ірина 347
Мельников Александр Васильевич 181
Мельников–Разведенков Николай Федотович 50, 76, 80, 89, 384
Мемлинг Ганс 61
Менделеев Дмитрий Иванович 21
Мендель Грегор 319, 275
Меркулова Людмила 367
Мерцалова Е. 339
Мечников Илья Ильич (див. також Мечников Ілля Ілліч) 44
Мечников Ілля Ілліч (див. також Мечников Илья Ильич) 174, 266
Мещанінов Олександр Іванович 157
Микитенко Иван Кондратьевич 180, 187
Микляев Юрий Иванович 386
Микулич 86
Милованова Татьяна Петровна 313
Милонов Петр Анатольевич 491
Минухин Валерий Владимирович 411
Мионов Сергей Гаврилович 191
Мионов С.Н. 205
Миронцова 308
Мирошниченко Анатолий 403
Мирошниченко Геннадий 244
Мирошниченко Михаил Сергеевич 475
Миррахимов М.М. 438
Митасов Иван Григорьевич 316
Михайленко Т. 229
Михайлов Г.М. 350
Михайлова Клавдия Владимировна 283
Михалин Михаил Алексеевич 476
Михеев В.В. (див. також Михеев В.В.) 361, 367
Михеев В.В. (див. також Михеев В.В.) 369
Михлин Григорий Михайлович 281
Мишина Марина Митрофановна 478
Мінкін Семен Леонтіївович 166
Мищура О.І. 369
Міщенко Іван Іванович 257
Модестов 208
Можина Людмила 332
Мойсеенко Петро Онисимович 141, 142
Мокроусов 112
Молодан Людмила Владимировна 442
Молодых Александр 347
Морган Томас 275
Мороз Анна 122
Мороз Антонина Федоровна 414, 415
Морозова Тамара Дмитрівна (див. також Морозова Тамара Дмитриевна) 248

Морозова Тамара Дмитриевна (див. також Морозова Тамара Дмитрівна) 303
Москаленко Віталій Федорович 266
Москін В. 248
Мтанго Заридаї Даниель 375
Мудров М.Я. 222
Мурашко Анри Гаврилович 481
Мустафа Хасан 320
Муха Нонна 404
Мысниченко Владислав 460
Мясников А.Л. 312

Н

Наджибулла 427
Назаренко Петр 357, 416
Налбат Александра Савельевна (див. також Налбат Олександра Савелівна) 164, 171, 172, 193, 233, 308, 386
Налбат Олександра Савелівна (див. також Налбат Александра Савельевна) 138, 258, 285, 321
Наместникова Лидия Николаевна 230
Наполеон 425
Наранович Петр Андреевич 94
Народом Кандун 301
Народом Сіанук 301
Натанзон Абрам Михайлович 173
Натансон Давид Маркович 73
Натиев Александр Николаевич 97
Наумова Валентина Васильевна 283
Небера Мария Герасимовна 183
Неговский В.А. 314
Негриу В.Л. 220
Недоступ Сергей (див. також Недоступ Сергій) 357, 405, 416
Недоступ Сергій (див. також Недоступ Сергей) 358
Недохлебов Володимир Петрович 162
Недригайло Лариса 489
Недригайлов Василий 122
Недригайлова Л.В. 274
Нестеренко Иван 243, 244
Нестеренко О.А. 347
Нефедова 209
Нечаев Н.В. 210
Никитин Анатолий 403
Никитин В.Н. (див. також Нікітін В.М.) 278
Николаева Ольга Викторовна 361

Никонова Тамара Васильевна 425, 426
Нікітін В.М. (див. також Никитин В.Н.) 348
Ніколаєв Лев Петрович 194
Новаченко Микола Петрович (див. також Новаченко Николай Петрович) 155, 406
Новаченко Николай Петрович (див. також Новаченко Микола Петрович) 127, 128, 241
Новиков И.Н. 289
Ножников 15
Нюренберг А.Д. 63

О

Обманкин В.А. 330, 331
Оболенский Иван Николаевич 15, 19, 38, 39
Оболенцев Николай Иванович 304
Овдiєнко Ніна Михайлівна 263
Овсиенко Иван Иванович 172
Овчинникова Александра Сергеевна 423
Оленич И. 357
Олійнык Б. 457
Олійник Г. 320
Ольховський Василь Олексійович 417
Омельченко Ольга Анатольевна 477
Опенховский Федор Мечиславович 15, 77, 95
Орленко Юрий Максимович 308
Орлов Леонид Владимирович 80-84, 94
Орлова А.Я. 326
Оршанский И.Г. 33, 36, 37, 89
Осетинський 178
Осипов Иван Павлович 12, 20, 69
Островерхов Георгий Ефимович 185, 186
Остроградский Михаил Васильевич 44
Острополец Савелий Савельевич 336, 339
Отелин Александр Анатольевич 172, 207

П

Павленко (Иевенко) Неонила Владимировна 328, 331
Павлов М.М. 112
Павлов Иван Петрович 182
Павлов П. 175

- Павловский 39
Пактовская Ольга 122
Палладин Александр Владимирович (див. також Палладин Олександр Володимирович) 112, 151–153, 180
Палладин Олександр Володимирович (див. також Палладин Александр Владимирович) 343, 348
Палфій М.Ю. 397
Пальчевский Евгений Игнатьевич 235
Панасенко Мария Дмитриевна 187
Панина В.Г. 327
Панус Елена 332
Панченко Н.И. 455
Папанин Иван Дмитриевич 112
Паперний 158
Папьянц К. 158
Парфило Викторья 332
Патон Борис Евгеньевич 446
Патратий Владимир Кузьмич 239, 331
Паули Евгения Евгеньевна 132
Пашутин Виктор Васильевич 13, 14, 23
Пейсахович Григорий Исаакович 246, 308
Пелешук А.П. 107
Пенский Юлиан Романович 94
Пеньков Михайло Олександрович 350, 351
Передерий А.Л. 220
Перепелкина Эмма 404
Периханянц Я.И. 93
Персианинов Л. 220
Перцева Жаннета Николаевна 283, 454
Пестова Е. 248
Петренко Тетяна 292
Петров Петр Тимофеевич 402
Петрова Зоя Петровна 396, 401
Петровский Григорий Иванович (див. також Петровський Григорій Іванович) 110
Петровський Григорій Іванович (див. також Петровский Григорий Иванович) 139, 141, 164
Петросян Н.Г. 231
Пилипенко Микола Іванович 251, 263
Пильчиков Николай Дмитриевич 12, 26
Пирогов Микола Іванович (див. також Пирогов Николай Иванович) 150, 369
Пирогов Николай Иванович (див. також Пирогов Микола Іванович) 87, 149, 173
Писаний О.Є. 339
Писарев Дмитрий Иванович 58
Питецкая Наталья Ивановна 442, 443
Питько Валерий Анатольевич 443
Платон С. 12
Платонов Константин Иванович (див. також Платонов Костянтин Іванович) 37, 128, 182
Платонов Костянтин Іванович (див. також Платонов Константин Иванович) 158, 162
Плотичер Анатолий Иосифович 284
Плужник М.Н. 289
Повелица Федор Дмитриевич 327
Подвысоцкий Владимир Валерьянович 14
Подрез Аполлинарий Григорьевич 15, 33–35, 57, 94, 95, 524
Покко 156
Поліщук Алім 357, 358
Поляков Петр Андреевич 50, 203
Помазан Тамара 317
Померанцев Юрий 317
Пономарев Михаил Диевич 21
Попандопуло Иван Васильевич 402
Попов А.О. 89
Попов Євген Олексійович 161, 162
Попов Иван Степанович 309
Попов Митрофан Алексеевич 13, 17, 18, 20, 21, 26, 32
Попова Маруся 163
Постоев Яков Яковлевич 112, 122, 125
Потапова Лилия Викторовна 443
Потебня А.А. 43, 44
Потемкин Петр 402
Потьомкіна З. 367
Похвалій Александр Нілович 438, 440
Почепцов Валентин Григорьевич (див. також Почепцов Валентин Григорович) 246
Почепцов Валентин Григорович (див. також Почепцов Валентин Григорьевич) 216, 356
Пржевальский Бронислав Григорьевич 55, 94, 149, 150
Прибильова Світлана Павлівна 248
Пригожина 191
Приходько Валентина Семеновна (див.

також Приходько Валентина Семенівна) 245

Приходько Валентина Семенівна (див. також Приходько Валентина Семеновна) 270, 271

Приходькова Елизавета Константиновна 93, 187, 241, 281, 308, 489

Прокопенко Александр 317

Прокопова Валентина Дмитрівна 260

Просоленко А.В. 369

Протопопов Виктор Павлович 182

Пугін С.В. 347

Пунг-Чів-Кек 302

Пучкова Майя 317

Пушкин Александр Сергеевич 16, 38, 413

Пьянов П. 360

Р

Рабинович М.И. 89

Рабухин Александр Ефимович (див. також Рабухін Олександр Юхимович) 125–128

Рабухін Олександр Юхимович (див. також Рабухин Александр Ефимович) 158

Райкин Аркадий Исаакович 250

Райский 231

Райхель Г. 305

Рарог Екатерина Федоровна 288

Рейнгард Людвиг Васильевич 12, 28

Рейнес Э.С. 224

Рейтер М.А. 192

Рейхель 195

Репрев Александр Васильевич (див. також Репрьов Олександр Васильович) 46, 50, 112, 122, 181

Репрьов Олександр Васильович (див. також Репрев Александр Васильевич) 158

Рисуев Иллиадор Васильевич 179, 184

Рогожин Борис Анатольевич 387

Рогозин Андрей 489

Розе Франс Юльевич 89

Розенбаум Александр 431, 441

Розенфельд Д.Е. 309

Розенштейн Полина Захаровна 183

Ромот Татьяна 332

Ронин Виталий Самойлович 221

Рот Владимир Карлович 89

Рохлин Л.Л. 113

Рубашкин Владимир Яковлевич (див. також Рубашкін Володимир Якович) 180, 181

Рубашкін Володимир Якович (див. також Рубашкин Владимир Яковлевич) 167–170

Рубен Манденг 380

Рубенс Питер Пауль 61

Рудицкий Моисей Григорьевич (див. також Рудицький Мусій Григорович) 326

Рудицький Мусій Григорович (див. також Рудицкий Моисей Григорьевич) 154

Руднева Е.П. 465

Руднев Микола Олександрович 142

Рудоменко Митрофан Степанович 170–172

Рудяк 179

Ружінський 143

Руссо Жан Жак 273

Рыбаков Н.Р. 330

Рябов 214

С

Савельева Алла Юрьевна 443

Санько М. 322

Сафронов В. 347

Сафронова Вера Ивановна 335

Сафронович Сима Абрамовна 385

Сахновський Я.Д. 343, 344

Светник Зинаида Юрьевна (див. також Светнік Зінаїда Юріївна) 229, 317

Светнік Зінаїда Юріївна (див. також Светник Зинаида Юрьевна) 141

Сейфуллина Лидия Николаевна 110

Семенко Володимир 351

Семенов Юлиан Семенович 430, 431

Сенаторова Анна Сергеевна 367

Сенников И.А. 443

Сенченко Борис Федорович 314

Сенченко Надежда 245

Сербин В.И. 395

Сербский Владимир Петрович 89

Сергиенко Николай Григорьевич 289

Серебряков 279

Серов В.В. 385

Сиворонов Владимир Александрович 246, 397

- Сидаш Н.И. 443
Сидоренко Е.В. 308
Сидоренко О. 253
Синельников Николай Николаевич (див. також Синельніков Микола Миколайович) 250
Синельников Рафаил Давыдович (див. також Синельніков Рафаїл Давидович) 164, 172, 173, 214, 215, 227, 246, 281, 302–304, 308, 352, 390, 404, 489
Синельников Сергей Николаевич (див. також Синельніков Сергій Миколайович) 281
Синельникова Роза Александровна 303
Синельніков Микола Миколайович (див. також Синельников Николай Николаевич) 255
Синельников Рафаїл Давидович (див. також Синельников Рафаил Давыдович) 143, 253, 265, 267, 417
Синельніков Сергій Миколайович (див. також Синельников Сергей Николаевич) 255
Сиренко Олег 245
Сирота 141
Скворцов Иринарх Полихрониевич 6, 21, 23, 38
Скерст К. 322
Скибина Л.Е. 230
Скрипник Николай Алексеевич 110, 180
Скундіна Марія 155
Слепченко 198
Слобідський Олександр Львович 420
Слободский Григорий 117, 118
Слуцкий 90
Смирнов Иван Ефимович 261, 262
Сміян Иван Семенович 264, 271
Смолкина Бронислава Марковна 172, 206, 371, 404
Смолянинова А.И. 412
Соболева Евгения Павловна 183
Сокол Г. 174
Сокол Константин Михайлович 367
Соколов 94, 95, 145
Соколов Б.И. 231
Соловійов Михайло Миколайович (див. також Соловьєв Михаил Николаевич) 382
Соловьєв В.Д. 329
Соловьєв Михаил Николаевич (див. також Соловійов Михайло Миколайович) 192, 205, 309
Соловьєв-Седой Василий Павлович 208
Солодовникова М.В. 327
Солон Варвара Алексеевна 185
Сондар Н. 360
Сорокина Ирина Викторовна 477, 478
Сосюра Володимир Миколайович 163
Сохранич В. 285
Спивак Ревекка Яковлевна (див. також Співак Ревекка Яківна) 181, 186, 187, 222, 224
Співак Ревекка Яківна (див. також Спивак Ревекка Яковлевна) 256
Співак Т.І. 344
Срезневский И.И. 44
Сталин Иосиф Виссарионович (див. також Сталін Йосип Віссаріонович) 209–211, 463, 490
Сталін Йосип Віссаріонович (див. також Сталин Иосиф Виссарионович) 175, 196
Станиславский Юрий 403
Старченко (Граненко) Любовь Дмитриевна 455
Стеклов В.А. 44, 92
Степаненко С.И. 331
Степанюк Татьяна Ивановна 326, 327
Стовба Александр 431
Столбун 179
Столярова 143
Стражников 133
Страшок И.Ф. 247
Стрелец Н.Н. 231
Струве Адольф Карлович 94
Струков Анатолий Иванович 171, 172, 188, 214, 233, 385
Струнников А.И. 80
Стукал Владимир 245
Ступина Александра Семеновна 308, 386
Субботин Максим Семенович 21
Суботіний 141
Сувид Ю.Г. 230
Судникова 133
Судовцов Виктор 416
Сукачева Елена 238
Сумцов Николай Федорович 71
Сурік О. 156

Суров Юрий Николаевич 353
Суховий Галина 245
Сухоносова Н.С. 327
Счастлива П. (див. також Счастлива П.И.)
235, 253, 265
Счастлива П.И. (див. також Счастлива П.)
307
Сычев Анатолий Андреевич 280, 397

Т

Таболін В. 338
Тантлевська 166
Тарасов Анатолий 244
Татаренко Ніна Павлівна (див. також
Татаренко Ніна Павлівна) 222, 229, 277,
282, 309
Татаренко Ніна Павлівна (див. також
Татаренко Ніна Павлівна) 258, 265
Татаркіна А.Н. 367
Теп-Тхан 301, 302
Терехова М. 253
Терешкін В. Віктор Олексійович 248
Тесленко Віталій Григорьевич 416
Тец Григорій Ізраїлевич (див. також
Тец Григорій Ізраїлевич) 255
Тимофеев Владимир Федорович 179
Тимошенко Семен Константинович 210
Тихонова Татьяна Ивановна 309
Тищенко Мария Афанасьевна 170, 191,
233, 386
Тімірязєв Клімент Аркадійович 348
Ткач Ф. 227
Ткаченко Вікторія Леонидовна 472
Ткачук Ф.С. 347
Токомбаєв Аалы 211
Толочінов Николай Филиппович 15,
16, 21, 38, 87
Толстой Д.А. 45
Томашевский Н.В. 90
Топчиев А.В. 319
Торбин Борис 403
Торский Г.Е. 397
Торубарова 253
Транквилитати Николай Николаевич
229
Трінклер Николай Петрович (див. та-
кож Трінклер Микола Петрович) 94, 122,
144–150, 280
Тричева Роза 298

Трінклер Микола Петрович (див. також
Трінклер Николай Петрович) 157, 174
Троицкий Иван Виссарионович 50
Трубачева Л.И. 331
Трубников Виктор Филиппович (див.
також Трубніков Віктор Пилипович)
309, 408–410
Трубникова Майя Сергеевна 408
Трубніков Віктор Пилипович (див. та-
кож Трубников Виктор Филиппович)
406–408
Трутень Нестор Иванович (див. також
Трутень Нестор Иванович) 172
Трутень Нестор Иванович (див. також
Трутень Нестор Иванович) 163
Тулубьева Елена Викторовна 183
Тур А. 338
Турина 32
Турова 190
Тэц Григорий Израилевич (див. також
Тец Григорій Ізраїлевич) 309
Тюрин Петр Федорович 183

У

Угрюмов 134
Ульянова Мария Ильинична 185
Уманский 203
Умидова З.И. 438
Умиков Нерсес Захарьевич 17, 18, 20
Усвятцев Аркадий Михайлович 184
Устинов 135
Утевский Арон Михайлович (див. також
Утевський Арон Михайлович, Утевсь-
кий Арон Михайлович) 151, 202–203,
211–212, 218, 222, 228, 246, 281, 288, 308,
391, 404, 489
Утевський Арон Михайлович (див.
також Утевський Арон Михайлович,
Утевський Арон Михайлович) 166, 285
Утевський Арон Михайлович (див. та-
кож Утевский Арон Михайлович, Утев-
ський Арон Михайлович) 164, 258, 265,
347–349, 418
Уткин Иосиф Павлович 180

Ф

Фабрикант Моисей Борисович 16, 51, 85
Файнвейц 134
Файншмидт Ольга Исаковна 152

- Федоров Г. 157
Федоров Станислав Петрович 84
Федоровський А.С. 106
Фердман Давид Лазаревич 151, 152, 166, 279
Филонова Клавдія С. 170, 173, 181, 227
Финкельштейн 15
Финкельштейн Евгений Александрович 222, 228, 317–319
Финкельштейн Лев Осипович 115
Філатов Віктор Хомич 270
Фолькер Тойне 305
Фомина Светлана Ефимовна 480
Фоміна Галина 347
Фридман Григорий Александрович 309
Фризман 179
Фрішман Микола Михайлович 166, 176
Фрунзе Михаил Васильевич 112
Фуголь Ольга Максимовна 178, 181, 186
- Х**
Хажинский Петр Харитонович 112
Хайкина Галина 306
Халина Наталья 403
Хангулян Ашхен Герасимовна 183
Ханкин Геннадий 415, 416
Хара Виктор 284
Харитоновна Вера Львовна 281
Харченко Микола Семенович (див. також Харченко Николай Семенович) 258
Харченко Николай Семенович (див. також Харченко Микола Семенович) 203, 212, 246, 247, 251, 282, 283, 307, 308, 316, 392, 491
Хворостов Евгений Дмитриевич (див. також Хворостов Євген Дмитрович) 284
Хворостов Євген Дмитрович (див. також Хворостов Евгений Дмитриевич) 339
Хименко Леонид Павлович 308
Хлебніков І.М. 343, 344
Ходин 38
Хомич Ю. 340
Хорош Л. 324
- Ц**
Цветаева Татьяна Аполлоновна 491
Цветкова Вера Васильевна 492
Цветова К.С. 331
Цейтлин Александр Захарович (див. та-
- кож Цейтлін Олександр Захарович) 172, 192, 215, 282, 304, 309, 313, 400, 490
Цейтлін Олександр Захарович (див. також Цейтлін Олександр Захарович) 166, 258, 285
Ценковский Лев Семенович 87, 88
Цеткин Клара 185
Цетнаровский Л. 304
Цехновицер Марк Моисеевич 173
Циганенко Анатолій Якович (див. також Цыганенко Анатолий Яковлевич) 217, 236, 269
Цилюрик Иван Тимофеевич 491–492
Цуцаева Алла Александровна 238
Цыганенко Анатолий Яковлевич (див. також Циганенко Анатолій Якович) 245, 283, 289, 328–329, 331, 334, 412–415, 443, 468, 473, 478, 479
- Ч**
Чазов Евгений Иванович 433
Чарний Моисей Маркович 161
Чарный И. 131–133
Чекалдина Лия 416
Чел Хе 424
Чепурна Татьяна Денисовна (див. також Чепурная Татьяна Денисовна) 274
Чепурная Татьяна Денисовна (див. також Чепурна Татьяна Денисовна) 214
Чередниченко Владимир Моисеевич (див. також Чередниченко Володимир Мусійович) 246, 259, 416
Чередниченко Володимир Мусійович (див. також Чередниченко Владимир Моисеевич) 274, 300–301, 309
Черкасов Игорь Александрович 416
Черкасова Р. 415
Черкашина Л.В. 443
Черкащенко Павло Зіновійович 358
Черкес Александр Ильич 214
Чернай Елена 238, 240, 243
Черная Тамара Трофимовна 395
Черненко Владимир Дмитриевич (див. також Черненко Володимир Дмитрович) 309
Черненко Володимир Дмитрович (див. також Черненко Владимир Дмитриевич) 268, 381–383
Черненко И. 357

Чернишов 166
 Черный Саша 402
 Чернышевский Николай Гаврилович 41
 Чернявская Л.Н. 327
 Чигиринець 166
 Чистович Ф.Я. 171
 Чубарь В.А. 110, 142
 Чугунова Т. 336, 337
 Чумаков М.П. 329
 Чумаченко Микола 260

Ш

Шабдаш Арнольд Леонович 170
 Шабельников 134
 Шабельський Олег 320
 Шагинян Мариетта 486
 Шаді Раді Кутум (див. також Шади Ради Кутум) 358
 Шалимов Александр Александрович (див. також Шалімов Олександр Олександрович) 278, 280, 308, 313–315
 Шалімов Олександр Олександрович (див. також Шалимов Александр Александрович) 256, 419, 420
 Шамов Володимир Миколайович (див. також Шамов Владимир Николаевич) 157, 256, 419
 Шамов Владимир Николаевич (див. також Шамов Володимир Миколайович) 112, 181, 310
 Шандор Сабо 266, 324
 Шапиро И. И. 287
 Шапиро Дмитрий Давыдович 185
 Шаповал Владимир Иванович (див. також Шаповал Володимир Іванович) 218, 246, 309, 310, 405, 454–463
 Шаповал Володимир Іванович (див. також Шаповал Владимир Иванович) 347
 Шаповал М. 290, 492
 Шапошников 208
 Шарвашидзе 22
 Шади Ради Кутум (див. також Шаді Раді Кутум) 358
 Шарлай Роман Іванович 175, 258
 Шатилов Петр Иванович (див. також Шатілов Петро Іванович) 16, 34, 36, 66, 76–80, 87, 158, 249, 280
 Шатілов Петро Іванович (див. також Шатилов Петр Иванович) 156, 343

Шахбазов В.Г. 278
 Швайченко Н.І. 339
 Шевандин Михаил Николаевич 81
 Шевченко Л. 248
 Шевченко Станислав Иванович 297–298
 Шевчук Павел 403
 Шепелева Татьяна Ивановна (див. також Заднепровская Татьяна Ивановна, Шепелева-Заднепровская Татьяна Ивановна) 180
 Шепелева-Заднепровская Татьяна Ивановна (див. також Заднепровская Татьяна Ивановна, Шепелева Татьяна Ивановна) 179
 Шершньов В. 248, 255
 Шершньов Микола 164
 Шестопалова Л.Ф. 339
 Шилейко Виктория Андреевна 219, 309, 325
 Шилтов Александр Минаевич 21
 Шиман Т. 248
 Шимановский Ю.К. 53
 Шишков 17, 18
 Шкиль Александр Михайлович (див. також Шкіль Олександр Михайлович) 395
 Шкіль Олександр Михайлович (див. також Шкиль Александр Михайлович) 290–294
 Шкіль Олена 293
 Шлюндин 190
 Шогам Абрам Несанельович 161
 Штейнберг Соломон Якович (див. також Штейнберг Соломон Яковлевич) 255
 Штейнберг Соломон Яковлевич (див. також Штейнберг Соломон Якович) 218, 222, 225, 246, 282, 309, 435, 465, 490
 Штельмах Николай Иванович 393
 Штер Ф. 97
 Штефан В. 305
 Шубин 130
 Шульга Юрий Дмитриевич (див. також Шульга Юрій Дмитрович) 222, 249
 Шульга Юрій Дмитрович (див. також Шульга Юрий Дмитриевич) 224, 258, 356
 Шумлянський Павел Михайлович 94
 Шупик Платон Луквич 164, 212,

Щ

Щелков Иван Петрович 42, 144
Щербаков Валерий Иванович 362
Щербань Николай Гаврилович 360
Щербина Ольга 245
Щипачов Анатолій 358

Э

Эбич Эсфирь Моисеевна 182, 229, 465
Эйдумова Валентина 403
Эксаванг Вонгвичит 424
Эльберт Борис Яковлевич 211
Эпштейн Софья 152
Эренбург Илья 180
Эрлих Пауль 77
Эрлих Семен Леонтьевич 384
Эру Полина Ибрагимовна 183

Ю

Юдин Тихон Иванович (див. також
Юдін Тихон Іванович) 89
Юдін Тихон Іванович (див. також Юдин
Тихон Іванович) 163
Юдіна С.С. 155
Юй Дунь Сі 253

Юлдашев К.Ю. 438
Юмашев А. 237
Юнг Карл 258
Юрашкевич 193
Юринский 38
Юрченко А. 300
Юсиф Махір Самі 333

Я

Яворский В.С. 402
Якір Йона Еммануїлович 156
Яковцов Иван Захарович 283, 304, 316
Яковцова Антонина Федоровна 384, 386,
392, 477
Якушевич Сергей Гаврилович (див. та-
кож Якушевич Сергій Гаврилович) 181
Якушевич Сергій Гаврилович (див. та-
кож Якушевич Сергей Гаврилович) 154
Яловой 15
Ямпольская В.Д. 125
Янушкевич С. 287
Ярославский 110
Ястребов 16

ЗМІСТ

До читача	5
Від укладачів	6
Список скорочень	7
Бердичевский Г. А. Фрагменты из прошлого Харьковской медицинской школы.	12
Умиков Н. З. Моя студенческая жизнь и врачебная деятельность в Харькове в период 1886 – 1893 гг.	17
Из переписки медицинского факультета с Советом Императорского Харьковского университета (1851 г.).	23
Мартьянов А. А. Фрагменты из дневника студента медицинского факультета Харьковского Императорского университета (1890 – 1895 гг.)	25
Аптекман О. В. Записки семидесятника. Студенческие годы.	40
Бузескул В. П. Из истории Харьковского университета второй половины 70-х гг. прошлого века.	43
Новые правила для студентов.	45
Репрев А. В. Отрывок из дневника университетского врача.	46
Выписка из журнала заседания медицинского факультета Императорского Харьковского университета от 28 октября 1913 г., ст. 5.	50
Фабрикант М.Б. Вильгельм Федорович Грубе (1827–1897)	51
Интересно и поучительно.....	56
Кони А. Ф. Из харьковских воспоминаний	57
Факультетское обещание	63
Нюренберг А.Д. К воспоминаниям о «дедушке Крылове» (начало 1900-х годов).	63
Шатилов П. И. Отрывки из воспоминаний о В. П. Крылове (середина 1890-х годов)	66
Белоусов А. К. Письменное выступление в пользу высшего образования женщин	69
Официальное сообщение 12 ноября 1914 г.	70
Сумцов Н. Ф. К 25-летнему юбилею профессора В. Я. Данилевского. ...	71
Натансон Д. М. Л. Л. Гиршман (из личных воспоминаний)	73
Мельников-Разведенков Н. Ф. Шатилов Петр Иванович (1869–1921)...	76
Мельников-Разведенков Н. Ф. Как жил, учил и умирал Л. В. Орлов ...	80
Фабрикант М. Б. Из прошлого Харьковского медицинского института.	85
Гейманович А. И. Мои воспоминания	88
Данилевский В. Я. Праздник нашей страны.	91
Кудинцев И. В. Тогда и теперь	93
Воробьев В. П. Кафедра нормальной анатомии ХМИ.	96
Кальф-Калиф М.Я. О постановке медицинского образования в терапевтической клинике Харьковского университета и о научном уровне внутренней медицины 40-50-х гг. XIX столетия	99

Бобін В.В. За мандатом часу	105
З декрету Ради народних комісарів України (02.03.1919 р.)	107
Резолюція факультетської сходки студентів медиків 29/IV – 1920 г.	107
Баранник П. И. Воспоминания	108
Кольнер Р. Ю. Первый декан педиатрического факультета.	111
Майстрах К. В. Первый курс в Харьковской медицинской академии	116
Горохова В. Н. Жизнь студентки. 1919 год, весна	119
Ямпольская В.Д. Рабухин А. Е. В начале пути.	125
Долин А. К истории создания рабочего факультета Харьковского медицинского института.	129
Генес С.Г. Первые этапы рабфака	131
Паули Е.Е. Организация и работа биологической лаборатории.	132
Бойко М. На уроках	136
Налбат О. С. Будні робітфаківців (зі спогадів комсомолки 20-30-х років)	138
Зайцева Д. Мы и они	139
Про нараду ректорів всіх ВИШ'ів у 1930 р.	140
Долгін П.І. Перші керівники ХМІ	141
Воробйов В. П. Музей становлення людини	142
Наказ по ХМІ від 01.01.1932 р.	143
Корхов И. П. Памяти профессора Николая Петровича Тринклера	144
Коган И. С. Памяти Н. П. Тринклера	149
Утевский А. М. Обретение учителя. А.В. Палладин и биохимический институт	151
Наказ по Харківському медичному інституту №83 від 8 травня 1930 р.	154
Рудицький М. Звітуємо про звершення	154
Вельвовський І. Ми прийшли з революцією (спогади старости)	156
Федоров Г. За покликанням	157
Про зустріч випускників першого радянського випуску	158
Істомін Г. Дні минулі, незабутні...	158
Курсанты милиции. Люди дела.	159
Екелова-Багалій Є. М. Нива життя	160
Трутенъ Н. І. Естафета	163
Витяги з наказів по Харківському медичному інституту (1930- 1931 рр.)	165
Альперн Д. О. Штурмуємо фортеці науки	166
Ловля Д. С. Володимир Якович Рубашкін, як учений, педагог і громадський діяч.	167
Тищенко М. А. Кафедра патологической анатомии 1-го ХМИ	170
Журнальні публікації	173
Сокол Г. Наукове товариство студентів	174
Гільман Л. До питання оцінки знань студентів	176
Алмазов І. Підготовка до 125-річчя ХМІ	177
Алмазов І. Рентгено-експериментальна лабораторія при інституті	177

Фуголь О. М. К 50-летию окончания Харьковского медицинского института	178
Палац медінституту	188
Струков А. И. Воспоминания о работе в г. Оренбурге в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1944 гг.)	188
Ніколаєв Л. З недавнього минулого	194
Власенко П. В. Письма родным после возвращения из г. Фрунзе, где находился в эвакуации	197
Утевский А. М. Письмо профессору И. Н. Буланкину	202
Новый лечебный препарат	203
Липшиц Р. У. Торжествующая сила музыки	204
Смолкина Б. М. Все для фронта, все для жизни	206
Творческая конференция научных работников Киргизии	209
Мадиевская Н. Н. 2-й ХМИ в Киргизии	211
Битчук Н. Л. Рассказ академика Л. Т. Малой о Великой Отечественной войне	213
Чепурная Т. Д. Учеба, прерванная войной	214
Почепцов В. Бійці санітарного фронту	216
Гречанина Е.Я. Студенческие годы	217
Ронин В.С. Воспоминания о годах учебы в Харьковском медицинском институте (1947-1953 гг.)	221
Корин М. Годы учебы в Харьковском медицинском институте (1947-1953 гг.)	226
Наместникова Л.Н. Светлой памяти учителя	230
Бакшинская Р.Е. О дорогом учителе	233
Циганенко А. Я. Учень та вчитель. Світлій пам'яті професора Миколи Миколайовича Бокаріуса	236
Юмашев А. К стопятидесятилетию ХМИ.	237
Чернай Е. В мире науки	238
Чернай Е. Дело огромной важности.	240
Народный университет здоровья.	241
Малая Л. Т. На службе здоровья	241
Награда Университету здоровья.	243
Чернай Е. Скромно и тихо	243
Киричек Л.Т. Так это было	244
Аніна З. Через десять років	247
Виділена невідома речовина з крові	248
Шульга Ю.Д. О жизни и творчестве В.М.Когана-Ясного.	249
Изучение микроэлементов	250
Пилипенко М. І. Спогади про студентські роки в Alma mater	251
Техника электроретинографии.	259
Лунін Д. Випадок у поїзді.	259
Алексеенко А. П. Воспоминания об И. Е. Смирнове	261
Задорожний Б. Я. Знову за книги	263
Сміян І.С. Молодість – чудова пора життя	264

Радяться педіатри	274
Прилад записує біоструми ока	274
Залевский Г. Парадоксы жизни. Воспоминания и размышления.	275
Премии лучшим научным работникам.	280
Кутько И.И. Слово о глубокоуважаемых дорогих учителях и любимых однокурсниках.	280
Сохранич В. Удосконалювати процес навчання	285
Глазов А. Ньютоны с нашего курса.	287
Ковалева О.Н. Светлые студенческие годы.	287
Шаповал М. Наш друг – лікар	290
Басенко К. Доктор медицины	294
Шевченко С.И. Целина	297
Юрченко А. Людина, що повертає сонце	300
Масловский С.Ю. Память об учителе. Рафаил Давидович Синельников.	302
Цетнаровский Л. Резерв науки	304
Фолькер Тойне. Без п'яти держакзаменив лікарі	305
Битчук Н.Л. Харьковский медицинский институт в моей жизни	306
Жук А. Меж немає	319
Шабельський О. Рядки документів.	320
Торжественное обещание врача.	321
Санько М. Почта профессора.	322
Степанюк Т.И. На кафедре микробиологии	326
Самі Юсиф Махір. Декілька тисяч кілометрів тому.	333
Бабич И. Интернатура? Да!	333
Острополец С.С. Воспоминания о профессоре Владимире Александровиче Белоусове	336
Белей О. Їх зброя - скальпель.	339
Хомич Ю. Субординатура.	340
Макогонова А. П'ятдесят років молодості	343
Богдашкин Н.Г., Грищенко В.И. Иван Иванович Грищенко	344
Зандер Карл. Узи інтернаціональної дружби	346
Сафронов В. Високе мистецтво.	347
Обращение к врачам-выпускникам ХМИ.	350
Михайлов Г. Коли не залишалося надії	350
Артеменко А.И. Хочу рассказать.	351
Назаренко О. Радять медики.	356
Летик И.В., Кравченко В.И. Это было, и мы этим гордимся	356
Потьомкіна З. Від мрії до диплома	367
Гречанин Б.Е. Комитет «Дружба» Харьковского медицинского	370
Малая Л. Т., Зайцев В. Т. Ректор.	381
Яковцова А.Ф. Воспоминание об учителе.	384
Рогожин Б.А. Харьковский медицинский институт глазами студента (семидесятые годы XX столетия).	387
Петрова З.П. Для меня все начиналось с Сумской, 1.	396

Бокариус Л.В. Прекрасные годы жизни	403
Корж А.А. Спомини про друга	406
Трубникова М.С. Виктор Филиппович Трубников	408
Минухин В.В. Рассказ о себе и не только	411
Черкасова Р. Студенческая передвижная	415
Ольховський В.О. Інститут – новий щабель пізнання	417
Бойко В.В. Пам'яті академіка Володимира Терентійовича Зайцева . . .	419
Овчинникова А.С. Иностранные студенты в истории нашего вуза . . .	423
Бабак О.Я. Традиции, заложенные академиком Л.Т.Малой, живы	432
Кожин М.И. Врач универсальной эрудиции	434
Аляви А.Л. Учителя продолжают в своих учениках	436
Похвальный А.Н. Студенческие бывальщины	438
Питецкая Н.И. Двадцать лет спустя	442
Гольцев А.Н. Памяти учителя, друга и соратника Валентина Ивановича Грищенко	444
Волошин П.В. Жизнь, отданная людям	448
Бойко В.В. Человек эпохи	451
Перцева Ж.Н., Белевцова Я.С. В память о Владимире Ивановиче Шаповале – Учителе, Наставнике, Друге	454
Жизненные уроки	460
Дубенко Е.Г. Воспитание будущего врача-клинициста в медицинском вузе (опыт вузовского педагога и врача-лечебника) . . .	464
Цыганенко А.Я. Дорога длиною в жизнь. Памяти академика М.В.Кривоносова	468
Ткаченко В.Л. Сила убеждения	472
Кецман Р. Мы будем творить добро	474
Мирошниченко М.С. Мои первые шаги в профессии	475
Мишина М. Мой учитель - всегда в моем сердце	478
Киричок И. В. Изабелла Шакировна Иванова - мудрый учитель и добрый друг	479
Бирюкова М. С. Незабываемые встречи. Памяти однокурсника	483
Киношенко Ю. Т. Дорогами моей жизни	486
Авторський показчик	493
Іменний показчик	501

Стверджувальна грамота на створення Імператорського Харківського університету (1804 р.)

Імператорський Харківський університет

Професор Л.В. Орлов (у центрі) в операційній (1915 р.)

Шпитальна хірургічна клініка. Біля хворого професор А.Г. Подрез (1890 р.)

Професор П.І. Шатілов
(у центрі) зі студентами
(1910 р.)

В університетській
лабораторії (1898 р.)

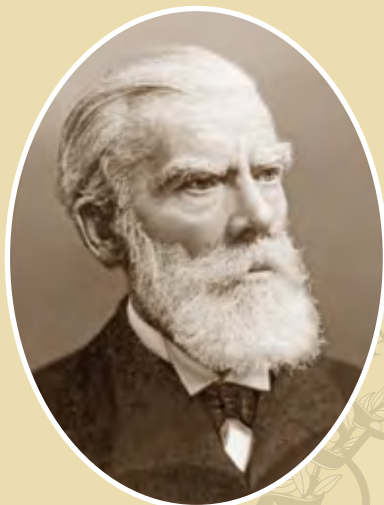
Шпитальна терапевтична
клініка. Біля хворого (ліворуч)
професор Ф.М. Опенховський
(1910 р.)

Університетські клініки (1896 р.)

**ПРОФЕСОРИ МЕДИЧНОГО ФАКУЛЬТЕТУ ХАРКІВСЬКОГО
УНІВЕРСИТЕТУ 1805–1917**

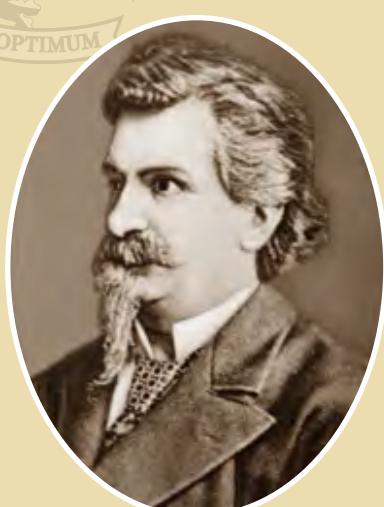
В.Ф. Грубе

І.К. Зарубін

І.П. Щелков

Д.Ф. Лямбль

В.Г. Лашкевич

І.П. Лазаревич

І.М. Оболенський

В.П. Крилов

Будинок, де з 1910 р.
розташовувався Жіночий
медичний інститут
(вул. Сумська, 1)

Аркуш з випускного альбому
медичного факультету
(1894 р.) Професори
О.Я. Данилевський (ліворуч),
В.Я. Данилевський (праворуч)

Професор В.П. Воробйов
(у центрі) в анатомічному
театрі Жіночого медичного
інституту (1912 р.)

Викладачі медичного
факультету — члени
Харківського медичного
товариства. Сидить
четвертий праворуч професор
О.Х. Кузнецов (1895 р.)

Урочисте відкриття очної лікарні Л.Л. Гіршмана. (сидить у центрі, ліворуч від нього — Ю.О. Гіршман, праворуч — Д.Д. Оболенська. 1908 р.)

Анатомічний корпус (1887 р.)

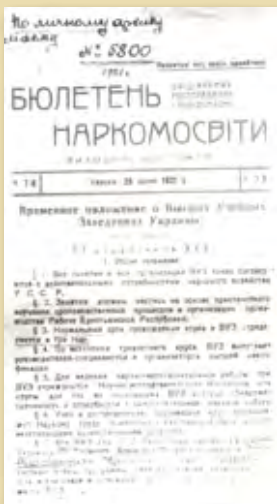

Будинок медичного факультету Харківського університету по вул. Сумській, 41. (1885 р. Зруйнований у 1943 р.)

Рада комісарів вищих навчальних закладів м. Харкова (1921 р.)

Тимчасове положення про вищі навчальні заклади України (1921 р.)

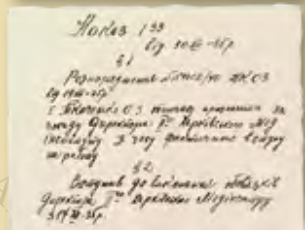
Директор 1-го ХМІ Д.С. Ловля

Одна з груп робітфаку з викладачами (1926 р.)

Професори 2-го ХМІ. Зліва направо, починаючи з другого — Г.І. Тец, Д.О. Альперн, П.В. Власенко, С.Я. Шаферштейн, Ю.М. Гофунг (1937 р.).

Накази про створення 2-го Харківського медичного інституту

Професор Д.П. Гриньов (стоїть ліворуч) зі студентами в лабораторії (1927 р.)

Перші курси підготовки санітарних лікарів в Україні Нижній ряд четвертий праворуч — В.М. Жаботинський, над ним — професор О.М. Марзєєв. (1923 р.)

Професор М.П. Трінклер
у хірургічній клініці (сидить
у центрі. 1922 р.)

С.З. Ткаченко — директор
2-го ХМІ (1936–1940 рр.)

П.Л. Шупик — директор
2-го ХМІ (від 1940 р.)

Кімната відпочинку
в студентському гуртожитку
по вул. Пушкінській, 106
(1939 р.)

Професор Д.О. Альперн
з гуртківцями СНТ (1929 р.)

Професор М.С. Бокариус
з делегатами 1-го
Всеукраїнського з'їзду судових
медиків (1925 р.)

Лекція професора
І.І. Файншмідта (1937 р.)

Святкування початку нового
навчального року у колективі
ХМІ. Другий ліворуч, перший
ряд — Д.С. Ловля (1935 р.)

Професор С.Г. Сурукчі

Кафедра фізичної хімії. Майбутні професори: А.М. Утевський (стоїть другий ліворуч), Д.Л. Фердман і С.І. Винокуров (сидять перші ліворуч і праворуч). (1926 р.)

Музей становлення людини на кафедрі анатомії (1931 р.)

2-й ХМІ. Редколегія газети «Студент психоневролог». Стоїть шоста ліворуч — Є.М. Екелова-Багалій (1937 р.)

Студентський науковий гурток з патологічної анатомії. Працює майбутній професор Ю.Д. Шульга (1939 р.)

Виробничий практикум у педіатричній клініці. Перший ряд п'ятий ліворуч — професор М.М. Фришман, сьома — Р.Ю. Кольнер (1939 р.)

Газета «Рефлекс» (№19 від 25.12.1931) про збір коштів на будівництво літака «Ударник ХМІ»

Адміністративна будівля 2-го Харківського медичного інституту (вул. Пушкінська, 53)

Професор В.М. Шамов

Професор О.В. Мельников

Хемічний корпус Харківського медичного інституту на пл. Дзержинського (нині Свободи, 1935 р. Зруйнований у 1943 р.)

Професор І.І. Грищенко
(сидить четвертий ліворуч)
з колективом евакошпиталю
(1942 р.)

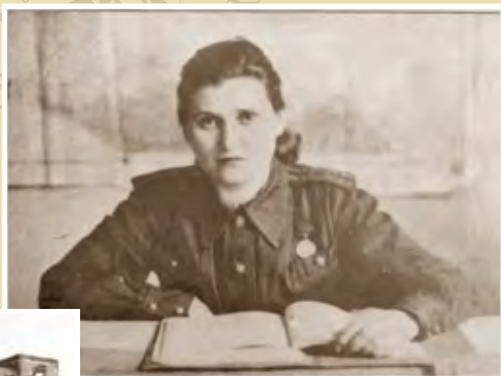

Професор Б.В. Альшин

Л.Т. Малая — помічник
начальника шпиталю №1602 з
медичної частини (1942 р.)

Почесна грамота
Новосибірського облвиконкому
професору Б.М. Хмельницькому
(1944 р.)

Морфокорпус ХМІ по
пр. Леніна, 4 (1944 р.)

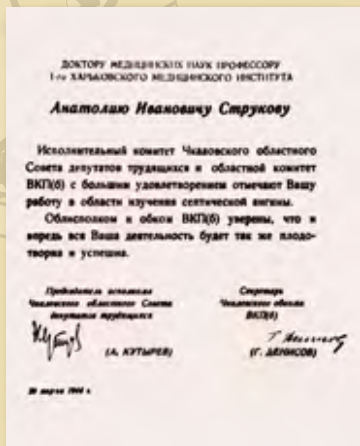
Лист професора А.М. Утевського з м. Фрунзе професору І.М. Буланкіну (1942 р.)

Професор В.Ф. Матвеева — хірург евакошпиталю (1943 р.)

Колективи кафедр епідеміології та мікробіології 1-го ХМІ у м. Чкалові (1942 р.)

Подяка Чкаловського облвиконкому професору А.І. Струкову (1944 р.)

Керівники 1-го ХМІ зі студентами в м. Чкалові (сидить у центрі директор А.М. Гаспарян. 1943 р.)

Першому радянському випуску ХМІ 50 років. Стоять професори І.І. Грищенко (ліворуч), В.М. Жаботинський (праворуч) (1972 р.)

Будівля Харківського медичного інституту (1957 р.)

Найстаріші професори ХМІ. Зліва направо сидять: В.М. Коган-Ясний, Є.К. Приходькова, В.О. Белоусов, Р.Л. Лівшина; стоять: С.Л. Мінкін, П.Ф. Фролов, М.М. Бокаріус, І.І. Грищенко, З.А. Гуревич, Р.Д. Синельников (1951 р.)

Студенти ХМІ з НДР на відпочинку (1964 р.)

Комсомольський актив ХМІ
1950-х років ХХ ст. Стоїть
друга ліворуч — майбутній
професор Л.Т. Киричек

Лекцію читає проф.
В.О. Белоусов (1955 р.)

Професор В.С. Деркач

Професор М.С. Харченко

Майбутній професор-
психіатр І.І. Кутько (у центрі)
на кафедрі анатомії (1957 р.)

Іспит з патофізіології приймає професор Д.О. Альперн (1963 р.)

Ректор проф. В.Д. Черненко приймає заступника генерального директора ВООЗ, випускника ХМІ І.Д. Ладного (1978 р.)

На кафедрі анатомії. Професор Р.Д. Синельников (сидить), доценти І.І. Шапіро (ліворуч), Б.М. Смолкіна (праворуч). 1970 р.)

Доцент І.Ф. Бодня

Урочисті збори колективу ХМІ
1 вересня 1955 р. На першому
плані – майбутні професори
А.Я. Циганенко (другий
праворуч), А.А. Дубинський
(четвертий праворуч)

У президії студентської
конференції. Зліва направо
професор Н.П. Татаренко,
директор доцент І.П. Кононенко,
студент, майбутній професор
І.С. Сміян (1956 р.)

Студентська група майбутніх
професорів О.Я. Гречаніної
(сидить перша ліворуч)
та П.В. Волошина (стоїть
другий ліворуч) (1958 р.)

Зліва направо: професори
Р.Д. Брауде, В.О. Сиворонов,
З.Д. Горкін на студентській
конференції (1957 р.)

Доцент М.Г. Шербань (другий праворуч) — головний лікар зонального штабу студентських будівельних загонів. Перший ліворуч — декан санітарно-гігієнічного факультету М.В. Кривоносов (1975 р.)

Ранок у студентському будівельному загоні. Перший праворуч — студент, майбутній доцент Л.П. Ющенко (1967 р.)

Лікарняний прийом у будівельному загоні «Україна». Лікар — студент, майбутній професор В.О. Коробчанський (стоїть другий праворуч. 1980 р.)

Студенти ХМІ у підшефному колгоспі. Третя праворуч — майбутній старший науковий співробітник Н.Л. Бітчук-Павлова (1962 р.)

Студентська амбулаторія працює. Прийом веде студент 4-го курсу О. Кудиненко (1968 р.)

Студенти А. Жук (стоїть другий ліворуч) та Л. Бокаріус (перший праворуч) з одногрупниками (1966 р.)

Випускник ХМІ майбутній професор С.І. Шевченко на ціліні (1963 р.)

Професор А.М. Утевський

Почесна грамота ЦК ЛКСМУ (1967 р.)

Вчена рада Харківського
медичного інституту (1967 р.)

Виступ професора Г.Л. Дермана
на Вченій раді (1960 р.)

Ветерани Великої Вітчизняної
війни. (Зліва направо — доцент
В.М. Калашник, професори:
В.П. Трубников, Л.Т. Малая,
В.Г. Почепцов, І.Г. Мітасов,
Г.І. Дуденко. 1985 р.)

Допомога практичній
охороні здоров'я. Професор
В.М. Чередниченко серед
лікарів м. Донецька (1962 р.)

Академік О.О. Шалімов

Лекцію читає професор
В.І. Грищенко (1974 р.)

Професор О.З. Цейтлін

На кафедрі нервових хвороб
заняття веде професор
Г.Д. Лещенко. Праворуч
від нього сидять майбутні
професори Є.Г. Дубенко
та П.В. Волошин

Традиційне чаювання колектива кафедри офтальмології зі студентами із Конго. У центрі професор М.О. Пеньков (1988 р.)

Заняття з іноземними студентами веде академік Л.Т. Малая (1985 р.)

Професор В.С. Топузов

Професор М.П. Воронцов консультує стажера з Афганістану Амруллу Хабіба (1979 р.)

Винахідники радяться.
Зліва направо: професори
В.І. Шаповал, В.Т. Зайцев, лікар
О.А. Сороченко (1997 р.)

Лекцію з мікробіології читає
ректор проф. А.Я. Циганенко
(2001 р.)

Інститут загальної
та невідкладної хірургії НАМН
України (в'їзд Балакирева, 1)

Інститут терапії
імені Л.Т. Малої НАМН України
(пр. Постишева, 2а)

Ректор університету професор
В.М. Лісовий з іноземними
студентами (2011 р.)

Обласний клінічний центр
урології і нефрології
ім. В.І. Шаповала
(Московський пр., 195)

Колектив Наукової бібліотеки
ХНМУ. На першому плані
в центрі — директор
І.Ш. Іванова (2010 р.)

Головний корпус ХНМУ
(пр. Леніна, 4)

Науково-популярне видання

ІСТОРІЯ В ІСТОРІЯХ

ХАРКІВСЬКА ВИЩА МЕДИЧНА ШКОЛА У СПОГАДАХ,
ДОКУМЕНТАХ І ФОТОГРАФІЯХ

За загальною редакцією В.М.Лісового та Ж.М.Перцевої

Відповідальний за випуск: *І.В. Летік*
Комп'ютерний набір: *Л.О. Сілаєва*
Дизайн та комп'ютерне верстання: *В.С. Ск!п, А.В. Победіна*

Формат 60×90 1/8. Ум. друк. арк. 24,2.
Тираж 500 пр. Зам. 4/15.

ХНМУ
м. Харків, 61022, пр. Леніна, 4
Свідоцтво субекта видавничої справи ДК № 3242 від 18.07.2008 р.

Виготовлювач «Кроссроуд»
м. Харків, 61001, вул. Плеханівська, 92-а, корп. В, оф. 709, 711
Тел.: (057) 717-32-34
Свідоцтво субекта видавничої справи ДК №1882 від 27.07.2004 р.